

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ

Дмитрий
Медведев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Неординарные достижения и противоречивый характер Черчилля привлекали, привлекают и будут привлекать внимание. В его биографии каждый ищет для себя что-то свое: одних интересует ответ на вопрос, как смогла появиться и состояться такая выдающаяся личность, другие хотят найти в его деятельности секреты успеха, третьи ищут подтверждений своему восхищению или ненависти, а кто-то просто испытывает восторг от изучения волнующих событий его жизни. Всех их — и поклонников, и хулителей — объединяет то, что при соприкосновении с Черчиллем не бывает скучно. Его жизнь захватывает стремительностью, величием, глубиной и непредсказуемостью.

- [Дмитрий Медведев](#)
  -
  -
  - [Глава первая](#)
    - [Взросление и становление](#)
    - [Первый успех](#)
    - [Искатель приключений](#)
    - [По стопам отца](#)
    - [Либеральный политик](#)
    - [Семья](#)
  - [Глава вторая](#)
    - [Первый лорд Адмиралтейства](#)
    - [Первая мировая война](#)
    - [Увлечение живописью](#)
    - [Послевоенное десятилетие](#)
    - [«Мировой кризис»](#)
  - [Глава третья](#)
    - [Против течения](#)
    - [Литературное творчество](#)
    - [«Мальборо»](#)
    - [Переход через пустыню](#)
  - [Глава четвертая](#)
    - [Снова война, снова Адмиралтейство](#)
    - [Грани лидерства](#)

- [Годы разочарований, поражений и ограничений](#)
  - [Война с союзниками](#)
  - [Глава пятая](#)
    - [«Скрытое благословение»](#)
    - [«Вторая мировая война»](#)
    - [Избранный премьер](#)
    - [Последний проект](#)
    - [«Оставь надежду»](#)
  - [Основные даты жизни и деятельности Уинстона Черчилля](#)
  - [Литература](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)

- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)

- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)

- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)

- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)

- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)

- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)

- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)

- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)

- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)

- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)

- [496](#)
  - [497](#)
  - [498](#)
  - [499](#)
  - [500](#)
  - [501](#)
  - [502](#)
  - [503](#)
  - [504](#)
  - [505](#)
  - [506](#)
  - [507](#)
  - [508](#)
  - [509](#)
  - [510](#)
  - [511](#)
  - [512](#)
  - [513](#)
  - [514](#)
  - [515](#)
  - [516](#)
  - [517](#)
  - [518](#)
  - [519](#)
  - [520](#)
  - [521](#)
  - [522](#)
  - [523](#)
-

Дмитрий Медведев Уинстон Черчилль

© Медведев Д. Л., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление,
2022

*

Моей матери посвящается

Я думаю, сэр Уинстон прожил жизнь интереснее многих из нас. Он сыграл немало ролей на жизненной сцене, и сыграл их смело, с неподдельным увлечением. Он мало что упустил в жизни, и жизнь была к нему благосклонна. Он хорошо жил и хорошо играл — ставя на карту самые крупные ставки и всегда выигрывая. Ему нравилась власть, но он никогда не делал из нее фетиша.

Чарли Чаплин

Глава первая
Восходящая звезда
1874–1911

Взросление и становление

В 1905 году в свет вышла первая биография Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля, написанная Александром Маккалумом Скоттом (1874–1928). С тех пор количество книг о британском государственном деятеле превысило отметку тысяча. Особенно выделяется так называемая официальная биография (вошла в «Книгу рекордов Гиннесса»), на создание которой ушло шесть десятилетий и которая состоит из 8 основных и 23 томов документов общим объемом 15 млн слов или 41 тыс. страниц. Сам Черчилль также внес существенную лепту в формирование своего образа. Утверждая в одной из статей — «слова единственное, что остается навеки»^[1], он оставил потомкам колоссальное литературное наследие в 20 млн слов, из которых тексты одних только публичных выступлений (примерно 3 тысячи) занимают 6 млн слов.

Неординарная и противоречивая личность Черчилля привлекала, привлекает и будет привлекать внимание. В его биографии каждый ищет для себя что-то свое: одних интересует ответ на вопрос, как в эпоху социальных преобразований с выходом на сцену масс смогла появиться и состояться такая выдающаяся персоналия, другие хотят найти в его деятельности секреты успеха, третьи ищут подтверждений своему восхищению или ненависти, а кто-то просто испытывает восторг от изучения волнующих событий его жизни. Всех их — и поклонников, и хулителей — объединяет то, что при соприкосновении с Черчиллем не бывает скучно. Его жизнь захватывает стремительностью, величием, глубиной и непредсказуемостью. Причем с самого начала — с рождения.

Черчилль появился на свет в понедельник в половине второго ночи 30 ноября 1874 года в принадлежащем герцогу Мальборо Бленхеймском дворце (Вудсток, графство Оксфордшир). Его рождение застало всех врасплох. Лондонский акушер Уильям Хоуп (1837–1893), который должен был принимать роды, не смог приехать из-за нерегулярного движения поездов в воскресное время, поэтому его в срочном порядке заменил местный хирург Фредерик Тейлор (1831–1909). Родители не успели подготовить новорожденному приданое, поэтому свой жизненный путь будущий премьер-министр начал в рубашонке, которую позаимствовали у жены местного адвоката, также находившейся в положении и разрешившейся от бремени в январе следующего года. Мать нашего героя

леди Рандольф Черчилль, урожденная Дженни Джером (1854–1921), ожидала появления первенца несколько позже, планируя 29-го числа повеселиться на балу. Однако в середине праздника у нее начались схватки. Роженицу попытались отвести в спальню, но боли сделались настолько сильными, что ее пришлось разместить в первой попавшейся комнате. В свое время в этом помещении проживал капеллан первого хозяина Бленхейма, а накануне бала оно было приспособлено под дамскую гардеробную, где среди мехов, муфт, горжеток и шляп и совершилось достопамятное событие.

Примечательными были не только неожиданность, спешка и риск, которые и дальше будут сопровождать Черчилля, но и само место, где он родился. Планировалось, что он появится на свет в Лондоне, поэтому в это время активно шел ремонт в особняке на Чарльз-стрит, куда должны были переехать его родители. Но вместо этого Черчилль родился в Бленхейме — единственном английском замке, который, не являясь собственностью Церкви и Короны, именуется дворцом^[2]. «В наших владениях нет ничего равного ему», — с гордостью признавал король Георг II (1683–1760). Это грандиозное сооружение в стиле барокко из 320 помещений, с собственной капеллой и огромной библиотекой длиной 560 метров было построено в 1705–1724 годах по проекту архитектора Джона Ванбру (1664–1726), работавшего в паре с ассистентом Николасом Хоксмуrom (1661–1736). Свое название дворец получил в честь победы Джона Черчилля 1-го герцога Мальборо (1650–1722) 13 августа 1704 года при швабской деревушке Гохштедт, коммуна Блиндхайм — в отечественной традиции Бленхейм. Черчилль, который писал, что «дворец строг в своей симметричности и завершенности», любил Бленхейм, где для него всегда были зарезервированы комнаты. Именно в Бленхейме он проведет первую брачную ночь. Именно в Бленхейме он будет активно работать над своими лучшими историческими произведениями, два из которых будут посвящены личностям, также связанным с этим дворцом. Именно в Бленхейме он примет «два самых важных решения своей жизни»: родиться и жениться. По словам Черчилля, ему «повезло в обоих случаях»^[3].

Мальборо, Бленхейм, сообщение о рождении в известной газете *The Times* и менее известном *Oxford Journal* — не простой антураж. Все эти символы недвусмысленно говорили о том, что новорожденный является частью бомонда. Черчилли ведут свою родословную с XI века, когда их далекий предок Вандриль де Лион лорд де Курсиль осенью 1066 года вступил на землю Туманного Альбиона в составе войск герцога Вильгельма

Нормандского (1027/1028–1087) и принял участие в судьбоносном сражении при Гастингсе. Впоследствии фамилия де Курсиль (*de Courcil*) была изменена сначала на де Чирчиль (*de Chirchil*), а по прошествии еще некоторого времени — на Черчилль (*Churchill*). Самым известным представителем рода станет князь Миндельхейм в Священной Римской империи, генерал-капитан Джон Черчилль 1-й герцог Мальборо, не проигравший ни одного сражения и захвативший все крепости, которые когда-либо осаждал.

Похоронив при жизни двоих сыновей, полководец не оставил после себя прямых наследников мужского пола, поэтому фамилия Черчилль могла исчезнуть из исторической летописи. Все его владения и титул перешли старшей дочери Генриетте (1681–1733). Все отпрыски последней умерли бездетными, и после ее кончины титул перешел к ее племяннику, сыну ее младшей сестры Энн (1683–1716) — Чарльзу Спенсеру 5-му графу Сандерлендскому и 7-му барону Спенсеру (1706–1758). Известная фамилия сохранилась лишь благодаря решению короля Георга III (1738–1820), который в 1817 году с «целью увековечить имя» 1-го герцога Мальборо разрешил «использовать фамилию Черчилль вместе и после фамилии Спенсер». Отныне потомки «герцога Джона» стали именоваться Спенсерами-Черчиллями, а их герб объединил геральдические символы двух семейств: грифона^[4] Спенсеров и льва Черчиллей. Спенсеры не уступали Черчиллям в своей известности и древности. Первые упоминания о них также приходятся на времена Вильгельма Завоевателя. Считается, что фамилия Спенсер происходит от старофранцузского *despensier* и означает «камердинер, распорядитель». Именно эту должность Роберт Деспенсер занимал при герцоге Нормандском. В 1519 году Спенсеры были возведены в рыцарское достоинство и с тех пор неоднократно вписывали свое имя в британскую историю. Чего стоит только Диана принцесса Уэльская (1961–1997) — яркий представитель знаменитого рода^[5].

Среди Черчиллей на фоне склонных к мотовству предков выделялся дед нашего героя Джон Уинстон 7-й герцог Мальборо (1822–1883), который посвятил себя «службе обществу», занимая посты в разных кабинетах министров, а также являясь членом Тайного совета. Еще больше добился его младший сын лорд Рандольф (1849–1895) — отец Уинстона. Пройдя обучение в Итоне и закончив Оксфорд, он в возрасте 25 лет был избран в Палату общин. Правда, это достижение объяснялось не столько личными качествами начинающего политика, сколько влиянием и финансовой поддержкой отца. Не случайно победа в избирательной гонке произошла в

«карманном» округе Мальборо — Вудстоке.

Лорд Рандольф был эксцентричной, эгоистичной, амбициозной, в меру агрессивной и не в меру остроумной натурой, неуютно чувствовавшей себя на месте заднескамеечника. Вместе с единомышленниками он основал «Четвертую партию», доставляя немало беспокойства как главе оппозиции, так и лидеру тори. При этом он был популярен среди народа и журналистов. В 1885 году его назначили государственным секретарем по делам Индии (министром по делам Индии)^[6], а буквально через год он взлетел еще выше, став канцлером Казначейства (министром финансов) и лидером Палаты общин. Те качества, что возвели его наверх, привели спустя всего пять с половиной месяцев к падению. Поддавшись эмоциям и уверовав в собственную несокрушимость, он вступил в противоборство из-за военных статей расходов с главой правительства и государственным секретарем по военным делам (военным министром). В качестве рычага влияния он использовал угрозу отставки, которая, к его глубокому удивлению, была принята. На этом карьера лорда Рандольфа закончилась. Когда премьер-министра спросили, возможно ли возвращение парии в большую политику, он безапелляционно ответил: «А вы когда-нибудь видели, чтобы человек, избавившись от карбункула, хотел его вернуть обратно»^[7]. Больше никаких постов лорд Рандольф не занимал. И хотя он продолжал до конца жизни оставаться членом парламента, его выступления со временем потеряли былую остроту и популярность. Несмотря на постигшие зазнавшегося политика неудачи, личность Черчилля-старшего оказала существенное влияние на Уинстона. Он хотел быть во многом похожим на своего отца, выбрав в качестве области приложения своих талантов политику, а в качестве средств достижения успеха стиль своего кумира — активность, нонконформизм и ораторское мастерство.

Не меньшее влияние, чем отец, на будущего политика оказала его мать. Хотя Дженни была родом из Нью-Йорка, свое воспитание она получила в Париже, который нехотя покинула и переехала в Англию из-за Франко-прусской войны 1870–1871 годов. Забавно, но отложенным и непрогнозируемым последствием этого военного конфликта, которому поспособствовал один из видных архитекторов Второго рейха Отто фон Бисмарк (1815–1898), стали переезд Джеромов и появление на свет в Британии человека, который многое сделает для крушения Второго и Третьего рейхов. Дженни была любимицей отца — Леонарда Джерома (1817–1891), который был личностью неординарной. Причем не только благодаря своему происхождению — его бабка по отцовской линии была

родственницей первого президента США Джорджа Вашингтона (1732–1799), — но и образу жизни. Он успел послужить консулом в Триесте, побывать совладельцем *New York Times* и «Тихоокеанской почтовой пароходной компании», а также несколько раз переплыть Атлантику на небольших яхтах. Когда он умирал, последними его словами, обращенными к дочерям и внукам, стали: «Я отдал вам все, что имел. Передайте дальше»^[8]. Словно эстафету, Дженни передаст Уинстону оптимизм, энергию и жизнелюбие своего отца, его настойчивость и упрямство, любовь к авантюрам и риску, а также храбрость, стойкость и готовность бороться за свои убеждения. Кстати, если свое первое имя наш герой получил в честь отца «герцога Джона» — сэра Уинстона Черчилля (1620–1688) и деда по отцовской линии, то второе имя — в честь Леонарда Джерома.

Принадлежность к высшему обществу не гарантировала успеха, хотя во многом ему способствовала. Не имея за спиной солидного перечня именитых и древних предков, Черчиллю пришлось бы гораздо сложнее пробираться наверх. Не означало наличие самобытных и пользующихся успехом у высшего света родителей счастливого детства у их отпрысков. Во многом прохладная отстраненность по отношению к собственным чадам диктовалась нормами викторианского общества. Но немаловажную роль сыграл и личностный фактор. Ведь тот же коллега лорда Рандольфа Джозеф Чемберлен (1836–1914) находил время, несмотря на все свои дела, заниматься с сыновьями. В отличие от него Черчилль-старший воспитанием Уинстона себя не утруждал. Он редко навещал его в школе (например, в Хэрроу появился только один раз), а в общении посредством эпистолярного жанра в основном упрекал сына за небрежность, расточительность, зазнайство и безалаберность. «Я уверен, — негодовал он, — если тебе не помешать вести жизнь праздную и бессмысленную, ты превратишься в обычного светского бездельника: одного из тех сотен незадачливых выпускников привилегированных школ, которыми кишит высший свет. Если это произойдет, то винить в своих бедах тебе придется только себя». Подобное отношение могло породить в душе ребенка отчуждение и ненависть к своему родителю. Но произошло все с точностью до наоборот. Черчилль преклонялся перед своим отцом. Он боготворил его в детстве, считая, что «у него были ключи от всего (или почти от всего), что стоит внимания», и всегда с пиететом относился к нему в зрелые годы. В этом отношении очень показателен фантастический рассказ «Сон», написанный им в конце 1940-х. В этом произведении умудренному опыту и увенчанному лаврами политику является дух его

отца, и он с благоговением описывает, что произошло за последние полвека, не обмолвившись ни словом о собственных достижениях. «Я бы очень хотел, чтобы мой отец прожил достаточно долго и смог бы увидеть все, чего я добился в жизни», — признается он однажды младшей дочери. Но этого не произойдет, а желание доказать отцу, что он ошибался относительно способностей своего сына, станет одним из мотивов амбициозного и целенаправленного поведения нашего героя^[9].

По-своему драматично сложились у Черчилля отношения с матерью. Современники восхищались ее красотой, сравнивая Дженни с пантерой и считая, что, если бы она «вся была, как ее лицо, — она могла бы править миром». С такими женщинами приятно общаться и вместе проводить время, но они не созданы для воспитания детей. Неудивительно, что описывая свои чувства к ней, Черчилль говорил: «Я нежно любил ее, но издали». Говоря же о своем восприятии матери, он называл ее «сказочной принцессой — лучезарным существом, всемогущей владычицей несметных богатств»^[10]. Она проявляла больше теплоты в общении с Уинстоном, чем ее супруг, но навещала его также нечасто, предпочитая посвящать себя суете и красоте великосветской жизни. Влияние Дженни станет заметным, когда ее сын подрастет. Она будет выводить его в свет, познакомив с Розбери, Бальфуrom и Асквитом, каждый из которых станет премьер-министром; она будет помогать налаживать и развивать полезные связи, которые пригодятся при устройстве в различные военные кампании, издании книг, а также для начала политической деятельности; она будет поощрять самообразование, щедро снабжая книгами и советами.

Несмотря на черствые отношения родителей, сказать, что Черчилль был одинок в детские годы, нельзя. В этот период в его жизни был человек, который дарил утешение, заботу и нежность — няня миссис Элизабет Энн Эверест (1833–1895). Не в состоянии выговорить полностью слово «женщина» (*Woman*), он называл ее просто Вум (*Woom*) или Вумани (*Woomany*). По его словам, она была его «наперсницей», «езде следовала за мной и всячески меня баловала». Эта любовь была взаимной. Черчилль обожал свою няню, не стесняясь прогуливаться около школы с этой полноватой, скромно и старомодно одетой женщиной под смехи одноклассников, неизменно целуя ее в щечку на прощание. Впоследствии подтрунивающие над ним сверстники подрастут и поймут, насколько отважным нужно быть, чтобы вести себя подобным образом.

Судьба миссис Эверест сложится трагически. Когда родители перестанут нуждаться в ее услугах, беззащитную женщину сначала

переведут ключницей в лондонский дом герцогини Мальборо, которая относилась к ней с неприязнью, называя «ужасной старухой», а потом и вовсе рассчитают. Черчилль был возмущен столь «жестоким и подлым» обращением, заявив, что миссис Эверест «больше чем кто-либо другой ассоциируется у меня с домом» и больше всех его любит. Он требовал «более справедливого и великодушного» обращения с пожилой женщиной, которую фактически выставили на улицу без средств к существованию после «почти двадцати лет преданной службы». Однако ему не удалось восстановить справедливость. Миссис Эверест же тем временем продолжит присылать подарки любимому Уинни, покупая их на свои скудные средства. Впоследствии портрет миссис Эверест будет неизменно висеть в кабинете Черчилля, а сам он оставит о ней следующие строки в одном из своих произведений: «Странная вещь — любовь этих женщин. Возможно, это единственная бескорыстная любовь на свете». Читая однажды «Автобиографию» историка Эдуарда Гиббона (1737–1794), его внимание привлекут рассуждения автора о старой нянюшке: «Если есть кто-то, а такие, я верю, есть, кому в радость, что я живу, благодарить они должны эту женщину». Черчилль перечитает эти слова несколько раз и скажет, подумав о миссис Эверест: «Пусть это будет ей эпитафией»^[11].

В феврале 1880 года в семье произошло пополнение. Леди Рандольф родила второго сына — Джона Стрейнджа Спенсера Черчилля (ум. в 1947 г.). Джек, как все его звали, проживет тихую и незаметную жизнь в тени своего брата, с которым у него сложатся теплые и доверительные отношения. Примерно на это же время в жизни Уинстона приходится другое важное событие — начало образования, которое воплотилось в «зловещей фигуре гувернантки». Женщину звали мисс Хатчинсон. Она вспоминала о своем подопечном, как об «очень решительном мальчике». Когда ему в очередной раз не захотелось выполнять ее указания, он позвонил в колокольчик и потребовал от слуги проводить даму прочь, объяснив, что она «слишком строгая». Забавно, но мисс Хатчинсон также будет гувернанткой у другого известного политика — лидера Лейбористской партии, заместителя Черчилля в коалиционном правительстве, а также его преемника на посту премьер-министра Клементы Эттли (1883–1967)^[12]. Вот уж действительно женщина знала, как воспитывать из мальчиков премьер-министров!

В отличие от своих будущих коллег в правительстве, у Черчилля не было университетского образования, что, однако, не помешало ему стать одним из самых начитанных политиков своего времени. Формальное

образование будущего премьер-министра началось в ноябре 1882 года. Оно ограничилось тремя школами и военным колледжем. Первая школа — Сент-Джордж в Аскоте, которая управлялась преподобным Гербертом Снейд-Киннерсли (1848–1886), предпочитавшим итонскую модель со ставкой на воспитание, — оставила у Уинстона самые неприятные воспоминания. И хотя он убеждал родителей, что «очень счастлив в школе» (будущие джентльмены не должны жаловаться), его учеба в Сент-Джордже стала одним из самых тяжелых периодов в жизни. Постоянно подвергаясь бессмысленным и безжалостным поркам, он называл ее впоследствии «каторгой» и считал, что, если бы его оттуда не забрали — благодаря заботливой миссис Эверест — он просто сломался бы как личность. В 1893 году он вернется в Аскот, чтобы отомстить директору-садисту, но осуществить вендетту не удастся — преподобный скончается в ноябре 1886 года от сердечного приступа^[13].

Вторая школа, которую держали в Брайтоне две незамужние сестры Шарлотта (1843–1901) и Катерина Томсон (1845–1906), оставила более благожелательные воспоминания. В этой школе Уинстон учился с лета 1884-го по апрель 1888 года. Он увлекся плаванием и футболом. И если с первым видом спорта роман продлится всю жизнь, то отношения со вторым останутся на уровне кратковременного увлечения. В дальнейшем Черчилль будет отдавать предпочтение другой командной игре в мяч — поло. Относительно успехов в учебе молодой патриций подтянулся по многим дисциплинам, а по литературе и французскому языку смог даже занять в классе первое и третье места соответственно. Но в целом Черчиллю было далеко до пьедестала отличника. Основные предметы ему давались с трудом, что сказалось при поступлении в среднюю школу. Если бы не принадлежность известному роду и не заступничество отца, то из-за слабых ответов на экзамене в поступлении ему было бы отказано.

Обычно отпрыски одной фамилии учились в одной средней школе. Для Черчиллей таким учебным заведением на протяжении 140 лет был Итон. Но в случае с Уинстоном из-за его слабого здоровья предпочтение было отдано школе Хэрроу, ведущей свою историю с 1572 года и гордившейся именитыми выпускниками — Джоном Байроном (1788–1824), премьер-министрами Робертом Пилом (1788–1850) и Генри Пальмерстоном (1784–1865), не говоря уже о почти шестидесяти членах Палаты общин, которые также учились в ее стенах на момент поступления нашего героя.

Черчилль старался учиться, но получалось не слишком хорошо. Ему по-прежнему тяжело давались математика и мертвые языки — латинский и древнегреческий. Когда ему указали, что для премьер-министра Уильяма

Гладстона (1809–1898) чтение Гомера в подлиннике было наилучшим видом отдыха, он саркастично ответил: «Так ему и надо». В дальнейшем Черчилль признает пользу изучения языков, замечая, что «чтение на иностранном языке расслабляет ум, оживляя его посредством знакомства с другими мыслями и идеями». Сам он отдавал предпочтение французскому языку, который был близок ему с детства. Им в совершенстве владела его мать, а сама Франция всегда оставалась для него самой любимой после Британии страной. В отличие от леди Рандольф Черчилль владел французским с изъяснами. Он мог бегло читать, но в отношении разговорной речи сталкивался с трудностями: ему не всегда было легко понять собеседника, а собеседники в свою очередь не всегда понимали его. Как шутил Шарль де Голль (1890–1970), он даже выучил английский язык, чтобы понять французский Черчилля^[14].

Если говорить об академических успехах Черчилля в целом, то преподаватели жаловались на его «забывчивость, невнимательность и непунктуальность». «Уинстон настолько организован в своей неорганизованности, что я и в самом деле не знаю, что с ним делать», — недоумевал его классный руководитель Генри Оливер Дэвидсон (1854–1914). Преподавательский состав поддерживала леди Рандольф, упрекая сына за «порывистый и непоследовательный» стиль учебы, а также заявляя, что «мы с отцом очень разочарованы». В ответ Черчилль, хотя и признавал свою леность, «невнимательность и забывчивость», жаловался на учителей, объясняя, что не может усваивать материал от тех, «кого я ненавижу и кто отвечает мне тем же». Он не стеснялся поправлять лекторов, если считал, что они неправы, а также дерзить им в ответ. Когда один из учителей отчитал его: «Черчилль, у меня есть очень серьезные основания быть недовольным вами», он тут же парировал: «У меня также, сэр, есть очень серьезные основания для недовольства вами». Потомок герцогов Мальборо был своенравным и строптивым учеником. Когда встал вопрос о продолжении занятий дома, он заявил, что «никогда не учился во время каникул и сейчас не собирается», поскольку это «противоречит моим принципам»^[15].

Поведение Черчилля — отдельная тема. Он постоянно опаздывал (со временем этот недуг станет хроническим), спорил и шлодничал. То его ловили за битьем стекол в школьной мастерской, то он мастерил бомбу из пивной бутылки, от взрыва которой сам же и пострадал — к счастью, отделался легкими ожогами и опаленными бровями. Когда учитель наказал его за кражу сахара из кладовки, он в отместку разорвал любимую

соломенную шляпу обидчика. Очевидцы вспоминали о нем, как о «капризном, рыжеволосом бульдожке», о «замкнутом мальчике, который бродил сам по себе» с видом «гордым и недовольным». Он остался в памяти как непослушный ребенок, который «последовательно нарушал каждое правило» и учеба которого была «одной долгой враждой с администрацией». Несмотря на отсутствие популярности у сверстников, не самые высокие достижения в учебе, а также конфликты с преподавателями, Черчилль был уверен в себе и в своем предназначении. «Наша страна подвергнется страшному нападению, я возглавлю оборону Лондона и спасу столицу и всю Англию от катастрофы», — заявит он одному из одноклассников. Когда тот уточнит, видит ли Уинстон себя будущим военачальником, как его далекий предок, он ответит: «Не знаю, будущее расплывчато, но главная цель ясна. Повторяю: Лондон будет в опасности и я, занимая высокий пост, спасу нашу столицу, спасу нашу империю!»^[16]

За всем этим бунтарством и упрямством стояло нечто больше, чем нежелание учиться, трудиться и общаться. И того, и другого, и третьего Черчиллю было не занимать. Только принятые нормы не позволяли ему реализоваться в заданных стандартах, вынуждая его пробираться вперед своим путем, периодически возмущаясь и огрызаясь. Уже тогда он выбрал своим кредо: «Я люблю учиться, но мне неприятно, когда меня учат». Отставая по основной программе, он все-таки смог добиться значительных успехов в учебе. Благодаря педагогическому таланту Роберта Сомервелла (1851–1933) Черчилль полюбил родной язык, признаваясь впоследствии, что в Хэрроу он впитал его в свою «плоть и кровь». «Никогда не мог поверить, что встречу ученика, который в четырнадцать лет будет испытывать такой пиетет перед английским языком», — не скрывая своего удивления, признавал Сомервелл. Именно в Хэрроу Черчилль начал писать, отметившись эссе о Палестине времен Иоанна Крестителя, эссе о мифическом царе Египта Рампсините — одном из героев рассказов Геродота, небольшой пьесой в четырех актах, «остроумными и великолепно написанными» статьями для местной газеты *The Harrovian*, основательным докладом в 30 тысяч слов о военных кампаниях герцога Мальборо, а также эссе о будущем международном конфликте с пугающе точным обозначением даты его начала — 1914 год^[17].

Помимо любви к английскому языку, Черчилль также увлекся чтением. Его первой книгой стал «Остров сокровищ», затем он попросил мать купить ему иллюстрированный труд генерала Улисса Гранта (1822–1885) «История Гражданской войны в Америке», следующим на очереди стал

роман Генри Райдера Хаггарда (1856–1925) «Копи царя Соломона», который он прочитал двенадцать раз. В Хэрроу Черчилль стал завсегдатаем школьной библиотеки и местного книжного магазина, погрузившись в творчество Уильяма Теккерея (1811–1863), Чарльза Диккенса (1812–1870) и Уильяма Вордсворта (1770–1850). Он обсуждал с преподавателями форму изложения мыслей и литературные приемы Роберта Льюиса Стивенсона (1850–1894), Джона Рёскина (1819–1900) и кардинала Джона Ньюмана (1801–1890). Он победил в поэтическом конкурсе, процитировав без единой ошибки 1200 строк из «Песен Древнего Рима» Томаса Бабингтона Маколея (1800–1859). Отныне в школьных ведомостях рядом с его именем появится буква (p) что означало *prizeman* — призер.

Из других школьных достижений Черчилля выделяется его победа на спортивных состязаниях среди средних школ. Он займет первое место в турнире по фехтованию. Этот успех, как и другие увлечения спортом — плавание, поло и верховая езда — тем более удивительны, что Уинстон не отличался крепким телосложением и здоровьем. Во время учебы у сестер Томсон он едва не скончался от пневмонии. На пике заболевания температура достигла 40,2 °С, и он несколько дней провел в бредовой горячке. Потом у него обнаружили грыжу живота. Учитывая, правда, начальный характер заболевания, лечивший его Уильям Маккормак (1836–1901) посоветовал ограничиться наблюдениями. Операцию сделают только спустя шестьдесят лет в 1947 году. Также Черчилль жаловался на плохое зрение и уже в школе стал носить очки. Гораздо больше проблем, чем грыжа и близорукость, будущему политику доставил кариес. Черчилль будет часто обращаться к услугам стоматолога, уже в Хэрроу лишившись зубов мудрости. Впоследствии, не достигнув и тридцати лет, он распрощается с большинством передних зубов, заменив их протезами. В конце жизни он станет клиентом одного из самых востребованных и признанных стоматологов своего времени сэра Уилфреда Фиша (1894–1974), а протезы ему будет изготавливать зубной техник Дерек Кудлипп.

Несмотря на скромные физические данные своего первенца, лорд Рандольф решил, что дальнейшее будущее Уинстона должно быть связано с военной карьерой. На тот момент этот выбор казался самым приемлемым, как со стороны отца, который здраво рассудил, что среди всех доступных стезей: военного, ученого, финансиста и духовенства первая подходит лучше всего, так и нашего героя, с детства благоволившего соответствующей тематике. Это потом станет понятно, что амбиции Черчилля лежали в отличной от военной области сфере, а пока все остались довольны.

В качестве следующего учебного заведения был выбран Королевский военный колледж Сандхёрст, ведущий свою историю с 1799 года. Черчилль трижды сдавал вступительные экзамены, прежде чем набрал летом 1893 года нужное количество баллов. Да и то, прежде чем предпринять последнюю попытку, родители отправили его к репетитору — капитану инженерных войск Уолтеру Генри Джеймсу (1847–1927), про которого говорили, что его муштра только «круглого идиота» не берет. Уинстон, правда, в свойственной ему манере несколько раз заявил, что зубрежка не для него, но капитан Джеймс нашел подход к трудному ученику и тот все-таки сдал экзамен.

Хотя в этом достижении был привкус горечи. Отец рассчитывал на поступление в пехотный класс, который котиrowался выше и требовал меньше затрат на содержание курсанта. Он также договорился с главнокомандующим британской армией о последующем устройстве сына в 60-й стрелковый (Королевский Его Величества стрелковый корпус). Но его отпрыск не смог набрать нужное количество баллов и поступил в кавалерию, что означало дополнительные расходы на двух строевых лошадей, одного-двух гунтеров и пони для поло. Уинстона в очередной раз подвели математика и латынь^[18]. Впоследствии, правда, Черчилль будет переведен в пехотный класс, но для лорда Рандольфа неспособность его сына сдать на должном уровне экзамен лишь укрепила его убеждение в отсутствии у Уинстона каких-либо талантов. «Отныне я не придаю ни малейшего значения твоим знаниям и подвигам», — упрекнет он его^[19].

Несмотря на строгий режим и напряженный график, учеба в Сандхёрсте Черчиллю нравилась. Возможно потому, что она была ему интересна и он находил ее в «высшей степени практически направленной». Он наслаждался стрельбой из револьвера и винтовки, с удовольствием занимался верховой ездой, с увлечением постигал азы тактики, фортификации и военного администрирования. Также он значительно расширил свою библиотеку, приобретя «Военные операции» генерал-лейтенанта Эдуарда Брюса Хэмли (1824–1893), «Заметки о пехоте, кавалерии и артиллерии» принца Крафта цу Гогенлоэ-Ингельфингена (1827–1892), «Огневую тактику пехоты» Чарльза Блэра Мейна (1855–1914), а также целый ряд других исторических работ о Гражданской войне в США, Франко-прусской и Русско-турецкой войнах. Черчилль обещал родителям подтянуться в учебе и сдержал слово. После трех семестров обучения он занял 20-е место в общем списке из 130 выпускников.

В декабре 1941 года, когда Франклин Делано Рузвельт (1882–1945)

пожалуется британскому премьеру на свое несчастное детство и отсутствие возможности реализовать свои амбиции в Гарварде, Черчилль кивнет и добавит: «Когда я слышу, что кто-то говорит о своем детстве как о самом счастливом периоде жизни, я всегда думаю: „Ну и скучную же жизнь ты прожил, мой друг“». Несмотря на ряд светлых моментов, в целом Черчилль воспринимал свое детство и юношество в мрачных тонах. Оно и неудивительно, если учесть, что в Сент-Джордже его два года пороли с садистским удовлетворением, а в Хэрроу из четырех лет учебы он три года был фагом^[20] и сверстники обращались к нему лишь когда нужно было заправить постель или почистить обувь^[21]. Ситуация несколько изменилась в Сандхёрсте, хотя казарменные ограничения не слишком подходили свободолюбивой натуре внука Леонарда Джерома.

Обучение в Сандхёрсте завершилось в декабре 1894 года. В первой половине следующего года произошло несколько событий, которые ускорили процесс взросления нашего героя. Уход лорда Рандольфа из большой политики совпал с резким ухудшением его здоровья. Из фонтанирующего идеями и остроумия политик он превратился в сгорбленного, высохшего старика, который жаловался друзьям: «Я знаю, что хочу сказать, но не могу это произнести». Исследователи расходятся во мнении относительно его болезни. Одни указывают на сифилис, другие — на опухоль мозга. По словам друзей, Черчилль-старший «умирал публично, дюйм за дюймом», его называли «главным плакальщиком на собственных затянувшихся похоронах», а разрушение его личности — «самым трагичным явлением Палаты общин нашего поколения»^[22]. Жизненный путь лорда Рандольфа Черчилля завершился в Лондоне в особняке матери на Гросвенор-сквер 24 января 1895 года. 28-го числа его похоронили на церковном кладбище Блэдон, неподалеку от Бленхеймского дворца, в котором двадцать лет назад родился его сын.

В начале апреля скончалась бабка Черчилля по материнской линии Клара Джером (род. 1825). 3 июля не стало миссис Эверест. Когда Черчилль узнал о ее болезни — обострении перитонита, он привел к ней врача и нанял сиделку. Последние мгновения он провел с ней. «Наблюдать за ее кончиной было ужасно», — признается он леди Рандольф. Его утешало только то, что «она была рада увидеть меня» и «не страдала», «приняв смерть спокойно». «Она прожила невинную, исполненную любви жизнь, служа другим людям и не мучаясь страхами, — напишет он впоследствии. — Она была мне самым дорогим и близким другом на протяжении всех первых двадцати лет моей жизни». Черчилль организовал

похороны миссис Эверест на городском кладбище Лондона, а также на протяжении многих лет заказывал у местного флориста Коллинза цветы для могилы.

Оглядываясь на «ужасные потери», которые семья понесла за первые шесть месяцев 1895 года, Черчилль написал своей матери: «Мы все умрем: одни — сегодня, другие — завтра. И так будет продолжаться тысячи лет. История человечества — это повествование о бесчисленных трагедиях, и, возможно, самой прискорбной частью бытия является незначительность человеческого горя»^[23].

Философский настрой говорил о том, что юноша повзрослел. Безвременная кончина отца в возрасте 45 лет оказала на него серьезное влияние и определила начало стремительной карьеры. На протяжении какого-то времени Черчилль серьезно будет полагать, что отметка в 46 лет станет роковой и для него, поэтому, если он хочет чего-то достичь — а он хотел — ему следует торопиться. И он устремился вперед со всей неистовостью, энергией, трудолюбием и амбициями, которые уже проявились в нем на тот момент и продолжили определять его поведение и дальше.

Первый успех

Двадцатого февраля 1895 года Черчилль в звании второго лейтенанта был зачислен в 4-й гусарский Собственный Ее Величества полк. Если Хэрроу и Сандхёрст были выбором лорда Рандольфа, то место прохождения службы стало исключительно собственным решением нашего героя. Уинстон должен был начать службу в 60-м стрелковом полку, но из-за своей любви к лошадям, а также считая, что в кавалерии быстрее получить повышение, он не только изменил решению отца, но и смог настоять на своем выборе. За свою долгую и активную жизнь британский политик будет служить в восьми полках: 4-м гусарском, 31-м Пенджабском, 35-м сикхском, 21-м уланском, Южноафриканском легком кавалерийском, Оксфордширском гусарском, Гренадерском гвардейском, Королевском шотландских фузилеров. Однако 4-й гусарский все равно останется самым любимым.

Со свойственным ему нетерпением Черчилль прибыл в казармы до официального начала прохождения службы. Однополчане встретили его хорошо. На следующий 1896 год был запланирован перевод полка в Индию. Для амбициозного второго лейтенанта это была не самая приятная новость. Понимая, что на далеком субконтиненте возможностей отличиться будет немного, он решил не терять время и до переезда в Индию заявить о себе. А как еще это можно сделать военному, если не проявить себя на поле битвы? Только с эпохой жаждущему славу субалтерну не повезло. В тот период преобладал мир. И Черчиллю пришлось потрудиться, чтобы найти место боевых действий. Для поиска приключений он решил отправиться на Кубу, раздираемую партизанской войной местных повстанцев и испанских колонизаторов. Учитывая, что Британия не принимала участия в этом конфликте, то при обычных обстоятельствах попасть гусару Ее Величества на Антильскую жемчужину было невозможно. Но Черчилля знали правильные люди, обратившись к которым он получил официальное задание собрать на Кубе информацию о новом типе пуль и ружей. В устройстве его поездки личное участие приняли британский посол в Испании, глава внешнеполитического ведомства и военный министр Испании, а также главнокомандующий британской армией.

Путь на Кубу лежал через США. 9 ноября 1895 года Черчилль прибыл на родину своей матери, в Нью-Йорк, остановившись в доме ее друга Уильяма Бурка Кокрана (1854–1923). Кокран относился к тому типу людей,

которые сделали себя сами. Эмигрировав в семнадцатилетнем возрасте из Ирландии и зарабатывая себе на жизнь уроками по французскому, древнегреческому и латинскому языкам, он смог получить образование и стать успешным адвокатом (среди его клиентов были *American Tobacco Company*, *International Steam Company*, *New York Central Railroad*, а также родоначальник «желтой прессы» и издатель *The World* Джозеф Пулитцер), конгрессменом и выдающимся оратором.

Личность, подобная Кокрану, не могла не произвести на Черчилля впечатление. Своей матери он характеризовал его как «самого интересного человека, которого я когда-либо видел», добавляя при этом, что у него «можно многому научиться». Кокран также смог разглядеть в молодом госте потенциал, отметив «мощь языка и широту взглядов» собеседника. Он с удовольствием согласится передать ему свой опыт по широкому кругу вопросов, став его ментором. Их общение не ограничилось личными беседами. Сохранилась также доверительная переписка, в которой Черчилль делился своими мыслями, замечая, например, что «обязанность правительств в первую очередь быть практичными», а также, что «среди всех талантов самым редким и ценным» является ораторское мастерство. Впоследствии Черчилль будет неоднократно вспоминать Кокрана и воздавать ему должное в своих мемуарах, статьях и речах, процитировав его даже во время знаменитого выступления в Фултоне. На примере ирландца он поймет, как можно дважды менять партийную принадлежность, сохраняя при этом верность своим взглядам. Общение с Кокраном научит его, что в политике, «как и в природе, края и границы всегда стерты и существует лишь немного линий, которые не смазаны» и которые нельзя переступать^[24].

Помимо общения с Кокраном Черчилль также проявил интерес к американскому образу жизни. Он признавал, что Нью-Йорк «полон противоречий и контрастов». Зато ему понравились трамваи, которые он назвал «идеальной системой, одинаково доступной богачам и беднякам». Также его поразило, что развитие трамвайной транспортной системы происходило не на средства, полученные после «конфискации собственности» или «деспотичного налогообложения», а в результате «простой деловой инициативы». В отношении американского общества он считал, что в нем превалирует практичность, которая «ставится во главу угла, заменяя романтику и внешнюю привлекательность». Негативное впечатление на него произвела американская пресса, главным свойством которой он считал «вульгарность». Впоследствии он выразит свое отношение к американским СМИ емким высказыванием: «Америка:

туалетная бумага — слишком тонкая, а газеты — слишком толстые»^[25].

Пребывание Черчилля на Кубе было непродолжительным — меньше месяца. Он принял участие в нескольких стычках с кубинцами (сражениями их назвать нельзя), получив боевое крещение в день своего совершеннолетия. В одном из эпизодов пуля пролетела на расстоянии вытянутой руки от нашего героя, убив стоящую рядом лошадь. В другой раз пуля застряла в его соломенной шляпе, которой он укрывал лицо во время сна. «Нет ничего более волнующего, чем когда в тебя стреляют и не попадают», — скажет он через пару лет. Сам Черчилль под пули не лез, но прятаться от них также не стал. Матери он признавался, что в одном из столкновений с партизанами он «оказался в самой опасной части поля боя», где «достаточно наслушался свиста и жужжания пуль». За проявленную смелость испанское правительство наградило молодого искателя приключений медалью *Cruz Rosa* — Красный крест^[26].

Несмотря на кратковременное пребывание на Кубе, Черчилль увез с острова две привычки, которым сохранит верность до конца своих дней. Первая — курение сигар. Он начал курить еще в школе, однако «гаваны» распробовал лишь на Кубе. В дальнейшем британский политик будет отдавать предпочтение марке *Romeo y Julieta*. «Куба всегда будет на моих губах», — скажет он во время второго посещения острова, которое состоится спустя полвека после первого визита. Вторая привычка — сиеста. По его мнению, природа не планировала «заставлять человечество работать с восьми утра до полуночи» без отдыха. Достаточно всего полчаса дневного сна для «восстановления жизненных сил». Сам он советовал «не перенапрягать организм» и «в интересах дела или удовольствия, как духовного, так и физического, надвое делить дни и занятия». Один из мифов гласит, что британский политик любил понежиться в постели до полудня. На самом деле Черчилль просыпался обычно в 8 часов утра. Первые часы он, действительно, проводил в постели, читая, диктуя, а иногда и проводя совещания. Ложился он после 2 часов ночи, поддерживая работоспособность дневным сном^[27].

Посещение Кубы также было связано с еще одним важным событием, определившим дальнейшую модель поведения нашего героя. Черчилль стремился занимать активную позицию, заявляя, что «лучше создавать новости, чем принимать их, лучше быть актером, чем критиком». Его поездка не прошла незамеченной. Американские СМИ упражнялись в остроумии и сарказме, задаваясь риторическим вопросом — что делал британский офицер в этом конфликте? Черчиллю подобной популярности

было мало, и он нашел еще одно средство приложения своих талантов. Он решил не только принять участие, но и рассказать о пережитых приключениях, называя публикацию статей «лестницей, которая доступна каждому». «Размести хороший материал, — объяснял он, — и со временем люди скажут: мы должны им обладать»^[28]. Перед отъездом на Кубу Черчилль заключил договор с *Daily Graphic*, написав для издания пять статей, которые были встречены более благожелательно, чем его участие в решении испанских колониальных вопросов. Большая часть гонорара — 25 гиней — была потрачена на покупку нескольких книг на аукционе «Сотбис», включая редкое издание нравоучительных басен драматурга Джона Гея (1685–1732).

Так Черчилль сформировал для себя эффективный алгоритм успеха, которым пользовался на протяжении всей жизни: первое — найти увлекательное событие, второе — принять в нем участие, третье — рассказать о произошедшем, поделившись личным опытом, наблюдениями и выводами. Благодаря этому алгоритму одновременно ковалось два звена популярности, которые взаимно усиливали друг друга — действия и описания действия с фиксацией своей роли и своих достижений.

После возвращения на Туманный Альбион Черчилль потратил оставшиеся до отправки в Индию девять месяцев на выход в свет. Другие однопольчане проводили время в женском обществе, но он находил девушек «страшными и глупыми», предпочтя использовать выпавшую возможность для прогрева и развития связей, которые перешли ему от родителей. Он общался с будущими премьер-министрами: консерватором Артуром Бальфуrom (1848–1930) и либералом Гербертом Генри Асквитом (1852–1928), а также влиятельными банкирами и финансистами, включая Натана Ротшильда (1840–1915), которого нашел «очень интересным и владеющим информацией». Матери он признается, что «очень высоко оценивает встречи с этими умными людьми», диалоги с которыми «значат для меня очень много»^[29].

На тот момент Черчилль уже не испытывал иллюзий относительно военной службы, она продолжала ему нравиться, но свое призвание он видел в другом — в политике. Только для начала политической деятельности, участия в выборах и избрания в парламент ему нужны были деньги. В конце своей жизни лорд Рандольф удачно вложился в южноафриканские рудники, однако после его смерти практически все заработанные средства ушли на оплату долгов. Его сыну пришлось самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, а учитывая, что до 1911 года

члены Палаты общин занимались законотворческой деятельностью на безвозмездной основе, то прежде, чем думать о политической карьере, сначала необходимо было сколотить состояние, которое позволило бы не только оплатить избирательную кампанию, но и не беспокоиться о хлебе насущном первое время.

Средством достижения намеченной цели стал все тот же алгоритм успеха — найти боевые действия, принять в них участие, написать о них репортаж. Первое время фортуна обходила амбициозного субалтерна стороной. Он попытался договориться с *Daily Chronicle*, чтобы попасть специальным корреспондентом на остров Крит, где была замечена повышенная активность. Неудачно. Он захотел присоединиться к военной экспедиции генерал-майора Фредерика Каррингтона (1847–1913) в Матабелеленде (Зимбабве). Снова безрезультатно. Он устремил свой взор на военную кампанию в Судане, которая началась весной 1896 года и была призвана подчинить строптивый регион. Опять провал. Даже влиятельные связи не помогали. Военный министр 5-й маркиз Лансдаун (1845–1927) посоветовал леди Рандольф умерить активность ее сына, который начал своей бесцеремонной жаждой отличиться порядком всем надоедать.

После трех неудачных попыток найти себе достойное применение Черчиллю ничего не оставалось, как проследовать вместе с 4-м гусарским полком в Индию, поездку в которую сам он называл «бесполезной и невыгодной ссылкой»^[30]. 11 сентября 1896 года на борту пассажирского лайнера *Britannia* («Британия») он покинул Саутгемптон и отправился в продолжительное плавание в Индию, Бомбей. Вскоре после приезда гусар в Бомбее началась вспышка чумы, в результате которой половина населения покинула порт, а также практически полностью остановилась торговля. Черчилль чумой не заразится, зато его будет ждать в Бомбее другой неприятный сюрприз. Он так спешил сойти на берег, что в процессе высадки вывихнул себе плечо, полученная травма будет беспокоить его в дальнейшем, доставляя впоследствии массу неудобств. Этот инцидент был показателен не только из-за обычной для Черчилля торопливости, но также из-за неприятностей, в которые он часто попадал. Удачливый в серьезных делах — как то боевые действия или политические бури — ему постоянно не везло в мелочах. Купаясь летом 1893 года в Женевском озере, он буквально чудом не утонул. В декабре 1896 года он травмировал себе колено. Через пару месяцев получил сильный ожог лица в результате длительного нахождения на солнце. В марте ушиб руку, неудачно упав с пони. Затем на стрельбищах попал под обстрел, когда ударившаяся о стальную мишень пуля разорвалась и рикошетом отлетела в его сторону,

повредив руку.

Несмотря на эти казусы, служба в Индии, которую Черчилль нес в гарнизоне Бангалора, была скучна и однообразна. Уинстон расположился в просторном бело-розовом бунгало с черепичной крышей и глубокими навесами на гипсовых колоннах, которое делил с двумя однополчанами. О быте беспокоиться не приходилось. Об этом думали слуги. Впоследствии Черчилль будет материально помогать одному из них вплоть до его кончины в 1959 году. Основное время занимали занятия верховой ездой. Молодой гусар принял участие в скачках, а также увлекся поло, продолжив активно играть и дальше. Однажды он упал с лошади, которая неудачно встала на дыбы как раз в тот момент, когда он, слезая, перекидывал ногу через ее шею. Одному из друзей он признается, что «еще никогда не испытывал такой боли». Не считая этого падения, увлечение поло прошло для политика без лишних травм и позволило спокойно завершить спортивную карьеру в 1927 году.

Помимо верховой езды Черчилль также увлекся разведением роз и лепидоптерофилией. Наблюдая за бабочками, он лишний раз убеждался, что приспособляемость есть основной закон выживания. «Каким образом расцветка защищает бабочку? — рассуждал он. — Отвратительная на вкус бабочка своей броской расцветкой остерегает птицу, чтобы та ее не съела. Сочная, вкусная бабочка спасается тем, что прикидывается сучком или листиком. Они миллионы лет учились этому, а кто не успевал приспособиться — тех поедали, и они исчезали с лица земли». Также, изучая этих насекомых, он отмечал превратности мироздания. «Святость природы исключительно человеческая идея, — делился он своими соображениями с леди Рандольф. — Подумай о красивой бабочке: двенадцать миллионов перьев на ее крыльях, шестнадцать тысяч фасеток в глазу, а размер с клюв птицы. Давай смеяться над судьбой. Это, должно быть, ее развеселит»^[31].

Вспоминая впоследствии службу в Индии, Черчилль писал: «Так бы принцам жить, как жилось нам». Но на момент пребывания в Бангалоре его отношение к своим военным обязанностям было иным. Возможно, служба, действительно, была необременительна. Но разве спокойствия жаждал выпускник Сандхёрста? «Жизнь здесь просто до оупения скучна и неинтересна, а все наслаждения далеко выходят за рамки норм, принятых в Англии, — жаловался он матери. — На каждом шагу тебя подстерегают множество искушений скатиться до животного состояния»^[32].

С такой деятельной натурой, какая была у Черчилля, до этого не

дойдет. Даже в безмятежных условиях колониальной службы он нашел, как можно использовать свободное время для саморазвития. Обладая огромной самоуверенностью — без чего практически невозможны колоссальные достижения, — Черчилль не был чужд самокритичности. Так, отдавая отчет в наличии у себя хороших когнитивных способностей, быстрого ума, цепкой памяти и таланта к изложению мыслей в письменной форме, он не мог не признать серьезные изъяны в отношении полученного образования. Он даже подумывал поступить в университет, однако перспектива обязательной сдачи на вступительных экзаменах древнегреческого или латинского вынудила его отказаться от этого варианта и выбрать путь автодидакта.

Свое обучение Черчилль начал с «Руководства по политической экономии» Генри Фосетта (1833–1884), которое нашел «чрезвычайно интересным» и «наводящим на размышления». Затем он проштудировал восьмитомную «Историю упадка и разрушения Римской империи» Гиббона, оказавшую сильное влияние на формирование его языка и общее отношение к необратимости исторических процессов, пятитомную «Историю Англии» и восхитившие его эссе Маколея. Признаваясь матери, что его «литературные вкусы растут день ото дня» и «если бы не утешение литературой», его пребывание в Индии было бы «невыносимым», он прочитал «Письма к провинциалу» Блеза Паскаля (1623–1662), «Мемуары» герцога Луи де Сен-Симона (1675–1755), «Современную науку и современную мысль» Самюэля Лэинга (1812–1897), «Мемуары графа де Рошфора» Гасьена де Куртиля де Сандра (1644–1712), «Политику» Аристотеля (384–322 до н. э.), «Государство» Платона (428/427–348/347 до н. э.), «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита (1723–1790), «Опыт закона о народонаселении» Томаса Мальтуса (1766–1834). Для лучшего понимания политической обстановки Черчилль изучил трехтомную «Конституционную историю Англии» Генри Гэллэма (1777–1859), а также 27 томов ежегодного альманаха *Annual Register*, фиксировавшего политическую активность в Соединенном Королевстве с 1870 года. Рассматривая какой-нибудь вопрос, Черчилль сначала пытался письменно изложить свою точку зрения, а потом смотрел мнение других. Некоторые из его заметок сохранились. В них содержатся не только его взгляды на тот момент, но и представлены более общие рассуждения, которым он останется верен на протяжении всей жизни. Например: «Милитаризм вырождается в жестокость. Лояльность продвигает тиранию и низкопоклонство. Гуманизм становится сентиментальным и нелепым. Патриотизм скрывает ханжество. Империализм утопает в шовинизме»^[33].

Черчилль и дальше продолжит активно пополнять свой багаж знаний. За один только февраль 1906 года он купит почти 400 томов художественных и исторических произведений. В следующем месяце он привезет из книжных магазинов еще 130 томов. А еще через месяц к ним добавятся 250 томов. Самостоятельное изучение истории, политэкономии и философии даст неоднозначные результаты. С одной стороны, лишенное системности, оно приведет к появлению в его образовании лакун, которые будут порой изумлять современников. С другой стороны, сталкиваясь с незнакомой темой, Черчилль научился рассчитывать на себя, не боясь изучать, осваивать и формировать свое мнение по неизвестному ранее вопросу. Кроме того, воспитанный на иных принципах работы с материалом, он всегда будет выделяться на фоне вышедших из стен Оксбриджа коллег своей интеллектуальной гибкостью, непредсказуемостью, свободой, воображением и смелостью. Признавая полезность и важность высшей школы, а также испытывая сожаление, что сам он был лишен возможности получить стандартное образование, Черчилль указывал на свойственный университетам изоморфизм с порождением касты одинаково мыслящих выпускников, оперирующих схожими ментальными моделями и педагогическими штампами. Например, тот же Оксфорд, писал он брату в 1898 году, «на протяжении длительного времени является пристанищем фанатизма и нетерпимости, защитив больше мерзких ошибок и отвратительных идей, чем любой общественный институт, за исключением разве что католической церкви»^[34].

Расширение кругозора было лишь средством достижения цели — успеха в политике. Другим средством стало обретение популярности и финансовой стабильности. Для этого необходимо было вернуться к выработанному алгоритму и, несмотря на постигшие нашего героя неудачи, все-таки отметить в боевых действиях с описанием пережитого опыта. В начале 1897 года больше всего перспектив сулила Суданская кампания. После получения от ворот поворот Черчилль решил попробовать снова. Леди Рандольф связалась с главнокомандующим египетскими войсками (сирдаром) Гербертом Китченером (1850–1916), который дипломатично сообщил об отсутствии свободных мест. Неудовлетворенный очередным отказом, Черчилль взял трехмесячный отпуск и в марте 1897 года направился в Англию за получением необходимого разрешения. Преуспеть в суданском начинании ему вновь не удалось. Зато он выступил с первой политической речью в Бате 26 июля 1897 года.

Также в Лондоне из газет Черчилль узнал, что на северо-западной границе Индии для подавления местных племен патанов сформирована

Малакандская армия под командованием генерала сэра Биндона Блада (1842–1940). Он уже встречался с Бладом и тот пообещал ему найти место в случае возобновления боевых действий в приграничных районах. Узнав волнующую новость о Малакандской армии, наш герой тут же телеграфировал генералу. После чего в спешке собрав вещи (забыв при этом некоторые из них), он устремился в Индию навстречу приключениям. Ответ Блада был получен лишь в Бангалоре. Мест не было, но генерал согласился взять назойливого лейтенанта (очередное звание было присвоено Черчиллю в мае 1896 года) корреспондентом с последующим устройством в армейские части. Согласный даже на такие условия, Черчилль взял очередной отпуск и направился на север Индии. Как и в случае с Кубой, пребывание на Малакандском фронте было недолгим. Черчилль принял участие в нескольких сражениях — в Мамундской долине, при Домадоле, Загайи и Агре и вернулся в Бангалор в октябре 1897 года.

Понимал ли он, что в каждом из этих сражений его могли убить? Да, но его это не останавливало. «Пули, да они даже не достойны упоминания, — писал он домой. — Я не верю, что Господь создал столь великую личность, как я, для столь прозаичного конца». А если он ошибался? «Что из того», — отвечал на этот вопрос Черчилль. Неудовлетворенный накалом событий, он сам провоцировал судьбу, гарцуя на своей серой лошади на линии огня. Лишь бы его заметили. Война, которая у современного человека вызывает оторопь и отвращение, на тот момент еще не достигла мрачных глубин, давая повод таким, как Черчилль, воспринимать ее как игру и средство продвижения. Он сам говорил, что «играет по высоким ставкам» и «намерен сыграть эту игру до конца». А если он проиграет, значит, ему «не светило выиграть и все остальное». И ради чего? Ради славы, которая, по его словам, «по-прежнему остается самым важным на свете»^[35].

В каком-то смысле Черчилль добился желаемого. Его имя появилось в официальных отчетах, а сам он получил «Медаль Индии». Но ему этого было недостаточно. Поэтому, следуя своему алгоритму успеха, он не ограничился одним лишь участием в боевых действиях, а позаботился о том, чтобы поведать всему миру о своих приключениях со страниц газет. Не размениваясь по мелочам, леди Рандольф обратилась к главному редактору *The Times*. Несмотря на свою дружбу с Черчиллем-старшим, редактор был вынужден отказать поскольку газета уже направила на северо-западную границу Индии своего корреспондента. В итоге контракт был заключен с *The Daily Telegraph*, для которой Черчилль написал в общей

сложности пятнадцать статей. Также удалось договориться с индийской газетой *Allahabad Pioneer* о ежедневной отправки небольших заметок объемом триста слов.

Для большинства публикаций в двух изданиях было бы достаточно. Но уже в молодые годы Черчилль привык выжимать максимум из каждого эпизода своей жизни. Еще находясь на фронте, он решил использовать свои статьи и написать на их основе отдельную книгу — «Историю Малакандской действующей армии: эпизод пограничной войны». Сразу же после возвращения в Бангалор он с головой окунулся в новый проект — активный сбор материалов (воспоминаний старших офицеров и колониальных чиновников, парламентских отчетов) и написание текста. После двух месяцев интенсивной работы по 6–8 часов в сутки Черчилль закончил рукопись. Это была относительно небольшая по меркам нашего героя книга — объемом 85 тысяч слов, которая вышла в марте 1898 года. На тот момент, когда количество издаваемых книг еще не превысило возможностей людей их прочтения, каждая публикация была событием и вызывала неподдельный интерес. С дебютным произведением молодого гусара ознакомились многие представители высшего света, включая премьер-министра и наследника престола. Вряд ли эта работа удостоилась бы внимания столь высокопоставленных персон, если бы ее автор не был сыном леди и лорда Рандольфа (учитывая круг влиятельных друзей и популярность Дженни в свете, ее влияние на восприятие достижений сына к тому времени уже начало превалировать над репутационным наследством ее супруга).

У большинства читателей и критиков, в том числе исследователей жизни британского политика, «История» оставила приятные впечатления и вызвала благожелательные отзывы. Причем вполне оправданно. Это, действительно, хорошая книга. Ее нельзя отнести к шедеврам, но она сочетает в себе легкость изложения с глубиной рассматриваемых вопросов, что делает чтение увлекательным, а размышление над содержанием — полезным. Помимо рассыпанных на ее страницах афоризмов автора: «Нельзя восхищаться природой по доверенности»; «Храбрость не только не зависит от профессии, но не зависит и от национальности»; «В спорте, в проявлении смелости и перед Богом все равны»; «Империализм и экономика вступают в противоречие так же часто, как честность и своекорыстие»; «Предусмотрительность поощряет промедление»; «Где нет веры, нет и предательства» и «В любой момент времени любой вопрос проявляется не только вширь, но и вглубь», в «Истории» подняты как минимум три темы, которые красной нитью проходят через все творчество

Черчилля^[36].

Первая тема — война, к которой Черчилль испытывает двойственное отношение, сохранившееся в дальнейшем. С одной стороны — присущие войне азарт, риск, схватка, кризис, возможности проявить себя, были близки его натуре. Он сам с отсылкой на себя писал, что «есть люди, которые испытывают такую же экзальтацию от близости катастрофы и краха, как другие от успеха; которые бесстрашны в поражении еще больше, чем другие во время победы». С другой стороны — его впечатлительную натуру возмущали такие неизбежные спутники войны, как потери, ранения, лишения, разрушения, которые, будучи замешены на жестокости и потере морального контроля, выводят события за грань человеческого. «Я часто задаю себе вопрос — имеют ли британцы хоть малейшее представление о том, какую войну мы здесь ведем? — писал он своей бабке, герцогине Мальборо. — Само слово „пощада“ давно забыто. Туземцы жестоко пытаются раненых и безжалостно уродуют тела убитых солдат. Наши солдаты также не щадят никого, будь то невредимый или раненый». Своему сослуживцу он признается, насколько возмутили его действия сикхов, которые бросили раненого пленного в печь для мусора, где тот сгорел заживо. Черчилль не привел эти факты в книге, но и скупиться на демонстрацию военных подробностей также не стал. Например, на страницах «Истории» встречается следующий эпизод описания деревни после сражения: «Восемнадцать раненых лежали в ряд в хижине без крыши; лица, искаженные болью и тревогой, казались мертвенно-бледными в утреннем свете. Два офицера, один с раздробленной левой рукой, другой с простреленными ногами, терпеливо ждали, когда с них снимут импровизированные жгуты и хоть немного облегчат страдания. Бригадир в куртке цвета хаки, забрызганной кровью из раны в голове, разговаривал с единственным штабным офицером, в шлеме которого зияла дыра от пули». Без прикрас повествуя о том, что представляет собой война, автор сопровождает текст следующим сардоническим комментарием: «Наиболее страстные поклонники реализма могут быть удовлетворены», намекая тем самым, что даже этих любителей мрачных картин, скорее всего, передернуло бы от увиденного.

Вторая тема — управление. Черчиллю еще только предстоит связать себя с этой сферой человеческой деятельности, но уже в своей первой книге он делает наблюдения, которые помогут ему в дальнейшем. Он указывает на ограниченность человека, отмечая, «насколько мало отдельная личность, несмотря на всю искренность ее мотивов и все величие ее власти, способна на самом деле управлять и контролировать ход

дел». В дальнейшем, заявляя, что ему приходилось действовать в мире «ужасных „если“», он будет констатировать, что бывают ситуации, когда «скрепляющие элементы могут лопнуть одномоментно», и тогда любая «политика, какой бы мудрой она ни была, становится тщетной», тогда «ни скипетр, ни гений-избавитель не властны над событиями».

Третья тема — жестокость мироздания и трагичность человеческого бытия. Несмотря на свой оптимизм, Черчилль всегда признавал и часто размышлял о несоответствии возможностей и потребностей, важности случая, а также кровожадности людей и событий. В своем первом произведении он больше акцентировал внимание на последнем моменте, указывая на то, что «должно вызвать сожаление у философов и причинить боль филантропам»: «внимание многих умов направлено на истребление человеческих особей посредством науки». Также отмечая бесчеловечность общественных процессов, он констатирует, что во время боевых действий «люди рассматриваются, как мишени; противники, сражающиеся за свой кров и землю, — как объекты для атаки, а убитые и раненые — просто как военные потери».

Черчиллю было 24 года, когда он завершил свой первый труд. Разумеется, его опыт был насыщеннее и разнообразнее, чем у большинства его сверстников — он видел, как убивают людей, и, судя по его письмам, убивал сам в пылу сражений, но был ли он достаточно зрел для подобных рассуждений и озвучивания их публично? Он считал — вполне, следующим образом отвечая скептикам: «Если написана чушь, то ни возраст, ни опыт не смогут это исправить, а если правильные вещи, то ни в том, ни в другом эта точка зрения не нуждается». В конце концов, делал он заключение, «теорема Евклида не будет менее бесспорна, предложи ее младенец или идиот».

Есть в книге и размышления автора о своем будущем. Отслужив почти полтора года в 4-м гусарском полку, а также приняв участие в двух военных кампаниях, Черчилль все больше признавал ограничения военной службы, которые не устраивали его свободолюбивую натуру. В отличие от той же политической деятельности, где, как он считал, человек с талантом всегда добьется успеха, карьера военного в гораздо большей степени «подвержена внешним влияниям». Для продвижения необходимо рисковать, но этот риск может закончиться фатально. В то время как «государственный деятель, совершив большую ошибку, может все-таки извлечь для себя пользу», «бесстрастная пуля решает все», — констатирует он. Спустя пару лет он добавит: «Пуля чудовищно неразборчива, голова героя и круп лошади имеют одинаковые шансы стать ее жертвой». С участием в Малакандской

кампании Черчилль еще больше убедился в том, что карьера военного не для него. Его призвание лежит в иной сфере, на то, чтобы попасть в нее, он отныне и направит свои усилия^[37].

Искатель приключений

Публикация первой книги открыла перед Черчиллем новые перспективы обретения популярности и финансового благополучия. Нужно было лишь продолжить писать и потом, подобно Бенджамину Дизраэли (1804–1881), ворваться из литературы на политическую арену. Черчилль серьезно рассматривал такой вариант, подумывая над написанием биографии Джузеппе Гарибальди (1807–1882), полагая, что его «удивительная жизнь не имеет достойного описания»; «краткой и драматичной» истории Гражданской войны в США, а также сборника статей^[38]. Остается только гадать, как бы сложилась его жизнь, если бы он в тот момент замкнулся на истории и публицистике. Скорее всего, учитывая его амбиции, энергию и непоседливость, он все равно оказался бы на политической стезе.

Здорово рассудив, что у него нет времени на сбор материала и погружение в новые темы, он решил идти по торной дороге — принять участие в очередной военной кампании и написать о ней статьи, а может быть и книгу. Лучше всего для этой цели подходила Суданская экспедиция генерала Китченера, куда он уже дважды пытался попасть, и оба раза безуспешно. Неудачи Черчилля не смущали, поэтому он решил попробовать в третий раз. Он задействовал старые связи отца, а также обратился за помощью к матери, советуя ей «заходить с нескольких флангов» и ни при каких обстоятельствах «не принимать отказа». «Сегодня век напористых и пробивных, и мы просто обязаны быть самыми находчивыми и предприимчивыми», — писал он ей^[39]. Леди Рандольф старалась, как могла. Она даже съездила в Каир и лично просила Китченера, получив из его уст вежливый отказ. Позиция сирдара имела основания, которые разделяли и другие командующие. Для них было очевидно, что, несмотря на свои таланты, Черчилль не был командным и дисциплинированным игроком. В то время как военные кампании были направлены на решение конкретных внешнеполитических задач, молодой потомок Мальборо руководствовался лишь личными интересами, думая исключительно о своей карьере, пользе и продвижении.

Судя по его мемуарам, он знал о шлейфе недовольства, которое сопровождало его имя, и причинах этого явления. Но, как в те годы, так и в дальнейшем, мнение других его волновало мало. Для него главным была его собственная жизнь. Он считал участие в Суданской войне

краеугольным эпизодом своей биографии — именно биографии, которую он создавал с таким трепетом и которая, по его мнению, непременно станет предметом изучения будущих историков. Он даже дал им наставление, процитировав обращение Оливера Кромвеля (1599–1658) к своему портретисту: «Изображайте меня таким, какой я есть»^[40].

На конец лета 1898 года было запланировано наступление на столицу дервишей Хартум. Понимая, что времени остается в обрез, Черчилль взял в июне очередной трехмесячный отпуск и отправился в Лондон для решения вопроса о своем устройстве. Молодой лейтенант предпринял поистине титанические усилия, чтобы оказаться в армии Китченера. Он даже лично встретился с премьер-министром, который согласился помочь, отправив запрос генералу через консула в Египте. Но все впустую. Сирдар отказал им всем, дав понять, что это его армия и ему решать, кто в ней будет служить. В отношении египетских частей — да, но в отношении британского контингента свои полномочия были и у Военного министерства. Именно этим различием в правах и решил воспользоваться один из друзей леди Рандольф — Ивлин Вуд (1838–1919), занимавший на тот момент ответственный пост генерал-адъютанта вооруженных сил. В конце июля в 21-м уланском полку скончался лейтенант П. Чапмен, на образовавшуюся вакансию военное ведомство предложило кандидатуру Черчилля. Так практически в самый последний момент он запрыгнул в уходящий на войну поезд. Эта поездка была за свой счет. Поэтому руководствуясь известным девизом Наполеона, что «война должна себя сама кормить», он договорился с руководством *Morning Post* присылать им свои очерки по 15 фунтов за колонку.

В предвкушении сражения при Омдурмане, входящего в состав Хартума, Черчилль ждал наград и верил в свою звезду. Он писал матери о своей неуязвимости и считал, что участие в битве — «одной из самых суровых за последнее время» — сделает его «мудрее и сильнее для продолжения игры». Столкновение сил — 26 тыс. англо-египетских войск против 60 тыс. дервишей — состоялось 2 сентября. Во время сражения Китченер бросил 21-й уланский полк в лобовую атаку на Омдурман. Вместе с другими уланами Черчилль вступил в прямой контакт с противником. Позже он вспоминал, что дервиши сражались самоотверженно, «расстреливая наших солдат в упор, закидывая острыми копьями и безжалостно рубя мечами, выпавших из седел, пока те не подавали признаков жизни». Из-за травмы плеча, полученной при высадке в Бомбее, Черчилль использовал вместо палаша десятизарядный маузер. Ловко уклоняясь от ударов противника, он расстрелял две обоймы, убив

«определенно трех и двоих вероятней всего». На следующий день после сражения он телеграфировал леди Рандольф: «Все в порядке. Уинстон». По его словам, он вышел из сражения «невредимый умом и телом». Признавая, что кавалерийская атака представляет собой «чудовищную азартную игру, в которой никакие индивидуальные меры предосторожности невозможны», он не без гордости заявлял, что «ни один волосок не упал с моей лошади, ни одна ворсинка не слетела с моего мундира». Не всем так повезло. Каждый четвертый улан получил ранение или был убит^[41].

С падением Хартума сопротивление дервишей практически прекратилось. Спустя всего два дня после сражения 21-й уланский полк повернул на север. По дороге в Лондон Черчилль задержался в Каире, где помог своему другу Ричарду Фредерику Молино (1873–1954), пожертвовав часть кожи с внутренней стороны предплечья для пересадки. Когда Молино не станет, Черчилль прокомментирует его кончину следующим образом: «Он забрал мою кожу с собой, неплохой авангард в будущем мире». Спасение боевого товарища было великодушным жестом. Черчилль вообще надеялся, что его участие в сражении при Омдурмане, где он показал себя достойно, будет отмечено должным образом. Но ему лишь вручат Королевскую Суданскую медаль с планкой «Хартум». «У меня было много медалей за приключения и ни одной — за храбрость», — с грустью признается он в конце жизни^[42]. Просто у него будет другой путь обретения славы.

Еще во время перехода к Хартуму Черчилль стал размышлять над использованием опыта Малаканда и написания о Суданской кампании отдельной книги. После участия в боевых действиях он еще больше убедился в правильности этого начинания. Работа была начата в Лондоне, где субалтерн остановился на пару месяцев в доме своей матери, и продолжена в Бангалоре, куда он вернулся в конце 1898 года. Сначала основой сюжета предполагалось сделать сражение за столицу дервишей, однако по мере изучения материалов и свидетельств очевидцев автор решил дать полноценное описание всей кампании и рассмотреть не только кульминационный период 1896–1898 годов, но и предшествующие им события: восстание Махди (1844–1885), а также жестокое убийство генерала Чарльза Гордона (1833–1885), направленного для эвакуации осажденных в Хартуме египтян. С расширением периметра повествования изменился формат изложения. В отличие от хорошо знакомого по очеркам с Кубы и предыдущей работе журналистского стиля, автору пришлось попробовать себя в роли историка. С чем Черчилль успешно справился,

представив на суд читателей добротное историческое сочинение.

В процессе работы над книгой автор посетил весной 1899 года Каир, побеседовав с некоторыми ключевыми участниками военной кампании, а также показав рукопись генеральному консулу Ивлину Бэрингу 1-му графу Кромеру (1841–1917). Несмотря на скромное название должности, этот человек имел огромную власть, фактически единолично руководя Египтом, который хотя и сохранял де-юре подчинение османскому хедиву, де-факто превратился в британскую колонию, именуемую мягко — протекторат. После побед Китченера *Rax Britannica* распространился на Судан, который формально превратился в англо-египетский кондоминиум, а реально стал очередной колонией Британской империи. Личность лорда Кромера, уверенно и спокойно управлявшего беспокойным регионом, произвела на Черчилля огромное впечатление. Впоследствии он признавался, что общаясь с генеральным консулом (они встречались трижды, и каждый раз их беседа длилась не менее полутора часов), он лишний раз понял значение любимой французской пословицы: «Лишь спокойствие дает власть над душами». Лорд Кромер не только нашел время для предметного обсуждения готовящегося сочинения, но и согласился прочесть готовую на тот момент рукопись, дав при этом ряд ценных замечаний.

После возвращения в Англию Черчилль приступил к переделке произведения по результатам бесед с лордом Кромером и другими участниками событий. Завершающая часть творческого процесса была выполнена в Бленхеймском дворце. «Книга забирает всю мою энергию, все мои силы, и сейчас, когда осталось совсем немного, я сгораю от нетерпения поскорее все завершить», — писал он матери из резиденции Мальборо в августе 1899 года. Позже Черчилль скажет, что на первом этапе процесс создания литературного произведения выглядит как приключение, потом книга становится игрушкой и забавой, затем превращается сначала в любовницу, после чего — в госпожу, пока, наконец, не становится тираном, и когда уже кажется, что она одержала верх, автор «убивает этого монстра и швыряет его пубlike»^[43]. Новое произведение — «Речная война: история завоевания Судана» — Черчилль «прикончил» в конце лета 1899 года. Книга получилась объемной — почти тысяча страниц, 250 тыс. слов. «Речная война» вышла в двух томах издании в ноябре 1899 года. Спустя три года была подготовлена сокращенная однотомная версия. Свой первый монументальный труд Черчилль решил посвятить премьер-министру, предварительно заручившись его поддержкой. Речь шла о Роберте Гаскойн-Сесиле 3-м маркизе Солсбери (1830–1903), том самом, который в 1886 году принял отставку лорда Рандольфа, а спустя 12 лет безуспешно пытался

помочь в устройстве его сына в Суданскую кампанию. Несмотря на неприятный эпизод с отцом, Черчилль не питал обиды к пожилому государственному деятелю, всегда демонстрируя ему свое почтение.

Еще со времен школьных заметок для *The Harrovian* Черчилль был знаменит изложением независимой позиции и любовью фиксировать внимание читателей на проблемах, вызванных ошибками вышестоящих лиц. Не ограничиваясь одной лишь критикой, молодой автор также не чурался давать настоятельные рекомендации для исправления ситуации, на что даже его первую книгу злые языки прозвали «Советами младшего офицера генералам». Подобный подход, хотя и позволял выделиться, множил врагов, особенно среди руководящего состава, создавая и укрепляя о нашем герое мнение как о ненадежном человеке. Приступая к работе над «Речной войной», Черчилль не стал менять стиль изложения. «Что может быть восхитительнее правды!» — восклицал он, добавляя, что «для писателя самое главное — быть честным»^[44]. О том, что у каждого своя правда, он тактично умалчивал, направив основной залп диатрибы на личность и решения Китченера. За генерала вступился Альберт принц Уэльский (1841–1910)^[45], который посоветовал молодому автору не опускаться до сведения личных счетов и придать работе объективный характер. Черчилль частично внял просьбе наследника престола, но все равно в книге осталось много мест, где действия командующего подвергались неприятному разбору и негативной оценке. В однотомном издании 1902 года большая часть критических замечаний будет исключена. Примечательно, что в дальнейшем Черчилль скорректирует свое мнение о военачальнике. После начала Первой мировой войны он будет рекомендовать премьеру назначить Китченера военным министром, и его совет будет принят. Впоследствии он напишет о Китченере несколько статей, в которых выразит искреннее восхищение его выдающимися способностями стратега, администратора и лидера, считая его главной бедой огромный груз ответственности, который он взвалил на себя в один из тяжелейших моментов истории, но не выдержал титанических нагрузок.

В остальном, как и в предыдущей работе, «Речная война» содержит множество авторских мыслей, которые впоследствии войдут в сборники афоризмов, например: «Мне неизвестно, как можно отличить лжепророка от настоящего мессии, кроме как по его успеху»; «Большинство людей делают то, что правильно, или то, что им кажется правильным»; «Что может быть лучше и встречаться реже, чем бескорыстный человек»; «Амбиции возбуждают воображение так же, как воображение — амбиции».

Встречаются в книге и типично черчиллевские фразы, передающие его мировоззрение и соответствующие образу лидера времен Второй мировой войны: «Я надеюсь, что когда в нашей стране настанут жуткие времена и когда последняя армия, которую бьющаяся в конвульсиях империя выставит между Лондоном и захватчиками, будет разгромлена и уничтожена, найдутся те, кто не станет мириться с новым порядком вещей и раболепствовать ради выживания после катастрофы».

Одновременно с высказыванием мыслей с афористичной точностью, Черчилль также развивает темы предыдущего сочинения. В части управления он проводит сравнительный анализ лидерского почерка халифов и генерала Гордона. В отношении трагизма бытия замечает, что «все великие движения извращаются и искажаются со временем», а «атмосфера Земли кажется фатальной для благородных стремлений обитающих на ней людей». Так, «симпатия превращается в истерию», «боевой дух — в жестокость», «свобода — в злоупотребления, ограничения — в тиранию», «национальная гордость — в неистовую надменность», «страх перед Господом — в фанатизм и суеверия». Он даже выводит «мрачное правило», согласно которому «все лучшие старания людей, насколько восхитительны ни были бы их ранние достижения, в итоге имеют печальный конец». Касается Черчилль и темы войны. Только если в «Истории Малакандской армии», он хотя и признавал ужасы вотчины Марса и Ареса, но относился к боевым действиям, как к приключению, то в новом сочинении он смещает акценты на мрачные стороны этого явления. Уже в первой главе, сообщая, что книга посвящена «рассказу о кровавых событиях и о войне», он перечисляет реалии военных действий: «капризы фортуны», «битвы, являвшие собой резню», «позорная трусость и безрассудный героизм», «поспешное планирование и медленное исполнение», соседствующие рядом «мудрость и некомпетентность». По его словам, война является «грязным и фальшивым действием, в которое могут играть лишь дураки». Отдельно он указывает на огромное значение технологий, которые в современных войнах становятся важнее личных качеств: «Роль техники настолько велика, что создания из плоти и крови едва ли могут ей что-либо противопоставить, их шансы на победу сводятся к минимуму».

В «Речной войне» появляется также новая тема-лейтмотив — рассуждения о государственном управлении и политическом устройстве. Черчилль выступает против деспотизма, считая, что этот вид власти «не улучшает правителя и не приносит радости подчиненным». В его представлении эта форма правления является разрушающим циклом

положительной обратной связи, когда раздражение низших слоев общества постоянно множится, порождая всякий раз новую волну «подозрительности и жестокости со стороны суверена». Также он осуждает военную диктатуру, указывая на неизбежную «плачевность результатов подобного правления». По его словам, «господство армии в политике всегда ведет к централизации капитала, быстрому обеднению провинций, падению уровня жизни и обнищанию населения; торговля и образование не развиваются, морально разлагается и сама армия, спесь и потворство своим слабостям становятся отличительными чертами военных».

Осуждая деспотизм и военную диктатуру, Черчилль выступает на страницах «Речной войны» убежденным империалистом и сторонником колониализма. Задаваясь вопросом о том, что может быть «благороднее и прибыльнее, чем освоение и избавление от варварства плодородных регионов и больших популяций», он считает, что колонизация несет мир племенам, погрязшим в междоусобице; справедливость там, где раньше господствовала жестокость; богатство, свободу, образование и наслаждения там, где раньше были нищета, гнет, безграмотность и мучения. Признает Черчилль и темные стороны колониализма, правда в качестве их причины указывает не сам процесс, а его исполнителей: «жадных торговцев, неуместных миссионеров, амбициозных солдат и лживых спекулянтов». Говорит ли Черчилль о лишении независимости и сокращении прав покоряемых народов — нет, эти последствия он предпочитает не упоминать ^[46].

Работа над книгой не смогла полностью поглотить деятельную натуру Черчилля. Заявив своей матери, что он «не имеет права задерживаться на прекрасных просторах развлечений», он решил расстаться с армией и посвятить себя политике. В марте 1899 года он покинул Индию навсегда. В следующем году должны были состояться всеобщие выборы, и Черчилль планировал принять в них участие от города Олдхэм, графство Большой Манчестер. Однако в июне скончался местный депутат и в Олдхэме были досрочно объявлены дополнительные выборы. Он увидел шанс и захотел попытать счастья в избирательной гонке. На тот момент ему исполнилось всего 24 года. Не слишком ли он был молод для политической карьеры? Черчилль считал, что — нет. Разве его отец не стал членом парламента в 25? Амбиции, напор, энергия и самомнение потомка Мальборо не могут не поражать, но только одних этих качеств недостаточно для превращения в государственного деятеля. По сути, у Черчилля не было на тот момент политической программы. Он баллотировался от Консервативной партии и называл себя тори-демократом, прикрываясь общими заявлениями о том,

что «главной задачей современного правительства» является «улучшение условий жизни британского народа», и раздавая популистские обещания о том, что в случае его избрания он будет способствовать принятию законов, которые «повысят уровень комфорта и счастья в каждом английском доме». Как именно он собирался исполнять свои обещания, а также каким образом он планирует преодолеть сопротивление влиятельных лиц, чьи интересы задевают иницилируемые им изменения, он не пояснял. Но судя по всему, от него и не ждали этих ответов. Поскольку в целом избиратели его встретили дружелюбно. И хотя он проиграл свой первый забег, отставание было незначительным: 11 477 голосов у Черчилля против 12 770 — прошедшего в Палату общин либерала. Счастливчика звали Уолтер Ренсимен (1870–1949), впоследствии Черчилль будет с ним долгие годы плотно работать в правительстве. В 1938 году Ренсимен примет участие в урегулировании спора между Германией и Чехословакией, поспособствовав заключению одиозного Мюнхенского соглашения^[47].

До следующих выборов оставалось чуть больше года, работа над двухтомником подошла к концу, армейская служба больше не обременяла своими заботами и обязанностями. Другой бы взял паузу и отдохнул, но только не Черчилль. Он снова на всех парах помчался навстречу приключениям. На этот раз — в Южную Африку, где в октябре 1899 года началась Вторая англо-бурская война. Причиной военного конфликта стало открытие в 1886 году на территории бурской Южно-Африканской Республики (Республики Трансвааль) богатейших золотоносных месторождений, которые привлекли большое количество иммигрантов (уитлендеров). Уитлендеры, в основном британцы, были ограничены в гражданских правах, что вызвало недовольство в Лондоне. Конфликт начал обостряться, пока в октябре 1899 года бурские войска не вторглись на контролируемые британцами территории — Капскую колонию и колонию Наталь.

Черчилль отправился в Южную Африку в качестве военного корреспондента. Всегда питавший слабость к техническим новинкам, он планировал взять с собой кинокамеру, однако потом решил ограничиться отправкой привычных очерков в *Morning Post*. Вместе с ним освещать события на другом конце света поехали Редьярд Киплинг (1865–1936), Герберт Уэллс (1866–1946), Артур Конан Дойл (1859–1930), а также основоположник жанра «триллер» Эдгар Уоллес (1875–1932). Не считая Уоллеса, все остальные военкоры были старше нашего героя и к началу Англо-бурской войны уже достигли популярности. Но Черчилль превзошел их всех размером своего гонорара: тысяча фунтов за первые четыре месяца

и по двести фунтов за каждый следующий месяц, и это не считая оплаты расходов. Столь высокие заработки говорили о популярности автора среди издателей, а также о качестве его материалов и их благоприятном влиянии на тираж. Не обошлось, конечно, без связей. Для получения «пропуска всюду» молодой военкор заручился поддержкой влиятельных лиц в Южной Африке, а также встретился с государственным секретарем по делам колоний (министром по делам колоний) Джозефом Чемберленом. Причем встреча состоялась не в ведомстве, а в доме Чемберлена, где опытный политик поделился прогнозом относительно начавшегося конфликта. Он считал, что война будет кратковременной и победоносной. Война, действительно, закончится для Британии победой, но путь к ней будет гораздо более продолжительным и тернистым, чем рассчитывал министр и большинство британского руководства, разделявшего его мнение.

Черчилль также разделял взгляды Чемберлена. Поэтому он хотел как можно быстрее попасть на войну. В Южную Африку он отправился на корабле королевской почты *Dunottar Castle* («Замок Даноттар»). Вместе с ним на борту плыл главнокомандующий генерал сэр Редверс Буллер (1839–1908), а также корреспондент *Manchester Guardian* Джон Блэк Аткинс (1871–1954). В беседах с Аткинсом Черчилль признается, что боится скорой кончины, поэтому он «должен сделать все, на что способен, до того, как мне исполнится сорок лет»^[48]. Следуя своим стремлениям, он захотел попасть в осажденный бурами Ледисмит. Однако, не сумев найти достойного проводника, военкор ограничился участием в разведывательных операциях на бронепоезде неподалеку от Эсткорта. Во время одной из вылазок бронепоезд попал в засаду. Черчилль принял активное участие в расчистке путей, подбадривая своим смелым поведением остальных. Также он убедил машиниста, который получил легкое ранение и хотел скрыться, остаться на боевом посту, заявив ему: «Пойми, в одном сражении пуля никогда не попадет дважды в одну и ту же голову». Из всего состава уцелел только паровоз. Всем места в нем не хватило, поэтому часть солдат побежала рядом с паровозом, укрываясь за его корпусом от обстрела противника. На одном из участков пути паровоз ушел вперед и солдаты отстали. Решив их подождать, Черчилль слез с паровоза. Пока он ждал отстающих, перед ним появилось двое буров. Черчилль хотел начать отстреливаться, но потянувшись к кобуре, обнаружил, что забыл свой маузер в вагоне машиниста. Побежав, он услышал, как вслед раздалось поочередно шесть выстрелов. Одна из пуль задела его, поцарапав руку. Понимая, что дальше так бежать небезопасно, он метнулся в сторону одного из холмов, надеясь найти там укрытие.

Взобравшись по гребню, Черчилль выбежал как раз на неприятельского всадника. Соппротивление было бесполезно. Подняв руки вверх, наш герой закричал: «Сдаюсь!»

Черчилль готовил себя к славному и великому будущему, а вместо этого попал в плен! Его этапировали в Преторию, в государственную образцовую школу, временно приспособленную под тюрьму. Позже Черчилль скажет, что дни, проведенные в плену, стали «одними из самых монотонных и несчастных» в его жизни. В плену он встретил свое 25-летие, написав Кокрану: «Даже страшно подумать, как мало времени остается!» Черчилль все делал быстро, и находиться долго под охраной он также не собирался. Вместе с другими пленными он стал разрабатывать план побега, который не отличался оригинальностью, но манил своей простотой, сводясь к тому, чтобы в удобный момент перелезть через стену. Перед тем, как покинуть свое пристанище, он оставил директору тюрьмы письмо, в котором отметил, что находит его отношение к военнопленным «корректным и гуманным», а также благодарил его за «доброе отношение к моей персоне». Буры не оценили проявленной галантности, объявив за дерзкого англичанина награду в 25 фунтов — «живого или мертвого». Побег Черчилля породил целую серию небылиц, одна из которых заключалась в том, что он бежал, переодевшись в женское платье. Видимо уже тогда сложилось устойчивое мнение, что политики могут бежать только в дамском костюме. Хотя Черчилль тогда еще не был политиком^[49].

Так получилось, что из всех планировавших побег совершить его удалось только прыткому военкору. Весь его провиант ограничился четырьмя плитками шоколада, а вся остальная еда с картой и компасом остались у товарищей за стеной. Учитывая, что до ближайших британских частей было несколько сотен километров, то сбежать из тюрьмы было лишь частью спасения, причем не самой сложной. Гораздо труднее было добраться до своих, перемещаясь по вражеской территории, на которой было разослано свыше трех тысяч ориентировок с подробным описанием внешности и фотографиями беглеца. В том, что произошло дальше, не обошлось без знаменитой черчиллевской удачи. У него был всего один шанс обойти все кордоны, и он его использовал. Покинув незамеченным Преторию, Черчилль забрался в один из товарников, где провел ночь. Ранним утром он покинул поезд и, прячась, пока не стемнело, продолжил пешее движение ночью. После тридцати часов скитаний, голодный и изможденный, он увидел огни жилого дома. Обращаться за помощью было опасно. Но идти дальше уже не было сил. Черчилль решил рискнуть и постучал в дверь. Соврав о себе, он быстро был выведен хозяином на

чистую воду. После этого его должны были арестовать, но нет. Нашему герою вновь повезло. Дом, куда он обратился за помощью, был единственным в радиусе тридцати километров, где проживала пробритански настроенная семья. Они несколько дней прятали Черчилля в заброшенных шахтах, после чего переправили его в одном из товарных вагонов на португальскую территорию. Добравшись до порта Лоренсу-Маркиш, Черчилль сел на пароход и 23 декабря прибыл в контролируемый британцами Дурбан. Его встречали как национального героя. Побег и возвращение Черчилля прозвучали еще громче, поскольку произошли в период так называемой «черной недели», во время которой британцы потерпели подряд три поражения: при Стормберге, Магерсфонтейне и Коленсо.

Популярность Черчилля увеличилась в разы. Понимая, что нужно пользоваться моментом, он лично встретился с Буллером и попросил назначения в армию. Беспардонность этой просьбы заключалась в том, что после Суданской кампании именно из-за критических публикаций Черчилля военное ведомство запретило офицерам сотрудничать с прессой. И теперь получалось, что не желающий прерывать своих отношений с *Morning Post* Черчилль просил об исключении в правиле, которое и появилось из-за него. Буллер наверняка оценил энтузиазм собеседника, однако не стал ему ставить палки в колеса, устроив его в Южноафриканской легкой кавалерийский полк.

Черчилль был счастлив. Возможно даже, это был один из самых счастливых периодов его жизни. Был этот период также и одним из самых опасных. За четыре месяца наш герой принял участие в сорока боях и стычках. В сражении за высоту Спайон-Коп в январе 1900 года во время неудачной попытки деблокирования Ледисмита, когда армия Буллера потеряла 1733 человека убитыми, ранеными и попавшими в плен, Черчилль все пять дней боев находился под огнем. Самым серьезным его увечьем было срезанное пулей перо на шляпе. Не пройдет и месяца, как в другом сражении рядом с ним разорвется шрапнель, убившая и ранившая восемь человек. Черчилля даже не поцарапает. В конце апреля он едва не погиб (или снова не оказался в плену) во время разведывательной операции около Девецдорпа. Едва он спешил, чтобы сделать проход в проволочной изгороди, на него напали буры. Он попытался вскочить на коня, но неудачно. Конь вырвался и поскакал прочь. Черчилль принялся бежать, но от пуль не убежишь. Трудно сказать, насколько долго он сумел бы пробежать, если бы не появившийся рядом с ним верхом один из разведчиков. Черчилль вскочил на коня сзади и вместе со своим спасителем

помчался в безопасное место. Когда они завернули за холм, он с облегчением вздохнул, поняв, что «вновь выкинул две шестерки». «Не думаю, что я когда-либо находился в столь опасной ситуации», — признается он своей матери. Впоследствии, занимая ответственные посты в правительстве, он позаботится, чтобы спасший его всадник — его звали Клемент Робертс — был награжден медалью «За безупречную службу». Когда в 1928 году Робертса не станет, Черчилль направит супруге покойного утешительное письмо и окажет финансовую помощь^[50].

Так же как сначала на Северо-западной границе Индии, а затем в Судане Черчилль демонстрировал пренебрежение к опасностям, словно играя с судьбой в опасную игру, будучи при этом уверен в своей неуязвимости. «Я крепко верю в то, что необходим, и поэтому буду сохранен», — убеждал он близких. Когда его стали просить умерить свою страсть к приключениям, он заявил, что его «нервная система еще никогда не находилась в таком хорошем состоянии». «Я думаю, что пули с каждым днем беспокоят меня все меньше и меньше», — утверждал он в конце февраля 1900 года. «Я прекрасно себя чувствую: мои нервы, мое здоровье и мой дух еще никогда не находились в лучшей форме», — писал он своей тетке в середине мая. Зачем ему было нужно подвергать себя такой опасности? Судя по заметкам в *Morning Post* — для более полного наслаждения жизнью. «Никогда так не ценишь жизнь, как в момент опасности», — объяснял он. Возможно, страсть к приключениям, действительно, обладала для него сильным тонизирующим эффектом. Но не только она одна. Куда больше его подгоняли амбиции. Черчилль понимал, что только на передовой он может обрести опыт и получить факты, отражение которых в его статьях значительно повысит их ценность, а значит, и популярность автора. Это был рискованный путь. Например, брат Черчилля получил ранение в первом же бою, став по иронии судьбы одним из первых пациентов передвижного лазарета леди Рандольф, который она лично организовала на собранные в рамках благотворительности средства. К счастью, ранение оказалось легким. Черчилль назовет ранение Джека «странным капризом фортуны». «Возможно, он просто заплатил долги брата», — прокомментирует Джон Аткинс.

Англо-бурская война значительно превосходила Суданскую кампанию своей жестокостью и количеством потерь. Буры не уступали дервишам в решительности, зато превосходили их в вооружении. В Южной Африке не просто полыхала локальная война, происходило нечто большее — смена эпох, войны прошлого века с их плюмажами, шеренгами, штыками и

саблями уходили в прошлое, на смену им приходили бездушные пистолеты, винтовки и пулеметы. Черчилль одним из первых обратил внимание на произошедшую метаморфозу, убеждая своих читателей, что в нынешних условиях не человек должен служить оружию, а оружие — человеку. Когда «война превратилась в сплошные потери, патроны являются самой дешевой позицией в счете». Не жалейте оружия и боеприпасы, жалейте человеческие жизни — с таким призывом обратился он к читателям и руководству^[51].

О том, что продвижение значило для Черчилля больше, чем приключения, наглядно видно из его дальнейшего поведения. Он не стал испытывать судьбу, принимая участие в сражениях до тех пор, пока не будет достигнута окончательная победа. Он прослужил в армии до промежуточного итога, после чего вернулся в Англию пожинать плоды своей популярности. Заключительным эпизодом его участия в войне стал захват в июне 1900 года Претории. Черчилль одним из первых вошел в столицу Трансвааля, не без гордости освободив пленных из Государственной образцовой школы и подняв на флагштоке «Юнион Джек» — первый за последние 12 лет с момента начала Первой англо-бурской войны. Уже через месяц он вернулся в Англию. Отплывая 7 июля из Кейптауна на все том же *Dunottar Castle*, Черчилль прощался с Южной Африкой навсегда. Впереди его ждало большое будущее. Но об этом он еще не знал, хотя и был в этом уверен. Так же он не знал о том, что ему еще предстоит оказаться на фронте, но из всех войн, на полях которых он будет непосредственно сражаться, на Англо-бурской войне он пробыл дольше всего.

Понимая, что успех надо развивать, Черчилль решил опубликовать об Англо-бурской войне книгу. Он даже задумался о пьесе, но отказался от этой идеи. Да и на книгу он не стал тратить много времени. В отличие от «Речной войны», в этот раз он решил не описывать историю конфликта, просто собрав свои корреспонденции для *Morning Post*. Материалов оказалось так много, что их пришлось разбить на два фолианта. Первый — «От Лондона до Ледисмита через Преторию» вышел в мае 1900 года, когда автор еще сражался на войне. Второй — «Поход Йена Гамильтона» поступил в продажу в октябре. Книги пользовались популярностью и даже переиздавались, принося автору неплохой доход. Скомпилированные на скорую руку, они легко читаются, но уступают своим предшественникам. Если они и остались в истории, то благодаря последующим достижениям их автора, а также некоторым афоризмам. Например, «Нелегко умирать, когда смерть близка»; «Насколько мало людей достаточно сильны, чтобы

противостоять мнению большинства»; «Когда исчезает надежда, исчезает и страх»; «Новые обстоятельства требуют и новых планов»; «Если представление обещает быть успешным, нужно класть голову в пасть льва»; «Просто удивительно, насколько хорошо люди умеют хранить секреты, о которых им ничего не известно»; «Во время шторма следует доверять человеку у штурвала»; «Успех достигается не благодаря правилам, а вопреки им»^[52].

На 1900 год пришлось еще одно литературное событие в жизни Черчилля. Пока он сражался в Южной Африке, в начале февраля вышел его роман «Саврола» (объем 70 тысяч слов). Для нашего героя это было первое произведение в таком жанре. Оно же окажется и последним. Черчилль начал работу над романом летом 1897 года, еще до поездки в Малаканд. Однако работа постоянно откладывалась и прерывалась. Черчилль считал, что этот роман, который, по его словам, был «полон диких приключений и атеистических рассуждений», будет «привлекателен для всех: от ценителей философии до любителей кровавых сцен». Он ошибся. «Саврола» — слабое произведение с банальным сюжетом, неубедительными диалогами (особенно любовными), предсказуемой сюжетной линией и прямыми дугами развития персонажей. Неудивительно, что сам Черчилль по прошествии лет не советовал друзьям читать этот опус.

Несмотря на строгость оценки автора и объективные недостатки самого текста, всем, кто увлекается биографией британского политика, этот роман будет интересен. Хотя бы даже потому, что в нем раскрывается внутренний мир человека, который готовил себя к великим свершениям и добился их. Черчилль позиционировал протагониста, как свое *alter ego*, заявляя, что «в уста героя вложена вся моя философия». Его, действительно, очень многое объединяет с Савролой — прирожденное лидерство, пренебрежение опасностями, романтизм и неопытность в отношениях с женщинами, одинаковый круг чтения, понимание ценности слова и умение его использовать для оказания влияния. Несмотря на явные сходства, у автора и его главного героя есть серьезное отличие. В период работы над романом Черчилль увлекся философией, поддавшись флюидам обреченности и пессимизма. «Смерти подвластны все — и победители, и побежденные, — говорит Саврола. — Угаснет огонь жизни, и животворный дух иссякнет. Вселенная гибнет и погружается в холодный мрак полного небытия». «Совершенное развитие жизни закончится смертью, — вторит ему автор, — вся Солнечная система, вся Вселенная однажды станут холодными и безжизненными, словно угасший фейерверк»^[53].

Проникнувшись подобными рассуждениями, начинаешь ценить созерцание вместо действия. Осознание напрасности стремлений и бесполезности изменений обездвиживает. Поэтому шумихе общества Саврола предпочитает уединение и наблюдение за небесными телами в собственной маленькой обсерватории, а борьбе за власть и реализации тщеславных планов — личное счастье с любимым человеком. Правильнее говорить, что Саврола не *alter ego* Черчилля, он тот, кем Черчилль мог бы стать при определенном стечении обстоятельств. Но не стал. В отпрыске лорда Рандольфа было слишком много энергии, жизни, авантюризма и культа действия, чтобы раствориться в пассивности и рефлексии. В нем навсегда сохранится любовь к размышлениям с периодическим спуском к мрачным водам беспросветности бытия, но в нем слишком много было оптимизма и созидательного начала, чтобы задерживаться на этих берегах продолжительное время.

Стоит ли после этого удивляться, что, не успев 20 июля 1900 года сойти с борта корабля, Черчилль тут же окунулся в горнило политической борьбы. Осенью должны были пройти всеобщие выборы, поэтому следовало торопиться, чтобы попасть в парламент. Черчилль решил снова баллотироваться от Олдхэма. Он был знаменит. О нем писали газеты и журналы, его речи цитировала *The Times*, в его поддержку перед избирателями выступил Дж. Чемберлен. С точки зрения его политической программы за прошедший год мало что изменилось. Все так же красиво звучащие слова без предложения конкретного плана действий по улучшению ситуации. Но для избирателей, похоже, это вновь было не важно. Не без влияния военных приключений молодого кандидата они согласились дать ему возможность представлять их интересы в парламенте. Хотя борьба была напряженная. Проигравший на этот раз Ренсимен уступил нашему герою всего 222 голоса, набрав 12 709 против 12 931.

В октябре 1900 года Черчилль стал членом Палаты общин. Фактически с этого момента берет начало его политическая карьера. До открытия новой сессии оставалось два месяца, которые можно было использовать для отдыха и подготовки. Большинство так бы и поступило. Но у Черчилля был свой путь. Понимая, что для обретения независимости и противостояния искушениям в политической деятельности ему нужен капитал, он решил использовать свою популярность и заработать дополнительные средства. Книжки и так приносили неплохой доход. Поэтому он обратился к лекциям, поведав о своем опыте, а также рассказав о своем видении текущей военной и политической ситуации. Для привлечения как можно больше аудитории он задействовал свои связи и обеспечил присутствие на лекциях

известных персон. Так, во время первого выступления в Лондоне его представлял главнокомандующий британской армией фельдмаршал Гарнет Уолси 1-й виконт Уолсли (1833–1913), в Эдинбурге — бывший премьер-министр Арчибальд Примроуз 5-й граф Розбери (1847–1929), в Бирмингеме — парламентский секретарь Совета торговли Уильям Уорд 2-й граф Дадли (1867–1932), в Ливерпуле — экс-министр Фредерик Стэнли 16-й граф Дерби (1841–1908), в Белфасте — бывший вице-король Индии Фредерик Гамильтон-Темпл-Блэквуд 1-й маркиз Дафферин и Ава (1826–1902), в Дублине — лорд-канцлер Ирландии Эдуард Гибсон 1-й барон Эшборн (1837–1913). Лекционный тур прошел с 30 октября по 30 ноября. В среднем Черчилль получал за выступление 130 фунтов, заработав за месяц приличную сумму — 3800 фунтов.

Третьего декабря открылась новая сессия в парламенте. Черчилля на ней не было. Он продолжил заработки, отправившись 1-го числа в США. В Новом Свете он встретился с губернатором Нью-Йорка, будущим 26-м президентом Соединенных Штатов Теодором Рузвельтом (1858–1919), произведя на него неблагоприятное впечатление, а также несколько раз померился в интеллектуальном поединке с Марком Твенем (1835–1910). Расстались они дружелюбно. Писатель подарил ему двадцатитомное собрание своих сочинений, оставив на первом томе памятную надпись: «Творить добро — благородно, учить других творить добро — еще благородней и менее хлопотно». Во время выступления в Мичиганском университете Черчилль дал интервью репортеру местного журнала, в котором помимо военных рассказов также поделился своим отношением к журналистике. Помимо важности проверки цитат и активного использования синтеза — «Чем больше объединяешь, тем более качественный продукт получишь», он также предупредил об опасности погони за сенсациями. Вместо поиска жареных фактов, «каждое стремление журналистов должно быть направлено на грамотное изложение мыслей на чистом» языке, который, по его мнению, в последнее время засоряется ненужными словами и утрачивает целостность^[54]. Несмотря на ряд приятных встреч и увлекательных бесед, в целом американский тур оказался неудачным. И хотя Черчиллю удалось заработать вполне солидную сумму — 1600 фунтов (для сравнения — лекционный тур Оскара Уайльда в США принес драматургу всего 1178 фунтов), по сравнению с выступлениями на Туманном Альбионе результат разочаровывал. Отчасти это было связано с работой импресарио — майора Джеймса Понда (1838–1903), с которым Черчилль даже вступил в конфликт, ругая его за выбор неудачных площадок и обвиняя в несправедливом распределении доходов.

Отчасти — с общими настроениями, превалировавшими в США. Американцы больше сочувствовали бурам, чем имперским амбициям британцев.

Для Черчилля период двух лекционных туров выдался насыщенным — на протяжении трех месяцев он почти ежедневно выступал в новом месте, постоянно переезжая и практически не ночуя две ночи в одной постели. Но затраченные усилия не прошли даром. В целом за свои книги, статьи и лекции молодому искателю приключений удалось заработать 10 тыс. фунтов, что соответствовало четырем годовым окладам младшего министра Кабинета. Черчилль передал свой капитал другу отца банкиру Эрнесту Джозефу Касселю (1852–1921), процитировав Священное Писание: «Паси моих овец»^[55]. Какое-то время он мог не думать о деньгах, полностью посвятив себя политике. 22 января, когда Черчилль находился в канадском городе Виннипег, в поместье Осборн на острове Уайт скончалась королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и императрица Индии Виктория (род. 1819). Спокойно и тихо одна эпоха передала эстафету другой. Мир вступил в новый век. Выступив 31-го числа с заключительной лекцией в нью-йоркском Карнеги-холле, Черчилль сел 2 февраля на пароход *Etruria* («Этрурия») и направился в сторону Англии, где его ждали новый мир и возможности.

По стопам отца

В День святого Валентина — первый в новом XX веке — британский парламент возобновил работу после кончины монарха и восшествия на престол Эдуарда VII. Черчилль выбрал место в Палате общин, которое шесть лет назад занимал его отец. Несмотря на свою молодость — 26 лет, у него уже были популярность, достижения и признание. Был у него и опыт публичной деятельности, а также общения со старшими по возрасту и положению джентльменами. Несмотря на приобретенные навыки, он оказался в начале политической карьеры в незнакомой среде. Его окружали люди, которые по своему кругозору, проницательности, изворотливости и хитрости на порядок превосходили всех, с кем ему приходилось иметь дело до этого. Да и проблемы, в решении которых он планировал принять участие, по своей сложности, неоднозначности и непредсказуемости последствий не имели ничего общего с тем кругом вопросов, которые занимали его раньше. Что Черчилль с его молодостью и неопытностью мог противопоставить столь враждебным условиям?

В его арсенале было три орудия, которые сделают его знаменитым. Первое — амбиции. Другой бы осторожно осмотрелся, нашел бы для себя комфортное место и закрепился бы на нем. Но Черчилль хотел добиться оглушительного успеха и добиться его как можно раньше. В 1880 году после общения с Розбери его коллега Чарльз Дилк (1843–1911) записал в дневнике: «Я пришел к заключению, что Розбери — самый амбициозный человек, которого я когда-либо встречал». Перечитывая эти строки спустя годы, он сделает на полях заметку: «До тех пор, пока не познакомился с Уинстоном Черчиллем». Сам термин «амбиции» имеет негативную коннотацию, а демонстрация их в обществе — не приветствуется. Но Черчилль не скрывал своего естества. «Амбиции — моя единственная опора», — писал он матери в январе 1899 года. «Амбиции — главная движущая сила», — утверждал он в «Савроле»^[56].

Второе преимущество Черчилля — его поглощенность и увлеченность работой. Он был настоящим трудоголиком и не стеснялся этого, неоднократно заявляя, что «ни один человек не имеет права на лень» и «ни один день не может быть потерян». Даже в дороге или на отдыхе Черчилль всегда был чем-то занят — что-то читал, писал, обдумывал текст очередного выступления, статьи или меморандума. Отправляясь куда-то, он неизменно брал с собой металлические ящики с документами, книгами и

письменными принадлежностями и продолжал работу даже в поезде. Его съемная квартира на Маунт-стрит, 105, которую он арендовал после возвращения из Южной Африки и в которой провел следующие пять лет, была завалена книгами. Книги были везде — даже в ванной комнате. Одни смеялись, что «Уинстон буквально спит с энциклопедиями». Другие удивлялись, когда вообще он «отдыхает или спит»^[57].

Третье, что отличало молодого депутата — ораторское мастерство. В отличие от большинства политиков, он никогда не обращался к услугам спичрайтеров, сам готовя тексты своих речей. Черчилль очень ценил этот талант, считая его одним из самых важных в своем патронташе. Когда ему было 22 года, он написал эссе «Леса риторики», в котором отметил, что обладатели этого таланта представляют «независимую силу» и обладают властью больше, чем у могущественного короля. «Его может бросить партия, предать друзья, он может лишиться должностей — но при всем при этом его власть будет значительна», — утверждал Черчилль, который сам пройдет через все это и в карьере которого будут периоды, когда его единственным союзником будет слово — устное и письменное.

Принято считать, что ораторское мастерство основано на харизме и относится к прирожденным качествам. Но пример с Черчиллем показывает, что успех публичных выступлений определяют упорство, труд, подготовка и практика. Еще в «Савроле» он отмечал, что «удачные экспромты ораторов существуют лишь в воображении публики, в то время как цветы риторики — тепличные растения»^[58]. Но дело не только в запоминающихся фразах и оборотах, некоторые из которых политик отбирал и собирал по несколько лет. Сама подготовка к выступлению требовала значительных усилий. Сначала Черчилль самым тщательным образом изучал предмет, читая книги, статьи, документы, а также консультируясь со специалистами. Затем он писал текст, оттачивая каждую фразу. После этого он репетировал само выступление, обычно перед зеркалом или принимая ванну, заучивая текст наизусть. Однажды во время одного из выступлений в Палате общин (апрель 1904 года) он запнулся и не смог вспомнить продолжения, вынужденный с конфузом сесть на место. Чтобы впредь избежать подобное унижение, отныне он всегда имел при себе распечатанный вариант. Столь тщательная подготовка и зубрежка речей наизусть определяли стиль Черчилля-оратора и ограничивали его в дискуссиях, в которых он уступал более раскованным и умеющим импровизировать коллегам. Зато он превосходил их качеством своих текстов, которые и сегодня читаются с интересом.

Все перечисленные три момента — амбициозность, трудоголизм и ораторское мастерство — повлияли на первый шаг Черчилля в Палате общин. Обычно новичкам требуется несколько недель, а то и месяцев, чтобы освоиться и выступить с первой речью. Нашему герою хватило четырех дней. Он взял слово уже 18 февраля, выступив с довольно большой для первого раза речью в 3200 слов. Черчилль говорил об Англо-бурской войне, задев многих однопартийцев фразой: «Если бы я был буром, я бы сражался на поле боя». «Вот так и выбрасываются на ветер парламентские места», — прошептал на ухо своему соседу Джозеф Чемберлен, когда Черчилль сел на место. В отличие от Чемберлена выступление начинающего депутата в целом было встречено благожелательно. О нем написало двадцать изданий, подчеркнув, что молодой политик «обладает интеллектом, имеет собственную точку зрения, а также умеет думать»^[59].

Сразу заявить о себе было хотя и рискованным, но в целом правильным шагом. Только ни подобная тактика привлечения к себе внимания, ни рассмотренные выше преимущества не отвечали на главный вопрос, который стоял перед нашим героем — как найти свой путь успеха среди более опытных коллег. Самое лучшее это научиться у кого-то или взять чью-то модель поведения за основу. Для этого можно было примкнуть к какому-нибудь влиятельному лицу и, учась у него, сформировать свой стиль. Это был долгий процесс, связанный с унижениями и не гарантировавший успеха. Черчилль не хотел ждать. Поэтому он выбрал в качестве основы модель поведения того человека, которому доверял и от которого не зависел — своего отца.

Идя по стопам отца, Черчилль начал свою политическую деятельность с вопроса, на котором оборвалась карьера лорда Рандольфа — расходов на британскую армию. Это была опасная тема, в которой, даже излагая правильные взгляды и давая дельные предложения, оказываешься в проигрышной позиции всякий раз, когда суверенитет страны ставится под угрозу и начинается поиск причин низкой боеспособности вооруженных сил. К тому же шла война. Но Черчилля это не смутило. Он с открытым забралом устремился в бой и одержал победу. Предложения военного министра Уильяма Сент-Джона Бродрика (1856–1942), ратовавшего за увеличение бюджета, были после нападок Черчилля дополнительно рассмотрены правительством и приняты нецелесообразными, а их автор впоследствии переведен в Министерство по делам Индии.

Разбирая позицию Бродрика, Черчилль высказал несколько зрелых суждений. Например, он отметил, что есть другие способы

реформирования помимо простого увеличения расходов. Также заслуживают внимания его мысли о европейской войне, к которой с беззаботной легкостью апеллировали его оппоненты, не понимая истинного масштаба трагедии этого жуткого явления. Ставя на место недалековидных и неискушенных в военных преобразованиях коллег, он заявил, что европейская война превратится в «душераздирающую бойню», для победы в которой придется «призвать все мужское население страны, задействовать всю промышленность, направить на достижение одной-единственной цели каждое усилие нашего общества». «Войны между народами будут гораздо ужаснее, чем войны между королями», — предупредил новоиспеченный депутат и оказался прав^[60]. Как бы ни шипели его критики, но Черчилль умел произносить цепляющие фразы и уже тогда тексты его выступлений выделялись своим качеством. Он это знал и использовал для своего имиджа, собрав шесть выступлений и издав их в виде отдельного сборника — «Армия мистера Бродрика», который вышел в апреле 1903 года.

Несмотря на публикацию сборника и одержанную локальную победу, кампания против военных расходов была в долгосрочной перспективе проигрышным демаршем. Последующие десятилетия покажут, что армия Британии была нужна, особенно в европейской войне. Но для Черчилля это было неважно. Он следовал курсу отца. Не случайно в первом выступлении против инициативы Бродрика он принялся зачитывать фрагменты из писем лорда Рандольфа премьер-министру по схожему вопросу, говоря также, что своей критикой он поднимает «разорванное в клочья знамя экономии»^[61], которое выпало из рук его отца. Учитывая, что после своего возвращения из Южной Африки летом 1900 года наш герой призывал укреплять британскую армию и оснащать войска современными видами вооружения, что было невозможно без соответствующего финансирования, а в последующие годы активно способствовал укреплению и развитию сухопутных частей, главная цель, которую стремился поразить Черчилль в кампании против Бродрика, состояла не в сокращении военных расходов, а в поиске своего пути наверх. Пока он делал это опираясь на опыт отца. Его отец ратовал за сокращение военных расходов, и он тоже. Его отец продвигал идею демократии тори с заботой о народе, и он тоже, направившись, как мы увидим дальше, на пастбища социальной политики. Его отец создал в палате общин «Четвертую партию», и он тоже, объединив своих единомышленников в парламентскую фракцию «Хьюлиганы», получившую имя в честь младшего сына премьер-министра и друга нашего

героя Хью Гаскойн-Сесиля (1869–1956), будущего барона Квиксвуда, хотя иначе как «Хулиганы» ее никто не называл. Его отец мечтал и боролся за создание общенациональной партии, и он тоже, став демиургом партии центра, которая бы объединила консерваторов и либералов, «одновременно лишенная омерзительного себялюбия и бессердечия тори, с одной стороны, и слепых appetitов радикальных масс — с другой»^[62]. Для более подробного изучения опыта лорда Рандольфа начинающий парламентарий взялся за написание его биографии.

Очередное обращение к творчеству принципиально для понимания личности Черчилля и ее восприятия в истории. Он относился к той редкой категории людей действия, которые также знамениты интеллектуальными достижениями. С материальной точки зрения обращение к перу и бумаге было важно для содержания сначала себя, а потом и семьи. В этом отношении интересно отметить, что, отдавая всего себя политике, Черчилль, которого большинство воспринимает исключительно в качестве государственного деятеля, на самом деле всегда оставался профессиональным писателем (в понимании профессии, как вида деятельности, приносящего основной доход). Но помимо материальных благ обращение к письменному слову было важно и по другим причинам. Во-первых, Черчилль получал от творчества огромное удовольствие, сравнивая свои литературные опыты с «золотой рыбкой в стеклянном сосуде, который рыбка сама себе и создала». «Этот сосуд всегда с тобой, — объяснял Черчилль. — В дороге он не расплескивается, и с ним никогда не скучно. То надо протереть стекло, то добавить или убавить содержимое, то укрепить стенки». Во-вторых, «вечноцветущая страна литературного творчества» служила отдушиной от грязных и нервных политических будней. Даже в самый беспросветный период он знал, что «путь к отступлению» ему не отрезан. Он был спокоен потому что у него было место, «где ни один негодяй не сможет мне досадить, где мне никогда не придется скучать или сидеть сложа руки». В-третьих, эта стезя гарантировала относительную независимость. «Немногие так свободы, как писатели», — признавал Черчилль. Для творчества им не нужны ни сложные технические устройства, ни людской труд, ни первоначальный капитал. «Они суверены своей империи, самостоятельны и самодостаточны, — констатировал потомок герцога Мальборо. — Перо — великий освободитель людей и стран». В-четвертых, литературный труд относится к тем волшебным видам человеческой деятельности, которые помогают разорвать физические оковы, построив туннель в будущее и продлив жизнь отдельной, честолюбивой, не желающей мириться с

бренностью бытия личности. Все материальные объекты рано или поздно исчезают — «пирамиды крошатся, мосты рушатся, каналы засоряются, железнодорожные пути зарастают травой, но слова, написанные две или три тысячи лет назад, остаются навеки»^[63].

Работа над новым произведением заняла больше трех лет — с середины 1902-го по конец 1905 года. На книжных прилавках книга появилась в начале 1906 года. По объему она соответствовала «Речной войне», но по масштабу рассмотренных вопросов, по глубине проработки и качеству изложения превосходила все, что Черчилль создал на тот момент. Помимо апологии поступков, решений и наследия отца изучение биографии лорда Рандольфа помогло автору многое узнать о партийной политике и работе парламента, истории и характере ключевых игроков, некоторые из которых все еще были в строю и при власти, азах пиара и формирования имиджа. Черчилль получил бесценный опыт, который ему позволил легче ориентироваться в мутных водах влияния и власти. У него появилось понимание, как формируются и распадаются коалиции, как избежать зависимости и завоевать популярность, что значат принципы и как оставаться гибким. А главное, он нашел свой путь, который, по его мнению, должен был вывести его на вершину. Этот путь проходил лейтмотивом через всю политическую биографию лорда Рандольфа и полностью соответствовал внутренним наклонностям его сына. Это был путь бунтаря с восстанием против существующих институтов и признанных лидеров. Понимал ли он, что этот путь фактически пролегал над бездной одиночества, в которую было относительно легко упасть, потеряв равновесие после обструкции и ostracизма? Понимал, но верил, что отстаивание независимой точки зрения способствует построению более устойчивого общества: «Каждый человек, не нарушающий своими высказываниями закон, имеет право выражать собственное мнение, и затыкать ему рот только потому, что его взгляды ненавистны большинству, является очень опасной и фатальной доктриной»^[64].

Сначала Черчилль нанес удар по устоям, принятым в армии. Он подверг критике устоявшуюся тенденцию «все замалчивать» и «делать вид, что все хорошо», сообщая лишь часть правды. Пока на полях сражений одерживаются победы, заявил он, подобный подход «позволяет маскировать неприглядные факты подгнившей репутации», оставляя «профессионально непригодных офицеров на своих должностях, в надежде, что после войны их удастся без скандала уволить». Затем Черчилль замахнулся на партию, членом которой являлся и от которой

баллотировался в парламент. В корреспонденции с экс-премьером-либералом Розбери он писал, что позиция находящейся у власти Консервативной партии «бесчеловечна и жестока» по отношению к бедным и незащищенным слоям населения. В апреле 1902 года он обвинил состоящее из тори правительство в «шокирующем отсутствии контроля» за государственными расходами. Своим коллегам консерваторам он жаловался, что «правительство окончательно прогнило». Раздираемое внутренними противоречиями, оно «перестало быть способным к решительным действиям»^[65].

С выражения недовольства партией он перекинулся на ее лидеров. Когда Черчилль был избран в парламент, Консервативную партию возглавлял 3-й маркиз Солсбери — «премьер-министр с незапамятных времен», как назвал его наш герой. К тому времени патриарх британской политики уже был стар и слаб, а его уход был лишь вопросом времени. Солсбери был активным сторонником непомпезизма. Про него шутили, что «если спартанская женщина отдавала стране всех своих сыновей, то маркиз Солсбери — всех племянников»^[66]. Четыре родственника премьер-министра входили в состав правительства, а один из них — Артур Бальфур — занимал пост лидера Палаты общин и воспринимался всеми как некоронованный преемник. Именно ему в июле 1902 года Солсбери и передал бразды правления Консервативной партией и правительством. Бальфур был другом лорда Рандольфа и хорошо знал Уинстона с детства. Но это не помешало Черчиллю направить стрелы осуждения в его адрес.

Выступления Черчилля против тори совпали с коренными изменениями в национальной политике. Испытывая конкурентное давление со стороны зарубежных производителей, в первую очередь Германии, британское руководство столкнулось с дилеммой — либо продолжить следовать доктрине свободной торговли (фритрейда) и закрыть неконкурентоспособные отрасли промышленности, либо защитить британских производителей тарифами. В мае 1903 года Джозеф Чемберлен, авторитет которого в правительстве уступал лишь влиянию Бальфура, призвал отказаться от фритрейда и перейти к протекционизму. Это было спорное и сложное решение, которое устраивало одних — например, не выдерживающую конкуренции с внешними рынками отрасль тяжелой промышленности — и больно задевало других — живущих за счет экспорта легкую промышленность и судостроение. Черчилль представлял Олдхэм — зону беспошлинной торговли и являлся убежденным фритрейдистом. Он считал тарифы злом, которые вместо защиты

умирающих отраслей приведут к падению инициативы, увеличению цен, сужению ассортимента товаров, распространению лоббизма и коррупции, а также нарастанию экономической и внешнеполитической напряженности. Черчилль активно вступил в борьбу против протекционизма, объясняя на различных площадках его недостатки и пугая негативными последствиями, которые тяжким бременем лягут на плечи населения. В дальнейшем он объединит свои наиболее значимые речи этого периода в отдельный сборник «За свободную торговлю», который выйдет в марте 1906 года.

Черчилль рассчитывал, что Бальфур остановит протекционный порыв Чемберлена, но осторожный и хитрый лис призвал не торопиться и прежде чем принимать какие-либо решения, все тщательно взвесить и обдумать. Черчилль не внял наставлениям старшего товарища и обрушился на предложения Чемберлена, как только они были представлены в парламенте в конце мая 1903 года. Он был уверен, что переход к протекционизму приведет к расколу тори: «Старая Консервативная партия со своими религиозными ценностями и конституционными принципами исчезнет, а на ее месте появится новая партия, наподобие Республиканской партии США — богатая, материалистическая, светская, сосредоточенная лишь на тарифах и заполнившая кулуары зазывалами от отраслей, которые нужно защитить».

Примечательно, что в своей критике протекционизма Черчилль коснулся судьбы Консервативной партии. Нападки на родную партию и ее руководство являлись выражением бунтарских наклонностей, но в этот раз за ними стояло нечто большее. С этого момента между ним и тори начинает расширяться пропасть, вынудив его уже в октябре 1903 года написать Хью Сесилу, что он «ненавидит партию тори, ее людей, ее слова, ее методы». Консерваторы платили взаимностью, подвергая зарвавшегося члена ostracismu. Показательным стало заседание Палаты общин 29 марта 1904 года. Когда Черчилль начал выступать с очередным осуждением тарифной политики, Бальфур, а с ним и большая часть консерваторов покинули помещение. Впоследствии журналист Альфред Гардинер (1865–1946) назовет это «высшей честью, которая может быть оказана парламентскому оратору», «такое ощущение, что противник покинул поле боя, едва Черчилль появился на нем». Но сам Черчилль воспринял эту «отталкивающую и сбивающую с толку демонстрацию» иначе. «Я бы предпочел, чтобы меня грубо прервали или даже высмеяли», — признался он Сесилу, добавив, что ему пришлось приложить немало усилий, чтобы собраться и выступить перед пустыми скамьями правительственной части, адресуя свою речь членам Либеральной партии. Последние встретили его

выступление бурными овациями. Именно с ними и будет связано будущее поднявшего восстание политика^[67].

Официально развод с консерваторами был оформлен в последний майский день 1904 года. Отныне Черчилль расположился в стане либералов, заняв то же место, которое использовал его отец во время нахождения в оппозиции. В британской политике смена партии не самое редкое явление, но все равно ренегатство не приветствуется, тем более для таких молодых депутатов, как наш герой. Для большинства оно указывало на неблагонадежность, превалирование частных интересов над партийными ценностями, а также отсутствие истинных убеждений и готовности за них бороться, терпя при этом неизбежные неудобства. Черчилль смотрел на ситуацию иначе. Когда кто-то цитировал его прошлые фразы из консервативного периода, он тут же парировал, что «наговорил много глупостей, находясь в Консервативной партии — поэтому я ушел от них, поскольку не хочу больше говорить глупостей». Учитывая свойственную политике волатильность, объяснял он, каждый государственный деятель рано или поздно встает перед моральным выбором, только «одни меняют взгляды, чтобы не менять партию, другие, наоборот, меняют партию, чтобы не менять взгляды»^[68].

Смена партийной принадлежности была не только вопросом лояльности старшим и готовности следовать принципам. Она указывала на нечто большее. Черчилль стал, возможно, последним крупным британским политиком, который мог позволить себе поставить свою личность выше партийных норм. Он сам признавался в конце 1920-х годов, что никогда «не придавал значения партийной дисциплине и принципу единства партии, не считал нужным послушно жертвовать ради них своим мнением». Возможно, он вообще был последним государственным деятелем одиночкой, который осмелился публично задать риторический вопрос: «Политические организации созданы для людей или люди — для политических организаций». За свою долгую политическую деятельность он дважды менял партию, а в избирательных кампаниях выступал в семи разных обликах: консерватор, либерал, национал-либерал, независимый антисоциалист, конституционалист, национал-консерватор и юнионист. Не случайно про него говорили, что «Черчилль сам себе партия», что он «отдельная сила, а не партийный инструмент», что контролировать его может только он сам. Не случайно, когда в 1940 году он станет премьер-министром, то возглавит коалиционное правительство, не являясь при этом лидером ни одной из входивших в состав коалиции партий, а когда все-таки

возглавит Консервативную партию, будет заявлять, что он «либерал и всегда им был»^[69].

Перейдя в 1904 году в оппозицию, Черчилль усилил огонь критики по своим бывшим коллегам. Он корил руководство тори за то, что «Консервативная партия превращается в марионетку плутократии, в машину для расклейки ценовых ярлыков, в центральное управление трестов, в оплот банковского капитала и монополий, объединившихся для того, чтобы совместными усилиями разграбить Содружество, развратив его верных служителей отвратительным пороком коррупции». Он назвал тори «партией капиталистов и монополистов, сплотившихся в крепкий союз и способствующих процветанию коррупции внутри страны». Он обвинил их в создании условий, когда «еда миллионм достается втридорога, а рабочая сила миллионерам — за бесценок». Отдельно он прошелся по их лидеру — Бальфуру. «В каком состоянии он оставил нашу экономику? — спрашивал Черчилль и сам же давал не внушающий оптимизма ответ. — Вся собственность давным-давно заложена и перезаложена, баланс банковских счетов в минусе, ежегодные поборы неимоверно раздуты, государственный бюджет весьма ограничен». Он сравнил смену правительства с «ликвидацией неплатежеспособного предприятия, которым управляли с помощью довольно сомнительных и, прямо скажем, непрозрачных методов и которое в конце концов довели до плачевного состояния»^[70].

Черчилль и дальше будет нападать на премьер-министров — Макдональда, Болдуина, Чемберлена. Но в тот момент его инвективы вызывали у власть имущих недовольство. Даже король во время одной из бесед строго отчитал его на этот счет и посоветовал умерить пыл. Но Черчилль говорил не для короля и аристократии, которые воспринимали его как предателя своего класса. Он говорил для новых коллег из Либеральной партии, а также среднего класса, пытаясь завоевать у них популярность. В этом наш герой значительно преуспел, что и неудивительно. Он нашел правильные болевые точки и искусно их описал. Его обвинения в коррупции, застое, отсутствии законодательных инициатив, способных улучшить социальные условия простых граждан, и сегодня — спустя больше ста лет после их произнесения — способны вызвать одобрительный отклик. Разве потеряли актуальность эти слова: «Никто сегодня, похоже, не заботится ни о чем, кроме как о деньгах. Ни с чем сегодня не считаются, кроме как с банковскими счетами. Качество, образование, гражданское отличие и общественные добродетели обесцениваются с каждым годом все больше и больше»?^[71] Но что стоит за

этими ласкающими слух речами? Они указывают на проблему, но не содержат перечня конкретных действий по исправлению ситуации. Они произнесены человеком, который не имеет ни власти что-либо исправить, ни опыта решения подобных задач. Они больше похожи на популистские заявления, чем выдающиеся образцы ораторского мастерства. Чтобы это были не просто слова, их необходимо подкреплять делом, за которое нести персональную ответственность. И в том, и в другом нашему герою пока похвастаться было нечем. Но он не стоял на месте, да и судьба готовила ему новые возможности, которые он не собирался упускать.

В начале декабря 1905 года Бальфур подал в отставку. Пришедшие к власти либералы под руководством Генри Кэмпбелла-Баннермана (1836–1908) объявили всеобщие выборы. Новым избирательным округом, от которого новоиспеченный член Либеральной партии Уинстон Черчилль решил выставить свою кандидатуру, стал Северо-Западный Манчестер. Его оппонентом выступил консерватор Уильям Джойнсон-Хикс (1865–1932), с которым он в дальнейшем будет пять лет работать в правительстве Болдуина. Сейчас Черчилль победил, набрав 5639 голосов против 4398 — у своего оппонента. Новые выборы привели к сокрушительному поражению Консервативной партии, которая сократила свое присутствие в парламенте с 402 до 156 мест. «Не называйте ее партией, расположенной напротив, называйте ее партией в том углу», — саркастически комментировал Черчилль произошедшие в составе парламента изменения^[72].

Для либералов выборы, напротив, прошли успешно, они получили абсолютное большинство — последний раз в своей истории. Руководство решило отметить молодого политика и предложило ему должность финансового секретаря Казначейства (заместителя министров финансов). Но он отказался. Его непосредственным руководителем должен был стать звезда Либеральной партии Герберт Асквит. Черчилль не хотел находиться в его тени. Он жаждал самостоятельности, поэтому попросился на аналогичную позицию в более близкое и понятное ему Министерство по делам колоний. Учитывая, что государственный секретарь по делам колоний — Виктор Брюс 9-й граф Элгин (1849–1917) — заседал в Палате лордов, перед Черчиллем открывались дополнительные возможности представлять ведомство в Палате общин. Официальное назначение на пост заместителя министра состоялось 13 декабря 1905 года. Черчиллю исполнился всего 31 год, а он уже вступил на ступеньку лестницы, ведущей в большую политику.

Либеральный политик

Одним из первых решений Черчилля на первой должности стало назначение личного секретаря. Его выбор пал на Эдуарда Говарда Марша (1872–1953), который числился в департаменте Восточной Африки, а до этого работал помощником личного секретаря Дж. Чемберлена. Марш побаивался Черчилля, поэтому скептически отнесся к поступившему предложению. Он поделился своими сомнениями с близко знавшими политика людьми, которые вселили в него уверенность, дав очень точную характеристику нашему герою: «Первый раз, когда встречаете Уинстона, вы замечаете все его недостатки, но затем, в течение всей оставшейся жизни, вы будете открывать его достоинства». Марш принял предложение.

Эпизод с Маршем демонстрирует два важных качества Черчилля. Первое, у него было чутье на таланты. Марш отличался прекрасным знанием и искренней любовью к английскому языку. Он выступит редактором пятитомной антологии «Георгианские поэты», будет переводить произведения Горация и Лафонтена. Для пишущего Черчилля иметь рядом такого человека стало бесценным подспорьем. Он называл своего секретаря образчиком «здорового смысла и хорошего английского», считая, что по его «корректурам можно изучать язык». Второе, Черчилль умел дружить. Его сотрудничество с Маршем продлится почти полвека и прервется лишь с кончиной последнего. На протяжении следующих 25 лет Марш будет сопровождать Черчилля во всех девяти министерствах и ведомствах, где ему предстоит работать^[73].

У Марша было много друзей среди творческой интеллигенции, с которыми он познакомил своего босса. Например, с поэтами Рупертом Бруком (1887–1915) и Зигфридом Сассуном (1886–1967). Джек советовал брату быть осторожным при общении с Сассуном, вдруг он напишет о нем что-нибудь критическое, на что Черчилль ответил: «Я ничуть не боюсь Зигфрида Сассуна, он человек думающий, а я боюсь только тех, кто не умеет думать». Но и без Марша новая звезда Либеральной партии пользовался популярностью и к нему тянулись многие знаменитости. Так, у него захотел взять интервью автор «Дракулы» Брэм Стокер (1847–1912). Черчилль согласился, рассказав не только о творческих планах, но и поделившись своим секретом успеха — жизнь должна быть гармоничной, «когда ваша работа приносит вам удовольствие, и наоборот». «Большинство людей работают большую часть дня, после чего, если не

слишком устали, предаются развлечениям, — объяснял он. — Но малочисленные счастливицы испытывают интерес и удовольствие не от чередования дела и часов досуга, а от самой работы». «Не обязательно делать то, что вы любите, главное — любить то, что вы делаете» — станет его девизом^[74].

Из других кудесников слова Черчилль общался с Артуром Конан Дойлом. Создатель Шерлока Холмса обратил внимание на потомка Мальборо еще во время Англо-бурской войны. В своей истории этого конфликта он не только приводит эпизод с нападением на бронепоезд и пленением Черчилля, отмечая «благородное поведение» военкора, но и ссылается на его точку зрения в описании битвы у Спион-Копы, замечая, что «здравость суждений мистера Уинстона Черчилля не раз проявилась во время войны». Черчилль найдет в ищущем, думающем, действующем Дойле родную душу, обсуждая с ним различные технические новинки и предложения. «Меня переполняют множество новых идей, — признается он писателю. — Где бы только найти столько власти, чтобы претворить их в жизнь». Дойл уважал Черчилля за напор, воображение и смелость, которые заметно выделяли его на фоне чопорных, правильных и скучных коллег. Но еще больше он ценил его как писателя, отмечая в конце своей жизни, что «Уинстон Черчилль обладает самым выдающимся прозаическим стилем среди современников», и называя его «величайшим из ныне живущих мастеров английской прозы»^[75].

Менее прямолинейно, но более насыщенно сложились у Черчилля отношения с Бернардом Шоу (1856–1950) и Гербертом Уэллсом. Они чаще встречались, обсуждая совместные планы и политическую обстановку. Черчилль восхищался их литературным талантом, гордясь, например, тем, что прочитал все произведения Уэллса и смог бы даже сдать по ним экзамен. Идеи фантаста вдохновили его на увлечение авиацией и подвигли на создание нового вида бронемашин, известных впоследствии как танк. Но в отношении политических взглядов они расходились. Черчилль осуждал их увлечение социалистическими идеями, о чем открыто писал в своих эссе, посвященных этим видным представителям литературного небосклона. Они также в долгу не остались. Уэллс, например, в романе 1923 года «Люди как боги» дал ироничный портрет Черчилля в образе военного министра Руперта Кэтскилла — «решительного рыжевато-серого человека в сером цилиндре с черной лентой, прославленном карикатуристами», героя с «маленькой наполеоновской фигурой, склонного к авантюрам», «страдающего избытком воображения» и «считающего, что

несуществующее может существовать»^[76].

Помимо именитых знакомств Черчилль также стал прирастать друзьями. В его жизни будет не так много настоящих друзей, которые могли общаться с ним на равных. Одного из них звали Фредерик Эдвин Смит (1872–1930). В 1906 году он был избран в парламент. Несмотря на принадлежность Смита Консервативной партии, Черчилль быстро сошелся с новоиспеченным депутатом, плененный силой его интеллекта, ораторским мастерством, широтой взглядов, разнообразием увлечений, а также бойцовскими качествами, граничащими с задиристостью. Ф. Э. Смит был колким и острым на язык, и именно ему принадлежат два высказывания, которые по ошибке прочно закрепились за Черчиллем. Один — ответ Марго Асквит (1864–1945) на ее восклицание:

— Если бы вы были моим мужем, я бы подлила вам в кофе яд!

— Если бы я был вашим мужем, я бы этот яд выпил.

Второе — знаменитая фраза: «Я легко довольствуюсь самым лучшим».

Черчилль называл дружбу с Ф. Э. Смитом «одним из моих самых ценных приобретений», добавляя, что «удовольствия и знания, которые я черпал из бесед с ним, были высочайшего уровня». Когда нашего героя не примут в «Клуб», основанный в 1764 году Джошуа Рейнольдсом (1723–1792) и Самюэлем Джонсоном (1709–1784), он создаст с Ф. Э. Смитом «Другой клуб», в котором не было места партийным разногласиям, в нем ценились юмор, мудрость, азарт, профессионализм и человечность. Со временем приглашение стать членом «Другого клуба» превратится в знак особой приближенности к Черчиллю, который будет до глубокой старости председательствовать на его заседаниях, проходивших в отдельном зале *Pinafore Room* роскошного отеля *Savoy* раз в две недели во время парламентских сессий^[77].

Должность заместителя министра по делам колоний хотя и была крупным достижением, рассматривалась Черчиллем лишь как трамплин для дальнейшего карьерного роста. Тем более что он был у руководства партии на хорошем счету — молодой, красноречивый, активный, популярный. Свидетельством хорошего отношения стало его назначение в 1907 году в Тайный совет, отныне рядом с его фамилией помимо аббревиатуры *M. P.* (*Member of Parliament* — член парламента) добавились литеры — *P. C.* (*Privy Councilor* — член Тайного совета), а в Палате общин к нему теперь должны были обращаться «достопочтенный джентльмен».

Когда в декабре 1905 года Кэмпбелл-Баннерман возглавил правительство, он стал самым пожилым политиком, занявшим пост

премьер-министра в XX веке. Подобное отличие не принесло ему удачи. Его состояние оставляло желать лучшего, и в начале апреля 1908 года он принял решение о добровольной отставке. Меньше чем через три недели он скончается, даже не успев покинуть резиденцию на Даунинг-стрит, чем установит еще один рекорд — он стал единственным премьер-министром там скончавшимся. Правительство возглавил Герберт Асквит. Сформированный им Кабинет станет одним из самых ярких и талантливых в британской истории прошлого века. В Казначейство с большими планами социальных преобразований придет Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945), за внешнюю политику будет отвечать осторожный и дальновидный Эдуард Грей (1862–1933), военное ведомство возглавит Ричард Халдейн (1856–1928), в свободное время переводивший Артура Шопенгауэра, а на новом посту запомнившийся созданием Имперского генерального штаба. Найдется место и для Черчилля, которого назначат председателем Совета по торговле (министром торговли).

В соответствии с правилами того времени с получением новой должности Черчилль должен был заново избраться в парламент. И это была не просто формальность. Новоиспеченный министр вновь скрестил шпаги с Джойнсоном-Хиксом и проиграл, набрав 4988 голосов против 5417 у оппонента. Возникла нехорошая ситуация, которая могла стоить политику министерского поста. В срочном порядке Черчилль подыскал себе безопасный округ в шотландском городе Данди, где 9 мая одержал уверенную победу (7079 голосов против 4270 у ближайшего соперника). Только теперь он мог спокойно приступить к исполнению обязанностей.

Правительством Асквита был подготовлен так называемый «народной бюджет», предусматривающий перераспределение капитала с созданием базы для улучшения условий жизни простых граждан. Учитывая, что основные средства на социальное реформирование выделялись за счет введения дополнительных налогов, ударивших по земельной аристократии, принятие бюджета встретило яростное сопротивление со стороны консерваторов и Палаты лордов. Для изменения расстановки сил и укрепления своих позиций Асквит объявил в январе 1910 года всеобщие выборы. Черчилль баллотировался от Данди, одержав неуверенную победу (10 747 голосов против 10 365 у ближайшего оппонента, которым оказался не консерватор, а лейборист). В середине февраля Черчилль получил новое назначение, заняв одну из четырех «великих должностей»^[78] — государственного секретаря по внутренним делам (министра внутренних дел). В декабре прошли новые всеобщие выборы, на которых наш герой победил с чуть большим перевесом, чем в прошлый раз: 9240 голосов

против 8957. Новые выборы стали второй попыткой разрешить конституционный кризис. В итоге оппозиция отступила. Новые налоги были утверждены, а права Палаты лордов в законотворческой деятельности существенно ограничены. По сути в стране произошла бескровная революция и была сформирована основа для построения государства всеобщего благосостояния.

Условно, шесть лет — с декабря 1905 года, когда Черчилль был назначен на первую должность, до октября 1911 года, пока он возглавлял МВД — можно рассматривать как начальный период пребывания нашего героя в большой политике. В этот период он продемонстрировал качества, которые будут отличать его на протяжении следующих пятидесяти лет. Во-первых, чудовищная активность с нежеланием ограничивать себя решением исключительно порученных задач. Например, не имея прямого отношения к военной тематике, он принимал участие в маневрах германской армии в 1906 году в Силезии и в 1908 году в Вюрцбурге, каждый раз беседуя лично с кайзером. Также он посетил в 1907 году маневры французской армии, что явно не входило в его обязанности.

Во-вторых, Черчилль с самого начала своей управленческой деятельности взял за практику не довольствоваться формализованными отчетами подчиненных, а лично лицезреть проблемы и очно следить за ходом их решения. Он предпочитал кабинетной тишине персональные инспекции на объекты, включая беседы с основными участниками и сбор фактов из первых уст о той области, за которую отвечал. Порой это приобретало эксцентричные формы, как, например, с путешествием в Африку в 1907 году. В то время, как некоторые колониальные чиновники с трудом могли показать на карте места с экзотическими названиями, судьбу которых они определяли, Черчилль изъявил желание посетить некоторые из них. Обычная инспекционная поездка превратилась в настоящее действо, которое включало прибытие в кенийский порт Момбаса на стометровом крейсере с одиннадцатью 6-дюймовыми орудиями, пересечение за два месяца Африканского континента в северном направлении через озеро Виктория, водопад Мерчисон и реку Нил до Каира, миновав на своем пути Найроби, Кампалу и Хартум. Одновременно Черчилль договорился с *The Strand Magazine* о публикации статей, которые по возвращении в Лондон оформил в виде травелога «Мое африканское путешествие». Во время путешествия Черчилль смог не только пообщаться с местными жителями и оценить потенциал территорий, но и насладиться охотой на антилоп, зебр, крокодилов, гиппопотамов и носорогов. Последние произвели на него особое впечатление. «Не могу даже описать тебе ощущения, которые

возникают при виде зловещего темного силуэта этого огромного животного, известного с доисторических времен, слоняющегося по равнине, как его предки с момента зарождения мира», — писал он матери. Помимо получения ценных сведений и удовольствия путешествие в Африку имело и трагические последствия. Во время посещения Хартума плохо стало слуге Черчилля Джорджу Скривингсу. У него началась лихорадка, затем под кожей появились синие пятна. После 15 часов мучений он скончался. «Африка всегда требует расплаты, — прокомментирует этот мрачный эпизод Черчилль. — Четыре белых человека начали свой путь в Момбасе, но только трое вернулись в Каир». Скривингс заразился через продукты питания азиатской лихорадкой. Те же продукты ел Черчилль и сопровождавшие его путники. Пару дней они опасались за свое здоровье, но с ними все обошлось^[79].

В другой раз, во время руководства МВД в начале января 1911 года, получив информацию, что на Сидней-стрит в столичном районе Ист-Энд спрятались вооруженные преступники, которые во время ограбления ювелирного магазина застрелили одного полисмена и смертельно ранили двух его коллег, Черчилль отправился на место проведения операции. Вскоре дом, где укрылись бандиты, охватил пожар. Черчилль приказал прибывшему на место пожарному расчету дать огню возможность сделать свое дело. «Беру на себя всю ответственность», — заявил он. Когда огонь потух, полиция беспрепятственно проникла в здание, обнаружив тела двух преступников, третий — сумел скрыться. Импозантная фигура министра с тростью, в цилиндре и длинном пальто с меховым воротником привлекла внимание репортеров больше, чем перестрелка. Как Черчилль ни пытался объяснить, что он не руководил осадой, а посетил место событий исключительно из-за «отсутствия достоверных сведений», в обществе сложилось превратное мнение о его участии. На что даже Бальфур иронично заметил: «Уинстон с фотографом оказались на линии огня. Они рисковали. Я понимаю, что там делал фотограф. Но мне не совсем понятно, с какой целью там находился — министр Его Величества». Страсть политика к публичности, активным действиям и личному участию на этот раз вышла ему боком^[80].

Третье и, пожалуй, главное, управленческий стиль Черчилля носил реформаторский характер и всегда был нацелен на результат, множество результатов. За период работы в Министерстве торговли с июля 1908 года по август 1909 года им было представлено на рассмотрение правительства 12 подробных меморандумов с большим набором предложений

практического характера. Благодаря ему был установлен минимальный размер оплаты труда, ограничивающий произвол со стороны работодателей; созданы биржи труда, облегчающие поиск работы; введено обязательное страхование, определяющее социальные выплаты безработным и на детей; улучшены условия труда и повышены нормы безопасности в угольной отрасли. В бытность главой МВД он занялся реформированием пенитенциарной системы с разделением политических и уголовных заключенных и сокращением сроков заключения (особенно для молодежи). Его возмущало, что за мелкие правонарушения молодые люди подвергались суровому наказанию, которое фактически ломало им жизнь. Особенно это распространялось на представителей рабочего класса, в то время как отпрыски высшего света, как правило, оставались безнаказанными. Благодаря усилиям Черчилля количество заключенных в возрасте до 21 года за десять лет сократилось с 12 до 4 тыс. Также он отменил обязательное тюремное заключение за неуплату штрафа, что в течение пяти лет привело к сокращению количества заключенных этой категории почти в 20 раз — с 95 до 5 тыс. человек (большая часть из них штрафовалась за пьянство). Заявляя в парламенте, что «отношение общества к преступности и преступникам определяет уровень цивилизованности страны»^[81], Черчилль инициировал улучшение условий заключения с организацией на территории тюрем библиотек, проведением концертов и лекций. Также признавая неэффективность полицейского надзора за бывшими заключенными, когда трое из четырех преступников вновь оказывались за решеткой, Черчилль создал для этих целей специальное агентство, которое должно было стимулировать возврат к честной жизни отбывших наказание, оставляя полицейский надзор только для исключительных случаев.

Анализируя длинный перечень достижений Черчилля в этот период, нельзя забывать, что все перечисленные реформы были проведены в очень сжатые сроки. Министерство торговли Черчилль возглавлял всего 22 месяца, а МВД — и того меньше — 20 месяцев. Умение добиваться столь многого столь быстро характеризует нашего героя положительно, одновременно указывая и на его недостатки. Каким бы деятельным ни был Черчилль, для проведения полноценной реформы 20 месяцев недостаточно. Поэтому большая часть инициатив нашего героя была реализована другими политиками, которые не замедлили записать эти победы в свой актив. Например тот же Дэвид Ллойд Джордж. «Он практически полностью присвоил себе страхование по безработице, хотя я вложил в это дело много

своих мыслей и сил», — жаловался Черчилль близким^[82].

Сам Черчилль воспринимал поведение коллег стоически, считая, что все это «неважно, в море и так много хорошей рыбы». С позиции решения общей задачи и получения результата это, действительно, было неважно. Но этот пласт скрывал и более серьезные проблемы, с которыми нельзя было не считаться. Одного понимания, что нужно изменить, и одного желания претворить свои планы в жизнь явно недостаточно для получения результата. Несколько лет назад Черчилль сурово критиковал руководство Консервативной партии, указывая на социальные миазмы и подмечая отсутствие мер их устранения. Теперь ему были даны полномочия создать новую реальность. И он добился на этом поприще завидного успеха, но многое сделать все равно не сумел. Правильно ему однажды в годы Первой мировой войны сказал фельдмаршал Китченер: «Мы не можем вести войну так, как должны; мы можем вести ее только так, как можем»^[83]. Это касается не только войны, любая сфера управления полна ограничений и издержек. Предлагаемые Черчиллем изменения затрагивали чьи-то права и вызывали чье-то сопротивление. Так, разработанный под его началом закон улучшения условий труда работников магазинов с сокращением рабочей недели с 80 до 60 часов и введением оплаты за сверхурочные вызвал недовольство владельцев магазинов. В процессе обсуждений изначальный замысел был настолько искажен и усечен, что в законе, по собственным словам Черчилля, «осталась одна макулатура». Хотя ему удалось добиться введения обеденных перерывов и одного выходного дня в неделю. Помимо сопротивления реализация инициатив сопровождалась задержками и проходила в условиях ограниченных ресурсов. Например, обсуждения схемы страхования от безработицы в 1908–1909 годах совпали с планами Адмиралтейства по строительству шести новых линкоров (тори хотели и того больше — восемь). Черчилль и Ллойд Джордж потребовали ограничить программу четырьмя линкорами, перераспределив средства от строительства оставшихся двух судов на социальные реформы. Возник конфликт. В итоге было принято компромиссное решение с закладкой четырех линкоров в 1909 году и еще четырех при необходимости.

Для Черчилля спор с Адмиралтейством стал первым эпизодом, когда он принял непосредственное участие в формировании военно-морского бюджета. Впоследствии ему придется еще не раз вступать на эту территорию, придерживаясь при этом разных мнений. Как правило, его точка зрения определялась более широкой системой ценностей, характеризующей его мировоззрение на момент обсуждений. В

описываемый период 1906–1911 годов его отличал социальный уклон.

Черчилль проникся важностью социальных преобразований задолго до назначения в Министерство торговли. Что тоже показательно — на протяжении своей карьеры он погружался в тему, формировал мнения о ней и имя в ней до того, как получал должность и официальные полномочия. Еще в мае 1901 года он писал, что после окончания Англо-бурской войны его стране следует «заняться укреплением народного духа посредством социальных усовершенствований и реформ». В декабре того же года он познакомился с работой социолога Сибоба Раунтри (1871–1954) «Бедность: исследование городской жизни», в которой были проанализированы условия жизни бедных слоев населения Йорка. Раунтри показал, что более четверти населения города (28 %) живет за чертой бедности. «У меня волосы на голове встали дыбом после прочтения этой книги», — признался молодой депутат, написав на монографию Раунтри основательную рецензию объемом в 3300 слов. «Я не вижу причин гордиться тем, что империя, которая правит морями, неспособна улучшить условия жизни своих подданных», — констатировал Черчилль. Погрузившись в воды социального реформирования, британский политик черпал вдохновение в опыте немцев. Германия, заявил он в декабре 1908 года премьер-министру, «создана не только для войны, но и для мира, у нас же нет ничего кроме партийной политики»^[84].

Лучше всего взгляды Черчилля в этот период передают тексты его выступлений. Понимая это, он последовал проторенной дорогой и объединил их в сборники. Первый сборник — «Либерализм и социальная проблема» — вышел в ноябре 1909 года, второй — «Народные права» — появился в январе 1910-го. Основные предложения Черчилля сводились к следующему. Во-первых, сократить рабочий день. Нельзя допускать, чтобы человеческая жизнь превратилась в «чередование кровати и фабрики». У людей должно быть личное время на семью, увлечения и развитие. «Основные усилия промышленной демократии направлены не на сохранение неэффективных рабочих часов, а на предоставление достаточного времени для отдыха», — убеждал политик. Во-вторых, забота о подрастающем поколении. Черчилль выступал против детского труда. Неэтичная сама по себе эксплуатация детей — этих «наследников огромных сокровищ истории, науки и знаний, национальной гордости, за которые сражались и умирали множество доблестных поколений» — ограничивает развитие страны. Вместо работы дети должны получать обязательное образование — и не до 14 лет, как было принято, а хотя бы до 17. В-третьих, установить минимальные нормы условий труда,

обязательные для каждого работодателя. В-четвертых, создать разветвленную национальную сеть бирж труда, способных нивелировать избытки и недостатки рабочей силы в конкретном регионе или профессии. В-пятых, «закрыть зияющую бездну страховочной сеткой» с оплатой больничных и выплат пособий по безработице. «Я не призываю ослабить напор конкурентной борьбы, — объяснял политик, — но думаю, нам вполне по силам сделать так, чтобы проигравшие в конкурентной борьбе не чувствовали себя брошенными на произвол судьбы». Общим во всех этих предложениях было увеличение роли государства, которое в представлении Черчилля должно было занимать более активную позицию в социальной защите своих граждан. «Есть вещи, которые должно делать именно государство, — объяснял он. — Не потому, что государство делает их хорошо, просто никто другой заниматься ими не будет»^[85].

Все эти постулаты были востребованы, правильны и благородны. Но самое удивительное в них то, что они прозвучали из уст именно Черчилля. Мы говорим не о пробравшемся наверх выходе из рабочего класса. Речь идет о патриции, семья которого дружит с Ротшильдами, брат которого работает в Сити, состояние которого приумножает Кассель. Он стал бескомпромиссным апологетом «народного бюджета», рьяным сторонником ограничения прав Палаты лордов, увлеченным лейтенантом социального реформирования, воспринимаясь в глазах многих тори исключительно как предатель своего класса. Зачем Черчиллю было нужно это восстание против своих? С одной стороны, он искренне сострадал угнетенным и негодовал от социальной несправедливости. Хотя, даже испытывая эти чувства, его отношение к бедным работягам представляло собой странную смесь патернализма и снобизма, точно переданную самим Черчиллем, когда в январе 1906 года он приехал на выборы в Манчестер. Гуляя по городу вместе с Маршем, он оказался в рабочем квартале. Оглядываясь по сторонам, Черчилль сказал своему секретарю: «Представь жить на одной из таких улиц, никогда не видеть ничего прекрасного, никогда не пробовать ничего вкусного и никогда не говорить ничего умного»^[86].

Помимо сострадания, которое, несомненно, присутствовало и определяло его решения, был в поведении Черчилля и политический расчет. Причем не только в личном плане, дав ему возможность найти свою пашню, на которой сделать себе имя. Он смотрел глубже. Обычно пять предвоенных лет начала XX века воспринимаются как зенит европейской аристократии, время беззаботного спокойствия, благополучия, прогресса и

роскоши. Отчасти так оно и было. После 1914 года Европа уже никогда не будет такой, как прежде. Но и безмятежными эти годы назвать нельзя, хотя по масштабу катаклизмов они и уступают пожару мировой войны. В этот период в обществе начались брожения и течения, которые в итоге разрушили башню старого режима. Черчилль был в тот момент относительно молод, но он смог различить пугающие тенденции и оценить силу их последствий. Самую большую опасность он увидел в набирающих популярность социалистических теориях. Именно в эти годы он начнет свой крестовый поход против социализма, который будет продолжать в течение следующих пятидесяти лет, именно в эти годы он произносит свои известные слова, сравнивая в контрапункте разные учения: «Социализм искореняет богатство, либерализм — нищету; социализм уничтожает частные интересы, либерализм их сохраняет, примиряя с общественными; социализм убивает предпринимательство и инициативу, либерализм — спасает их от привилегий и преференций; социализм оскорбляет основное право личности на достойную жизнь, либерализм — обеспечивает приемлемые условия жизни; социализм отдает предпочтение правилам, либерализм — каждому человеку в отдельности; социализм атакует капитал, либерализм — монополию».

Учитывая дальнейшие отношения с СССР, критические стрелы в адрес социализма, которые Черчилль будет направлять регулярно, воспринимались как антагонизм к восточному союзнику. На самом деле, в отличие от других политиков, Черчилль не распространял критику общественно-политического строя на государство, в котором этот строй завоевывал позиции. Он также рьяно осуждал левые элементы в Германии, которым «было плевать на величие своей страны, крепость монархии и династические интересы», которые «выступали против станового хребта нации, класса аристократии и землевладельцев», которые «хващаются, что у них нет отечества» и не имеют «ни капли уважения к германской армии»^[87].

Понимая, что социалистические взгляды набирают все больше популярности в обществе, Черчилль увидел в социальных реформах либерального толка эффективную возможность снять напряженность и выбить почву из-под ног социалистов. Впоследствии он сам признает, что в начале XX века «подъем социализма был неизбежен», но «либеральное правительство задержало его, переключив на себя большую часть революционно настроенного электората»^[88]. Примечательно, что у самого Черчилля роман с социальными преобразованиями оказался бурным, но

недолговечным. После 1911 года на повестке решаемых Черчиллем вопросов будут периодически появляться темы улучшения условия службы моряков, увеличения их жалования, назначения пенсий вдовам погибших военных, но таким целенаправленным и комплексным усилиям на ниве социального реформирования, как было в период с 1905 по 1911 год, места уже не найдется. Наш герой потерял интерес и к давлению крупного капитала, став одним из немногих государственных деятелей, кто одновременно не пополнил число его жертв и не испачкал свою репутацию, превратившись в его слугу. Является ли подобная смена направлений признаком того, что Черчилль был неискренним в своих попытках улучшить условия трудящихся? Вряд ли. Для него такое поведение было нехарактерно, в отличие от страстной увлеченности новым и потерей интереса к уже пройденному и освоенному. Да и масштаб проблем, которые начали занимать и беспокоить политика в 1911 году, превосходил всё, с чем он имел дело раньше.

Что это были за проблемы? Объединенная титаническим усилием Бисмарка, Германская империя стала претендовать на мировое господство. Экспорт из Германии в период с 1880 по 1913 год вырос на 240 %, а ее доля в мировой торговле увеличилась с 17 до 22 %. Для сравнения, доля Великобритании сократилась с 40 до 27 %. В 1897 году Рейхстаг одобрил новую программу строительства военно-морского флота. Отлично понимая, что Германия не располагает возможностями повсеместно противостоять Королевскому флоту, отец немецкого ВМФ gross-адмирал Альфред фон Тирпиц (1849–1930) решил сосредоточить основные силы Флота открытого моря (*Hochseeflotte*) на позициях между Гельголандом и устьем Темзы, где создать угрозу Туманному Альбиону и оспорить превосходство «владычицы морей». Дальнейшее воплощение амбициозного замысла было осуществлено с немецкой основательностью, педантизмом и рационализмом, основные силы были брошены на строительство новых моделей судов и использование последних достижений науки и техники.

В 1908 году была принята третья новелла военно-морской программы, согласно которой срок эксплуатации боевых кораблей сокращался с 25 до 20 лет, что фактически означало ускорение процесса обновления кораблей и знаменовало собой еще один шаг против заморского конкурента. Примерно в это же время развитие немецкого флота вызвало неподдельный интерес у Черчилля. Он познакомился с адмиралом Джоном Фишером (1841–1920), занимавшим с 1904 по 1910 год пост первого морского лорда и являвшегося главным идеологом модернизации британского флота. Несмотря на разницу в возрасте, они быстро нашли общий язык и между

ними завязалась оживленная переписка. Жесткий, эксцентричный, не терпящий возражений и посредственностей адмирал не стеснялся в выражениях, подробно описывая идеи технического перевооружения флота и понося своих недоброжелателей, всех этих «подлецов» и «вонючек». Во время спора с Адмиралтейством относительно строительства шести линкоров Фишер презрительно отвернулся от своего нового друга, но тот, поджав хвост и умерив гордость, сумел восстановить отношения. Видно было, что они нужны были Черчиллю, который словно губка впитывал знания и взгляды адмирала, медленно, но уверенно формируя свое мнение о сложившейся ситуации.

Помимо общения с Фишером осенью 1909 года Черчилль поручил экспертам изучить вопрос экономической устойчивости Германии и достаточности у немцев средств на реализацию своих амбициозных планов. В результате выяснилось, что немецкий флот развивается на пределе экономических возможностей, государственный долг Германии, начиная с 1897 года, увеличился в два раза и по состоянию на 1 октября 1908 года достиг 212,6 млн фунтов. И это без учета долга отдельных германских земель. Общий же долг кайзеровской империи составил порядка 900 млн фунтов. На основе проведенного исследования Черчилль подготовил меморандум для членов правительства, в котором отметил, что в условиях возрастающей напряженности и будущего кризиса, с которым неизбежно столкнется Германия, немцы постараются либо урегулировать ситуацию внутри страны, либо найти «решение во внешнеполитической авантюре». Это было мудрое и проницательное заключение, ознаменовавшее собой начало трансформации Черчилля из политика социальной направленности в государственного деятеля^[89].

Летом 1911 года Европа вплотную подошла к военному конфликту, который не разразился лишь благодаря терпению дипломатов и восторжествовавшему здравому смыслу политиков. Когда после вспыхнувшего в столице Марокко восстания французы направили в город войска для защиты своих граждан, немцы ответили отправкой в марокканский порт Агадир канонерской лодки *Panther* («Пантера») и заявили о своем намерении создать там военно-морскую базу. На стороне Франции выступила Великобритания. В марте 1912 года стороны удалось примирить, передав Франции протекторат над Марокко, а Германии в качестве компенсации — часть Французского Конго.

Во время Агадирского кризиса Черчилль не растерялся и, готовясь к худшему, организовал защиту угольных резервуаров, на тот момент основного топлива ВМФ. Как показало дальнейшее развитие событий, в

этом не было острой необходимости, но очки себе он этим заработал, как и разработкой меморандума «О военных аспектах континентальной проблемы», в котором не только точно предсказал дату начала Первой мировой войны и основных участников военного конфликта, но и буквально до дня правильно описал первые полтора месяца противостояния. Было очевидно, что Черчилль созрел для решения новых задач. Определяющим для его дальнейшей судьбы стало чрезвычайное заседание Комитета имперской обороны в конце августа 1911 года, собранное по личному распоряжению премьер-министра. На этом заседании вскрылись удивительные факты — во-первых, руководство Адмиралтейства не собиралось делиться с уважаемой публикой своими планами; во-вторых, у моряков отсутствовали планы доставки Британских экспедиционных сил на континент в случае начала войны с Германией; в-третьих, они считали высадку контингента нецелесообразной и предлагали сосредоточить основные усилия на морской войне^[90].

После заседания Комитета военный министр Ричард Халдейн заявил Асквиту, что подаст в отставку, если позиция Адмиралтейства не изменится в ближайшее время. На самом деле Халдейн сам хотел возглавить военно-морское ведомство. Но у премьера на этот счет были другие планы. В конце сентября он пригласил в арендуемое его семьей поместье Арчерфилд (Восточный Лотиан, Шотландия) Халдейна и Черчилля. Обсудив с ними сложившуюся ситуацию, Асквит направился в расположенную неподалеку королевскую резиденцию Балморал для консультации с Его Величеством Георгом V (1865–1936), сменившим в 1910 году на престоле своего скончавшегося от бронхита отца. Черчилль тем временем посетил свой избирательный округ Данди. Через некоторое время Асквит и Черчилль вновь встретились в Арчерфилде. Премьер-министр предложил своему гостю сыграть в гольф и во время игры сообщил о его переводе в Адмиралтейство. Радости Черчилля не было предела. «Его лицо сияло от удовольствия», — вспоминала дочь Асквита Вайолет (1887–1969). Она предложила ему чая, услышав в ответ: «Я не хочу чая, я не хочу ничего на свете. Только что ваш отец дал мне в распоряжение весь военно-морской флот Великобритании! Наконец это произошло, мне предоставили великолепный шанс. Теперь я смогу показать все, на что я способен»^[91].

Официально о назначении Черчилля первым лордом Адмиралтейства (военно-морским министром) было объявлено 24 октября 1911 года. С формальной точки зрения его перевод в новое ведомство был понижением. В реальности ситуация выглядела иначе. Во-первых, речь, действительно,

шла о самом крупном ВМФ в мире, что не может не опьянять. Во-вторых, флот для Британии — это не просто еще один вид вооруженных сил, от него зависели снабжение страны импортными товарами, успех военных операций, обороноспособность на случай вторжения, контроль и защита государственных интересов. «На британских военных кораблях плавают мощь, величие и сила Британской империи», — говорил Черчилль. И теперь ему поручили руководить этим исполином, заботясь о нем и развивая его. Описывая период своего руководства Адмиралтейством, он назовет его «великими днями», когда «воздух был пропитан властью, действием, организацией», а «от рассвета и до глубокой ночи, день за днем ум был поглощен очарованием и новизной накопившихся проблем»^[92]. Черчилль оказался на своем месте, где ему предстоит насладиться ароматом впечатляющих побед и познать горечь сокрушительных неудач.

Семья

Пока Черчилль в 1907 году путешествовал по Африке, наслаждаясь охотой, экзотическими видами и общением с туземцами, его брат Джек нашел свою избранницу. Ей стала Гвенделин Тереза Мэри Берти (1885–1941), дочь 7-го графа Абингдона (1836–1928). Чувства молодых людей были сильными и взаимными, служа хорошей основой для создания крепкой семьи. Однако Джек все не решался сделать предложение, считая, что он недостаточно зарабатывает для того, чтобы осчастливить свою возлюбленную. Его старший брат смотрел на эту проблему проще. Когда его сын тридцать лет спустя будет мучиться аналогичным вопросом, Черчилль по-житейски мудро заметит, а что собственно, влюбленным нужно: «Сигары, шампанское и большая кровать». Джек отнесся к вопросу финансовой стабильности будущей семьи более серьезно, договорившись с руководством фирмы, где он работал, об увеличении своего годового дохода до 1400 фунтов. 8 августа 1908 года Джек и Гвенделин сочетались браком. «Надеюсь, ты будешь следующим», — скажет леди Рандольф своему старшему сыну^[93]. Уинстон постарался не разочаровать свою мать, что для него оказалось непростой задачей.

Задолго до популярного высказывания Генри Киссинджера было известно, что власть является сильным афродизиак. В каком-то смысле Черчилль был исключением из правила. Несмотря на свою активную публичную жизнь, а также впечатляющий шлейф популярности и влияния, который неизменно тянулся за его именем, отношения с противоположным полом у него были скромными и до поры до времени неудачными. По большей части он сам был тому виной, будучи слишком сосредоточенным на себе, своих планах и своих достижениях. «Разумеется, я эгоист, а иначе в этой жизни ничего не добьешься», — объяснял он. Автор множества хороших книг и участник множества волнующих событий, Черчилль был интересным собеседником, монологи у которого, правда, превалировали над диалогами. Но он слишком ценил свое время, чтобы обсуждать пустые темы, составляющие основу светских бесед. Эгоизм и разговоры с практической направленностью были не самым лучшим основанием для привлечения женского внимания. Ситуация усугублялась тем, что, являясь самодостаточным человеком, Черчилль не нуждался в женском обществе, ему не требовались поддержка, одобрение или просто приятное времяпрепровождение ради отвлечения и развлечения. Один из его друзей

вспоминал, как однажды они решили пригласить к себе артисток мюзик-холла. Интересуясь потом у спутницы Черчилля, как она провела время с популярным политиком, он услышал в ответ: «Ничем, кроме разговоров, посвященных персоне Уинстона, мы не занимались»^[94].

Тем не менее утверждать, что амуры облетали Черчилля стороной, будет неправильно. В своей переписке он впервые упоминает о противоположном поле в 17 лет, когда одна из сверстниц привлекла его внимание. Затем у него были мимолетные увлечения Аделой Мэри Хэкет (1875–1946), с которой он гулял по Бонд-стрит, о чем хвастливо сообщал брату, и артисткой Мейбл Лав (1874–1953). В ноябре 1896 года Черчилль познакомился в Индии с Памелой Плоуден (1874–1971). Их отношения развивались неторопливо, но с определенной долей уверенности можно утверждать, что они были связаны для нашего героя с появлением первых серьезных чувств. Не настолько, правда, серьезных, чтобы поставить их выше амбиций. Убеждая Памелу, что он думает о ней «больше чем когда-либо прежде», основное общение он свел к эпистолярному жанру (большая часть писем, кстати, будет им в дальнейшем уничтожена) и предпочел личным встречам участие в батальных сценах, написание статей и книг, а также выступления на различных политических площадках.

Черчилль пытался убедить свою возлюбленную, что его «чувства постоянны» и он способен на «глубокую и сильную любовь», но для Памелы стало очевидно, что он ей не принадлежит и не подходит. Поэтому, когда он попросит ее поддержать его во время первой избирательной кампании 1899 года, она вежливо уклонится от поездки в Олдхэм. Не поедет она и в Южную Африку, куда ее также неоднократно звал Черчилль. Стоит ли удивляться, что, когда в октябре 1900 года, гуляя по берегу реки Авон около средневекового замка в графстве Уорикшир, Черчилль сделал ей предложение, пообещав «завоевать весь мир и положить его к твоим ногам», она ответила отказом. Если Памела считала, что активность Уинстона на других фронтах косвенно указывала на недостаток его любви, она ошибалась. Наш герой аналогично вел себя и с другими избранницами, которым был предан душой и телом. Возможно мисс Плоуден отказала по другой причине. Несмотря на то, что Черчилль уже стал членом парламента и воспринимался окружающими как перспективный молодой политик, в ее понимании он был недостаточно богат, чтобы позволить ей жить в свое удовольствие. Черчилль переживал, признаваясь матери, что Памела «единственная женщина, с которой я смог бы прожить долгую и счастливую жизнь». Даже спустя семь лет после их расставания он писал, что она «единственная, кроме Джека и матери», кто его «всегда понимал,

прощал и проявлял заботу». Черчилль мучил себя напрасно. Памела не смогла бы обеспечить ему крепкий и надежный тыл. В 1902 году она выйдет замуж за Виктора Булвер-Литтона 2-го графа Литтона (1876–1947), доставив впоследствии своему супругу массу тревожных моментов. Несмотря на расставание, Черчилль продолжит общение с Памелой вплоть до глубокой старости^[95].

После Памелы внимание молодого парламентария привлекла американская актриса Этель Бэрримор (1879–1959). О их отношениях известно немного. Как утверждает сын нашего героя, Уинстон сделал ей предложение, но она тоже ответила отказом. Затем Черчилль решил создать семью с наследницей крупного состояния Мюриель Уилсон (1875–1964). Он также предложит ей стать его женой и также услышит отказ. Одной из возможных причин расставания исследователи называют сомнения мисс Уилсон в будущем жениха. Хотя не исключено, что она была просто не готова к серьезным отношениям, в которых на тот момент у нее не было потребности. Она выйдет замуж только в 1918 году, как выразился Черчилль, за «обыкновенного типа»^[96]. Черчилль продолжит с ней общение, что вполне характерно для него: несмотря на свою занятость и эгоизм, он умел дружить, сохраняя длительные, многолетние отношения^[97].

В 1907 году на одном из званых обедов Черчилль познакомился с дочерью Асквита — Вайолет. В первой же беседе он сказал ей впоследствии ставшую знаменитой фразу: «Все мы черви, но мне хочется верить, что я светлячок». Несмотря на неприкрытое самомнение собеседника, молодая девушка была им зачарована, заметив вечером своему отцу: «Сегодня я первый раз в жизни увидела гения». На что услышала ироничный ответ: «Уинстон уж точно бы с тобой согласился»^[98]. Из всех предыдущих женщин Вайолет понимала Черчилля лучше всего. Она ценила его ум, получала удовольствие от его монологов, восхищалась его личными качествами. Не исключено, что она была в него серьезно влюблена и согласилась бы стать его женой, если бы такое предложение поступило. Но в этот раз Черчилль предлагать руку и сердце не стал, предпочтя ограничиться дружескими отношениями. Возможно, и правильно. Ему была суждена другая леди.

В марте 1908 года Черчилль был приглашен на один из великосветских обедов. Тратить на него свое время он не хотел, приняв участие лишь после увещаний со стороны Марша. Его соседками по столу оказались Флора Шоу (1852–1929), позиционировавшая себя, как видного эксперта в

колониальной политике, и 22-летняя девушка Клементина Хозье. Она также могла пропустить этот обед, считая свой наряд вышедшим из моды, но без нее за столом оказалось бы тринадцать человек (скверная примета), поэтому ей пришлось приехать. Черчилль уже встречался однажды с мисс Хозье. В 1904 году на одном из приемов он сам обратил на нее внимание и даже попросил свою мать познакомить его с ней. После чего сам же все испортил. Вместо того чтобы завязать приятный диалог, он замешкался и усталился на собеседницу. Неловкую ситуацию разрешил один из кавалеров, пригласивший Клементину на танец. На этот раз — спустя почти четыре года — Черчилль не упустил свой шанс, предпочтя увлеченную беседу с Клементиной предметному разговору с Флорой Шоу о подходах решения колониальных проблем. В конце он спросил, читала ли она его книгу «Лорд Рандольф Черчилль», и узнав, что нет, пообещал прислать один экземпляр. Свое слово Черчилль не сдержал, чем произвел на девушку «дурное впечатление», хотя в целом она нашла его «очень интересным»^[99].

Несмотря на то, что обещание вылетело из головы Черчилля, саму Клементину он не забыл. После еще одной встречи, организованной не без участия леди Рандольф, между ними завязалась переписка. Черчилль писал ей, что считает «утешением и наслаждением — встретить столь умную и благородную молодую девушку». Он делился с ней последними новостями о своей политической деятельности, а также жаловался, что чувствует себя «одиноким созданием среди толпы». Раньше подобную откровенность Черчилль допускал только в переписке с матерью или Памелой.

В начале августа 1908 года Черчилль принял участие в свадьбе Джека и Гвенделин. После церемонии он с друзьями остановился у одного из кузенов. Ночью отопительная система дала сбой и начался пожар. Не дожидаясь приезда пожарных, Черчилль надел металлическую каску, пальто поверх пижамы и начал руководить тушением пожара и спасением ценностей. Когда он выносил из здания очередную пару бюстов, за ним рухнула крыша. Буквально мгновение, и он оказался бы погребен под ее обломками. Но подобные несчастья были не для него. Еще на Кубе он скрепил союз с удачей, и в критических обстоятельствах она ему не изменяла. Одним из первых, с кем Черчилль поделился подробностями пожара, была Клементина. С его слов, «пожар был великолепным развлечением» и «мы здорово повеселились».

Интересно, какое впечатление экстатический стиль Черчилля с его пренебрежением к опасностям произвел на девушку? Впоследствии ей придется неоднократно сталкиваться с таким отношением, далеко не всегда

разделяя упоение и восторг. Сам ухажер, впечатленный то ли женитьбой Джека и недавними торжествами, то ли пожаром в доме кузена, счел, что пришло время переводить отношения на новый уровень и делать Клементине предложение. Для этого он пригласил возлюбленную в Бленхеймский дворец. «Мне так хочется показать тебе это удивительное место, — писал он ей. — В его прекрасных садах мы найдем много уголков, где сможем уединиться и обсудить все на свете». Также он упомянул о «странном и таинственном взгляде» мисс Хозье, секрет которого он «так и не может разгадать»^[100].

Для Черчилля это была уже четвертая попытка предложения руки и сердца. Предыдущие отказы не способствовали обретению уверенности. Но и без них обычно уверенный в своих силах политик на этот раз сильно нервничал. Он два дня водил Клементину по живописным просторам графства Оксфордшир, так и не решаясь сказать ей главное. На третьи сутки он повел гостью в расположенный рядом с дворцом розарий. Пошел дождь, вынудив молодых людей укрыться в каменной беседке — храме Дианы. Какое-то время они сидели молча. Клементина вспоминала, как она бросила взгляд вниз и, увидев ползущего жука, подумала про себя: «Если этот жук поползет до трещины, а Уинстон так и не сделает мне предложения, значит, он не сделает его никогда». Жук опоздал^[101].

Свадьбу решили справить в середине сентября. Учитывая, что отца Клементины к тому времени уже не было в живых, руки пришлось просить у ее матери леди Бланш Хозье (1852–1925). Черчилль подготовил ей письмо, в котором были следующие строки: «Я не богат и не слишком влиятелен, но я люблю вашу дочь и считаю это чувство достаточно сильным, чтобы взять на себя великую и священную ответственность о заботе над ней. Я считаю, что смогу сделать ее счастливой, дав ей необходимый статус и положение, достойные ее красоты и добродетелей». Письмо так отправлено и не было, а о своих намерениях он сообщил леди Бланш лично. Она согласилась выдать свою дочь за Черчилля. «Трудно сказать, кто из них влюблен больше, — заметила она невестке. — Зная характер Уинстона, думаю, что он. Весь мир наслышан о его великолепных умственных способностях, но какой он очаровательный и любящий в личной жизни». Леди Бланш была вообще благожелательно настроена к своему будущему зятю, считая его «мягким, добрым и очень нежным к тем, кого он любит». Уважение было взаимным. Черчилль будет ценить «храбрость, упорство, твердость и самоотречение», которые леди Бланш продемонстрировала, воспитывая одна четверых детей, и испытывать

чувство гордости, что ее кровь течет в венах его собственных детей^[102].

За несколько дней до свадьбы Клементина стала сомневаться, правильно ли она поступает, выходя за Черчилля. Ее больше смущал не жених, а его самоотверженное служение обществу и страсть к персональным достижениям. Она смотрела в корень проблемы, которая на протяжении всех последующих лет совместной жизни будет бросать тень на их отношения. Черчилль любил семью, заботясь и защищая ее, но он всегда оставался публичным человеком и такое понятие, как долг, а также подогреваемые личными амбициями цели имели для него первостепенное значение. В этом вопросе с ним невозможно было достичь компромисса. Он отдавал себя семье ровно настолько, насколько ему позволяла активность на других направлениях. И Клементина должна была его либо принять, таким как есть, либо отойти в сторону и не связывать с ним свою жизнь. Она выбрала первый вариант.

Свадебная церемония прошла 12 сентября 1908 года в церкви Святой Маргариты в Вестминстере. На невесте были платье из белого атласа, белая фата из нежного тюля, венок из флердоранжа и бриллиантовые серьги, подарок жениха. В руках она держала букет из лилий и мирты, а также молитвенник, перевязанный лайковой лентой. Новобрачным подарили серебряный поднос с выгравированными подписями всех коллег жениха по правительству; серебряные столовые приборы в георгианском стиле от либеральной ассоциации Данди; «Беседы с герцогом Веллингтоном» и десяти томное собрание сочинений Джейн Остин от премьер-министра с дарственной надписью; драгоценности от семьи Ротшильдов; роскошную Библию от заместителя лорд-мэра Манчестера; серебряные подстаканники эпохи Георга IV от Джозефа Чемберлена, а также трость с золотым набалдашником и золотой гравировкой: «Моему самому молодому министру» от короля Эдуарда VII. Самым же ценным стал подарок жениха невесте — роскошное ожерелье с гроздьями рубинов и бриллиантов.

Свадебное путешествие началось с Бленхеймского дворца и посещения могилы лорда Рандольфа на кладбище Блэдон. Затем молодожены отправились на континент, отдохнув на побережье Лаго-Маджоре и посетив Венецию. Описывая матери времяпрепровождение в медовом месяце, Черчилль говорил, что «мы бездельничаем и занимаемся любовью», иронично добавляя, что последнее является «хорошим и серьезным занятием, чему в истории есть множество примеров»^[103]. Вернувшись в Лондон, первые несколько месяцев они жили в холостяцкой квартире, которую арендовал Черчилль на Болтон-стрит, 12. Весной 1909

года они переехали в дом 33 на Экклстон-сквер, где будут жить вплоть до мая 1918 года.

В мае 1909 года в семье Черчиллей произошло пополнение. Вновь первым отличились Джек и Гвенделин: у них родился мальчик — Джон Джордж (1909–1992). Черчилль поэтично описывал появление своего племянника на свет: «Еще одна душа, избавившись от покоя или волнения бездны мира духов, выползла робко на хилый плот сознания и чувств, на котором будет дрейфовать некоторое время». Не исключено, что поэтический настрой был обусловлен ожиданием скорого появления собственного чада. Беспокоясь, как его «дорогая птичка» перенесет первые роды, он подбадривал ее, замечая, что «все мы жертвы обстоятельств, без боли нет веселья, и после слабости приходит новая сила». Все пройдет удачно. Клементина разрешится от бремени 11 июля девочкой. Малышку назовут Дианой. «Я размышляю иногда, кем она вырастет, будет ли она счастлива или окажется втянутой в водоворот хаоса?» — спрашивал себя Черчилль. Он считал, что его дочь «должна обладать редкими качествами ума и тела», правда, признавая при этом, что подобные качества «не всегда способны принести счастье и мир». Прирожденный оптимист, он все-таки верил, что «ее жизнь пройдет под яркой звездой»^[104]. Он ошибался. Любой родитель, который хоронит своих детей, несет на своей судьбе печать трагедии. И чета Черчиллей относится к их числу.

В конце мая 1911 года у Черчилля появится наследник. Назвав его в честь деда — Рандольфом, наш герой будет возлагать на него большие надежды, основная часть которых не оправдается. Рандольф ненадолго переживет своего отца, скончавшись в 1968 году через неделю после своего 57-го дня рождения. В конце 1911 года Клементина забеременела в третий раз, однако через несколько месяцев у нее произошел выкидыш, потребовавший длительного восстановления физических и душевных сил. Третий ребенок — девочка Сара — родится в октябре 1914-го, после начала Первой мировой войны. Впоследствии она станет актрисой, а самой известной ее работой будет фильм 1951 года «Королевская свадьба» с Фредом Астером (1899–1987) в главной роли. Неудачи в личной жизни, включая неодобрение родителями выбора первых двух супругов, а также появившееся после кончины третьего мужа неумеренное пристрастие к алкоголю окажут тлетворное влияние, не позволив Саре дожить до старости. Она скончается в 1982 году за пару недель до своего 68-го дня рождения.

В 1918 году Клементина забеременеет в пятый раз. Врачи сообщили, что будет девочка. Самое время радоваться, но нет. В мае заканчивалась

аренда дома на Экклстон-сквер, денег на приобретение собственного жилья в столице не было, продолжавшаяся четыре года война вселяла страх в настоящее и неуверенность за будущее. В какой-то момент Клементина уступила давлению обстоятельств и предложила Джин Гамильтон (1861–1941) — супруге генерала Йена Гамильтона (1853–1947), с которым дружил Уинстон — удочерить их чадо, которое еще тогда даже не появилось на свет. У Гамильтонов не было детей, и они подумывали о приемном ребенке. Поэтому Джин согласилась. Вскоре Клементина передумала^[105]. Малютка — ее назвали Мэриголд — появится на свет 15 ноября, быстро завоевав любовь родителей.

Четверо детей должны недвусмысленно говорить, что у Черчилля был счастливый брак. Отчасти так оно и было. Политик сам говорил, что после того, как он в 1908 году женился, он «жил счастливо». Он называл решение Клементины выйти за него замуж «самым замечательным достижением» в своей жизни. С его слов, жена «оказала благотворное и успокаивающее влияние».

Хотя подобные признания имеют явно идеализированный характер, в целом появление Клементины сказалось на нашем герое благотворно. Она была достаточно образована (по специальности — французский, немецкий, биология) и умна, чтобы своевременно помогать ценными советами; достаточно уверенна в себе и сильна, чтобы спорить и добиваться своего; достаточно проницательна и эмпатична, чтобы хорошо понимать и уживаться с непростым нравом супруга. Она знала, когда проявить заботу, когда поддержать, а когда сказать: «Стоп!», защитив своего деятельного и энергичного мужа от очередного опасного шага. Она принесла в его подвижный и беспокойный внутренний мир гармонию, став для него очагом стабильности и зоной комфорта, где его всегда ждут и понимают. Она стала его талисманом и ангелом хранителем, защищая, оберегая и спасая, иногда даже в прямом смысле, как, например, на вокзале в Бристоле в ноябре 1909 года. Когда Черчилль вышел из поезда, одна из суфражисток подскочила к нему и замахнулась, чтобы ударить плеткой по лицу. Он схватил ее за руки, после чего нападавшая стала толкать ненавистного министра к краю платформы. В этот момент поезд тронулся, еще мгновение и политик потерял бы равновесие и упал с перрона. Черчилля спасла успевшая подбежать к нему Клементина, которая схватила его за фалды пальто и резко оттащила назад.

Для Клементины отношения с Черчиллем были интересными, насыщенными, живыми, наполненными любовью, но не лишёнными трудностей. Во-первых, она не разделяла многих его хобби, которые были

сопряжены с опасностью, как, например, увлечение пилотированием. Во-вторых, приученная к скромному образу жизни и умеющая рачительно распоряжаться ограниченными средствами, она всегда возмущалась фривольным отношением супруга к деньгам, который считал, что самое лучшее средство борьбы с нехваткой средств — увеличение доходов, но ни в коем случае не сокращение расходов. В-третьих, как и любой великий человек, Черчилль был слишком сосредоточен на себе, чтобы замечать проблемы, переживания и потребности других. «Он всегда требовал, чтобы я была рядом, и сразу же забывал о моем существовании», — шутила Клементина^[106]. Он всегда был чем-то занят, о чем-то думал, куда-то стремился, к чему-то готовился, с кем-то спорил, что-то решал, изучал, предлагал. Если бы дух действия материализовался, он был бы похож по своей энергетике, порывистости и напористости на Черчилля.

При этом, несмотря на свой эгоизм, Черчилль искренне любил и даже боготворил супругу. Он называл ее «скалой комфорта» и «самым драгоценным» элементом своей жизни. «Наивысшее наслаждение чувствовать абсолютную [выделено в оригинале. — Д. М.] уверенность в твоей любви», — признался он в январе 1913 года и потом добавил: «Дражайшая Клемми-кошка, я очень счастлив, что ты меня любишь, очень счастлив находиться в твоих объятиях». Для понимания его отношения к супруге достаточно прочитать их письма друг другу, собранные и опубликованные их дочерью. В них Черчилль предстает в неожиданном образе — заботливого, нежного, самокритичного, ласкового, ранимого мужчины, делящегося обо всем, что его беспокоит, с человеком, которого любит, которому доверяет и о котором всегда скучает. Судите сами: «Моя драгоценная и любимая Клемми, — писал он в первую годовщину их свадьбы. — Я жажду еще больше проникнуть в твое сердце и еще больше раствориться в твоих объятиях. Я чувствую себя безопасно рядом с тобой. Ты настолько ласкова и заботлива по отношению ко мне, что я даже не в состоянии выразить свою благодарность твоей несравненной красоте». «Моя дорогая, — писал он через десять лет их совместной жизни. — Десять лет назад ты — белая кошечка — появилась в моей жизни. Безусловно, это было самое счастливое время. Я надеюсь и молюсь, что, оглядываясь назад, ты не испытываешь сожаления. Не могу выразить словами, насколько я благодарен тебе за все, что ты дала мне»^[107].

При наличии такой переписки, а также множества сохранившихся свидетельств, подтверждающих крепость чувств четы Черчиллей, вопрос о возможных изменах кажется глупым и неактуальным. Тем не менее страсть

к сенсациям и необъяснимое удовлетворение от поиска пятен на солнце, которые испытывают некоторые люди, приводят к их регулярному появлению. Известно, что Клементине предлагали завести любовника, чтобы облегчить и ускорить карьерный рост ее мужа. Разумеется, она с возмущением отказалась. В отношении Черчилля в начале их совместной жизни у Клементины зародились сомнения в его верности, и она даже озвучила их своему благоверному. Сначала он пришел в замешательство, после чего заметил, что эти «абсолютно дикие подозрения оскорбляют всю любовь и верность, которую я испытываю по отношению к тебе и буду испытывать до тех пор, пока дышу». По его мнению, эти подозрения «недостойны ни тебя, ни меня»^[108].

В 2018 году в ряде британских изданий появилась информация о том, что у Черчилля все-таки была любовная связь — с Дорис Кастлросс (1900–1942) в период с 1933 по 1937 год. Утверждается, что роман развивался во время отдыха политика на Ривьере, на вилле *Chateau de l'Horizon*, принадлежащей подруге Черчилля американской актрисе Максин Эллиот (1868–1940), а после вступления в войну США Черчилль поспособствовал возвращению своей *inamorata* из США в Британию, где она вскоре погибла от передозировки снотворного. Основанием для подобных утверждений стали заявления родственников Дорис; несколько фотографий, запечатлевших Черчилля в купальном костюме или в халате рядом с ней; пара картин, написанных политиком и изображавших предполагаемую любовницу; телеграммы, подписанные «с любовью, У», а также аудиозапись интервью личного секретаря нашего героя Джона Колвилла (1915–1987) за два года до его смерти, в которой он заявляет, что у его босса «определенно была связь, короткая связь» с леди Кастлросс.

Ни один из приведенных аргументов не позволяет достоверно утверждать, что роман, действительно, имел место. В этих фактах все выглядит странно. Например, вилла *Chateau de l'Horizon*. Помимо Черчилля ее также посещало множество знаменитостей, которые не смогли бы не заметить имевший место роман. Вряд ли Черчилль стал бы так рисковать, заводя отношения, о которых никто не должен был знать. Более того, Черчилль не скрывал общения с Дорис от своей супруги. Он сам писал Клементине, что проводит время «с молодой французской актрисой кино (очень милой, но не очень успешной)». Также странный поступок для мужчины, ступившего на путь измены. Относительно сохранившихся телеграмм, подписи, подобные «с любовью, У» были в то время вполне распространены среди друзей. В одной из телеграмм Черчилль писал: «Интересно, встретимся ли мы снова следующим летом». Ждать

следующего лета для общения с любимым человеком — признак не самых сильных чувств. Что касается портретов, то они скорее опровергают, чем подтверждают версию с адюльтером. Во-первых, хотя Черчилль не любил писать портреты, он к ним все-таки обращался. В том числе изображая представительниц прекрасной половины человечества, например, свою подругу Коко Шанель (1883–1971), супругу своего друга художника Уолтера Сикерта (1860–1942) — Терезу (1884–1945), племянницу Бальфура — Бланш Дагдейл (1880–1948), супругу художника Джона Лавери (1856–1941) — Хэзел (1880–1935), ни одна из которых не была его любовницей. Во-вторых, если у Черчилля действительно был роман с Дорис, о чем его супруга рано или поздно все равно бы узнала, сохранила бы она эти полотна? Наверняка нет. Например, нелюбимый ею портрет Черчилля 1954 года работы Грэма Сазерленда (1903–1980) был уничтожен. В отношении самой леди Кастлросс также не все однозначно. На момент предполагаемой связи с Черчиллем она была супругой известного журналиста и директора *Evening Standard* Валентайна Брауна виконта Кастлросса (1891–1943). Учитывая, что в *Evening Standard* наш герой в этот период активно публиковал свои статьи, в том числе на гонорары от которых содержал свою семью, заводить роман с супругой такого человека было непредусмотрительно. Последнее в перечне, но не по значимости — заявления родственников и Дж. Колвилла. Колвилл начал работать у Черчилля в мае 1940 года, поэтому все подробности его личной жизни 1930-х годов не мог знать из первых рук. Да и воспоминания о событиях почти полувековой давности вряд ли могут служить серьезным основанием. Аналогично можно сказать и про членов семьи Дорис, которые ссылаются исключительно на вербальные заявления своих родителей, что без приведения достоверных и проверяемых фактов походит на желание приобщиться к известной персоне, пусть и таким способом.

Подводя итог, версия романа Черчилля с Кастлросс выглядит неубедительной. Для всех желающих найти действительно интересные и захватывающие подробности его биографии лучше обратиться не к личной жизни политика, а к другим сферам его деятельности. Тем более что в 1911 году в его карьере наметились серьезные изменения, которые выведут его на новые рубежи.

Глава вторая
Государственный деятель
1911–1929

Первый лорд Адмиралтейства

Когда заходит речь о таких личностях, как Уинстон Черчилль, наблюдая за их выдающимися достижениями, невольно забываешь, что, несмотря на всю мощь их персоны, они действовали не одни — их окружали люди, которые претворяли их планы в жизнь, которые делились профессиональными знаниями и оперативной информацией, которые брали на себя решение частных вопросов, которые поддерживали в трудную минуту и предостерегали от опасных шагов в моменты ошибок. Учитывая непродолжительное пребывание Черчилля на первых постах, а также соответствие предлагаемых им законопроектов общему фарватеру изменений, проводимых Либеральной партией, и поддержке ключевыми фигурами в правительстве, этот фактор оказывал несущественное влияние и его можно оставить в стороне. Но с приходом Черчилля в Адмиралтейство описание его деятельности без учета взаимодействия с другими лицами создает искаженную картину.

Основу государственного управления в Великобритании составляет симбиоз между политическим и профессиональным сообществами. Первые представлены в лице членов парламента и руководителей ведомств, вторые — сотрудниками гражданской службы (чиновниками) и военными, которые подчиняются соответствующим постоянным заместителям министров. Эпитет «постоянный» означает, что назначение и снятие с поста этого должностного лица обычно не связано со сменой правительства и прихода нового министра. В случае с Адмиралтейством роль постоянного заместителя исполнял первый морской лорд, который фактически являлся главным технологом, идеологом и моряком Королевского ВМФ, и, хотя он формально подчинялся гражданскому министру (первому лорду Адмиралтейства), учитывая технические и профессиональные сложности большинства решаемых вопросов, его полномочия и свобода действий были значительны. У министра/первого лорда были и другие профессиональные заместители — второй, третий и четвертый морские лорды, которые вместе с гражданским лордом образовывали коллегиальный орган управления — Совет Адмиралтейства.

К моменту прихода Черчилля в Адмиралтейство должность первого морского лорда занимал адмирал флота сэра Артур Уилсон (1842–1921). За свою фанатичную преданность делу, отсутствие амбиций и нелюбовь к внешним атрибутам власти, а также суровость характера и

немногословность его называли «Старый Арт», а иногда просто — «Буксир». Он пользовался уважением на флоте, но в Адмиралтействе у него было мало сторонников. Те качества, которые помогли ему подняться по карьерной лестнице, в министерстве превратились в балласт и помеху. Даже Фишер признавал, что на суше от неповоротливого и упрямого «Буксира» мало толку. Черчиллю хватило пары бесед с адмиралом, чтобы понять невосприимчивость его правой руки к новому, а также осознать тот простой факт, что устаревший взгляд «Старого Арта» на многие важные вопросы не позволит сформировать продуктивный тандем. Уилсон был отправлен в отставку уже через месяц. Одно время Черчилль подумывал вернуть на службу Фишера. Но в 1911 году он на этот шаг не решился. На место Уилсона пришел адмирал сэр Фрэнсис Бриджмен (1848–1929), до этого командовавший Флотом метрополии. Проработав с ним вместе год, Черчилль понял, что и этот флотоводец ему не подходит. Не без проблем, вызванных возмущением в парламенте и попыткой консерваторов использовать Бриджмена для удара по первому лорду, в результате чего даже пришлось эскалировать вопрос на уровень короля, адмирал был снят с занимаемой должности. Первым морским лордом 9 декабря 1912 года был назначен адмирал принц Луис Баттенберг (1854–1921), который войдет в историю Англии скорее не своими успехами на флоте, а достижениями своих потомков. За три месяца до его кончины на греческом острове Корфу на свет появится его внук — Филипп (ум. 2021), который в 1947 году свяжет себя узами брака с принцессой Лилибет — будущей королевой Елизаветой II (род. 1926).

Одновременно с заменой первого морского лорда Черчилль также обновил состав Совета Адмиралтейства и изменил существующие правила: если раньше начальники департаментов эскалировали проблемы исключительно на уровень курирующих их морских лордов, то теперь у них появилась возможность прямого общения с министром. В целом подход Черчилля был направлен на замыкание на себе основных информационных потоков и получение максимальных полномочий для принятия решений. Подобная практика вызвала критические замечания со стороны парламента. Одни депутаты утверждали, что «сосредоточение власти в руках отдельных членов или тем более отдельного члена Совета противоречит традициям управления военно-морским флотом», другие, констатируя, что управление Советом «очень запутано», призывали «вернуться к коллективной ответственности». Словно щитом, Черчилль отбивался от этих нападок и предложений отсылкой к принципу соответствия ответственности и полномочий, прекрасно

сформулированному Уильямом Питтом-старшим (1708–1778): «Оставаясь ответственным, я должен управлять и не стану нести ответственность ни за что, чем не управляю»^[109].

Со стороны самих флотоводцев также не встретила поддержки манера Черчилля вмешиваться в различные вопросы, выходявшие за рамки его компетенций. «Его фатальной ошибкой, — считал командующий Флотом метрополии вице-адмирал Джон Джеллико (1859–1935), — была неспособность понять всю свою ограниченность и безграмотность, как гражданского лица, в военно-морских вопросах». При этом политик не просто подключался к решению чисто технических задач, но и неизменно настаивал на своем мнении. А последнее он делать умел. Однажды в момент острой дискуссии с главой разведывательного управления адмиралом Реджинальдом Холлом (1870–1943) он заметил, что его собеседник что-то бубнит себе под нос. Черчилль прервал свою речь и уточнил, что происходит. «Я повторяю, что меня зовут Холл, поскольку если я и дальше буду вас слушать, я поверю, что мое имя Браун», — ответил адмирал^[110]. Черчиллю и дальше придется регулярно вступать в противоборство с экспертами, иногда добиваясь своего, иногда терпя поражение, иногда предлагая свежие и здравые идеи, иногда толкая всех на скользкий путь катастрофы.

Введение новых правил и новых лиц не было самоцелью. Черчилль стремился создать податливую и отвечающую его требованиям машину управления, которая позволила бы ему реализовать задуманное. А в отличие от предыдущих возглавляемых им ведомств на этот раз планы у него были масштабные и, как обычно, направлены на конкретный результат. Последнее обстоятельство особенно прельщало его в должности первого лорда. «Наконец, я теперь могу нести хорошие яйца, вместо того чтобы царапаться, окруженный пылью и кудахтаньем», — комментировал он свое положение^[111].

Укрупненно все изменения в Королевском флоте, проведенные Черчиллем в период с 1911 по 1914 год, можно свести к четырем основным блокам. К первому относится создание Военно-морского штаба, а также внедрение новых принципов планирования и управления знаниями. Придя в Адмиралтейство, новый министр был неприятно удивлен отсутствием какой-либо формализованной процедуры планирования, а также стойким неприятием к ней членов Совета Адмиралтейства, которые отдавали предпочтение эксперименту и принятию решений в зависимости от обстоятельств. Наш герой сам был сторонником итерационного подхода,

часто меняя свои взгляды под действием вновь вскрывшихся фактов и полученных результатов, но принятые в управлении ВМФ вольности показались избыточными даже ему. Он настаивал, что в связи с постоянными изменениями и появлением новых условий должна появиться группа специально обученных специалистов, отвечающих за анализ внешней среды и проработку деталей военно-морской стратегии.

Приступив к формированию подобной группы офицеров, Черчилль пришел в недоумение от качества подготовки кадрового состава и отсутствия «систематического образования в вопросах общей стратегии и тенденций развития международной политики». Каждый учился самостоятельно, опираясь на свой опыт. «Я обнаружил, — возмущался политик, — что в течение всей службы у офицера не было ни одного момента, когда он был обязан прочесть хотя бы одну книгу о ведении военно-морских сражений или сдать хотя бы элементарный экзамен по военно-морской истории». Черчилль инициировал написание официального учебника по военно-морской стратегии, а также предложил проведение двух-или трехмесячной стажировки штабных офицеров во внешнеполитическом ведомстве для «понимания специфики текущих международных событий, а также их возможного влияния на наши интересы» и в Министерстве торговли для получения представления о коммерческих интересах и вопросах гражданского судоходства. Также благодаря его стараниям в Королевском морском военном колледже в Портсмуте открылся специальный курс подготовки штабных офицеров. Ключевую же роль в изменении устоявшихся практик Черчилль отводил Военно-морскому штабу, который в его понимании был не только органом планирования, но и базой знаний. «Штаб должен стать мозговым центром, превосходящим по своему потенциалу способности любого человека, каким бы одаренным и усердным он ни был, — указывал первый лорд в своем меморандуме в январе 1912 года. — Штаб должен обеспечить последовательные научные и теоретические изучения вопросов военно-морской стратегии и подготовки к войне. Он должен служить инструментом, способным сформулировать любое детальное и тщательно проработанное решение, которое будет принято или может быть принято высшими должностными лицами»^[112].

Указанные реформы были своевременны и необходимы, но, как верно заметил однажды сам Черчилль, «одно дело увидеть путь, лежащий впереди, и совсем другое — быть в состоянии по нему пройти». Он приступил к созданию штаба сразу же после назначения в Адмиралтейство. Спустя всего несколько дней он подготовил пространный меморандум,

обосновывающий необходимость оргштатных изменений. Спустя два месяца — в начале января 1912 года — он представил второй меморандум, описывающий цели штаба, примерную структуру, требования к кандидатам, правила взаимодействия с руководством Адмиралтейства и Штабом сухопутных сил. В том же месяце он объявил о создании нового структурного подразделения. Но этой активности было недостаточно. Штаб должен был начать функционировать и решать возложенные на него задачи. А учитывая имеющееся на флоте сопротивление и отсутствие подходящих кадров, для начала полноценной работы нужно было время. Черчилль и сам это понимал, жалуясь супруге в марте 1912 года, что подготовленные штабистами планы «содержат совершенно глупые детали, которые вызывают у меня беспокойство». «Просто удивительно, насколько мало офицеров обладает широким взглядом на войну», — сокрушался он. Схожие мысли он озвучит через несколько месяцев премьер-министру: «Чрезвычайно тяжело найти офицеров, которые имеют склад ума, подходящий к скрупулезной и непрерывной умственной работе». Адмирал Джеллико вспоминал, что, когда в декабре 1916 года он сам возглавил Военно-морской штаб, это подразделение мало чем отличалось от образца 1912 года. Придется потратить еще много нервов и сил, чтобы идеи Черчилля реализовались в полном объеме. И с годами это произойдет, только с самим политиком его детище сыграет злую шутку. Когда после начала Второй мировой войны он вновь возглавит Адмиралтейство, его отношение к штабным офицерам и результатам их интеллектуальной деятельности будет основываться на опыте 25-летней давности. Только на тот момент ему придется иметь дело с другими экспертами, качественно превосходившими своих предшественников^[113].

Второй блок изменений касался технического перевооружения флота. Главной гордостью Королевского ВМФ в начале XX века был линкор *Dreadnought* («Неустрасимый»), спущенный на воду в 1906 году, название которого вскоре стало нарицательным. В отличие от стандартных четырех орудий главного калибра он располагал десятью 12-дюймовыми пушками, каждая из которых выпускала снаряд весом 368 кг. Стрельбу с носа можно было вести одновременно шестью орудиями, а при бортовом залпе задействовать сразу восемь из десяти. Таким образом, при стрельбе с борта «Дредноут» мог заменить два линкора предыдущего поколения, а во фронтальном построении — три. Несмотря на свои гигантские размеры (водоизмещение 17,9 тыс. тонн превышало на 750 тонн водоизмещение самого крупного военного корабля того времени) «Дредноут» развивал скорость 21 узел в час, что на 3 узла превышало схожий показатель у

других линкоров. Во многом Великобритания перехватила пальму первенства в отношении строительства судов нового типа благодаря бескомпромиссности, проницательности и жесткости адмирала флота «Джеки» Фишера. Он же инициировал в 1910–1912 годах строительство дредноутов нового типа *Orion* («Орион») — собственно «Орион», *Conqueror* («Завоеватель»), *Thunderer* («Громовержец») и *Monarch* («Монарх»), главный калибр которых был увеличен до 13,5 дюйма, а водоизмещение — до 22,5 тыс. тонн, с сохранением скоростных характеристик. Изменение калибра всего на полтора дюйма позволило увеличить вес снаряда сначала до 567,5 кг, а затем до 635,6 кг, то есть на 72 % по сравнению со снарядами «Дредноута».

У Черчилля было два пути: первый — продолжить строительство судов типа «Орион», второй — пойти на следующий виток развития и построить новый тип военных судов с увеличением калибра главных орудий до 15 дюймов. В обычных обстоятельствах первый вариант был приемлемым, тем более что 13,5-дюймовые орудия хорошо себя зарекомендовали. Но пребывание Черчилля в Адмиралтействе пришлось на необычные времена. По другую сторону Северного моря активно строился флот предполагаемого противника, который не собирался уступать и также смотрел в сторону 13,5-дюймовок. Учитывая, что на тот момент 15-дюймовых орудий не существовало даже в проекте, принимать решение приходилось в условиях полной неопределенности. После мучительных размышлений Черчилль санкционировал постройку судов нового типа, ставших известными в дальнейшем, как супердредноуты. Вес снаряда увеличился до 870 кг — более чем в два раза по сравнению с «Дредноутом»! Поясняя, насколько качественным был этот скачок, наш герой впоследствии скажет, что «между супердредноутами и дредноутами была такая же разница, как между дредноутами и их предшественниками» ^[114].

И без того рискованное решение Черчилль вывел за грань безопасности, когда распорядился закладывать корпуса новых кораблей до проведения необходимых оружейных испытаний. Тем самым он хотел сэкономить время и обеспечить превосходство своей страны в случае начала в ближайшей перспективе боевых действий. Фактически, руководствуясь государственными интересами, в этот момент Черчилль поставил на кон свою карьеру, поскольку в случае неудачи вина упала бы исключительно на него, а учитывая давно точивших на него ножи консерваторов, его падение было бы катастрофическим.

Помимо патриотизма и определенной жертвенности в решении

Черчилля проявилась его склонность к авантюрам. Ему повезло. Удача была на его стороне. Испытания первых орудий позволили вздохнуть свободно. Точность стрельбы даже на максимальную дальность — 35 км (на полигоне) — показала великолепные результаты. Новые пять линкоров типа *Queen Elizabeth* («Королева Елизавета») войдут в строй в 1915 году, приняв на следующий год участие в знаменитом Ютландском сражении. Визави Черчилля — адмирал Тирпиц пойти на такой риск не решился. Немецкие супердредноуты появятся только в 1917 году после успешного проведения всех испытаний.

Увеличение калибра главных орудий потребовало решения других задач технического характера. Одна из них касалась управления артиллерийским огнем и повышения точности стрельбы. Вице-адмирал сэр Перси Скотт (1853–1924) разработал систему центральной наводки, когда орудия наводились и стреляли по единой команде. Это нововведение значительно повышало точность стрельбы, хотя и таило в себе элемент опасности, связанный с критическими последствиями обрыва связи между центральным постом и орудийными башнями, либо и того хуже — уничтожением центрального поста. Главным противником идеи Скотта был первый морской лорд Фрэнсис Бриджмен. Но Скотт не спасовал перед авторитетом адмирала. Он смог выйти на Черчилля, который предложил провести сравнительные испытания, убедительно доказавшие преимущество новой технологии. Первый лорд поддержал нововведение Скотта, дав зеленый свет его изобретению. В этом эпизоде проявился подход Черчилля с поддержкой первопроходцев, которым он всегда благоволил, защищая их от более осторожных и консервативно мыслящих коллег.

Обеспечив суда первоклассной огневой мощью и повысив качество стрельбы, Черчилль задумался над увеличением быстроходности линкоров. Если бы супердредноуты смогли развивать такую же скорость, как легковооруженные броненосные крейсера, это дало бы значительные тактические преимущества во время боя. Но для этого необходимо было увеличить скорость на 4–5 узлов, что в свою очередь без ущерба в броню требовало увеличения мощности силовой установки почти в два раза с 27 тыс. л.с. у линкоров типа *Orion* до 50 тыс. л.с. у новых моделей. При дальнейшем использовании угля в качестве топлива осуществить столь масштабные преобразования было невозможно. Необходимо было использовать другой вид горючего — нефть, которая поддерживала более высокую температуру в топках и была более удобна в эксплуатации. Казалось бы, решение было очевидно. Но на тот момент экспертам не были

известны британские месторождения, которые могли обеспечить флот необходимым количеством стратегически важного ресурса. Отсюда возникала зависимость от добытчиков и транспортировщиков нефти, которая в условиях военного времени могла оказаться фатальной.

Черчилль предложил радикальное решение — «превратить Адмиралтейство в независимого владельца и добытчика собственной нефти». Новая парадигма предполагала обеспечить достаточное количество резервов для ведения боевых действий в военное время и защиту своих позиций при колебании цен в мирное время, внедрить механизмы очистки сырой нефти, а также, пожалуй, самое главное, стать собственником месторождений или, по крайней мере, осуществить контроль над их деятельностью. Для этого Черчилль распорядился «направить все усилия на развитие потенциальных нефтяных месторождений на острове», а также рассмотреть возможность получения контроля над иностранными месторождениями. В результате проработки последнего поручения родилось предложение инвестировать 2,2 млн фунтов в *Anglo-Persian Oil Company* («Англо-персидская нефтяная компания»; АРОС) с приобретением 51 % акций. Инициативы первого лорда не встретили поддержки в парламенте, но благодаря тщательно подобранным аргументам, хорошей подготовке и грамотной организации процесса ему удалось добиться своего. Заслуга Черчилля состояла в том, что начиная с 1914 года не только стартовал повсеместный перевод судов Королевского ВМФ на нефть, но и Британия приобрела ценный актив. В личных финансах нашего героя трудно отнести к успешным инвесторам, но вложение в персидскую нефть стало одним из самых дальновидных и эффективных его решений в интересах государства. К концу 1920-х годов британская доля участия в АРОС составила 60 млн фунтов, что в переводе на современный курс соответствует 3 млрд фунтам. Дело АРОС живет и сегодня под известной маркой BP, которая уходит своими корнями к *British Petroleum Company* («Британская нефтяная компания»), которую АРОС поглотила в 1917 году для работы на европейском рынке^[115].

Еще до назначения в Адмиралтейство Черчилль увлекся авиацией. В то время как большинство его современников видели в воздухоплавании лишь средство передвижения, а использование в военных целях ограничивали разведкой и наблюдением за войсками противника (хотя и здесь были оппоненты, например, адмирал флота Артур Уилсон), наш герой предлагал превратить самолеты в эффективные боевые машины, установив на них пулеметы, торпеды и специальное оборудование для сбрасывания бомб. В его голове рождались безумные по тем временам

идеи. Что, если суда будут доставлять самолеты к месту сражения, а те, взлетая с палуб, переоборудованных во взлетные полосы, быстро достигать вражеской территории?! Воображения и энергии Черчиллю было не занимать. Но только какое отношение Адмиралтейство имело к авиации? На тот момент вопросы развития воздухоплавания находились в ведении Военного министерства. Не зацкливаясь на этих трудностях, Черчилль сначала договорился с Халдейном об объединении усилий двух ведомств, а затем, летом 1912 года, счел необходимым сформировать в составе Адмиралтейства Авиационный департамент и перейти к созданию военно-морской авиации. Благодаря его усилиям к началу войны Великобритания будет располагать 39 аэропланами, 52 гидросамолетами и 7 авианосцами.

Черчилль считал, что каждый руководитель должен собственными глазами видеть, чем он управляет, как проявляют себя проблемы и насколько добросовестно реализуются его решения. Сам он активно следовал тому, что проповедовал. За три предвоенных года в Адмиралтействе он восемь месяцев провел в инспекциях на служебной яхте *Enchantress* («Чародейка»), посещая базы, доки, верфи, порты, заводы и корабли. Еще больше личного участия он проявил в отношении авиационного дела, не только посещая аэродромы и школы подготовки пилотов, но и лично поднявшись в воздух на первых несовершенных моделях летательных аппаратов. Это было рискованное предприятие, но Черчилля оно настолько вдохновило, что он решил сам освоить азы пилотирования. Как ученик он был не подарок, испытывая трудности при взлете и посадке, но это не мешало ему получать огромное удовольствие от нового хобби. «Все великолепно, как в старые добрые времена Англо-бурской войны! — писал он супруге в октябре 1913 года, после очередного посещения авиабазы. — Я наслаждаюсь моментом: никаких скучных партийных склок, надоевших газет и нелепых выборов. Как же я счастлив, что мы живем в эпоху, когда достижения прогресса видны в каждой области военной авиации!»

Клементина не разделяла восторга мужа. Черчилль и сам понимал, что ходит по тонкому льду, заметив однажды: «Воздух — очень опасная, ревнивая и требовательная любовница. Посвятив себя ей, многие оставались верными до конца, наступавшего, как правило, задолго до прихода старости». Во время одного из заходов на посадку его самолет так потрянуло, что он чудом удержался в кабине. Коммандер Спенсер Дуглас Грей (1889–1937), с которым он впервые поднялся в воздух и который на первых порах помогал ему освоить премудрости летной профессии, спустя три дня после совместного полета получил серьезные повреждения из-за

жесткой посадки. В декабре 1913 года в авиакатастрофе погиб другой инструктор Джилберт Уайлдмен-Лашингтон (род. 1887), на том самом самолете, на котором они совсем недавно летали с главой Адмиралтейства. В июне 1914 года на гидросамолете разбился лейтенант Томас Кресвелл (род. 1887) спустя всего шесть дней после очередного полета с Черчиллем. Сначала Клементина просила супруга «быть как можно более осторожным и летать только с самыми лучшими пилотами». Но вскоре страхи, которые приняли форму ночных кошмаров и дневных фобий, не оставили ей другого варианта, как настоять на прекращении летной активности. И Черчилль отступил, согласившись «прервать летные упражнения на много месяцев, а может быть, даже навсегда». Пройдет пять лет, и он решит вернуться к пилотированию, чтобы сдать, наконец-то, экзамен на права. Очередная попытка закончится трагически. Самолет рухнет, едва успев подняться в воздух. Черчилль вылетит из кабины, отделавшись несколькими шрамами на лице, кровоподтеками и легкой контузией. После возмущения своих родственников, обвинивших его в «бесчеловечном поведении по отношению к нам», он закончит с летной карьерой. На этот раз — навсегда^[116].

Обеспечивая активное внедрение технических новшеств, Черчилль также не забывал о тех, кто составлял, по сути, самую важную часть ВМФ — моряках. Активность политика в этой части можно отнести к третьему блоку его реформ. Черчилль изменил процедуры продвижения по службе, открыв новые перспективы матросам с нижней палубы, а также добился равенства с сухопутными войсками в отношении государственных наград, в которых флот был до этого ущемлен. Кого-то подобная несправедливость может удивить. Но это еще что! В Британии, считавшей себя «владычицей морей», основная внешнеполитическая мощь и обороноспособность которой держалась на военно-морском флоте, жалование военных моряков, не считая незначительной коррекции 1908 года, оставалось неизменным с 1853 года — на протяжении почти шестидесяти лет! И это при том, что в сухопутных силах перерасчет производился несколько раз (в 1876, 1898 и 1902 годах), также не были обделены вниманием и деньгами моряки торгового судоходства и работники портов. В Черчилле еще были живы социальный реформатор и стремление к социальной справедливости, но и без этих благородных мотивов он как никто понимал, что в условиях активного технического перевооружения, требующего наличие высококвалифицированного персонала, о полноценном развитии флота можно забыть. В октябре 1912 года он представил в Кабинет министров новую схему оплаты труда военно-морского персонала,

предусматривающую выделение на ежегодной основе дополнительных 552 тыс. фунтов. Финансисты встретили предложения первого лорда в штыки. Начались борьба, обсуждения, компромиссы, в результате чего сумма сократилась до 386 тыс. фунтов. Но учитывая, что за шестьдесят лет и этого сделано не было, Черчиллю удалось одержать победу, хотя и не без привкуса разочарования. В своем обращении к королю он выразил надежду, что «Ваше Величество останется довольным новой схемой выплат», признав при этом, что сам «желал большего». Король остался доволен, — сообщит политику личный секретарь Его Величества^[117].

Последний эпизод спора с Казначейством не был из ряда вон выходящим. Все, что предлагал Черчилль — увеличение калибра корабельной артиллерии, строительство супердредноутов, переход на нефть, создание военно-морской авиации, улучшение условий службы — все это требовало дополнительного финансирования. Учитывая, что государственный бюджет ограничен, то увеличение средств на нужды ВМФ означало секвестрирование расходов по другим направлениям. Черчилль уже сталкивался с этой проблемой в 1909 году, когда обсуждалась программа строительства четырех или шести дредноутов. Тогда он был на стороне экономистов. Теперь он оказался в противоположном лагере, и ему пришлось сражаться с бывшим союзником — канцлером Казначейства Дэвидом Ллойд Джорджем. Наиболее острая полемика произошла в конце 1913 года, когда он запросил увеличение бюджета по сравнению с предыдущим годом на 3 млн фунтов стерлингов. Вокруг Ллойд Джорджа сплотились генерал-почтмейстер (министр почт) Герберт Самюэль (1870–1963), председатель Совета по сельскому хозяйству (министр сельского хозяйства) Уолтер Ренсимен (тот самый, с кем наш герой сражался в Олдхэме) и генеральный атторней Джон Саймон (1873–1954). Черчилль объединился с главой внешнеполитического ведомства Эдуардом Греем и заручился негласной поддержкой короля. Формирование коалиций могло расколоть правительство, которому в течение двух месяцев пришлось выдержать 14 утомительных и напряженных заседаний, когда каждая из сторон настолько твердо отстаивала свои позиции, что неявно угрожала отставкой в случае неприятия своих взглядов. Асквит серьезно подумывал над роспуском парламента и объявлением всеобщих выборов. Радикальных мер в итоге удалось избежать. В ходе личной встречи двух министров, продлившейся почти пять часов, Черчилль смог добиться своего и получить согласие канцлера Казначейства. На состоявшемся 11 февраля 1914 года заседании правительства были утверждены военно-морские расходы на 1914/15 год в размере 51,85 млн фунтов, что на тот момент

стало самой большой выделяемой ежегодно суммой в истории Адмиралтейства.

Четвертый блок инициируемых Черчиллем изменений был направлен на обеспечение соответствия военно-морской стратегии изменившимся условиям. До своего прихода в Адмиралтейство наш герой был последовательным сторонником викторианской политики «блестящей изоляции». Однако тревожные события Агадирского кризиса, а также подробное изучение подготовленного в 1907 году дипломатом Эйром Кроувом (1864–1925) «Меморандума о существующем положении дел в британских сношениях с Францией и Германией» заставили его пересмотреть свои взгляды и признать важность установления союзнических отношений со второй по силе европейской державой — Францией. Какое-то время Черчилль проявлял осторожность в определении по отношению к Франции обязательств, которые могли ограничить свободу внешнеполитического маневра, однако по мере приближения к 1914 году его настрой на усиление *l'Entente cordiale* («Сердечного согласия») — Антанты — укреплялся и в итоге стал рассматриваться им как единственный выход.

Союз с Францией повлиял на расстановку военно-морских сил Великобритании. В начале XX века в Британии преобладало три точки зрения относительно распределения ограниченных военно-морских ресурсов. «Средиземноморская школа» считала, что в связи с большим значением для торговли Средиземного моря, через которое после открытия Суэцкого канала проходило больше четверти британского импорта и почти 30 % британского экспорта, необходимо было укреплять ВМС в этом регионе, включая развитие военно-морских баз в Александрии, на Мальте, Кипре и в районе Гибралтара. «Ла-маншисты», напротив, были уверены, что, исходя из отношения полученных стратегических преимуществ к затраченным ресурсам, усиление Средиземноморского флота Британии невыгодно в отличие от сосредоточения сил около метрополии. Представители третьего направления — «отзовисты» — выступали за полный вывод ВМФ из Средиземного моря с обеспечением контроля над Гибралтаром, Суэцким каналом, а также коммуникациями вокруг мыса Доброй Надежды в случае начала войны. После изучения в январе 1912 года проекта флотской новеллы Германии Черчилль пришел к выводу о необходимости перевода в Северное море как можно больше сил для противостояния Флоту открытого моря. В этом отношении он руководствовался главным стратегическим принципом своего кумира Наполеона: победа над противником обеспечивается за счет создания

перевеса сил на решающем участке фронта. «Разбрасывание сил, растрачивание денег, организация пустых парадов с участием дурацких суденышек в редко посещаемых водах — вот некоторые составляющие той политики, которая через экстравагантность ведет к поражению», — объяснял он свои взгляды.

Черчилль предложил одновременно с активным строительством новых судов максимально усилить один регион за счет ослабления других. Для этого следовало, во-первых, сократить силы доминионов. «Каждый в отдельности флот доминионов слаб и даже смешон, *et praeteria nihil*^[118], — писал Черчилль премьер-министру. — Но собранные вместе они могут представлять такую силу, которой ни одна европейская держава не сможет противостоять без разделения своих флотов в домашних водах». Во-вторых, принести в жертву Средиземноморский флот. Если первое предложение вызвало возмущение со стороны руководства доминионов, то второе — подверглось суровой критике в Лондоне. Для Черчилля волнительная среда борьбы, споров и преодолений была родной. Он достаточно легко смог сломить сопротивление доминионов и с открытым забралом устремился в бой с противниками своей Средиземноморской стратегии в Уайтхолле. Политик-практик, он отчетливо понимал, что в изменившихся условиях нельзя быть сильным везде, для достижения победы необходимо чем-то жертвовать, стягивая все силы и ресурсы на ключевое направление. Когда ему возражали, что Средиземноморье является «сонной артерией империи» и потеря этого региона недопустима, он парировал — «глупо потерять Лондон и сохранить Египет». Союз с Францией позволял разделить контролируемые зоны, оставив за собой Северное море и доверившись партнеру в Средиземном. Когда ему указали, что зависимость от французов «невыносима большинству англичан», он призвал умерить гордость. В итоге пусть не в полной мере, но Черчиллю удалось добиться принятия своей точки зрения. Основной приоритет был отдан Северному морю, а в отношении Средиземноморского флота вводился односторонний стандарт, означавший, что британские ВМС не должны уступать флоту сильнейшей морской державы этого региона. Учитывая, что Франция не относилась к числу предполагаемых противников, названный стандарт распространялся в первую очередь на флоты Австрии и Италии. Осенью 1912 года Франция объявила о передислокации шести судов Атлантического флота в Средиземноморье. Королевский же ВМФ отправился на север. Тирпиц с иронией отреагировал на эту военно-морскую рокировку, назвав концентрацию британского флота в Северном море «козырной картой, которая выпала

нам». Черчилль считал иначе. Если «козырная карта» и выпала, то именно британцам. И заключалась она в том, что отныне взаимоотношения «Британии и Франции становились все ближе и ближе»^[119].

Все усилия Черчилля от технического перевооружения флота до изменения стратегии были направлены на подготовку к возможной войне с Германией. Считал ли Черчилль ее неизбежной? Когда король Испании Альфонсо XIII (1886–1941) во время автомобильной поездки в Эскориал весной 1914 года спросил его: «Вы верите в войну в Европе?» — он ответил: «Иногда верю, иногда нет». Он был один из немногих, кто догадывался, в какую бездну отчаяния, трагедии и потерь для каждой из сторон превратится мировая война, но при этом не испытывал страха перед надвигающимся Армагеддоном и считал, что его страна может и должна дать отпор. «Мир движется к катастрофе и краху, но происходящее вызывает у меня интерес, я возбужден и счастлив, — писал он супруге 28 июля 1914 года. — Не ужасно ли думать подобным образом? Подготовительные мероприятия вызывают у меня восхищение. Я прошу Бога простить меня за подобное легкомыслие». По счастливому стечению обстоятельств вместо привычных летних маневров из-за экономии средств в самый разгар внешнеполитических обсуждений во второй половине июля 1914 года проходила тестовая мобилизация 3-го флота, входившего в состав Флота метрополии. В мероприятии также приняли участие отдельные суда 1-го и 2-го флота, также входивших в состав Флота метрополии. В понедельник 27 июля мобилизационные мероприятия должны были подойти к концу и начаться рассредоточение сил. В воскресенье, надеясь, что обстановка нормализуется и мирового пожара удастся избежать, Черчилль вырвался на побережье в Кромер, графство Норфолк, где отдыхала его семья. Однако, получив новости, что ситуация обостряется, он в срочном порядке вернулся в столицу. Пока он был в пути, Баттенберг взял на себя смелость и отменил предстоящее рассредоточение Флота метрополии. Это было своевременное и мудрое решение. Надеясь умерить пыл немцев, Черчилль предложил опубликовать в газетах приказ о прекращении рассредоточения флота. Кабинет предложение первого лорда одобрил, но остановить катастрофу это не смогло. На следующий день, 28 июля, Австрия объявила войну Сербии. Началась мировая война, о чем в Белграде, Вене, Лондоне, Берлине, Париже, Брюсселе и Санкт-Петербурге пока не догадывались. Черчилль тем временем активно готовился к началу противостояния. Вечером того же дня он сообщил королю, что 1-й флот отправлен на север на базу Скапа-Флоу (маневр успешно завершился 30-го числа), 2-й флот сосредоточивается в Портленде, противовоздушная

оборона у эстуария Темзы укреплена, а также усилены меры безопасности у нефтяных резервуаров, складских помещений и хранилищ угля.

На заседании правительства 1 августа Черчилль поднял вопрос о мобилизации Королевского флота. Это предложение вызвало острую дискуссию и в итоге было отклонено. Подобная реакция в свете происходящих событий может вызвать удивление. На самом деле она была закономерна. Антивоенные настроения преобладали в Сити, да и среди министров далеко не все считали, что следует вступать в войну с Германией, если рейх нападет на Францию или Бельгию. Причем если в случае с Францией речь шла о союзнике, то согласно решению 1839 года Бельгия была нейтральным государством, одним из гарантов нейтралитета которого являлась Британия. Однако некоторых министров эти обстоятельства не смущали, и они считали, что войну в Европе не обязательно нужно воспринимать как британскую войну.

Вечером Черчилль находился в Адмиралтействе. На 23.00 у него была назначена встреча с премьер-министром. Пытаясь скоротать оставшееся до аудиенции время, он решил сыграть в бридж с навестившими его Ф. Э. Смитом и Максом Эйткеном (1879–1964)^[120]. Когда карты были розданы, секретарь принес телеграммы из Форин-офиса. Взяв первую из них, Черчилль прочитал вслух: «Германия объявила войну России». По словам Эйткена: «Уинстон не был расстроен, не был обрадован, не был удивлен. Он вышел с гордо поднятой головой из комнаты с видом человека, который отправился выполнять хорошо знакомую работу». На встрече с премьер-министром Черчилль заявил, что он объявляет мобилизацию военноморского флота и всю ответственность за это решение готов взять на себя. Асквит выразил взглядом свое согласие. После чего Черчилль поспешил в Адмиралтейство отдать необходимые распоряжения. Ночью он написал супруге: «Все решено. Германия отбросила последние надежды на сохранение мира, объявив войну России. Объявление войны Франции ожидается с минуты на минуту. Я прекрасно понимаю твои чувства. Но мир сходит с ума. Мы должны позаботиться о нас и наших друзьях. Мне тебя не хватает. Целую твоих котят. Твой преданный, У».

На следующий день, 2 августа, Германия предъявила Бельгии ультиматум. Бельгийцы ответили, что принятие выдвинутых в нем условий означает «принесение в жертву чести нашей страны». Великобритания в свою очередь направила 3 августа ультиматум Германии с целью не допустить вторжения в Бельгию. Срок ультиматума истек в 11 часов вечера по британскому времени и в полночь — по общеевропейскому. Пока Биг-Бен отсчитывал последние часы мира, Черчилль усиленно готовился к

войне: всем флотоводцам было дано указание «установить контакты со старшими французскими офицерами, находящимися вместе с вами на базах». Также он потребовал от премьер-министра одобрить проведение «совместных действий англо-французских флотов по защите Ла-Манша». Одобрение было получено. Когда срок ультиматума истек и Великобритания вступила в войну, очевидцы вспоминали, что Черчилль находился в приподнятом настроении: «Его лицо сияло, движения были резки, слова вылетали одно за другим»^[121].

Можно было подумать, что он был счастлив от начала мирового пожара. Но нет! Опасность, кризис, возможности проявить себя всегда действовали на него возбуждающе. Кроме того, он испытывал гордость. Не только за приведение флота в последние несколько дней в состояние боевой готовности, но и за общие достижения по его модернизации. Черчилль не случайно называл годы руководства Адмиралтейством самыми счастливыми. Он оказался на своем месте, когда быстрота его мышления, его активность, воображение, смелость, готовность сражаться за свои взгляды и способность побеждать позволили ему добиться экстраординарных успехов. Он был воодушевлен и готов был нести заряд своей положительной энергии дальше. Но только тогда он еще не ведал, что стремительный поток мутных вод, который подхватил его 4 августа 1914 года, был настолько неуправляем и опасен, что исповедуемая нашим героем открытость и склонность к авантюризму неминуемо вели к катастрофе.

Первая мировая война

С началом войны положение Черчилля в правительстве укрепилось, а его звезда стала сиять еще ярче. Не считая возглавившего в начале августа военное ведомство фельдмаршала Герберта Китченера^[122], он был единственным капитаном на британском лайнере, кто прекрасно ориентировался в военной специфике, зная, что делать, как делать и когда делать. Он источал уверенность и смелость, олицетворяя собой энтузиазм и действие. Кризис, который других подавлял, у него вызывал возбуждение и желание бороться.

Вначале события действительно благоволили молодому герою. Своевременно принятые решения позволили привести флот в боевую готовность, пролив Па-де-Кале был полностью защищен от флота противника, и по нему беспрепятственно можно было начать переброску Британских экспедиционных сил на континент. Через две недели после набата во Францию была переброшена британская армия численностью 120 тыс. человек.

Но война не терпит определенности и по-своему расставляет оценки и знаки. В августе, несмотря на значительное превосходство в силе, в Средиземноморье были позорно упущены германские линейный крейсер *Goeben* («Гёбен») и легкий крейсер *Breslau* («Бреслау»), которые умудрились проскочить через Эгейское море и Дарданеллы в Константинополь, повлияв на вступление Турции в войну на стороне Германии. В сентябре в течение часа немецкая подлодка *U-9* потопила три броненосных крейсера Королевского флота — *Aboukir* («Абукир»), *Hogue* («Хог») и *Cressy* («Кресси»), приведя к гибели свыше 1400 человек. В конце октября у относительно безопасных берегов Северной Ирландии подорвался на mine и затонул линкор *Audacious* («Дерзкий»). Через несколько дней «владычица морей» проиграла сражение у чилийского порта Коронель, потеряв 1600 моряков, включая командующего контр-адмирала Кристофера Крэдока (род. 1862). Все эти эпизоды не прошли незамеченными, и, несмотря на большой кредит доверия, изначально предоставленный Черчиллю, вызвали суровую критику. Недовольство прозвучало со стороны флотоводцев, прессы и коллег по правительству, которые заключили, что все случившееся «не делает чести военно-морским офицерам»^[123].

В определенной степени Черчилль стал жертвой печального правила,

когда успех воспринимается как должное, а неудачи — как личные ошибки руководителя. Но в произошедшем была и его вина. Неумная активность и не всегда обоснованная любовь к деталям привели к тому, что в Адмиралтействе была выстроена жестко централизованная система управления. Первый лорд не чурался лично составлять оперативные указания флотоводцам на местах, а также готовить протоколы по итогам заседаний со своим участием. Ни Баттенберг, ни другие члены Совета Адмиралтейства не были в состоянии вести на равных споры с руководителем, который подавлял окружающих своей харизмой, аргументами и красноречием. Он либо ругал военно-морских экспертов за отсутствие воображения и неспособность подготовить дельные предложения, либо негодовал, когда они подвергали критике его собственные планы и расписывались в неспособности их выполнения. С одной стороны, Черчилль был прав, пытаясь преодолеть аморфность и инертность коллег, постоянно предлагая, иницилируя и толкая. Но в этом культе действия таилась скрытая угроза. Черчилль не хотел признавать, что выжидание тоже полезно. Как бывший кавалерист он ценил атаку и считал погоню эффективным инструментом уничтожения противника. Но война на море управляется по иным законам, чем противостояние на суше. Черчилль вообще столкнулся с тем, что война оказалась гораздо менее прогнозируема и более сложна, чем он полагал изначально. Наследие Нельсона с сокрушением военно-морских сил противника одним ударом в одном сражении оказалось иллюзией. Немецкий флот не собирался вступать в открытое и масштабное противостояние, предпочитая позиционную борьбу и подводные лодки. Не все так просто оказалось и с экономической блокадой, которая должна была сократить поставки в Германию ценных ресурсов. Эти планы были разрушены нейтральными странами, которые через свои суда и порты продолжали снабжать Второй рейх. Черчилль считал, что в подобных условиях следует сорвать покрывало нейтралитета. Подобные предложения, как и стремление усилить блокаду, встретили оппозицию в правительстве. Многие политики считали, что подобные действия не принесут пользы, а приведут к появлению новых проблем.

Помимо жесткой централизации процесса принятия решений в Адмиралтействе поведение Черчилля в этот период также отличалось неподдельным интересом к вопросам, выходящим за периметр его ответственности. Он смотрел на ситуацию в целом, отводя флоту лишь локальную роль. Отчасти столь широкий взгляд объяснялся пониманием, что, несмотря на всю свою мощь, ВМФ неспособен в одиночку победить Германию. Черчилль не испытывал иллюзий, отчетливо видя, что основные

бои будут происходить на суше и путь к победе лежит в сокрушении немецкой армии. В этой связи он был одним из немногих представителей либерального крыла, кто выступал за увеличение контингента войск Британской империи в Европе — до 1 млн человек с сохранением этого количества на протяжении всей войны. Другая причина, почему первый лорд полез в решение вопросов, к которым не имел прямого отношения, состояла в неспособности морской стихии поглотить его неудержимую натуру. По воспоминаниям современников, он заскучал в Адмиралтействе, «рассуждая исключительно о сухопутных операциях»^[124].

Страх, ответственность, лишения, стресс — все эти неизбежные спутники войны, которые подавляли и ломали государственных деятелей, на Черчилля действовали тонизирующе, раскрывая в нем лидерские качества и пробуждая его воображение. То он предложил блокировать Дарданеллы после того, как *Goeben* и *Breslau* укрылись в Турции, то настаивал на захвате одного из Фризских островов, принадлежащих Нидерландам, чтобы затем использовать его в качестве базы для нанесения воздушных ударов по Кильскому каналу. Не ограничиваясь одними лишь планами, он создал подконтрольное себе формирование для сухопутных операций — дивизию морской пехоты, а также знаменитое криптоаналитическое бюро, больше известное по номеру помещения, где оно располагалось — «Комната 40». Когда в начале сентября Китченер попросил коллегу взять на себя организацию воздушной обороны страны, он тут же согласился. Черчилль первым среди членов британского правительства пересек во время войны Ла-Манш и принялся изучать фортификационные сооружения. Он стал брать слово и активно выступать, пытаясь передать часть своего задора окружающим. В целом его выступления ждали и воспринимали хорошо. Но бывали случаи, когда увлекшись, он произносил фразы, которые вызывали возмущение и негативно влияли на его реноме. Например, 21 сентября на партийном митинге в Ливерпуле, посвященном мобилизации, он выступил с речью, в которой заявил: «Если немецкие корабли не выйдут на честный бой, их выкурят как крыс из нор». По мнению короля, подобные фразы «недостойны министра». Словно в отместку зазнавшемуся политику на следующий день немецкая подлодка потопила три броненосных крейсера, о чем уже упоминалось выше. Не считая этих эпизодов, Черчилль был счастлив оказаться под лучами рампы. Он сам воспринимал себя не иначе как творца истории. «Боже мой! — восклицал он. — Это же живая история! Все, что мы говорим и делаем, будет прочитано тысячами поколений,

подумайте об этом!»^[125] Вскоре ему представилась возможность стать одним из главных действующих лиц разыгрываемой драмы.

В первых числах октября немецкие войска планировали отрезать Антверпен, где в тот момент находилось бельгийское правительство. Узнав о планах бельгийцев оставить город, Китченер испугался, что противник сможет занять побережье и захватить стратегически важные для британцев Дюнкерк и Кале. Черчилль как раз собирался ехать в Дюнкерк. По согласованию с военным министром и главой Форин-офиса (Асквит в этот момент находился в Уэльсе и был недоступен) он предложил лично отправиться в Антверпен, чтобы убедить бельгийцев продолжить сопротивление. Проведя 3 октября переговоры с премьер-министром Бельгии, Черчилль решил задержаться в Антверпене. Боевой дух местных войск оставлял желать лучшего, и он надеялся своим присутствием поддержать защитников до прибытия подкрепления — дивизии морской пехоты. На третьи сутки он телеграфировал Асквиту, попросив освободить его от руководства Адмиралтейством и дать ему воинское звание, которое позволило бы принять командование всеми силами, участвующими в обороне города. Когда премьер зачитал эту телеграмму членам правительства, комнату заседаний заполнил «гомерический хохот». Только Китченер подтвердил свою готовность присвоить Черчиллю звание генерал-лейтенанта. Но Асквит остановил фельдмаршала. Ему не понравилась идея, чтобы бывший гусарский лейтенант командовал двумя генерал-майорами. Кроме того, он хотел, чтобы Черчилль продолжил руководство ВМФ. Было решено в оперативном порядке направить в Антверпен срочно сформированный IV корпус генерал-лейтенанта Генри Роулинсона (1864–1925), но тому нужно было время для отправки подкрепления на место. Тем временем немцы усилили обстрел городских укреплений. Черчилль счел неправильным покидать Антверпен в столь критический момент. Пренебрегая личной безопасностью, под разрывами шрапнели он стал вдохновлять солдат и руководить обороной города. Вечером 6 октября в Антверпен прибыл генерал Роулинсон. На последовавшем Военном совете бельгийское руководство выразило сомнение в возможности продолжения обороны, несмотря на приближающееся подкрепление в 40 тыс. человек. Черчилль пытался их переубедить, но безуспешно. Передав командование Роулинсону, он оставил город и через Остенде и Дувр вернулся 7 октября в Лондон. На следующий день защита Антверпена была признана нецелесообразной и направлявшийся на помощь контингент был остановлен. 10 октября

Антверпен пал. Немцы вошли в город^[126].

Что это было — эксцентричное поведение потерявшего связь с реальностью политика или героическое поведение патриота, рисковавшего жизнью ради спасения ситуации в одиночку? И то и другое одновременно. Черчилль руководствовался лучшими побуждениями — осознавая критичность положения, он решил действовать. И его действия с минимальными потерями (в результате обороны погибло всего 57 человек) подарили британской армии шесть бесценных дней для возвращения на побережье Ла-Манша и перегруппировки сил во Фландрии. Другое дело, что театральность и безрассудное по отношению к собственной безопасности и репутации поведение вызвали смех у одних и нарекания у других, лишь еще больше убедив окружающих в ненадежности первого лорда и его неискоренимом желании воевать. Даже Клементина считала, что в этом эпизоде «чувство меры изменило Уинстону». В дальнейшем она будет всегда неодобрительно отзываться об этом происшествии. Ее понять можно. В тот момент, когда супруг рисковал собой, она рожала третьего ребенка, появившегося на свет в самый разгар событий — 7 октября. Черчилль также, и в своих мемуарах (1923 год), и в одной из своих статей (1931 год), будет выражать удовлетворение тем, что его просьба о командовании была отклонена. Хотя какая-то неудовлетворенность все равно останется. «Я завидую вам, вы делаете то, что я всегда хотел — командовать в сражении великими победоносными армиями, — скажет он во время Второй мировой войны фельдмаршалу Гарольду Александру (1891–1969). — Я подошел к этому лишь однажды близко в годы Великой войны, когда командовал войсками в Антверпене. Я считаю, что оно могло стать моей огромной возможностью»^[127].

Несмотря на томление Черчилля по сухопутным кампаниям, его карьера в начале войны была связана с флотом. В конце октября в Адмиралтействе произошли серьезные кадровые изменения. Из-за усиления антигерманских настроений в отставку был вынужден подать принц Баттенберг. В своем прощальном письме Черчилль заметил, что «в большом долгу» перед адмиралом и «испытывает боль от прекращения трехлетнего сотрудничества»^[128]. В глубине души он переживал меньше, считая, что флоту необходим более активный и сильный первый морской лорд. Место Баттенберга занял адмирал флота «Джеки» Фишер. Это было неудачное решение. Не только потому, что адмиралу шел 74-й год и его гениальность теперь все больше вырождалась в безумие. И не потому, что два основных руководителя Адмиралтейства придерживались

несовпадающих стилей работы и разных расписаний дня (Черчилль работал допоздна и шел спать незадолго до пробуждения своего зама). Ошибка заключалась в том, что они оба были сильными личностями, напоминая двух примадонн на одной сцене, которые успокоятся только после того, как своей ссорой сорвут спектакль и разрушат свои карьеры. Фишер был опытным игроком в борьбе за власть. Он умел произвести впечатление, очаровав в свое время таких лидеров, как Гладстон и Гарибальди, а также находился на хорошем счету у королевы Виктории и ее сына короля Эдуарда VII. Он знал, как себя вести с властями, придерживаясь, занимая пост главного моряка при четырех первых лордах и легко управляя своими руководителями. Но Черчилль оказался ему не по зубам. «Он всегда меня переубеждает», — жаловался адмирал^[129]. Но и со стороны Черчилля эти триумфы в противостоянии воли были пирровыми победами. Не привыкший проигрывать, Фишер злился и впадал в истерику, написав свое первое заявление об отставке уже спустя два месяца после возвращения в Адмиралтейство. Тогда Черчилль уговорил его остаться. Проблему это не решило, и неровные отношения с первым заместителем сыграли негативную роль в планировании и реализации следующей крупномасштабной операции.

К концу 1914 года стало очевидно, что европейский театр военных действий превратился в кровавый тупик, когда мало-мальское продвижение вперед давалось ценой больших потерь и быстро компенсировалось контрнаступлением. «Разве нет других альтернатив, кроме как посылать наши армии жевать проволоку во Фландрии?» — задавал Черчилль риторический вопрос премьер-министру в конце декабря 1914 года^[130]. Сам он предлагал разные варианты выхода из тупика от захвата датского острова Борнхольм и совместной операции с русской армией по захвату Кильского канала с последующим вторжением в Померанию и движением на Берлин до захвата немецкого острова Боркум с организацией на нем морской базы для наблюдения за флотом противника. Глава Военного секретариата Военного кабинета Морис Хэнки (1877–1963) предложил план по захвату Константинополя и открытию дополнительного канала снабжения русской армии. В операции планировались обстрел Дарданелл из орудий старых линкоров, а также высадка британских войск и греческого десанта. Разработка и обсуждение этого плана совпали с тяжелыми боями между русскими и турецкими силами на Кавказе. 1 января британский посол в Петрограде направил главе Форин-офиса просьбу Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами

Российской империи великого князя Николая Николаевича (1856–1929) рассмотреть возможность проведения против Турции какой-нибудь операции, которая бы заставила турецкое руководство отвести войска с Кавказа. Запрос был перенаправлен в военное ведомство. Китченер обсудил возможность помощи с Черчиллем, который был первоначально против форсирования Дарданелл. «Они слишком далеко от основного театра военных действий», — заявил он Фишеру 2 января. Когда первый морской лорд попытался склонить своего шефа в пользу турецкого сценария, Черчилль парировал, что «наш враг Германия, на войне плохая практика искать дешевых побед и легких противников». Какое-то время он продолжал настаивать на идее с захватом островов Борнхольм и Боркум. Хотя 3 января попросил командующего эскадрой в Восточном Средиземноморье контр-адмирала Сэквилла Кардена (1857–1930) оценить возможность форсирования Дарданелл исключительно силами флота с использованием старых линкоров. Карден ответил 5-го числа, что Дарданеллы взять можно, но «не стремительным наскоком, а в ходе крупномасштабной операции с участием большого количества кораблей». На следующий день адмиралу был направлен очередной запрос с просьбой конкретизировать, что он имеет в виду. В ответном послании Карден подробно расписал, как благодаря минным тральщикам, расчищающим путь линкорам, можно перейти к методичному уничтожению корабельной артиллерией фортов противника с последующим прохождением через пролив британской эскадры. На этот раз идея показалась Черчиллю привлекательной^[131].

Почему Черчилль передумал и решил поддержать операцию в Дарданеллах? Он понимал, что разработка одного только плана по захвату Боркума потребует несколько месяцев. Чтобы не терять времени, он решил, не отказываясь от своей идеи с Боркумом, переключиться на Дарданеллы. При этом операцию планировалось проводить исключительно силами флота, задействовав старые линкоры. Использование ограниченного контингента и устаревших судов позволяло без существенного ослабления сил на других направлениях начать операцию, которую всегда можно было оперативно свернуть при появлении серьезных проблем, сведя потери к минимуму. Быстрая же победа позволяла повысить престиж, не говоря уже о появлении манящих перспектив для захвата Константинополя со всеми стратегическими преимуществами, открывавшимися при таком развитии событий. 13 января он поддержал операцию на Военном совете, не упомянув при этом о точке зрения некоторых своих экспертов, которые указывали на невозможность форсирования Дарданелл исключительно

морскими силами, а также обращали внимание на высокую вероятность больших потерь. Соответственно риски в тот момент из руководства никто не обсуждал, и операция получила одобрение.

Фишеру 25 января исполнилось 74 года. Свой день рождения он отметил тем, что вступил с Черчиллем в очередной спор и написал второе прошение об отставке. Он выступил против отправки старых линкоров в Дарданеллы, опасаясь значительных человеческих жертв, и настаивал на проведении операции совместно с сухопутными силами. Не без влияния Асквита его удалось переубедить. Продемонстрировав внешнюю лояльность, внутри адмирал затаил обиду. Одновременно с Фишером среди морских экспертов стало преобладать мнение о необходимости задействования сухопутных сил, как для разрушения орудий турецких фортов, так и для обеспечения безопасности коммуникаций на полуострове Галлиполи после проникновения флота в Мраморное море. 19 февраля Карден начал обстрел фортов, успех которого породил оптимистичные оценки скорейшего завершения операции. За три дня до этого на Военном совете было принято решение направить в Дарданеллы 29-ю дивизию, а также австралийские и новозеландские войска. Это решение оказалось принципиальным, поскольку из небольшой периферийной операции боевые действия в Дарданеллах постепенно начали трансформироваться в масштабную военную кампанию с участием армии и флота. Примечательным в этой перемене было то, что два ключевых министра — Черчилль и Китченер — продолжили придерживаться первоначального плана. В частности, в своих указаниях Кардену от 24 февраля Черчилль писал, что «в настоящий момент не предполагается использование сухопутных сил за исключением отдельных частей морской пехоты для разрушения конкретных орудий фортов». Военный министр также отказался направлять 29-ю дивизию. На этой почве у него возник конфликт с нашим героем. Глава Адмиралтейства, постепенно понимая и принимая изменившуюся концепцию, пришел к выводу, что использование войск без регулярных частей, к которым относилась 29-я дивизия, не позволит достичь цели и приведет к большим потерям. Поэтому он стал убеждать Китченера выделить 29-ю дивизию, но до поры до времени его настоятельные просьбы разбивались вдребезги о категоричную позицию военного министра. «Мои ограниченные возможности не позволяют мне влиять на события, — жаловался Черчилль в конце февраля своему брату, который в тот момент воевал во Франции. — Я выдохся»^[132].

Последующее развитие событий показало, что ситуация стала выходить из-под контроля, а каждое действующее лицо начало вести себя

по меньшей мере странно. Сначала на заседании Военного совета 10 марта Китченер заявил, что ситуация на Восточном фронте не вызывает опасений и он готов направить 29-ю дивизию в Дарданеллы. В ответ Черчилль неожиданно парировал, что флот справится самостоятельно. После этого члены совета приступили к обсуждению территориальных приобретений, как будто уже захватили Константинополь. На следующий день из перехваченного радиосообщения стало известно, что форты, защищающие Дарданеллы, испытывают серьезную нехватку боеприпасов. На основе этой информации Карден получил новые инструкции с требованием перейти к более активным действиям. 12 марта в Дарданеллы направился командующий сухопутными силами генерал Гамильтон, старый друг нашего героя еще со времен Англо-бурской войны. Карден тем временем столкнулся с проблемой траления мин из-за плотного огня береговых укреплений. Черчилль призвал его дождаться высадки сухопутных частей и координировать совместные усилия с Гамильтоном, но Карден решил не ждать армии и перейти в наступление 18-го числа. При этом сам он неожиданным образом оформил больничный лист и передал командование следующему по званию контр-адмиралу Джону де Робеку (1862–1928). Новый командующий не стал менять планы предшественника и перешел в наступление в назначенный час. В течение одного дня, подорвавшись на минах, затонули один французский и два британских линкора, еще три — получили серьезные повреждения. Несмотря на тяжелые потери в технике, человеческих жертв на британской стороне было относительно немного — в течение дня погибли 50 моряков, еще 23 получили ранения. В этот момент следовало признать ошибочность всей операции и полностью отказаться от дальнейших действий. Но британское руководство, завороченное манящими плодами возможной победы, решило на совете 19 марта продолжать наступление, перейдя затем к очередному обсуждению планов разделения Османской империи. Из-за плохой погоды де Робек взял тайм-аут на пару дней, после чего 23 марта телеграфировал о своем решении собраться с силами и перенести наступление на середину апреля. Черчилль попытался его переубедить, на этот раз вновь поверив в возможности решения боевой задачи исключительно морскими силами. Он подготовил соответствующую телеграмму от имени руководства Адмиралтейства, согласовав ее текст с Китченером и Асквитом. Но Фишер и его коллеги заблокировали отправку телеграммы, поддержав де Робека. Асквит также отказался идти наперекор адмиралам. В результате Черчилль ограничился персональной телеграммой, в которой призвал де Робека еще раз подумать относительно продолжения операции в ранее согласованные

сроки. Контр-адмирал ответил, что «штурмовать пролив только силами флота будет ошибкой». Трансформация завершилась. Отныне сухопутные силы начали играть основную роль, существенно сократив полномочия Черчилля при влиянии на дальнейший ход событий. 24 марта он вернулся к своей идее с Боркумом, подготовив подробный меморандум о предположительном захвате острова после 15 мая^[133].

Штурм береговых укреплений с высадкой 30 тысяч человек на полуостров Галлиполи начался 25 апреля. Вместо ожидаемого уничтожения фортов десант встретил серьезное сопротивление, погрязнув в кровавых перестрелках на невыгодных позициях. За две недели упорных боев поставленные цели достигнуты не были. Войска понесли существенные потери. Черчилль решил возобновить наступление силами флота, но встретил сопротивление со стороны Фишера, опасавшегося дополнительных жертв. Первый лорд попытался задобрить адмирала, согласившись на возвращение в домашние воды супердредноута *Queen Elizabeth*, но первый морской лорд закусил удила. Утром 15 мая он написал свое восьмое заявление об отставке и спрятался в отеле у вокзала Чаринг-кросс, ожидая, кто пригласит (фактически найдет) его первым — Черчилль или Асквит. Служба сыска на Даунинг-стрит оказалась эффективнее. Продолжая играть роль обиженного, адмирал подтвердил премьер-министру, что больше не может работать с Черчиллем. Асквит попытался помирить двух примадонн. Черчилль в свою очередь передал Фишеру примирительное письмо, но безрезультатно. От личной встречи со своим руководителем адмирал отказался. Получив поддержку со стороны других членов Совета Адмиралтейства, Черчилль решил назначить своим первым заместителем адмирала Уилсона, который после начала войны работал в ведомстве в должности советника. Но эти планы не будут воплощены в жизнь. Тори воспользовались ситуацией и перешли в масштабное наступление, обвинив правительство в неспособности управлять войной. Пытаясь удержать ускользающую из рук власть, Асквит решил сформировать коалиционное правительство и допустить консерваторов в Военный совет. Лидеры тори согласились на такой расклад, поставив одно условие — Черчилль должен покинуть Адмиралтейство. Наш герой сначала воспринял эту новость в штыки, заявив, что «не согласится ни на какой пост, кроме как в военном ведомстве». Затем его стиль общения с премьер-министром сменился с категоричного на заискивающий: «С вашей стороны было бы очень любезно пригласить меня сегодня». Пока, наконец, не превратился — в просящий: «Я согласен на любую должность, самую незначительную, если угодно, которую вы мне предложите».

Пока Черчилль боролся за свое будущее, произошли два события, скрасившие его темные будни в этот период. Сначала адмирал Артур Уилсон, которого он уволил в 1911-м и вернул в 1914-м, заявил, что согласен служить первым морским лордом только под началом Уинстона Черчилля. «Это величайший комплимент, который мне когда-либо оказывали», — заявил политик. Затем Клементина совершила поступок, который никогда не делала прежде и не будет совершать впредь. Она написала Асквиту эмоциональное письмо, в котором заявила, что, избавляясь от Черчилля, он демонстрирует слабость и причиняет стране вред. «В ваших глазах и в глазах тех, с кем он работает, у Уинстона, возможно, есть недостатки, но у него есть важные качества, которыми, я осмелюсь сказать, обладают немного членов вашего предыдущего и будущего кабинетов министров, — энергия, воображение, убойное стремление воевать с Германией», — заявила она. Асквит охарактеризовал это послание как «маниакальное» и был не прав. Несмотря на все недостатки Черчилля, проявившиеся во время планирования и реализации Дарданелльской кампании, он был нужен стране и своим настроем, упорством и военным стилем мышления мог принести на руководящем посту огромную пользу. Но Асквит, который больше заботился о своей карьере, решил иначе. Он оставил Черчилля в Военном совете, который был переименован в Дарданелльский комитет, но дал ему унижительную синекуру — канцлерство герцогства Ланкастерского. Единственной обязанностью бывшего первого лорда стало назначение магистратов в графстве Ланкашир. Новым главой Адмиралтейства был назначен Артур Бальфур^[134].

Фактически активного и деятельного политика отправили на периферию, лишив задач, статуса и полномочий. Оказаться не у дел посреди мировой войны стало для Черчилля тяжелейшим испытанием. «Противно наблюдать за бездеятельностью и глупостью, все понимая и не имея возможности ничего сделать», — писал он одному из друзей. Сам он не верил в свое будущее. «Со мной покончено», — заявил он владельцу *News of the World* Джорджу Ридделлу (1865–1934). Спустя годы Клементина призналась официальному биографу своего супруга, она думала, что «Уинстон умрет от горя». С легкой руки лечащего врача Черчилля Чарлза Уилсона 1-го барона Морана (1882–1977) в исторической литературе стала преобладать точка зрения о наличии у британского политика тяжелого депрессивного эпизода и биполярного расстройства — маниакально-депрессивного психоза. Историки быстро обнаружили, что депрессия, или как ее обычно называл сам Черчилль — «черный пес», была

частым гостем в его роду — пять из первых семи герцогов Мальборо были подвержены резким перепадам настроения и страдали «меланхолией». В ХХI веке случаем Черчилля занялись профессиональные психотерапевты, знакомые с подробностями биографии британского политика. Они показали, что у нашего героя не было никаких психических патологий. Показательно, что даже в минуты отчаяния Черчилль признавался, что «совершенно не желает покидать этот мир». «Никогда не отказывайся от жизни, — скажет он однажды Вайолет Бонэм Картер, в девичестве Асквит. — Из всего можно найти выход, кроме смерти». А по поводу «черного пса», так этот термин был популярен в Викторианскую эпоху, и не исключено, что будущий политик позаимствовал его у своей няни миссис Эверест.

Дополнительным свидетельством того, что «черный пес» не представлял для Черчилля угрозы, является его поведение после отставки из Адмиралтейства — оно ничуть не похоже на поведение человека, парализованного депрессией. Он начал собирать документы о пресловутой кампании и решил лично отправиться в зону боевых действий. Понимая, что эта поездка может стать последней, он написал супруге прощальное письмо, которое следовало передать Клементине после его гибели. Текст завершался следующими словами: «Обо мне не переживай слишком долго. Смерть это всего лишь эпизод, притом не самый важный на нашем жизненном пути. С тех пор как я встретил тебя, моя дорогая, я был счастлив. Именно ты научила меня, насколько благородным может быть женское сердце. Если и здесь существует жизнь, знай, я буду стараться оберегать тебя. Ты же смотри вперед, чувствуй себя свободной, наслаждайся жизнью, заботься о детях и храни память обо мне. Благослови тебя Господь. Прощай. Уинстон»^[135].

В последний момент тори наложили вето и поездка не состоялась. Превратившись в козла отпущения, Черчилль требовал от Асквита опубликовать все документы, которые доказывали его невиновность. Но в период войны подобное обнародование закрытых сведений было невозможно. В ноябре произошла очередная реорганизация Военного совета, после чего места в нем Черчиллю не нашлось. Подобные изменения стали для него последней каплей, подтолкнувшей на выбор нового пути. Заявив Асквиту, что он «не в состоянии в подобные времена оставаться на столь хорошо оплачиваемой бездейственной должности», Черчилль подал в отставку и направился на фронт. Супруге он объяснил, что хочет «заработать славу, став хорошим и верным солдатом». Его сыну «не нужно будет стыдиться за то, что я сделал ради своей страны». Хотя в глубине

души он надеялся вернуться целым и невредимым. «Если я еще не выполнил все, что должен, то буду сохранен», — успокаивал он Клементину^[136]. Стремление послужить стране всегда относится к благородным мотивам. Но в случае с Черчиллем поездка на фронт и нахождение на передовой объяснялись также желанием отличиться. Он жаждал военной славы, которая была у его предка генерала Мальборо. Был еще и третий пласт мотивации. «Я твердо решил не возвращаться ни в какое правительство до окончания войны, если только мне не предложат широкие и реальные исполнительные полномочия», — писал Черчилль своему брату. Еще более категорично он заявил одному из сослуживцев, что «больше никогда не будет иметь дело с политикой и политиками»^[137]. На самом деле, он не оставлял надежды вернуться на политическую арену, трижды наведываясь в Лондон в течение полугода своей службы. Но даже раздираемый столь противоположными мотивами, его поступок с уходом на фронт характеризовал его как смелую и сильную личность, он не искал легких путей и не прятался от опасностей.

Майор Черчилль покинул Англию 18 ноября, прибыв в Генеральный штаб в Сент-Омере. В штабе его встретил главнокомандующий британскими экспедиционными силами фельдмаршал Джон Френч (1852–1925), который предложил ему место адъютанта. Но Черчилль отказался, предпочтя оказаться на передовой. 20-го числа он был приписан ко 2-му батальону Гренадерского гвардейского полка для прохождения краткосрочного курса обучения. Непосредственным начальником бывшего министра стал подполковник Джордж Дарелл Джеффрис (1878–1960), единственный офицер первоначального состава этого батальона, который выжил с начала войны. Что увидел Черчилль на фронте? «Повсюду грязь и мусор, — писал он супруге. — Могилы копают в тылу настолько небрежно, что из земли торчат конечности и куски одежды; вода и дерьмо со всех сторон, и над всем этим в ослепительном лунном свете полчища летучих мышей под непрекращающийся аккомпанемент пулеметных очередей и свист пуль». Несмотря на бытовые неудобства — «условия жизни, конечно, суровые и не полезные для здоровья», Черчилль был счастлив оказаться на фронте. Он ощущал себя «помолодевшим на пять лет» и, по его собственным словам, «никогда еще не чувствовал себя столь хорошо и не пребывал в столь замечательном расположении духа». «Мне нравятся окопы, в которых постоянно что-то происходит и в которых люди сражаются за правое дело в великой войне», — признавался он жене, добавляя, что не понимал до этого, «что значит освобождение» и «как

можно было угробить столько месяцев на бессильные переживания, вместо того чтобы провести их на войне»^[138].

Черчилль рассчитывал, что в ближайшее время его произведут в звание бригадного генерала и дадут в подчинение 56-ю бригаду 19-й дивизии. Он обо всем уже договорился с Френчем, но в самый последний момент ему вновь воткнули нож в спину — Асквит наложил вето на это решение, дав разрешение только на батальон. «Чувства Асквита всегда определяются его интересами. Он готов кинуть любого на растерзание волкам, лишь бы сохранить свое место», — с горечью прокомментирует Черчилль, считая, что поведение премьера, которого он теперь называл «старым негодяем», «достигло пределов подлости и неблагодарности»^[139]. Реакцию Черчилля можно понять, но и поведение Асквита вполне объяснимо. Отставной политик и так получил преференции, и давать ему — не имеющему опыт управления в бою большими формированиями — бригаду было существенным и необоснованным отступлением от правил. Да и сказать, что Асквит был негативно расположен к бывшему коллеге, тоже неправильно. Пока Черчилль был на фронте, его семья активно участвовала в светской жизни: Клементину приглашали на приемы на Даунинг-стрит, четырехлетний Рандольф был пажом на свадьбе Вайолет Асквит. В дом бывшего министра на чай приезжала сначала супруга премьера Марго, а затем и сам Асквит. В середине февраля Клементина провела уик-энд в резиденции лорда-хранителя Пяти портов, где отдыхал Асквит, играя с премьер-министром наедине в гольф.

В январе 1916 года Черчилль был повышен в звании до подполковника и назначен командующим 6-м батальоном Королевского Шотландского фузилерного полка, входящего в состав 27-й пехотной бригады бригадного генерала Генри Уошла (1866–1947); в свою очередь бригада входила в состав 9-й (шотландской) дивизии бригадного генерала Уильяма Фурса (1865–1953). Подопечные встретили экс-министра настороженно, но он сумел растопить лед недоверия и быстро завоевал их расположение и уважение. Черчилль был хорошим командиром. Он не прятался от пуль, демонстрируя храбрость, проявлял заботу о личном составе, делясь офицерским пайком и домашним провиантом, следил за гигиеной личного состава, объявив войну вшам и прочитав на эту тему лекцию, был в меру строг, заявляя, что «сломает любого, кто пойдет против него», но не чужд снисхождения, отказавшись наказывать провинившегося перед атакой. Пытаясь научить солдат преодолевать колючую проволоку, он сильно порезал собственные руки. Над его основательностью и эксцентричностью

иногда посмеивались, но в целом понимали, что он делает все правильно. Он старался подбадривать офицеров, призывая их «смеяться и научить смеяться своих солдат». «Война — это игра, в которую играют с улыбкой, — утверждал он. — Если не можете улыбаться, скальтесь, не можете скалиться, отойдите в сторону, пока не научитесь»^[140]. Черчилль встретил на фронте старых друзей и завел новые знакомства, которые использовал в дальнейшем. Он подружился с капитаном Эдуардом Луисом Спирсом (1886–1974), который в 1940 году будет помогать поддерживать связь с французским руководством. Его заместителем в 6-м батальоне стал 25-летний майор баронет Арчибальд Синклер (1890–1970), впоследствии возглавивший Либеральную партию и занимавший в Военном правительстве Черчилля пост государственного секретаря по вопросам авиации (министра авиации). Французским офицером связи у Черчилля служил Эмиль Эрзог (1885–1967), который в дальнейшем станет известным писателем под псевдонимом Андре Моруа.

Если в годы колониальных кампаний и Англо-бурской войны Черчиллю везло оказаться в гуще сражения, то на этот раз ему повезло их избежать. Он прибыл на фронт слишком поздно, чтобы принять участие в кровопролитном сражении при Лоосе (сентябрь — октябрь 1915 года), и покинул его слишком рано, чтобы стать свидетелем тяжелейшей битвы на Сомме (июль — ноябрь 1916 года). Но война есть война, и понятие безопасности к ней неприменимо. 26 ноября могло стать последним днем в жизни нашего героя. Его вызвал командующий XI корпусом генерал-лейтенант сэр Ричард Хейкинг (1862–1945). В назначенное время и в назначенном месте Черчилля должен был забрать автомобиль. Но никакого автомобиля на месте не оказалось. Выяснилось, что шофер ошибся и приехал не туда. Встречу пришлось перенести. Раздосадованный Черчилль вернулся обратно, узнав, что через четверть часа после ухода к командующему в его блиндаж попал снаряд. Все, кто был внутри, погибли. «Видишь, насколько тщетно беспокоиться о подобных вещах, — прокомментировал он свое чудесное спасение Клементине. — Все это случай, судьба. И наши упрямые шаги уже давно спланированы. Все, что нам остается, вести себя естественно, доверив свое будущее Господу». В 1926 году Черчилль напишет для *Cosmopolitan* статью «Удача?», в которой, приведя этот эпизод, напишет: «Чем больше живешь на свете, тем больше понимаешь, что все зависит от случая. Случай, фортуна, удача, судьба, рок, провидение воспринимаются мной, как нечто единое, только названное разными словами. Непосредственное влияние, которое каждый из нас оказывает на свою жизнь, постоянно контролируется внешней, высшей

силой. Если каждый из нас проанализирует последние десять лет своей жизни, он обратит внимание, что крошечные события, нисколько не важные сами по себе, в действительности управляют нашими достижениями и нашей карьерой»^[141]. В другой раз он едва не лишился кисти, когда осколок снаряда застрянет в металлическом корпусе фонаря, который он пытался починить. Как и в свое время на Кубе, свой 41-й день рождения Черчилль встретил под огнем противника. Только грохот орудий был громче и артобстрел — продолжительнее. Насколько все изменилось за какие-то двадцать лет!

Обо всех своих переживаниях Черчилль делился с супругой. Их переписка еще никогда не была столь насыщена и эмоционально глубока. «Самой величайшей удачей в моей жизни было встретить тебя и жить с тобой», — напишет он в декабре 1915 года. «С каждым месяцем я люблю тебя все больше и больше, все больше и больше я нуждаюсь в тебе. Иногда я считаю, что мне не следует так сильно цепляться за эту жизнь, но, снедаемый эгоизмом, я хотел бы родиться в другом мире, где снова встретил бы тебя и смог бы отдать тебе всю свою любовь, достойную великих романов». Клементина беспокоилась за своего любимого, «каждый день проживая в неизвестности и тоске», а по ночам повторяя, как молитву: «Славу Богу, он еще жив». Но Черчилль ее успокаивал, что «мои самые главные дела еще впереди и я спокойно плыву по течению». Было в переписке и обсуждение бытовых мелочей. Привыкший окружать себя красивыми и удобными вещами, Черчилль неоднократно просил что-то ему прислать: теплый коричневый кожаный жилет, непромокаемые ботинки разных моделей, перископ, спальный мешок из овчины, брюки цвета хаки, коричневые теплые кожаные перчатки, носки, лицевые и банные полотенца, сигары, продукты питания: сардины, шоколад, мясные консервы, отварную солонину, сыр стильтон, ветчину, сухофрукты и бренди, а также маленькие томики Роберта Бёрнса и Уильяма Шекспира. Супруге Черчилль советовал не заикливаться на экономии, «держи достаточно прислуги, принимай гостей выборочно и время от времени позволяй себе развлечения». Понимая, что недолг час его возвращения в политику, он призывал Клементину «культивировать отношения», «держатъ связь с правительством, с друзьями и псевдодрузьями», «представлять меня в их кругу», «не упускать нить событий», «сообщать мне, что видишь». Все «это очень важно, ситуация может измениться в любое время», а «я не хочу чувствовать себя забытым», — писал он ей^[142].

В начале марта Черчилль посетил Лондон. Он выступил с речью в

парламенте и задумался о возвращении в политику. В качестве союзника Черчилль выбрал себе не кого-нибудь, а адмирала Фишера. «Без меня Фишер станет катастрофой, только я умею обращаться с ним», — объяснял он супруге. Клементина не разделяла выбор мужа. «Не трогайте моего супруга! — отчитала она старого адмирала. — Вы уже однажды сломали ему жизнь, оставьте его в покое!» Она вообще была против столь быстрого зигзага между военной и политической карьерой, обоснованно опасаясь, что ее мужа, который всего два месяца назад принял командование батальоном, обвинят в непоследовательности и оппортунизме. «Чтобы быть великим, твои поступки должны быть понятны простому народу, — объясняла она. — Твое стремление пойти на фронт понять легко. А вот желание вернуться требует объяснений». Черчилль колебался. Он четыре раза менял свое мнение, то направляя Асквиту заявление об отставке, то отзывая его. В итоге он решил вернуться на фронт. Служба продлилась недолго. После объединения в мае 6-го и 7-го батальонов, вошедших в состав 45-й бригады 15-й (шотландской) дивизии, Черчилль покинет ряды вооруженных сил. На этот раз окончательно^[143].

Год прошел с тех пор, как Черчилля выгнали из Адмиралтейства. Время должно было залечить раны перенесенных переживаний. Но по злой иронии, они стали ныть еще сильнее. Его возмущало, как бездарно осуществляется управление войной. «Мертвая рука тяжело лежит на нашем доблестном флоте, а они еще и целуют ее», — писал он Фишеру. «На повестке дня летаргия и инертность, — жаловался он своему шурину Уильяму Хозье (1888–1921), — Ни планов, ни инициатив, никаких усилий на пользу общему делу». Больше всего Черчилля раздражали бессилие и неспособность что-либо изменить. «Я страдаю от невозможности применить свои знания и опыт, — признавался он близким. — Поворот колеса может мне снова предоставить власть, но пока я пребываю в отвратительной праздности. Это самый тяжелый период моей жизни». Лучшее всего состояние отвергнутого политика в этот период передает его портрет, написанный сэром Уильямом Орпеном (1878–1931) и самый любимый у нашего героя. Если Клементина считала работу Орпена «самой честной» из всех, ее супруг полагал, что художнику удалось воссоздать на холсте не только образ «очень несчастного человека», но и показать «его душу». Проблема Черчилля была в том, что, даже признавая присущие ему неординарные способности, его по-прежнему считали ненадежным. «Лично мне он симпатичен, но ему совершенно нельзя доверять, как нельзя было доверять его отцу», — отмечал член Консервативной партии Эдуард

Стэнли 17-й граф Дерби (1865–1948)^[144].

Черчилль не случайно говорил про «поворот колеса». Очередной кризис и уход Асквита могли все изменить. Оставалось только ждать. Причем недолго. В декабре 1916 года из-за конфликта в отношении руководства новым коллегиальным органом управления войной — Военным комитетом Ллойд Джордж, занимавший после безвременной кончины Китченера (погиб в июне 1916 года на подорвавшемся на mine крейсере, который следовал в Россию) пост военного министра, подал в отставку. С ним в отставку ушли и лидеры тори. Разразился кризис, приведший к падению Асквита и формированию нового коалиционного правительства под руководством Ллойд Джорджа. «Валлийский колдун», как иногда называли нового премьера, был благожелательно настроен по отношению к старому коллеге. Но сопротивление тори оказалось слишком сильным для возвращения Черчилля в правительство. Пытаясь убедить лидера консерваторов Эндрю Бонар Лоу (1858–1923), Ллойд Джордж объяснял, что когда имеешь дело с такими неординарными личностями, как потомок герцога Мальборо, всегда приходится задавать себе вопрос: «Он более опасен, когда на твоей стороне или против тебя»? «Я бы предпочел, чтобы он всегда был против нас», — отрезал Бонар Лоу^[145].

В марте 1917 года был опубликован доклад Комиссии по Дарданеллам. Черчилль остался не удовлетворен вердиктом, считая, что Комиссия не стала рассматривать подробно обвинения, которые были выдвинуты лично против него. Но в целом на него не возлагали никакой вины, и это был хороший знак, дававший возможность дальше прогреть тему возвращения в правительство. В мае Черчилль успешно выступил на закрытой сессии Палаты общин, продемонстрировав свое мастерство оратора и напомнив о себе как о государственном деятеле. Ллойд Джордж лишний раз убедился, насколько опасно иметь такую фигуру на противоположной стороне ринга. Но он был заинтересован в Черчилле и по другой причине. «Мне нужен человек, который будет помогать, подбадривать и поддерживать, а не являться с унылым видом и говорить, что все плохо», — объяснял он свои мотивы секретарю^[146]. В июле Ллойд Джордж смог преодолеть сопротивление тори, назначив Черчилля министром вооружений. В соответствии с традицией кандидат должен был подтвердить свое право заседания в Палате общин победой на дополнительных выборах, что и было сделано. Новоиспеченный министр набрал в Данди 7302 голоса против 2036 у оппонента.

Основная задача Черчилля на новом посту состояла в обеспечении

армии необходимым количеством орудий и боеприпасов для того, чтобы она могла беспрепятственно крушить противника. В целом Черчилль успешно справился с ответственной миссией. Хотя не все шло гладко. Приходилось решать трудовые споры, а также бороться с коллегами за ограниченные ресурсы. Особенно тяжело было с Адмиралтейством, которое превратилось в королевство в королевстве со своими правами, поставщиками, стройками и приоритетами. Также Черчилль сражался и за человеческие ресурсы, без которых невозможно было организовать производство, но которые требовались армии для восполнения понесенных потерь. Причем не всегда ему удавалось отстоять своих людей, которых забирали на фронт, вынуждая вносить экстренные изменения в рабочий процесс, поскольку объемы и цели никто не отменял. Несмотря на то, что пост Черчилля был связан с управлением боевыми действиями, он занимал в иерархии невысокое место, не имея возможности принимать участие в выработке стратегических решений. Чтобы не дразнить тори, Черчилль предпочитал на заседаниях хранить молчание, высказывая свою точку зрения в пространных меморандумах, которые регулярно направлял премьер-министру. В основном они оставались без ответа, хотя это не означает, что они не оказывали влияние на Ллойд Джорджа. Также Черчилль компенсировал свое положение частыми поездками во Францию, лично общаясь с командующими на местах и установив хорошие отношения с союзниками. У него даже появилась персональная ставка, что говорило о его положении и уважении к нему со стороны нового главкома Дугласа Хейга (1861–1928).

Черчилль считал, что Первая мировая является «войной техники и умов», и основная проблема сводится к недопониманию между учеными и военными — первые «знают свои возможности, но не знают, что нужно изобрести», вторые «должны знать, что им нужно» и могли бы обратиться к ученым, «если бы только знали, на что те способны». «Машины спасают жизнь, — убеждал он своих коллег. — Мозги могут сберечь кровь. До тех пор, пока не будут созданы необходимые машины, я не представляю, как мы избежим повторения бессмысленного и жестокого кровопролития, которое называется войной на истощение». Сам Черчилль предложил идею бронемашин с орудиями на гусеничном ходу, которую сначала для секретности называли «водовоз для России», затем переименовали в «бак для воды», после чего стали называть просто «бак», что по-английски обозначается, как *tank*. Это была старая задумка Черчилля, которую он начал воплощать еще во время работы в Адмиралтействе. Тогда же им было выделено под свой страх и риск нецелевое финансирование для проведения

необходимых экспериментов и конструирования первого опытного образца. В новом ведомстве он вернулся к своей идее, договорившись о постройке в Бордо танкового завода, который должен был к июлю 1918 года выпустить 1,5 тыс. единиц новой техники. За Черчиллем, который всегда фонтанировал идеями и умел их эффектно преподнести, закрепилась слава сторонника силовых методов решения проблем, без привязки к цене и жертвам. Работа в Министерстве вооружений опровергает этот стереотип. Британский политик, наоборот, был сторонником продуманных решений и осторожных действий. «Немцы сильный враг, а их генералы лучше наших, — не боясь прослыть пораженцем, писал он премьер-министру. — Необходимо тщательно все обдумать и только потом действовать». По его мнению, основу наступательной стратегии должны составлять авиация и танки. Также он надеялся на помощь США, которые вступили в войну в апреле 1917 года. Черчилль был уверен, что война не закончится в 1918 году. Опасаясь нехватки резервов, он призывал экономить силы и ресурсы для кампании 1919 года, что лишний раз говорит об ограниченной рациональности даже таких высокопоставленных и прозорливых руководителей, как Черчилль. Хейг, напротив, считал, что нужно «стремиться закончить войну сейчас», и оказался прав^[147]. Не выдержав четырех лет военного противостояния, экономика Германии рухнула осенью 1918 года, а с ней в ноябре приказал долго жить и Второй рейх. Война закончилась. Народ на улицах Лондона ликовал. Черчилль попал в узкий круг доверенных лиц, кто ужинал с премьер-министром в день окончания войны.

По мере того как стало понятно, что победа не за горами, Черчилль начал беспокоиться о своем будущем. Он хотел играть более активную роль и занимать более влиятельный пост. На этот счет у него состоялись оживленные и жесткие обсуждения с Ллойд Джорджем, выраженные в основном в эпистолярной форме. Черчиллю нужны были гарантии, но премьер-министр не готов был их дать. Тем более что сначала нужно было одержать победу на всеобщих выборах. Ллойд Джорджу удалось сохранить коалицию: возглавляемые им коалиционные либералы получили 127 мест против 36 либералов Асквита, 379 мест достались тори. Черчилль снова избирался от Данди, с трудом одержав победу с 25 788 голосами против 24 822 у ближайшего оппонента. В новом правительстве наш герой хотел снова возглавить Адмиралтейство, но Ллойд Джордж приготовил для него нечто иное. Он доверил ему военное ведомство, а также недавно созданное Министерство авиации. После трех с половиной лет безвластия и пребывания на подчиненных позициях Черчилль был счастлив наконец-то

вернуться на политический олимп.

Увлечение живописью

Понимание личности Черчилля и его мировоззрения будет не полным, если за рамками рассмотрения биографии оставить его увлечение живописью. Приобщение к изобразительному искусству произошло в судьбоносное лето 1915 года, когда в результате неудач в Дарданеллах политик оказался не у дел. Вместе с семьей брата, который на тот момент воевал на песчаных склонах Галлиполи, он арендовал Хоу Фарм — небольшой дом XV века в деревне Хэскомб, графство Суррей. Душевное состояние Черчилля в этот период было безрадостным. Большую часть времени он бесцельно бродил по живописным окрестностям Суррея, не находя себе ни места, ни дела. Для того чтобы вырвать его из трясины мрачных раздумий и самобичевания, супруга Джека Гвенделин предложила ему порисовать немного акварелью. Черчилль согласился и поразился произошедшей с ним перемене. Новое действо настолько его увлекло, что он захотел попробовать писать маслом на холсте. Быстро приобретя все необходимое, он встал перед мольбертом и обратился к творчеству. Впоследствии описывая свои переживания, он вспоминал о сковавшей его робости — аккуратном смешивании красок, неуверенном прикосновении кистью к холсту. В этот момент в поместье приехала художник Хэзел Лавери. «Живопись, а что вы боитесь?! — воскликнула она, подойдя к политику. — Дайте-ка мне кисть, нет, нет, побольше». Вдохновленный уверенностью и напором леди Лавери, Черчилль взял самую большую кисть и начал рисовать. «Больше никогда я не испытывал страха перед холстом», — признавался он^[148].

В своем рассказе о приобщении к творчеству Черчилль пытался создать впечатление, что до опытов в Хоу Фарм он «ни разу не держал в руках кисти или карандаша», а на создание картин «смотрел, как на сокровенную тайну». На самом деле это было лукавство. Во-первых, живописью увлекалась леди Рандольф, которая хотя и не достигла больших успехов, рисовала достаточно хорошо, чтобы одну из своих картин направить на выставку Ирландского общества изобразительных искусств. Во-вторых, сам Черчилль проявил интерес к рисованию еще в школе, выбрав его в качестве дополнительного предмета в Хэрроу, а также регулярно украшая рисунками свою переписку. Также он снабдил зарисовками свои первые статьи из Кубы, а во время службы в армии будет изучать книгу «Создание эскизов». В-третьих, по словам современников,

Черчилля отличало «заостренное визуальное восприятие; он испытывал так хорошо знакомое художникам чувство восхищения при виде красивого очертания или необычного цвета». Это же подтверждают его тексты, содержащие образные зарисовки пейзажей. Например, следующий фрагмент из «Речной войны», описывающий могущественный Нил перед закатом: «Такое ощущение, будто в час вдохновения свою картину пишет художник-титан: с темными пурпурными тенями среди скал, чуть усиливая цвет песка, покрывая позолотой и украшая все вокруг, делая всю сцену живой. Река, которая своими изгибами напоминает озеро, меняет цвет с тускло коричневого до серебристо-серого, а небо — от хмуро синего до фиолетового. А когда солнце заходит за горы, цвета на небе гаснут, вспышки на песке исчезают, все становится темным и серым, как щека человека, истекшего кровью»^[149].

Черчилль специально лукавил относительно своего приобщения к живописи, чтобы ярче представить произошедшую с ним метаморфозу, а также испытанный катарсис от нового увлечения, которое смогло поставить его на ноги и наполнить новыми силами. «Я даже не знаю, как бы я смог пережить эти ужасные месяцы с мая по ноябрь, если бы в мою жизнь не вошел этот новый великий интерес, завладевший моим сознанием, занявший мои руки и зрение, — признался он спустя десять лет. — В течение всего лета я рисовал самозабвенно»^[150].

Увлечение живописью не редкость среди публичных фигур, в том числе политиков. Но в случае с Черчиллем, написавшим почти 540 картин, это было больше, чем просто хобби. Да, оно смогло, как заметил Марш, принести в «растерзанную душу» его босса «мир и спокойствие». Да, оно стало эффективным средством переключения, позволяя и дальше забывать о политических распрах, провалах и невзгодах. Но, главное — оно стало для него еще одним мощным средством самовыражения. «Иногда я готов бросить почти все ради занятий живописью», — признается он своей кузине Клэр Шеридан (1885–1970). Разумеется, бросать все он не собирался. Но отныне, куда бы он ни направлялся, его всегда будут сопровождать мольберты, холсты и краски, в помещениях, где он будет останавливаться, неизменно устраивалась студия, а в напряженной графике обязательно находилось время для нового увлечения. Исключение составил разве что период Второй мировой войны, хотя и в эти годы он нашел возможность нарисовать одну картину. Произошло это в январе 1943 года, когда после конференции в Касабланке Черчилль предложил президенту США Франклину Рузвельту посетить Марракеш. Они остановились на

вилле, арендуемой американским чиновником, с крыши которой наблюдали, как заходит солнце за снежные хребты Атласских гор. «Это самое красивое место на планете», — произнес тогда британский премьер. На следующий день он задержится на вилле, чтобы посвятить себя творчеству. Впоследствии он подарит написанную им в тот день картину Рузвельту^[151].

Примечательно, что в момент приобщения Черчилля к живописи рядом с ним оказался профессиональный художник. Профессионалы будут сопровождать его и дальше, поддерживая, советуя и направляя. Первым проводником политика в мир изобразительного искусства стал супруг Хэзел — Джон Лавери. Черчилль любил навещать его мастерскую на Кромвель-гарденс, расположенную неподалеку от Кромвель-роуд, 41, где политик проживал с семьей Джека в период с ноября 1915 года по осень 1916 года. Лавери признавался, что за свою многолетнюю карьеру живописца он знал «немного любителей, у которых было бы такое же глубокое понимание света и более чем уверенное владение основными техническими приемами», как у Черчилля. Они любили браться вместе за разработку одинакового сюжета, и всякий раз наш герой не уступал своему более опытному и старшему товарищу, подходя к холсту с «характерным бесстрашием и свободой от условностей».

В яркий мир импрессионистов Черчилля ввел французский художник Шарль Монтэг (1880–1956), друживший с Моне, Ренуаром, Боннаром и Матиссом. Набив руку, Черчилль позволит себе немного критиковать Монтэга, признаваясь супруге, что «не согласен с его стилем». Но при этом он всегда будет признавать, что Монтэг «обладает огромными знаниями и в его присутствии невозможно рисовать, не научившись чему-нибудь». Среди других французских мастеров Черчилль дружил с «последним из постимпрессионистов» Полем Люсьеном Мазом (1887–1979). Они познакомились в окопах Первой мировой. Спустя почти двадцать лет Черчилль напишет предисловие к мемуарам Мейза «Француз в хаки»: «Он исключительный художник. Его быстрая хватка, острый взгляд и проворное перо позволяли переносить на бумагу впечатления с разоблачающей верностью. Мы имеем батальные сцены Армагеддона, запечатленные тем, кто не только любит сражающихся солдат и разделяет их лишения, но и способен постигать красоту света и тени, формы и цвета, которых даже ужасы войны не в состоянии лишить распространения солнечных лучей»^[152].

Среди соотечественников помимо Лавери Черчилль часто общался с

Уильямом Николсоном (1872–1949). Политик называл его *Le cher maître*^[153], признаваясь, что именно от него он больше всего узнал о живописи. Также Черчилль общался с учеником Уистлера и Дега Уолтером Сикертом. Сикерт дружил с леди Бланш Хозье и знал Клементину с детства. Затем их пути на четверть века разойдутся, пока в 1927 году с супругой политика не произошел несчастный случай — ее собьет автобус. Травмы были незначительны, но о случившемся написали в газетах. Сикерт решил навестить миссис Черчилль, заодно познакомившись с ее супругом. Они быстро нашли общий язык. «Я глубоко увлечен всем, чему вы меня обучили, и с нетерпением жду нашего следующего конклава», — писал он новому другу в конце сентября 1927 года. Супруге он скажет, что «очень взволнован теми горизонтами, которые открыл» Сикерт. «Я вижу, что стал рисовать намного лучше. Он и правда оказал мне огромную помощь как художнику». Сикерт научил Черчилля подготавливать холст для работы, грунтовать, накладывать и смешивать краски, а также помог ему овладеть техникой написания картин с проецируемых на холст фотографий. Одна из подобных работ — портрет Коко Шанель. С известным модельером Черчилль познакомился в январе 1927 года во время охоты на медведей во Франции с Хью Гровенором 2-м герцогом Вестминстерским (1879–1953), у которого с Шанель был роман. «Неожиданно появилась знаменитая Коко, — писал политик супруге. — Она полностью захватила мое воображение. Она самая одаренная и милая женщина, самая сильная личность из тех, с кем Бенни^[154] до этого имел дело». Впоследствии Черчилль признает, что Шанель достаточно сильная персона, способная «управлять мужчиной и империей».

Что касается творчества, то картины с проецируемых на холст фотографий одни из самых слабых в наследии нашего героя. Черчилль был талантливым колористом, но именно цвета и не хватает этим нарисованным в серо-коричневой гамме произведениям. Он и сам это признавал, заметив однажды, что оказался «неподходящим учеником, слишком радующимся богатству света и ярким цветам». В дальнейшем он откажется от этой техники. Но верность фотографиям он сохранит, предпочитая использовать их для последующей отработки объектов, которые его впечатлили. Не сумев освоить тонкости фотомастерства, сам Черчилль фотографировал редко, обычно прося об этом своих помощников и секретарей. Также он использовал купленные фотографии. Когда его телохранитель заметит, что перерисовывание с фотографий немного напоминает жульничество, политик ответит: «Если конечный продукт

выглядит как произведение искусства, значит, он и есть произведение искусства, и неважно, каким образом его создали»^[155].

Несмотря на активное общение с профессиональными художниками, у которых он многому научился, Черчилль оставался верен себе и своему стилю. Во-первых, он отдавал предпочтение маслу, за исключением кратковременного увлечения темперой в конце 1940-х годов. Объясняя свою приверженность масляным краскам, он отмечал связанную с ними свободу творчества, когда можно «класть слой за слоем, экспериментировать, изменять свой план в зависимости от временных или погодных условий», помня при этом, что «в случае неудачи в вашей власти всё соскрести и начать сначала». Во-вторых, картины Черчилля отличал монотематизм. Большинство его произведений посвящены исключительно одной теме с концентрацией на одном объекте. При этом в отношении выбора тем он старался не повторяться, а возвращаясь к уже отработанным сюжетам, был поглощен поиском нового художественного решения. В-третьих, Черчилль пробовал себя в разных жанрах, хотя не во всех был убедителен. Например, ему тяжело давались портреты, которые вряд ли можно отнести к вершинам его творчества. «Деревья не жалуются», — успокаивал себя Черчилль, концентрируясь на пейзажах, натюрмортах, марине и архитектурной живописи, не гнушаясь при этом делать копии с работ великих мастеров. Среди пейзажных тем он больше всего любил изображение водной поверхности, получая от работы со сверкающими бликами, тональными переливами и зеркальными отражениями эстетическое удовольствие. Черчилль относил себя к ученикам Поля Сезанна (1839–1906), воспринимая природу как «массу искрящегося света, в которой поверхности и формы трудно различимы и имеют относительно небольшое значение, а преобладают вспышки и блеск с восхитительными цветовыми гармониями и контрастами». С этим подходом связана четвертая особенность творчества Черчилля — его любовь к ярким и насыщенным цветам. «Когда я попаду на небо, то серьезно намерен провести большую часть первого миллиона лет за занятиями живописью и достигнуть вершин в этом искусстве, — признавался он, надеясь обнаружить, что в „небесной палитре“ „оранжевый и красный цвета будут самыми темными и тусклыми, а помимо них будет множество удивительных новых оттенков, которые будут радовать глаз небожителей“»^[156].

Сам Черчилль скромно оценивал свои успехи в живописи. По крайней мере в начале. Тем не менее это не помешало его картинам регулярно

выставляться в различных галереях. Первая демонстрация его творчества на публике произошла по инициативе Лавери, который в 1919 году направил собственный портрет, написанный его другом четыре года назад, на выставку в лондонскую галерею Графтон, которая ежегодно устраивалась Королевским обществом портретистов. На следующий год организаторы выставки обратились лично к Черчиллю с предложением направить одну из своих работ, но он ответил отказом, заметив, что «ни одна из моих картин недостойна показа на публике»^[157]. В 1921 году он решил попытать удачу, направив несколько работ на выставку в парижской галерее Дрюэ. Свои работы он выставил под псевдонимом, неизвестно зачем используя имя реального художника Шарля Камилла Морины (1846–1919). Четыре года спустя Черчилль принял участие в конкурсе художников-любителей. В состав жюри входили патрон Национальной галереи и галереи Тейт барон Джозеф Дювин (1869–1939), будущий директор Национальной галереи Кеннет Маккензи Кларк (1903–1983) и известный портретист Освальд Бирли (1880–1952). Главным условием конкурса была полная анонимность авторов. Картину Черчилля сначала хотели снять, поскольку барон Дювин усомнился в том, что она написана любителем. В итоге ее оставили и она заняла 1-е место.

В 1947 году Черчилль направил эту картину — «Зимний солнечный свет, Чартвелл», а также еще одну свою работу на конкурсную комиссию Королевской академии художеств, вновь спрятав свое громкое имя под псевдонимом Дэвид Винтер. К удивлению автора, работы получили высокие оценки и были включены в состав экспозиции. На следующий год Черчилль направил на выставку еще три картины. 1948-й стал особенным в творческой биографии нашего героя. За «постоянное служение Королевству и его людям, а также личные достижения в искусстве живописи» ему было пожаловано звание почетного члена Королевской академии художеств. В порядке исключения диплом был подписан не президентом Академии, а ее патроном и попечителем королем Георгом VI (1895–1952). Отныне Черчилль стал академическим художником, а его работы неоднократно выставлялись во многих европейских странах, Канаде, США, Австралии и Японии. Эти картины войдут в состав постоянных экспозиций Королевской академии художеств, галереи Тейт, музея искусств в Далласе, Смитсоновского института в Вашингтоне и Метрополитен-музея в Нью-Йорке.

В 1958 году в США (Музей искусств Нельсона-Аткинса в Канзас-Сити, штат Миссури) состоялась первая персональная выставка Черчилля, на которой были представлены 35 его работ. В день открытия ее посетили

почти 5,5 тыс. любителей искусства, а всего ее аудитория составит свыше полумиллиона человек. Из Канзас-Сити экспозиция отправится сначала в тур по США (Детройт, Нью-Йорк, Вашингтон, Провиденс, Даллас, Миннеаполис, Лос-Анджелес), затем будет показана в Канаде (Торонто, Монреаль, Фредериктон и Ванкувер), Австралии (Канберра, Сидней, Брисбен, Мельбурн, Хобарт, Аделаида и Перт), а также Новой Зеландии (Данидин, Крайстчерч, Веллингтон и Окленд). В родной стране под патронажем Королевской академии первая персональная выставка Черчилля состоялась на следующий год. Для нее было отобрано 62 работы, сделав их автора пятым художником за всю историю Академии, удостоенным столь масштабной экспозиции. Всего выставку посетили больше 140 тыс. человек.

На плодотворной почве популярности произрастают крепкие побеги коммерческого успеха. Сначала Черчилль не был сторонником расставаться со своими полотнами, считая их «слишком плохими, чтобы продавать, и слишком дорогими — чтобы просто дарить»^[158]. Но со временем он постепенно стал менять свое отношение. В 1927 году одна из его картин, написанная в королевской резиденции Балморал, была передана благотворительному обществу, выставлена на аукцион и продана, к немалому удивлению автора, за 120 фунтов. После кончины Черчилля стоимость его работ возросла на порядки. Если в мае 1965 года на первом трансатлантическом аукционе «Сотбис» его картина была приобретена за 39 200 долларов США, то уже в 1977-м за творчество британца заплатили 148 тыс. фунтов. Дальше — больше. В декабре 2006 года «Вид на Тинерхир», написанный Черчиллем в 1951 году в Марокко и подаренный через два года генералу Джорджу Маршаллу (1880–1959), был продан за 612,8 тыс. фунтов. В июле 2007 года на торгах «Сотбис» стоимость работы «Чартвелл. Пейзаж с овцами» превысила 1 млн фунтов.

Насколько оправданы столь высокие цены с художественной точки зрения? Или все дело в популярности автора произведений? Разумеется, имя Черчилля сыграло определяющую роль. Но сказать, что написанные им картины не представляют интерес как произведения искусства, значить погрешить против истины. На это же указывают профессионалы и критики. Среди художников выделяется точка зрения Пабло Пикассо (1881–1973), заметившего, что «если бы Черчилль занимался живописью профессионально, то он смог бы спокойно зарабатывать неплохие деньги». Аналогичного мнения придерживались Джон Лавери и Освальд Бирли^[159].

Среди критиков у нашего героя есть как почитатели, так и скептически

настроенные эксперты. К первым можно отнести директора Национальной галереи Ирландии профессора Томаса Бодкина (1887–1961), отмечавшего, что для произведений Черчилля характерны «выдающаяся решительность, определенность и неисчерпаемость», а также известного искусствоведа Эрнста Гомбриха (1909–2001), написавшего на эту тему отдельную статью и полагавшего, что британский политик смог достичь в живописи «профессионализма, который удовлетворяет специалистов, стоящих на страже традиционного мастерства». Другие, например искусствоведы Роберт Пейн, Денис Саттон, Аарон Беркман и Эрик Ньютон, видели в Черчилле лишь «художника по выходным», для которого живопись была в первую очередь формой релаксации, а его работы, несмотря на их «восхитительную сущность», лишены «волшебства, свойственного гениальным художникам, всю свою жизнь посвятившим поиску таинственной природной красоты». Большинство же критиков придерживаются умеренных взглядов, считая, что хотя Черчилль и не был великим живописцем, его работы небезынтересны для публики. Так, президент Королевской академии сэр Хью Максвелл Кэссон (1910–1999) назвал нашего героя «любителем с ярко выраженным природным талантом; если бы у него было больше практики и академических знаний, из него получился бы высокий профессионал, особенно как колорист», а директор галереи Тейт сэр Джон Ротенштейн (1901–1992), предлагая «оценивать художников по лучшим работам, а не по их ошибкам», признает, что «Черчиллем был написан целый ряд картин редкой красоты», а для его творчества в целом характерно «искреннее наслаждение простыми красотами природы»^[160].

В 1921 году руководство *The Strand Magazine* предложило Черчиллю написать эссе о своем увлечении. Клементина попыталась отговорить своего благоверного, считая, что если он начнет рассуждать об искусстве, то «разозлит профессионалов», а если — о своих работах, то его обвинят в «наивности и зазнайстве». Опасения Клементины не были беспочвенны. Тем более что рассуждения политика о живописи вряд ли могли укрепить его репутацию решительного лидера, скорее наоборот, в то время подобные наклонности для политиков воспринимались в обществе как признак «психической нестабильности». Но Черчилль, девизом которого было — «никогда не думать о самоограничении, а лишь о самовыражении», отринул возможность неприятных последствий и принял вызов^[161]. Он напишет эссе «Живопись как времяпрепровождение», которое выйдет в двух номерах *The Strand Magazine* за декабрь 1921 года и январь 1922 года и

будет проиллюстрировано двенадцатью его работами. Спустя четверть века Черчилль объединит это эссе со своей статьей 1924 года «Увлечения» и подготовит отдельную книгу — «Живопись как времяпрепровождение» с репродукциями восемнадцати своих работ.

Условно, это произведение, которое стоит особняком в творчестве Черчилля, можно разделить на две части. В первой части он развивает мысль Бурка Кокрана о том, что в основе отдыха лежит «смена сферы деятельности», и перечисляет различные виды досуга, видя в них помимо релаксации средство обретения душевной гармонии и надежную обитель, где всегда можно восстановиться, а возможно и остаться. «Разбейте сад, в котором будете наслаждаться жизнью, когда разбивать уже будет нечего», — советует политик. Рассматривая различные хобби, автор особенно выделяет живопись, которая не требует настолько больших энергетических затрат, как занятие спортом, и не так утомительна после рабочего дня, как чтение. «Я не знаю какого-либо другого занятия, которое, совершенно не изматывая тело, настолько полно бы поглощало ум, — делится Черчилль своим опытом. — Какие бы заботы ни принес день, какие бы угрозы ни таило в себе будущее, едва картина начинает рождаться, все тревоги отступают, им больше нет места в голове. Они уходят в тень и исчезают во мраке. Даже время почтительно отступает в сторону». Кроме того, живопись прекрасно подходит на роль спасительной обители среди моря невзгод, лишений и разочарований. «Счастливы художники, потому что они никогда не одиноки, — признает Черчилль. — До конца дней их сопровождает свет и цвет, мир и надежда. Я надеюсь, что это может произойти с каждым». В своем призыве начать рисовать Черчилль не убеждает всех стать профессиональными живописцами, он предлагает просто получать от процесса создания картин удовольствие, наслаждаясь не только красотой вида, но и одним из самых удивительных состояний, которое может испытать человек, — творчеством. Мыслить и чувствовать — это так по-человечески, но творить — поистине божественно! Кроме того, живопись позволяет по-иному взглянуть на путешествия, когда «бессмысленную суматоху туриста» заменяет «спокойное созерцание философа». Сам Черчилль активно сочетал свою страсть к путешествиям с любовью к мольберту и краскам. Его картины, запечатлевшие Иерусалим, Венецию, Рим, Амстердам, Марсель, Канны, Антибы, Аррас, Геную, Каркассон, Монте-Карло, Монако, Биарриц, озера Маджоре, Комо, Лугано, Гарда, Карецца, Женевское озеро, Авиньон, Шляйсхайм, Брюгге, Сиракузы, Мадейру, Ямайку, Майами, Родос, Марракеш и прочие чудесные места на нашей планете, убедительное тому подтверждение.

Во второй части своего произведения Черчилль рассматривает теоретические вопросы изобразительного искусства. В частности, он проводит параллель между живописью и военным делом, акцентируя внимание не только на схожести принципов — единство целого замысла и отдельных частей, четкая взаимозависимость и взаимосвязь отдельных составляющих, элемент борьбы с сопротивляющимся материалом, — но и на самом подходе. Каждому сражению предшествуют разработка плана и формирование стратегического резерва. Такая же тщательная подготовка присутствует и в живописи с определением пропорций и соотношением отдельных элементов. Интерес также представляют рассуждения Черчилля о технике письма и попытка определить границы художественного триединства — художник, картина, натура. Его идеи нашли отклик у Эрнста Гомбриха, который в своей монографии «Искусство и иллюзия», размышляя об условности искусства, привел следующее высказывание Черчилля, добавив, что «ни один профессиональный критик не дал более понятного описания сущности этой проблемы»: «Вначале мы смотрим на объект, который собираемся изобразить, затем на палитру и в конце — на холст. Таким образом, на холст переносится информация, которая была получена глазом пару секунд назад. Но по пути эта информация проходит через аналог почтового отделения, на котором ее кодируют, переводя с языка света на язык живописи. Поэтому холста она достигает уже в виде определенной криптограммы. И только когда она займет свое место и придет в четкое соответствие с другим изображением на холсте, она будет декодирована, вновь переведена с языка живописи на язык света. Но это уже будет не свет природы, а свет искусства. Весь этот значительный процесс перенесен на крыльях и колесах памяти. В большинстве случаев нам ближе аналогия с крыльями — воздушными и быстрыми, словно у бабочки, порхающей с цветка на цветок. Но основной объем информации либо ее перемещение на большие дистанции осуществляется все-таки на колесах»^[162].

Если бы у Черчилля было больше времени, он написал бы больше работ и погрузился бы в другие искусствоведческие вопросы. Но свои основные силы и таланты он посвятил политике. Именно в ней он и состоялся как выдающаяся персоналия, и именно с поведением в этой сфере и связаны основные оценки его личности. Выше мы рассмотрели лишь часть пути. После окончания Первой мировой войны его ждали новые возможности, испытания и свершения. Пришло время перейти к ним.

Послевоенное десятилетие

Основная задача, которую пришлось решать Черчиллю на новом посту в военном ведомстве, заключалась в проведении демобилизации и сокращении расходов на армию. Одним из его предшественников, 17-м графом Дерби, был разработан план, предусматривающий возвращение первыми к гражданской жизни тех солдат и офицеров, которые имели предложение работы в Британии. Таким образом, сокращался риск безработицы и оперативно заполнялись вакантные места. Но с точки зрения самих ветеранов этот план демобилизации отличался несправедливостью. Большинство из тех, кого на родине ждала работа, вступили в ряды вооруженных сил недавно. Те же, кто прошел через все круги военного ада, и по понятным причинам не успел решить вопрос трудоустройства, должны были продолжать тянуть лямку службы. Неудивительно, что предложения Дерби были встречены армией в штыки и вызвали волнения. Черчилль проявил хладнокровие при подавлении бунтов, но понимая, что ситуация и дальше будет накаляться, предложил новую схему демобилизации, построенную на комплексном критерии с учетом срока службы, возраста и количества ранений. Первыми подлежали демобилизации военные, начавшие служить до 1916 года и в возрасте от 40 лет и старше. Дальше приоритет отдавался военным, получившим ранение. В соответствии с новой схемой уже к концу января 1919 года домой вернулись 950 тыс. солдат. Всего в ходе демобилизации армия, насчитывавшая 3,25 млн человек, была сокращена сначала до временных 900 тыс., а затем до довоенных 370 тыс. военнослужащих.

В отношении авиации, Клементина осуждала супруга за его решение одновременно возглавить два ведомства. Она считала, что полноценно времени хватит только на одно, а управление вторым будет осуществляться по остаточному принципу. «Цепляться за два поста — это слабость», — убеждала она. «Это все равно, что жонглировать несколькими шарами, ты все-таки государственный деятель, а не жонглер», — писала она супругу^[163]. Мудрая женщина оказалась права. Черчилль не особо утруждал себя вопросами развития авиации, доверив их своему другу и заместителю Джону Сили (1868–1947). Выбор Сили для столь ответственных задач оказался неудачным решением. Во-первых, Сили в период с 1912 по 1914 год сам занимал пост государственного секретаря по военным делам, и новое место было для него большим понижением. Во-

вторых, он не слишком подходил для отведенной роли, чувствуя себя одновременно обделенным вниманием Черчилля и слишком зажатым в принятии самостоятельных решений. В ноябре 1919 года он оставил свой пост. Его место занял Чарлз Вейн-Темпест-Стюарт 7-й маркиз Лондондерри (1878–1949), который позже, в 1931–1935 годах, сам будет возглавлять Министерство авиации.

В отличие от авиации Черчилль много времени и сил потратил на урегулирование ситуации, которая не имела к нему и возглавляемым им ведомствам прямого отношения. Речь идет о Великой Октябрьской социалистической революции и приходе к власти в России большевиков. В. И. Ленин был прав, когда в своем выступлении 15 октября 1920 года назвал Черчилля «величайшим ненавистником Советской России», который «употребляет все средства», чтобы «поддерживать всех белогвардейцев против России». Британский политик поддерживал сначала А. В. Колчака (1874–1920), А. И. Деникина (1872–1947), Н. Н. Юденича (1862–1933) и в конце барона П. Н. Врангеля (1878–1928). «Вот моя армия», — не без гордости заявил он Б. В. Савинкову (1879–1925), указывая на флажки, которые показывали местонахождение на карте войск генерала Деникина^[164]. Главный вопрос, который связан с участием Черчилля в интервенции против молодой Советской республики, заключается в причине столь фанатичного неприятия большевизма. Что так беспокоило британского министра, вызывая столь резкую и последовательную негативную реакцию на события, которые происходили в нескольких тысячах километров от его родной страны? Возможно, его возмутило заключение в Брест-Литовске в марте 1918 года сепаратного мира, приведшего к переброске освободившихся немецких войск на Западный фронт и продлению войны? Возможно, он испугался, что революция может случиться и в его любимой Британии с дальнейшей отменой частной собственности, а также истреблением и изгнанием аристократии? Возможно, он считал Гражданскую войну в России удачным моментом для ведения бизнеса и создания на оккупированных белогвардейцами территориях подконтрольного британцам производства, а также захвата русских природных ресурсов и рынков сбыта? Возможно, он мыслил еще дальше, ставя своей целью уничтожение России, как централизованного самостоятельного государства и создание на ее территории совокупности небольших легкоуправляемых извне стран?

Какая из приведенных выше причин определяющая? Не исключено, что никакая. В его многочисленных выступлениях, заявлениях и письмах (в том числе в черновиках) можно найти упоминание каждой из них. Но это

не означает, что Черчилль действительно придавал им большое значение. Гораздо чаще это были просто слова, формирующие разные доводы для разных заинтересованных сторон, которых он пытался убедить в необходимости продолжения интервенции и выделения соответствующих ресурсов. Словно отмычки он подбирал тот или иной довод, чтобы отворить дверь и обрести очередного союзника: народу рассказывалось о горестях и лишениях, выпавших на долю британских солдат после переброски немецких сил на Западный фронт; distinguished gentlemen — о бесчинствах большевиков; сторонникам скорейшего возобновления торговли — о новых рынках и возможностях спекуляции; адептам империализма — об угрозе сильной России для британских интересов в Индии, Персии и Афганистане. Он даже в одном эпизоде с Деникиным настолько увлекся в поиске подходящего аргумента, что заговорил об эволюции большевизма, который, по его словам, стал «представлять собой силу порядка». «Те, кто возглавляет в настоящий момент страну, уже не просто революционеры, они личности, которые, захватив власть, заинтересованы удержать ее и пользоваться ею». Они «искренне желают мира», что, по его мнению, может служить прекрасным основанием для начала диалога и поиска компромисса^[165].

Более или менее Черчилль был искренен в первой причине. Он даже предлагал заключить союз с Лениным и Троцким, гарантировав им защиту от контрреволюции и усиление их персональной власти в ответ на продолжение сражаться на стороне Антанты^[166]. Но вряд ли даже эта причина с возмущением «актом предательства» была существенной, поскольку основная активность Черчилля в поддержке интервенции пришлась на 1919 и 1920 годы, когда победа над Германией уже была одержана. Антибольшевистские настроения Черчилля, которые, как мы увидим дальше, принесли ему существенные репутационные издержки, больше имели не рациональную, а эмоциональную природу. Черчилль ненавидел большевизм всеми фибрами своей души, поскольку в его понимании это глубоко противоречило его самосознанию патриция и всем тем ценностям, которые составляли основу его политического мировоззрения. События в России представляли для него не только мировую катастрофу, но и личное оскорбление. Именно поэтому он использовал столь резкие и далекие от дипломатического политаеса сравнения, считая, что «признание большевиков сродни легализации содомии». Он называл большевиков «врагами рода человеческого» и призывал к их «уничтожению любой ценой». Даже спустя десять лет, когда

накал страстей должен был ослабнуть, в своих исторических сочинениях, рассчитанных не только на современников, но и на потомков, он писал о приходе большевиков, как об «отравлении, заражении и зачумлении России», которая отныне наполнилась «вооруженными ордами, сражавшимися не только с помощью штыков и пушек, но также с помощью мириад тифозных бацилл, убивавших человеческие тела», и «политическими доктринами, разрушавшими здоровье и душу народа». Черчилль видел себя спасителем и избавителем от поразившей Россию заразы, предлагая премьер-министру после победы белогвардейцев направить его в Москву «своего рода послом», чтобы он помог Деникину написать новую конституцию России. Примечательно при этом, что Ллойд Джордж не возражал против подобной инициативы^[167].

Все эти миротворческие и благородные послы с защитой прав и свобод не должны вводить в заблуждение. Для России, как суверенного государства, появление внешних игроков привело бы к любому описанному выше сценарию от захвата ресурсов и средств производства до расчленения на маленькие и беззащитные государства. И здесь уже и без Черчилля с его конституцией быстро установили бы новый порядок все те британские, французские и американские дельцы, которые начали вывоз ресурсов и создание предприятий в Архангельске и Мурманске. Что же касается Черчилля, то его участие в интервенции является поучительным периодом, показывающим, как происходит разложение и покорение другого государства. Например, какую роль играет пропаганда и как активно привлекаются СМИ. «Я все больше убеждаюсь в том, что сегодня в Англии не может быть более ценной пропаганды, чем красочное описание насилия и жестокостей большевиков, — писал Черчилль лорду Бивербруку 23 февраля 1918 года — датой, которая по иронии стала официальным днем создания РККА. — Думаю, что следует поощрять как можно более широкую публикацию в газетах известий о хаосе и анархии в России». В дальнейшем Черчилль будет неоднократно собирать журналистов, объясняя, как следует преподносить события в России, кого из лидеров Белого движения следует превозносить и к чему призывать читателей газет. Интервенция показывает, чьими руками ведется война с минимальным привлечением собственных войск и активным снабжением армий местных жителей, недовольных новым режимом. Если же местных войск не хватит, тогда можно обратиться к иностранцам, например, к проигравшим в войне немцам. «Мы должны воссоздать немецкую армию!» — призывал Черчилль, заявляя, что его политика сводится к следующему: «Убивать большевиков и лобызаться с гуннами». Главное, чтобы согласно

классическому принципу британской дипломатии вся грязная и затратная работа делалась чужими руками. «Не сердитесь на меня за моего Колчака, есть реальная надежда, что он будет таскать каштаны из огня для всех нас», — писал Черчилль премьер-министру. В то время как одни народы проливали реки своей крови, на всех фронтах Гражданской войны за три года погибло всего 329 британских подданных. Интервенция также показывает, что при всей погруженности в проблемы и особенности чужого государства интервенты слабо разбираются в том, что там происходит на самом деле. Их оценки часто оказываются ошибочными, а прогнозы — неправильными. Так, когда в августе 1919 года войска Деникина овладели Одессой, Черчилль восторженно восклицал, что «наше дело растет из дня в день». «Ничто не может спасти большевистскую систему или большевистский режим», — заявил он на следующий месяц премьер-министру. В его представлении «большевистская система с самого начала была обречена на гибель, так как противоречила основополагающим принципам цивилизованного общества». Каково же было его удивление, когда большевики смогли удержать власть, а белогвардейская волна постепенно стала сходить на нет, пока не покинула страну с крымского побережья^[168].

Интервенция также показательна еще одним моментом. Обычно считается, что внешняя политика государства представляет собой монолитную стрелу, которая, рассекая пространство и время, целенаправленно летит в заданном направлении. На самом деле она похожа на бесформенное облако, представляющее собой совокупность не только разных взглядов разных политиков, за которыми стоят несовпадающие мнения и противоречивые интересы, но и винегрет непостоянных точек зрения даже одного государственного деятеля. Это облако постоянно меняет свой курс, иногда двигаясь в разных направлениях и даже достигая порой одновременно разных берегов. Взгляды Черчилля не пользовались популярностью в британском обществе, измученном войной и пандемией испанского гриппа. Не разделяли их и многие британские политики, которые идеологическим соображениям предпочитали практическую целесообразность с установлением долговременных и плодотворных торговых отношений с Советской Россией. Свое мнение было и у Ллойд Джорджа. Сравнивая Россию с «джунглями, где никто не может сказать, что его ждет за ближайшим поворотом», премьер-министр полагал, что у Британии просто нет ресурсов для столь масштабной авантюры со столь неочевидным результатом. Кроме того, он чутко улавливал настроения народных масс, заявляя в парламенте, что «отправка наших солдат на

подавление большевиков означает создание своими руками большевиков в самой Британии». Время от времени он шел на поводу у военного министра, но всякий раз, когда большевики одерживали победу, он возвращался в исходную позицию, призывая «заняться собственными делами, а Россия о своих делах пусть печется сама»^[169].

Споры с премьер-министром сказались негативно на карьере нашего героя. Утомленный антибольшевизмом своего коллеги, Ллойд Джордж решил в начале 1921 года снять Черчилля с успевшего набить оскомину направления. В феврале он назначил его государственным секретарем по делам колоний. Буквально через несколько недель из-за резкого ухудшения состояния здоровья Бонара Лоу и перевода на его место лорда-хранителя Малой печати и лидера Палаты общин Остина Чемберлена (1863–1937) освободилось место канцлера Казначейства. По своему опыту и личным качествам Черчилль подходил для этого поста, уступавшего по влиянию лишь должности премьер-министра. Но Ллойд Джордж решил не повышать Черчилля, отдав Казначейство менее выдающемуся Роберту Хорну (1871–1940). Новые перестановки расстроили потомка Мальборо, но верный долгу и стране, он с головой погрузился в вопросы колониальной политики.

Министерство по делам колоний не было чуждо нашему герою. Пятнадцать лет назад он начинал в нем свою карьеру. Но сколько воды утекло с тех пор. Великая война (как ее тогда называли) изменила не только лицо Европы, но и всего мира, открыв новые возможности и создав новые проблемы. Одни проблемы касались необходимости сокращения финансирования на Среднем Востоке, другие — определения форм правления новыми территориями в этом регионе, появившимися в результате распада Османской империи. Для поиска конструктивных решений Черчилль обратился за помощью к прекрасно разбиравшемуся в сложных хитросплетениях средневосточных проблем полковнику Томасу Лоуренсу (1888–1935), больше известному как Лоуренс Аравийский. Это был необычный тандем. Коллеги уверяли Черчилля, что ему не удастся надеть на столь свободолюбивую и неординарную личность корсет государственного служащего. Но у Черчилля было свое мнение. Во-первых, он считал, что даже таким пассионариям, как Лоуренс, для полноценной реализации нужна поддержка официальной власти. «Не было ничего, с чем бы он не справился, если бы остался жив... и имел бы меня за своей спиной», — заметит он после безвременной кончины Лоуренса от травм, полученных в мотокатастрофе. Во-вторых, они оба прониклись друг к другу уважением и восхищением. Черчилля поразила разносторонность

полковника, который «обладал неисчислимым количеством граней» и «владел мастер-ключом» от «самых разных сокровищниц». Он считал, что личность Лоуренса была «отмечена печатью гения», «хотя природа его гениальности оставалась непостижима». Лоуренс в свою очередь был впечатлен храбростью Черчилля, заявляя, что ее «хватит на шестерых». Кроме того, он восхищался его «чувством юмора, проницательностью, самоуверенностью и расчетливостью, насколько расчетливым может быть государственный деятель». Лоуренс был поклонником литературного таланта Черчилля, назвав его однажды «единственной великой личностью со времен Фукидида и Кларендона, кому его поколение очень многим обязано». Черчилль в свою очередь поощрял робкие попытки полковника написать свой *magnum opus*. Он был в числе первых читателей «Семи столпов мудрости», называя эту книгу «сокровищем английской литературы» и ставя ее «в один ряд с величайшими произведениями, написанными на английском языке». По его мнению, «если бы Лоуренс не сделал в своей жизни ничего другого, а только написал бы эти воспоминания, полагаясь лишь на собственное воображение, то и тогда его слава жила бы, выражаясь словами Томаса Маколея, „до тех пор, пока на английском языке говорят хоть где-нибудь на земном шаре“»^[170].

По совету Лоуренса Черчилль решил назначить сыновей короля Хиджаза Хусейна бен Али аль-Хашими (1854–1931) Фейсала (1883–1933) и Абдаллу (1882–1951) королем Ирака и эмиром Трансиордании соответственно с сокращением на две трети гарнизона британских войск в Ираке. Также Черчилль выступал за предоставление автономии курдам и создание еврейской автономии на территории Палестины. Помимо кроения новой карты Среднего Востока Черчилль также принимал активное участие в урегулировании Ирландского вопроса и заключении в декабре 1921 года Англо-ирландского договора, согласно которому на основе 26 графств Южной и Центральной Ирландии образовывалось Ирландское Свободное государство, получившее статус доминиона. Северная же часть Ирландии с Ольстером осталась в составе Великобритании. Подобное решение удовлетворило не всех. 22 июня 1922 года через несколько дней после разработки проекта конституции и выборов в Ирландском Свободном государстве у дверей своего дома на Итон-плес, 36, в Лондоне террористами Ирландской республиканской армии (ИРА) был застрелен бывший начальник Имперского генерального штаба и известный юнионист фельдмаршал Генри Уилсон, 1-й баронет (род. 1864). Понимая, что на него тоже идет охота, Черчилль провел ночь на чердаке, укрепив дверь металлическим щитом и положив пистолет под подушку. Но все обошлось.

Помимо противников в самой Ирландии, на почве Ирландского вопроса возникли разногласия с США, где были сильны проирландские настроения. Подобное обострение отношений беспокоило Черчилля, которого в феврале 1921 года выбрали президентом Англоязычного союза, благотворительной британской организации, основанной в 1918 году журналистом Джоном Ренчем (1882–1966). Работая над текстом выступления по случаю своего избрания, он жаловался супруге, что «очень трудно сочинить восторженную речь о Соединенных Штатах, в то время как они выжимают последнее пенни из своих несчастных союзников». Тем не менее для него было очевидным, что внешнеполитический курс его страны должен быть заточен на выстраивание хороших отношений с трансатлантическим партнером. «У нас впереди только один путь — держаться по отношению к ним сколь возможно лояльно, быть бесконечно терпеливыми и ждать появления дружественных отношений», — писал он Клементине^[171].

Прав был А. Синклер, когда назвал 1921 год «чудесным и ужасным»^[172] в биографии нашего героя. Помимо насыщенной и богатой долговременными решениями деятельности на ниве государственного управления, в этот год произошло сразу несколько трагедий в личной жизни британского политика. В январе скончалась бабушка Клементины, Генриетта Бланш вдовствующая графиня Эйрли (род. 1830). В конце того же месяца в результате железнодорожной аварии в Уэльсе (одна из самых крупных в истории британских железных дорог) погиб кузен Черчилля лорд Герберт Вейн-Темпест (род. 1862). 14 апреля в одном из отелей Парижа застрелится брат Клементины Уильям Хозье. В августе не стало преданного слуги Томаса Уолдена, работавшего еще у Черчилля-старшего. Но больше всего семью подкосили следующие опустошающие события.

Рано став вдовой, мать Черчилля леди Рандольф продолжала вести активную светскую жизнь и пользоваться популярностью в мужском обществе. Летом 1900 года она вышла замуж за «самого красивого мужчину в армии» Джорджа Корнуоллиса-Уэста (1874–1951), который был всего на две недели старше Уинстона. Второй брак оказался неудачен, и леди Рандольф решила попытать счастья в третий раз, выйдя в 1918 году за Монтагю Порча (1877–1964). Новый избранник был на три года моложе ее старшего сына. «Надеюсь, это не войдет в моду среди других женщин ее возраста», — иронизировал Черчилль. Новый марьяж также не был лишен недостатков, но, по словам Порча, «скучно не было ни одной минуты». Леди Рандольф тоже осталась довольна. Сравнивая своих супругов, она скажет: «Мой второй брак был романтичен, но несчастен, третий брак,

наоборот, оказался счастливым, но не романтичным». В мае 1921 года леди Рандольф гостила у своей подруги Катарины Асквит, урожденной Хорнер (1885–1976), вдовы погибшего на фронте старшего сына Асквита Раймонда (1878–1916). Когда она спускалась по дубовой лестнице в новых туфлях на высоком каблуке, то оступилась и неудачно упала, сломав голень. Сначала кость срасталась хорошо, но спустя две недели кожа над переломом почернела и началась гангрена. Врачи решили ампутировать ногу. Когда об этом сообщили леди Рандольф, она попросила хирурга ампутировать ногу как можно выше, чтобы избежать повторной операции. Нога была ампутирована выше колена. «Видите, теперь я уже не смогу встать не с той ноги», — не теряя присутствие духа, приветствовала она гостей. Леди Рандольф быстро шла на поправку, но 29 июня случился кризис. Не успела она закончить завтрак, как у нее началось сильное кровотечение из ампутированной ноги.

— Сестра! Сестра! — закричала она. — Из меня хлещет кровь.

Прежде чем успели наложить жгут, леди Рандольф потеряла много крови. К ней тут же примчался старший сын, не успевший даже сменить пижаму на костюм, но его мать уже впала в кому и, не приходя в сознание, скончалась через несколько часов. А через несколько минут после того, как сердце «последней из викторианок» (слова Асквита) перестало биться, супруга ее племянника Марджори Лесли (1882–1951) произвела на свет мальчика — Десмонда Артура Питера Лесли (1921–2001). Вот уж действительно, как писал поэт: «В рождение смерть проглядывает косо».

Леди Рандольф похоронили рядом с ее первым супругом на церковном кладбище в Блэдоне, неподалеку от Бленхеймского дворца. Очевидцы вспоминали, что на траурной церемонии Уинстон и Джек «выглядели осиротевшими». Единственное, что утешало Черчилля, который тяжело переживал утрату, — «конец был быстр и безболезнен». «По крайней мере, она больше не страдает от боли и никогда не узнает старости, немощи и одиночества, — напишет он одной из ее подруг. — Нам с Джеком ее очень не хватает, но что до нее самой, я не думаю, что она много потеряла. Впереди ее ждали долгие испытания, в конце которых она могла надеяться лишь на кратковременную передышку. Жаль, что вы не видели ее, покоящуюся в мире после всех радостей и бурь своей жизни. Она казалась прекрасной и величественной». Спустя три года, когда мать Клементины будет лежать на смертном одре, Черчилль скажет ей: «Смерть матери разрывает духовную связь, возникает чувство одиночества и начинает остро ощущаться скоротечность жизни»^[173].

Не успел Черчилль оправиться от одной утраты, как через два месяца

его постиг новый удар. Во время отдыха в графстве Кент младшая дочь Мэриголд, которой не исполнилось и трех лет, сильно простудилась, началась ангина, перешедшая в септицемию, не оставившую шансов на выздоровление. 23 августа, Душка-Милашка, как любили называть ее родители, скончалась. Черчилль сидел у изголовья кровати, и по его щекам текли слезы, Клементина же «выла, словно раненый зверь». «С кончиной Мэриголд мы понесли тяжелую и мучительно-болезненную утрату, — признается Черчилль одному из своих друзей. — Очень жалко, что столь молодая жизнь вынуждена заканчивать свое существование, когда она еще так красива и счастлива». Мэриголд похоронили 26 августа на лондонском кладбище Кенсал Грин. Кроме членов семьи и близких друзей на церемонии присутствовали фоторепортеры. Воспользовавшись моментом, они сделали несколько снимков. Однако по просьбе отца ни одна из фотографий так и не была опубликована. Для восстановления душевного здоровья Черчилль отправился в Шотландию, в замок герцога Сазерландского Данробин. «Увы, боль по Душке-Милашке не проходит, — писал он Клементине. — Надеюсь, вы вчера совершили к ней паломничество. Я впервые был здесь двадцать лет назад, когда Джорди и Алистер были мальчишками. Теперь Алистер похоронен рядом с могилой отца. Еще лет двадцать, и я приду к концу отпущенного мне срока, если вообще дотяну. Я готов ко всему».

На этом год не закончился. В конце декабря Черчилль отправился с Ллойд Джорджем в Канны. Весь дом остался на Клементине. Началась вторая волна пандемии «испанки». Сначала заболели две горничные, затем заразились Рандольф и Диана. На помощь Клементине приехала ее кузина, которая слегла с пневмонией. Под конец в кровати оказалась сама миссис Черчилль, которую подкосило нервное переутомление. К счастью, все обошлось и все поправились. Новый, 1922 год оказался более милосердным, не забирая, а даруя жизнь в семье Черчиллей. Клементина признавалась подругам, что они с Уинстоном больше не планируют иметь детей. «Никогда не говори так, — ответит одна из подруг. — Следующая малютка может принести самую большую радость». Она окажется права. В сентябре Клементина произведет на свет еще одну девочку — Мэри. Хотя в детстве ее и отличал капризный нрав, Мэри суждено будет стать не только «ребенком утешения», но и любимицей родителей. Она проживет долгую^[174] и счастливую жизнь, много сделав для памяти своего отца и матери^[175].

Принеся утешение в частной жизни, в политической — 1922 год

приготовил для нашего героя неприятный сюрприз. В целом для Черчилля-министра это был успешный период, а парламентскую сессию 1921–1922 годов он вообще оценивал, как самую плодотворную в своей карьере. Но политика не та область, где общий успех определяется исключительно частными достижениями. Запал, который сплотил коалицию в 1916 году и вдохнул в нее новые силы в 1918-м, постепенно стал сходить на нет к осени 1922-го. Среди консерваторов, которых в Палате общин было большинство, стали все больше преобладать настроения в пользу отказа от коалиции. В октябре в Ньюпорте состоялись дополнительные выборы, на которых в битве кандидата от коалиции и тори, выступавшего против союза с либералами, первый потерпел сокрушительное поражение, показав, на чьей стороне избиратели. В день объявления результатов в Карлтон-клубе по инициативе однокашника Черчилля Леопольда Эмери (1873–1955) собрались 273 депутата-консерватора, из которых 185 заявили о выходе из коалиции. В тот же день Ллойд Джордж отправился на аудиенцию к королю, объявив о своей отставке и назначении новых всеобщих выборов. Черчилль не смог принять участие в происходящих событиях, поскольку за несколько дней до выборов в Ньюпорте оказался на хирургическом столе после острого приступа аппендицита.

Болезнь подкосила нашего героя в самый неподходящий момент. Он не только лишился министерского поста, но и вынужден был сражаться за место в парламенте. Его физическое состояние не позволяло ему полностью окунуться в горнило избирательной борьбы, хотя его умственная активность продолжала оставаться на высоком уровне. Находясь на больничной койке, он направил в избирательный штаб для электората пять объемных манифестов, примерно по две тысячи слов в каждом. Но формировать общественное мнение удаленно оказалось не самым лучшим средством завоевания доверия избирателей. Большую часть кампании бывшего министра представляла Клементина, которая сама чуть более месяца, как разрешилась от бремени, но самоотверженно и смело выступала перед избирателями, везде таская за собой малютку Мэри. По словам очевидцев: «Клемми вела себя величественно, как аристократка, идущая на гильотину». Сам Черчилль появился в Данди только 11 ноября, за четыре дня до начала голосования. Несмотря на очное присутствие, политик был очень слаб. Выступал он в сидячем положении, на сцену поднимался, опираясь на помощников, а с одного места выступления на другое его перевозили в инвалидном кресле. Принимали же его в некоторых местах жестко. «Если бы не мое беспомощное состояние, я уверен, избиратели набросились бы на меня», — признавался он

впоследствии. Результаты выборов объявят 16-го числа. Черчилль проиграет, заняв четвертое место с 20 466 голосами. Первое место занял Эдвин Скримджер (1866–1947), набравший 32 578 голосов. Именно к нему обращено известное (хотя и приписываемое) высказывание Черчилля: «Он обладает всеми добродетелями, которые я презираю, и полностью лишен всех пороков, которыми я восхищаюсь»^[176]. На всех шести выборах Черчилля в Данди Скримджер неизменно выставлял свою кандидатуру и всякий раз терпел поражение. Теперь впервые за 14 лет он взял реванш. Поразительнее упорство! Черчилль был не единственный, кто потерпел поражение. Получив всего 116 мандатов в Палате общин, либералы значительно уступили консерваторам, занявшим 346 депутатских мест. По сути, выборы 1922 года ознаменовали собой начало заката некогда могущественной Либеральной партии. Ее место заняло новое светило — Лейбористская партия, уверенно себя чувствующая со 142 местами в Палате общин.

Черчилль старался не подавать виду, но в глубине души он тяжело переживал происходящие метаморфозы, которые помимо потери места в парламенте также усугубились обострением отношений с коллегами либералами. «В мгновение ока я лишился поста, депутатского мандата, партии и аппендикса», — иронизировал политик^[177]. Черчилль решил заняться бизнесом, приняв участие в сделке по объединению *Royal Dutch Shell* и *Burmah Anglo-Persian Oil Company*. Он даже успешно провел несколько встреч с нефтяными магнатами, министром торговли и первым лордом Адмиралтейства, а также подготовил ряд конструктивных предложений, но этот опыт не оказал сколько-нибудь серьезного влияния на дальнейшую карьеру Черчилля в политике, с которой он связывал свое будущее.

Бурные изменения на политическом поприще совпали для Черчилля с важным событием в частной жизни. По своей натуре наш герой был человеком непоседливым, любившим разъезды и путешествия, но желание иметь собственный дом снедало и его. Первым загородным домом Черчиллей стал Лалленден, на пересечении графств Суссекс, Кент и Суррей, приобретенный в феврале 1917 года. Покупка оказалось неудачной, потребовав значительных финансовых вложений во множество работ на прилегающих к дому 67 акрах смешанных фермерских территорий, а также вызвав утомительные споры с прежним владельцем Перси Шерманом по поводу оставшихся на территории старых дубовых бревен. В 1919 году Черчилль продал поместье генералу Гамильтону. Весь 1920-й и первая

половина 1921 года прошли в поисках нового дома. Основная проблема состояла в отсутствии необходимых средств, что было не удивительно, учитывая любовь Черчилля к роскошному образу жизни и пренебрежение экономией. Возможно, он и дальше бы пытался накопить нужную сумму, если бы не случай, трагический случай. Выше упоминалось о гибели в железнодорожной катастрофе Вейна-Темпеста. После его кончины Черчилль унаследовал поместье Гэррон Тауэрс в графстве Антрим на северо-востоке Ирландии. Получив наследство, Черчилль стал более уверенно искать себе новое семейное гнездышко. В июле 1921 года он посетил Чартвелл, расположенный в графстве Кент в двух милях южнее небольшого городка Вестерхем и в шести милях к северо-востоку от его бывшего владения Лалленден. Поместье было названо в честь родникового источника Чартвелл, расположенного в окрестностях. Название родника произошло от староанглийского слова *Chart*, которое на местном диалекте означает грубую почву, перемешанную с различными растениями: утесником, папоротником, ракитником. Историки считают, что и само слово «родник» (*well*) также связано с этими местами и происходит от имени Уильяма Эт-Велла, владевшего этими землями в XIV веке. Черчилль полюбил Чартвелл с первого взгляда. Благоприятным первое впечатление было и у Клементины. Однако присмотревшись внимательнее, она изменила свою точку зрения, испугавшись значительных трат на серьезную перестройку, которую требовало неудовлетворительное состояние дома. Черчилль приобрел Чартвелл в сентябре 1922 года за 5 тыс. фунтов, поставив супругу перед фактом. Понимая, что поступил нехорошо, он постарался как можно быстрее загладить свою вину. «Моя любимая, не переживай по поводу денег и нашей незащищенности, — успокаивал он Клементину в одном из писем. — Главной целью нашей политики является стабильность. Теперь Чартвелл наш дом. Мы должны приложить все усилия, чтобы прожить здесь долго и сделать его настолько уютным и очаровательным, насколько это будет возможно»^[178]. В итоге Клементина поймет, что ей придется разделить любовь супруга к кентской обители.

Перестройка дома обошлась намного дороже, чем предполагалось изначально. Вместо 7 тыс. фунтов пришлось отдать почти в два с половиной раза больше — 18. Свою долю беспокойства внесли и растянувшиеся сроки ремонта: его первый этап завершился лишь в апреле 1924 года. После реконструкции дома Черчилль взялся за прилегающие территории. В северной стороне была построена каменная беседка, посвященная 1-му герцогу Мальборо. Специально для Клементины, в течение многих лет остававшейся страстной поклонницей большого

тенниса, в южной стороне сада будет создан корт. Одним же из самых важных нововведений Черчилля стало расширение озера, строительство запруды и открытого бассейна. Для приема водных процедур вне зависимости от погоды бассейн был оборудован сложной отопительной системой с несколькими бойлерами. Также техническое помещение по личному распоряжению Черчилля было сделано достаточно большим и глубоким для использования его в качестве бункера. Владелец Чартвелла был храбрым человеком, но о безопасности никогда не забывал. Тем более что в начале 1920-х годов он получал немало писем не только с угрозами, но и с описанием того, когда и каким способом его собираются лишить жизни. Одновременно с озерами и бассейном в северо-восточной части поместья будут созданы так называемые «водные сады» — цепочка небольших, покрытых мхом и папоротниками, водоемов. Для соединения водоемов друг с другом была разработана специальная система небольших водопадов, а Клементина позаботилась о бело-голубом ковре наперстянок и румянок. В небольшом пруду, расположенном на северо-западной стороне сада, появились золотые рыбки, кормление которых превратилось в одно из любимых увлечений хозяина поместья. Другие пруды стали местом обитания черных австралийских лебедей и мандариновых уток, эти птицы будут запечатлены на многих картинах Черчилля. В процессе обустройства Чартвелла большая роль отводилась озеленению территории. В северной стороне сада появились бамбук, кизильник, мальпигия и гортензия. К югу от пруда протянулась известняковая стена, обрамленная специальным сортом кальмии, названным в честь супруги политика. За северным крылом здания Клементина разбила розовый сад.

Все эти работы требовали серьезных финансовых вложений. Но даже простое поддержание дома обходилось недешево. Чего только стоил обслуживающий персонал: профессиональный повар, две кухарки, две буфетчицы, две уборщицы, одна персональная служанка для Клементины, няня для младшей дочери Мэри и «странный мужчина», следящий за мусором. Учитывая, что в то время женщины, работающие в сфере услуг, получали два фунта в неделю, на оплату восьми помощниц уходило больше 60 фунтов в месяц. И это не считая повара, трех садовников, фермера и шофера. Финансовых издержек требовали и необычные увлечения Черчилля. У него появилось новое хобби — кирпичная кладка. Освоить премудрости этой профессии ему помог каменщик Бенни Барнс. Он же частенько продолжал за политиком неоконченную работу, когда тот возвращался к решению неотложных государственных дел, поэтому сегодня трудно определить, что именно было построено лично Черчиллем,

а что — Барнсом. Для истории осталось следующее: руками Черчилля возведены большая разделительная стена длиной 77 и высотой 3,3 метра, а также однокомнатный коттедж для младшей дочери. По воспоминаниям очевидцев, политик занимался кирпичной кладкой увлеченно, порой до четырех часов в сутки, умудряясь класть до 90 кирпичей в час. Черчилль даже вступил в местное отделение Объединенного союза строительных рабочих. Однако вскоре его членство будет аннулировано. Официальная причина заключалась в некорректном заполнении анкеты, хотя на самом деле руководство профсоюза испугала негативная реакция других членов. Один из недовольных даже назвал политика «старым лицемером» и заявил, что «было бы гораздо лучше, если бы ты зарабатывал себе на хлеб кладкой кирпичей, а не игрой с ними и выставлением себя дураком»^[179]. Вся эта история оставила у Черчилля неприятный осадок, не повлиявший, правда, на его увлечение кирпичной кладкой.

В отношении политики, Ллойд Джорджа на посту премьер-министра сменил Бонар Лоу, политический век которого оказался недолог. 22 мая 1923 года он оставил свой пост, а в октябре того же года скончался от рака горла. В день его похорон в Вестминстерском аббатстве Асквит обронил, что рядом с могилой Неизвестного солдата теперь хоронят неизвестного премьер-министра. Преемником Бонара Лоу на посту лидера Консервативной партии и главы правительства станет Стэнли Болдуин (1867–1947). Черчилль был невысокого мнения о новом лидере тори, считая его обладателем «очень заурядного интеллекта» и называя его «деревенского вида бизнесменом, случайно оказавшимся в Кабинете министров»^[180]. Но именно с ним ему теперь пришлось выстраивать отношения, от которых зависела его карьера. В августе 1923 года он имел с ним беседу, которая оставила у него приятные впечатления. Единственным камнем преткновения оставался вопрос свободной торговли, к сторонникам которой всегда причислял себя Черчилль и против которой неожиданно выступил Болдуин в октябре 1923 года, объявив через месяц всеобщие выборы. Черчилль выставил свою кандидатуру от Западного Лестера. Выбор избирательного округа, где у него не было поддержки ни прессы, ни местного истеблишмента, оказался странным, что наглядно продемонстрировали результаты: Черчилль набрал всего 9236 голосов против прошедшего в парламент лейбориста с 13 634 голосами. Для Болдуина возвращение к протекционизму также имело негативные последствия. Тори сократили свое присутствие в Палате общин с 346 до 258 мест, лейбористы и либералы заняли 191 и 158 мест соответственно.

Уже в самом начале 1924 года стало понятно, что лейбористы и либералы объединят свои силы для низвержения консервативного правительства. Дни Болдуина на Даунинг-стрит были сочтены. 28 января 1924 года в Британии появился новый премьер-министр — Джеймс Рамсей Макдональд (1866–1937). Первый раз в истории страны правительство возглавил представитель Лейбористской партии. Черчилль тем временем бился над возвращением в парламент. Окончательно расставшись с либералами, он выступил независимым антисоциалистом на дополнительных выборах в округе Вестминстерское аббатство, которые прошли в марте 1924 года после кончины местного депутата Джона Николсона (род. 1863). За последние полтора года это была уже третья избирательная кампания, в которой Черчилль пробовал свои силы. Учитывая, что после неудачи на выборах Болдуин отказался от заигрывания с протекционизмом, что сняло последний барьер на возвращение в лоно Консервативной партии, Черчилль решил по максимуму использовать возможности нового союза. Он обратился к Бальфуру, попросив экс-премьера написать письмо поддержки. Бальфур, который имел с семьей Черчиллей длительные и зигзагообразные отношения: от сотрудничества с лордом Рандольфом в 1880-х годах до споров с его старшим сыном в начале 1900-х и затем новым сближением в 1910-х, откликнулся и подготовил соответствующее обращение, которое после согласования с Болдуином было предано огласке. Поддержка мэтра сыграла свою роль, но оказалась недостаточной. Черчилль набрал 8144 голоса, уступив всего 43 голоса победителю — тоже с фамилией Николсон — Ото Уильяму (1891–1978).

В свое время, описывая упущенные адмиралом Джеллико возможности разгромить немецкий флот в Ютландском сражении, Черчилль писал: «Три раза — это много». Три поражения на выборах тоже было много! Да к тому же — очень обидно. Но наш герой не терял надежды. Кооперация «либ-лаб» просуществовала недолго, развалившись из-за разных взглядов в отношении Советской России. В октябре 1924 года в Британии прошли очередные выборы. Новым избирательным округом Черчилля стал Эппинг. На этот раз он одержал убедительную победу, получив почти 60 % голосов электората (19 843 голоса против 10 080 у конкурента). Уверенная победа Черчилля совпала с возвращением Болдуина на Даунинг-стрит в результате не менее уверенной победы тори, получивших в новом парламенте абсолютное большинство — 419 мест против 151 места у лейбористов. Либералы смогли похвастаться лишь 40 мандатами, что фактически ознаменовало их уход с политической арены. Черчилль же, наоборот, вернулся в большую политику. Второй раз он менял

партию и второй раз добивался успеха. В новом правительстве он получил пост канцлера Казначейства, который почти сорок лет назад занимал его отец. Это было неожиданное развитие событий, которое вызвало неоднозначные отклики. Одни называли решение премьер-министра «гениальным ходом», позволившим кооптировать непредсказуемого политика, другие опасались, что подобное назначение вызовет протест среди тори и даже приведет к их расколу^[181]. Болдуин хотел разделить Черчилля и Ллойд Джорджа, tandem которых мог доставить ему немало хлопот. И он добился желаемого.

Черчилль будет руководить Казначейством 4 года и почти 7 месяцев. Это значительный промежуток времени: из семи его предшественников ни один не провел на этой должности и 2,5 лет, а что касается самого Черчилля — за более чем полувековую карьеру это было его самое продолжительное пребывание на посту руководителя ведомства. Исключение составляет лишь премьерство в годы Второй мировой войны и руководство Министерством обороны, которое он совмещал с работой на Даунинг-стрит. Несмотря на столь внушительный срок и столь внушительные достижения — защита в парламенте пяти государственных бюджетов, работа Черчилля в Казначействе является спорным периодом, оставившим у коллег и потомков множество вопросов к нашему герою. Он и сам признавал, что во время этой работы столкнулся с серьезными трудностями, которые иронично обозначил в следующей сентенции: «В финансах все, что приемлемо — ненадежно, а все, что надежно — неприемлемо»^[182].

Проблема заключалась в том, что в отличие от других ведомств Черчилль слабо разбирался в запутанных национальных и международных финансах. Присущая ему харизма и бесстрашие позволяли демонстрировать уверенность, хотя на самом деле у него не было даже четкого плана действий, лишь общие намерения, сформированные на основе увлечения социальным реформированием двадцатилетней давности. Для британской системы государственного управления подобная ситуация не является чем-то из ряда вон выходящим. В таких случаях министру, являющемуся представителем политической власти, дается в помощь государственная служба — чиновники, осуществляющие всю профессиональную деятельность гражданских министерств и ведомств и находящиеся в подчинении соответствующего постоянного заместителя министра. К моменту назначения Черчилля в финансовое ведомство этот ответственный пост — постоянного секретаря Казначейства — занимал

Уоррен Фишер (1879–1948), служивший в течение 20 лет при 9 министрах и являвшийся главой Национальной гражданской службы. Черчилль был недоволен работой Фишера. «В течение года пребывания в Казначействе я едва получил от вас помощь в очень трудных вопросах, которые вынужден решать», — отчитывал он своего заместителя в декабре 1925 года. Постоянный секретарь возражал, считая, что должен помогать исключительно первому лорду Казначейства (премьер-министру). Черчилль пытался объяснить Фишеру, что перед премьер-министром постоянный секретарь несет ответственность «за консультирование в общих вопросах гражданской службы», в остальном же он подчиняется канцлеру Казначейства. Подобный спор был не самым лучшим основанием для выстраивания плодотворных отношений, да они и не сложились. Черчиллю пришлось опираться на других профессиональных помощников^[183].

Не имея собственных продуманных планов, Черчилль взял на вооружение готовящуюся уже несколько лет инициативу по возвращению к золотому стандарту с довоенным паритетом, в результате чего один фунт стерлингов конвертировался в 4,87 доллара США. У этого шага было много сторонников, считавших, что жесткая конвертация позволит трезво оценивать финансовую обстановку и собственные возможности, способствуя производству конкурентных товаров на экспорт. Было у этого решения и много противников. Среди критиков особенно выделялся известный экономист Джон Мейнард Кейнс (1883–1946), видевший в возвращении к довоенному паритету существенный риск снижения цен на внутренние товары с последующим снижением зарплат, увеличением безработицы и началом забастовок в отраслях тяжелой промышленности. После продолжительных размышлений и обсуждений Черчилль поддержал идею с возвращением к золотому стандарту. Споры с экспертами дались ему нелегко: «Я бы хотел, чтобы мои эксперты в области монетарной политики были адмиралами или генералами, чтобы я мог всегда одерживать над ними верх, если потребуется. Но когда я начинаю обсуждать с ними какой-то вопрос, они быстро переходят на малопонятный мне язык, после чего одерживают верх уже надо мной». В дальнейшем он признает, что допустил ошибку. Историки будут менее категоричны, отмечая, что даже если Черчилль выбрал и неправильный курс, следовать по правильному пути было практически невозможно с политической точки зрения^[184].

Возвращение к золотому стандарту вызвало к себе непропорционально

большое внимание. Хотя в период руководства Казначейством Черчиллем были приняты также другие решения, которые сам он считал более важными. Он ввел дополнительные налоги на бензин, шелк, дорогие часы, автомобили класса люкс и американские фильмы, сократив при этом подоходный налог для населения с низким доходом. Также он предложил расширение системы государственного страхования в части пенсий — выплаты не с 70, а с 65 лет, а также обязательные выплаты вдовам, их детям и сиротам до 14,5 лет сразу же после потери кормильца. Выплаты были незначительные, но они появились, охватив 15 млн человек. На ниве социального реформирования Черчилль действовал в тандеме с министром здравоохранения Невиллом Чемберленом (1869–1940). Рассказывая о своем взаимодействии с Черчиллем премьер-министру, Чемберлен признавал выдающиеся качества своего коллеги, называя его «яркой личностью». Он также отмечал, что Черчилль ему нравится — «нравится его юмор, жизнестойкость, смелость». Но при этом он считал, что «их разделяет пропасть, которую, боюсь, не преодолеть никогда». Также «ни за какие бы райские блага» Чемберлен «не стал бы членом его команды», называя главным недостатком Черчилля «непостоянство». «Непостоянство обидное слово, но оно очень точно отражает его характер», — заключал министр здравоохранения^[185].

Выделение Черчиллем средств на улучшение условий жизни обычных граждан было продиктовано благородными мотивами. Но вся сложность государственного управления состоит в том, что любое решение имеет альтернативные издержки и его реализация предполагает отказ от других инициатив. Так, активно выступая за социальное реформирование, Черчилль вступил в спор с Адмиралтейством из-за военно-морских расходов. В соответствии с Вашингтонским морским соглашением 1922 года соотношение тоннажа судов между США, Великобританией и Японией составляло 5:5:3. Это соотношение распространялось на авианосцы и капитальные корабли, под которыми понимались боевые суда водоизмещением свыше 10 тыс. тонн и орудиями калибра свыше 8 дюймов. Недовольные достигнутым паритетом, японцы решили компенсировать ограничение капитальных кораблей активным строительством судов с орудиями калибра 8 дюймов и водоизмещением 10 тыс. тонн и меньше. В конце 1922 года они заложили два тяжелых крейсера водоизмещением 7,5 тыс. тонн с шестью орудиями калибра 8 дюймов. В 1924 году были заложены четыре тяжелых крейсера с водоизмещением 10 тыс. тонн и десятью 8-дюймовыми орудиями. Для сравнения, калибр самого крупного орудия у британского крейсера составлял 7,5 дюйма, а большинство судов

этого класса были вооружены орудиями калибра 6 или того меньше — 5,5 дюйма. Понимая, что Королевский флот начинает отставать, Адмиралтейство подготовило новую программу строительства дополнительно 46 крейсеров к 1936 году. Для ее реализации нужны были средства, которые и были запрошены у Казначейства.

В карьере Черчилля это был уже третий эпизод, когда он участвовал в обсуждении военно-морских расходов. В предыдущие два раза он то стоял на стороне экономистов, то ратовал за расширение финансирования. На этот раз он вновь изменил свою точку зрения. Испытывая недостаток средств для реализации своих социальных программ, он выступил категорически против предложений Адмиралтейства. Мысля широкими категориями, Черчилль вывел спор на уровень международной политики. Он пытался доказать, что реализация программы военно-морских экспертов приведет к ответным действиям со стороны Японии и США, что запустит петлю положительной обратной связи со смещением статей затрат из социальной сферы в сторону милитаризации. В ходе упорных обсуждений, в которых обе стороны прибегали к угрозе отставки, удалось достигнуть компромисса, значительно ограничившего первоначальные запросы Адмиралтейства. Фактически Черчилль одержал победу в этом споре. Но это была пиррова победа. Черчилль допустил стратегическую ошибку в отношении намерений и возможностей японцев. Он свято верил, что войны со Страной восходящего солнца не будет. Единственной веской причиной, которая может вынудить Британию объявить войну Японии, является вторжение японских войск в Австралию. Но «неужели кто-то серьезно полагает, что Япония планирует так поступить» и «каким образом японцы доставят военный контингент в Австралию, если им для этого потребуется пересечь пять тысяч миль океана»? — писал Черчилль премьер-министру. И сам же отвечал: «Это абсурд. Я не верю, что они собираются напасть на Британскую империю, или что от них есть хотя бы малейшая угроза, по крайней мере, нынешнему поколению»^[186]. Черчилль недооценил Японию, и допущенные им ошибки в ограничении финансирования, в том числе на строительство военно-морской базы в Сингапуре, буквально через пятнадцать лет привели к серьезным проблемам с потерей британского влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Болдуин уверенно держал штурвал в своих руках. Но британская политическая система не благоволит длительным периодам правления отдельных государственных деятелей. В мае 1929 года произошли всеобщие выборы. Черчилль одержал победу в Эппинге, получив 23 972

голоса против 19 005 у ближайшего противника-либерала. Другие члены Консервативной партии оказались менее успешны. Тори смогли сохранить за собой только 260 мест в Палате общин нового состава против 288 мест, которые обеспечила себе Лейбористская партия. 5 июня Болдуин подал в отставку, передав премьерство Рамсею Макдональду. Вместе с Болдуином свой пост покинул и Черчилль. Эта на первый взгляд ничем не примечательная и вполне обычная смена правительства ознаменовала собой третий кризис в жизни нашего героя. В нем не было ни той скандальности, ни того отчаяния, которые отличали уход из Адмиралтейства в 1915 году; в нем не было ни той неожиданности, ни того недовольства, которыми характеризовалась одновременная потеря мест в правительстве, парламенте и партии в 1922 году. Но только ни Черчилль, ни его коллеги ничего не знали об истинном характере произошедших перемен. В то время как наш герой ожидал скорейшего возвращения в горнило политической борьбы, разразившийся кризис станет самым продолжительным, самым тяжелым, но в то же время самым плодотворным в его жизни.

«Мировой кризис»

Пока Черчилль успешно восстанавливал свою карьеру после катастрофы в Дарданеллах, на книжных полках стали появляться работы, посвященные событиям Первой мировой и его роли в отдельных эпизодах. Часть исторических исследований носила благожелательный по отношению к нему характер. Например новая книга первого биографа нашего героя Маккалума Скотта «Уинстон Черчилль во время войны и мира». Но были и негативные примеры — монография Реджинальда Бретта 2-го виконта Эшера (1852–1930) о фельдмаршале Китченере, в которой в неблагоприятном свете описывалось участие Черчилля в обороне Антверпена. И это не говоря о Дарданелльской кампании, представляющей настоящий Клондайк для всех желающих пожурить и унижить потомка герцога Мальборо.

Черчилль всегда внимательно относился к своей репутации и не собирался отдавать ее на откуп критикам. Тем более что сам он прекрасно владел словом и ему не составило бы труда изложить свою версию событий. Еще в 1915 году он признался владельцу *Manchester Guardian* Чарльзу Скотту (1846–1932), что «с нетерпением ждет того дня, когда сможет опубликовать все факты». Прошло несколько лет, и Черчилль решил приступить к осуществлению задуманного, начав работу над описанием истории печально знаменитой кампании. Не напоминает ли подобное погружение в прошлое «перекапывание кладбища», спросил его Поль Маз. «О да! Только с возможностью воскрешения», — ответил Черчилль ^[187].

Определяя формат нового произведения, Черчилль использовал метод Даниеля Дефо (1660–1731) из «Записок кавалера» с «нанизыванием исторических событий на беспристрастные воспоминания отдельной личности». При этом основу самих воспоминаний составило не описание, а цитаты из аутентичных и неизвестных широкой публике официальных документов — меморандумов, записок, писем, распоряжений, объединенных в цельное повествование фрагментами-связками. По мнению автора, они гораздо лучше могли передать суть и смысл происходящего. Претендуя на объективность, этот подход имел существенное ограничение — правовые издержки. Большинство используемых документов принадлежали правительству, не говоря уже о материалах с ограниченным доступом. В начале 1922 года Черчилль

запросил соответствующее разрешение, мотивируя необходимостью защищаться от инсинуаций других авторов. Он и ранее настаивал на расширении доли обнародованных документов, считая, что подобная практика позволит бороться с искаженным восприятием недавних событий, а также повысит качество исторических работ. Вскоре он получил соответствующее разрешение, однако полностью защитить его от последовавших после публикации нападок оно не смогло. Политические оппоненты стали задавать неудобные вопросы, например кто дал разрешение, а также указывали на нежелательность и опасность подобных публикаций. При подготовке ответов на последовавшие обвинения правительство вернулось к теме обнародования недавних документов, решив более тщательно проработать этот вопрос. На Черчилле это не сказалось, пока. Актуализированные правила публикации документов его коснутся несколько позже. С новым произведением ему пришлось решать и другие, более привычные вопросы — расширение периметра работ и изменение первоначальной концепции^[188].

Концентрируясь изначально на описании событий в Дарданеллах, Черчилль впоследствии решил для полноты картины рассказать также о предшествующем периоде — всех трех с половиной годах (1911–1914) руководства им Адмиралтейством. С изменением концепции изменилось и название с «Великого земноводного» на «Мировой кризис». Также увеличился объем, а само произведение расширилось до двух томов: первый описывал события 1911–1914 годов, второй — 1915-го. Учитывая, что большую часть работы над произведением Черчилль совмещал с руководством различными ведомствами, у него не было возможности самостоятельно изучать детали описываемых эпизодов и собирать все необходимые факты. Для этих целей он нанял экспертов, например, возглавлявшего в 1912–1913 годах военно-морскую разведку вице-адмирала сэра Томаса Джексона (1868–1945). Также он активно консультировался с адмиралом флота баронетом Роджером Кийсом (1872–1945), главой военно-морского конструкторского бюро и главным техническим советником Адмиралтейства сэром Юстасом Теннисоном д'Энкурсом (1868–1951), главным маршалом авиации баронетом Хью Тренчардом (1873–1956), который в свою очередь привлек к проекту историка военно-воздушных сил сэра Уолтера Рэля (1861–1922).

Первый том был опубликован в апреле, второй — в октябре 1923 года. С их появлением Черчилль добился желаемого, создав задел для восстановления своей репутации. Казалось, на этом можно было бы остановиться, но увлеченный автор решил довести свое повествование до

конца и поведать читателям о следующих трех военных годах. Из-за работы в Казначействе публикация третьего тома постоянно откладывалась. Он увидел свет лишь в марте 1927 года в двухкнижном формате.

Войдя в число первых летописцев мировой войны, Черчилль не стал останавливаться на достигнутом и еще до публикации третьего тома начал работу над продолжением — о Парижской мирной конференции и первых послевоенных годах. «Я убежден, что в истории вряд ли найдется какой-либо другой период, более подробно описанный, более основательно забытый и менее понятый, чем те четыре года, которые последовали непосредственно за перемирием», — объяснял он. Словно предчувствуя масштаб, глубину и драматизм последствий (кстати, новый том так и стал называться — «Последствия») принятых в эти годы решений, он скажет, что его новая книга станет «по большей части летописью бедствий и трагедий». Это был период, когда «события следовали друг за другом в беспорядке», «люди устали и с трудом находили общий язык», «сила государственной власти падала, материальное благополучие сократилось, проблема денег становилась все более беспокойной». «Люди не могли понять, — писал он, — каким образом победа, превзошедшая все ожидания, привела к слабости, недовольству, партийным раздорам и разочарованию». Четвертый том вышел в марте 1929 года^[189].

В целом тетралогия Черчилля получила положительные отзывы среди современников. Артур Бальфур заметил, что его коллега написал «восхитительную автобиографию, замаскированную под историю Вселенной». Это было сказано с иронией, но добродушной иронией. Бальфур считал «Мировой кризис» «бессмертной историей», которая служит не только «прекрасным дополнением к великому периоду административной активности» Черчилля, но и сама по себе является «великим произведением». Показательны высказывания коллег нашего героя и в отношении отдельных томов. Главный редактор *Observer* Джеймс Луис Гарвин (1868–1947) назвал первый том «китом среди мелкой рыбешки», добавив, что автор «отправил мощнейшим ударом повествования всех своих критиков в нокаунт». Ему вторила Марго Асквит, сказавшая, что первый том «великий шедевр, написанный пылкими словами, скромный в части собственного восхваления, посвященный стремительным событиям, отмеченный четкостью изложения, а также содержащий в себе драматическое начало, непревзойденное даже Маколеем». «Я не только восхищен твоим талантом рассказчика, но и проникся величайшей симпатией к твоей борьбе против неприступной стены педантизма и отталкивающего болота нерешительности», — написал

однокашнику Леопольд Эмери после выхода второго тома. О третьем томе хорошо сказал Джон Мейнард Кейнс. В его понимании эта книга сублимировала в себе все качества «антивоенного трактата — более эффективного, чем сочинения любого пацифиста». Своей доли похвалы удостоился и следующий том. Историк и романист Джон Бачен (1875–1940), родной брат которого — Алистер, воевал с Черчиллем в одном батальоне в 1916 году и скончался от полученных ранений в 1917-м, не только считал «Последствия» лучшим томом во всей серии, но и охарактеризовал их как «самую лучшую книгу» со времен создания трехтомной «Истории восстания и гражданских войн в Англии» Эдуарда Хайда 1-го графа Кларендона (1609–1674).

Монументальный труд вызывал не только восхищение, но и зависть, переходящую в раздражение. «У вас было время прочитать последнюю книгу Уинстона?» — спросил Эдуард Вуд 1-й барон Ирвин (1881–1959)^[190] у архиепископа Кентерберийского Космо Лэнга (1864–1945). Лично у него — нет, а Черчилль нашел время написать такой объемный фолиант. «Разве не удивительно, что человек способен совмещать канцлерство в Казначействе с занятием литературой, да еще в таком масштабе?» — неодобрительно изумлялся Галифакс, считая, что было бы «лучше для Уинстона и государственных финансов, если бы он возглавил другое министерство»^[191].

Хвалебные отзывы были Черчиллю приятны, а на замечания будущего лорда Галифакса и ему подобных он просто не обращал внимания. Главной проблемой и главным достоинством Черчилля была ненасытность. Ему было мало Кубинской кампании и первого журналистского успеха, ему было мало участия в военной кампании в Малаканде и литературного признания первой книги, ему было мало побега из плена и описания своих приключений в Англо-бурской войне, ему было мало успешной публичной деятельности и увлечения живописью, ему было мало руководить войной и описывать ее после заключения мира, — ему всегда хотелось большего. В известном постулате о том, что в этой жизни следует либо сделать что-то достойное описания, либо написать что-то достойное прочтения, — он хотел добиться успеха и там, и там. Причем, когда он брался за перо, ему не терпелось выйти за рамки мемуарного жанра. Он жаждал сказать свое слово в повествовании и оценке событий прошлого, чтобы о нем — о Черчилле говорили и в будущем. «Как странно, что прошлое так мало понимается и настолько быстро забывается, — сокрушался он в апреле 1929 года в беседе с леди Фрэнсис Хорнер (1858–1940). — Мы живем в

самый бездумный из веков. Каждый день новые заголовки и неглубокие взгляды. Я пытаюсь ворошить прошлое, приблизить его к нам, чтобы оно смогло помочь нам в решении сегодняшних трудностей»^[192].

Одной из его очередных попыток «разворошить прошлое» стал новый — пятый том в серии, на этот раз о войне на Восточном фронте, который вышел в ноябре 1931 года и рассказывал о «победах, ослеплявших победителей, а также о поражениях, которые не могли сломить дух побежденных». Объясняя выбор темы, он признал собственное удивление, когда обнаружил, «насколько расплывчатыми и зачастую не вполне верными оказались мои представления о схватке между Россией и двумя тевтонскими империями». Он даже хотел назвать новый том «Неизвестная война», однако потом выбрал «Восточный фронт», оставив предыдущее заглавие для американского издания^[193].

Знакомя англоязычных читателей с неизвестными эпизодами войны на Восточном фронте, Черчилль признавал, что главной заслугой русской армии, этого «могучего парового катка, надежды страдающей Франции и униженной Бельгии», стало переключение на себя значительных сил противника. Причем произошло это в самый напряженный момент начала войны и фактически спасло Францию от разгрома. «Вечная слава царю и русскому народу за их благородный энтузиазм и верность, с которой они бросились в мировую войну», — констатирует Черчилль. Он и дальше в хвалебном тоне отзывается о союзнике, отмечая, что «храбрая, мужественно сражающаяся русская армия» с ее «изумительными успехами, которые навсегда останутся величайшим монументом и навсегда сохранят память об империи Петра Великого», сделала «чрезвычайно много», она «не боялась потерь» и, «несмотря на страшные поражения и невероятное количество убитых, Россия оставалась верным и могущественным союзником»; «в течение почти трех лет она задерживала на своих фронтах больше половины всех неприятельских дивизий и в этой борьбе потеряла убитыми больше, чем все прочие союзники, взятые вместе».

На Западе было распространено мнение о «недальновидности, порочности и слабости» царского режима. Но Черчилль опроверг подобные предубеждения, заявив, что «силу Российской империи можно измерить тем градом ударов, которые она выдержала, теми бедствиями, которые она пережила, теми неистощимыми войсками, которые она развернула, и тем восстановлением, которое она осуществила». Также он добавляет, что «немногие эпизоды Великой войны впечатляют больше, чем восстановление, перевооружение и очередное титаническое усилие

русской армии в 1916 году». В России на тот момент героические подвиги недавнего прошлого были безжалостно забыты. Но Черчилль считал, что придет время, когда «будущее поколение, возмещая неблагодарность нынешнего, еще отвесит низкий поклон российскому царю и воздаст должные почести его солдатам».

Черчилль не только восхваляет верность царя и таланты отдельных полководцев, но и рассказывает о стойкости, героизме и храбрости простых русских «офицеров и солдат, оставшихся незамеченными историей». На страницах «Восточного фронта» множество восторженных реплик на этот счет, например: «одного только крика *Kosaken kommen!*^[194] было достаточно, чтобы привести целые полки и бригады в смятение», «храбрые атаки спешенной русской кавалерии», «упорное сопротивление русских», «ожесточенные бои и контратаки русских», «русские защищались героически», «русские арьергарды сражались с величайшим упорством»; было отмечено и «чувство товарищества, столь свойственное царской армии». Касается Черчилль и обороны крепости Осовец. И хотя он не описывает печально знаменитую «атаку мертвецов», он воздаст должное «мужественным защитникам, которые выдержали тяжелые артиллерийские обстрелы и непрекращающиеся атаки». В конце «Восточного фронта» британский автор назовет Россию «великой державой, с которой нас связывали столь тесные товарищеские узы, без которой все наши планы ничего не стоили». «При деятельной поддержке России союзники могли перейти в атаку на всех фронтах, — напомним он читателям и участникам войны, а также накажет помнить будущим поколениям. — Без этой поддержки война могла быть проиграна»^[195].

«Восточный фронт» стал последним в серии, завершив пятитомный труд. Обычно «Мировому кризису» уделяют мало места в жизнеописании британского политика. И это упущение является существенным, поскольку даже без краткого рассмотрения этой пенталогии нельзя в должной мере понять ни мировоззрение Черчилля, ни истоки его будущих решений в годы Второй мировой войны. Что выделяет «Мировой кризис» среди прочих работ автора, написанных на тот момент? Если оставить в стороне объем — 824 тыс. слов, на написание которых у автора ушло больше 12 лет, то первое, на что обращаешь внимание, — это уникальность темы: в пяти томах описываются события, которые до этого не имели аналогов в истории человечества. «Мировой кризис» посвящен «чудовищной войне, ставки в которой превосходили всякие человеческие представления», «буре, погубившей наше поколение», «драматическому конфликту,

привлекшему внимание всего мира и уничтожившему процветающую жизнь в большей его части», «зверствам, которые превосходили все возможности человеческого возмездия», «самому ужасному бедствию, которое обрушилось на род людской со времени падения Римской империи под натиском варваров».

В массовом сознании сложился устойчивым образ Черчилля-милитариста, сторонника решения внешнеполитических проблем силовыми методами, наслаждающегося войной, кризисом и грохотом канонад. Острые и решающие моменты истории, и в самом деле, действовали на него мотивирующим образом, но в отличие от большинства своих критиков он не понаслышке знал, что представляет собой настоящая война, и его от нее воротило. Еще в феврале 1918 года, посещая места недавних сражений, он писал супруге, что на этих полях «смерть превратилась в обыденность, совершенно естественное событие, которое может случиться с каждым в любой момент». В своем произведении он приводит другие личные воспоминания, например — от медицинского сортировочного пункта, организованного в женском монастыре в Мервиле. Его поразило вид тысячи людей, страдающих от «жутких увечий и ожогов, разорванных, исколотых, задыхающихся и умирающих». Непрерывная вереница автомобилей, въезжающих в госпиталь, привозила раненых. Из задней двери следовал «столь же непрерывный поток трупов, так что похоронной команде было не до отдыха». В одних комнатах лежали «безнадежные раненые», которых «не было смысла везти дальше, как и не было уже смысла оперировать в первую очередь». В других помещениях содержались ходячие — «их ждали чай, сигареты и еще одна долгая поездка» на фронт. У операционной была очередь. Проходя мимо нее, Черчилль увидел «жуткую картину трепанации черепа». «Все было залито кровью и завалено кровавыми бинтами», — вспоминает он. Но, пожалуй, самыми страшными были последние слова, описывающие этот эпизод: «За четырехугольником стен раскатистый гром канонады возвещал, что машина смерти и уничтожения все так же работает на полную мощь»^[196].

В своем произведении Черчилль попытался осознать и понять, чем стала Первая мировая война для человечества, чем отличалась она от предыдущих конфликтов, в которых также участвовали целые народы, но потрясение от которых носило менее сокрушительный характер. Одну из глав первого тома он начал с цитаты из сборника стихов Альфреда Эдуарда Хаусмана (1859–1936) «Шропширский парень»:

Словно в сновиденье странном,

Злобно ширится вокруг
Жесткой дробы барабанной
Долгий и упорный звук.

Своего дождавшись часа,
Закружилась круговерть.
Это пушечное мясо
Марширует прямо в смерть [\[197\]](#).

Свой знаменитый сборник стихов Хаусман опубликовал в 1896 году. Задолго до Первой мировой войны боевые действия олицетворяли смерть — безобразную, бесстрастную и несправедливую. Новая война добавила мрачного колорита, изменив восприятие современников. Если раньше на полях сражений силами мерились военные, то теперь в боях участвовало все мужское население — «восемнадцатилетние парни, зрелые мужчины, последний оставшийся в живых брат, единственный сын матери (а она вдова), отец, единственный кормилец семьи, слабые, истощенные болезнью, трижды раненные». Если раньше огромную роль играли стратегия и тактика, то теперь «значение обретали места, и уже не психология, а география правила на полях сражений». Если раньше исход войны решался в эпизодах, то теперь «тенденции стали важнее эпизодов». Если раньше героизм, лишения и жертвы могли изменить ход событий, то теперь они не гарантировали ничего, и, описывая жуткие условия, в которых приходилось вести войну подводникам, Черчилль замечает: «Невыносимо горькой становится мысль о том, что их самоотверженность и доблесть так и не увенчались победой». Если раньше сильнейшего ждал успех, то теперь «воинов, пожертвовавших собой ради общего дела, не ждала награда», да и победу «пришлось добывать столь дорогой ценой, что стерлась грань между триумфом и поражением». Если раньше один из противников был определенно сильнее, умнее или лучше подготовленным, то теперь бой велся между равными: «ни у одной из сторон не было в распоряжении достаточных для перевеса сил», в результате чего наблюдалась эскалация жестокости и «слепое пламя войны, оставляя оковы нерушимыми, на протяжении нескольких лет поглощало плоть поработанных наций». Если раньше за время сражения гибли сотни солдат, то теперь одним мановением руки лейтенант субмарины «обрывал жизни тысячи четырехсот человек». «На протяжении всей истории человечества о потерях такого масштаба даже не помышляли, и никогда

еще они не происходили с такой скоростью», — констатировал Черчилль.

Указав на метаморфозы, произошедшие в войне и мире, сам Черчилль предстал трагической фигурой. Он не только понимал те ужасы, которые несла война, но и сам участвовал в их приложении и развитии. Вспоминая о своей работе в Министерстве вооружений, он называет себя и своих сотрудников «пчелами ада», которые наполняли свои ульи «чистой квинтэссенцией убийств». «Мы не отказывали себе ни в чем», — признается он в отношении выбора средств истребления противника. Результатом эскалации жестокости стала трансформация ценностей. Уже вскоре после начала войны он заметил одному из своих коллег, что «эта война потрясает самые основы и меняет границы нашей цивилизации». В своей книге он продолжил развивать эту мысль, убеждая читателей, что за четыре года войны «человечеству были нанесены такие раны, залечить которые не удастся и через столетие». И ради чего все это было? «Когда через четыре года чиновники в военной форме, самодовольно руководившие из своих безопасно далеких кабинетов всем этим ужасом, предъявили победу своим обессиленным народам, она оказалась лишь менее разрушительной для победителей, чем для побежденных», — писал Черчилль ^[198].

Не только тема, но и автор «Мирового кризиса» привлекает внимание своей уникальностью. В отличие от большинства современников он исполнял разные роли — военного на передовой и государственного деятеля на капитанском мостике. Черчилль не только воочию из окопа наблюдал за тем, во что превратилась война, но и отвечал за организацию и планирование боевых действий, возглавляя Адмиралтейство и Министерство вооружений. Подобный ролевой дуализм позволил ему не только в мундире военного оценить и испытать на себе кроважидные условия, но и прочувствовать их с позиции политического руководства, осознать, чем является современная война, какие ограничения она накладывает, какие требования она предъявляет своим участникам. Черчилль сделает три вывода, которые изменят его мировоззрение и повлияют на принимаемые им решения в годы Второй мировой войны. Без этих умозаключений нельзя понять Черчилля премьер-министра.

Во-первых, Первая мировая стала первой научной войной. В принципе, в каждом военном противостоянии на протяжении многих веков использовались последние достижения научно-технического прогресса. Но еще никогда раньше эта особенность не принимала таких масштабов и не оказывала такого влияния на ужасающие потери боевых операций. «Это была война доселе неизвестная человечеству, — констатировал Черчилль.

— Война — одновременно более безжалостная и более сложная, чем когда-либо можно понять. Все известные достижения науки, каждое использование открытий в области механики, оптики, акустики, которые только могли принять участие, все было пущено в бой. Это была война графиков и вычислений, угломерных кругов и переключателей, экспертов, которые тоже стали героями, напряженных, терпеливых размышлений, прерываемыми взрывами и смертями». Неудивительно, что спустя четверть века, характеризуя другой военный конфликт, британский политик назовет Вторую мировую — «войной ученых», занимаясь активным поиском различных инноваций и поощряя научные кадры на их непрестом поприще^[199].

Во-вторых, управление войной стало носить дистанционный характер, что привело к работе с удаленной, нередко устаревшей, как правило, неполной и порой недостоверной информацией. В то время как Наполеон, как указывает Черчилль, «аналогично великим командирам до него, сам скакал по полю боя среди своих войск в пылу сражения и опасности», современный военачальник руководит из удаленного от места событий штаба, «оценивая то, что оценке не поддается, рассматривая пропорции, которые нельзя выразить цифрами, воплощая замысловатые штабные задачи, ведя сложные военные беседы под ворчание далеких пушек». И это он касается деятельности военачальников, а что говорить о государственных деятелях, обладающих гораздо большей властью, возможностями и ответственностью? Черчилль описывает собственный опыт, когда ему в бытность руководства ВМФ приходилось, «восседаая в тихих комнатах Адмиралтейства», наблюдать за великими морскими сражениями. Там, в кипящих от вражды водах мирового океана, — «царил дух действия и ярость боя», здесь же — только тикали часы и «молчаливые люди входили быстрыми шагами, клали листки с карандашными пометками перед другими людьми, которые так же молча чертили линии, делали вычисления и роняли вполголоса краткие замечания». Как ответственный министр он получал телеграммы с места событий, которые «рисовали меняющиеся картины, полные нечеткого смысла, и заставляли воображение вспыхивать краткими искрами страха и надежд». Неутешительный вывод автора состоит в том, что оторванные от непосредственных действий, отягощенные различными предрассудками, ограниченные когнитивными и вычислительными способностями, полководцы и политики принимают решения, которые не всегда оказываются правильными, только цена их ошибки оплачивается жизнями невинных солдат и офицеров. «Цвет нации, ее мужское население, ее

предприимчивость, ее мозги — все раздавалось бесчестно, — сетует он. — Но ни разу не нашлось времени, чтобы обучить и организовать эти элементы, прежде чем расходовать их».

О таких вещах не принято писать в пропитанных пафосом патриотической гордости мемуарах, но Черчилль не стал замалчивать этот вопрос. Он упоминает о диссонансе в управлении и ведении современной войны (только ли войны?). Пока одни «сидят в тихих, просторных комнатах с окнами, открытыми навстречу солнцу, из которых не слышно ничего, кроме звуков лета и хозяйственных работ, и не видно ничего, кроме пышных газонов», другие — «миллионы солдат, любые десять тысяч из которых могли бы уничтожить древние армии», в это же самое время «вовлечены в бесконечную битву по всему фронту от Альп до океана, и так продолжается не час, не два и не три». Не исключено, что на его решимость осветить подобные закономерности повлиял его личный опыт войны во Фландрии. Во втором томе он вспоминает, как в вечерних ноябрьских сумерках, когда он впервые вел батальон гренадеров по мокрым полям к траншеям под разрывы снарядов и свист пуль, ему «стало совершенно ясно, что простые солдаты и офицеры, делая одно общее дело, смогут своей доблестью исправить все ошибки и нелепости штабов, кабинетов, адмиралов, генералов, политиков». Только цена этих ошибок несоизмеримо высока, а ответственность за их свершение и исправление разнесена^[200].

Третий вывод, который частично вытекает из предыдущего, состоит в том, что война стала неуправляема. «Начав изучать причины Великой войны, сталкиваешься с тем, что политики весьма несовершенно контролируют судьбы мира», — утверждал Черчилль. Даже самые талантливые отличаются «ограниченностью мышления», в то время как «масштабные проблемы», с которыми им приходится иметь дело, «выходят за рамки их понимания», эти проблемы «обширны и насыщены деталями», а также «постоянно меняют свои свойства». Какой бы тщательной ни была подготовка, какими бы детальными ни были разработанные планы, какими бы точными ни были проведенные расчеты, после того как набат войны пробьет, управлять войной станет практически невозможно. Вместо прогнозируемых явлений придется иметь дело с «последовательностью непредвиденных и неуправляемых событий». Полководцев ожидают хаос и растерянность, сюрпризы и волнения, разочарования и ограничения. В качестве эпиграфа к одной из глав Черчилль выбрал цитату из предвоенного романа американской писательницы Мэри Джонстон (1870–1939) «Прекратить огонь», в которой красноречиво показано, как за «колесницей Войны... приходит Неизбежность с плотно сжатыми губами,

Фатализм с расплывчатым взором... и Инстинкт, который восклицает: „Не вглядывайся слишком пристально, иначе лишишься рассудка“»^[201]. Первая мировая война — эта «кровавая неразбериха», в которой «все непостижимо», — стала, по мнению Черчилля, потому из ряда вон выходящим катаклизмом, что в отличие от других кровопролитий прошлого она «не имела повелителя». «Ни один человек не мог соответствовать ее огромным и новым проблемам; никакая человеческая власть не могла управлять ее ураганами; ни один взгляд не мог проникнуть за облака пыли от ее смерчей». Великая война с ее масштабами событий, «выходящих за пределы человеческих способностей», «измотала и отвергла лидеров во всех сферах с такой же расточительностью, с какой она растранила жизни рядовых солдат»^[202].

Человечеству пришлось заплатить страшную цену за ошибки лета 1914 года. Старый мир, который, по словам Черчилля, «на краю катастрофы был чрезвычайно прекрасен», все эти «страны и империи с коронованными государями и правителями, величественно возвышавшимися в окружении сокровищ, которые были накоплены за долгие годы мирного существования», все это великолепие рухнуло и исчезло навсегда. Но человек, считал Черчилль, выстоял. «Нервная система современного человека оказалась способной выдерживать физические и моральные потрясения XX столетия, перед которыми более простые натуры первобытных времен пали бы духом, — отмечает он. — Без содроганий он снова и снова шел под ужасный артиллерийский обстрел, снова и снова — из госпиталя на фронт, снова и снова — к алчущим человеческие жизни субмаринам. Как личность он сохранил среди этих адских мук величие здорового и сострадательного разума».

Но в действительности не все было столь оптимистично. Война оказалась катализатором настолько мощных изменений, что их нельзя было скрыть под бравурными фразами книжной риторики. Первая мировая подвела черту под многовековым господством выдающихся людей, определявших основные достижения, направления и судьбу человечества. Отныне на авансцене истории появился новый персонаж, взявший бразды правления в свои руки. Имя этого персонажа — масса. «А поскольку масса по определению не может и не способна управлять собой, а тем более обществом, речь идет о кризисе европейских народов, самом серьезном из возможных, который именуется восстанием масс», — охарактеризует в 1929 году произошедшую метаморфозу Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955). Почему испанский философ называет восстание масс кризисом? Да потому

что посредством всеобщего уравнивания — «богатств, культуры, полов» — массы превратили интеллектуальную жизнь в «эпоху увлечений и течений», когда «мало кто противится поверхностным завихрениям, лихорадящим искусство, мысль, политику, общество». Черчиллю еще только предстоит осмыслить новые реалии. Хотя разработку названной темы он начал именно в «Мировом кризисе», указывая, что «символом нашего века является исполнение политики Бробдингнега ^[203] лилипутами» ^[204].

Другие вопросы, которые волновали Черчилля, сводились к тому, принесла ли Первая мировая война конец страданиям, или она явилась «всего лишь одной главой в жестокой и немилосердной истории»? «Будет ли новое поколение в свой черед принесено в жертву, чтобы свести счеты» между разными народами? «Придется ли нашим детям истекать кровью и задыхаться снова в опустошенных землях?» Удалось ли триумфаторам добиться поставленных целей? Стала ли жизнь более безопасной? Черчилль считал, что нет! «Победители не получили гарантий безопасности в будущем», — указывал он, и теперь знаменитая фраза Руперта Брука, что «после великого слова „Мир“ наступит тишина», по мнению Черчилля, «утратила значение, а за конвульсиями битв пришла бессильная смута неблагоприятных последствий». «Страдания и истощение обуздали боевые порывы, проигравшие были повержены, пушки замолчали, но ненависть не обрела успокоения, а спор не нашел разрешения, — констатировал автор „Мирового кризиса“. — Самая полная из побед, когда-либо завоеванных оружием, не смогла разрешить европейскую проблему и устранить причины, которые породили войну».

И двадцати лет не успеет пройти после окончания войны, как Черчилль обнаружит, что его прогнозы оказались верны. Он будет с ужасом наблюдать за тем, как человечество скатывается к новой тотальной войне, лишней раз убеждаясь, насколько огромная ответственность возложена на «власть имущих, которым предстоит держать ответ перед историей» и которые не должны упускать ни единого шанса сохранить мир. Поскольку, как заметил тот же Черчилль на страницах своего сочинения: «Отсроченная война может оказаться предотвращенной войной» ^[205].

Глава третья

**Отвергнутый политик и популярный
писатель**

1929–1939

Против течения

Покинув в июне 1929 года Казначейство, Черчилль оказался в относительно новой для себя обстановке. Если не считать двух периодов восстановления и поиска своего места в 1915–1917 и 1922–1924 годах, то на протяжении четверти века британский политик находился на капитанском мостике, занимая ответственные посты и решая важнейшие вопросы государственного управления. Теперь он пребывал не у дел. Черчилль, конечно, надеялся в скором времени вернуться на политический олимп, но пока этого не произошло, ему необходимо было найти пашню, возделывание которой смогло бы занять его и стать надежным источником дохода на период безвластия. В ноябре ему должно было исполниться 55 — не самый лучший возраст для освоения нового. Поэтому он решил по максимуму использовать имеющиеся у него преимущества — способность излагать мысли в письменной форме и публичный капитал: избрание 27 июня на почетную церемониальную должность канцлера Бристольского университета было лишним подтверждением известности британского политика.

У Черчилля уже были налажены многолетние и плодотворные отношения с британскими изданиями. Теперь он решил расширить рабочие связи, наладив взаимодействие с американским газетным магнатом Уильямом Рандольфом Херстом (1863–1951). В основном для этого, а также для получения удовольствия от путешествия и бесед с известными людьми экс-министр отправился в августе в трехмесячный вояж по Северной Америке, посетив Квебек, Оттаву, Торонто, Ниагарский водопад, Виннипег, Реджайну, Эдмонтон, Калгари, Ванкувер и дальше Сиэтл. По Канаде Черчилль и сопровождавшие его сын Рандольф, брат и племянник Джон передвигались в персональном железнодорожном вагоне *Mount Royal*, предоставленном вице-президентом «Канадской тихоокеанской железной дороги» Грантом Холлом (1863–1934). «Трудно представить путешествие с большим комфортом и роскошью», — с гордостью записал Рандольф в дневнике^[206]. В США они пересели на автомобиль, любезно предоставленный промышленным магнатом Чарльзом Швабом (1862–1939). Из Сиэтла они проследовали по Западному побережью, через Сан-Франциско и Санта-Барбару, — в Лос-Анджелес, откуда, с разворотом на восток, через Чикаго и Вашингтон, — до Нью-Йорка. Во время поездки Черчилль встретился с премьер-министром Канады Макензи Кингом

(1874–1950), президентом США Гербертом Гувером (1874–1964), а также посетил Голливуд, Ликскую обсерваторию и места, где решалась судьба Гражданской войны.

Херст познакомит своего гостя с Чарльзом (Чарли) Спенсером Чаплином (1889–1977). «Мы стали с ним большими друзьями, — заявил наш герой Клементине. — Ты не сможешь его не полюбить. Мальчишки им восхищены. Он удивительный комический актер — симпатизирует большевикам в политике, зато восхитительный собеседник». Вряд ли их отношения действительно можно охарактеризовать как «большую дружбу». Какое-то время они поддерживали отношения, и Чаплин даже два раза приезжал в Чартвелл, оставив об этом ироничные воспоминания. Восхищенный тем, как актер изображал Наполеона, политик предложил ему сыграть молодого Бонапарта — при условии, что он, Черчилль, лично напишет сценарий для фильма. По его мнению, это могло стать «самым запоминающимся событием кинематографа». «Чаплин бредит тем, чтобы играть трагические роли так же, как он играет комические, — считал политик. — И те, кто смеется над этими желаниями, не понимают истинного значения гения Чаплина». Проект не состоится и мир не увидит творческого тандема двух Спенсеров. Зато Черчилль напишет о великом комике эссе «Язык, понятный каждому», в котором выскажет важный для себя тезис, что за трудным детством могут стоять выдающиеся достижения. «Бедность еще не пожизненный приговор, — напишет он. — Это вызов. Для некоторых даже больше — это возможность». Для обоснования своей мысли он также упомянет биографии Марка Твена и Чарльза Диккенса (1812–1870). «Он был так же беден, — напишет Черчилль об авторе „Посмертных записок Пиквикского клуба“. — Он также многого лишился в детстве. Но алхимия гения преобразовала горечь и страдания в золото великой литературы». Относительно актерских дарований Черчилль считал «главным достижением» Чаплина «возрождение в наши дни одного из величайших искусств древнего мира» — пантомимы^[207].

Черчиллю понравился Североамериканский континент «неугомонной энергией, экстраординарной скоростью и напряжением деловых сделок, а также лихорадочной активностью спортивной и социальной жизни». Супруге он признавался, что в США есть «множество возможностей стать богатым». Под этими возможностями он понимал игру на бирже. Вдохновленный беседами с финансовыми воротилами, Черчилль счел свое пребывание в США удачным моментом для инвестирования. Используя все свои накопления, а также собрав от издателей в счет будущих статей и

произведений солидную сумму в 22 тыс. фунтов (сегодня это соответствует 1,2 млн фунтов), он пустился в биржевые спекуляции. Сначала ему сопутствовала удача, пока не настало 24 октября 1929 года, вошедшее в мировую финансовую историю как Черный четверг. Индекс Доу-Джонса упал сразу на 11 %, продолжив снижение в следующие дни. К 29 октября Черчилль потерял 17 тыс. фунтов, большую часть которых ему еще нужно было отработать. С тяжелым сердцем он на следующий день сел на пароход, отплывающий в родную Англию^[208].

В Лондоне Черчилль посвятил себя решению запутанного и наиболее сложного вопроса о дальнейшей судьбе Индии, в которой одновременно переплелось множество демографических, этнических, конфессиональных, политических и экономических проблем. На самом деле, этот вопрос не был нов, он давно нависал над Британской империей грозой тучей и требовал скорейшего разрешения. В 1919 году был принят Закон об управлении Индией, устанавливающий диархию — разделение исполнительной власти между губернатором, за которым оставались финансы, суды, армия и полиция, и региональными министрами, отвечающими за образование, здравоохранение и коммунальные службы. Закон носил экспериментальный характер и предусматривал формирование спустя десять лет специальной комиссии, которая должна была проанализировать ситуацию и предложить дальнейшие конституционные преобразования. Комиссия^[209] была создана в 1927 году Ф. Э. Смитом, занимавшим на тот момент пост государственного секретаря по делам Индии. В июне 1930 года в заключительном докладе комиссия рекомендовала последовательный переход к самоуправлению сначала с упразднением диархии и распространением представительного правления в провинциях, затем с постепенным созданием федерального правительства, и уже на заключительном этапе — предоставление статуса доминиона. Учитывая, что в состав комиссии вошли в основном представители метрополии, ее активность не встретила поддержки и была бойкотирована основными политическими партиями Индии: Индийским национальным конгрессом (ИНК), Мусульманской лигой и движением Хинду Махасабха. ИНК еще до публикации заключительного доклада разработал и направил в Лондон проект конституции (Конституция М. Неру), предусматривающий предоставление Индии статуса доминиона. ИНК потребовал принять этот проект, угрожая в противном случае началом массовых выступлений за полную независимость. Британскую власть на субконтиненте представлял вице-король Индии лорд Галифакс (как уже отмечалось, на тот момент

известный как лорд Ирвин), заявивший, что предоставление Индии статуса доминиона является «естественным результатом ее конституционного развития». Вскоре это заявление, вошедшее в историю как «декларация лорда Ирвина», поддержали премьер-министр Рамсей Макдональд и лидер тори Стэнли Болдуин.

Если позиция Макдональда была вполне ожидаема, то поведение Болдуина вызвало критику среди консерваторов ультраимпериалистического толка, а также лоббистов Сити, представители которого инвестировали в регион значительные средства. Ни те ни другие не были близки Черчиллю, но именно в нем они увидели свою надежду и главного защитника своих интересов. Черчилль не обманул их ожиданий, сразу же после возвращения из США вступив в борьбу по злободневному вопросу. 16 ноября *Daily Mail* опубликовала его статью «Опасность в Индии», в которой автор, хотя и не возражал против предоставления Индии самоуправления, считал, что в настоящий момент подобное «криминальное и вредоносное» решение преждевременно и способно привести к обострению этноконфессиональных конфликтов.

Чем руководствовался Черчилль, вступив в схватку, которая отстаивала не его интересы, но при этом подталкивала на путь противоборства с лидером своей партии? С одной стороны, он был убежденным сторонником колониальной политики, считая, что она принесла благо индийскому народу. В той же статье *Daily Mail* он убеждал читателей, что участие Британии в жизни индийцев спасло их от «варварства, тирании и междоусобных войн», «защищило индийские границы от вторжения с севера», предотвратило голод, познакомив местных жителей с последними достижениями науки и техники. С другой стороны, он понимал, что колонии также нужны самой Британии, как источник ресурсов и рынок сбыта. Особенно во время начавшегося экономического кризиса. Черчилль считал, что его страна переживает очередной период «борьбы за жизнь, и основной вопрос будет касаться не только сохранения Индии, но и серьезных притязаний на коммерческие права». Кроме того, он увидел в индийском вопросе призрак разрушения всей империи. Черчилль считал, что союз Болдуина с лейбористами, в том числе по индийскому вопросу, ослабляет Консервативную партию. Он все больше разочаровывался в «Честном Стэне», признавшись друзьям в январе 1930 года, что считает его «абсолютно безнадежным»^[210].

В сентябре 1930 года от пневмонии и цирроза печени скончался Ф. Э. Смит. Природа наделила его крепким здоровьем, однако неправильный образ жизни с манерой «сжигать свечи с двух концов» разрушил даже этот

титанический каркас. В насыщенной и долгой биографии Черчилля было множество эпизодов, когда он провожал в последний путь своих коллег, сторонников, друзей и родственников. Но случай со Смитом стоит особняком. Он называл Ф. Э. «величайшим другом», замечая, что на протяжении четверти века «наша дружба была безупречна». В некрологе для *The Times* он охарактеризовал Смита как «верного, преданного и доблестного друга, а также мудрого, эрудированного и восхитительного соратника», считая, что его уход является тяжелой потерей не только для родственников и близких друзей, но и для всей страны. В первую очередь это был жесткий удар и невосполнимая потеря для самого Черчилля. Среди всех его друзей Смит был одним из немногих, если не единственным, кого он воспринимал как равного — по интеллекту, способностям, силе характера, возможностям и потенциалу. Он будет так нуждаться в нем в предстоящих баталиях, вынужденный теперь вести их в одиночестве. Не случайно, узнав о кончине Смита, он заплакал, повторяя весь вечер: «Я чувствую себя таким одиноким»^[211].

Кончина Смита совпала с дальнейшим развитием Индийского вопроса. В сентябре лейбористское правительство объявило, что на следующий месяц в Лондоне состоится конференция Круглого стола с участием руководства колонии и представителей метрополии. Черчилль, который всегда поддерживал переговоры, считая их лучшей альтернативой по сравнению с вооруженным конфликтом, на этот раз выступил против этого мероприятия. По его мнению, оно ослабит позиции Британии на субконтиненте с одновременным усилением положения тех, кто ратует за полную независимость, в первую очередь речь шла об ИНК и его лидере Мохандасе Ганди (1869–1948). Так и случилось, в Индии началась кампания общественного неповиновения с последовавшими за ней столкновениями и кровопролитием. «Не сулившая ничего хорошего» (по словам Черчилля) конференция начала свою работу в ноябре. Учитывая, что Ганди к тому времени находился под стражей, ИНК бойкотировал заседания. Несмотря на это, индийские представители чувствовали себя на конференции уверенно, настаивая на максимальном расширении полномочий самоуправления в кратчайшие сроки. Черчилль считал, что конференция ни к чему не приведет, поскольку отсутствие представителей ИНК попросту обесценит принятые решения.

В британском парламенте обсуждение итогов конференции с разработкой в Индии конституции и движением по пути создания собственного правительства состоялось в конце января 1931 года. Черчилль выступил с пространной речью (объем почти 5400 слов), в которой, во-

первых, отметил, что правительство отказалось следовать выводам комиссии Саймона, специально сформированной парламентом для поиска решений индийского вопроса и выработки конструктивных действий; во-вторых, указал, что создание всеиндийского парламента приведет к коллизии этого органа управления с институтом британской власти в лице вице-короля, что даст дополнительные козыри борцам за независимость. Таким образом, вместо мирного урегулирования наболевшего вопроса правительство лишь усугубило ситуацию, создав дополнительные очаги для будущих возгораний^[212].

Показательно, что на обвинения Черчилля ответил не сам Макдональд и не специальный представитель Лейбористской партии, а Стэнли Болдуин, недвусмысленно дав понять, что возглавляемая им Консервативная партия не поддерживает взгляды Черчилля. Налицо было противостояние нашего героя с руководством тори. Для Черчилля этого уже был не первый конфликт подобного рода. В начале своей карьеры он уже выступал против партийной верхушки. История повторялась. Черчилль вновь пытался найти свое место и заявить о себе через конфликт. Методы были схожие, партия была та же, только несмотря на внешнее сходство ситуация отличалась кардинальным образом. Если в 1904-м (как, впрочем, и в 1922-м) у него было где продолжить карьеру, то в 1931 году возможность перейти в другую партию отсутствовала. Либералы перестали считаться серьезной политической силой. Лейбористы, наоборот, стремительно набирали популярность, но объединение с ними для закоренелого антисоциалиста было труднореализуемым вариантом. Оставалось только хранить верность консерваторам, что Черчилль и пытался сделать, признавшись Эмери: «Я собираюсь держаться за тори с цепкостью пиявки»^[213].

Тогда к чему было это восстание, если других вариантов остаться на плаву, кроме как сохранять лояльность руководству тори, у Черчилля не было? Для ответа на этот вопрос следует учитывать характер политика, с его амбициями, стремлением к риску и склонностью к защите своей независимости посредством бунтарства. На протяжении последних двадцати лет ему прочили кресло премьер-министра, которое, и в самом деле, было пределом его чаяний и желаний. Но Болдуин крепко держал в руках штурвал, пользуясь необходимой поддержкой и обладая требуемым влиянием. Рассматривать себя в качестве его преемника Черчиллю также не приходилось. Для этого были другие кандидатуры, например Невилл Чемберлен. В итоге, после стольких лет продвижения вверх, преодоления сложнейших преград, получения уникального опыта государственного

управления и работы на ключевых позициях в правительстве, Черчилль оказался перед мрачной перспективой не достигнуть заветной цели. Не желая довольствоваться вторыми ролями, которые были бы ему обеспечены, прояви он больше лояльности и усмири свое эго, Черчилль вступил на очень скользкую тропу — оставаясь среди консерваторов, он начал формировать отдельную политическую силу с объединением вокруг себя единомышленников, недовольных политическим мейнстримом.

Учитывая расклад политического пасьянса того времени, у Черчилля было мало шансов на победу. Во-первых, положение Болдуина было слишком крепким, чтобы бунт даже такого влиятельного заднескамеечника, как Черчилль, мог его сокрушить. Во-вторых, большую часть единомышленников нашего героя составляли ультраконсервативные элементы, которые никогда не считали потомка герцога Мальборо своим, и альянс с ними был временным. В-третьих, пытаясь сохранить Индию в составе империи, он выступил против таких мощных течений, справиться с которыми у него не было ни сил, ни возможностей. Несмотря на наличие этих объективных факторов, Черчилль с присущим ему оптимизмом позитивно оценивал свои перспективы. Своему сыну он признался в январе 1931 года, что «чувствует себя гораздо сильнее после начала обсуждения Индийского вопроса». «Великое утешение — заниматься темой и беспокоиться о вопросах гораздо более важных, чем должность, партия или дружеские отношения», — объяснял он. Схожую мысль Черчилль развил и в беседе с кузеном, 9-м герцогом Мальборо (1871–1934): «Политика слишком грязна для письменных слов. Я чувствую себя крепким и сильным»^[214].

Черчилль сделал свой выбор, и последствия не заставили себя долго ждать. Уже на следующий день после его выступления в парламенте, осуждающего политику правительства в отношении Индийского вопроса, к нему подошел его личный секретарь Патрик Джордж Бачен-Хепбёрн (1901–1974) и передал просьбу руководства тори — покинуть Теневой кабинет. Черчилль знал, что ему придется ответить за свой поступок. Но не предполагал, что так явно и так быстро. Просьба Бачен-Хепбёрна застала его врасплох. Он сначала покраснел, потом побелел, затем схватил трость, после чего швырнул ее на стол. Подавив гнев, он с натянутой улыбкой произнес: «Итак, Консервативная партия хочет избавиться от меня. Хорошо. Я уйду тихо и сейчас». Место Черчилля в Теновом кабинете занял Невилл Чемберлен. Это был первый шаг в изоляцию, но Черчилль продолжал не терять присутствие духа, считая, что его положение, наоборот, укрепляется. Супруге он сказал, что «политика все более

благоприятно ко мне расположена»; «несомненно, весь дух Консервативной партии со мной, а разочарование Болдуином идет мне на пользу», «каждая речь, которую я произношу, каждый шаг, который я делаю, принимаются» великолепно^[215].

Примерно в это же время, вспоминая своего отца, Черчилль заметил, что лорд Рандольф «не принадлежал к числу тех, кто принимает решения по указке партийного руководства», «холодную, рассчитанную игру он никогда не вел, говорил что думал, так оно лучше». Эти строки в полной мере можно отнести и к самому Черчиллю. Он, действительно, «говорил, что думал», критикуя не только политику правительства, но и отдельных личностей. Сначала в январе 1931 года он направил пропитанную ядом сарказма стрелу в адрес премьер-министра Макдональда, назвав его «величайшим из ныне здравствующих мастеров падения»: «Он встает целым и невредимым после падения, убеждая нас, что ничего не произошло». Потом он вспомнил, как в детстве хотел увидеть экспонат «Бесхребетное чудо» в цирке Барнума, но родители не пустили его, считая такое зрелище опасным для неустойчивой психики ребенка. «Мне пришлось ждать пятьдесят лет, прежде чем я увидел „Бесхребетное чудо“ на скамье в Палате общин», — заявил Черчилль, указывая на Макдональда. Следующим он обрушился на Ганди, который был не только освобожден в конце января из тюрьмы, но и вступил с Галифаксом в переговоры, проходившие в резиденции вице-короля. Сначала, выступая на заседании Индийского имперского общества в Манчестере, Черчилль назвал лидера ИНК «фанатиком и аскетом, похожим на факира, типаж которого хорошо известен на Востоке». Затем во время выступления в своем избирательном округе Эппинге он заявил: «Возмутительно и тошно смотреть, как господин Ганди, этот мятежный адвокат из Миддл-Темпла, строит из себя босоногого факира, как он полуголым является во дворец, чтобы говорить с представителем нашего короля-императора, а сам между тем продолжает затевать бунты и настраивать местное население против нас»^[216].

Все эти сардонические заявления не могли остановить процесс деколонизации. Во время переговоров с вице-королем Ганди обещал прекратить общественные беспорядки и направить представителей своей партии на вторую конференцию Круглого стола. В ответ наместник короля гарантировал освобождение всех задержанных по делу Ганди, а также возвращение всей конфискованной собственности. Болдуин поддержал новую конференцию, Черчилль выступил против и даже смог добиться принятия Комитетом по делам Индии резолюции об исключении

Консервативной партии из состава конференции Круглого стола. 18 марта Черчилль выступил с развернутой речью в лондонском Альберт-холле, акцентировав внимание на трех последствиях, которые будут ожидать Индию после разрыва с метрополией. Во-первых, исчезнет все, что Британия создала: медицинские, юридические и административные службы, обслуживание железных дорог, мелиорация и борьба с голодом. Во-вторых, расцветут коррупция и спекуляция, в результате которых, прямо, как говорил Матфей: богатые станут богаче, а бедные — беднее. «Кумовство, взяточничество и коррупция станут служанками браминов», — предупреждал Черчилль. В-третьих, ухудшатся условия «миллионов беспомощных индийцев», которые «удерживаются в нечеловеческом рабстве». В то время как брамины «рассуждают о принципах западного либерализма и представляют собой философствующих политиков демократического толка», в действительности, утверждал британский политик, они «отказывают в основных правах почти 60 млн соотечественников, которых называют „неприкасаемыми“»^[217].

Чем более откровенными и агрессивными были выступления Черчилля, тем более жесткой была реакция со стороны руководства тори. Ему стали все чаще вспоминать его прежние огрехи — Антверпен, Дарданеллы, интервенцию в Советскую Россию, подводя общественность к выводу, что политика Черчилля сводится «к палке, штыку, пулемету и артиллерии». Теперь уже ему пришлось оправдываться, заявляя, что «легко выдвигать подобные обвинения, и еще легче их приветствовать, когда они повторяются, но они ложны и несправедливы». Теперь уже ему пришлось доказывать, что «на самом деле он не является сторонником применения в Индии грубой силы» и разрешение Индийского вопроса «не требует больше применения физической силы».

Против Черчилля началась информационная война. Он пытался перехватить инициативу и выйти с публичным заявлением на Би-би-си, но доступ в радиоэфир был ему заказан. Не помогли даже такие влиятельные друзья, как председатель Совета управляющих радиокорпорации Джон Генри Уитли (1866–1935). Черчиллю ничего не оставалось, как последовать торной дорогой и опубликовать очередной сборник со статьями и текстами выступлений по Индийскому вопросу. Его поддержал Торнтон Баттеруорт (?–1942), издававший «Мировой кризис». В отличие от других публикаций этот проект не был коммерческим и был направлен исключительно на популяризацию взглядов нашего героя. Сборник, получивший лапидарный титул — «Индия», был опубликован в мае 1931 года. В него вошли статья из номера *Daily Mail* от 16 ноября 1929 года, положившая начало

Индийской кампании Черчилля, тексты восьми его выступлений в период с декабря 1930 года по март 1931 года, а также одно из ранних выступлений от июля 1920 года. Хотя и написанные по случаю, эти тексты раскрывают риторический талант автора, демонстрируя силу его интеллекта, уверенное владением языком, а также широкий инструментарий полемических приемов^[218].

Черчилль продолжил участие в обсуждении Индийского вопроса и после выхода сборника. Однако его усилия оказались тщетными. Ему не хватило веса, и борьба с системой закончилась ожидаемым поражением восставшего маргинала. В 1935 году будет принят давно обсуждаемый Закон об управлении Индией, расширяющий права местного населения. Спустя 12 лет, в 1947 году, Индия, получит независимость и распадется на два доминиона: Индийский союз и Пакистан. Статус доминионов сохранится до 1950 и 1956 годов соответственно. В 1971 году от Пакистана отделится Бангладеш. Парадоксальность Индийской кампании Черчилля состоит в том, что, выступив ретроградом и отказываясь признать неизбежный процесс деколонизации, наш герой на самом деле исполнил непривычную для восприятия широкой публики роль миротворца. Основной посыл его речей состоял в предотвращении кровопролития на субконтиненте: нормализация положения в Индии должна осуществляться не силовыми, а политическими методами. Столкновения в Индии происходили не с британскими властями, а являлись результатами «религиозных стычек» между индуистами и мусульманами. Их предотвращение, убеждал Черчилль, возможно только при сохранении центральной власти за британской администрацией, которая сможет «гарантировать непредвзятость и беспристрастность» в отношении всех классов, общин и национальностей^[219]. Опасения Черчилля окажутся не такими уж необоснованными, как утверждали его критики. В конфессиональных столкновениях во время гражданской войны 1947 года, а также в индо-пакистанских конфликтах 1965 и 1971 годов погибли миллионы людей. В отношении самого британского политика участие в обсуждении Индийского вопроса будет иметь два важных последствия. Во-первых, в дебатах и схватках, проходивших при численном и административном превосходстве другой стороны, закалилась знаменитая стойкость Черчилля. На тот момент над ней глумились, сравнивая ее с упрямством и глупостью, но пройдут годы и в момент национальной опасности она проявит себя в полный рост, внося существенную лепту в формирование политики, которая позволит сначала выстоять, а потом

выиграть. Во-вторых, поражение в Индийской кампании подорвало доверие к адекватности суждений Черчилля, повлияв негативно на восприятие его дальнейших выступлений по насущным проблемам национальной безопасности и международных отношений.

Пришлось Черчиллю испытать и горькие плоды конфронтации с Болдуином. Летом 1931 года было сформировано коалиционное правительство, в которое вошли представители всех трех партий, Черчиллю в нем места не нашлось. В октябре состоялись всеобщие выборы. Уверенная победа потомка Мальборо в Эппинге (35 956 голосов против 15 670 у ближайшего конкурента) совпала с триумфальной победой Консервативной партии, которая обеспечила себе в парламенте 437 мест против 236 у лейбористов. Несмотря на превосходство тори, Болдуин предпочел оставить пост премьер-министра за Макдональдом, понимая, что с имеющимся у него большинством в Палате общин он сможет легко контролировать главу правительства, не разделяя при этом его ответственности. Как и следовало ожидать, места в новом правительстве экс-канцлеру Казначейства снова не нашлось. Черчилль бодрился и даже продолжал шутить, то, комментируя выступление одного депутата, заявил: «Он говорил без бумажки и без смысла», то неодобрительно покачивая головой во время выступления одного из министров, и когда тот прервал свою речь, осуждающе заметив: «Достопочтенный джентльмен, я просто выразил мою точку зрения», остроумно парировал: «Достопочтенный джентльмен, а я просто покачал головой»^[220]. Но в целом его положение все больше становилось безысходным. Протянуть руку дружбы Болдуину, признав собственные ошибки и публично покаявшись, означало лишиться уважения в глазах окружающих, продолжать оппонировать — сделать еще более иллюзорной возможность возвращения в состав правительства. Единственный выход — выжидать, но время играло против нашего героя, двигавшегося к своему шестидесятилетию юбилею. Черчилля спасет появление новой международной угрозы. Но только сам он об этом пока не знал, продолжая верить в свою звезду и заполняя появившееся из-за снижения политической активности время — творчеством.

Литературное творчество

После того как Черчилль покинул Казначейство, его единственным источником дохода от политической деятельности на протяжении следующих десяти лет стало жалование члена Палаты общин — 400 фунтов ежегодно (в июне 1937 года увеличено до 600 фунтов). При этом для поддержания привычного образа жизни с содержанием Чартвелла, прислуги, оплаты образования детей ему необходимо было в десятки раз больше. На следующую декаду основным источником дохода для него стала активность на литературном поприще, которая в среднем приносила 12,7 тыс. фунтов ежегодно. Это был насыщенный и изматывающий труд, напоминающий движение белки в колесе, когда очередной цикл статей или публикация книги сменялись разработкой новой темы, переговорами с издателями, формированием команды для начала работ. Как правило, Черчилль работал одновременно над несколькими проектами, загоняя себя в угол цейтнота и жестких обязательств.

Литературная кабала, на которую политик соглашался добровольно, началась сразу же после его возвращения из США в ноябре 1929 года, когда он договорился с *Daily Telegraph* о публикации в течение следующих двух с половиной месяцев цикла из 12 статей «Что я увидел и услышал в Америке». Написанные в жанре травелога, эти статьи раскрыли многогранный мир автора, который сначала делится восторгом от увиденного воочию «Большого дерева», которому предположительно четыре тысячи лет, цитируя при этом строки Маколея, что старые деревья знали времена, «когда жертвенный дым развеивался над Пантеоном, когда жирафы и тигры прыгали в амфитеатре Флавия», затем с упоением рассказывает о небоскребах Сан-Франциско и одном из последних чудес техники — международной телефонной связи. Британский политик лично оценил высокое качество связи, поговорив с Клементиной и дочерьми, находящимися за несколько тысяч миль от Сан-Франциско в Англии, в графстве Кент. «Почему сказали, что век чудес прошел? — восклицает автор. — Он только начался!»

Отдельное внимание Черчилль уделил описанию своего визита в Ликскую обсерваторию, где со «смущением и восторгом» он наблюдал за Сатурном и наслаждался «совершенным зрелищем мира, удаленного от нас на восемьсот миллионов миль». «Наблюдая в течение нескольких часов за Вселенной, невольно удивляешься, и зачем только беспокоиться о выборах

и избирательных округах», — заключал политик. Метапозиция космоса, который своей непостижимостью, а также временной и пространственной необъятностью способен обнулить все человеческие страхи, стремления и достижения, всегда манила Черчилля. В романе «Саврола» он почти страницу текста посвящает описанию скрытой, но сильной страсти протагониста по «наблюдению за звездами» с попыткой «разгадать их непостижимые тайны», показывая, насколько «туманными и нереальными» представляются «волнующие события дня», когда, прильнув к телескопу, наблюдаешь «более совершенный мир бесконечных возможностей». В 1942 году в мартовском номере *Sunday Dispatch* вышла написанная еще до начала войны статья британского премьера «Есть ли жизнь на Луне?». В ней Черчилль рассуждает об условиях существования внеземной жизни (вода в жидком состоянии и гравитация, достаточно сильная для удержания атмосферы), предвосхищает открытие экзопланет, предсказывает межпланетные путешествия, а также указывает на возможность существования жизни на других планетах: «Я не настолько впечатлен успехом нашей цивилизации, чтобы предположить, будто мы единственное место в огромном космосе, которое населено живыми и разумными существами, или что мы обладаем самым развитым интеллектом, когда-либо появлявшимся в обширных просторах пространства и времени»^[221].

В бытность активной политической деятельности Черчилль никогда не забывал о литературном призвании. И публикация «Мирового кризиса» в этом отношении была не единственным примером его увлечения публицистикой и историей. В 1920-е годы он регулярно находил время для написания различных статей и эссе, часть которых носила ярко выраженный автобиографический характер. Так, в *The Strand Magazine* вышли статьи «Как я бежал от буров» (декабрь 1923-го и январь 1924 года), «Когда я был молод» (декабрь 1924 года), в *Pall* — «В индийской долине» (сентябрь 1927 года), «С Буллером к Мысу Доброй Надежды» (ноябрь 1927 года). Начиная с 1928 года Черчилль стал активно диктовать воспоминания о своем детстве и юности. К 1930 году в форме статей и надиктованного текста у него собралось порядка 60–70 тыс. слов, которые он решил использовать для написания мемуаров, повествующих о первых 25 годах своей жизни. Новая книга — «Мои ранние годы» была опубликована в октябре 1930 года.

Написанное в привычном для политиков жанре автобиографии, это произведение разительно отличается от большинства подобных работ. Выделяется оно и в литературном наследии нашего героя. В первую очередь замечательным слогом, передающим огромную гамму эмоций от

глубокой трагедии до приятной самоиронии. Интересна книга и своим содержанием. В ней есть личные нотки, например, рассуждения об отце через призму прожитых лет и собственного положения. «Утраченные позиции невозвратимы, — не без пессимизма констатирует автор. — Человек может подняться на новую высоту в пятьдесят-шестьдесят лет, но никогда не займет вновь ту, которую потерял в тридцать-сорок». Безрадостные карьерные перспективы повлияли также на описание детских лет. Изображая себя отсталым учеником с невысокими академическими показателями, которому во взрослой жизни суждено будет добиться выдающихся успехов на ниве действий и интеллекта, он подводит читателей к выводу о казуальной непрозрачности, когда мрачное начало может привести к сияющим вершинам. Он также подкрепляет свои рассуждения, обращаясь к излюбленному приему — альтернативной истории, показывая, насколько серьезно могла измениться его жизнь, если бы какие-то события произошли иначе: не сдал бы экзамен и не поступил в Сандхёрст, продолжил бы движение в бронепоезде и не попал бы в плен, рискуя погибнуть в череде предстоящих сражений. Следуя этой логике, начавшаяся в 1930-х годах политическая изоляция Черчилля была еще не так страшна. Кто знает, к чему его готовит судьба в очередной раз, закаляя в новых испытаниях?

Помимо размышлений о себе и своем пути Черчилль также ностальгирует по былым временам, признавая масштаб произошедшей за последние 15 лет трансформации: «Характер общества, первоосновы политики, методы ведения войны, восприятие юности, масштаб ценностей, все это изменилось». Теперь «спокойная, с маленькими водоворотами и небольшой рябью река», по которой плыло викторианское общество, кажется «непостижимо далекой от огромного водопада, по которому швыряет и несет вниз, и от стремнин, в бурном потоке которых приходится барахтаться сейчас». Указывая на смену эпох, нетрудно заметить, какому времени автор отдает предпочтение. Основной причиной метаморфоз Черчилль считал войну. Да и сама книга была написана для «опустошенного войной, огрубевшего, увечного и ко всему равнодушного» поколения. Причинами, изменившими характер мировой войны, он считал науку и демократию. «Едва этим путаникам и занудам позволили участвовать в боевых действиях, как судьба войны была предрешена». Если раньше сражения велись «хорошо подготовленными профессионалами, малым числом, дедовским оружием и красивыми ухищрениями старомодного маневра», то теперь в войну было вовлечено «едва ли не все народонаселение, включая женщин и младенцев», а сами боевые действия

превратились в «безжалостное взаимное истребление». От гибели не застрахован никто, за исключением «кучки близоруких чиновников, чья задача — составлять списки убитых». «Едва демократия оказалась допущена, а вернее, сама влезла на поле боя, как война перестала быть джентльменским игрищем», — констатировал Черчилль.

Эти высказывания несколько не означают, что политик, немало сделавший для становления и развития демократических институтов, был противником демократии. И тем более — науки. Он лишь предостерегал от их бездумного и бездушного использования, граничащего с безжалостной эксплуатацией и способного причинить такой вред, который превзойдет все их достоинства. Также он настойчиво предупреждал о необходимости предотвращения новой мировой войны. Начинать войны легко. Волна патриотизма захлестывает граждан и руководителей, ослепляя и вводя в заблуждение. Но одно дело — угорать в массовой истерии, и совсем другое — вести боевые действия и за каждую пядь земли сражаться с противником, готовым стоять до последнего. Он много говорил об этом на страницах «Мирового кризиса» и не считал лишним повторить эту мысль здесь, выразив с афористичной четкостью: «Давайте все-таки учить наши уроки. Никогда, никогда, никогда не верьте, что война будет легкой и гладкой. Любой государственный деятель, поддавшись военной лихорадке, должен отлично понимать, что, дав сигнал к бою, он превращается в раба непредвиденных и неконтролируемых обстоятельств. Старомодные военные министерства, слабые, некомпетентные и самонадеянные командующие, неверные союзники, враждебные нейтралы, злобная фортуна, безобразные сюрпризы и грубые просчеты — вот что будет сидеть за столом совещаний на следующий день после объявления войны». Не случайно, в отличие от предыдущих произведений, Черчилль посвятил «Мои ранние годы» не конкретной личности, а «новому поколению», в надежде, что именно новому поколению удастся избежать роковых ошибок прошлого ^[222].

В конце 1931 года Черчилль отправился с лекционным туром в США. Он прибыл в Нью-Йорк 11 декабря, выступив на следующий день с лекцией о перспективах англо-американского сотрудничества. Вечером 13-го числа Черчилль находился в своем номере манхэттенского фешенебельного отеля *Waldorf-Astoria*, готовясь к завтрашнему выступлению. Раздался телефонный звонок. Это был его друг, финансовый магнат Бернард Барух (1870–1965). Он пригласил политика к себе. Черчилль взял такси и поехал к Баруху на Пятую авеню. Не помня точно номер дома, он несколько раз просил таксиста останавливаться у

приглянувшихся ему зданий. Для этого водитель, следовавший по стороне Центрального парка, вынужден был делать каждый раз разворот. Вскоре Черчиллю это надоело и, увидев очередное похожее на дом Баруха строение, он попросил остановиться, чтобы самому перейти дорогу. Когда он переходил проезжую часть, его сбил автомобиль. В результате удара у него до кости оказался рассечен лоб (шрам останется до конца жизни), были сломаны два ребра, повреждена плевро правого легкого, вывихнуты оба плеча, а также получены многочисленные синяки и ссадины. Несмотря на травмы, Черчилль продолжал оставаться в сознании, объяснив подоспевшему к месту происшествия полисмену, что его зовут «достопочтенный Уинстон Черчилль из Англии», ему 57 лет и он никого не винит в случившемся. «Вся вина лежит всецело на мне», — сказал он. Черчилля отвезли в больницу Ленокс-хилл, расположенную неподалеку на Манхэттене. Когда у входа в лечебное учреждение его, пересаживая в инвалидное кресло, спросили, в состоянии ли он оплатить услуги доктора и содержание в палате, он ответил: «Да, все самое лучшее». Также он попросил срочно связаться с супругой, которая на этот раз сопровождала его в американском турне. Среди посетителей Черчилля был также водитель сбившего его авто — безработный механик Марио Констасино. Черчилль не держал на него зла, подарив ему «Мои ранние годы» с автографом. О самочувствии своего подданного побеспокоился также король Георг V, лично позвонивший в больницу, чем произвел на персонал неизгладимое впечатление.

Черчилль решил описать случившееся с ним в отдельной статье — «Мое нью-йоркское происшествие», которая вышла в двух номерах *Daily Mail* за 4 и 5 января 1932 года. Наиболее интересен последний абзац, демонстрирующий стоическое отношение автора к неизбежной кончине: «Не остается ни времени, ни сил на жалость к себе. Не остается времени для страха и угрызения совести. Если в какой-то момент вся эта череда сменится однообразной серой пеленой и темнота опустится со звуками *Sanctus*, я уже ничего не почувствую и не смогу испугаться потустороннего. Природа милосердна и не испытывает своих детей, будь то человек или животное, за пределами их возможностей. Адские муки являются лишь результатами человеческой жестокости. Что же до всего остального, жить опасно, принимайте вещи такими, какие они есть. Бояться не надо, все будет хорошо»^[223].

Для восстановления сил и поправки здоровья Черчилль направился вместе с супругой и дочерью Дианой в столицу Багамских островов Нассау. Реабилитация проходила медленно и повергла политика в депрессию.

Обычно он обретал душевное спокойствие от занятий живописью, но боль в руках и плечах не располагала к выходу на пленэр. Своему сыну Черчилль писал, что пребывание на Багамах напоминает «жизнь овоща». Во время одной из откровенных бесед с женой он признался, что за последние два года в его жизни произошло три тяжелых удара: потеря значительных средств в экономическом кризисе 1929 года, ostracism со стороны Консервативной партии и досадное происшествие в Нью-Йорке. «Не думаю, что смогу полностью восстановиться после подобных потрясений», — заключал он.

Медленно, но верно отдых делал свое дело. Силы стали постепенно возвращаться. Сначала Черчилль возобновил чтение, получив больше всего удовольствия от романа «Земля», будущего лауреата Нобелевской премии Перл Бак (1892–1973), принесшего автору Пулитцеровскую премию. Затем он начал писать, отправив в *Daily Mail* очерк о Багамах с историей островов и рассуждениями о 18-й поправке к Конституции США («сухой закон»), которую лично он не одобрял. Сам он, посещая США, не гнушался провозить спиртное, используя для этого медицинские флаги и оформляя багаж как дипломатическую почту. Однажды в Америке с ним произошел забавный эпизод. Сняв телефонную трубку и думая, что аппарат подключен к домашнему коммутатору, по которому он держал связь с прислугой, наш герой попросил городскую телефонистку принести ему бокал шерри. «Боюсь, я ужасно шокировал бедную женщину», — извиняющейся интонацией заявил Черчилль своему секретарю^[224].

После трех недель восстановления на Багамах Черчилль вернулся в Нью-Йорк. В следующие три недели он провел 20 выступлений в различных городах США: Хартфорд, Сент-Льюис, Чикаго, Кливленд, Толедо, Детройт, Нью-Йорк, Rochester, Вашингтон, Филадельфия, Балтимор, Атланта, Гранд-Рапидс, Индианаполис, Цинциннати, Конкорд, Бостон и Энн-Арбор, признавшись впоследствии, что «это был самый утомительный и напряженный период моей жизни»^[225]. От себя можно добавить, что и самый опасный. Активные выступления против независимости Индии вызвали резкое недовольство британским политиком среди проживающих в США индийцев и их сторонников. Черчилль передал американской полиции свыше семисот полученных им писем с угрозами в свой адрес. В Детройте автомобиль Черчилля дважды забрасывали камнями, а в Чикаго даже имела место неудачная попытка покушения. Для защиты политика Скотленд-Ярд выделил инспектора Уолтера Томпсона (1890–1978), который в дальнейшем станет неизменным телохранителем

нашего героя в годы Второй мировой войны.

В марте 1932 года Черчилль вернулся на Туманный Альбион. На Паддингтонском вокзале в Лондоне его ждал сюрприз. Зная, что Черчилль переживает не лучшие времена, его друзья и коллеги решили поддержать потомка герцога Мальборо. Они купили в складчину и подарили ему новую модель *Daimler Landaulette* за 2 тыс. фунтов. В акции приняли участие 140 человек, в том числе будущий премьер-министр Гарольд Макмиллан (1894–1986), Джон Мейнард Кейнс, Эдуард принц Уэльский (будущий король Эдуард VIII, а после отречения — герцог Виндзорский; 1894–1972), Чарли Чаплин, Макс Бивербрук, Йен Гамильтон, известный архитектор Эдвин Лаченс (1869–1944) и Джон Лавери. Некоторые из них пришли встречать Черчилля лично. Когда он вышел из поезда, они хором запели: «Ведь он такой хороший, славный парень». Черчилль попытался улыбнуться, но вместо этого наклонил голову и заплакал. «Вы можете представить, чтобы у современного британского политика нашлось достаточно друзей и поклонников, которые подарили бы ему новый *Nissan Micra*, не говоря уже о *Daimler*?» — спрашивал спустя семьдесят лет Борис Джонсон (род. 1964) [\[226\]](#).

Поездка в США показала, что Черчилль не пользовался популярностью на другой стороне Атлантики. Да, он встречался с президентом и был хорошо принят конгрессменами при посещении Палаты представителей, но большинству американцев его личность была неизвестна. На одном из приемов американский режиссер Фрэнк Капра (1897–1991) даже принял его за английского актера! К началу 1930-х годов стало очевидно, что из британского в США остался только истеблишмент, да и тот стал активно разбавляться представителями других национальностей, которых мультинациональный американский котел неизменно выбрасывал наверх.

Несмотря на распространение антибританских настроений, Черчилль договорился с *Collier's* о написании цикла статей, в которых вновь коснулся недостатков «сухого закона», а также рассмотрел американские методы борьбы с безработицей, поделившись в обоих случаях успешным опытом решения этих проблем в Британии. Отдельная статья — «Страна зерна и лобстеров» — была посвящена вкусовым пристрастиям американцев. Черчилль не разделял их любви к легкой пище и белому мясу, а также подверг критике «почти всеобщую, но очень опасную» привычку потреблять большое количество жидкости со льдом. Коснулся он в своем цикле и внешнеполитических вопросов. В статье «Защита в Тихом океане» автор еще раз выступил убежденным сторонником колониальной политики,

осудив антиамериканские настроения среди филиппинцев. Как и в случае с Индией, он считал, что попадание Филиппин в сферу интересов США принесло бывшей испанской колонии благоденствие и процветание. Разрыв с США, по его мнению, приведет к распространению «азиатской анархии», «разрушению школ и больниц», воцарению «хаоса и долгой ночи». Примечательно, что когда в 1935 году будет принят Закон об управлении Индией, Филиппины получат статус автономии, а независимость эта страна обретет за год до Индии — в 1946-м. Два очерка — «Слишком ли мы умны?» и «Связь между нами» были посвящены внешнеэкономической ситуации. Помимо спекуляций второй по важности причиной экономического кризиса Черчилль считал «баснословные послевоенные репарации». Германия, убеждал он, была не в состоянии выплатить контрибуцию ни золотом, которого у нее не было, ни товарами, которые пагубно сказывались на внутреннем производстве стран-победительниц, ни услугами, которые могли привести к безработице у кредиторов. Черчилль предложил обнулить все военные долги, но вместо этого американские и британские политики решили помочь Германии и выдали новые кредиты, на которые началось быстрое восстановление немецкой промышленности и создание самой сильной армии в Европе^[227].

Помимо американского цикла Черчилль также договорился с *Daily Mail*, которая за период с октября 1932 года по сентябрь 1933 года опубликовала 12 статей британского политика, в которых он вспоминал эпизоды недавнего прошлого, давал оценку своим бывшим коллегам — Асквиту, Чемберлену-старшему, рецензировал мемуары Ллойд Джорджа, а также пытался ответить на актуальные вопросы, например «можем ли мы себя сами защитить?» и «что означает изоляция для свободного государства?».

В июле 1932 года к Черчиллю обратился глава таблоида *News of the World* барон Джордж Риделл (1865–1934) с предложением подготовить для новой серии «Шесть великих историй мира, пересказанных Уинстоном Черчиллем» пересказы известных художественных произведений объемом не больше 5 тыс. слов каждая. Черчиллю идея понравилась. Для помощи в написании пересказов он обратился к Эдуарду Маршу, который за 25 фунтов (за одно произведение) должен был подготовить краткий синопсис каждого произведения объемом 2,5 тыс. слов, который в дальнейшем можно было бы использовать в качестве основы. После продолжительных обсуждений список шедевров ограничился следующими произведениями: «Хижина дяди Тома», «Граф Монте-Кристо», «Повесть о двух городах», «Лунный камень», «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей» и «Бен-Гур: история

Христа». Тексты понравились издателям, и они решили заказать еще шесть публикаций: «Джейн Эйр», «Адам Бид», «Шиворот-навыворот», «Айвенго», «Вперед, на Запад!» и «Дон Кихот». Осенью 1933 года был подготовлен еще один пересказ — пьесы Уильяма Шекспира «Юлий Цезарь», который был сначала опубликован в *The Strand Magazine*, а затем переиздан в сборнике «Шесть историй Шекспира». Обращает внимание то, что за исключением романов Дюма и Сервантеса подавляющее большинство в списке заняли англоязычные произведения. Да и то, на роман о благородном идалго выбор пал из-за выхода в 1933 году фильма «Дон Кихот» Георга Пабста (1885–1967) с Федором Шляпиным (1873–1938) и Джорджем Роби (1869–1954) в главных ролях. Хотя в шорт-листе были романы «Таис», «Анна Каренина» и трагедия «Фауст», крен в сторону англоязычных авторов был очевиден, что объяснялось, во-первых, читательской аудиторией, для которых большинство выбранных произведений были хорошо знакомы со школьных и студенческих лет; во-вторых, из-за пристрастий самого Черчилля, который, не считая французской литературы, был мало знаком с творчеством иноязычных авторов. Относительно самой серии, несмотря на ее популярность, эти очерки трудно отнести к лучшим образцам черчиллевской прозы. Не стоит забывать, что они представляют копию, к тому же с большим кроп-фактором, не позволяя Черчиллю в полной мере показать свое отношение к рассматриваемым в произведениях проблемам.

Более интересным для понимания мировоззрения Черчилля является опубликованное в марте 1933 года в *The Strand Magazine* эссе «Великие борцы в проигранных битвах». Черчилль еще никогда не работал столь продолжительное время над одним эссе, потратив только на подготовительную часть с чтением дюжины книг почти четыре месяца. На примере Демосфена (384–322 до н. э.), Ганнибала (247–183 до н. э.), Марка Туллия Цицерона (106–43 до н. э.), Верцингеторига (82–46 до н. э.), Сида Кампеадора (1041?–1099), Марии I Тюдор (1516–1558), Карла I (1600–1649), Георга III, Марии-Антуанетты (1755–1793), Клеменса фон Меттерниха (1773–1859), Наполеона (1769–1821), Роберта Эдуарда Ли (1807–1870) и Эриха Людендорфа (1865–1937) он попытался объяснить «психологический феномен» популярности и притягательности исторических личностей, потерпевших поражение. «Возможно, человечеству ближе сентиментальность, чем достижение успеха, — заключал Черчилль. — Большинству людей гораздо легче представить себя на месте благородного ведущего, но поверженного бойца, чем разделять триумф высокомерных и самодовольных победителей. Кроме того, успех

всех одержанных побед так до сих пор и не смог избавить мир от страданий и беспорядков»^[228].

Наблюдая за активностью Черчилля, невольно задаешься вопросом: как он успевал писать столько статей, речей, книг, эссе, писем, меморандумов и прочих документов, находя время на политику, журналистику, перестройку поместья, путешествия, выступления и живопись? Ответ на этот вопрос лежит одновременно в нескольких плоскостях. Свою лепту вносили как личные качества — быстрота интеллекта, трудоголизм, энергичность, непоседливость, так и правильная организация труда и отдыха. Главным элементом написания текстов была диктовка, Черчилль диктовал медленно, сначала бормоча себе предложение под нос, и только найдя нужную конструкцию, озвучивал ее вслух. После диктовки он работал с печатным текстом, что-то удаляя, что-то переписывая, а иногда и диктуя новые куски. Как правило, рукопись редактировалась по пять-шесть раз, пока автор не оставался доволен качеством текста. Сделав ставку на диктовку, Черчилль стал очень зависим от секретарей — Вайолет Пирман (1896–1941), Грейс Хэмблин (1908–2002) и Кэтлин Хилл (1900–1992). По словам Хэмблин, Черчилль был «трудным руководителем»: «постоянно подгонял нас и редко хвалил». «Он полностью посвящал себя работе и сам очень упорно работал, поэтому от других ожидал аналогичного отношения», — вспоминала секретарь^[229]. Учитывая напряженный график и перманентный характер работы, они не работали на него, а фактически служили ему, не имея ни времени, ни сил на личные дела и семейную жизнь.

Вынужденно оставив в 1930-е годы активную политическую жизнь и переехав в Чартвелл, Черчилль установил для себя следующий распорядок дня: просыпался он обычно в 7–8 часов утра, выпивал бокал апельсинового сока, просматривал почту и диктовал письма. После работы с корреспонденцией обстоятельно изучал свежую прессу, начиная всегда с *The Times* и *Daily Telegraph*. «Разумеется, нельзя верить всему, что читаешь в газетах», — признавался он, отмечая при этом, что «узнавал из газет гораздо больше, чем из официального навоза». Затем следовал завтрак, который проходил в одиночестве, в спальне. «Два или три раза мы пробовали с моей супругой позавтракать вместе, но из этого ничего не получилось, — объяснял он. — Завтрак следует принимать одному в постели. Не думаю, что наша семейная жизнь была бы настолько же счастливой, если бы мы завтракали вместе». После завтрака Черчилль работал с рукописями и помощниками, давая указания, какой материал

следует дополнительно собрать, какие факты проверить и на какие вопросы найти ответы. На ланч политик присоединялся ко всем, обычно спускаясь к столу последним. Промежуток времени между ланчем и обедом, как правило, не наполнялся работой. Черчилль беседовал с гостями, показывая им последние изменения на территории поместья, занимался живописью или кирпичной кладкой, а также обязательно уделял время сиесте, чтобы запастись силами для второй половины дня. В 7 часов вечера он принимал ванну и готовился к обеду, который начинался в 8.30. Черчилль любил хорошо поесть и даже в старости сохранял завидный аппетит. Большую часть кулинарных чудес для него творила Джорджина Ландемер (1882–1978), которая многому научилась у своего супруга — французского шеф-повара, работавшего в отеле *Ritz* Поля Ландемера (1857–1932), и позиционировала свои блюда как совмещение «французского опыта с фешенебельным стилем кулинарии английского загородного дома». Ее рецепты отличали изящество и простота, последнее особенно импонировало Черчиллю, не любившему в еде вычурность. После обеда политик удалялся с секретарями и помощниками в кабинет, где и начиналась основная работа, продолжавшаяся до трех, а иногда и четырех часов ночи (или утра)^[230].

Помимо статей Черчилль также пробовал себя в качестве сценариста, приняв участие в трех проектах. Первый проект для *London Film Productions*, работа над которым велась в последнем квартале 1934 года, был приурочен к серебряному юбилею правления Георга V. Черчилль предложил разбить фильм на три части: первая — внутриполитические проблемы и обострение международной обстановки в начале правления, вторая — Великая война, третья — послевоенный период. Черчилль подробно разработал первые две части. Начинаться фильм должен был со сцены коронации, затем шли описания борьбы за гомруль в Ирландии, противостояния с Палатой лордов за «народный бюджет», движения за предоставление женщинам избирательных прав. Описывая суфражистку, Черчилль считал, что ее следует изобразить «высокой, стройной [выделено в оригинале. — Д. М.], почти застенчивой, но при этом красивой и немного истеричной незамужней девушкой в возрасте двадцати трех лет». Выражение лица должно передавать «тревогу, связанную с внутренним напряжением», но в своем «неистовстве» она «должна [выделено в оригинале. — Д. М.] вызывать симпатию у зрителей». Дальше Черчилль меняет ракурс и переходит на внешнеполитические проблемы — Агадирский кризис, эскалацию вооружений, подготовку к войне. Черчилль хорошо помнил, с каким противодействием он столкнулся в 1913 году,

запросив увеличение военно-морских расходов для повышения боеготовности флота. Пытаясь передать враждебность, с которой были встречены его предложения, и одновременно показать правильность выбранного курса, он добавил в сценарий диалог простолюдин. «Не является ли это страшной тратой денег?» — интересуется женщина у супруга. «Нет, — отвечает он. — Англия не сможет существовать без сильного флота, гарантирующего целостность империи и безопасность доставки на остров продовольствия и прочих жизненно важных товаров». «Будет ли война с Германией?» — спрашивает отца сын. «Нет, до этого не дойдет — по крайней мере, пока флот достаточно силен». Сам процесс начала войны, когда обычные матросы и офицеры продолжают оставаться людьми, которые ценят радости мирной жизни гораздо больше удовлетворения геополитических амбиций своих руководителей, Черчилль демонстрирует на примере Кильской регаты, которая проходила летом 1914 года по случаю завершения работ по расширению Кильского канала. Он показывает, как немецкие и британские моряки вместе дружно празднуют за одним столом. «Я пью за наших британских гостей. Правь, Британия!» — произносит на хорошем английском, хотя и не без акцента, один из немецких офицеров. «Герр лейтенант, вы определенно устроили нам восхитительную неделю. Все наши парни восхищены вашим гостеприимством», — звучит в ответ со стороны офицеров флота Его Величества. Далее следует веселый диалог, прерываемый сообщением вошедшего немецкого офицера: в Сараево убили эрцгерцога Франца Фердинанда. Веселье закончилось. Началась война. При описании военного времени Черчилль отдельно останавливается на ужасах окопной войны, когда на протяжении всего фронта, от побережья Северного моря до Альп, солдаты противоборствующих армий безжалостно истребляли друг друга; на газовых атаках, поражающих не только солдат, но и мирное население; на героизме и трудовых подвигах в тылу; на бесконечных составах, уходящих с солдатами на фронт с вокзала Виктории. Но все когда-то заканчивается. Великая война, опустошив чашу гнева, подошла к концу. Началась мирная жизнь, которая принесла свои проблемы^[231]. Черчилль увлеченно работал над сценарием в течение трех месяцев, но проект так и не был реализован. Его опечалил такой исход, но он смог быстро перестроиться и на основе наработанного материала подготовил семь статей для *Evening Standard* (вышли в период с 2 по 9 мая 1935 года) под общим заголовком: «Двадцать пять лет короля».

В марте 1935 года Черчиллю предложили принять участие в создании фильма про покорение воздуха. Писать сценарий не требовалось. Нужно

было лишь дать предложения. Изучив внимательно текст, Черчилль сделал несколько замечаний, наиболее интересные из которых приходились на концовку фильма. По его мнению, в фильме отсутствовали «надежда» и «моральный урок». Человек одержал победу над природой, обрел новые знания и овладел новыми навыками. Но достоин ли он их? — спрашивал наш герой. Если нет, тогда эти открытия могут привести к «разрушению цивилизации», «лишению всего того, за что человечество боролось на протяжении столетий веков: свободы, верховенства закона и мира». По его словам, «до тех пор, пока мы не станем достойными использования орудий науки, они угрожают нам уничтожением». Поэтому он советовал в конце фильма показать будущее с его «надеждами и страхами», в котором человечеству придется ответить на главный вопрос: чем является авиация — «благословением или проклятием», готово ли человечество добродетельно распорядиться новым открытием? В этом эпизоде проявился не только морализм, который пропитывал все творчество Черчилля, но и его амбивалентное отношение к науке, как к могучей силе, способной одновременно улучшить и разрушить человеческую жизнь. Так же как и в случае с «Правлением Георга V», фильм про авиацию не был снят. Черчилль смог развить свои тезисы в статье «Влияние воздушного транспорта на цивилизацию», которая вышла в мае 1938 года в *News of the World*. По его мнению, от воздухоплавания было только две пользы: защита урожая путем распыления с воздуха фунгицидов и тушение лесных пожаров. Что касается остальных применений авиации, лично он не думал, что «государства стали лучше управляться, после того как человек научился летать». Он считал «заблуждением», что быстрое перемещение с места на место «смогло сделать людей счастливее и мудрее». А как же путешествия? Перемещения в пространстве стали, разумеется, быстрее, но менее насыщенные и интересны. Совершая перелет, отмечал Черчилль, «путешественник не увидит ничего, кроме раскинувшейся под ним плоской карты местности», а приземлившись, он обнаружит, что все аэродромы «по большей части похожи друг на друга». Он также прошелся по «современным, богатым, непоседливым туристам», которые «праздно осматривают памятники и города, сверяясь с путеводителем», «редко смотрят даже на поверхность явлений и никогда не заглядывают внутрь»^[232].

Третий сценарий был посвящен личности Лоуренса Аравийского. Идея снять фильм по его книге «Семь столпов мудрости» появилась еще при жизни автора в 1934 году. Сам Лоуренс отказался от участия в проекте, поэтому к нему вернулись только после его гибели. В конце 1936 года Джон

Саундерс (1897–1940) написал сценарий. Для исполнения главной роли были приглашены сначала Вальтер Хад (1897–1963), затем Лесли Ховард (1893–1943). Также рассматривались Джон Клементс (1910–1988), Клиффорд Эванс (1912–1985), Фридрих Роберт Дона (1905–1958), Лоуренс Оливье (1907–1989) и Кэри Грант (1904–1986). Ни один из них в итоге главную роль так и не получил. В 1937 году Майлс Мэллесон (1888–1969) написал новый сценарий. Обсуждая детали с Лесли Ховардом, он узнал от актера, что при работе над образом Лоуренса ему значительно помог Черчилль. Так возникла идея привлечь известного политика на роль исторического консультанта. Черчилль дал ряд стилистических правок, а также предложил более эффектно использовать пиротехнику. Например, при взрыве состава поезда лучше было взорвать каждый вагон по-особому, а при монтаже — чередовать различные планы. Также Черчилль просил добавить еще больше бесконечной пустыни и палящего солнца, которые он называл «самыми сильными впечатлениями после прочтения „Семи столпов мудрости“». Не исключено, что сказывался также его собственный опыт Суданской кампании. В отличие от других проектов на этот раз фильм будет снят и даже вызовет фурор в киноиндустрии, получив семь премий «Оскар», четыре — «Золотой глобус» и четыре — BAFTA. Но произойдет это спустя 25 лет и с совершенно иной командой фильм-мейкеров. Из первоначальных задумок останется только одна — в картине про Лоуренса Аравийского не будет ни одного женского персонажа^[233].

Черчилль любил кино, отдавая предпочтение вестернам, комедиям, особенно с участием братьев Маркс, а также историческим кинолентам. Больше всего он любил фильм «Леди Гамильтон», который смотрел по разным данным от 10 до 17 раз^[234], и каждый раз не мог сдержать слез в момент гибели легендарного флотоводца. Он также много размышлял о феномене кино, написав на эту тему отдельную статью, которая вышла в *Collier's* в декабре 1935 года. Желая внести свою лепту в новый вид искусства, он не достиг при жизни на этом поприще успеха. Свой вклад в киноиндустрию он внесет уже после кончины. Причем не только в качестве киногероя, но и в качестве автора идеи для отдельной картины. Речь идет об автобиографии «Мои ранние годы», которая ляжет в основу байопика «Молодой Уинстон», вышедшего в 1972 году с звездным актерским составом — Энтони Хопкинсом (род. 1937), Энн Бэнкрофт (1931–2005), Джоном Миллсом (1908–2005) и Йеном Холмом (1931–2020).

Особое место в литературном творчестве Черчилля в 1930-е годы занимает сборник «Размышления и приключения»^[235], вышедший в ноябре

1932 года и объединивший под одной обложкой 23 статьи и эссе на различные темы. Обычно подобные сборники не пользуются популярностью и больше нацелены не на восторг читателей, а на получение дополнительного дохода. Финансовая составляющая для Черчилля тоже была важна, а учитывая хорошие продажи и множество переизданий, в этой части он остался полностью удовлетворенным. Но было в «Размышлениях» и нечто большее, чем банальное желание заработать. Черчиллем было написано несколько сотен статей и эссе, а он отобрал — именно отобрал — только малую часть, пытаясь тем самым добиться как минимум три цели.

Первая — показать свою разносторонность. В сборнике рассмотрен широкий пласт тем философского, политического, экономического, футурологического, автобиографического, исторического и военного содержания. Например, он включил в сборник свои эссе о живописи и хобби, дополнив их статьей 1931 года «Карикатуры и карикатуристы», а также предложения об изменении политических и экономических институтов — «Парламентское правительство и экономическая проблема».

Вторая цель — в очередной раз в увлекательной форме рассказать читателям о себе любимом. В сборник включены несколько статей, описывающие как серьезные эпизоды из жизни политика, например его участие в Первой мировой войне («С гренадерами», «Плагстрит»), опыт борьбы в избирательных кампаниях («Воспоминания о выборах»), посещение маневров немецкой армии («Великолепие Германии»), увлечение пилотированием («В воздухе»), людей, которые оказали на него огромное влияние («Личные контакты»), так и немного комичные эпизоды — осада на Сидней-стрит с одноименным названием, а также «Моя шпионская история», когда в сентябре 1914 года во время поездки с высокопоставленными лицами по военно-морским базам Шотландии Черчилль и его спутники обратили внимание на установленный в башне одного из домов прожектор. Они заподозрили, что владелец дома посылает противнику с помощью этого устройства кодированные сигналы о дислокации флота. Подозрения окажутся ложными, как потом выяснится — прожектор использовался в охоте на оленей и с момента начала войны ни разу не включался.

Третья цель — донести до читателей мысли, которые он считал актуальными и важными. В той или иной степени на это было направлено каждое произведение в сборнике, но на некоторых эссе имеет смысл остановиться подробнее. Большой любитель альтернативной истории и рассуждений в стиле «если бы...», Черчилль решил в статье «Второй шанс»

на примере собственной биографии ответить на следующие вопросы: как изменилась бы его жизнь, если бы он поступил в том или ином эпизоде иначе; если бы у него появилась возможность прожить свою жизнь снова, стал бы он в ней что-то менять? При поиске ответов на эти вопросы он придет к двум выводам. Во-первых, к определяющей роли случая: «Если бы то или иное событие произошло иначе, если бы не был отдан этот приказ, если бы не был нанесен этот удар, если бы эта лошадь не споткнулась, если бы он не встретил ту женщину или пропустил бы тот поезд, или успел бы в него вскочить, — вся наша жизнь изменилась бы, а с ней изменились бы и жизни других людей, пока это не достигло бы всемирных масштабов». Во-вторых, незнание будущего и невозможность изменить прошлое делают жизнь более интересной, яркой и осмысленной, а самого человека, который страдает, сомневается, переживает, — настоящим. Завершил свои рассуждения Черчилль следующим призывом: «Будем же рады всему, что с нами произошло, а также благодарны всему, что нас миновало. Будем же ценить наши радости, а не сокрушаться над нашими горестями. Торжество света не может существовать без теней. Жизнь — единое целое, и плохое, и хорошее, следует принимать вместе. Наше путешествие полно наслаждений и достаточно ценно, чтобы его совершить»^[236].

Из других тем Черчилль в своих эссе «„Все или ничего“ Людендорфа», «Война подводных лодок» и «Дуврский барраж» повторяет высказанный в «Мировом кризисе» тезис, что в годы Первой мировой войны «знатоки и эксперты, как правило, ошибались, а политики часто оказывались правы». Признавая профессионализм военных в решении боевых задач, он считал, что они «знакомы лишь с частью проблемы» и не владеют, в отличие от политиков, ситуацией в целом. Они видят лишь фрагмент, причем только в своей — «узкой плоскости», не учитывая международных, политических, финансовых и технологических факторов. Поэтому их отличают «ограниченные и местечковые взгляды». Поэтому «разносторонность всегда вызывает у них недоверие». Поэтому «за пределами технического аспекта они беспомощны» и им необходима «помощь государственных деятелей, финансистов, промышленников, изобретателей, психологов». На этот раз он доказывает свой тезис на примере споров о внедрении конвойной системы для транспортных судов и защиты Дуврского пролива, когда «гражданская власть опиралась, надавливала и, в конечном счете, наносила разящий удар в правильном направлении». Также он указывает на концентрацию у немцев власти в руках военных, что привело к принятию ошибочных решений и последовавшим за ними поражениям. «В Германии

не было никого, кто мог бы противостоять Генеральному штабу, а также привести их волю и особую точку зрения в гармонию с общим спасением государства, — указывал Черчилль. — Александр, Ганнибал, Цезарь, Мальборо, Фридрих Великий, Наполеон — все они видели ситуацию целиком. А Людендорф изучил только первую главу»^[237].

Взгляды Черчилля хорошо передает известный афоризм министра иностранных дел Наполеона и первого председателя Совета министров Франции Шарля Мориса де Талейран-Перигора князя Беневентского (1754–1838): «Война слишком серьезное дело, чтобы доверять его военным». Это высказывание часто повторял другой глава правительства Франции Жорж Клемансо (1841–1929), настолько часто, что ему иногда даже приписывают его авторство. Черчилль восхищался Клемансо, называя его «одним из величайших людей мира». Он написал о нем несколько эссе, тщательно изучив его биографию и бережно сохранив воспоминания о личных встречах. Подобное отношение во многом определялось схожестью их мировоззрений. «У меня нет политической системы, и я оставил все политические принципы, — однажды признался Клемансо нашему герою. — Я человек, который справляется с событиями по мере их появления и в соответствии с тем, как я их вижу». Активный сторонник итерационного подхода Черчилль думал точно так же, вспоминая строки из романа Октава Фёйе (1821–1890) «Господин де Камор»: «Все принципы одинаково правильны и одинаково ложны в зависимости от обстоятельств». За близостью взглядов следовала и родственность судеб двух государственных деятелей. Находясь много лет в большой политике, они оба не имели поддержки большинства, оставаясь по сути независимыми одиночками, которым, несмотря на их выдающиеся достижения, никогда не доверяли и к которым обращались исключительно в период кризиса. Цельные личности, они находили отдушину в творчестве. Поистине автобиографичными выглядят следующие строки, которыми Черчилль описывает жизнь французского государственного деятеля в период безвластия: «Исключенный из парламента, он потерял трибуну для обращения к стране. Ничего страшного. У него было другое оружие: перо. Он писал, чтобы есть и пить, защищая свою жизнь и честь. И то, что он писал, читалось повсеместно. Так он выжил. И не просто выжил, а восстановил позиции; не просто восстановил позиции, но повел наступление; не просто повел наступление, а добивался победы». Фактически, в этом небольшом фрагменте Черчилль описал и предсказал свою судьбу в 1930-х и 1940-х годах. Предсказал он и другое. Возведенный на вершину власти, чтобы спасти Отечество, Клемансо, этот «суровый, властный человек с мировым

авторитетом», был отправлен в отставку после того, как победа была одержана. Аналогичная судьба постигнет и самого Черчилля.

В свой сборник Черчилль вставит эссе «День с Клемансо», в котором описана совместная поездка с французским премьером по линии фронта в марте 1918 года после масштабного наступления немцев в рамках операции «Михаэль». Испытывая недостаток в актуальных и достоверных сведениях о резко изменившейся на фронте обстановке, Ллойд Джордж направил во Францию Черчилля. Когда о прибытии британского гостя доложили Клемансо, он решил лично сопровождать его в поездке, поразив своей энергией и самоотверженностью. «Мы вчера пятнадцать часов гоняли на автомобилях по ухабистым дорогам, объезжая фронт, — делился Черчилль с супругой. — Я выдохся вконец, а он продолжал сохранять бодрое расположение духа, и это в 76 лет!» Черчиллю импонировал подход Клемансо, который не гнушался выйти из своего кабинета и лично направиться на передовую, чтобы своими глазами увидеть, что происходит; самому оценить, какие эмоции испытывают руководители на местах; своим личным присутствием поднять боевой дух у простых солдат и офицеров^[238].

Тему непосредственного и дистанционного управления Черчилль уже поднимал в «Мировом кризисе». В сборнике помимо очерка о Клемансо он также рассматривает этот подход в эссе «Массовые эффекты в современной жизни». Свои рассуждения он начинает с тезиса о том, что «Ганнибал и Цезарь, Тюренн и Мальборо, Фридрих и Наполеон больше не вскочат на своих коней на поле боя, больше не станут словом и делом среди пыли или под светом утренней зари управлять великими событиями», «они больше не разделят опасности, не вдохновят, не изменят ход вещей». «Воин с сердцем льва, чья решительность превосходила все тяготы сражений, чье одно только появление в критический момент могло изменить ход битвы, исчез», — констатирует Черчилль, отмечая дегероизацию современного военного руководителя, который «сидит в командном пункте в 50–60 милях от фронта, слушая отчеты по телефону, как будто он всего лишь наблюдатель», или читает телефонограммы, «написанные кровью и сообщающие, что в таком-то месте взорваны железнодорожные пути, в таком захвачен земляной вал». Для таких полководцев война сродни бизнесу, а сам он напоминает «управляющего на фондовой бирже», хладнокровно подсчитывающего прибыли и убытки, измеряемые человеческими жизнями, и так же хладнокровно ожидающего удачного момента для нанесения решающего удара. Черчилль отказывается признавать их героями, относя к великим лишь тех, кто в процессе

достижения цели готов рискнуть многим, включая собственную жизнь. Пройдет несколько лет, начнется новая война, и станет очевидно, что век героев не прошел, но обличье героизма, по мнению Черчилля, изменилось. «Есть множество людей во всем мире, готовых самоотверженно сражаться в этой войне, но их имена навсегда останутся неизвестными, их подвиги никогда не будут отмечены. Это война неизвестных воинов», — скажет он в одном из военных выступлений 1940 года^[239].

Отмечая изменения, произошедшие в подходах и методах управления, которое отныне стало обезличенным, Черчилль указывает на более серьезную метаморфозу — сокращение роли индивидуального начала и распространение «доктрин, рассчитанных на массы». На протяжении всей своей жизни британский политик был стойким апологетом индивидуализма, еще в 1901 году заявив о своей «искренней вере в индивидуальность». В сборнике он напишет, что «история человечества по большей части представляет собой рассказ об исключительных человеческих созданиях, мысли, действия, качества, добродетели, победы, слабости и преступления которых оказывали основное воздействие на наши достижения». Но научно-технический прогресс и война привели к сокращению числа независимых и сильных персоналий, которые, оказавшись в комфортных условиях, потеряли в «дальновидности, инициативности, изобретательности и свободе». Учитывая, что человек-массы получил больше прав и стал жить в бытовом плане лучше, чем его правители несколько веков назад, в недовольных речах Черчилля можно обнаружить нотки элитарности и снобизма, но гораздо сильнее в них звучал страх за будущее человечества. Черчилль разделял тезисы Ортега-и-Гассета о том, что масса — эта амальгама посредственности, превратится в великого уравнилителя, уничтожающего все «непохожее, недюжинное и лучшее». Наш герой догадывался о возможных переменах, заявляя еще в 1899 году, что «новый век станет свидетелем великой битвы за существование Индивидуальности», но даже он не ожидал, что так быстро, тихо и успешно человек-массовый победит человека-выдающегося.

По мнению Черчилля, наиболее ярко усреднение стандартов проявилось в управлении и в искусстве. «Современные условия не позволяют взрастить героическую личность, — с грустью констатирует он. — Министры и президенты, стоящие во главе крупных проектов, практические решения которых ежечасно связаны с множеством важнейших вопросов, больше не вызывают трепета. Напротив, они выглядят, как обычные парни, которых будто на время попросили принять участие в руководстве». «Отныне, — заявляет он, — великие страны

управляются не самыми способными или лучше всего разбирающимися в их проблемах политиками, и даже не теми, кто имеет последовательную программу действий». За выдающимися личностями сцену покинули и великие художники, а те, кто остался, все меньше способны создать гениальный роман, сочинить гениальную музыку или написать гениальную картину. Да и откуда взяться новым гениям, когда средства массовой информации формируют мнение, рассчитанное на обывателя, когда «мужчин и женщин пичкают непрерывным потоком унифицированных точек зрения, создаваемых из неистощимого источника новостей и сенсаций, что постоянно собираются со всего света». Проблема этих готовых оценок заключается в том, что они «не требуют усилий и осознания необходимости индивидуальных размышлений», и как следствие, человечество сталкивается с «рассеиванием тщательно отобранной мудрости и интеллектуальных сокровищ прошлого». Однообразие, мимикрия, похужесть — все это лишает жизнь остроты, порыва, задора. Окружающая среда превратилась в вакуум обезличенной пустоты. И чем дальше, тем хуже, тем меньше вероятности, что заколдованный круг единообразия удастся разорвать, тем меньше у людей желания вообще что-то менять.

Что же предлагал автор «Размышлений»? Он видел спасение в меритократии. Вспоминая своего друга Ф. Э. Смита, он дал ему следующую характеристику: «Мало было вопросов и тем, которые не интересовали Ф. Э., а все, что его привлекало, он трактовал и развивал». «Трактовать и развивать» — вот чему, по мнению Черчилля, должны посвящать себя все, кто не ленится думать, не боится выделяться, не довольствуется существующим положением дел. Чтобы «не стать рабами собственной системы и не дать запущенному нами механизму подавить нас», призывал Черчилль, необходимо «поощрять в себе и окружающих любые проявления оригинальности, всячески экспериментировать и учиться беспристрастно оценивать результаты непрерывной работы всемогущей человеческой мысли»^[240].

«Мальборо»

Помимо статей, эссе, сценариев, сборников и автобиографии литературная активность Черчилля в 1930-е годы была также связана с масштабным проектом, который не только был направлен на восстановление исторической справедливости, но и оказал существенное влияние на мировоззрение автора в части управления войной и выстраивания взаимоотношений с союзниками. Речь идет о биографии 1-го герцога Мальборо. Черчиллю давно поступали предложения взяться за жизнеописание своего предка. Еще в апреле 1898 года издательство *James Nisbet & Co* обратилось к нему с идеей подготовить небольшую книгу в 100 тыс. слов, «эффектно описывающую жизнь известного военачальника». Тогда не состоялось. Оно и к лучшему. Черчилль еще не был готов и не имел необходимого времени для глубокой проработки биографической темы. К тому же в тот момент он был слишком сосредоточен на себе и своей карьере, чтобы погружаться в незнакомые воды ушедшей эпохи. В конце 1920-х Черчиллю поступило очередное предложение, которое также было отклонено. «Это будет долгая работа, но она определенно ждет меня в будущем», — прокомментирует он свое решение супруге. На тот момент он возглавлял Казначейство, работал над «Мировым кризисом» и собирал материалы для автобиографии, поэтому осилить еще один проект даже с его способностями было за гранью возможного. В реакции Черчилля больше показателен не его отказ, а психологическая готовность написать биографию. На протяжении всех тридцати лет, прошедших с момента первого предложения, он не оставлял мысли взяться за проект. В 1926 году он признался кузену — 9-му герцогу Мальборо, что желание написать биографию их общего предка его «вдохновляет», хотя оно и связано с «продолжительным и тяжелым трудом»^[241].

Черчилль решил взяться за биографию в 1929 году, договорившись с издателями Джорджем Харрапом (1867–1938) и Чарльзом Скрайбнером-младшим (1890–1952) о публикации нового произведения на территории Британской империи (с Харрапом) и США (со Скрайбнером) за гонорар в 10 и 5 тыс. фунтов соответственно. В течение следующих пяти лет он должен был написать двухтомное сочинение объемом не более 200 тыс. слов. После получения авансов Черчилль начал формировать команду помощников. Для освещения военно-морской темы он обратился к недавно вышедшему в отставку и испытывавшему финансовые трудности контр-

адмиралу Кеннету Дьюару (1879–1964), для консультаций и сбора данных по военной тематике — к главе военного отдела исторической секции при Комитете имперской обороны бригадному генералу Джеймсу Эдуарду Эдмондсу (1861–1956), а также ведущему эксперту в области военной истории, преподавателю колледжа Эксетер Оксфордского университета Кристоферу Томасу Эткинсону (1874–1964), автору «Мальборо и восхождение британской армии». В конце 1929 года к команде присоединился подполковник Ридли Пэкенхэм-Уэлш (1888–1966), ответственный за точность и достоверность деталей военных кампаний. За грамматику отвечал неизменный Эдуард Марш, а корректуру — начальник редакционного департамента в издательстве Харрапа Чарльз Карлайл Вуд (1875–1959), который своим педантизмом раздражал Черчилля, но благодаря высоким профессиональным качествам оставался постоянным членом творческого коллектива. Понимая, что он не владеет всеми подробностями исторического периода, о котором будет писать, Черчиллю требовался профессиональный историк, который бы взял на себя роль координатора. Для поиска подходящей кандидатуры он обратился к преподавателю своего сына историку Кейту Грэхему Фейлингу (1884–1977), который в свою очередь порекомендовал недавно закончившего с отличием Нью-колледж в Оксфорде историка Мориса Эшли (1907–1994). Эшли, которому на тот момент исполнилось всего 22 года, увлекался социализмом и к личности Черчилля испытывал неприятие. Черчилль знал о негативном отношении Эшли к себе, но ценя гораздо больше его профессиональные качества, чем политические убеждения, решил лично встретиться с молодым человеком. Эшли согласился на собеседование, сочтя, что неплохо оплачиваемая работа (300 фунтов в год на полставки) на известную персону не такое уж и плохое начало. Встреча прошла успешно и Эшли был принят.

Изначально планировалось, что Эшли будет работать у Черчилля два года, но их сотрудничество продлилось почти пять лет, пока в 1934 году Эшли не ушел редактором в *Manchester Guardian*. Затем он будет работать в *The Times*, *Britain Today*, *Listener*, напишет более 25 книг, включая биографии Кромвеля, Карла II и 1-го герцога Мальборо. О работе с Черчиллем он сохранит добрую память. Когда в конце 1980-х в газетах появится информация, что «Черчилль совсем не считался с секретарями и помощниками», Эшли выступит с опровержением, заявив, что на протяжении всего периода сотрудничества «сэр Уинстон обращался со мной очень учтиво, почти как с равным, был очень великодушен и всегда проявлял чувство юмора, секретари его обожали»^[242].

После ухода Эшли, с которым Черчилль продолжит советоваться, его место занял Джон Уэлдон (1911–?). Новый член команды не оправдал надежд автора, и вскоре его заменил оксфордский историк Уильям Дикин (1913–2005). Дикин останется с Черчиллем на протяжении следующих 20 лет, помогая в работе не только над «Мальборо», но и в других литературных проектах. В годы Второй мировой войны он будет служить в составе британской военной миссии при Иосипе Броз Тито (1892–1980) (Черчилль сам неоднократно встречался с Тито, но испытывая трудности с запоминанием незнакомых имен, иногда путал и называл югославского лидера Тоти), получит орден «За заслуги» и дослужится до звания подполковника. Также в процессе работы Черчилль часто обращался к известному историку профессору Джорджу Маколею Тревельяну (1876–1962), написавшему трехтомный труд о правлении королевы Анны. Интересная деталь — Тревельян приходился внучатым племянником Маколею, споры с которым займут много места в произведении Черчилля. После того, как наш герой станет премьер-министром, он посодействует назначению Тревельяна главой одного из самых престижных учебных заведений Кембриджа — Тринити-колледжа. Хотя близкими их отношения никогда не были. На выборах 1945 года историк будет голосовать против возглавляемой Черчиллем Консервативной партии, считая лейбористов, к которым он также не испытывал симпатий, «меньшим из зол».

Знакомясь с солидным перечнем специалистов, привлеченных к работе над новым произведением, невольно задаешься вопросом, насколько велика была доля самого автора в конечном результате творческого труда. В случае с «Мальборо» книга стала плодом исключительно черчиллевского интеллекта и в части замысла, и в части структуры, и в части изложения. Помощники были нужны ему для проверки фактов и сбора материалов, многие из которых находились в архивах — Бленхейма (Мальборо), Элторпа (Спенсеры), Виндзоров (архив Стюартов), а также в государственных архивах Австрии и Франции.

В своем эссе про Клемансо Черчилль писал: «Муза Истории не должна бояться запачкать руки. Она должна все видеть, ко всему прикоснуться и, если возможно, ко всему приняться. Ей не следует бояться, что некие интимные подробности лишат ее романтики и героического благородства»^[243]. Черчилль не стал избегать описания «интимных подробностей», показав, что успешным стартом своей военной карьеры его предок обязан женщинам: сначала — старшей сестре Арабелле Черчилль (1648–1730), фаворитке будущего короля Якова II (1633–1701) и матери четырех его внебрачных детей, затем — любовнице Барбаре Вильерс 1-й

герцогине Кливлендской и графине Кастельмейн (1640–1709), которая была по совместительству *inamorata* другого короля — Карла II (1630–1685), произведя от него на свет пять бастардов^[244]. В зрелые годы генералу сыграла на руку дружба с королевой Анной его супруги Сары, брак с которой, кстати, был по любви, а не по расчету. На пике своей карьеры Мальборо настолько приблизился к Короне, что по своим функциям фактически исполнял обязанности премьер-министра, хотя подобной должности на тот момент еще не существовало. Правда, потом отношения Сары и королевы Анны испортились, герцог попал в немилость и был вынужден покинуть Туманный Альбион.

Зависимость в карьере от женщин была хотя и пикантной подробностью, но не самой непривлекательной стороной биографии Мальборо. Благодаря креативности Маколей, уделившего немало место оценки личности и поступков известного военачальника на страницах своей пятитомной «Истории Англии», у 1-го герцога Мальборо была подмоченная репутация. Не отрицая полководческий талант Джона Черчилля, Маколей представил предка нашего героя распущенным оппортунистом, активно использующим служебное положение ради личного обогащения, готовым предать короля и страну ради собственных карьерных устремлений. Мальборо действительно предал короля Якова II, которому многим был обязан, включая свое звание генерал-лейтенанта и должность главнокомандующего королевской армией. Узнав о готовящемся государственном перевороте с попыткой возведения на престол протестанта (Яков был католиком, последним на британском престоле) голландского статхаудера Виллема ван Оранье-Нассау (1650–1702) и его супруги Марии (1662–1694), дочери Якова II и внучки Карла I, он ничего не сообщил своему благодетелю. Во многом именно благодаря поддержке Мальборо, за которым стояла армия, Славная революция 1688 года прошла без кровопролития, и в Британии началось совместное правление Вильгельма III Оранского и Марии II.

Но даже это предательство было не самым страшным клятвопреступлением. Маколей обвинял Мальборо в том, что во время военно-морской кампании 1694 года по захвату французской базы Брест в заливе Камаре Мальборо написал и передал противнику письмо, раскрыв основные положения кампании. В результате французы смогли подготовиться и экспедиция закончилась провалом, повлекшим существенные потери, включая гибель командующего — генерала Томаса Толлемаша (род. 1651). По мнению Маколей, Мальборо пошел на этот шаг ради возвращения влияния в правительстве и устранения Толлемаша,

которого считал конкурентом. Точка зрения Маколей долгие годы была канонической, повлияв во второй половине XIX и в начале XX века на мнение многих, в том числе и Черчилля. Именно из-за этой истории, названной им «препятствием, которое я не мог преодолеть», наш герой долгое время не решался взяться за биографию, понимая, что ему придется давать оценку неблагоприятному поступку. Преодолеть «препятствие» помог экс-премьер 5-й граф Розбери. Во время одной из встреч в 1924 году, убеждая своего друга взяться за биографию «потрясающего малого, „герцога Джона“», Розбери дал ему прочитать экземпляр книги Джона Педжета (1811–1898) «Парадоксы и загадки: исторические, юридические, литературные», в котором убедительно обосновывалась ошибочность выводов Маколей. «Педжет высмеивает точность Маколей и постоянно обвиняет его не столько в ошибках, сколько в преднамеренном искажении фактов», — не без удовлетворения сообщил Черчилль супруге. В 1934 году книга Педжета будет переиздана в издательстве *Haworth Press*, Черчилль напишет к ней семистраничное предисловие, а также направит ее Стэнли Болдуину, заметив, что она должна быть обязательно в библиотеке, как «необходимая коррекция и дополнение к Маколею». Сам Черчилль пошел дальше «замечательного, но редко читаемого» Педжета, рассмотрев Брестскую кампанию самым тщательным образом и посвятив ей несколько глав. Ссылаясь на редкие документы из архива Стюартов, Черчилль утверждал, что знаменитое письмо искусная подделка. «Даже кошку нельзя повесить, строя обвинение на таких доказательствах», — возмущался он [\[245\]](#).

Погрузившись в исторические изыскания, Черчилль обнаружил, что так почитаемый им в молодые годы Маколей не только в этом эпизоде, но и в целом не отличался чистоплотностью в выборе источников, вынося обвинительные вердикты на основе работ заказного характера. «Трудно найти более искусного автора небылиц», — возмущался Черчилль, называя Маколей «мастером колющей риторики и тщательно продуманного пренебрежения» — «нам остается только надеяться, что Правда будет следовать за ним так же быстро, чтобы закрепить ярлык „Лжец“ на фалду его элегантного и модного пальто». В погоне за восстановлением исторической справедливости Черчилль сам переступил черту, оказавшись на скользкой дорожке тенденциозности. Он уделил виговскому историку непропорционально большое внимание, не гнушаясь обсуждать не только его произведения, но и личность. Как, например, развенчивая миф о «скупости» своего предка, он сообщил читателям, что Маколей признавался, будто принял должность в Верховном комитете по делам

Индии исключительно ради улучшения собственного благосостояния. Пусть так, но какое отношение поступки Маколея имели к истории Мальборо и событиям более чем двухвековой давности? Показательно при этом, что критикуя Маколея, Черчилль продолжил относиться к нему с уважением, позже он будет активно цитировать его в своих произведениях и выступлениях, а в автобиографии напишет, что хотя викторианец и «обманул меня, простофилю», тем не менее он все равно «перед ним в долгу»^[246].

Не исключено, что в своей критике Черчилль обрушился не столько на конкретного историка, сколько на ограниченность исторического метода в целом, когда за разбор и описание выдающейся личности или известного события берутся непрофессиональные исследователи, которые, оперируя непроверенными фактами, пытаются либо произвести впечатление, либо оказать влияние, причесывая прошлое под популярные взгляды настоящего. Черчилль назвал таких авторов «послушным стадом придиричивых крючкотворов, которые слоняются на своих пастбищах, порицая реальность и извращая историю». Не успеют они завершить свои труды, как на их предвзятых творениях расцветает творчество следующего поколения мастеров пера, неизменно добавляющих часть вымысла от себя. И так далее, и так далее: «Длинная вереница историков следуют друг за другом, словно овцы, проходя через ворота ошибок»^[247].

Сам Черчилль, погружаясь в исторические изыскания, решил в очередной раз лично посетить места боевой славы своего предка — Бленхейм, Рамильи, Ауденарде и Мальплаке. Осенью 1932 года он совершил тур по Франции, Бельгии, Нидерландам и Германии (Баварии). Рассказывая издателю о поездке, он назовет ее «волнующим путешествием». «Я был глубоко потрясен видом этих мест и явственно почувствовал, что впервые в жизни способен описать эти сражения», — делился он своими впечатлениями с Фейлингом. В Мюнхене британский политик едва не встретился с набирающим популярность Адольфом Гитлером. Организатором встречи выступило доверенное лицо будущего фюрера и иностранный пресс-секретарь партии Эрнст Ганфштенгль (1887–1975). Впоследствии его дороги с Гитлером разойдутся, и в 1937 году он эмигрирует в США, где устроится советником Рузвельта, с которым вместе учился в Гарварде. Но в момент пребывания Черчилля в Мюнхене Ганфштенгль был у Гитлера на хорошем счету и должен был поспособствовать встрече двух политиков. В беседе с Ганфштенглем Черчилль выразил неодобрение антисемитизма Гитлера. «Я могу понять

ожесточение против евреев, которые в чем-нибудь провинились или выступают против своей страны, — сказал он. — Но как можно быть против человека только потому, что он от рождения принадлежит к той или другой нации? Разве человек властен над своим рождением?» По всей видимости, Ганфштенгль передал содержание диалога лидеру НСДАП, который резко охладел после этого к идее со встречей, объяснив, что «Черчилль сейчас находится в оппозиции и не привлекает внимания».

В каком-то смысле Черчиллю повезло, что встреча не состоялась. В дальнейшем ему несколько раз поступали предложения навести визит к фюреру — через посла в Лондоне, а впоследствии имперского министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа (1893–1946), а также гаулейтера Данцига Альберта Форстера (1902–1952), — но он всегда отказывался. В баварском путешествии Черчиллю не повезло в другом — он заразился тифом. Состояние здоровья оказалось настолько тяжелым, что его даже не решились перевозить в Англию, оставив на две недели в зальцбургской клинике доктора Герхарда Хромады. «Какой же зловещей удачей вы обладаете каждый раз, когда выезжаете за границу», — заметит Марш с аллюзией на биржевой крах 1929 года и недавнее происшествие в Нью-Йорке. Восстановление проходило быстро, но не без последствий. Вернувшись в Чартвелл, Черчилль едва не умер от открывшегося кровотечения тифозной язвы. Его спасла срочная госпитализация в одну из лондонских клиник ^[248].

Окружению Черчилля повезло меньше. В июне 1934 года от онкологического заболевания скончался «старейший и дражайший друг» нашего героя — 9-й герцог Мальборо. На следующий день в *The Times* появился большой некролог, написанный Черчиллем. Вспоминая жизнь своего кузена, автор уделил много места социальной трансформации, которая выпала на долю его поколения. В этих фрагментах с упоминанием о том, что почивший являлся частью «системы, которая была разрушена, и общества, которое исчезло», явно слышен уязвленный голос патриция. «Класс, к которому принадлежал герцог, был не только освобожден от политической ответственности, но и лишен большей части своего имущества и во многих случаях просто выдворен из собственных домов», — не без сожаления, граничившего с осуждением, констатировал Черчилль. В апреле 1937 года жертвой онкологии стал другой кузен — Фредерик Гест (род. 1875). «Смерть Фредди стала большим ударом для меня, — признается политик Эдуарду Маршу. — Мы очень любили друг друга». Трудно сказать, насколько уход близких повлиял на Черчилля, но в 1939 году он принял участие в благотворительной акции по сбору средств

для Королевской онкологической больницы (сейчас Королевская больница Марсдена), где впервые началось системное изучение и лечение онкологических заболеваний. Написав рекламное объявление в *The Times*, Черчилль воздал должное этому лечебному заведению, а также призвал всех, кто хотя бы раз задумывался о вероятности оказаться в «пасти рака», пожертвовать на продолжение и развитие медицинских исследований в этом направлении^[249].

Уход родственников совпал с изменениями в штате нашего героя. В ноябре 1936 года его бессменный секретарь миссис Пирман решила перейти на другое место. «Работа на мистера Черчилля означала, что я должна была оставить всю свою жизнь ради него, пожертвовать встречами с друзьями, редко видеть своих детей и практически не отдыхать», — объясняла она свои мотивы^[250]. Продолжительность стандартного рабочего дня была не меньше 12 часов. Иногда приходилось работать по 15 часов в сутки, включая выходные. С новым работодателем не получилось, и в итоге миссис Пирман осталась в Чартвелле. В мае 1938 года у нее случился инсульт. Черчилль отправил ее в продолжительный оплачиваемый отпуск, пристально следя за состоянием здоровья. Выздоровление было долгим и безуспешным, в 1941 году женщина скончалась. Черчилль взял на себя заботу о ее детях, выделив пособие на содержание младшей дочери Вайолет Розмари, которой на тот момент исполнилось 11 лет, а затем в течение 7 лет оплачивал ее обучение. После болезни Пирман основная нагрузка легла на Кэтлин Хилл. Ей помогали сначала Олив Хэррингтон, которая вскоре покинула Чартвелл из-за нервного перенапряжения, затем Миллисент Брумхед, которая также не задержалась в штате из-за проблем с сердцем, потом Мэри Шерберн, которая проработала у Черчилля до начала Второй мировой войны, перейдя затем в Адмиралтейство. Впоследствии Шерберн выйдет замуж за инспектора Скотленд-Ярда Уолтера Томпсона, охранявшего нашего героя.

Другие потрясения Черчилля были связаны с многострадальным финансовым вопросом. Несмотря на хорошие гонорары за статьи и книги, денег политику-писателю катастрофически не хватало, и в феврале 1937 года он даже задумался о продаже любимого Чартвелла. «Если нам предложат хорошую цену, мы сможем протянуть еще год-два», — советовался он с супругой. В тот момент кардинальных мер удалось избежать. Правда, ненадолго. Весной следующего года фондовый рынок преподнесет очередной неприятный сюрприз. Основные сбережения Черчилля были вложены в ценные бумаги, стоимость которых резко упала в

три раза — с 18 до 6 тыс. фунтов. На этот раз Чартвелл был выставлен на продажу, информация о чем появилась в ведущих газетах: 1 апреля в *Daily Express*, на следующий день — в *The Times*. Черчилль рассчитывал получить 20 тыс., которые позволили бы ему восстановить положение. Политику часто везло в жизни, повезло ему и на этот раз. Ему помог банкир сэр Генри Стракош (1871–1943), с 1929 по 1943 год занимавший пост председателя правления *The Economist*. Стракош согласился выкупить обесценившиеся бумаги по их первоначальной стоимости. Благодаря своевременно оказанной помощи Чартвелл был снят с продажи. Примечательно, что двое мужчин не были друзьями, а Стракош даже никогда не останавливался в Чартвелле. В дальнейшем эти факты лягут в основу инсинуаций о проникновении еврейского капитала в британскую политику, активно распространяемых нацистской пропагандой. Истинная причина помощи Стракоша состояла в той роли, которую он отводил Черчиллю, считая его одним из немногих на Туманном Альбионе, кто может возглавить борьбу против нацизма. Со своей стороны Стракош снабжал политика данными о состоянии немецкой экономики и промышленности. Опасаясь, что Черчилль направит основные усилия на преодоление финансовых трудностей, оставив активную политическую деятельность, банкир решил личным вложением вернуть его в большую политику. О том, насколько осознанным был этот шаг, станет очевидно в 1943 году, когда вскрыв после кончины Стракоша его завещание, душеприказчики обнаружат, что их клиент завещал нашему герою 20 тыс. фунтов^[251].

Что касается «Мальборо», то Черчилль рассчитывал завершить первый том описанием битвы при Бленхейме. Однако из-за своего многословия, любви к пространному цитированию аутентичных исторических документов, а также желания поведать о своем предке как можно больше стало очевидно, что даже увеличение объема первого тома больше чем наполовину не позволяет осуществить задуманное. Так из двухтомного формата проект был расширен сначала на один, а затем на два тома, превратившись из дилогии в тетралогия. Черчилль завершил первый том на том же самом месте, где Маколей поставил точку в своей пятитомной «Истории Англии» — на кончине Вильгельма III (1702 год). Книга вышла в октябре 1933-го. На следующий год, также в октябре был опубликован второй том, освещающий события до 1705 года. В ноябре Черчилль отметил свой шестидесятилетний юбилей. Торжественная церемония прошла в отеле *Ritz*. Сын Рандольф считал идеальным возрастом 25 лет, а всех, кому за 30, он относил к «старой банде». Черчилль с ним, разумеется,

не соглашался, признавая тем не менее, что «сын унаследовал эти идеи от меня, поскольку по странному стечению обстоятельств я придерживался аналогичного мнения в его возрасте». Теперь, перешагнув шестидесятилетний рубеж, ему ничего не оставалось, как изменить свою точку зрения. Черчилль убеждал себя, что вступил в едва ли не лучший период своей жизни, когда «сила ума и энергия тела сочетаются с накопленными знаниями и опытом»^[252]. Наш герой не терял надежды вернуться в большую политику, направляя пока основные усилия на завершение своего исполинского труда. В октябре 1936 года на книжных прилавках появился третий том, повествующий о жизни полководца в период с 1705 по 1708 год, еще через два года (в сентябре 1938-го) — четвертый том, ознаменовавший собой окончание литературного проекта, объем которого составил почти 780 тыс. слов (не считая индексов) и работа над которым продлилась 9 лет.

Из всех многотомных произведений Черчилля «Мальборо», на мой взгляд, является самым выдающимся. Несмотря на то, что это произведение носит ярко выраженный апологический и хвалебный характер, оно не только поражает своей цельностью, но и представляет интерес множеством выстраданных рассуждений автора по широкому кругу животрепещущих вопросов из области политики, международных отношений, военного искусства, социальных процессов, включая особенности индивидуального развития и продвижения. Не имея возможности провести предметный и подробный разбор тетралогии, остановимся на нескольких принципиальных для творческой и политической биографии Черчилля моментах.

В предисловии к первому тому автор показывает несоответствие между выдающимися достижениями своего предка и памятью о нем у потомков, степень которой варьировалась от безразличия до осуждения. Для Черчилля, которому уже пошел седьмой десяток и который имел за спиной немало успехов, наличие подобного разрыва представлялось темой актуальной и носящей личный оттенок. Опасаясь, что такая же судьба может постигнуть и его, он пытался понять, что вызывает это несоответствие и каким образом его можно сократить. Черчилль показывает, как Мальборо сам допустил ошибку, веря, что «честный человек должен быть оправдан собственными действиями, а не пером писателя», а также настаивая, что «прошлое есть прошлое и его следует предать тишине». Полководец не оставил ни воспоминаний, ни мемуаров, ни дневников о своей насыщенной и противоречивой жизни, которая «известна только благодаря поступкам». Но Черчилль отлично понимал,

что одних поступков недостаточно, нужно уметь правильно их преподнести, не забыв рассказать о своей роли в одержанных победах. В этом отношении он считал показательным поведение визави «герцога Джона» — короля Людовика XIV (1638–1715), любое достижение которого «увековечивалось во французской поэзии, шпалерах, картинах и гравюрах». Природа не терпит пустоты. Потребность людей в информации — тоже. «История не может развиваться в тишине», — констатировал Черчилль. «Если нет фактов, будут использоваться слухи», — добавлял он. Даже самый ненадежный источник лучше, чем ничего. Наш герой не допустит подобных ошибок, оставив о каждом мало-мальски важном эпизоде своей жизни подробные описания и объяснения. Причем главный автобиографический труд своей жизни ему еще только предстояло написать ^[253].

Другой важный вывод, который сделал Черчилль: несмотря на всю власть в управлении многотысячной армией и объединении интересов двадцати стран, Мальборо был крайне ограничен в своих действиях и решениях. Одним из первых Черчилль обратил на это внимание Дж. Эдмондса, сказав ему в январе 1934 года: «Мальборо видел то же самое, что Наполеон, но он был лишь слугой в суровый век. Наполеон мог приказывать, Мальборо же не мог ничего больше, чем убеждать или упрашивать. Нелегко одерживать победы, обладая такими возможностями». На страницах своей тетралогии он уделит немало места этой особенности, указывая, что Мальборо не имел права беспрекословного подчинения. Он не мог потребовать: «Исполняйте, иначе я вас расстреляю!» или: «Молчите, иначе я освобожу вас от должности». Он имел дело с «двадцатью гордыми, завистливыми, компетентными и не очень коллегами», которых не мог «призвать к дисциплине» и которых был бессилён наказать. «Невозможно оценить внутреннее напряжение полководца, ведущего войну с равным противником при столь паралистическом контроле», — писал Черчилль. По его словам, «пугающий враг был наименьшей проблемой» британского военачальника. «Друзья, союзники, подчиненные — вот кто потреблял все его силы». Сам прошедший через огонь и воду Первой мировой, Черчилль обобщил опыт своего предка, заключив, что «история всех коалиций — это длинное повествование о бесконечных жалобах союзников друг на друга».

Опыт Мальборо, которому «приходилось утверждать свою власть и добиваться одобрения почти каждого шага от различных и часто противоборствующих заинтересованных групп», оказал на Черчилля огромное влияние и определил его собственную манеру поведения в годы Второй мировой войны. Это касалось как внешнеполитических союзов, так

и отношений с политиками, военными и гражданскими в собственной стране. В условиях «столкновения мнений, где каждая из сторон имеет сильный довод», когда отсутствие полномочий исключает возможность приказа, единственным выходом, считал Черчилль, является «поддержка собственного авторитета на каждом этапе» принятия решений, «безграничное терпение и умение убеждать». Там, где не помогали аргументы, приходилось обращаться к унижению. «Долгое обучение при дворе научило Мальборо кланяться и протискиваться, довольствоваться вторым или третьим результатом, если это было лучшее, что он мог получить, — признавал он в беседе с Э. Маршем. — У него было гораздо меньше гордости, чем у обычного человека. И это во многом помогло его масштабным планам». Рассуждая подобным образом, Черчилль относил эти выводы и к себе, что контрастирует с его привычным портретом бескомпромиссного лидера, но сам-то он не испытывал иллюзий, отлично зная, чего стоят многие победы и на какие ухищрения приходится идти ради них [\[254\]](#).

Приведенные выше рассуждения показывают, что, изучая жизнь Мальборо, Черчилль пропускал ее через себя и сверял с собственным опытом. В результате он приходил к выводам и находил закономерности, которые оказали определяющее влияние на формирование его мировоззрения, что нашло непосредственное отражение в его деятельности на посту премьер-министра. В этом отношении тетралогия является не только лучшим многотомным произведением автора, но и уникальным образцом мировой литературы. Существует немного книг, которые бы создавались личностями такого масштаба, как Уинстон Черчилль, и были посвящены анализу личностей такого масштаба, как 1-й герцог Мальборо, и в итоге служили подспорьем и пособием для лидера в столь масштабном кризисе, как Вторая мировая война. При этом важно понимать, что речь шла не о каких-то универсальных секретах управления, познание которых позволяет открыть двери всех решений и разрубить узлы всех проблем. На опасность искать подобные рецепты наш герой указывал еще в «Мировом кризисе», замечая, что «истина войны абсолютна, но принципы ее ведения нужно выводить в каждом из обстоятельств, которые всегда различны; следовательно, ни одно правило не является руководством к действию». Схожую мысль он повторил и в «Мальборо»: «Успех полководца определяется не следованием моделям или правилам, а способностью к абсолютно новому восприятию ключевых фактов и основных сил, которые действуют в нынешней ситуации. Это повара используют рецепты для приготовления блюд, а доктора конкретные предписания для лечения

болезней, но каждая военная операция уникальна». Мир слишком сложен, чтобы давать рекомендации. В любой победе важен не только отдельный маневр, решение, жест или действие, приведшие к ней, а совокупность целого набора факторов и обстоятельств. Поэтому так редко можно наблюдать исключительный успех и поэтому «заглядывать слишком далеко нерационально». Черчилль призывал своих читателей вместо поиска готовых ответов сосредоточиться на развитии собственного мышления и умении самостоятельно определять решения в зависимости от ситуации. «Изучение прошлого бесценно как средство для тренировки ума и пищи для размышлений, — подчеркивал он, — но оно бесполезно без способности избирательно оценивать заслуживающие особого внимания факты и их значение, связь и соотношение»^[255].

Помимо постижения истории и формирования своей личности Черчилль также поднял в биографии и более широкий пласт социальных вопросов через сравнение двух эпох. Начав с описания недостатков былых времен, которые характеризовались неприкрытой продажностью и алчностью, nepотизмом с назначением близких вместо компетентных, иерархичностью — все решения, отношения и поведение определялись близостью и продолжительностью связей с королевским престолом, — он не слишком обольщался на счет своей эпохи. Работая в те же годы, что и создавался «Мальборо», над своим романом, М. А. Булгаков вкладывает в уста своего героя знаменитые слова, что «люди, как люди», «любят деньги, но ведь это всегда было... в общем, напоминают прежних...». Черчилль делает аналогичное заключение, констатируя, что «любовь к деньгам и зависть к богатым» объединяли век XVII с веком XX. В отличие от Булгакова британский автор идет дальше, показывая, что помимо сходства разные эпохи отличаются, причем не всегда в пользу современности.

Во-первых, ослабло влияние религии. Сам Черчилль не был глубоко верующим человеком, но он признавал важную роль религии как нравственного ориентира. Несмотря на всю продажность и распущенность людей XVII века, они думали о загробной жизни и заботились о спасении своей души. В отличие от теряющих ориентиры потомков они «придерживались стойких взглядов по широкому кругу вопросов веры и, как правило, были готовы заплатить за них своей жизнью». Поэтому в ходу были слово «долг» и выражение «смерть в бою всегда в чести». Во-вторых, прошлая эпоха была более степенна. Люди ценили свое время и не тратили его понапрасну. Не было пустых разговоров и высасывающих денег увлечений. Люди меньше отвлекались на пустяки, больше размышляли, что помогало принимать взвешенные и продуманные решения. Книги

читались, а не пролистывались. В поле дискуссий попадало лишь то, что заслуживало внимания, а по «фундаментальным проблемам и угрозам общество придерживалось единодушного коллективного мнения». В-третьих, признавая, что в XVII столетии было много грубости и жестокости, он считал, что XX век достиг «высочайшей эффективности в бесчеловечной и безжалостной войне». Еще в «Мировом кризисе», перечисляя все беспощадные способы, которые люди использовали для истребления друг друга в Первой мировой, он резюмирует: «Лишь пытки и каннибализм оказались единственными средствами, которые не использовали просвещенные, христианские государства». Да и то только потому, что «видимо, „польза“ от них была сомнительна». В биографии «Мальборо» он возвращается к этой теме, показывая, что во времена его предка полководцы относились к противнику с уважением: после яростной битвы обе стороны, а «особенно победители», «спасали раненых, вместо того чтобы оставить их, обрекая на мучительную агонию». Если в прошлом еще были какие-то нормы допустимого и запрещенного, то в XX веке «человечество признало их нелогичными, заклеив старомодными предрассудками». Оценивая средства, которые использовал «герцог Джон» для достижения целей, Черчилль с сарказмом замечает: «В нашу просвещенную и богатую научными достижениями эпоху, возможно, во многих великих странах сочли бы, что если бы он вел себя более безжалостно, то добился бы большего успеха»^[256].

Последнее в перечне (но не по значимости) отличие двух эпох состоит в деградации лидерского начала. Масштаб и сложность событий в XX веке увеличились, но искра лидерства, констатирует британский политик, «потухла навсегда». Поэтому он призывает «не сравнивать современные достижения (за исключением разве что миллионной пропаганды) с личными подвигами, которые свершили немногие великие командующие прошлого». В сентябре 1938 года он скажет экс-премьеру Нидерландов Хендрику Колейну (1869–1944), что основной причиной той «ужасной ситуации», в которой оказались Англия и Европа, является «отсутствие смелости и предвидения» у государственных деятелей. В этих рассуждениях Черчилль-историк уступает место Черчиллю-политику, который считает, что в 1930-е годы мир столкнулся с новой страшной угрозой — агрессивной политикой нацистской Германии. Черчилль использует «Мальборо» для выражения своих взглядов, показывая опасность возвышения Третьего рейха на примере политики Франции в начале XVIII века, испытывавшей «голод по захвату земель соседних государств». Как и в случае с любой гегемонией, притязания Франции не

ограничивались установлением «контроля в политической и религиозных сферах». Они включали в себя обеспечение превосходства в «экономических, нравственных и интеллектуальных областях». Устремления Франции представляли собой «одно из самых величественных притязаний на мировое господство, которое когда-либо имело место со времен Антония». Черчилль не просто указывал на амбициозные устремления Франции, но и персонифицирует их в личности Людовика XIV, которого называет «деспотом Европы», «самым худшим врагом человеческой свободы», правителем, которого отличали «ненасытный аппетит, холодная расчетливая жестокость, вселенское самомнение», «всеобщая агрессия» и «разносторонняя тирания».

Столь жесткая характеристика по отношению к почившему два века назад государственному деятелю другой страны не означает, что британский политик питал неприязнь к «королю-солнце». И Франция, и Людовик XIV были принесены им в жертву в идеологических целях для выражения своей точки зрения. И о важности этих взглядов можно судить по тому факту, что Черчилль, этот общепризнанный франкофил, принес на алтарь повествования любимую Францию. На примере французского монарха он показал, что, когда отдельно взятый властный индивидуум теряет связь с реальностью, становясь рабом своих несдержанных желаний и амбиций, он превращается в угрозу не только для окружения, но и для своей страны, а также соседних государств, которые «ежатся от страха и боли». Черчилль предупреждал своих современников, что мир столкнулся с угрозой более страшной, чем Бонапарт или Вильгельм II, и в подобной ситуации ни о каких сделках с тираном не может быть и речи. «Несмотря на все военные условия, мир никогда не может быть достигнут между великими цивилизованными странами, если одна из них грубым и жестоким образом поправа права другой», — настаивал он в последнем томе тетралогии. На примере своего предка он показал, что самым эффективным способом противостояния гегемону является коллективная безопасность. Черчилль говорил об этом в своих книгах, статьях, речах. Его читали, слушали, но не слышали^[257].

Освещение современных политическим реалиям было лишь одним пластом тетралогии. Хотя для самого автора эта тема была болезненной и потребляла не меньше сил и энергии, чем литературное творчество. По сути, позиция Черчилля по отношению к нависшей над его страной внешнеполитической угрозе предопределила не только его путь в 1930-е годы, но и место, которое он занял во Второй мировой войне.

Переход через пустыню

Черчилль был одним из первых британских политиков, кто понял опасность зарождения в Германии нацизма и прихода Гитлера к власти. Еще в октябре 1930 года в беседе с внуком «железного канцлера» дипломатом князем Отто фон Бисмарком (1897–1975) он отметил, что Гитлер и его сторонники «используют первую же возможность» для восстановления вооруженных сил в нарушение Версальского договора. Свои выводы Черчилль строил на основе внимательного изучения автобиографического манифеста фюрера «Моя борьба», отдельных документов НСДАП и речей ее лидеров, а также бесед с непосредственными жертвами нового режима. К последним, например, относился Альберт Эйнштейн (1879–1955), который встретился с британским политиком перед своей эмиграцией в США и сообщил о наличии у него надежных сведений об активном развитии немецких ВВС. Своей супруге великий физик скажет, что считает Черчилля «исключительно мудрым человеком»^[258].

В то время, пока Гитлер стремительными шагами шел к абсолютной власти: через успех на выборах в Рейхстаг в 1932-м, назначение канцлером в 1933-м и провозглашение единоличным главой государства в 1934-м, в Великобритании стала набирать силу политика разоружения, которая считалась самым эффективным средством предотвращения войны. Черчилль выступил против выбранного курса. В речи в парламенте в ноябре 1932 года он обратил внимание депутатов, что «ежегодный набор призывников в Германии уже почти в два раза превышает аналогичный показатель во Франции». И это на фоне непрекращающихся просьб Германии о том, чтобы им «разрешили перевооружиться»! Он призывал «перестать обманывать себя». «Германией движет вовсе не жажда справедливости, — объяснял Черчилль. — В глазах бесчисленных банд коренастых тевтонских молодчиков, бодро марширующих по городам и селам Германии, читается решимость бороться и страдать за отчизну, а для этого немцам необходимо оружие, и как только они его получают, Германия сразу заявит о своих притязаниях на утраченные территории и колонии». Черчилль потребовал от руководства страны прекратить прятаться за «пушистое красноречие». За более чем тридцатилетнюю карьеру парламентария он не помнил, чтобы «разрыв между тем, что политики произносят, и тем, что происходит на самом деле, был бы настолько велик».

Осуждая в последующие годы политику разоружения, он указывал, что вместо предотвращения войны она, наоборот, приближает ее начало. Констатируя, что разоружение способно сохранить мир не больше, чем «зонтик предотвратить начало дождя», а также признавая, что «наша пацифистская тактика возымела противоположный эффект» и привела лишь к еще большему вооружению соседних государств, он требовал покинуть проходившую в Женеве Международную конференцию по разоружению и «отправить на свалку весь хлам и мусор восьми лет нытья, глупости, лицемерия и обмана». «Прочный мир может опираться только на военное превосходство», — настаивал британский политик ^[259].

Находясь не у дел и имея ограниченный доступ к закрытым сведениям по официальным каналам, Черчилль создал разветвленную сеть личных информаторов, в которую входили политики, дипломаты, ученые, военные, снабжавшие его актуальными и достоверными сведениями о состоянии немецкой промышленности, развитии сухопутных сил и люфтваффе. Опираясь на эти данные, британский политик констатировал в марте 1934 года в Палате общин, что «Германия вооружается так быстро, что никто не в силах ее остановить» На следующий год он будет утверждать о «полной милитаризации немецкой промышленности». Выступая в октябре 1935 года в Чингфорде, он обратил внимание присутствующих, что «еще никогда прежде ни одна страна в мирное время столь явно и столь целенаправленно не готовилась к войне» ^[260].

Черчилль считал, что в сложившихся условиях необходимо не разоружаться, а наращивать собственное вооружение. По его мнению, это был вопрос не партийной политики или «спор между пацифистами и милитаристами», это был вопрос сохранения национального суверенитета. Учитывая, что превосходство в сухопутных войсках никогда не было сильной стороной «владычицы морей», он предлагал сделать основную ставку на авиацию. «Настал тот час, когда парламент должен принять, а национальное правительство — обнародовать решение о создании британской авиации, равной по своей мощи французским или немецким ВВС, в зависимости от того, кто из них в этом отношении сильнее», — заявил он в Палате общин в феврале 1934 года ^[261].

Призывы политика не встретили поддержки у власть имущих. Спустя три недели после его выступления в парламенте был принят новый бюджет Королевских ВВС, предусматривающий сокращение расходов на 1 млн фунтов по сравнению с бюджетом трехлетней давности. В 1936 году на закрытой встрече с членами обеих палат парламента Болдуин откровенно

признается, что не готов объявить электорату об активном вооружении Германии: «Непросто, находясь на трибуне, заявить народу об угрожающих ему опасностях. Лично я никогда не видел черты, переступив через которую получу право пугать людей»^[262]. «Честный Стэн», как его называли коллеги, четко улавливал дуновения общественного мнения, предпочитая следовать им. Истощенная и опустошенная потерями Первой мировой, Британия была пропитана антивоенными настроениями и стремлением сохранить мир любой ценой — даже ценой полного разоружения и удовлетворения всех запросов потенциального агрессора. В феврале 1933 года Оксфордский союз провел голосование по следующей резолюции: «Ни при каких обстоятельствах мы не станем сражаться за короля и нашу страну». 275 студентов поддержали непатриотичный лозунг и только 153 подтвердили свою готовность защищать родину. Спустя месяц сын нашего героя Рандольф провел повторное голосование, давшее еще более удручающие результаты: всего 138 голосов оказались на патриотической чаше весов, в то время как 750 студентов проголосовали «против». Аналогичные результаты были получены в Кембридже, где 213 против 138 поддержали решение о «бескомпромиссном» пацифизме. Во время одной из избирательных кампаний в этот период кандидат от Лейбористской партии Джон Уилмот (1893–1964) предложил закрыть все призывные пункты, расформировать армию и ВВС. Избирателям понравилось, и они позволили революционно мыслящему политику представлять их в Палате общин. «Никто не способен так вовлечь в войну, как пацифист», — сказал Черчилль в сентябре 1935 года одному из своих коллег^[263].

Впоследствии Черчилль охарактеризует 1930-е годы в своей жизни, как «пустынные», понимая под этим не только отсутствие должностей и реальных задач, но и общий недоброжелательный настрой коллег и общественности по отношению к себе и своим взглядам. На публике Черчилль старался храбриться, заявив в одной из статей летом 1934 года, что он «счастлив быть независимым, так как в свое время занимал все государственные посты, о которых только можно мечтать»^[264]. Но наедине с собой он понимал всю тяжесть своего положения, когда с каждым годом он становился все ближе к старости и все дальше от власти. Не считая того обстоятельства, что время играло против него, в целом для нашего героя было не впервой оказываться во внутренней оппозиции. И каждый раз он вел себя одинаково, открыто нападая на своих главных оппонентов, которыми оказывались премьер-министры. Он выступил против Бальфура в

начале карьеры, последовательно критиковал Асквита после фиаско в Дарданеллах, нелицеприятно отзывался о Макдональде в ходе обсуждения Индийского вопроса.

Аналогично он поступил и в этот раз. В 1933 году он заявил в парламенте, что в результате четырехлетнего правления Макдональда Британия стала «слабее, беднее и беззащитнее». В личной переписке он назвал премьер-министра «жалким Рамсеем», «почти невменяемым». Немалая доля диатрибы досталась и Стэнли Болдуину, который хотя и оставался до 1935 года в тени лидера лейбористов, на самом деле оказывал определяющее влияние на формирование внешней политики. В частных беседах Черчилль называл Болдуина «лукавым, терпеливым, удивительно ленивым, а также бесплодным и неэффективным руководителем». По его мнению, из всех премьеров, которых Британия знала в 1930-е годы, на Болдуине лежала основная вина за ослабление страны перед новой мировой войной. Когда в 1940 году после очередного налета люфтваффе Черчиллю сообщат, что одна из бомб уничтожила лондонский дом Болдуина, он воскликнет: «Какая же неблагодарность!» В 1947 году, когда Болдуин будет отмечать свое восьмидесятилетие, Черчилль откажется поздравлять своего бывшего коллегу, объяснив, что он «не желает Стэнли Болдуину зла, но было бы лучше, если бы он никогда не появлялся на свет».

Черчилль считал, что Болдуин, потакая антимилиитаристским настроениям избирателей, ради победы на следующих выборах поставил национальную безопасность под угрозу. По мнению нашего героя, 1930-е годы были не тем периодом, когда следовало посвятить себя «конкурентной борьбе за дешевую популярность среди избирателей». Еще в «Мировом кризисе» он утверждал, что «трудно человеку создать что-либо великое, если он пытается сочетать яркий блеск благотворительности по отношению ко всему человечеству с обостренным чувством популизма в партийной борьбе». Теперь он настаивал, что народ не для того делегировал власть руководству, чтобы то по каждому вопросу выбегало на улицу и «спрашивало мнение людей». «Решать должен парламент и правительство, а народ будет судить о правильности их действий, как доверенных лиц», — заявлял Черчилль. Иронизируя однажды над советом, что «правительство должно всегда держать ухо близко к земле», он заметил — тогда придется встать на колени и склониться, приняв тем самым «не самую благородную позу»^[265].

Выступления, призывы и нападки Черчилля не прошли незамеченными. Большинство депутатов относились к нему как к

нарушителю спокойствия, звезда которого закатилась. Немногие из них верили, что Черчилль вернется на политический олимп. Даже некоторые члены его собственного ближнего круга, например Бивербрук, полагали, что их друг покинет парламент, считая его уход «самым лучшим, что он может сделать». Что касается его заявлений, то последователи Болдуина и Макдональда называли подобные атаки на лидеров партии «позорными», сводя критику к «личной вендетте» и попыткам обратить на себя внимание, чтобы выклянчить должность ^[266].

Хотя все они ошибались, Черчилль, действительно, верил в свое скорейшее возвращение в состав правительства. В этой дихотомии между частным и общим, где с одной стороны преобладали государственные интересы и понимание ошибочности выбранного правящими кругами курса, а с другой — стремление самому войти во власть, заключалось основное драматическое ядро того внутреннего конфликта, который пронизывал публичную деятельность Черчилля во второй половине 1930-х годов. Хотя сам он старался не обращать внимания на это противоречие, успокаивая себя тем, что его стремление попасть в правительство продиктовано не оппортунистическими мотивами, а желанием получить власть для исправления положения изнутри системы. Должно быть, это был полноценный самообман, который перечеркнул четвертьвековой опыт в большой политике, недвусмысленно говоривший о том, что изменить систему изнутри в одиночку невозможно.

Первые серьезные надежды Черчилля на возвращение были связаны со сменой премьер-министра, которое, по его оценкам, должно произойти в 1935 году. Сравнивая в марте правительство с «огромным айсбергом, который долго дрейфовал в теплых морях и у которого растаяло основание», он предсказывал, что «айсберг» скоро «перевернется». Долгожданные перемены произошли летом, но не принесли желаемых пертурбаций. Макдональд просто подал в отставку, передав кресло премьера Болдуину. Надежды на перемены вновь вспыхнули после объявления всеобщих выборов, которые прошли в ноябре и стали последними до начала Второй мировой войны. Черчилль вновь одержал уверенную победу в Эппинге, обогнав ближайшего соперника на 20 тыс. голосов (34 849 против 14 430). Аналогичный успех распространялся на всю Консервативную партию, которая получила в Палате общин большинство (429 мест против 154 у лейбористов и 21 у либералов). «С тобой покончено, — скажет Бивербрук, обращаясь к Черчиллю. — У Болдуина настолько много голосов, что он сможет справиться и без тебя». Черчилль не отчаивался, рассчитывая возглавить Адмиралтейство. Он

шесть дней прождал у телефона, ожидая звонка с Даунинг-стрит. Но его не последовало, Болдуин не хотел видеть бывшего коллегу за столом заседаний. Черчилль испытал «огромное и горькое разочарование». По словам его друга Виктора Казалета (1896–1943), «Уинстон был в ярости от того, что не попал в правительство», «пренебрежительно отзывался о существующем руководстве» и был «переполнен беспокойства из-за немецкой угрозы»^[267].

Следующий лучик надежды забрезжил весной 1936 года, когда муслировавшийся некоторое время план создания нового ведомства, которое должно было объединить усилия по развитию армии, авиации и флота, был претворен в жизнь. Черчилль рассчитывал возглавить вновь созданное Министерство по координации обороны, считая себя идеально подходящим для этой должности. Но его карты спутал Гитлер, санкционировавший 7 марта вторжение 19 пехотных батальонов в демилитаризованную Рейнскую область. Черчилль еще в январе предсказывал этот акт немотивированной агрессии, который нарушал условия Версальского договора и Локарнских соглашений. 10 марта он планировал выступить с резким осуждением немецкой акции и призывом не оставлять ее без ответа. Однако перспектива возглавить новое ведомство вступила в коллизию с подобными тезисами, обострившими ситуацию и отношения с Болдуином. Черчиллю пришлось выбирать — сохранить верность взглядам или принести их в жертву ради карьеры. Он дал слабину и не стал в своем выступлении касаться злободневной темы. Спустя четыре дня было объявлено о новом назначении. Министерство по координации обороны возглавил... Томас Инскип (1879–1947), бывший генеральный атторней и генеральный стряпчий. Не считая четырехлетней службы в годы Первой мировой войны в военно-морской разведке, Инскип не имел отношения к военной проблематике и не был готов к исполнению возложенных на него обязанностей. Друг нашего героя профессор Фредерик Линдеман (1886–1957) назвал кадровое решение Болдуина «самым циничным поступком после назначения Калигулой своего коня сенатором»^[268].

На самом деле премьер-министр даже не рассматривал кандидатуру Черчилля. Он планировал предложить новый пост Невиллу Чемберлену, а после его отказа был вынужден искать срочную замену, сделав и в самом деле странный выбор. Мнение Болдуина в отношении бывшего коллеги, которого он считал талантливым, но ненадежным, лучше всего передают слова, сказанные им в мае 1936 года: «Когда Уинстон родился, к его

колыбели слетелось множество фей, наградивших его различными талантами: воображением, красноречием, усердием и другими способностями. И в этот момент подлетела еще одна фея, которая сказала: „Ни один человек не может иметь столько талантов“. Сказав это, она собрала все таланты вместе и так их перемешала, что их обладатель лишился здравого смысла и мудрости. Именно поэтому мы с таким восхищением слушаем Уинстона в Палате общин, но при этом никогда не следуем его советам». Похоже на высказывание о малолетнем Людовике XV (1710–1774): «Налицо все таланты, кроме одного — умения ими пользоваться»^[269].

После того, как Черчилля в очередной раз обошли стороной, предпочтя его военный опыт некомпетентности Инскипа, он вновь облачился в одежды отринутого пророка. Выступая в Палате общин, он заявил, что причины его опасений и недовольства состоят не в самом захвате Рейнской области, а «в масштабном перевооружении Германии в целом». Он рассматривал события на границе с Францией как еще «один шаг, один этап в процессе общей милитаризации». Своим захватом Рейнской области Гитлер стремился защитить Третий рейх с запада. Когда эта цель будет достигнута и «вырытые окопы преградят путь всякому, кто захочет войти в Германию через парадную дверь, у нацистов будут развязаны руки для вылазок черным ходом — в восточном и южном направлении». Тогда, предупреждал Черчилль, «положение Польши, Чехословакии и Австрии, а также прочих соседних государств изменится коренным образом». Отныне эти «страны живут под мерцающей тенью самого страшного меча, который когда-либо выковывала рука человеческая, который то поднимается в молниеносной угрозе, то снова ложится на точильный камень», — повторил он свою мысль в статье *Evening Standard* от 3 апреля.

Нельзя не отдать должное проницательности Черчилля. Но его прогнозы не встретили поддержки, лишь усиливая, как заметил Гарольд Макмиллан, «всеобщие сомнения в его здравомыслии»^[270].

Еще больше, чем откровенные выступления, репутацию Черчилля подмочило участие в кризисе отречения короля, пришедшемся все на тот же 1936 год. 20 января в поместье Сандригем, в Норфолке, скончался Георг V. Трон наследовал его старший сын Эдуард Альберт Кристиан Джордж Эндрю Патрик Дэвид, принявший имя Эдуарда VIII. Желая более активно участвовать в управлении государством, новый король быстро вступил в конфликт с архиепископом Кентерберийским и премьер-министром. Для

того чтобы остудить порывы монаршей особы, иерархи политической и церковной власти умело разыграли карту отношений Эдуарда с замужней американкой Бесси Уоллис Симпсон (1896–1986), у которой уже был за плечами один развод. Указав, что глава англиканской церкви не может вступить в брак с дважды разведенной женщиной, они поставили короля перед трудным выбором — либо любовь, либо корона. О серьезности намерений Болдуина можно было судить по тому факту, что в случае отказа принять озвученные условия он готов был подать в отставку, получив предварительно от лидеров Лейбористской и Либеральной партий заверения, что они также откажутся сформировать правительство. Одним из немногих политиков, кто встал на сторону короля в этот непростой момент, был Уинстон Черчилль. Он советовал выждать и продолжить стоять на своем, объясняя, что ни один премьер-министр не может заставить короля отречься от престола. Помимо хороших многолетних отношений с Эдуардом у Черчилля также был свой резон поддержать монарха. Он не исключал возможности сформировать партию короля и в случае конституционного кризиса возглавить правительство. Только король оказался сделан из другого материала и не был готов к упорной борьбе. Поддавшись давлению, он согласился на отречение. Черчилль призывал его повременить и даже выступил с эмоциональной речью в парламенте в защиту короля, которая обернулась фиаско. Против политика ополчились представители всех партий. По словам Эмери, «Уинстон был полностью ошарашен единодушной враждебностью палаты». Как записал в дневнике депутат-лейборист Гарольд Николсон (1886–1968), своим выступлением Черчилль за «пять минут разрушил то, что терпеливо восстанавливал в течение двух лет». В кулуарах он признается одному из коллег, что отныне его «политическая карьера закончена». Навредив своей репутации, наш герой не смог исправить положение. Утром 10 декабря Эдуард подписал акт отречения от престола. «Я искренне полагаю, что отречение было преждевременным и необязательным, — напишет Черчилль Ллойд Джорджу, который в этот момент находился в Вест-Индии. — Хорошо, что вас здесь нет». Новым монархом Соединенного Королевства стал второй сын короля Георга V Альберт Фредерик Артур Джордж, взявший для исполнения августейших обязанностей свое последнее имя и вошедший в историю как Георг VI^[271].

Следующий, 1937 год стал одним из самых спокойных в Европе в предвоенное пятилетие и одним из самых тяжелых в карьере Черчилля. Его выступления перестали слушать, его влияние на внутреннюю и внешнюю политику упало до пугающего минимума. Какое-то время он настолько

отчаялся, что даже хотел махнуть рукой на свои выступления. «Сегодня неофициальные лица почти не имеют влияния, — жаловался он в начале января. — Несчастный одиночка просто выбьется из сил, даже не успев создать ряби в потоке общественного мнения». Надир Черчилля совпал с зенитом премьер-министра. «Просто удивительно, насколько укрепляется позиция Болдуина всякий раз, когда он лишает нашу страну кого-то и чего-то важного», — заметил повергнутый политик в беседе с герцогом Вестминстерским. Самое время было использовать накопленный капитал для претворения в жизнь своих замыслов. Но честолюбие Болдуина, как и его расчетливость лежали в другой плоскости. Он относился к малочисленному клубу политиков, которые знали, когда нужно уходить, и покидали свой влиятельный пост на пике могущества. В мае 1937 года после коронации Георга VI он сложил с себя полномочия, передав сначала кресло премьер-министра, а затем лидерство в партии Невиллу Чемберлену^[272].

Черчилля связывали с семьей нового главы правительства многолетние отношения. Больше тридцати лет назад он мерился силами с его отцом, затем много лет активно сотрудничал с его сводным братом Остином, безвременную кончину которого в марте 1937 года сравнивал с уходом своего близкого друга Ф. Э. Смита — «ничто не сможет смягчить одиночество и заполнить пустоту», «порвалась едва ли не единственная связь со старыми великими временами»^[273]. Был у Черчилля и непосредственный опыт совместной работы с самим Невиллом — в правительстве Болдуина в 1924–1929 годах. Наш герой положительно отнесся к кадровым переменам, надеясь, что теперь-то ему, наконец, найдут достойное применение и введут в состав правительства. Он даже отложил запланированный отпуск, рассчитывая на скорое назначение.

Черчилль ошибся. В какой-то степени его перспективы вернуться стали при новом премьер-министре еще более эфемерными, чем при Болдуине. Трудно было найти более непохожих по темпераменту и стилю принятия решений людей, чем два «Ч». В то время как Черчилль отличался велеречивостью, порой давая увлечь себя красноречию, масштабностью, напором, широтой мышления и харизмой, прекрасно чувствуя себя в критических ситуациях, Чемберлен, наоборот, отдавал предпочтение доводам холодного разума, подходя к государственному управлению как к деловому предприятию. В нем слишком сильны были инстинкт бизнесмена и стремление к компромиссам, а также уверенность в том, что он способен договориться со всеми потенциальными противниками — Германией,

Италией и Японией. Также он делал ставку не на международные институты и механизмы коллективной безопасности, а на формат двухсторонних отношений.

По сути два государственных деятеля расходились как в целях, так и в средствах их достижений. Чемберлен, прекрасно знавший проблемы британской экономики и понимавший неспособность Британии вести одновременную войну с Германией, Италией и Японией, верил в политику умиротворения, в то время как Черчилль предупреждал, что заявления Гитлера о дружбе означают лишь просьбу «вернуть бывшие колонии», а также дать согласие на «развязывание немцам рук в Центральной и Южной Европе». Он считал предоставление подобной свободы грубейшей ошибкой, заявляя о недопустимости поддерживать «кипение нацистского котла за счет откусывания территорий» других стран. Относительно средств Черчилль видел основную угрозу практики двухсторонних соглашений в широких и неочевидных возможностях Гитлера добиваться своего путем стравливания бывших союзников друг с другом. Так, высказанная Черчиллем еще в период интервенции мысль о том, что Германия должна служить барьером против большевистской России, упала на плодородную почву и дала в 1930-е годы осязаемые плоды. Чемберлен и его сподвижники считали выгодным укреплять, развивать и поощрять милитаризацию Германии, как противовес СССР. Примечательно, что сам Черчилль относился негативно к собственному тезису пятнадцатилетней давности. Весной 1935 года он следующим образом описал его советскому послу в Лондоне И. М. Майскому (1884–1975): «Эти люди рассуждают так: все равно Германии где-то нужно драться, в какую-то сторону расширять свои владения — так пусть она лучше выкроит себе империю за счет государств, расположенных на востоке и юго-востоке Европы!» По словам британского политика, подобные взгляды являются «сплошным идиотизмом». Он считал, что «никаких уступок Гитлеру делать нельзя», поскольку «всякая уступка с нашей стороны будет истолкована как признак слабости и только окрылит Гитлера к повышению его требований». Еще в июле 1934 года он предложил Майскому: «Почему бы нам не объединиться в борьбе против общего врага?.. Я был противником коммунизма и остаюсь его противником, но ради целостности Британской империи я готов сотрудничать с Советами». Во второй половине 1930-х годов он пришел к стойкому убеждению, что единственным эффективным средством сдерживания нацистского монстра являет союз Британии, Франции и СССР. Но Чемберлен не воспринимал советов аутсайдера, чем вызвал у нашего героя лишь злобные высказывания в свой адрес. Черчилль сравнит

нового премьера с «муниципальным клерком, наблюдающим за европейской обстановкой не с того конца водосточной трубы», а в другой раз добавит: «В глубине безликой душонки Невилла нет ничего кроме низкой и подлой капитуляции»^[274].

Не встретив поддержки у нового премьер-министра, Черчилль сохранил свою оппозиционную линию, идя, по его собственным словам, «своим путем» и «действуя независимо в борьбе за безопасность нашей страны и всей цивилизации». Были у Черчилля и свои сторонники, правда, поддерживающие его не столько из политических убеждений, сколько из коммерческих интересов. Политика и бизнес были тесно переплетены на Туманном Альбионе, определяя как внутренние, так и внешнеполитические решения. Например, Н. Чемберлен и канцлер Казначейства Дж. О. Саймон владели акциями *Imperial Chemical Industries* («Имперский химический трест»), тесно связанного картельными соглашениями с немецкими концернами, что, как считают исследователи, могло оказывать влияние на принимаемые решения в пользу умиротворения Германии. Учитывая, что укрепление Третьего рейха теснило британцев в колониях, против политики умиротворения выступили тори, имевшие интерес в колониальном бизнесе. В парламенте заседали 35 депутатов-консерваторов, которые занимали в общей сложности 43 директорских поста в монополиях и трестах, связанных с Британским Содружеством наций — Южной Африкой, Канадой и Австралией. Они-то и стали новыми сторонниками Черчилля, который, кстати, даже по мнению советских историков, «не был связан непосредственно с какими-либо монополистическими группами»^[275].

В отличие от своих сосредоточенных на частном интересе коллег Черчилль и в моменты триумфа, и в период неудач оставался государственным деятелем, для которого были важны лишь потребности страны и собственная карьера. Финансовое же благополучие он обеспечивал игрой на бирже (не всегда успешно) и литературной деятельностью. Слово — устное и письменное — также стало основным орудием в его политической борьбе. У него был заключен договор с газетой *Evening Standard*, которая еженедельно публиковала его хлесткие заметки о внешнеполитической ситуации. Весной 1937 года он установил плодотворные отношения с Имре Ривезом^[276] (1904–1981), который через свое литературное агентство организовал распространение статей Черчилля за пределами Британской империи и Северной Америки. Отныне обзоры британского политика публиковались в ведущих изданиях Парижа,

Копенгагена, Стокгольма, Брюсселя, Люксембурга, Роттердама, Осло, Тронхейма, Хельсинки, Риги, Таллина, Праги, Цюриха, Люцерна, Женевы, Вены, Варшавы, Белграда, Бухареста, Будапешта, Сан-Пауло, Буэнос-Айреса и Каира.

Черчилль вел свою борьбу, но оппонирующие ему силы тоже не дремали. Сначала политику закрыли вход на Би-би-си, затем стали ограничивать его возможности в публикации статей. В ноябре 1937 года во время встречи с лидером Палаты лордов и лордом-председателем Совета Галифаксом Гитлер выразил свое недовольство британской прессой, которая, как считал фюрер, своим стремлением к объективности разжигает ненависть между двумя странами. Галифакс сделал нужные выводы и принял корректирующие действия.

Черчилль порицал «политику покорного повиновения», считая недопустимым «подчиняться чужой воле» и попадать в «орбиту влияния» Германии. Он обрушился с критикой на *The Times*, которая «постоянно выступает адвокатом Германии в большинстве эпизодов, характеризующих ее политику», заметив, что «безопасность собственной страны должна значить больше, чем выбор слов в высказываниях о других странах». Выступая в парламенте, он заявил и предупредил: «Когда будет установлен контроль над британской прессой, отчасти прямой, но в большей степени косвенный, когда все средства выражения общественного мнения утратят свой авторитет и с готовностью пойдут на любые уступки, мы отправимся дальше по этапу под нацистским конвоем...»

В марте 1938 года с ним связался главный редактор *Evening Standard* Реджинальд Томпсон (1896–1956) и сообщил, что из-за разногласий с политическими воззрениями автора издание вынуждено разорвать с ним контракт. Удар оказался неожиданным и болезненным. Черчилль не только потерял площадку для высказывания собственных взглядов, но и лишился 1800 фунтов годового дохода. Положение удалось восстановить благодаря дружбе с владельцем *Daily Telegraph* Уильямом Берри, 1-м бароном Камроузом (1879–1954), который согласился публиковать статьи в своем издании^[277].

Пока Черчилль боролся за право знакомить общественность со своими взглядами, Европа содрогнулась от новых актов немотивированной агрессии. В марте 1938 года к Третьему рейху была присоединена родина фюрера Австрия. В сентябре настала очередь Чехословакии. «По-видимому, должна произойти катастрофа, прежде чем что-то стоящее, что могло ее предотвратить, возможно будет сделать», — делился Черчилль с супругой своими грустными наблюдениями в июле 1938 года. Сам он

считал, что нужно действовать, потребовав от руководителей страны предъявления Германии ультиматума. Но вместо этого Чемберлен вылетел на переговоры сначала в Берхтесгаден, затем в Гудесберг. «Если выбирая между войной и позором, правительство выбирает позор, то в скором времени оно получит и позор, и войну», — предупредил Черчилль. В своей очередной статье он охарактеризовал «расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции» как знак «капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы». 29 сентября, когда главы правительств Италии, Франции и Британии направились в Мюнхен придать легитимность захватнической политике Гитлера, Черчилль со своими сторонниками собрались в отеле *Savoy*. Было решено направить премьер-министру телеграмму с выражением протеста нарушения территориальной целостности Чехословакии. Составили проект послания, но Энтони Иден (1897–1977) и Клемент Эттли отказались ставить свои подписи. Телеграмму решили не отправлять. Участники импровизированной встречи стали потихоньку расходиться. «Уинстон продолжал сидеть в своем кресле неподвижно, словно высеченный из камня, — вспоминала Вайолет Бонэм Картер. — Слезы наполнили его глаза. Я чувствовала, как закалялась его душа». «Из чего сделаны эти люди? — неожиданно произнес он. — Недалек день, когда уже не нужны будут подписи, расплачиваться придется жизнями, жизнями миллионов людей. Сможем ли мы выжить? А заслужили ли мы выживание, проявляя повсюду трусость!» На следующий день, прочитав из газет о подписании Мюнхенского соглашения, Черчилль принялся обсуждать с Клементиной, а также с младшим сыном экс-премьера маркиза Солсбери и прошлогодним лауреатом Нобелевской премии мира Робертом Гаскойн-Сесилом 1-м виконтом Сесилом Челвудским (1864–1958) идею демарша — направиться на Даунинг-стрит и швырнуть кирпич в окно резиденции премьер-министра^{[278][279]}.

До хулиганства не дошло. Черчилль обратился к проверенному средству — выступлению в Палате общин. 5 октября он выступил с продолжительной (45 минут) и знаковой речью, в которой констатировал, что в результате трусости и недальновидности руководство Британии и Франции поставило «под угрозу безопасность и даже независимость» своих стран. После подобных обличений и без того прохладные отношения с Чемберленом охладели еще больше. На этот раз против независимого политика выступила партийная машина, в результате чего Черчилль даже был вынужден предложить сложение с себя парламентского мандата и участие в дополнительных выборах. К счастью для него, до этого не дошло.

Но на состоявшемся вотуме доверия он одержал победу в соотношении всего три к двум. Это были «мрачный час» и «угрюмая зима», признавался он впоследствии^[280].

Помимо давления на политическом фронте Черчилля также подвергли обструкции на ниве публицистики. Европейские издания, где публиковался британский политик, жили за счет рекламодателей, немалую долю которых составляли немецкие концерны *I. G. Farbenindustrie AG*, *Opel* (принадлежавший американской *General Motors*), *AEG* и др. Одной беседы представителей немецкого бизнеса с руководством изданий было достаточно, чтобы наложить табу на публикацию политических очерков несогласного британца. Иногда судьба статей Черчилля решалась и в более высоких кабинетах. Например, один из членов немецкого правительства открытым текстом объяснил главе внешнеполитического ведомства Дании, что если они и впредь хотят поддерживать торговые отношения с Германией, то должны исключить антинацистские заявления в своей прессе. Аналогичные беседы состоялись с руководством Швеции и Норвегии. «Как вы можете наблюдать, террор распространяется по Европе, — сказал Ривз Черчиллю. — Прямая интервенция Германии является случившимся фактом»^[281].

Все эти удары были болезненны для отставного политика, которому в ноябре 1938 года исполнилось 64 года — до официального выхода на пенсию оставался один год. Друзья и коллеги стали все больше замечать, что былая энергия и знаменитая быстрота суждений стали Черчиллю изменять. Но чего у него нельзя было отнять, так это веру в себя и свою судьбу. Не опуская рук, он продолжал писать и выступать. Весной 1938 года он решил издать новый сборник текстов выступлений, посвященных международной обстановке. Об издании сборника, в который вошел текст 41 выступления в период с октября 1928 года по март 1938 года, он договорился с Джорджем Харрапом. В качестве названия автор рассматривал разные варианты от «Война в маскарадном костюме», которое отсылало к строкам сатиры Джона Драйдена (1631–1700) «Авессалом и Ахитофель» («...И мир является войной в маскарадном костюме») до «Годы, которые пожрала саранча» с аллюзией на Библию. Последнее выражение Черчилль использовал в речи 12 ноября 1936 года. В итоге сборник вышел под заголовком «Оружие и Устав», который олицетворял гранитные основы авторской позиции со ставкой на перевооружение («Оружие») и коллективную безопасность в соответствии с Уставом Лиги Наций («Устав»)^[282]. Сборник вышел в свет в конце июня

1938 года. Весной 1939-го Черчилль решил подготовить второй сборник, в который включил 82 статьи, написанные им в период с марта 1936 года до мая 1939 года для *Evening Standard* и *Daily Telegraph*. Новый сборник, получивший название «Шаг за шагом», был издан у Торнтона Баттеруорта в июне 1939 года.

Оба сборника вызвали положительные отклики и не прошли незамеченными. Известно, что «Оружие и Устав» стал настольной книгой президента США Франклина Рузвельта, который держал ее около своей постели, а также вдохновил преемника Ф. Д. Р. — будущего главу Белого дома Джона Ф. Кеннеди (1917–1963) на написание своей дипломной работы в Гарварде «Политика умиротворения в Мюнхене». Сборники прочитали не только сторонники и последователи Черчилля, но и его оппоненты. Ожидая решения Нюрнбергского трибунала, с немецким переводом «Шаг за шагом» ознакомился в тюрьме Герман Геринг (1893–1946). На полях он написал карандашом, что «прочитал книгу с большим интересом».

Два сборника с материалами, написанными по случаю, а также другие публикации и заявления Черчилля в этот период дают наглядное и подробное представление о политической философии их автора. Черчилль выступает в них убежденным противником тирании и тоталитаризма. Он видит в этих явлениях «угрозу и вызов всем общечеловеческим ценностям», поскольку они лишают свободы — «свободы мысли, свободы слова, свободы вероисповедания, свободы передвижения и свободы печати». По мнению Черчилля, они нарушают основной принцип государственного устройства, когда «правительство служит народу, а не народ — правительству». В его понимании, государство «защищает и охраняет права своих граждан», в том числе от «амбиций, жадности, злобы и прихотей правителей», государство дает народу «право голоса в делах управления своей страной и право прибегать к защите закона даже против самого государства». Иначе какой смысл в парламенте, если он не является «местом, где озвучиваются честные заявления»? Какой «смысл направлять депутатов» в Палату общин, если они «говорят только то, что популярно сегодня» и «громко приветствуют любую пошлость министров»? — вопрошает Черчилль, по мнению которого парламент был создан «не только для принятия хороших законов, но и предотвращения плохих». Черчилль относил любые формы ограничения свободы и единоличной власти к призракам «из тьмы Средневековья» с их «расовыми гонениями, религиозной нетерпимостью, подавлением свободы слова, представлением о гражданине как о простейшей, бездушной частице государства». Но в

свете дня призракам нет места. Так и диктатура — это «слепое, жалкое, фетишистское поклонение одному человеку», по своей сути — «довольно примитивный общественный строй», не более чем «переходное явление». И те, кто дорвался до власти, узурпировал власть и превратил самих себя во власть, «разрушив жизни миллионов ради достижения своих планов», в понимании Черчилля — временщики. Еще в октябре 1937 года он выразит надежду, что все диктаторы современности «исчезнут так же, как в прошлом исчезали другие омерзительные создания»^[283].

Черчилль не только осуждал тиранию, но и выводил три закономерности, свойственные, по его мнению, любым формам единоличного правления.

Во-первых, единовластие процветает в странах с низким уровнем социально-экономического развития, поскольку основные средства расходуются на поддержание диктатуры и развитие армии. Последняя играет важную роль как средство противостояния внешнему врагу, который всегда есть — реальный или мнимый, и часто используется для участия во внешних авантюрах для преодоления внутренних проблем. Рассуждая в марте 1936 года о будущем поведении Гитлера, Черчилль акцентировал внимание на «исчерпании бюджета Германии», которое, по его прогнозам, «очень скоро» должно было поставить руководство НСДАП перед выбором «между финансово-экономическим крахом и войной». Схожую мысль он повторил в статье в *Evening Standard*: «Финансовое и экономическое давление в самой Германии достигает такого напряжения, что правительству герра Гитлера довольно скоро останется лишь выбирать между внутренним и внешним взрывом».

Во-вторых, каждый диктатор стремится к всевластию, оставаясь при этом пленником своего аппарата — этой амальгамы сторонников, объединенных вместе «строгими правилами», «партийной доктриной», руководимых либо «стремлением к коррупции», либо «жаждой личной власти», либо «наслаждением от травли и гонений». «Диктатор может двигаться только вперед; назад ему пути нет, — объясняет Черчилль. — Он должен наводить своих гончих на след и спускать их на зверя, иначе он, подобно древнегреческому Актеону, сам будет растерзан».

В-третьих, диктаторы и тираны являются рабами собственного страха. «Они боятся слов и мыслей, — указывает британский автор. — Стоит крохотному мышонку идеи юркнуть в комнату, как самые могущественные владыки впадают в панический страх. Они делают отчаянные попытки запретить мысли и слова; они боятся работы человеческого интеллекта». Именно по этой причине они «мучают до смерти в концентрационных

лагерях философов, учителей и писателей» и запрещают «безжалостными полицейскими методами» узнавать людям правду. Управление общественным мнением играет с диктаторами злую шутку, ограничивая их самих в получении актуальных, достоверных и полных данных. В то время, пока они сообщают народу лишь ту информацию, которая усиливает достижения диктаторов, собственные подчиненные держат их в неведении, «скармливая им лишь те факты, которые они способны переварить». Из-за отсутствия «независимых голосов» «скандалы, продажность и недостатки не выявляются», а «продолжают гнить за помпезным фасадом государства». В этом проявляется еще одна форма бессилия диктаторов. Несмотря на свою внешнюю властность и декламируемую мощь, на самом деле «их уши глухи, их пальцы окоченели, они не чувствуют ног, двигаясь вперед в тумане и темноте неизмеримого и неведомого»^[284].

Пока Черчилль пытался достучаться до ушей и умов властей предрежащих, мир скатывался в пучину новой мировой войны. Понимая, что его страна не выстоит одна, британский политик настаивал на образовании новой Антанты. Во время своей очередной беседы с советским послом И. М. Майским в апреле 1939 года он подчеркнул, что Британии и Европе «требуется помощь России». Одновременно он убеждал своих коллег, что «нацизм угрожает основным интересам русского государства» и основу «Великого альянса» должно составить «достижение взаимопонимания с Россией»^[285]. Но от него отмахивались, продолжая цепляться за мертворожденную идею с санитарным кордоном (*cordon sanitaire*) и придерживаясь эгоистической политики ослабления коммунистической и нацистской держав в совместной борьбе друг с другом. Британские стратеги переиграли сами себя, упустив пакт Молотова — Риббентропа и оказавшись перед началом самого страшного противостояния в истории человечества без могущественного союзника, который был единственной силой, способной остановить распространение коричневой чумы и обеспечить победу в предстоящем военном конфликте.

Третьего июня 1939 года *Collier's* вышла с новой статьей Черчилля: «Сейчас или никогда». Апологет индивидуализма, он с ужасом наблюдал, в какой «гротеск» превратилось мировое положение, когда ни «правители», ни «массы с предоставленным им правом голоса», ни «воля большинства», ни «парламентские институты», ни «массовое сознание» — ничто из этих общественных элементов, призванных управлять и предотвращать, не в состоянии остановить начало всемирной катастрофы. Судьба мира стала зависеть не от масс, а от «настроения, темперамента и решения одного-

единственного человека, поднявшегося из глубокой безвестности к грозным вершинам, с которых он способен ввергнуть большую часть человечества в неизмеримую катастрофу и бедствия». Черчилль предлагал Гитлеру «остановиться» и «подумать хорошенько, прежде чем ринуться в ужасную неизвестность». Он предупреждал, что «необычный человек, находящийся на вершине власти, может произвести огромный взрыв», но «огромные куски и осколки, выброшенные взрывом, могут обрушиться на собственную голову этого человека и уничтожить его вместе со всеми теми, кто стоит рядом с ним». А что до мира, то он «пойдет дальше своим путем». Но Черчилля не слушали ни в родной стране, ни в Германии. Планы уже были составлены, документы подписаны, команды прошли от высших до низших эшелонов военной иерархии. По словам Черчилля, воцарилось «молчание напряженного ожидания, молчание страха»^[286].

В середине августа Черчилль отправился во Францию, посетив линию Мажино, а также найдя время для занятия живописью. Своему другу Полю Мазу он сказал, что сейчас они пишут с ним «последние картины в мирное время». Заметив, что «такого долго не будет», он начал говорить о численности и боеготовности немецких войск, повторяя: «они сильны, поверьте мне, они сильны». Как вспоминал впоследствии Маз, произнося эти слова, Черчилль «с силой сжал зубами свою большую сигару», так что окружающие «почувствовали его решимость». Во время автомобильной поездки из Дрё в Париж, увидев колосья созревшей пшеницы, Черчилль сказал секретарю: «До того, как будет собран урожай, начнется война». 23 августа политик вернулся на родину. В последний летний день он допоздна работал над очередным историческим проектом, признавшись одному из помощников, что «иметь возможность погрузиться в прошлые века во времена подобные нашим — настоящее утешение». Через несколько часов после того, как он отправился спать, Германия напала на Польшу. В 8.30 утра с Черчиллем связался польский посол Эдвард Рачиньский (1891–1993). В 10.00 Черчилль позвонил в Военное министерство, сообщив о полученной от польского посла информации об авианалетах на Краков и Варшаву.

Пока наш герой был во Франции, *The Times* опубликовала обращение 375 сотрудников университетов (в том числе 70 профессоров и шести директоров колледжей), требовавших возвращения Черчилля в правительство. По мере приближения кризиса популярность отставного политика начала стремительно расти. Годы ошибок, унижений и остракизма оказались бессильны остановить этот тренд. Впервые за десять лет у Черчилля появилась реальная возможность вернуться в большую

политику. Вечером 1 сентября он направился в Лондон на заседание парламента, заехав предварительно по просьбе премьер-министра на Даунинг-стрит. Чемберлен предложил ему войти в состав Военного кабинета в качестве министра без портфеля. Черчилль согласился. Но о назначении объявлено не было. Черчилль ждал, что его пригласят на следующий день, но телефон молчал. Чемберлен продолжал колебаться, что нашло выражение не только в приглашении Черчилля, но и в вопросе с отправкой ультиматума. Сначала англичане ограничились нотой, затем Чемберлен предложил обтекаемые формулировки, которые позволяли Британии избежать вступления в конфликт. Позиция премьер-министра получила негативную оценку в парламенте. Будучи связан обещанной должностью, публично Черчилль хранил молчание, выражая свое недовольство в близком кругу, а также в письмах главе правительства, которые диктовал в эти решающие часы. Среди прочего он просил Чемберлена определиться и объявить в парламенте о своем назначении. Ближе к полуночи 2 сентября Чемберлен и его ближайшие сторонники все-таки приняли решение направить ультиматум, что было сделано в 9.00 утра следующего дня. Германии давалось два часа на прекращение огня в Польше. Ответа не последовало. В 11.00 Британия объявила войну Германии, а вопрос с Черчиллем по-прежнему оставался не решен. Определенность появилась, когда после заседания парламента 3 сентября Чемберлен официально пригласил политика в свой кабинет, где предложил ему возглавить Адмиралтейство. Через несколько часов на все корабли Королевского флота пришла радиограмма — «Уинстон вернулся!»^[287].

Глава четвертая
Кормчий
1939–1945

Снова война, снова Адмиралтейство

Деятельность Черчилля в период Второй мировой войны принято рассматривать в пафосном свете, когда он благодаря своей энергии, прозорливости и силе духа обеспечивал принятие и реализацию правильных решений. Это упрощенный взгляд. Черчилль, действительно, выделялся личными качествами, но военный период не был проторенной дорогой к легким успехам. Это были годы выматывающей и перманентной борьбы — борьбы не только с противником, но и с неподдающимися ограничениями, объективными издержками, системными проблемами и неконтролируемыми коллегами, в ходе которой допускались ошибки и пересматривались взгляды.

Борьба началась с первых же дней работы Черчилля в Адмиралтействе. Возглавляемое им ведомство отвечало за решение четырех основных задач: оборону метрополии и участие в боевых действиях на Среднем и Дальнем Востоке; обеспечение блокады с перехватом торговых судов противника и сопровождением их в контролируемые британским ВМФ порты; переброску Британских экспедиционных сил во Францию; защиту судов, обеспечивающих снабжение Острова, путем организации конвоев. Для решения этих задач требовались ресурсы, которых не хватало. Например, с учетом флотов доминионов в наличии имелось всего 58 крейсеров, а для патрулирования необходимо было не менее 70 боевых кораблей этого класса — тех самых 70 крейсеров, на строительство которых Черчилль отказался выделить соответствующее финансирование в 1925 году.

Ограниченность ресурсов сказалась также на утверждении программы кораблестроения. Черчилль предлагал вместо строительства пяти запланированных линкоров класса *King George V* («Король Георг V») сосредоточить усилия максимум на строительстве четырех кораблей, которые могут вступить в строй до 1942 года, а также приостановить строительство четырех линкоров следующего поколения — *Lion* («Лев»), которое было одобрено до начала войны. Против подобных предложений выступил первый морской лорд и начальник Военно-морского штаба адмирал флота сэр Дадли Паунд (1877–1943). Он считал, что подобное изменение приоритетов может привести к быстрому старению Королевского флота после окончания войны, что в свою очередь негативно скажется на защите имперских интересов на Дальнем Востоке. Черчилль,

напротив, хотел сосредоточить усилия на защите коммуникаций, обеспечивающих снабжение Острова, и своими предложениями пытался высвободить ресурсы для строительства эсминцев и эскортных кораблей. Этот спор указывал на различие в стратегических подходах, когда для Черчилля главным противником была Германия, а Паунд учитывал вступление в войну Италии и Японии, для борьбы с которыми нужны были современные линкоры. Примечательным было то, что происходил этот спор между двумя главными руководителями Адмиралтейства. В итоге 28 сентября Советом Адмиралтейства было принято компромиссное решение — отложить строительство четырех корпусов линкоров класса *Lion* на год без переноса конечной даты завершения строительства судов. Черчилль был не удовлетворен подобным решением, но настоять на своем у него не хватило власти и сил^[288].

С другой реальией войны, когда даже в самых тщательно проработанных планах всегда найдется место для неожиданной неприятности, Черчилль столкнулся в середине октября. 14-го числа, проникнув на главную военно-морскую базу Королевского флота Скапа-Флоу на Оркнейских островах на севере Шотландии, немецкая подлодка *U-47* капитан-лейтенанта Гюнтера Прина (1908–1941) потопила стоявший на якоре линкор *Royal Oak* («Королевский дуб»). Погибло более 800 офицеров и матросов, включая командира 2-й боевой эскадры контр-адмирала Генри Блэгроува (род. 1887). Если бы Черчилль не был недавно назначен на свой пост и нес бы персональную ответственность за общую неэффективность и промедление в подготовке к защите Скапа-Флоу в последние предвоенные годы, столь легкое потопление линкора в самом защищенном месте, воспринятое многими как оскорбление, могло стоять ему занимаемой должности. Скапа-Флоу была признана небезопасной, и теперь до завершения работ по ее переоборудованию Черчиллю нужно было определить новое место размещения ВМФ. Он склонялся в пользу базы Розайт на Восточном побережье, которая была хорошо защищена, имела значительную артиллерийскую поддержку и обеспечивала присутствие в Северном море, что служило серьезным сдерживающим фактором для наступательных инициатив противника. Военно-морские эксперты отдавали предпочтение базе Клайд на Западном побережье, считая Розайт более уязвимым для атак с воздуха. Как Черчилль ни пытался убедить своих подчиненных, ему это снова сделать не удалось. Флот перебазировался на время в Клайд^[289].

Помимо споров с коллегами ситуацию осложняли ошибочные

суждения самого Черчилля. Он не видел для кораблей смертельной угрозы в подводных лодках и авиации, считая, что с первым позволяет справиться гидролокатор ASDIC, а со вторым — зенитные установки на кораблях. В несовершенстве ASDIC первый лорд убедился после потопления *Royal Oak*, указав Паунду на «провал наших методов [противолодочной борьбы], которые Адмиралтейство так громко расхваливало до войны». Прозрение в отношении зениток наступит несколько позже — в декабре 1941 года. Черчиллю пришлось пересматривать свои взгляды не только в отношении ВМФ, но и других видов вооруженных сил, а также общей стратегии. Придавая большое значение стратегической авиации, он не видел пользы от ее тактического аналога. По его мнению, она представляла для сухопутных сил «дополнительную трудность». Также стоя у истоков создания танка, он находил, что противотанковые орудия сделали бронемшины неэффективными. Ошибался Черчилль и в отношении будущих противников. Он отказывался признавать угрозу Сингапуру, Австралии и Новой Зеландии со стороны Японии, а в случае вступления в войну Италии рассчитывал на установление контроля над Средиземноморским бассейном в течение двух месяцев. Вместо двух месяцев англо-американским войскам потребуется три года на возвращение контроля над регионом, что же касается Японии, то она не только вступит в войну, но и оперативно захватит Сингапур, создав угрозу для Дальневосточных доминионов. Черчиллю предстояло еще многому научиться, и в первую очередь признанию ошибочности своих принципов, а также способности их пересматривать, отказываясь от неправильных установок^[290].

Черчилль с его не всегда правильной точкой зрения и постоянными спорами внутри Адмиралтейства являлся лишь частью более сложной системы принятия решения, состоящей из трех основных иерархических уровней. Главным органом управления являлся Военный кабинет в составе девяти человек (в том числе Черчилля) под руководством премьер-министра. Далее шел Военный координационный комитет, состоящий из трех военных министров (государственных секретарей по военным делам и по авиации, первого лорда Адмиралтейства), министра снабжения, начальников штабов трех видов вооруженных сил и министра по координации обороны (председателя комитета). На третьем уровне находился Комитет начальников штабов, в который входили начальник Имперского генерального штаба, начальник Военно-морского штаба и начальник Штаба военно-воздушных сил. Комитет начальников штабов включал в свою очередь Комитет объединенного планирования и Объединенный разведывательный комитет. Таким образом, информация в

Военный кабинет поступала как минимум по трем каналам: из Военного координационного комитета, напрямую от руководителей трех военных ведомств, а также от Комитета начальников штабов, что приводило к появлению противоречивых сведений и усложняло процесс принятия решений.

Но основная проблема заключалась не в запутанных информационных каналах, а в тех людях, которые приводили эту систему в действие. Отстаивая на протяжении последних нескольких лет политику умиротворения, Чемберлен и его сподвижники не смогли перестроиться с началом войны. Их вид, слова и поведение были лишены наступательного духа. Не исключая возможности перемирия, они с осторожностью относились ко всем инициативам, которые могли разозлить Гитлера и закрыть дверь мирных переговоров. Черчилль тоже размышлял над вопросом перемирия. Когда после разгрома Польши Гитлер в своей речи в Рейхстаге 6 октября 1939 года предложил Британии заключить перемирие, Черчилль направил премьер-министру свою версию проекта ответа, в которой отметил, что рассматривать подобные предложения можно только, если Германия «поступками, а не словами» докажет искренность своих намерений прекратить дальнейшее распространение войны, что означало бы освобождение Польши и Чехословакии от нацистского ига^[291]. Но в целом на фоне своих апатичных, осторожных и нерешительных коллег Черчилль выглядел белой вороной. Он был настроен сражаться до конца. Он излучал уверенность в том, что Британия выстоит и одержит победу, он заряжал энергией и олицетворял наступательный дух, он вдохновлял на борьбу и осуждал бездействие. Если четверть века назад он был одним из немногих, кто понимал, что представляет собой современная война и как ее следует вести, то теперь он был единственным гражданским лицом среди руководства страны, кто имел опыт решения схожих проблем и обладал личными качествами, соответствующими тревожной обстановке.

За сорок лет в политике, пройдя и через упоение побед, и через горечь поражений, Черчилль воспитал и развил в себе лидерские качества, которые осенью 1939 года оказались более чем уместны. Одной из граней его лидерства стали публичные выступления, в которых он говорил не от имени своего ведомства, а от имени всей нации. Уже в первый день работы в Адмиралтействе он заявил в парламенте, что начавшаяся война «не является вопросом борьбы за Данциг или за Польшу», это борьба за «спасение всего мира от эпидемии тирании нацизма и защиту всего святого для человечества... это война за утверждение на неприступной скале прав каждой личности и человеческой чести». 26 сентября он вновь взял слово в

Палате общин, дав краткий обзор военного положения на море и борьбе с подводными лодками. До этого у курьерского ящика стоял Н. Чемберлен. Сравнивая их выступления, Гарольд Николсон записал в дневнике: в то время как «неадекватность и отсутствие вдохновения» у премьер-министра «стали очевидным даже для его ближайших сторонников», «ощущалось, как моральный настрой депутатов возрастал после каждого слова» Черчилля, который «за двадцать минут никогда еще так близко не подходил к посту премьер-министра». «После заседания в кулуарах даже сторонники Чемберлена перекидывались такими фразами, как „Теперь мы обрели нашего лидера“», — отметил Николсон. Через несколько дней Черчилль выступил по радио, заявив: «Наше нежелание сражаться было высмеяно как трусость. Наше желание увидеть мир безоружным было объявлено как доказательство нашего разложения. Сейчас мы начали борьбу. Сейчас с Божьей помощью и с убеждением, что мы защищаем цивилизацию и свободу, мы будем упорно и стойко добиваться своего до конца». Норман Брук (1902–1967), занимавший впоследствии пост секретаря Кабинета, вспоминал, что именно после этого выступления он «впервые осознал, что Черчилль как раз тот „пилот во время шторма“, который проведет нас через кризис войны». Слушая речь первого лорда, он окончательно убедился в том, что пути назад нет: «Больше предотвращать войну нельзя — мы в состоянии войны; и вот человек, которому можно доверить руководство со всей энергией и решимостью».

Речь главы Адмиралтейства вызвала также одобрительную реакцию Чемберлена. Своей сестре он охарактеризовал ее как «замечательное выступление по радио». Восхищаясь отдельными заявлениями коллеги, в целом Чемберлен не испытывал симпатий к ораторской активности первого лорда, которая выставляла его — главу Военного кабинета — в невыгодном свете. Через несколько недель после обращения Черчилля к радиослушателям премьер-министр подготовил распоряжение, предписывающее всем членам правительства согласовывать тексты и сами радиовыступления с лордом-хранителем Малой печати Самюэлем Хором, 2-м баронетом (1880–1959). Черчилль негативно отнесся к подобным нововведениям. Отметив, что выступления министров продиктованы «их великолепным знанием политики правительства», а также признавая право главы правительства «направлять меня в этом вопросе», Черчилль считал, что если согласования не избежать, то оно должно осуществляться лично премьер-министром. «Я буду ожидать вашего приглашения перед моими выступлениями, и, если я буду чувствовать, что это мой долг, я сам приеду к вам», — заявил он Чемберлену, тем самым дав понять, что всякий раз,

когда премьер начнет вмешиваться в составление речей нашего героя, его будут ждать неприятные обсуждения со знающим толк в дискуссиях подчиненным.

Выступления Черчилля продолжились. Негативная реакция — тоже. В конце января 1940 года глава внешнеполитического ведомства лорд Галифакс направил Черчиллю тринадцатистраничный дайджест иностранной прессы, в котором 12 страниц занимали негативные отзывы в нейтральных странах (Норвегии, Нидерландах, Швейцарии, Дании и Бельгии) на очередное выступление нашего героя. Эксперты Форин-офис считали, что «подход мистера Черчилля менее всего продуктивен» для реализации политики привлечения «нейтральных стран на нашу сторону». Галифакс разделял взгляды своих подчиненных. Он предложил Черчиллю, когда тот будет выступать по вопросам внешней политики, предварительно знакомить Форин-офис с тезисами предстоящей речи. «Есть большая разница между тем, что можно говорить в личных беседах и на публике», — менторским тоном заявил Галифакс. В ответ Черчилль объяснил, что не высказывался о внешней политике. Относительно озвученной просьбы, в целом он не возражал знакомить Галифакса с основными положениями своих речей, заметив, правда, «если я сочту, что действительно существует потребность вас побеспокоить». В заключение он добавил: «То, что говорят нейтральные страны, сильно отличается от того, что они чувствуют, или от того, что должно произойти». В приватной беседе он был более откровенен, заявив, что «не давать мне выступить то же самое, как пустить сороконожку, запрещая ей касаться земли»^[292].

Делая себе имя на публичных выступлениях, Черчилль понимал, что для сокрушения противника нужно не только слово, но и дело. Наш герой выступил с тремя наступательными инициативами. Первая операция, получившая название в честь российской императрицы «Катерина» (*Catherine*), предполагала вторжение в Балтийское море и установление контроля над ним. Это была старая заготовка, относящаяся к идейному наследию адмирала Фишера. Вторая операция — «Морской пехотинец» (*Royal Marine*) — предусматривала минирование немецких рек с разрушением речной инфраструктуры и нарушением речного судоходства противника. Операцию планировалось проводить совместно с французами, по рекам которых должны были сплавляться мины, британцы в свою очередь должны были сбрасывать мины с воздуха. Третья операция была направлена на прекращение поставок в Германию железной руды, поступавшей из Швеции через Ботнический залив и Балтийское море. В зимние месяцы, когда пролив замерзал, руда поставлялась через

незамерзающий порт Нарвик, расположенный на севере Норвегии и имевший железнодорожное сообщение со Швецией. Черчилль предложил заминировать территориальные воды Норвегии и нарушить каналы поставки.

Все три операции встретили стойкое сопротивление коллег. В отношении «Катерины» военно-морские эксперты считали, что ответные действия люфтваффе не позволят решить никаких задач, приведя лишь к существенным потерям с британской стороны. По сути они были правы, но Черчилль продолжил настаивать на своем, обратившись за поддержкой к известному своим наступательным настроем адмиралу флота Уильяму Бойлу 12-му графу Корку и Оррери (1873–1967). Первого лорда даже не смутило, что его протеже исполнилось на тот момент уже 66 лет, и последний раз он командовал флотом пять лет назад. К слову, подобные кадровые решения с предпочтением устаревших и убеленных сединами военных были довольно распространены в то время среди союзников. К ним обращались французские политики, позволив решать судьбу страны героям Первой мировой — ровеснику лорда Корка Морису Гамелену (1872–1958), 72-летнему Максиму Вейгану (1867–1965), 83-летнему Филиппу Петену (1856–1951). К ним обращался и Черчилль, окруживший себя пенсионерами — лордом Корком, адмиралом флота сэром Роджером Кийсом, адмиралом сэром Эдуардом Эвансом (1880–1957), адмиралом сэром Фредериком Дрейером (1878–1956). На что даже начальник Имперского генерального штаба воскликнул: «Мы что, собираемся проиграть эту войну с героями прошлой войны?!» Поняв, что неактуальный опыт прошлых успехов может являться серьезной обузой в изменившихся обстоятельствах, Черчилль быстро перестроится и даст дорогу более молодым именам. Что касается лорда Корка, то сначала он благожелательно отнесся к операции «Катерина», считая ее «полностью выполнимой — рискованной, без сомнения, но по этой самой причине содержащей зерно великого триумфа». Однако Паунд и его эксперты оказались более убедительны, доказав бесперспективность и опасность подобной инициативы. Черчилль не свикся со своим поражением. В марте 1940 года со своего поста был снят начальник Управления планирования капитан Виктор Данквертс (1890–1944), проявивший особое рвение в критике балтийского наступления. Вскоре от занимаемых должностей были освобождены и три его заместителя, словно в назидание остальным^[293].

У «Морского пехотинца» были противники иного рода. Главный юрисконсульт Форин-офиса Уильям Малкин (1883–1945) подготовил в декабре 1939 года подробный меморандум на предмет юридических

аспектов использования авиации для установки плавучих мин, а также рассмотрения вопросов возмездия и ответных действий со стороны противника. Черчилль увидел в этом документе серьезную угрозу своим начинаниям. Опасаясь, что «какой-нибудь испуганный тупица из Министерства авиации начнет искать убежище под юбкой Малкина», он предметно рассмотрел меморандум юрисконсульта и дал комментарий на каждую мысль эксперта. Он нашел рассуждения Малкина о юридической стороне операции «основанными на ложных предпосылках и тщательно продуманными для помех британской стороне с одновременным предоставлением полной свободы действий противнику». Опасения юриста относительно реакции немцев он подытожил саркастической фразой на полях: «Не раздражай их, дорогой!» В целом подход Малкина — «я ничего не могу сделать, пока вы снова не нарушите закон» — Черчилль охарактеризовал как «глупое измышление». На заключительные слова юрисконсульта «поэтому сомнительно, что проект является разумным» он жирно написал — «Чушь». Черчилль также связался с министром авиации, сообщив ему, что главным недостатком позиции Малкина является смешивание на текущей стадии обсуждения технических аспектов с вопросами международного права и государственной политики. По его мнению, сначала необходимо разобраться, будет ли эта операция успешной и к каким ответным действиям противника она приведет, и только потом после прохождения этого этапа выносить обсуждение на уровень Кабинета, который займется изучением более широких юридических и политических вопросов^[294].

На этот раз Черчилль оказался успешным. 6 марта 1940 года Военный кабинет утвердил минирование с использованием четырех типов мин, за установку двух из которых отвечало Адмиралтейство, а двух других — Министерство авиации. Учитывая, что операция должна была проводиться совместно с французами, многое зависело и от них. Сначала в Париже поддерживали идею минирования, называя ее «очень ценной диверсией в тылу врага во время наступления», однако со временем пыл французов поубавился. В конце марта 1940 года во Франции сменился премьер-министр. На смену Эдуару Даладье (1884–1970), который сохранил пост военного министра, пришел Поль Рейно (1878–1966). Последний согласился начать установку речных мин 4 апреля, а к воздушной части операции перейти 15-го числа. Но одного его согласия оказалось недостаточно. Совместное англо-французское решение должен был одобрить французский Военный комитет (аналог британского Военного кабинета). Даладье выступил против, потребовав переноса начала операции

на три месяца. В качестве официальной причины была озвучена необходимость географически разнести военные заводы для уменьшения их уязвимости в случае ответных военно-воздушных атак противника. Реальный мотив объяснялся враждебными отношениями между Рейно и Даладье. Черчилль не понимал подобного поведения, восклицая: «Что скажут наши потомки через много веков, если мы проиграем эту войну из-за недостатка взаимопонимания?!» Рейно, который, по словам Спирса, несмотря на высокий пост, являлся «пассажиром в собственном правительстве», не смог переубедить военного министра. 4 апреля на совещание с Даладье в Париж вылетел сам Черчилль. Результат их встречи оказался неожиданным. Британский министр, который был среди союзников самым стойким сторонником «Морского пехотинца», согласился с доводами французов, заявив, что ущемление в результате проведения операции французских интересов «нанесет смертельный удар по союзу». Услышав доклад своего подчиненного, Чемберлен пошутил, что этот эпизод напоминает историю с благочестивым попугаем, который был куплен для обучения хорошему языку своего ругающегося собрата, а в результате сам перешел на бранный лексикон. Французы согласятся начать операцию лишь когда Гитлер перейдет в наступление на Западном фронте. За период с 10 по 31 мая будет установлено свыше 3200 мин на реках Рейн, Мозель и Маас. Однако эти потуги нельзя назвать успешными. Результат растворился в задержках и колебаниях^[295].

Споры относительно Норвежской операции носили еще более запутанный характер, а результат оказался еще менее утешителен. Впервые Черчилль озвучил свои предложения на заседании Военного кабинета 19 сентября 1939 года. До конца года он подготовил несколько меморандумов, обосновывающих преимущества и важность проведения этой операции, но каждый раз его предложения тонули в многочисленных обсуждениях, которые продолжились в следующем году. Потеряв терпение после очередного заседания Военного кабинета, Черчилль признался Галифаксу в «ужасных трудностях, которые ставит на пути конкретных действий наш аппарат ведения войны». За семь недель дискуссий ему пришлось столкнуться с возражениями различных министров, Комитета объединенного планирования, Комитета начальников штабов, Военного кабинета. «Я вижу такую огромную стену помех, уже воздвигнутую или воздвигаемую, что сомневаюсь, может ли какой-то план одолеть ее», — сокрушался политик^[296].

Основными камнями преткновения стали следующие проблемные

вопросы: периметр операции, ограниченность ресурсов и нарушение легитимности, каждый из которых усиливался флюидами политики умиротворения, пропитавшими мировоззрение многих представителей британского руководства того времени. Признавая в целом правильность минирования территориальных вод Норвегии, британские политики и военные не могли договориться о составе операции — ограничить ли ее только минированием вод или предусмотреть также захват норвежских портов. В начале января был предложен вариант с расширением операции на Швецию. В середине марта Военный кабинет решил ограничиться захватом Нарвика с последующей высадкой десанта в южной части Норвегии. Все эти варианты требовали участия не только ВМФ, но и сухопутных войск с ВВС, что расходилось с планами руководителей соответствующих видов вооруженных сил, у которых не было ресурсов для подобных начинаний. Начальник Имперского генерального штаба готовился к предстоящему сражению с немцами в Северной Европе, а начальник Штаба ВВС придерживал свои силы для воздушной обороны Острова в случае авианалетов противника. Относительно легитимности даже простое минирование территориальных вод нарушало суверенитет Норвегии. Как и 25 лет назад, Черчилль столкнулся с проблемой нарушения прав нейтральных стран, которые из страха разозлить агрессора и вызвать с его стороны военный ответ отказывались в своих помыслах и действиях давать малейший повод немецким захватчикам для реализации своих коварных замыслов. Ведя борьбу не на жизнь, а на смерть, когда «наше поражение будет означать наступление века варварской жестокости и окажет фатальное воздействие не только на нас, но и на независимую жизнь каждой небольшой страны в Европе», Черчилль считал, что «маленькие страны не должны связывать наши руки, когда мы боремся за их права и свободу». По его мнению, в сложившихся условиях «неправильно и нерационально, когда держава-агрессор получает преимущества, презирая и нарушая все правила», пока другие «прячутся за врожденное уважение к законам». Черчилль был настолько уверен в логике своих рассуждений, что не только изложил ее письменно в декабре 1939 года в одном из меморандумов для Военного кабинета, но и вставил этот документ в свои мемуары. В январе 1940 года он вернулся к этой проблеме, отметив, что «за последние десять лет мы столько раз ущемляли наши интересы из-за никчемных договоров и джентльменских соглашений, которые только джентльмены и соблюдают, что оказались в плачевом положении, зажатые обязательствами». Учитывая огромную свободу действий, которые получают маргинальные элементы, выходя за рамки

правового поля, Черчилль считал, что «дети света не должны из-за своих добродетелей сталкиваться с неуместными неудобствами, ведя борьбу с темными силами»^[297].

В результате описанных перипетий и обсуждений срок начала операции был передвинут на 8 апреля. Это было неудачное и запоздалое решение. Во-первых, сама операция потеряла актуальность. Она должна была проводиться в зимнее время, когда замерзал Ботнический пролив, сейчас же в скором времени снабжение Германии рудой должно было возобновиться по летнему маршруту. Во-вторых, немцы первыми нанесли удар. 8 апреля они без сопротивления заняли Данию, а на следующий день высадились в Норвегии. «Нас обвели вокруг пальца», — возмущался Черчилль в беседе с Паундом 10-го числа. Как такое вообще стало возможным, чтобы суда противника смогли беспрепятственно войти в Северное море и достигнуть побережья Норвегии? Неужели британская разведка их не заметила? В том-то и дело, что заметила. Более того, вечером 7 апреля британский флот вышел на перехват, только направление было выбрано из расчета, что немецкий флот направится в Атлантику через северные проливы, а не в Скандинавию. Поэтому центральная часть Северного моря осталась неприкрытой, позволив немцам продолжить осуществление своего плана. Командующий Флотом метрополии исходил из необходимости защиты коммуникаций в Атлантике, рассматривая через призму этой задачи всю поступающую информацию. Черчилль также ошибся, увидев в передвижениях кригсмарине подготовку к решающему сражению на море, о котором он так грезил в прошлой войне и к которой мысленно готовился — в этой. Для захвата норвежских портов на британские суда были погружены соответствующие войска, однако вечером 7 апреля последовал приказ высадить их на берег и направить флотилию в море порожняком. Когда на заседании Военного кабинета на следующий день премьер-министр спросил, состоялся ли выход крейсеров для высадки войск в норвежских портах, Черчилль неожиданно сообщил о том, что все войска сошли на британский берег и крейсера могут присоединиться к основным силам. Потрясенный этой информацией, премьер-министр воскликнул лишь «Ого!», после чего воцарилась тишина^[298].

Норвежская операция стала первой серьезной пробой британских войск в противостоянии с вермахтом. Проба оказалась неудачной, продемонстрировав превосходство противника. Причем как это часто бывает в подобных ситуациях, основные изъяны были связаны не с недостатком храбрости, способностей и самоотверженности отдельных

солдат и офицеров, а с проблемами в управлении. Перед самым началом операции по освобождению захваченного немцами Нарвика ответственный за военно-морскую часть операции адмирал Эдуард Эванс был переведен в состав дипмиссии. На его место был назначен адмирал флота лорд Корк. Решение оказалось неудачным: Корк был старше по званию командующего операцией генерал-майора Пирса Макэзи (1883–1956) и имел в своем послужном списке высокий пост командующего Флотом метрополии. Помимо неравенства Корк и Макэзи придерживались разных подходов решения поставленных задач. Нельзя сказать, что Макэзи избегал опасности — полученные в годы Первой мировой Военный крест и орден «За заслуги» служат убедительным подтверждением его храбрости. Но в отличие от своего авантюрно мыслящего коллеги он предпочитал методично готовить свои действия, минимизируя риски и максимально используя ограниченные возможности. Если Макэзи и Эванс встречались и обсуждали план совместной операции, то аналогичной беседы с Корком проведено не было. Более того, два командующих имели разные приказы, да еще выданные в разном формате. Если у Макэзи были четкие письменные предписания от начальника Имперского генерального штаба, «не предполагающие проведения высадки перед лицом сопротивления», то Корка инструктировали устно — сначала Паунд на заседании Военного координационного комитета, затем Черчилль — во время поездки на автомобиле от Адмиралтейства до Вестминстера, расстояние, составляющее всего 750 метров и преодолеваемое за несколько минут. В отличие от генерал-майора, который должен был действовать по обстоятельствам, у адмирала флота сложилось четкое представление, что «правительство Его Величества желает как можно быстрее выбить врага из Нарвика и что я должен действовать со всей быстротой для получения этого результата».

Неудивительно, что, встретившись на месте, двое руководителей не смогли найти общий язык. «Я так понимаю, — отмечал в дневнике капитан Ральф Эдвардс (1901–1963), — что генерал и адмирал дерутся на севере друг с другом, как кошка с собакой». Энтропию увеличивал и сам Черчилль, который на основе изучения карт Нарвика убеждал Корка в легкости захвата порта путем его обстрела с моря. Макэзи, напротив, опирался на результаты рекогносцировки, считая, что с учетом специфики местности, траектории снарядов корабельной артиллерии и наличия не обнаруженных огневых точек противника обстрел с судов не позволит достигнуть желаемой цели, а высадка войск приведет лишь к огромным потерям. Несмотря на свой авторитет и браваду, Корк не смог заставить

Макэзи пересмотреть точку зрения. Не смог этого добиться и Черчилль. Зато он сумел убедить Военный кабинет сменить командующего, назначив на место Макэзи лорда Корка. Но получив необходимую власть и ответственность, Корт поменял свою позицию и перенял осторожность предшественника. Увидев в этом происки Макэзи, Черчилль посоветовал новоиспеченному главному решительнее использовать свою власть. «Если офицер распространяет плохое отношение, необходимо не колеблясь освободить его от должности или поместить под арест», — заявил он адмиралу. Корт тут же ответил, что «в упомянутой вами ситуации я не колеблясь применю свою власть, но не думаю, что в этом будет необходимость». В итоге операция по установлению контроля над Нарвиком была начата 24 апреля — в 25-ю годовщину высадки в Галлиполи. Как и в прошлый раз, она закончилась провалом, хотя и не привела к серьезным потерям, поскольку была благоразумно и оперативно свернута^[299].

Безуспешные действия в захвате Нарвика совпали для британцев с общим провалом Норвежской кампании. Поэтому упоминание Галлиполи весьма кстати. По крайней мере сам Черчилль явственно ощутил приближение призрака Дарданелльской катастрофы, поразившись мистической точности двух эпизодов. Как и четверть века назад в ожидаемой, но заставшей врасплох многих государственных деятелей войне, решительный и уверенный в себе Черчилль начал боевые действия в кресле первого лорда Адмиралтейства. Как и четверть века назад, являясь олицетворением наступательного духа, он стоял у истоков военно-морской операции, которая привела к неутешительным результатам. Как и четверть века назад, разбор полетов и неудач пришелся на май — месяц, который Черчилль никогда не любил. Как и четверть века назад, наш герой оказался в первых рядах виноватых. Как и четверть века назад, произойдет формирование коалиционного правительства и последуют отставки. Как и четверть века назад, Черчилль покинет пост первого лорда Адмиралтейства. Все повторялось, только итог оказался совершенно иным — вместо исчезновения в тени забвения потомок Мальборо пошел по карьерной лестнице вверх.

Было ли это чудом или закономерностью? За восемь месяцев управления военно-морским флотом Черчилль не только наживал себе врагов среди инертных коллег, но и завоевывал уважение и расположение широких масс. «Только его имя и слышно в казармах», — констатировала служба мониторинга общественного мнения. Это понимали и коллеги Чемберлена, признавая, что первый лорд Адмиралтейства «один из самых

популярных членов кабинета». Это понимал и противник. «Черчилль в Кабинете министров! — воскликнул Герман Геринг. — Это означает, что война действительно началась и теперь нам придется сражаться с Англией»^[300]. Пусть планы Черчилля продвигались с трудом, но с каждым месяцем «странной войны» его политический капитал возрастал. В феврале 1940 года его включили в состав участников заседания Верховного военного совета, высшего коллегиального органа союзников по управлению войной. В апреле после отставки министра по координации обороны адмирала флота барона Эрнла Четфилда (1873–1967) он стал председательствовать на заседаниях Военного координационного комитета и получил право от имени этого органа отдавать распоряжения начальникам штабов, превратившись де-факто в заместителя премьер-министра.

Нельзя сказать, что последнее изменение прошло гладко. Многим стиль Черчилля был чужд и неприятен. По словам очевидцев, заседания комитета стали «более частыми, спорными и язвительными». Начали поступать жалобы на «многословие и опрометчивость» первого лорда, которые вызывали лишь ворох «ненужной работы» и приводили к «трениям». После одного из заседаний (еще когда Черчилль не занял кресло председателя) начальник Имперского генерального штаба Эдмунд Айронсайд (1880–1959) с возмущением записал в дневнике: «Уинстон вбил себе в голову, что мы можем принимать импровизированные решения по управлению войной, собираясь в пять часов вечера каждый день». Его возмущал подход нашего героя «отслеживать все военные приготовления, как будто он был командующим отрядом, который проводил операцию по переходу через мост». Чемберлен и сам был недоволен поведением Черчилля^[301]. Но у него были проблемы посерьезнее. На 7–8 мая было запланировано заседание Палаты общин с обсуждением предварительных итогов Норвежской кампании.

Накопившееся недовольство правительством прорвалось наружу. Выступления отличались остротой, агрессивностью и возбуждением. Драматично выглядел призыв однокашника нашего героя по Хэрроу Леопольда Эмери, повторившего сказанные в 1653 году слова Оливера Кромвеля Долгому парламенту: «Вы слишком долго заседали. Пора покончить с вами. Во имя Бога, уходите!» Черчилль мог сдать Чемберлена, который как глава Военного кабинета нес основную ответственность за все принимаемые решения. Но он этого делать не стал. Во время выступления Ллойд Джорджа он выкрикнул, что «берет на себя всю ответственность за

все действия Адмиралтейства и всецело готов разделить бремя». Старый лис предупредил, что «достопочтенному джентльмену не следует превращаться в бомбоубежище для защиты коллег от осколков». Но Черчилль не внял его советам. Он выступил со сдержанной речью, объясняющей причины неудач^[302]. На последовавшем голосовании 281 депутат поддержал существующее правительство против 200 выступивших за его отставку. Формально это была победа, но реально Чемберлену указали на дверь. После консультаций с королем он решил сформировать коалиционное правительство. 9 мая он пригласил к себе лидера лейбористов Эттли и спросил его: готовы ли лейбористы войти в состав правительства, возглавляемого Чемберленом, и если не готовы, то согласятся ли они работать с другим премьером-тори? Эттли ответил, что на первый вопрос ответ, скорее всего «нет», на второй — «да». Но он должен обсудить предложение с однопартийцами на проходящей в Борнмуте конференции Лейбористской партии.

При беседе с Эттли на Даунинг-стрит также присутствовали лорд Галифакс и Черчилль. Вероятность, что один из них станет новым премьер-министром, возрастала с каждым часом. Чемберлен отдавал явное предпочтение Галифаксу. Но будучи пэром, глава Форин-офиса заседал в Палате лордов и не мог контролировать работу нижней палаты парламента. «Уинстон, видишь ли ты какие-нибудь препятствия, чтобы в наши дни пэр мог стать премьер-министром»? — спросил Чемберлен. Наш герой расценил этот вопрос как ловушку — ответ он положительно, ему пришлось бы предложить взамен свою кандидатуру, то есть явно обозначить позицию и, соответственно, подставить себя под удар; в случае отрицательного ответа Чемберлен мог использовать высказанную точку зрения для продвижения кандидатуры Галифакса. Поэтому Черчилль решил промолчать. Возникла продолжительная пауза, которую прервал Галифакс, заметивший, что его пэрство создает серьезные препятствия для полноценной деятельности на посту премьера. Кроме того, он не горит желанием брать штурвал в руки в столь тяжелой ситуации. Тем самым Галифакс фактически сошел с дистанции. На рассвете следующего дня — 10 мая, немецкие войска перешли в масштабное наступление, нанеся скоординированные удары по территории Нидерландов, Бельгии и Франции. В 6.00 утра Черчилль встретился с военным министром и министром авиации. Несмотря на эмоциональное напряжение последних дней, он, по воспоминаниям коллег, «жадно поглощал яичницу и попыхивал большой сигарой, как будто вернулся только что после утренней прогулки». В 7.00 собрался Военный координационный комитет, через час

— Военный кабинет. После заседания Чемберлен выразил желание отложить свою отставку, что возмутило многих тори. В 11.30 Чемберлен провел второе за день заседание Военного кабинета, в 16.30 — третье. Во время обсуждений принесли послание из Борнмута. Как Эттли и предполагал, лейбористы готовы были войти в коалиционное правительство при условии, что во главе него не будет стоять действующий премьер-министр. Через час Чемберлен появился на аудиенции у короля, заявив о своей отставке. На вопрос, кого он советует назначить следующим премьер-министром, он ответил: «Уинстон тот человек, за которым следует послать». Георг VI не забыл участия потомка герцога Мальборо в кризисе с отречением его старшего брата и не очень хотел, чтобы Черчилль становился его первым министром. Но отклонить совет Чемберлена он не мог. 25 лет назад создание коалиции привело Черчилля к отставке. Теперь она способствовала его назначению на пост премьер-министра.

В 18.00 Черчилля пригласили в Букингемский дворец. На обратном пути он спросил телохранителя:

— Томпсон, ты знаешь, с какой целью я ездил во дворец?

— Да, сэр, — ответил инспектор и после слов поздравления добавил: — Единственное, хотелось бы, чтобы эта должность досталась вам в более спокойные времена. Сейчас на вас лежит огромное бремя.

Слезы потекли по щекам премьер-министра.

— Одному только Богу известно, насколько оно велико, — произнес он. — Я надеюсь, что еще не поздно. Нам осталось лишь продемонстрировать все, на что мы способны!

После чего он пробурчал себе что-то под нос, сжал челюсть и направился в Адмиралтейство, где его решений уже ждали срочные проблемы^[303].

Грани лидерства

Черчилль мечтал о премьерстве не одно десятилетие. Обычно при достижении цели человека переполняют чувства радости и удовлетворения. Но в случае с нашим героем ни о какой радости, и тем более удовлетворении, не могло быть и речи. Черчилль встал у кормила в тяжелейший период истории своей страны. Впоследствии он будет вспоминать о мае 1940 года, как о героическом периоде, когда просветленные и одухотворенные масштабом нависшей опасности британские руководители сомкнули ряды и поддержали нового премьер-министра. На самом деле мнение о нем среди коллег было далеко не столь радушным и ободряющим. Прежние обвинения в непоследовательности, ненадежности и авантюризме никто не снимал. Никуда не делся и шлейф недоверия. Барон Морис Хэнки, бессменный секретарь кабинета на протяжении двадцати межвоенных лет, просил Всевышнего помочь стране, которая вверила свое существование человеку, «чьи достижения, даже вдохновленные определенной долей воображения, никогда не имели успеха». О «неуверенности» в Черчилле делился с дневником постоянный заместитель министра иностранных дел Александр Кадоган (1884–1968). Вскоре он будет возмущаться «рискованным, романтическим, сентиментальным и темпераментным» поведением нового премьера, «театральная бульдожность» которого может привести к одобрению в момент кризиса «любой дикой идеи». Начальник штаба Британских экспедиционных сил генерал-лейтенант Генри Паунэлл (1887–1961) считал, что Черчилль «представляет реальную угрозу, он всегда увлекается целью, не считаясь с ресурсами и не заботясь о том, достижима ли она в принципе». Не произвел Черчилль-премьер впечатления и на членов правительства. Галифакс, который утверждал, что «редко встречал кого-то с такими странными пробелами в знаниях или чей мозг работает настолько скачкообразно», жаловался на «беспорядочность мышления» нового главы Военного кабинета. Его поддерживал Чемберлен, выражавший «большую озабоченность очевидной неспособностью» своего преемника «концентрироваться на деле» и постоянным стремлением переключиться на несущественные вопросы. Когда 13 мая Черчилль впервые после своего назначения появился в Палате общин, тори встретили его презрительным молчанием, громко приветствуя при этом Чемберлена, который сохранил за собой пост партийного лидера. Это было неприятно и показательно.

Большинство консерваторов, получивших свои мандаты по результатам последних всеобщих выборов 1935 года, были яростными приверженцами политики умиротворения. Даже спустя два года своего назначения премьер-министром Черчилль будет жаловаться Идену, что «большая часть тори его ненавидит»^[304].

Оказавшись во враждебной среде, Черчилль осторожно и взвешенно подошел к формированию управленческой команды. Военный кабинет был сокращен до пяти человек, куда помимо лейбористов — Эттли, получившего пост лорда-хранителя Малой печати, и министра без портфеля Артура Гринвуда (1880–1954) — вошли Чемберлен и Галифакс, первый стал лордом-председателем Совета и начал курировать всю внутреннюю политику, а второй сохранил за собой пост государственного секретаря по иностранным делам. В правительстве из 36 главных должностей, 21 была оставлена за представителями бывшей администрации. Черчилля обвинили в недостатке смелости в кадровых решениях и страхе перед Консервативной партией, но он действовал последовательно, стараясь не допускать резких движений. Относительно Военного кабинета: со временем он введет в него своих сторонников — Бивербрука и Идена, а также добьется реализации своего подхода с включением в состав лишь тех политиков, которые занимали исполнительные посты и несли ответственность за ключевые области управления войной. Что касается кадровых перемен, то некоторые сподвижники Чемберлена сразу были лишены влиятельных постов и переведены на синекуру. Например, давний противник нашего героя канцлер Казначейства Джон Саймон стал лордом-канцлером; Морис Хэнки, входивший ранее в Военный кабинет, назначен канцлером герцогства Ланкастерского; правая рука экс-премьера Хорас Уилсон (1882–1972), известный как «некоронованный правитель Англии», лишен влияния с сохранением до ухода на пенсию в 1942 году поста постоянного секретаря Казначейства; активный апологет политики умиротворения Самюэль Хор отправлен послом в Испанию; министр информации Джон Рейт (1889–1971), возглавлявший в 1930-е годы Би-би-си и закрывший радиоэфир для Черчилля, переведен на пост министра транспорта. С другими Черчилль решит вопрос при okazji, либо предварительно подготовив почву для принятия соответствующего решения. Так в конце 1940 года он направит лорда Галифакса в США, а в 1941 году — Рональда Кросса (1896–1968) и Малкольма Макдональда (1901–1981), занимавших у Чемберлена посты министра экономической войны и министра по делам колоний, — в Австралию и Канаду соответственно.

Черчилль избавлялся не только от противников. Недовольный пронацистскими высказываниями бывшего короля Эдуарда VIII, он назначил его губернатором на Багамы. В конце мая 1940 года он снял с должности начальника Имперского генерального штаба генерала Эдмунда Айронсайда, которому сам же дал хвалебную характеристику в «Мировом кризисе» и с которым поддерживал хорошие отношения в 1930-е годы. Считая, вполне обоснованно, что генерал не соответствует занимаемой позиции, он назначил на его место генерала Джона Дилла (1881–1944). После кратковременного руководства войсками метрополии Айронсайд был отправлен в отставку с присвоением ему звания фельдмаршала. В октябре Черчилль заменил начальника Штаба ВВС, назначив вместо Сирила Ньювала (1886–1963) Чарльза Портала (1893–1971), который сохранит за собой этот пост до салюта победы. Единственный начальник штаба, который продолжит работу при новом премьерe, будет Паунд. Хотя он и сдерживал нашего героя в Адмиралтействе, Черчилль относился к нему с симпатией и уважением. В 1943-м, страдая от неоперабельной опухоли головного мозга, Паунд сам подаст в отставку, скончавшись в октябре того же года. Его место займет главком Средиземноморского флота Эндрю Каннингем (1883–1963). Черчилль не любил Каннингема и был против его назначения начальником Военно-морского штаба, но в итоге утвердил его кандидатуру, сказав, правда, при этом: «Получайте вашего Каннингема. Но если Адмиралтейство не будет себя вести как следует, я уничтожу Совет Адмиралтейства, даже если мне придется пойти ко дну вместе с ним»^[305]. Каннингем проработает на ответственном посту до конца войны.

Избавляясь от неугодных и некомпетентных, Черчилль постарался окружить себя своими людьми. Некоторые из них, как, например, государственные секретари по военным делам и по авиации — Энтони Иден (впоследствии возглавивший Форин-офис) и Арчибальд Синклер — входили в сложную систему принятия решений. Другие занимались срочными задачами. Например, министр авиационной промышленности лорд Бивербрук добился увеличения производства самолетов. Король был против его назначения, как и многие не разделяя методов газетного магната. Но учитывая острую нехватку самолетов, именно такой человек, как «Бивер» (Бобр) — резкий, жесткий, агрессивный, не пасующий перед трудностями и условностями, и нужен был Черчиллю. Третьей и, пожалуй, самой важной функцией доверенных лиц стало обеспечение взаимодействия. Принимая и добиваясь исполнения решений, Черчиллю приходилось иметь дело с большим количеством людей из разных

областей, у каждого из которых были свои интересы, цели, подходы и возможности. Не исключая прямого взаимодействия с ответственными руководителями, Черчилль нуждался в доверенных лицах, которые курировали бы каждую область. Так за сбор и обработку всей статистической информации для премьер-министра, а также его взаимодействие с учеными отвечал профессор Линдеман. Брендан Брекен (1901–1958) сначала курировал взаимодействие с Палатой общин на должности личного парламентского секретаря, затем (в 1941 году) возглавил Министерство информации и стал отвечать за управление общественным мнением. Десмонд Мортон (1891–1971), активно снабжавший нашего героя секретными данными в 1930-е годы, обеспечивал взаимодействие с разведслужбами. Обращение к своим людям, позволившее сократить транзакционные издержки, также не было лишено проблем. Линдеман использовал административный ресурс для борьбы за власть в научной сфере, Бивербрук постоянно скандалил с коллегами, особенно с Синклером, Мортон вообще уступил свое место начальнику Секретной разведывательной службы Стюарту Мензису (1890–1968). Черчилль, особенно в конце войны, также проявлял слабость, замыкаясь на узком круге. В январе 1945 года Эттли даже выразил ему свое недовольство, написав объемное послание в две тысячи слов, в котором подверг критике практику премьер-министра постоянно обсуждать все вопросы с Брекеном и Бивербруком. Черчилль пришел в ярость от такого обращения. Охарактеризовав это письмо как «социалистический заговор», он даже бросил в припадке ярости, что «нам не стоит беспокоиться ни об Эттлире, ни о Гитли!». В целом Эттли был прав, и Черчилль это понимал. Пока он два дня писал и переписывал ответ, пар недовольства вышел наружу и в отправленной версии осталось только выражение благодарности «за ваше личное письмо», а также признание, что «я всегда прилагал максимально усилий, чтобы извлечь пользу от ваших комментариев и замечаний»^[306]. Правда, свое поведение премьер-министр не изменил, продолжая отдавать предпочтение мнению двух «Б».

Разведка, наука и общественное мнение были важны, но уступали по своей значимости военной сфере, от управления которой во многом и зависел общий успех. Черчилль хорошо помнил печальный опыт Первой мировой войны, когда конфликт между гражданскими и военными руководителями ослабил единство и стоил Асквиту поста премьер-министра. «Я намерен оставить власть исключительно в моих руках, — скажет он в близком кругу. — Не будет больше никаких Китченеров,

Фишеров и Хейгов»^[307]. Для этого он создал Министерство обороны и назначил себя его главой. Также появился буфер между Комитетом начальников штабов и Военным кабинетом — Комитет обороны, в который помимо Эттли вошли близкие нашему герою руководители — Бивербрук, Иден, Синклер и легко управляемый первый лорд Адмиралтейства Альберт Виктор Александер (1885–1965). Являясь министром обороны, Черчилль назначил себя председателем Комитета обороны. Таким образом, в руках нашего героя была одновременно сосредоточена гражданская (как премьер-министра и главы Военного кабинета) и военная (как министра обороны и председателя Комитета обороны) власть. Большая роль при такой централизованной системе управления вновь отводилась доверенным лицам, которые должны были проводить политику премьер-министра и отслеживать реализацию принимаемых решений. Черчиллю повезло с кадрами. Для гражданской сферы с этими функциями прекрасно справился секретарь кабинета Эдуард Бриджес (1892–1969), занявший свой пост еще при Чемберлене. Для военной — генерал Гастингс Исмей (1887–1965), возглавивший секретариат Министерства обороны и представлявший Черчилля в Комитете начальников штабов. Среди коллег он был известен как «Мопс», не только из-за специфического строения лица, но также из-за своей собачьей преданности. «Если мистер Черчилль скажет, что ему нужно вытереть об меня ботинки, я лягу и позволю ему это сделать, — признался однажды генерал. — Мистер Черчилль настолько великий человек, что для него должно быть сделано все что угодно»^[308].

Для того чтобы созданная Черчиллем система управления функционировала исправно в нее необходимо было вдохнуть энергию. Частично это достигалось новыми правилами. Например, Черчилль ускорил документооборот, наклеивая на свои письменные распоряжения красные стикеры: «Сделать сегодня» или зеленые: «Доложить статус через три дня (иногда — через неделю)». Но главным была личная энергетика премьер-министра, которая проникла во все закоулки бюрократического аппарата. «Появилась атмосфера срочности, — вспоминают очевидцы. — Никаких задержек, постоянные совещания штабистов, телефонистки соревновались в скорости, устанавливая соединения. Исчез привычный распорядок дня, спутаны часы труда и отдыха, оставлены выходные». Один из членов секретариата Министерства обороны Йен Джейкоб (1899–1993) впоследствии рассказывал, как увидев 13 мая одного из заместителей министра, бегущего по коридорам Уайтхолла без пиджака с бумагами в руках, он понял, что новый премьер «растормошил машину госаппарата» и

теперь Британия действительно может выиграть войну. И это речь шла о пожилом джентльмене, отметившем в ноябре 65-летний юбилей. Но его энергии, которая никого не оставляла равнодушным, могли позавидовать молодые. Важным в поведении Черчилля было и то, что он вдохновлял других, сам находясь под воздействием постоянного стресса. Как и четверть века назад, кризис, который подавляет обычных людей, его, наоборот, возбуждал. «Я не чувствую, что эта ноша слишком тяжела», — признавался он Болдуину 4 июня 1940 года. В ноябре он сказал Идену: «Еще никогда в жизни я не ощущал себя настолько адекватно подходящим для своей работы».

Тяжелую ношу Черчиллю облегчало глубоко укоренившееся в нем чувство оптимизма с верой даже в самые тяжелые моменты, что в итоге тьма рассеется и все сложится хорошо. Помогало ему и осознание того, что он творит историю. Во время Первой мировой он был воодушевлен тем, что его поступки попадут в летопись, которую «прочтет тысяча поколений». Аналогичного отношения он придерживался и во время нового конфликта. «Вы понимаете, что мы творим историю?» — спрашивал он подчиненных. «Почему мы воспринимаем историю исключительно как события прошлого, забывая, что сами являемся ее творцами?» — недоумевал он в беседе с премьер-министром Австралии. Черчилль пытался передать свою веру и отношение окружающим. Когда его попросили выступить перед учениками Хэрроу, он сказал в своей речи: «Давайте не будем говорить о темных днях. Потому что это не темные дни, это великие дни. И мы должны благодарить Господа, что нам позволили сделать эти дни памятными в истории нашей нации». «Когда будет написана история войны и станут известны все факты, о ваших подвигах будут складывать песни и рассказывать легенды, которые надолго переживут всех нас», — заявил он во время выступления перед солдатами и офицерами 8-й британской армии в Ливии^[309].

Осознание, что ты находишься на авансцене истории и каждым своим поступком увековечиваешь память о себе, не только вдохновляет, но и налагает огромную ответственность — ведь тебя будут судить не разбирающиеся в ситуации современники, а непредвзято мыслящие и не знающие всех нюансов потомки. Понимая это, через несколько недель после начала своего премьерства Черчилль подготовил «общую директиву», в которой призвал «своих коллег в правительстве, а также ответственных должностных лиц поддерживать высокое моральное состояние окружающих, не преуменьшая серьезности событий, но выказывая уверенность в нашей способности и непреклонной решимости

продолжать войну». Это были только слова, но они подкреплялись мощнейшим энергетическим посылом, исходившим от премьер-министра, который стал олицетворением демона борьбы и сопротивления. Его риторика в этот период была проникнута пафосом обреченного героизма, когда «лучше утопить наш остров в крови, чем капитулировать». Когда летом 1940 года Британия осталась один на один с нацистской Германией и фашистской Италией и встал вопрос «Капитулирует ли Альбион», он решительно заявил: «Никаких условий, никакой капитуляции», «если необходимо — годами, если необходимо — в одиночестве», «мы никогда не остановимся, никогда не устанем, никогда не сдадимся». Это было время, когда «в равной степени было хорошо и жить, и умереть». «Мы ждем обещанного вторжения, того же ждут рыбы», — посмеивался он над угрозой. «Меня всегда интересовало: что произойдет, если двести тысяч немецких войск высадятся на наш берег?» — спрашивал он. С аллюзией на патетику рыцарских сражений он считал, что «резня с обеих сторон будет беспощадной и великой», и даже придумал для британцев девиз: «Вы всегда можете забрать одного врага с собой на тот свет»^[310].

Призывая к борьбе не на жизнь, а на смерть, понимал ли Черчилль всю сложность и опасность ситуации? Понимал. В приведенном выше письме Болдуину от 4 июня 1940 года он заявил: «Мы переживаем очень тяжелые времена, и я готовлюсь к худшему». Более того, он сам готов был вступить в бой с врагом и пасть героической смертью, заявив Исмею в том же июне 1940 года: «Мы-то с вами умрем через три месяца». Личный секретарь премьер-министра Джон Колвилл считал, что его босс «всегда мысленно представлял себя лично сражающимся с немцами». Черчилль пристреливался в открытом тире Чекерса из винтовки *Mannlicher*, револьвера *Webley & Scott* 32-го калибра и любимого *Colt* 45-го калибра. Очевидцы вспоминали, что он был хорошим стрелком, а инспектор Томпсон считал, что у находившихся в зоне поражения оружия Черчилля не было шансов спастись. В любом случае живым бы его нацисты не взяли. Не оказись рядом оружия, он бы принял цианид, который был спрятан в колпачке его авторучки. Но если уж уходить, то лучше с боем. Отправляясь в очередное трансатлантическое плавание в США, он распорядился установить в шлюпку для высокопоставленных лиц пулемет 50-го калибра. «Меня не захватят в плен, — объяснил он. — Самая славная смерть — это погибнуть в схватке с врагом»^[311].

Черчилль смог не только вдохновить на борьбу государственный аппарат и военных, но и убедил народ последовать за ним, обещая лишь

«кровь, труд, слезы и пот». «Это была уже другая Англия, из которой я уехал несколько недель назад, — поражался Сомерсет Моэм (1874–1965) после своего возвращения в страну летом 1940 года. — Уинстон Черчилль вдохновил страну своей стойкостью и силой духа, в ней больше не было места нерешительности». Сам Черчилль впоследствии вспоминал, что «широкие массы британского народа были преисполнены решимости победить или погибнуть». Поэтому ему «совершенно не было необходимости поднимать их дух»^[312]. На самом деле, заслуга британского премьера в мотивации граждан, которые восприняли войну как нечто личное, была огромной. Была она и странной, поскольку Черчилль с его аристократическим образом жизни и уходящим корнями в викторианство мировоззрением был далек от народа в социальном и временном плане. Он говорил на непривычном пафосном языке, оперировал устаревшими образами, апеллировал к минувшим эпизодам забытого прошлого и олицетворял сошедшую со сцены аристократию. В любой другой ситуации подобная архаичность вызвала бы недопонимание и диссонанс, но летом 1940 года она оказалась именно тем наполненным мифами и героической патетикой камертоном, на который смогли настроиться потерянные в кризисе души британцев.

Изучая опыт великих предшественников, Черчилль давно убедился, что настоящий лидер должен сам пропитаться атмосферой действия и не терять личную связь с теми, кого ведет за собой. Он понимал, что им важно видеть и слышать его. Во время Битвы за Британию он постоянно выходил в народ, лично осматривая разрушения после налетов авиации противника. Он подходил к развалинам, взбирался на кучи песка и щебня, ходил по краям воронок от разрывов снарядов. Он общался с людьми, отвечал на их вопросы, пытался успокоить их, передав частичку своей уверенности и решительности. Во время одного из подобных визитов разбомбленных районов одна из женщин воскликнула: «Смотрите, он переживает за нас, он плачет!» Черчилль действительно плакал. Причем искренне. Он часто проливал слезу и по другим поводам: после выступлений, провожая Гарри Гопкинса весной 1941 года, каждый раз во время просмотра любимого фильма «Леди Гамильтон», на торжественном параде во время Тегеранской конференции, устроенном в его честь по случаю дня рождения. Его называли «плачущий мальчик», он и сам признавал, что «плакал слишком много»^[313]. Обычно подобное выражение эмоций на публике является табу для любого государственного деятеля, поскольку сопряжено с невосполнимыми репутационными издержками, но в случае с Черчиллем

оно имело обратный эффект. Учитывая, что причиной его слез была не жалость к себе, они представляли собой не признак слабости, а выражение сострадания.

Черчилль не только посещал районы, пострадавшие от бомбардировок, но и старался лично наблюдать за ходом воздушных боев. После того как люфтваффе изменило тактику и вместо промышленных центров начало бомбить города, никто не мог считать себя в безопасности. Бомбы падали на Букингемский дворец, Вестминстер и Даунинг-стрит. В 1939 году на северо-западе Лондона в районе Доллис Хилл был построен двухэтажный бункер *Paddock* с сорока комнатами. Черчилль использовал его всего один раз для заседания Военного кабинета. Перед самым началом войны было завершено строительство еще одного бункера *Cabinet War Rooms*, расположенного в центре Лондона в подвалах здания *New Public Offices*. Сегодня он открыт для публики, в нем можно увидеть кабинет Черчилля с установленной там кроватью, комнату для заседаний, а также множество других помещений. На самом деле, наш герой ночевал в нем всего три раза. Обычно, находясь в Лондоне, он оставался в так называемом «Филиале дома № 10» — в наземных помещениях здания Министерства торговли, укрепленных стальными балками и защищенных снаружи стальными ставнями. При выезде за город он останавливался в официальной резиденции премьер-министра Чекерс, однако, учитывая, что в полнолуние объект становился легкой добычей для бомбардировщиков, он также активно использовал поместье Дитчли-парк в графстве Оксфордшир, предоставленное политиком-консерватором Рональдом Три (1897–1976). Когда в Лондоне начинал звучать сигнал воздушной тревоги, Черчилль вместо того, чтобы прятаться в бункере, либо продолжал работать, либо надевал пальто, шляпу, закуривал большую сигару и поднимался на крышу. Отмахиваясь от обвинений в безответственности, он объяснял: «Когда я был маленький, няня была не в состоянии мне помешать погулять в парке, если я этого очень хотел. И Адольф Гитлер также вряд ли преуспеет в этом». Также ему импонировало высказывание французского математика Анри Пуанкаре (1854–1912): «Я нахожу спасение под неприступной аркой вероятности». Стоит ли удивляться, что когда Лондон стал жертвой ракет Фау-1 и помощники британского премьера решили воочию посмотреть на «оружие возмездия», первым кого они увидели, выйдя из резиденции, был Черчилль, уже наблюдавший за обстрелом^[314].

Помимо своего появления в народе Черчилль также уделял внимание своему образу, который стал для британцев одним из самых узнаваемых и запоминающихся в годы войны. Еще в 1920-е он отмечал, что «одним из

самых обязательных атрибутов каждого публичного человека должен стать некий отличительный знак, по которому его всегда будут узнавать»^[315]. Для Черчилля такими знаками стали пальто, костюм-тройка с неизменным галстуком-бабочкой, необычные шляпы и огромные сигары. Иногда он облачался в военную форму, став единственным главой британского правительства, носившим ее в период своего премьерства. В 1941 году, когда Черчиллю сообщат, что бойцы отрядов Сопротивления рисуют в оккупированной Франции на стенах латинскую букву V, означающую по-французски «победа» (*Victoire*), а по-голландски — «свобода» (*Vrijheid*), он включит этот знак в арсенал позиционирования своей личности. Его даже не смутило, что повернутая тыльной стороной ладони к собеседнику, эта комбинация из двух пальцев в Британии и доминионах означает обидное оскорбление. За ним последует Би-би-си, обнаружив, что передача буквы V кодом Морзе — точка-точка-точка-тире — аналогична известному «мотиву Судьбы» из Симфонии № 5 Людвиг ван Бетховена — соль, соль, соль, ми-бемоль. Отныне радиокорпорация станет использовать этот музыкальный фрагмент при объявлении военных новостей или в патриотических передачах. На 1941 год придется появление еще одного PR-символа — бульдожьего взгляда, убедительно запечатленного на известном фотопортрете Юсуфом Каршем (1908–2002). Сам Карш признавался, что эта работа стала первой, принесшей ему мировую известность. Этот портрет также стал первым, показавшим миру другого Черчилля. До начала войны запечатлеть такой взгляд на пленку было невозможно потому, что Черчилль еще не сталкивался с такого уровня проблемами и не находил в себе столь мощные силы для отчаянного противостояния.

Важной составляющей военного лидерства Черчилля стали его публичные выступления. Постоянно совершенствуя свой стиль и навыки, он выработал и последовательно придерживался следующих принципов. Во-первых, тщательная подготовка. Не случайно Ф. Э. Смит шутил, что «Уинстон потратил лучшие годы своей жизни на составление экспромтов». Черчилль мог несколько суток готовить ответственные выступления, обдумывая отдельные фразы и того больше — по несколько месяцев, фиксируя их в специальном блокноте. Отработав и согласовав текст на предмет отдельных фактов, он приступал к репетиции, нередко декламируя его во время водных процедур, чем периодически озадачивал дворецкого. Во-вторых, Черчилль старался концентрироваться на идеях. Не перенося пустословов, он подтрунивал в свое время над способностью Рамсея Макдональда «заклечь в максимум слов минимум смысла», а также зло отзывался о горе-ораторах, которые «готовы пойти на огромные жертвы

ради своих убеждений, только они не знают, за что ратуют, и готовы умереть за правду, только не знают, в чем она состоит». Черчилль считал, что прежде чем начать выступление, оратор должен сам четко представлять, какую мысль он донесет до слушателей и к каким выводам приведет их в конце. Концентрируйтесь не на изложении фактов, а на демонстрации идей, советовал он выступающим на публике. В-третьих, он призывал не пасовать перед аудиторией. «Действуйте, как копер, — делился он своим опытом. — Ударили раз. Отошли, вернулись — снова удар. Не получилось, бейте в третий раз». И уж тем более не бойтесь быть серьезным! «Не нужно потакать прихотям аудитории: дескать, они это не поймут. Куда они денутся! — считал политик. — Раз пришли, пусть слушают!» В-четвертых, использование богатства и многообразия языка для выражения своих мыслей, включая обращение к метафорам и юмору. Черчилль был мастером находить правильные слова, сплетая из них памятные фразы. Например, «никогда еще в истории войн столь многие не зависели в столь многом от столь немногих»^[316].

Наиболее часто цитируемыми стали три выступления Черчилля в первые 40 дней его премьерства — 13 мая, 4 и 18 июня. Это были те самые выступления, во время которых он обещал «кровь, труд, слезы и пот»; в которых он объяснял, что «наша цель — победа любой ценой, победа, несмотря на все ужасы; победа, независимо от того, насколько долг и тернист может оказаться к ней путь»; в которых он утверждал, что «мы будем оборонять наш остров, чего бы это ни стоило, мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в пунктах высадки, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы будем сражаться на холмах, мы не сдадимся никогда»; в которых он констатировал конец Битвы за Францию и начало Битвы за Британию с призывом объединиться «ради исполнения нашего долга, и если Содружество наций и империя просуществуют еще тысячу лет, люди скажут: „Это был их звездный час“»^[317]. Черчилль выбрал рискованный, но, пожалуй, единственный правильный формат — он не стал скрывать критичность положения и тяжесть пути, по которому призывал пройти, но при этом он сумел не допустить паники, передав необходимый настрой и решимость. В его речах мрачному антуражу захлестнувших союзников поражений противопоставлялись столпы человеческих добродетелей — мужество, преданность, самоотверженность, честь и долг. Он смог представить войну как противостояние света и тьмы, подняв народ на борьбу за высшие человеческие ценности, вселив при этом надежду и веру на благополучный исход.

Выступления Черчилля воспринимались как глоток свежего воздуха. Во время их трансляций по радио в Англии резко сокращалось потребление воды и количество телефонных звонков. Более 60 % взрослого населения страны, прильнув к радиоприемникам, ловили каждое слово своего премьера. С учетом изменившихся технологий и качества речей сегодня трудно понять, насколько сильное влияние оказывали эти выступления. В те дни передачи Би-би-си и ежедневные газеты были единственным источником официальной информации. Выступлениям Черчилля уделялось особое внимание. *The Times* публиковала их на первой полосе, а Министерство информации издавало в виде отдельных памфлетов. Сам Черчилль впоследствии стал объединять свои речи в сборники, издавая их под редакцией доверенных лиц — сначала сына, затем редактора *Sunday Dispatch* Чарльза Ида (1903–1964). С 1941 по 1946 год было издано шесть сборников речей Черчилля: «В бою», «Неумолимая борьба», «Конец начала», «Вперед к победе», «Заря свободы» и «Победа». Подобный формат понравился нашему герою, и после войны он (при помощи редакторов) подготовил к публикации еще пять сборников.

Военные выступления британского премьер-министра пользовались популярностью не только на Туманном Альбионе. «Трансляции Би-би-си с выступлениями Черчилля были для нас огромной поддержкой и вселяли в нас мужество», — вспоминал выдающийся дирижер сэра Георг Шолти (1912–1997). Редактор Эвелин Ренч (1882–1966) рассказывал, как сам был свидетелем огромного влияния голоса Черчилля, доносившегося из радиоприемников в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Сингапуре и Индии. По его словам, этот голос вдохновлял людей даже в таких удаленных уголках планеты, как остров Ява в Голландской Ост-Индии. Когда Нидерланды капитулировали, на крупнейших отелях острова Явы висели портреты Уинстона Черчилля и огромный знак V. Выступления Черчилля не оставили равнодушными даже тех, кто не разделял империалистических взглядов британского премьера. Например, Нельсон Мандела (1918–2013) признавался, как он и его однокурсники из сельского колледжа «собирались около старого радиоприемника слушать вдохновляющие речи Уинстона Черчилля». А в тысячах километров к востоку от Южной Африки, в Полинезии, королева Тонга Салоте Тупоу III (1900–1965) переводила речи Черчилля на тонганский язык для ретрансляции местному населению^[318].

Признавая важность своих выступлений, сам Черчилль не питал иллюзий относительно их истинного значения. «Считается, что мои выступления — это нечто, но они всего лишь часть, причем не самая

главная», — заметит он в сентябре 1945 года^[319]. Впрочем, как и другие методы повышения боевого духа, которые были необходимым, но недостаточным условием для создания эффективной системы управления. Если рассматривать эту систему с позиции Черчилля, то ее эффективность зависела от двух факторов — от наличия данных и взаимодействия с коллегами. Для принятия решений Черчиллю была нужна информация. Но даже при наличии работающего в две смены штата секретарей и помощников главе правительства направлялось настолько большое количество различных документов, что у нашего героя физически не было возможности ознакомиться с ними в полном объеме. Он установил правило, чтобы ежедневный отчет не превышал одной страницы, однако учитывая его периодические возмущения пространными телеграммами от сотрудников посольств и оперативных сводок с фронтов, это правило, судя по всему, выполнялось не всегда^[320].

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что переизбыток информации сосуществовал одновременно с недостатком актуальных, достоверных, полных и непротиворечивых данных. Для решения этой проблемы Черчилль обращался к разным источникам, каждый из которых имел свои ограничения. Например, официальные статистические данные разных ведомств нередко противоречили друг другу. Трудно было также использовать разведданные, поступающие сразу из нескольких источников: Секретной разведывательной службы (*Secret Intelligence Service*; SIS) — знаменитая МИ-6 (*Military Intelligence*; MI6), которая специализировалась на шпионаже; Правительственной школы кодирования и шифрования, которая занималась криптоаналитикой и радиоэлектронной разведкой; разведывательных служб трех видов вооруженных сил (армии, авиации и флота), а также отдельной службы Министерства экономической войны. За свод и интерпретацию должен был отвечать Объединенный разведывательный комитет, входивший в состав Комитета начальников штабов. Но его деятельность из-за внутренних конфликтов и недоверия приносила мало пользы, по крайней мере, в начале войны.

Еще со времен создания в Адмиралтействе в 1914 году «Комнаты 40» Черчилль был страстным поклонником использования средств криптоаналитики. Во многом благодаря его поддержке в Блетчли-парке была собрана команда лучших математиков, которые взломали коды шифровальной машины «Энигма», используемой люфтваффе. В дальнейшем также были взломаны коды кригсмарине, приблизив победу в Битве за Атлантику. Черчилль называл сотрудников Блетчли-парка

«гусынями, несущими золотые яйца». В официальных документах деятельность Блетчли-парка проходила под кодовым названием «Ультра», указывая на высшую степень секретности (*Ultra Secret*). Не желая «довольствоваться коллективной мудростью», Черчилль «предпочитал лично видеть оригиналы» разведданных. Секретные документы доставлялись ему в ящиках темно-желтого цвета с эмблемой времен правления королевы Виктории — VRI, доступ к которым не имели даже главные личные секретари премьер-министра. У Черчилля был персональный ключ, который он всегда носил с собой на цепочке вокруг талии. Практика лично знакомиться с расшифровками позволяла избежать ошибок интерпретаций со стороны третьих лиц, а также снизить зависимость от разведслужб, но имела и свои недостатки. Работать приходилось с сырыми данными, для обработки и интерпретации которых требовались усилия и информация. Последней у Черчилля могло не быть, что приводило к неверному толкованию. Кроме того, работе с сырыми разведданными препятствовал также объем перехваченных сообщений. Если в начале 1941 года приходило порядка 250 дешифровок люфтваффе в сутки, то через полтора года этот показатель достиг трех тысяч. Несмотря на огромное значение «Ультра», которая позволяла предугадывать действия противника, британскому руководству все равно приходилось принимать многие решения в условиях неопределенности. По этой причине Черчилль, который признавал «ограничения осведомленности» руководителей и тот факт, что на войне «успех нельзя гарантировать», «редко можно действовать наверняка» и приходится забыть о «четкости и определенности», считал, что нужно всегда готовиться к непредвиденным обстоятельствам и своевременно использовать их в свою пользу^[321].

Если «Ультра» предоставляла данные, необходимые для принятия новых решений, то отчеты начальников штабов, министров и командующих на местах отражали текущее положение и статус реализации уже принятых решений. По этой линии Черчилля также поджидали сложности и ограничения. То он жаловался, что не получает из Военного министерства необходимое количество телеграмм, требуя от Исмеев обеспечить отправку всех телеграмм от трех военных ведомств в Министерство обороны для последующей обработки и передачи важных сведений премьер-министру. То он отчитывал Мортон из-за отсутствия централизованного сбора информации от военных атташе, работающих за рубежом. То он ругался на Линдемана за то, что тот не направляет ему данных об изменениях объемов производства боеприпасов и оружия. То он недоумевал, почему в течение трех недель Синклер так и не представил

обещанных прогнозов^[322]. Примечательно, что в этих эпизодах Черчилль апеллирует к доверенным лицам — Исмею, Мортону, Линдеману и Синклеру. Что уж говорить об остальных.

Но даже наличие данных не означало, что они корректно описывали ситуацию. Сведения могли быть искажены или устареть. Понимая эти и другие особенности «жестких» данных, Черчилль предпочитал не ограничиваться официальными источниками получения информации. Часть данных он черпал из газет, ставя подчиненных в тупик обнаруженными просчетами и нелепостями — неспособностью бомбардировщиков поразить скопление барж, запрет на обмен пайков, несправедливость карательного механизма с заключением под стражу на полгода за кражу двух тюлевых занавесок и тюремный срок в пять лет за воровство нескольких бутылок виски. Были и забавные эпизоды. Прочитав в *The Times*, что в одной из дивизий для всех введен обязательный экзамен с бегом на семь миль, Черчилль написал военному министру: «Кто руководит этой дивизией и бежит ли он сам семь миль? Если да, тогда он больше подходит для футбола, чем для войны. Мог ли Наполеон пробежать семь миль у Аустерлица? Он был там, чтобы заставить бегать противника»^[323].

Чтение газет больше помогало держать в тонусе подчиненных, чем выявлять серьезные проблемы. В отличие от штудирования прессы гораздо больше пользы приносил другой подход британского премьера — лично беседовать с ответственными исполнителями и по мере возможности самому наблюдать за их активностью. Он мог часами инспектировать войска, признаваясь, что беседы с солдатами и командирами помогали ему лучше понять, как победить в войне. Сначала он мотался по стране, а после начала боевых действий на других театрах существенно расширил географию своих поездок. За первые четыре года войны он преодолел свыше 180 тыс. километров, проведя 792 часа или 32 дня на море и 335 часов или 14 суток — в воздухе. К концу войны этот показатель превысил 320 тыс. километров. Учитывая, что шла война, подобные поездки были опасны, и каждая из них могла закончиться трагически. Глава польского правительства в изгнании генерал брони Владислав Сикорский (1881–1943), брат короля принц Джордж герцог Кентский (1902–1942), генерал-лейтенант Уильям Готт (1897–1942) — далеко не полный перечень высокопоставленных лиц, погибших в авиакатастрофах в этот период. Черчилль тоже не раз оказывался на волоске от смерти. То в самолет попала молния, то машина сбилась с курса, то попала под «дружественный огонь» британских ПВО.

Относительно взаимодействия с коллегами, определяющее влияние на решения британского руководства оказывали отношения премьер-министра с начальниками штабов и командующими на местах. Это был трудный и неоднозначный тандем, в котором у каждого были своя правда и свои ошибки. Черчилль, который постоянно генерировал идеи и предлагал новые направления атаки, осуждал военных за «оборонительное, негативное, безынициативное и узколобое мышление», его раздражали их «ограниченность, отсутствие воображения и медлительность». Он осуждал их практику «перегружать свои оперативные планы столь многими факторами безопасности, что они не позволяют вести военные действия в любой форме». Он жаловался Идену, что политики «не получают практически никакой поддержки и вдохновения от своих военных советников». Он ругал военных за то, что они рубят на корню все его намерения, ничего не предлагая взамен, что на все его инициативы они начинают хором исполнять гимн «безопасность в первую очередь». «Нельзя планировать военную операцию, как планируется строительство моста, — объяснял он начальникам штабов, — требуется не гарантия, а талант, импровизация и энергичный ум». На одном из заседаний Военного кабинета возмущенный отсутствием новых предложений с постоянной оппозицией его начинаниям, он даже предложил дать объявление в газеты: требуются новые идеи. Когда премьер-министр Австралии Роберт Мензис (1894–1978), находясь в Лондоне, обратил внимание своего британского коллеги на его авторитарный стиль руководства, с концентрацией инициативы исключительно в своих руках, наш герой ответил ему: «Посмотрите, кто меня окружает. У них нет идей, поэтому единственное, что остается, это предлагать идеи самому». Он отчитывал Комитет начальников штабов за «принятие слабых и неуверенных решений». «Что вы получите, если соберете вместе самого храброго моряка, самого бесстрашного летчика и самого отважного солдата? — спросил он однажды у одного из своих коллег и сам же дал ответ: — Вы получите совокупность их страхов». После войны он писал, что многие решение приходилось принимать в условиях «упорной борьбы против непрерывно выдвигавшегося избитого аргумента о необходимости обеспечения безопасности повсюду». А самих экспертов-планировщиков он называл не иначе как «машины отрицания». «Конечно, планирующие органы должны перебирать в уме все возможные предположения, — считал он, — но, к счастью, в делах человеческих все происходит гораздо проще». «Самые замечательные аргументы всегда используются для обоснования того, чтобы не делать ничего», — возмущался наш герой^[324].

Со стороны военных тоже были претензии к подходам и методам премьер-министра. «Уинстон всегда ждет, что из пустой шляпы появится кролик», — возмущался главком на Среднем Востоке генерал Арчибальд Уэйвелл (1883–1950). Понимая, что предложения Черчилля не учитывают ресурсные, временные, логистические и тактические ограничения, военные иерархи считали участие премьер-министра в планировании и управлении операциями опасным, а свою основную миссию видели в том, чтобы сдерживать активность главы правительства. «Большая часть моей жизни, — признавался генерал Джон Дилл, — тратится не на свершение мной умных поступков, а на предотвращение глупостей со стороны других». «Я не уверен, может именно Уинстон и является величайшей угрозой», — отмечал Дилл, констатируя, что премьер-министр «полон идей, многие из которых замечательны, но большинство — непрактичны». «Он обладает такой напористостью и индивидуальностью, что, похоже, ему никто не способен противостоять», — констатировал генерал. Своему преемнику на посту начальника Имперского генерального штаба — Алану Бруку (1883–1963) — он скажет: «Я иногда задаюсь вопросом, где бы мы оказались, если бы Уинстон мог беспрепятственно делать все что захочет». Брук полностью разделял мнение Дилла, считая, что «Уинстон никогда не был хорош в осознании всех сложностей и последствий тех направлений действий, которым он благоволил; он просто не обращал на них внимания». В то время как премьер-министр Южно-Африканского Союза фельдмаршал Ян Сметс (1870–1950) заявлял, что «Уинстон незаменим, потому что у него есть идеи», Брук, напротив, считал такое обилие идей недостатком, замечая, что в голове его босса рождается «ежедневно десять идей, из которых только одна хорошая, но сам Уинстон не знает какая именно». Также он возмущался «импульсивной натурой» и манерой Черчилля принимать решения, следуя интуиции вместо логики. «Одному Богу известно, куда он нас заведет!» — восклицал начальник Имперского генерального штаба. Так же, как и его предшественник, Брук считал, что его «главная забота остановить Уинстона от суетливых действий». Аналогично вели себя и другие начальники штабов. «Самым большим достижением» начальника Штаба ВВС, по мнению коллег, «были его споры с Черчиллем по вопросам стратегии и способам ведения войны». Много энергии в этом направлении приходилось тратить и начальнику Военно-морского штаба. По сути, военным экспертам, тесно работавшим с Черчиллем, приходилось сражаться одновременно на двух фронтах: с противником — на просторах необъятной Британской империи и с премьер-министром — часами выслушивая и оспаривая его бесконечные

идеи атаковать здесь, там и везде, известные в близком кругу по поздним часам обсуждений как «полуночные прихоти»^[325].

Приведенные высказывания военных не следует воспринимать буквально. Большинство из них появлялись под влиянием момента после очередного спора или утомительного обсуждения. Тот же Брук, дневники которого переполнены гневными тирадами в адрес премьер-министра, заявлявший, что Черчилль является «самым тяжелым человеком, с которым ему приходилось работать», признавался, что «ни за что на свете не упустил бы возможности работать с ним». Когда выйдут в свет его дневники, он направит один экземпляр Черчиллю со следующей дарственной надписью: «Возможность служить вам была величайшей честью, дарованной мне судьбой». Схожие признания можно найти и у других начальников штабов. Например, адмирал Каннингем, потративший много нервов и сил на споры с Черчиллем, писал впоследствии, что он «никогда, ни на секунду не терял глубочайшего восхищения этим самым замечательным и храбрым англичанином, который благодаря своей энергии, упрямству и исключительной силе характера повел Британию и ее народ»^[326]. Аналогично не следует делать долгоиграющих выводов о нетерпимости и неуважении Черчилля по отношению к военным. Он был искренен в выражении недовольства и порой принимал жесткие кадровые решения, но старался не становиться жертвой эмоций или личных антипатий. И то, что тот же Брук, который постоянно его сдерживал и часто критиковал, прослужил с ним до конца войны, не простая случайность. Они могли спорить и даже ругаться, но сохраняя взаимное уважение к друг другу, преодолевали разногласия и подчиняли личные позиции верховенству общей цели.

Приведенные выше критические высказывания Черчилля и военных друг о друге указывают на другое — на наличие конфликта, весьма распространенного в диаде лидер — эксперт, когда воображение, видение и напор первого уравниваются опытом, знаниями и осторожностью второго. Обычно слово «конфликт» имеет отрицательную коннотацию, ассоциируясь с чем-то деструктивным и разрушающим. Но в случае с нашим героем конфликт, наоборот, отражал жизнеспособность и надежность системы управления, в которой встроенный механизм сдержек и противовесов блокировал принятие авантюрных и опасных решений с одной стороны и обеспечивал энергетический посыл для преодоления косности и инерции — с другой. По этой причине стойкость военных, пытающихся убедить Черчилля в неправильности и опасности его

предложений, была необходимым и эффективным механизмом принятия взвешенных решений. Когда Брук услышит, что у кого-то сложилось мнение, будто он ненавидит Черчилля, фельдмаршал ответит: «Я не ненавижу его, напротив, я его люблю, но, если наступит день, когда я скажу ему, что он прав, считая на самом деле, что он ошибается, в этот момент он должен избавиться от меня»^[327].

Из описанного конфликта следует важный вывод, без которого понимание военного премьерства Черчилля будет неполным и неправильным. В 1920 году, рассуждая о природе власти, Черчилль сказал Ллойд Джорджу: «Когда кто-то достигает высшей власти и одну за другой преодолевает множество трудностей, появляется серьезная опасность — этот человек начинает думать, что он способен делать все, что пожелает». Черчиллю тоже хотелось бы так думать, но у него таких мыслей не возникало. Несмотря на централизованную систему управления с сосредоточением в своих руках значительной власти, как премьер-министра, лидера Консервативной партии (с октября 1940 года), министра обороны, а также председателя Военного кабинета и Комитета обороны, у него было недостаточно полномочий, чтобы принимать единоличные решения, а также требовать от других неоспоримого исполнения своей воли. «Я должен был уговаривать и увещевать», — признавался он. Кроме того, регулярно «весь характер и система руководства войной ставились под сомнение и вызывали недовольство», а сам он «мог быть в любой момент отстранен от власти голосованием в парламенте». За время его руководства правительством в Палате общин несколько раз проходили голосования о вотумах доверия и недоверия, каждое из которых могло закончиться отставкой нашего героя. «Трудность заключается не в том, чтобы выиграть войну, — констатировал Черчилль, — трудность заключается в том, чтобы убедить людей — глупых людей, позволить тебе это сделать»^[328].

В своих мемуарах Черчилль в ироничной манере признавался: «Все, что я хочу, это согласие с моими желаниями после разумной дискуссии». В спорах он обычно придерживался наступательной тактики, предпочитая эмоциональные и жесткие обсуждения. Начальник Штаба ВВС Портал вспоминал, как однажды во время спора, будучи не согласен с премьер-министром, начал выражаться в резкой форме. Черчилль внимательно его слушал, не сводя с него ледяного взгляда. Когда Портал извинился за свой тон, то услышал в ответ: «На войне главное не вежливость, а здравый смысл». Черчилль не любил молчунов, считая, что «нередко человек

молчит, поскольку не знает, что сказать, и пользуется хорошей репутацией только из-за своего молчания». Он ценил сильных, агрессивных и уверенных в себе оппонентов, полагая, что, если кто-то не согласен с ним, он должен убеждать, отстаивать и бороться за свои взгляды. Подобный подход не был лишен недостатков. Некоторые военные, как, например, Портал или Брук, были способны противостоять прессингу премьера, ведя с ним диалог на равных. «Когда я бью по столу и устремляю свой взор на Алана Брука, как вы думаете, что делает он? — отмечал наш герой. — Бьет еще сильнее, еще громче по столу и смотрит мне прямо в глаза в ответ». Но далеко не все обладали такой же стаминой и упрямством. Некоторые просто терялись и оказывались неспособными донести свои доводы. «Когда у меня есть возможность высказаться, я понимаю, что не могу выразить свои мысли настолько же ясно, насколько я понимаю их сам», — жаловался маршал Королевских ВВС Хью Тренчард. Другие под влиянием харизмы премьер-министра теряли способность критически мыслить и оказывались не в состоянии адекватно оценить его предложения. Один из участников подобных прений признавался в письме супруге, что в эти моменты он никогда не бывает до конца уверен: заблуждается Черчилль или премьер-министра озаряет вспышка гениальности и с ним следует соглашаться^[329].

Черчилль, который прошел суровую школу Палаты общин, не понимал или не хотел понять, что военные уступали ему в дискуссионных навыках. Он считал, что как они защищают свои взгляды перед ним, так же они будут сражаться и с противником на поле боя. И если военачальник неспособен отстоять свою точку зрения, то либо он в ней сам не уверен, либо ему не хватает бойцовских качеств. В итоге это приводило к тому, что основная нагрузка в убеждении премьер-министра ложилась на начальника Имперского генерального штаба — сначала на Дилла, затем на Брука, которые были вынуждены страховать своих коллег, доводя до Черчилля невысказанные аргументы и заканчивая оборванные ответы.

Несмотря на большое значение эмоций и характера участвующих в обсуждении лиц, основное внимание уделялось фактам, логике и рациональности суждений. Иден вспоминал, что совещания с Черчиллем были «прекрасным и уникальным опытом, это мог быть монолог, но никогда — диктат»^[330]. Порой Черчиллю не хватало аргументов, и тогда он обращался к своему излюбленному приему с переводом темы из плоскости военных в плоскость политических факторов и целей. Иногда он шел на хитрость, используя свойства асимметрии информации и держа в уме

сведения, о которых не было известно его оппонентам. Но даже в этих случаях наш герой не всегда добивался своего, вынужденный либо соглашаться и признавать свою неправоту, либо просто молчаливо отступать, в надежде вернуться к вопросу в дальнейшем.

Рассмотрение созданной Черчиллем в годы войны системы управления также будет неполным без упоминания отличительных особенностей лидерского почерка нашего героя, которые формировались на протяжении сорока лет его политической деятельности. В отличие от Рузвельта и своих предшественников — Асквита и Ллойд Джорджа, предпочитавших давать распоряжения в устной форме, все поручения Черчилля фиксировались письменно. Во избежание возможного недопонимания после назначения на пост премьер-министра он даже направил секретарю кабинета генералу Исмею и начальнику Имперского генерального штаба следующее сообщение: «Сразу определимся — все указания, исходящие от меня, даются только в письменном виде, и я не несу никакой ответственности за вопросы национальной обороны, по которым я якобы дал указания, в том случае, если они не зафиксированы письменно». Норман Брук вспоминал, что этот документ произвел в Уайтхолле эффект разорвавшейся бомбы. Исходящие с Даунинг-стрит письменные поручения «значительно оживили и улучшили работу административного аппарата, у всех появилось новое ощущение цели и срочности, все осознали, что штурвал находится в сильных и волевых руках». При постановке задач Черчилль руководствовался принципом персонализации ответственности и фиксации сроков. Аналогичного подхода он старался придерживаться в процессе планирования и принятия стратегических решений. Опираясь на свой многолетний опыт и считая, что «каждый умный человек может составить планы по достижению победы в войне, не неся при этом ответственности за их реализацию», он старался придерживаться следующего правила: «Планы должны разрабатываться только теми, кто имеет власть и несет ответственность за их воплощение в жизнь». Поэтому он со временем вывел из состава Военного кабинета всех политиков с совещательными функциями, оставив только тех, кто возглавлял ведомства и отвечал за критически важные направления^[331].

Постановка задач в письменной форме позволяла жестче закреплять ответственность и четче определять права исполнителей. При этом Черчилль не только разрешал, но даже поощрял инициативность со стороны подчиненных, допуская разумное отступление от выданных указаний. «Лучшие генералы те, кто, добиваясь поставленных задач, не связывают себя слишком жестко с разработанными планами», — утверждал

он. Ему вообще импонировали незаурядные и неординарные личности, готовые пренебречь условностями и отринуть общепринятые правила ради выдающегося достижения. Учитывая, правда, что подобные личности, как правило, отличались независимостью и были соответственно трудноуправляемы, они не пользовались популярностью у руководства, которое старалось отговорить Черчилля от подобных кадровых решений. Так, например, в бытность руководителем Адмиралтейства, при разработке плана минирования Рейна, наш герой обратил внимание на инженера майора Миллиса Джеффриса (1899–1963) — «замечательного офицера» с «изобретательным и находчивым умом». Став премьер-министром, он решил активнее использовать его незаурядный интеллект в решении задач британской армии. В августе 1940 года Черчилль поинтересовался у Исмея, где сейчас служит майор и кому он подчиняется. Он считал, что «этот офицер обладает всеми необходимыми способностями и личными качествами для повышения». Исмей направил запрос Диллу, который ответил, что ни о каком продвижении не может быть и речи, так как Джеффрис «значится на 150-м месте в перечне майоров инженерных войск». «Не вызывает никаких сомнений, что в условиях военного времени, вместо следования исключительно правилам старшинства, наиважнейшим является продвижение вперед способных кадров», — парировал Черчилль. По его указанию талантливый инженер был переведен из военного ведомства в Министерство снабжения под кураторство профессора Линдемана, а еще через год стал отчитываться лично министру обороны (то есть Черчиллю). Созданное специально под него подразделение — MD1 (*Ministry of Defence 1* — Министерство обороны 1), больше известное как «Магазин игрушек Черчилля», располагалось в графстве Бакингемшир всего в десяти милях от Чекаса. Под руководством Джеффриса будут разработаны ручные противотанковые гранатометы (произведено 115 тыс.), бомбы-липучки (произведено 2,5 млн), бомбы-дождевики (произведено 50 тыс.) и взрывные устройства замедленного действия (произведено 250 тыс.)^[332].

О том, насколько сильным и хитрым может быть сопротивление подчиненных, Черчилль убедился на собственном опыте в случае с другим неординарным офицером — генерал-майором Перси Хобартом (1885–1957). Среди коллег генерал зарекомендовал себя как «импульсивный, непоследовательный и не внушающий доверия» военачальник. В ноябре 1939 года на него поступила жалоба о потере доверия со стороны подчиненных. Спустя четыре месяца из-за своего «раздражительного, вспыльчивого и несдержанного» нрава, а также нежелательной черты

«принимать желаемое за действительное» генерал был низведен до позиции капрала отрядов местной самообороны. Черчилль лично знал Хобарта. Возглавив правительство, он вновь встретился с опальным генералом. После чего потребовал его возвращения в ряды вооруженных сил. «Нельзя ждать от гениев следования учебнику», — убеждал он скептически настроенных коллег. Тщетно Дилл пытался переубедить премьер-министра, который напомнил начальнику Имперского генерального штаба о тяжелых последствиях предвоенного скептицизма штабистов к новаторским идеям Хобарта относительно производства танков новых моделей. «Мы находимся в состоянии войны, боремся за наши жизни и не можем позволить ограничивать назначения лишь теми, кто не вызывает враждебных комментариев», — объяснил Черчилль в очередной записке. В личной беседе он сказал Диллу следующее: «Запомните, не только хорошие парни могут помочь выиграть войну, также нужны подлецы и подонки». С большим трудом, «преодолевая предрассудки», генерала удалось вернуть в действующую армию. Сначала он возглавил 11-ю, а затем еще и 79-ю бронетанковую дивизию, на базе которой велись работы по модернизации транспортных и боевых машин и которая тесно работала с MD1 Джеффриса. Но на этом история не закончилась. Осенью 1942 года до Черчилля дошла информация, что Хобарта планируют отправить в отставку по состоянию здоровья, для чего даже подготовлен соответствующий медицинский отчет. Шокированный подобным обращением, Черчилль связался с военным министром и заявил, что не видит оснований отправлять Хобарта в отставку. Дав генералу в очередной раз самую лестную характеристику, он заключил свое обращение следующим образом: «Высшее военное командование — это не клуб. Моя задача и задача правительства Его Величества состоит в том, чтобы одаренным людям не чинили препятствий, какими бы непопулярными эти кандидатуры ни были». Черчилль боролся не зря. В 1944 году «игрушки Хобарта» — огнеметные танки *Churchill Crocodile* («Черчилль Крокодил») и танки-заградители *Crab* («Крабы») ^[333] — одними из первых примут участие в высадке союзных войск во Франции ^[334].

Джеффриса и Хобарта объединяло не только их необычное поведение, но и неординарные достижения, носящие инновационный характер. Черчилль также питал любовь к различным новинкам, уделяя внимание последним веяниям в научной сфере. Заявляя, что Вторая мировая является «войной научных достижений, войной, которую невозможно выиграть без нового вида оружия» ^[335], он всегда был на стороне способных предложить

решение и возможность. Когда в разгар Битвы за Британию разразился скандал между корифеем Генри Тизардом (1885–1959)^[336] и молодым ученым Реджинальдом Виктором Джонсом (1911–1997), полагавшим, что люфтваффе используют для наводки самолетов радиолучи, он поддержал Джонса, дав ему возможность подтвердить свою гипотезу и генерацией ложных лучей уводить самолеты противника подальше от населенных пунктов. Черчилль также принимал участие в поиске средств сокращения потерь британских бомбардировщиков. Для глушения радаров противника он предложил разбрасывать с воздуха полосы станиоля или другого проводника. В дальнейшем его идея стала известна в научных кругах под кодовым названием «Окно» (*Window*) и нашла активное применение, причем по обе стороны Северного моря. Свой вклад Черчилль внес и в открытие Второго фронта. Понимая, что одна из трудностей проведения десантной операции состоит в выгрузке техники, людей, боеприпасов и продовольствия на непригодное для этого побережье, он предложил сконструировать искусственные береговые сооружения, известные впоследствии как «Багровая гавань» (*Mulberry Harbour*). Впервые концепция искусственных молов появилась у британского политика еще во времена Первой мировой войны. Когда же спустя четверть века пришло время воплощать ее в жизнь, он озвучил еще две идеи, которые, как потом показали исследования, оказались решающими в проектировании: гавань должна иметь сборную конструкцию для посекционной транспортировки, а также быть отделена от открытого моря искусственными волнорезами. Адекватность последней идеи он лично проверял в присутствии высшего состава в наполненной водой ванне, создавая рукой волны и наблюдая насколько эффективно миниатюрный макет волнореза борется с ними. Были у Черчилля и другие идеи, которым из-за своей эксцентричности и ненадобности повезло меньше. Например, траншеекопатель на гусеничном ходу «Культиватор № 6». Находясь под впечатлением огромных потерь от окопной войны в годы Первой мировой, Черчилль предложил в начале нового военного конфликта соорудить машину, способную рыть траншеи к линии обороны противника. Блицкриг немцев в мае — июне 1940 года сделал эту машину бесполезной. Но под влиянием нестигаемой воли британского премьера на свет все-таки появилось несколько моделей, один внешний вид которых был способен если не уничтожить, то напугать противника. Созданный для рытья траншеи глубиной 1,5 метра и шириной 2 метра «Культиватор» весил 130 тонн и имел длину почти 24 метра. Из других оригинальных изобретений Черчилль активно поддерживал проект Луиса Маунтбэттена (1900–1979) «Аввакум» (*Habakkuk*) — корабль из

деревянного остова, заполненного блоками из пайкерита^[337]. В Канаде даже было построено одно судно длиной 18 метров. Подобные сооружения планировалось использовать в качестве бензоаправщиков ВВС, но, учитывая, что лед все-таки тает, они так и не нашли применения.

Понимание важности разведданных, любовь к научным новинкам, а также посильная поддержка неординарных личностей были частью мозаики, которые определяли любовь Черчилля к нетривиальным и неожиданным решениям. Наиболее ярко эта особенность проявлялась в планировании операций, составив основу концепции «стратегического оппортунизма». При этом под «оппортунизмом» понималось не привычное преобладание частных интересов над общими целями, а активное использование возможностей (на латыни — *opportunus*). Еще в декабре 1939 года, возглавляя Адмиралтейство, Черчилль указывал, что «наша основная стратегия должна формироваться обстоятельствами». В мемуарах он развил эти выводы, признавая, что в отличие от американцев «мы не согласны, что логика и четкие принципы являются единственным способом принятия решений в быстро меняющихся и не поддающихся описанию ситуациях». По его словам, «британцы придают большое значение оппортунизму и импровизации», вдохновляясь не «фундаментальными решениями», а «разворачивающимися событиями». В черновиках также содержалось следующее показательное признание, не вошедшее в окончательную редакцию: «Я не могу согласиться с тем, что оппортунизм является пороком»^[338].

В своей приверженности «стратегическому оппортунизму» Черчилль исходил из трех постулатов, к которым проникся в процессе многолетнего управления и изучения прошлого. Во-первых, ни один человек или группа людей не обладают настолько мощным интеллектом, чтобы просчитать все сценарии и учесть все факторы. Во-вторых, несмотря на большое обилие данных, в том числе благодаря разведке, руководитель все равно принимает решения, располагая иногда неточной, иногда устаревшей, но почти всегда неполной информацией. В-третьих, наступление всех событий носит не детерминированный, а вероятностный характер и даже при высокой вероятности какого-либо исхода всегда есть место случаю, способному кардинально изменить результат. Опираясь на эти три постулата, Черчилль считал, что нужно видеть четко главную цель, а путь движения к ней определять сообразно ситуации, оставаясь при этом всегда готовым к неожиданностям и экспромту. В определенном смысле британский политик следовал прусскому генералу Карлу фон Клаузевицу (1780–1831),

объяснявшему, что «война — это область неопределенности» и от военачальника требуется найти золотую середину между осторожным благоразумием и рискованным авантюризмом^[339]. Именно через призму «стратегического оппортунизма» и следует рассматривать многие решения Черчилля в период военного премьерства. Эти решения не все будут правильны, но в итоге они позволят ему привести британский народ к победе.

Годы разочарований, поражений и ограничений

При упоминании имени Черчилля очень часто задается вопрос — что именно сделал британский политик, чтобы привести свою страну к победе в самой крупной войне в истории человечества, обеспечив себе тем самым почетное место в сонме великих исторических личностей? Для ответа на этот вопрос рассмотрим один стратегический документ, описывающий реалии мировой войны и подходы для достижения победы. Признавая, что британским вооруженным силам придется иметь дело с «более подготовленными к тотальной войне» противниками, делался вывод о том, что на первой стадии войны необходимо использовать любой удобный случай для «нанесения решающих ударов по Италии» и «сдерживания Германии» с одновременным наращиванием сил для последующего наступления на Третий рейх. Наращивание сил и ведение боевых действий против более слабого противника планировалось сопровождать подрывом способности Италии и Германии к сопротивлению с применением «мер экономического воздействия». Важным дополнением этих планов было «обеспечение благожелательного нейтралитета или активной поддержки других держав, и особенно США».

По сути, приведенная оценка вкратце описывала программу, реализованную Черчиллем. Но только составлен этот план был не нашим героем, он вообще был разработан до назначения будущего военного лидера Великобритании на пост премьер-министра. Более того, этот документ появился еще до начала войны — в апреле 1939 года, благодаря совместным усилиям британских и французских штабистов^[340]. Большая стратегия Соединенного Королевства была к моменту прихода Черчилля в правительство определена и, если не считать разногласий с отдельными коллегами, реализовывалась последовательно и уверенно. Даже инициативы Черчилля на посту первого лорда Адмиралтейства, связанные с проведением военной операции в Балтике, минированием территориальных вод Норвегии и судоходных рек в Германии, полностью соответствовали общему фарватеру принимаемых решений и были не актами наступательных действий, а еще одним средством активно применявшейся экономической блокады. В этой связи, когда путь был прочерчен, правильным будет вопрос не *что* сделал Черчилль, а *как* он это сделал. Именно выбранные им средства и определили его место в истории. Хотя этот выбор и дальнейшая реализация были связаны с множеством

ограничений, проблем и изъянов, преодоление которых также повлияло на восприятие личности нашего героя современниками и последующими поколениями.

Рьяно приступив к исполнению обязанностей премьер-министра, Черчилль как никто в британском руководстве знал о том, насколько сильно в народе преобладают миротворческие настроения, поощряемые его предшественниками в 1930-е годы, насколько неподготовлена британская армия к встрече с вермахтом, насколько уступает британская экономика производственным мощностям и ресурсной базе противника. Он знал, что его премьерство будет тяжелым. Но даже он не представлял, с насколько масштабным и глубоким кризисом ему придется столкнуться и насколько сложные вопросы встанут на повестке дня буквально через несколько недель после его назначения.

Опираясь на опыт предыдущей войны, Черчилль готовился к кровопролитным сражениям на континенте. Также, разделяя взгляды экспертов об ограничениях немецкой экономики и невозможности вермахта одновременно противостоять в полном объеме Франции и Британии, он готовился к тому, что немцы постараются захватить Бельгию и Нидерланды с переходом к позиционной войне с Францией и бомбардировкам Британии с нарушением ее коммуникаций и линий снабжения. Но в Берлине подготовили сюрприз. Отвлекая внимание союзников на севере, они сосредоточили основной удар через считавшиеся непроходимыми Арденны. Вторгнувшись широким клином на территорию Франции, моторизованные колонны немецких захватчиков устремились к Парижу и на север, отрезая армии союзников от линий снабжения и загоняя их на побережье Ла-Манша. Утром 15 мая глава правительства Франции Рейно разбудил Черчилля телефонным звонком, сообщив британскому коллеге: «Мы потерпели поражение... Нас разбили, мы проиграли». Черчилль попытался успокоить собеседника, объясняя, что «наступление скоро прекратится»^[341]. В прошлой войне фронт всегда стабилизировался, напоминая больше движение маятника, чем удар молнии. Но в этой войне все было иначе.

Черчилль попытался уточнить у командующих на местах масштаб катастрофы. Но не добившись от них вразумительных ответов, решил сам направиться в Париж. В течение следующих четырех недель он будет пять раз пересекать Ла-Манш, сокрушаясь над тем, как с каждым разом среди французского руководства усиливается растерянность, паника и желание капитулировать. Черчилль старался ободрить, вдохновить и убедить Рейно продолжать сражаться. Одновременно на французского премьера

оказывалось противоположное влияние. Причем не только со стороны коллег, но и из уст любовницы графини Элен де Порт (1902–1940), которая пыталась склонить своего возлюбленного к мысли, что Франции не стоит подвергаться разрушениям, необходимо остановить ужасы войны и заключить перемирие. «Эта женщина разрушает за ночь все, что я создаю в течение дня, — жаловался британский премьер. — Разумеется, она может предложить ему то, что я предложить не в состоянии. Я могу убедить Рейно, но я не могу с ним спать»^[342].

У Черчилля были проблемы и посерьезнее графини де Порт. В той ситуации, в которой оказалась Франция в мае — июне 1940 года, одними словами и харизмой помочь было нельзя. Рейно требовал истребителей, французские командующие — объединения разрозненных армий и проведения контратаки. В обоих случаях Черчилль столкнулся с трудным выбором. Если Франция капитулирует, то вся оказанная ей помощь станет напрасной, а все потери в сражениях на континенте критическим образом ослабят обороноспособность его собственной страны. В то же время без внешней помощи Франции не выстоять. Для истории останется основанное на холодном прагматизме эгоистичное решение Черчилля поставить сохранение истребительной авиации для защиты Острова выше помощи союзнику. На самом деле британский премьер колебался. Идя наперекор экспертам, он несколько раз убеждал Военный кабинет о срочной необходимости направить во Францию эскадрильи истребителей, а также искал различные компромиссные варианты, например, с возвращением истребителей ночью на британские аэродромы. Унижения и разочарования также сопровождали организацию контратаки. Еще до получения приказа главнокомандующий Британскими экспедиционными силами во Франции генерал Джон Верекер 6-й виконт Горт (1886–1946) принял 25 мая решение не соединяться на юге с французскими частями, а спасти войска, пробиваясь с ними в Дюнкерк для последующей эвакуации. В других обстоятельствах такое решение могло бы закончиться трибуналом, но учитывая, что Черчилль (пусть и с опозданием) пришел к аналогичному выводу, лорд Горт получил одобрение и похвалу.

Теперь будущее британской армии зависело от небольшого гарнизона в Кале, который сдерживал немецкие танки, прикрывая эвакуацию из Дюнкерка. 26 мая командующий гарнизоном бригадир Клод Николсон (1898–1943) получил телеграмму, в которой сообщалось, что эвакуации из Кале не будет. 30-я бригада Николсона приносилась в жертву ради спасения своих товарищей в Дюнкерке. Большая часть гарнизона погибла, остальные вместе со своим командиром попали в плен. Решение удерживать Кале

далось Черчиллю тяжело. Во время ужина обычно словоохотливый премьер молчал, заметив лишь, что «чувствует физическую боль» от сложившейся ситуации. Черчилль вставит это высказывание в мемуары, но ни словом не обмолвится о том, «насколько расстроенным», по словам Исмеля, он выглядел в момент их произнесения. Не войдут в мемуары также следующие размышления автора о дихотомии страдания и решительности, сохранившиеся в черновиках: «Оставаться бесчувственным в самый разгар страданий является признаком убогости личности, которым, я надеюсь, не обладаю, но гораздо хуже оказаться неспособным действовать». «Ни одна великая страна никогда не была спасена хорошими людьми, потому что хороший человек никогда не пойдет настолько далеко, насколько потребуется», — писал об этой дилемме английский писатель Хорас Уолпол (1717–1797).

Эвакуация из Дюнкерка продлилась с 26 мая по 4 июня. Вместо ожидаемых 50 тыс. человек на британский берег было вывезено свыше 338 тыс. солдат, из которых две трети приходилось на британцев и треть — на французов. И хотя, как заметил Черчилль, «эвакуацией войны не выигрываются», это был первый проблеск будущей победы. Узнав, что в первые дни основная масса эвакуировавшихся войск приходилась на британцев, Черчилль распорядился активнее спасать французских военных, считая, что диспаритет в подобном вопросе нанесет «непоправимый ущерб» союзным отношениям. Но союзным отношениям это не помогло. Франция стремительно двигалась к капитуляции. Не помог даже такой отчаянный шаг, как идея создания совместного политического союза Франции и Великобритании с объединением суверенитета, гражданства и вооруженных сил. Черчилль был сначала против этой идеи, но затем поддержал ее, заметив, что «мы не должны давать повод обвинять нас в отсутствии воображения». Декларация была подготовлена, но так и не была опубликована^[343].

Шестнадцатого июня во Франции сменился премьер-министр. Вместо профессионального политика Поля Рейно правительство возглавил герой Первой мировой войны, сторонник капитуляции маршал Франции Филипп Петен, первым же делом затребовавший перемирия. Договор был подписан 22-го числа в декорациях Первой мировой войны: в том же самом вагоне, в том же самом Компьенском лесу, что и перемирие 11 ноября 1918 года. Только теперь Германия принимала капитуляцию бывших победителей. Предчувствуя поражение Франции, 10 июня на стороне Германии в войну вступила фашистская Италия. Теперь после нового Компьенского перемирия Великобритания осталась один на один с германо-итальянским

блоком. И Черчиллю теперь предстояло ответить на вопрос, что делать дальше — пойти по пути бывшего союзника или продолжить борьбу в одиночестве с превосходящими силами противника. Обсуждение этого вопроса началось еще во время эвакуации из Дюнкерка. В течение трех дней 26–28 мая Военный кабинет собирался для поиска ответа девять раз. Столь большое количество заседаний указывало на неустойчивое положение премьер-министра, которому не хватало политического веса убедить коллег в своей точке зрения. Черчилль учел неудачный опыт председательствования в Военном координационном комитете, спрятав командирский тон во внутренний карман пиджака. Теперь ему действительно пришлось убеждать, взвешивая каждое слово и пряча мысли за эвфемизмами. Главным его оппонентом был лорд Галифакс, выступавший не столько за капитуляцию, сколько за привлечение Италии (в надежде сохранить ее нейтральность) в качестве посредника в возможных переговорах с Германией. Черчилль был против подобных обсуждений, заявляя, что «нации, которые шли ко дну в результате борьбы, восстанавливались, в то время как со сдававшимися без боя было покончено». Понижая градус дискуссии, Черчилль сделал несколько реверансов в сторону Галифакса, не отвергая окончательно идею с переговорами. Например, «если мы продолжим борьбу и потерпим поражение, мы получим условия не хуже тех, которые можем получить сейчас». Но заседания все равно проходили в напряженной и взрывоопасной обстановке. Галифакс даже собирался подать в отставку, и Черчиллю пришлось уединиться с ним на примирительный разговор в саду Даунинг-стрит. Премьер-министра поддерживали лейбористы — Эттли и Гринвуд. Решающим было мнение Чемберлена, который осторожничал и колебался, а на восьмом заседании встал на сторону Галифакса, не увидев ничего критичного в том, чтобы дать понять Германии о готовности Британии «рассмотреть приемлемые условия». После этого, чувствуя, что он теряет контроль над дискуссией и Военным кабинетом, Черчилль собрал в своем офисе в Палате общин порядка двадцати младших министров, не знавших о наметившемся расколе. Он выступил перед ними с вдохновенной речью, которая завершилась следующими словами: «Если долгая история нашего Острова подошла к концу, пусть это произойдет, когда каждый из нас будет лежать на земле, захлебываясь собственной кровью». В ответ последовала ожидаемая реакция абсолютной поддержки, которая дала Черчиллю неоспоримый козырь на следующем заседании Военного кабинета. При таком раскладе Чемберлен спасовал, а Галифакс отступил ^[344].

В тот день — 28 мая — Черчилль одержал свою первую победу, но война продолжалась. Продолжилось и давление в пользу перемирия. К мирному урегулированию призвал Ватикан, а также влиятельные нейтралы. Георг VI получил личное обращение от короля Швеции Густава V (1858–1950), предложившего встретиться и «обсудить возможность заключения мира». Недовольные политикой Черчилля имелись и в самой Англии: аристократы, бизнесмены, политики. Причем среди последних были не только влиятельные персоны настоящего, но и ведущие политики прошлого, например, Ллойд Джордж, который считал, что «правительство должно принимать во внимание любые мирные предложения», а также звезды политического небосклона будущего, например, председатель Совета по образованию консерватор Ричард Остин Батлер (1902–1982), не исключавший компромиссного мира^[345].

Черчилль настаивал на продолжении борьбы, подтверждая свои слова действиями. После капитуляции Франции обострился вопрос дальнейшей судьбы французского флота. Переход его под контроль кригсмарине и итальянского флота мог значительно осложнить жизнь британцам. Опасаясь, что Гитлер разыграет эту карту и заберет у французов флот за счет облегчения условий их перемирия, Черчилль решил действовать с опережением. Ранним утром 3 июля в британских портах без боя были интернированы все французские суда. Иначе обстояло дело с французским флотом в средиземноморских портах. Корабли, базировавшиеся в Тулоне и Дакаре, были недоступны для британцев. В отличие от Александрии и базы Мерс-эль-Кебир во Французском Алжире на последней находилась мощная эскадра: 6 подводных лодок и 34 корабля, включая новейшие линейные крейсера *Dunkerque* («Дюнкерк») и *Strasbourg* («Страсбург»), линкоры *Provence* («Прованс») и *Bretagne* («Бретань»). Благодаря дипломатическим талантам и выдержке командующего британским Средиземноморским флотом адмирала Эндрю Каннингема ситуация в Александрии разрешилась благополучно, после волнительных переговоров французы согласились привести свои корабли в состояние негодности к боевым действиям. В Мерс-эль-Кебire восьмичасовые переговоры, наоборот, закончились неудачно. В 17.54 вице-адмирал Джеймс Сомервилл (1882–1949) отдал приказ открыть огонь. После пятнадцатиминутного обстрела *Dunkerque* и несколько других судов были уничтожены, а *Strasbourg* удалось скрыться. В результате обстрела погибли 1,5 тыс. французских моряков, поставив жирную кляксу в истории англо-французских отношений. Большую роль в этом эпизоде сыграл лично Черчилль, который не только внимательно следил за ходом переговоров, но и фактически инициировал нападение на

суда бывшего союзника. Впоследствии он назовет это решение «ужасным», «невыносимо трудным и противоестественным», «словно лишаешь жизни собственного ребенка». Многолетнему франкофилу Черчиллю оно действительно далось нелегко, лишний раз показав, что в отношении государственных деятелей неприменимо использование термина «симпатии» (или «антипатии») к иностранным государствам, для них важны лишь интересы своей страны. Черчилль объяснит расстрел флота бывшего союзника необходимостью продемонстрировать всему миру, что британцы будут сражаться до последнего и на этой тропе они пойдут до конца^[346].

Дав понять всему миру и Германии, что Британия настроена серьезно продолжать борьбу, Черчиллю и британскому руководству теперь предстояло решить следующую сложную задачу: каким образом, не имея союзников и лишившись тяжелого вооружения, брошенного на побережье Северной Франции во время эвакуации, если не победить, то хотя бы не проиграть войну. У этой задачи было два основных аспекта — оборона и нападение, которые были связаны друг с другом через использование одинаковых ограниченных ресурсов. В первую очередь распределение ресурсов зависело от вторжения — состоится ли оно или Гитлер не решится на рискованный шаг. Большинство военных экспертов считали, что вторжение неминуемо. На это же указывали многочисленные разведданные, включая мириады косвенных фактов, подтверждающих подготовку броска, а также непрекращающийся поток сообщений с указанием конкретных дат его начала. Черчилль глубоко изучал вопрос вторжения еще до Первой мировой войны и для себя пришел к выводу, что проведение столь масштабной операции невозможно без обеспечения контроля в воздухе, на море, а также наличия десантных судов. Ни того, ни другого, ни третьего у Германии летом 1940 года не было. Руководствуясь этими доводами, британский премьер считал, что вторжение не состоится. Но можно ли подобные рассуждения принимать за руководство к действию? Многолетний опыт Черчилля подсказывал ему, что нет. «Очень глуп будет тот, кто, несмотря на всю ясность и уверенность своего мышления, не посчитается с какой-либо возможностью, против которой следует принять меры», — делился он своими сомнениями. Не исключено, что он что-то не учел или о чем-то не знает и казавшееся ему непреодолимым препятствие уже не представляет проблем для немецких военных.

Не имея возможности рисковать в столь важном вопросе, Черчилль распорядился максимально защитить подступы к Альбиону, сосредоточив к

недовольству командующего Флотом метрополии суда у Восточного и Южного побережий. Одновременно на острове всегда оставалась боеспособная армия для оперативного отражения неожиданной атаки. Угроза вторжения также активно поддерживалась в общественном сознании, позволяя держать «каждого мужчину и женщину в высшей степени готовности». Следуя примеру великих военных лидеров прошлого, Черчилль сжег пути к отступлению. Он приказал отменить эвакуацию детей и наиболее ценных произведений искусства в США и Канаду. Каждый британец (и британка — Черчилль собирался в случае вторжения послать в бой и мужчин, и женщин) должен осознать, прочувствовать и принять — если нога немецкого солдата вступит на Остров, то у британцев останется только один выход — либо победить захватчиков, либо пасть в борьбе с ними^[347].

До вторжения не дошло, но настрой британцам пригодился. Черчилль оказался прав, когда в своем выступлении 18 июня констатируя, что «Битва за Францию подошла к концу», предсказал начало нового этапа войны — Битвы за Британию, от исхода которой, по его словам, «зависит наше собственное существование, продолжение наших институтов и нашей империи»^[348]. Поверив Герману Герингу, Гитлер решил сломить дух британцев непрерывными бомбардировками сначала промышленных центров и военных объектов, а затем крупнонаселенных городов. Но британцы оказались крепким орешком. Разрушение домов и любимых памятников архитектуры вызвало у них вместо отчаяния и паники злость и желание ответить тем же. Кроме того, в небо поднялись истребители, которые под методичным и уверенным руководством своего командующего главного маршала авиации Хью Даудинга (1882–1970) дали бой люфтваффе. Продлившаяся с 10 июля по 30 октября 1940 года Битва за Британию стала первым эпизодом Второй мировой войны, когда хваленая немецкая военная машина, знавшая до этого только победы, дала сбой и потерпела поражение. Немцы и дальше продолжают бомбить британские города, сначала бомбардировщиками, затем крылатыми ракетами Фау-1 и Фау-2, но момент был упущен. Без господства в воздухе вторжение было невозможно. И поэтому разворачивая свои силы для кампаний на востоке, Гитлеру ничего не оставалось, как смириться с тем, что на западе остается непокоренный Остров, который будет мешать реализации его планов.

Отказавшись от вторжения на Туманный Альбион, немецкое руководство решило продолжить бомбардировки с воздуха и уничтожение конвоев «волчьими стаями» подводных лодок. Ввиду своей специфики

активность и успешные действия последних производили меньше впечатления на британскую общественность, чем разрушенные после налетов люфтваффе города. Но ущерб, который наносили подводные лодки, был более серьезным. И Черчилль это прекрасно понимал — не зная летом 1940 года, как одержать победу над германо-итальянским блоком, он точно знал, как Британия может проиграть войну: лишившись необходимого объема импорта, обеспечивавшего Остров сырьем и продовольствием. Помимо жизнеобеспечения страны потери транспортных судов также накладывали существенные ограничения на стратегические замыслы, не позволяя перебрасывать в нужном объеме и в требуемые сроки армию и вооружение. Но даже если необходимые ресурсы выделялись, то всегда нужно было учитывать риск потерь, что также затрудняло планирование. Понимая, что импорт является ахиллесовой пятой британской военной машины, Черчилль объявил, что после победы в Битве за Британию для страны начинается новый этап войны — Битва за Атлантику. Как и в предыдущем эпизоде, Черчилль сам стал автором нового термина, прочно вошедшего в летопись британской истории. Вот только победы в этом противостоянии пришлось добиваться дольше, чем предполагалось, а в какой-то момент чаша весов колебалась настолько сильно, что могла склониться на сторону противника. Если в довоенный период ежегодный импорт составлял в среднем 54 млн тонн, то к концу 1940 года он сократился до 37 млн, в 1941-м — до 30,5 млн, а в первой половине 1942-го — до критических 24,2 млн, что всего на 2 млн тонн превышало рассчитанный лимит и создавало угрозу расходования резервов. Ситуация улучшилась только в конце 1942 года, когда взлом кода четвертого ротора немецкой шифровальной машины «Энигма» позволил идти на шаг впереди противника. Правда, вскоре немцы сменили коды, и британские моряки вновь оказались один на один с «волчьими стаями». Новую победу специалистам Блетчли-парка удалось одержать только в марте следующего года. Но даже тогда должно было пройти время, прежде чем Королевский ВМФ смог предугадывать действия кригсмарине, избегая опасностей и нанося разящие удары. А пока объем импорта упал до пугающих 23 млн тонн, создавая серьезные ограничения в реализации военных планов.

Отражение авианалетов и борьба с подводными лодками представляли форму оборонительной войны. Но для победы над противником одной обороны было недостаточно. Необходимо было переходить в наступление. Только куда и с какими ресурсами, на эти вопросы летом 1940 года предстояло ответить Черчиллю. Вся пикантность ситуации заключалась в том, что он не знал на них ответа. Более того, большинство военных

экспертов сходились в том, что Британия неспособна победить противника в одиночку и ее поражение лишь вопрос времени. Но заслуга Черчилля в том и состояла, что он противопоставил рациональным доводам, указывающим на неизбежность катастрофы, несокрушимую веру в предстоящую победу. Была в его рассуждениях и своя логика, но построена она была на ошибочных установках, хотя и приведших к правильным выводам. Черчилль исходил из опыта Первой мировой войны, закончившейся после неожиданного коллапса немецкой промышленности. Опираясь на данные начальников штабов, он искренне полагал, что летом 1940 года немецкая экономика вышла на максимальные мощности и если оказать на нее давление, то в скором времени она не сдюжит. Ошибочность подобных рассуждений состояла не только в том, что немцам было еще далеко до выхода на пик экономических возможностей, который реально будет достигнут только в 1944 году. Черчилль и его советники ошиблись, выделяя только две формы экономики: в мирное и в военное время. Они не учли гибридную сущность блицкрига, когда без перехода полностью на военные рельсы осуществляется скачок за счет напряжения усилий в ограниченный промежуток времени.

Основное средство давления на немецкую экономику Черчилль видел в уничтожении с воздуха промышленных и военных объектов, а также научно-исследовательской инфраструктуры противника. Поэтому вместо привычной для британцев военно-морской блокады главную роль в новой войне он отвел стратегическим бомбардировкам. «Флот может проиграть войну, но только авиация может ее выиграть», — заявил он в одном из своих меморандумов для Военного кабинета, призвав «сбрасывать над Германией все большее количество бомб». Наряду с итальянским военным теоретиком Джулио Дуэ (1869–1930), отцом ВВС США Уильямом Митчеллом (1879–1936), а также создателем люфтваффе Германом Герингом, Черчилль стал жертвой иллюзии огромных перспектив стратегических бомбардировок, полагая, что их одних достаточно для победы. Но в реальности возможности бомбардировок оказались более чем ограниченными, а результаты — более чем скромными. В 1941 году Черчиллю сообщили статистические данные, согласно которым попадание в пятимильный радиус от цели составляет всего 5 %. Он был шокирован и возмущен. Воспользовавшись его недовольством, Линдеман предложил изменить общий подход с переходом от точечных бомбардировок отдельных элементов промышленной инфраструктуры к «ковровым» бомбардировкам с охватом жилого сектора. Ненавидящий свою родину и немцев профессор считал, что такой подход приведет либо к истреблению,

либо к деморализации немецкого населения, что в любом случае рассматривалось им как благо. Черчилль был против уничтожения населения, заявляя, что «это война военных, а не гражданских», но предложения Линдемана он поддержал. Насмотревшись разрушений английских городов, он заявил по радио 10 мая 1942 года: «Я прославляю как пример высшей и поэтической справедливости тот факт, что люди, которые развязали и обрушили на человечество все эти ужасы, теперь у себя дома на собственной шкуре почувствуют сокрушительные удары справедливого возмездия»^[349].

За изменением подхода последовали кадровые назначения. В конце февраля 1942 года главой Бомбардировочного командования ВВС был назначен маршал авиации Артур Харрис (1892–1984), вошедший в историю как Бомбардировщик Харрис или Мясник Харрис. В конце марта Королевские ВВС предали огню портовый Любек, затем через месяц сровняли с землей Росток, а еще через месяц масштабные разрушения силами более тысячи бомбардировщиков были нанесены Кёльну. Дальше — больше. За первые десять месяцев 1944 года на Германию благодаря совместным действиям англо-американцев было сброшено четверть миллиона тонн бомб, что в два раза превышало аналогичный показатель за период с 1939 по 1944 год. К концу войны союзники удвоили свои усилия, сбросив полмиллиона тонн бомб. Просматривая в июне 1943 года кинохроники бомбардировок Рура, Черчилль воскликнул: «Мы что, звери?! Не слишком ли далеко мы зашли?» Но каких-то конкретных указаний ослабить или умерить бомбардировки не последовало. Более того, Черчилль всегда поддерживал Харриса, который имел на него прямой выход (в отличие от любого армейского или флотского командующего) и часто этим пользовался, оказывая ощутимое влияние на премьер-министра. Немного индифферентная реакция Черчилля на бомбардировки объяснялась еще и тем, что изменение подхода с отказом от поражения отдельных объектов совпало с переключением нашего героя на выстраивание отношений с союзниками и потерей интереса к бомбардировочной теме. Хотя иногда он пытался высказывать свою обеспокоенность, как, например, в записке Порталу и Исмее от 28 марта (и 1 апреля) 1945 года: «На мой взгляд, настал момент, когда вопрос бомбардировки немецких городов исключительно ради наведения ужаса должен быть пересмотрен», но каких-либо корректирующих действий за этими словами, как правило, не следовало. Да и беспокойство это было вызвано не столько состраданием к немцам, сколько пониманием того, что полностью разрушенные территории могут оказаться бесполезными для

победителей^[350].

В отличие от упомянутых выше апологетов военной авиации Дуэ, Митчелла и Геринга, считавших, что бомбардировок достаточно, чтобы принудить противника к капитуляции, Черчилль никогда не забывал о роли морских и сухопутных операций. Если с ВМФ, отвечавшим за блокаду, морские перевозки и переброску войск, все было более-менее понятно, то ограниченные возможности сухопутных сил внушали премьеру большие опасения. В спешке покинувшая Европейский континент британская армия была неспособна сокрушить вермахт в Германии. Но и оставлять все силы на острове в ожидании вторжения Черчилль тоже не хотел. Он решил задействовать войска Содружества наций (помимо британских к ним относились также подразделения доминионов) против Италии, которая угрожала британским интересам в Северной и Восточной Африке, а также на Среднем Востоке. По сути, он вновь обратился к периферийной стратегии, нанося удар по более слабому противнику. У такой стратегии и в годы Первой мировой войны было много противников, считавших, что для победы необходимо бить в первую очередь немцев. Были у нее противники и в новом конфликте. Но Черчилль исходил из ограниченности ресурсов, а также необходимости решения имперских задач с защитой Суэца и возвращением контроля над Средиземноморьем. Британский премьер и дальше будет благоволить Средиземноморскому региону, сформировав о себе устойчивое мнение, как об эгоистичном империалисте, пекущемся исключительно об интересах империи.

Будущее Британии действительно беспокоило Черчилля больше, чем страдания союзников, сражавшихся, в том числе и за это будущее, но и этот популярный стереотип также не до конца верен. Доминионы, особенно Австралия и Новая Зеландия, напротив, считали, что Черчилль пренебрег имперскими интересами. Их обвинения строились на отношении британского премьера к японской угрозе. Выше мы приводили его рассуждения в бытность руководителем Казначейства о малой вероятности нападения японцев на британские владения. За прошедшие 15 лет его мнение в этом вопросе не слишком изменилось. Или, по крайней мере, он делал такой вид. Учитывая многоплановое, системное и скрытое от посторонних глаз мышление Черчилля, не исключено, что он осознавал угрозу со стороны Японии, но готов был принять этот риск с учетом ограниченности имеющихся средств и невозможности вести войну одновременно с японцами на Дальнем Востоке, с итальянцами — в Средиземноморье, а с немцами — в воздушном пространстве и на морских просторах. Поэтому, когда летом 1940 года японцы потребовали от

англичан закрыть Бирманскую дорогу, служившую единственным каналом снабжения китайских войск Гоминьдана, Черчилль согласился удовлетворить их требование. Необычность этого решения состояла в том, что при обсуждении этого вопроса Военным кабинетом решительный Черчилль и сторонник политики умиротворения лорд Галифакс поменялись местами. В то время как Галифакс считал уступки ошибкой в связи с неблагоприятными политическими последствиями со стороны США и СССР, а также репутационными издержками в самой Британии, Черчилль, напротив, предлагал промолчать и согласиться с требованиями, лишь бы не разжигать очаг нового противостояния и не ставить самих себя в опасное положение с невозможностью направить войска для борьбы с агрессором. «Мы прилагаем все усилия, чтобы избежать войны с Японией, идя на уступки там, где японская военная клика может форсировать разрыв», — успокаивал он премьер-министров Австралии и Новой Зеландии в августе 1940 года. Из-за ограниченности ресурсов он также отказывался усиливать военно-морскую базу Сингапур, отмечая, что переброска сил на Дальний Восток приведет к «полной потере Среднего Востока и лишению всяческих надежд на разгром итальянцев в Средиземноморье». Возможно, именно по этой причине он и стал принижать опасность Японии, особенно во время контактов с руководством Австралии и Новой Зеландии, понимая, что если поддержать их страхи перед японским вторжением, то за этим последует незамедлительный приказ о возвращении австралийских и новозеландских частей для защиты родных территорий. Построенная на принятии японского риска политика Черчилля будет иметь серьезные последствия, приведя не только к капитуляции Сингапура в феврале 1942 года, которая, по мнению некоторых авторов, ознаменует начало заката Британской империи, но и в долгосрочной перспективе — к потере Дальневосточного региона как для Великобритании, так и для всех европейских держав в целом^[351].

Но все это будет потом, а пока, летом 1940 года, делая ставку на Средиземноморский театр военных действий, Черчилль решил направить в Египет три бронетанковых батальона — половину «лучших танков», которыми располагали на тот момент британские войска. Для живущих в предвкушении неминуемого и скорого вторжения военных подобное решение напоминало авантюру. Но Черчилль достаточно укрепил оборону Острова, чтобы рискнуть и начать наступательную войну в том месте, с тем противником и на тех условиях, которые сочтет наиболее благоприятными для сражавшихся под «Юнион Джеком» солдат. Другой вопрос, насколько мощным и успешным будет это наступление против сосредоточенной в

Ливии 200-тысячной армии дуче, которая в четыре раза превосходила по численности британские, индийские и новозеландские части в Египте? Ответ на этот вопрос во многом зависел от командующего на месте.

К моменту назначения Черчилля на пост премьер-министра должность главкома на Среднем Востоке занимал генерал Арчибальд Уэйвелл — необычный военачальник, обладавший широким кругозором и общепризнанными талантами. Он знал несколько языков, в том числе — русский (с которого даже перевел биографию Николая II), владел литературным слогом, написав несколько качественных исторических сочинений и обеспечивая семью в 1920-е годы подготовкой статей для Британской энциклопедии, увлекался поэзией, читал лекции в Кембридже и даже должен был занять ответственный пост в Оксфорде, если бы не война. Черчилль не оценил интеллектуальных достижений генерала. На его мнение больше повлияли ответы Уэйвелла на призыв провести решительное наступление с утомляющим премьера перечислением причин, почему это невозможно, и раздражающими просьбами о выделении дополнительных ресурсов. Коллеги советовали Уэйвеллу приехать в Лондон и обсудить с премьер-министром сложившуюся ситуацию в очном формате. Обладая богатым внутренним миром, внешне Уэйвелл был сдержан, обычно реагируя на монологи собеседника односложным «понимаю». Неудивительно, что ему не удалось найти общий язык с Черчиллем, который после нескольких обстоятельных бесед с Уэйвеллом в период с 8 по 15 августа даже задумался о его замене. Объясняя свое решение оставить генерала на посту, Черчилль сослался на специфический характер Средневосточного региона — «экстраординарную амальгаму военных, политических, дипломатических и административных проблем чрезвычайной сложности» и предпочтение имеющему опыт военачальнику. Сам Уэйвелл полагал, что его не сняли в тот момент только потому, что Черчилль «не смог найти достаточно хорошую причину для этого»^[352].

Желая минимизировать контакты с премьер-министром, а также ограничить его влияние на процесс принятия решений, Уэйвелл пошел на рискованный шаг с разработкой втайне от него плана будущей операции, получившей название «Компас» (*Compass*). Риск оказался оправданным. Когда Черчиллю показали результаты наработок, он, по его собственным словам, «мурлыкал от удовольствия, словно шесть котят»^[353]. План оказался удачным не только на бумаге, но и в реализации. В течение скоротечной кампании с декабря 1940-го по февраль 1941 года войскам Уэйвелла удалось практически полностью разгромить 10-ю итальянскую

армию, продвинуться на 800 километров на запад, заняв большую часть Киренаики, взять в плен 130 тыс. солдат противника, а также уничтожить 400 танков и захватить 1200 орудий. Это была не просто победа, а настоящий триумф. Но наслаждаться им долго не пришлось. Весной 1941 года Уэйвелла ждали новые условия и ошибочные решения, имевшие долгоиграющие и трагические последствия. После неудачи итальянских войск в Ливию был направлен немецкий Африканский корпус под командованием генерал-лейтенанта Эрвина Роммеля (1891–1944). Это были уже другие войска и другой командующий. Одновременно с усилением противника началось ослабление сил самого Уэйвелла.

В октябре 1940 года, желая показать Гитлеру, что Италия тоже может побеждать на поле боя, а также стремясь захватить базы для нанесения ударов по британским объектам в Восточном Средиземноморье, Муссолини направил свои войска в Грецию. Черчилль счел необходимым помочь грекам, вызвав своим решением недовольство среди политиков и военных. Он объяснял свою позицию данными ранее обязательствами греческому правительству, но реальная причина была связана с попыткой создания Балканского фронта, объединяющего Грецию, Югославию и Турцию. Черчилль давно благоволил этой идее, которая, по сути, представляла собой химерический проект. У Британии не было ресурсов для обеспечения Балканских стран необходимым количеством войск и вооружения. Кроме того, Турция не горела желанием вступить в войну, тем более воевать на одной стороне с греками после военного противостояния с ними в 1919–1922 годах. Черчилль как будто не замечал эти очевидные факты, продолжая и дальше настаивать на своей концепции, особенно на вовлечении Турции в войну. В итоге Турция объявила войну Германии лишь 23 февраля 1945 года, да и то не для помощи союзникам, а для участия в учредительной конференции Объединенных наций, которое предоставлялось только тем, кто воевал с Третьим рейхом.

Учитывая недовольство коллег относительно помощи Греции, Черчиллю пришлось пойти на хитрость. Прежде чем принять окончательное решение, он направил Идена (на тот момент — государственного секретаря по военным делам) в Каир для сбора дополнительных сведений и оценки влияния помощи Греции на текущие планы британцев в Египте. Иден сообщил о готовящемся масштабном наступлении в Северной Африке (операция «Компас»), что делало рассосредоточение сил не только нецелесообразным, но и опасным. Испытывая, с одной стороны, гордость за командующих, которые, наконец, стали готовиться к наступлению, Черчилль прекрасно понимал, что эта

информация ставит крест на греческом проекте. Поэтому он задержал возвращение Идена в Лондон, не сообщив при этом Военному кабинету об операции «Компас». Не зная о готовящемся наступлении, члены Кабинета поддержали предложение помочь Греции за счет ресурсов Средневосточного командования.

Помощь оказалась своевременной, а оборона греков — успешной. Итальянцы отступили, вынудив дуче прийти к фюреру не с гордо поднятой головой, а с поджатым хвостом. Понимая, что от военных неудач итальянцев страдает репутация всех стран «оси», Гитлер также устремил в начале 1941 года взор на Грецию. Располагая разведданными о ближайших планах немцев, Черчилль вновь выступил за помощь Афинам. Но в этот раз ему пришлось столкнуться с более серьезным сопротивлением. Сначала сами греки отказались принимать помощь от англичан, боясь спровоцировать агрессию со стороны немцев. Но после кончины 29 января премьер-министра Иоанниса Метаксаса (род. 1871) и прихода на его место директора Банка Греции Александроса Коризиса (1885–1941) курс изменился. Но когда один рубеж сопротивления пал, неожиданно возникло новое препятствие со стороны Уэйвелла, который вел успешное наступление в Северной Африке и не хотел ослаблять свои силы ради сомнительных политических дивидендов. На этот раз Черчиллю нужно было согласие Уэйвелла, поэтому он направил в Каир Идена (уже в статусе министра иностранных дел) и начальника Имперского генерального штаба Дилла. Им поручалось совместно с главкомом на Среднем Востоке собрать необходимую информацию, проанализировать ситуацию, выработать общую позицию, в очном режиме обсудить и согласовать ее с греками и, при необходимости, с турками.

На этот раз также не обошлось без хитростей. При общении с Уэйвеллом и Иденом Черчилль сознательно добавлял, что озвучиваемая им точка зрения поддерживается Военным кабинетом, а докладывая в последнем ситуацию, он непременно ссылался на позицию трех ответственных лиц в Каире. При этом нельзя сказать, что премьер-министр лукавил. Скорее — манипулировал, поскольку все три ответственных лица, от которых зависело решение, — Дилл, Иден и Уэйвелл, будучи не согласны с помощью Греции в целом, подверглись воздействию различных факторов, которые заставили их изменить свое мнение и поддержать Черчилля. Диллу было легче всего (относительно, конечно), он просто уступил мнению большинства. Идену пришлось сложнее. Он недавно сменил лорда Галифакса во главе Форин-офиса, и помощь Греции была первым серьезным вызовом на новом посту в части демонстрации

лояльности премьер-министру. Самая тяжелая ноша легла на плечи Уэйвелла, на которого было оказано самое большое давление. С одной стороны, его сделали крайним Дилл и Иден, которые заявили, что «это чисто военный вопрос и вам говорить, что делать дальше». С другой — он восемь месяцев подвергался тотальному прессингу со стороны премьера, призывавшего перестать бояться врага, прекратить мыслить оборонительными категориями, покончить с нерешительностью, положить конец пораженческим настроениям и пессимистическому настрою. В какой-то момент полководец не сдюжил и заявил, что «война сопряжена с трудностями, поэтому нам следует дерзнуть». Сам Уэйвелл понимал, что совершил ошибку, но ухватившись за его признание, Черчилль оперативно телеграфировал в Каир от имени Военного кабинета: «Раз у нас нет иллюзий, тогда мы направляем приказ: „Полный вперед“». Предчувствуя катастрофу, Уэйвелл обратился к Диллу, когда тот вместе с Иденом покидал Каир и направлялся в Лондон: «Я надеюсь, Джек, что именно ты будешь председательствовать на моем трибунале»^[354].

Интуиция не подвела Уэйвелла. До трибунала дело не дошло, но катастрофы избежать не удалось. Одно — ослабление войск из-за помощи Греции, наложилось на другое — превосходство Роммеля как полководца над британскими командующими. В результате недавний триумф в Киренаике трансформировался для подопечных Уэйвелла в отступление, настолько же унижительное, насколько и неожиданное. Опираясь на данные «Ультра», британские командующие знали, что у Роммеля недостаточно сил и ему приказано ждать подкрепления, избегая общего наступления раньше мая. Проблема была в том, что британцы читали дешифровки сообщений люфтваффе и не имели доступа к разведанным сухопутных войск. Кроме того, Роммель был не из тех полководцев, которые ставят приказы выше своевременной импровизации. Решив не дожидаться подкреплений, он привел танки в движение уже в марте, чем обратил в бегство британские и австралийские войска. 4 апреля пал Бенгази, 10-го в осаде оказался Тобрук, 12-го была захвачена Бардия, 15-го заняты расположенные у египетской границы Сиди-Омар, Эс-Саллум и оазис Джарабуб. Пока одна часть войск Уэйвелла отступила в Египет, другая познала горечь поражения в Греции. Немцы ударили одновременно по Белграду и Афинам. Югославская армия капитулировала 17 апреля, греческий премьер-министр Коризис покончил жизнь самоубийством 18-го числа. 24 апреля началась эвакуация из Греции, которая продлилась семь дней и позволила спасти 50 тыс. солдат (11,5 тыс. попали в плен). В течение последних 12 месяцев это была уже вторая эвакуация Британских

экспедиционных сил. Показательно, что название операций фонетически совпадало — «Динамо» (*Dynamo*; эвакуация из Дюнкерка, май — июнь 1940 года) и «Демон» (*Demon*; эвакуация из Греции, апрель — май 1941 года).

Часть эвакуированных из Греции союзных войск была направлена на Крит, где уже располагался 14-тысячный гарнизон. Крит имел для британцев важное стратегическое значение, создавая угрозу коммуникациям противника в Восточном Средиземноморье, а также нефтяным промыслам в Плоешти (Румыния). Британцы знали, что немцы постараются захватить Крит, и готовились к обороне острова. Численность союзных войск (британских, австралийских и новозеландских) составляла почти 29 тыс. человек, также имелись две греческие дивизии примерно аналогичной численности. С моря Крит надежно защищал флот. Но союзники не ожидали, что основной удар придется с воздуха. Захват Крита стал первой в мировой истории масштабной операцией с участием военно-десантных войск. Всего немцам удалось высадить порядка 22 тыс. десантников. Несмотря на тяжелые потери (4 тыс. убитыми и 2 тыс. ранеными), они смогли закрепиться на острове и вытеснить союзные войска. Оборона Крита закончилась для британцев очередным поражением и эвакуацией, в ходе которой Королевский флот понес значительные потери — были потоплены 3 крейсера и 6 эсминцев, серьезные повреждения получили еще 13 кораблей, в том числе 2 линкора и единственный в составе Средиземноморского флота авианосец.

Май 1941 года стал зенитом успехов Гитлера и Третьего рейха. Его армия захватила почти всю Европу и успешно показала себя в Северной Африке, подводный флот активно топил грузы в Атлантике, авиация регулярно бомбила британские города и промышленные центры. Для Черчилля, напротив, это был мрачный период. Прошел год, как он занял пост премьер-министра. Летнее воодушевление и патриотический подъем 1940 года, позволившие британцам выстоять и одержать победу в Битве за Британию, стали вытесняться чередой поражений. Обострилась критика, указывающая на отсутствие у британского премьера таланта стратега и неспособность возглавляемых им органов управления выиграть войну. Черчилль болезненно переживал спад популярности. Понимая, что в первую очередь за все неудачи винить будут именно его, наш герой не собирался подвергать себя публичной порке. Для этого у него были другие жертвы. За провал Греческой кампании он направил отчитываться в Палату общин Идена, который взял на себя основную вину. Сгустились тучи и над Уэйвеллом. «Он производит впечатление человека, доведенного до

изнеможения», — заметил Черчилль 6 мая генералу Исмею. «Он похож на усталого и сломленного человека», — повторил он несколько позже после прочтения новых телеграмм из Каира. В очередной раз уступив нажиму Черчилля, генерал начал 15 мая наступление — операцию «Рapid» (*Brevity*). Но и оно не позволило достичь поставленных целей. На следующий месяц началась новая операция — «Боевой топор» (*Battleaxe*), которая едва не обернулась катастрофой. В ответ на сообщение о постигших его армию неудачах Уэйвелл получил 22 июня послание премьер-министра, в котором сообщалось об освобождении его от должности главнокомандующего войсками на Среднем Востоке и переводе в Индию ^[355].

На место Уэйвелла Черчилль перевел из Индии генерала Клода Окинлека (1884–1981). Если наш герой думал, что с назначением нового командующего он повысил управляемость Средневосточным театром военных действий, то он ошибался. Окинлек оказался еще более упрямым, чем его предшественник. А упираться ему было из-за чего. В то время как Черчилль, руководствуясь стратегическими мотивами, настаивал на проведении скорейшего наступления, не располагая при этом всеми данными о недостатках британских войск и вооружения, главнокомандующий пытался отсрочить движение вперед для того, чтобы собрать необходимые силы и обучить войска. Окинлек понимал, что, если он пойдет на поводу у премьер-министра, катастрофы не избежать. Уже в своем первом донесении в Лондон в начале июля он заявил, что «не следует планировать каких-либо дальнейших наступательных операций в Западной пустыне, пока для этого не создана соответствующая база». Завязалась оживленная переписка, в которой на настоятельные просьбы ускорить начало наступления Окинлек аргументированно объяснял, что ему нужны время и вооружения. «Это совершенно немыслимо, — возмущался Черчилль. — Подобный комфорт генералы могут иметь только на небесах. Но те, кто стремится к подобному комфорту, не всегда туда попадают». Окинлек был вызван в Лондон для консультаций, однако ни известный своими талантами побеждать в спорах Черчилль, ни превосходящие в количестве умов и данных начальники штабов не смогли пробить брешь в аргументации главнокомандующего. Нехотя премьер-министр согласился перенести на 1 ноября дату начала новой операции, получившей название «Крестоносец» (*Crusader*), которая впоследствии была перенесена еще дальше — сначала на 15-е, затем на 18 ноября. Наступление окажется успешным, позволив снять осаду Тобрука и оттеснить войска противника сначала к линии Эль-Газала, а затем еще дальше на запад — к Эль-Агейле.

Несмотря на стабилизацию положения на фронте — о победе говорить

пока не приходилось. Кроме того, у Черчилля остался неприятный осадок от «Крестonosца». Он так и не смог смириться с задержкой в его реализации, считая, что допущенное Окинлеком промедление стало «не только ошибкой, но и несчастьем». У главкома были свои доводы, но Черчилль рассматривал ситуацию в политической плоскости. «Невозможно объяснить парламенту и нации, почему наши армии на Среднем Востоке вынуждены простаивать четыре с половиной месяца в бездействии, в то время как противник обрушивает на Россию удар за ударом», — возмущался он^[356].

За несколько дней до начала операции «Крестonosец» Черчилль провел кадровые изменения в высшем командном составе. Если в июне карающая десница премьер-министра указала на Уэйвелла, то теперь пришло время Дилла. Прозвав его Дилли-Дэлли^[357], он разочаровался в осторожном и лишенном куража военачальнике буквально сразу же после назначения его начальником Имперского генерального штаба в мае 1940-го. «Я не думаю, что Дилл приносит ту пользу, которую мы от него рассчитывали получить при назначении, он производит на меня впечатление человека очень усталого, угнетенного и находящегося под впечатлением германской мощи», — сказал он Идену спустя всего полтора месяца после повышения Дилла. Идену, кстати, он ничего не сказал о своем решении убрать Дилла из Имперского генерального штаба, чем вызвал его недовольство и закономерный вопрос — почему? В ответ Черчилль объяснил, что он не стал обсуждать этот вопрос с Иденом, поскольку знал, что тот будет против. Дилл был произведен в фельдмаршалы и по задумке Черчилля должен был направиться в Бомбей. Однако учитывая хорошие отношения британского военачальника с американскими коллегами, фельдмаршал был переведен в Вашингтон, где возглавил британскую военную миссию при Объединенном штабе. По сути, он выполнял те же функции медиатора, что и Исмей в Комитете начальников штабов. Дилл заслужил уважение и получил высокую оценку своей деятельности со стороны американцев. Поэтому, когда в 1944 году он скончался, его с воинскими почестями похоронили в США на Арлингтонском национальном кладбище...

Новым начальником Имперского генерального штаба стал генерал Алан Брук, который, кстати, негативно воспринял перевод Дилла, считая его наилучшим кандидатом для этой должности. Брук тоже был не подарок для Черчилля. «Знаю я этих Бруков — упрямые ирландцы, нет ничего хуже, чем иметь с ними дело», — бурчал британский премьер. Он действительно

хорошо знал и Алана Брука, который в июне 1940 года переубедил его начать контрнаступление во Франции, и его братьев — подполковника Рональда (1866–1930), с которым он сражался в Англо-бурскую войну, и майора 9-го Королевского Ее Величества уланского полка Виктора (1873–1914), павшего на полях Первой мировой. «Не думаю, что вы обрадуетесь тому трудному и беспокойному делу, которое я вам предлагаю, но я чувствую, что моя давняя дружба с Ронни и Виктором, товарищами веселого субалтерна по предыдущим войнам, позволяет создать между нами личные отношения, которые составят основу для совместной работы», — сказал он Бруку, продемонстрировав лишний раз свои таланты быть обаятельным, когда того требовали обстоятельства^[358].

В черновиках своих послевоенных мемуаров Черчилль объяснял, что отставка Дилла была вызвана взглядами фельдмаршала с предпочтением Дальневосточного театра военных действий вопросам обеспечения превосходства в Северной Африке. Дилл действительно считал, что надо укреплять Сингапур, а не растрачивать ресурсы на противостояние с Италией. У Черчилля были другие доводы, но во второй половине 1941 года угроза вступления Японии в войну стала материализовываться. В Лондоне решили действовать с опережением и предотвратить агрессивные действия Страны восходящего солнца отправкой на Дальний Восток ударной группы Королевского ВМФ. Черчилль считал, что для большего эффекта нужно направить малочисленный, но мощный флот из современных линкоров класса *King George V*. В Адмиралтействе придерживались другого мнения, считая, что современные линкоры не произведут на Японию должного впечатления. Правильнее направить в Индийский океан более старые корабли, но в большем количестве — четыре линкора класса *R* с последующим усилением их современными линкорами и линейными крейсерами. По мнению Паунда, основная задача Дальневосточного флота состояла в защите конвоев и противостоянии японским линкорам и крейсерам, вооруженным 8-дюймовыми орудиями. Замена старых кораблей линкорами класса *King George V* несколько не повысит безопасность конвоев, зато создаст дополнительные трудности в водах метрополии — указывал первый морской лорд. В ходе длительных обсуждений и споров Черчилль в итоге добился своего и вместе с линейным крейсером *Repulse* («Отпор») на Дальний Восток был отправлен линкор класса *King George V* — *Prince of Wales* («Принц Уэльский»). На следующий день после нападения японцев на Пёрл-Харбор и вступления Японии в войну Черчилль заявил в Палате общин, что «лучшие корабли из состава Королевского флота прибыли на Дальний Восток в самый

подходящий момент». Еще через день он стал обсуждать с советниками, как использовать эти суда — присоединить ли их к флоту США или превратить в блуждающую угрозу для противника.

На календаре было 9 декабря. Утром 10-го числа Черчиллю позвонил Дадли Паунд. Его голос звучал странно. Паунд кашлянул, после чего сказал: «„Принц оф Уэлс“ и „Рипалс“ потоплены японцами, по-видимому, в результате воздушного налета». «Я благодарил судьбу, что в этот момент был один, — признается Черчилль впоследствии. — Ворочаясь в постели с боку на бок, не находя себе покоя, я полностью осознал весь ужас этого известия». Этот момент стал одним из самых тяжелых в биографии нашего героя за весь период войны. По словам его телохранителя, на протяжении нескольких дней после получения шокирующих известий премьер «выглядел подавленным, сидел, уставившись вдаль», и повторял периодически: «Я не понимаю, что случилось. Я не понимаю». А все было просто и трагично одновременно. Во-первых, Черчилль оказался заложником опыта Первой мировой, рассматривая военно-морские баталии исключительно как противостояние мощных стальных крепостей, не учитывая возможностей авиации. Во-вторых, Черчилль решал одну задачу, а нужно было думать о другой. Новейший линкор должен был подвигнуть японцев одуматься от вступления в войну, но пока принималось и реализовывалось решение о составе эскадры, японцы перешли к активным действиям и момент оказался упущенным — вместо борьбы за мир и стремления произвести впечатление, нужно было воевать ^[359].

Японцы и дальше продолжают неприятно удивлять британского премьера. В конце декабря был захвачен Гонконг. В январе императорская армия вступила на Малаккский полуостров, создав угрозу британской военно-морской базе Сингапур, находившейся на пересечении морских путей и имеющей важное стратегическое значение. Захват Сингапура открывал доступ к жизненно важным для Японии ресурсам — ост-индской нефти и малайскому каучуку, а также позволял развить наступление по расходящимся направлениям: с захватом Бирмы и Голландской Ост-Индии. Черчилль был убежден, что «крепость Сингапур» надежно защищена как с моря, так и со стороны суши. Опирируя кампаниями герцога Мальборо, изучению которых он посвятил большую часть 1930-х годов, вспоминая потери от турецких береговых укреплений во время высадки в Галлиполи в 1915 году, а также находясь под впечатлением осады Плевны (1877 год) и «выдающейся обороны» французов в битве при Вердене (1916 год), Черчилль считал, что Сингапур окажет упорное сопротивление. Прозрение наступило, как это обычно бывает, неожиданно и имело шокирующий

эффект. 19 января 1942 года Черчилль с удивлением узнал от Уэйвелла, что все приготовления были рассчитаны на отражение атак с моря, «поэтому мало или почти ничего не сделано для строительства оборонительных сооружений на северной стороне острова». Он был «потрясен этой телеграммой». Во время утреннего доклада Исмея он буквально набросился на генерала с криком: «Ты в течение нескольких лет до начала войны принимал участие в работе Комитета имперской обороны. Ты должен был знать о сложившемся положении. Почему ты не предупредил меня?!» В составленной в тот же день записке генералу Исмею для Комитета начальников штабов Черчилль заявил, что ему «никогда ни на секунду не приходило в голову, что горловина крепости Сингапур с ее великолепным рвом не укреплена от нападения с севера». Он предупредил коллег, что «это будет одним из величайших скандалов, который может раскрыться».

Понимая, что ситуация выходит из-под контроля, Черчилль дал срочные указания Комитету начальников штабов организовать сопротивление и оборону базы. Он предлагал задействовать все мужское население на строительстве оборонительных сооружений, привлечь всех, кто может работать кирками и лопатами, используя самые строгие меры принуждения. Он приказал «сражаться до последней капли крови». «Ни о какой капитуляции не может быть и речи», — заявил премьер-министр. Он призвал всех командиров и старших офицеров пойти в бой и, если потребуется, умереть вместе со своими солдатами. Он взывал к патетике, утверждая, что «на кону честь Британской империи и британской армии», а также пытался подбодрить защитников, обещая, что у них «появился шанс войти в историю». Несмотря на страстный призыв Черчилля, настал момент, когда его слова не смогли сподвигнуть адресатов на решительные действия. 15 февраля 80-тысячный гарнизон Сингапура капитулировал перед японскими войсками, уступавшими им в численности более чем вдвое. «Раз наша армия неспособна сражаться лучше, чем она это делает сейчас, мы заслужили потерю империи!» — записал в дневнике Алан Брук. Черчилль назовет потерю Сингапура, «самой ужасной катастрофой и самой крупной капитуляцией в британской истории»^[360].

Японцы не собирались почивать на лаврах. В последний день февраля они высадились на острове Ява. Оборонявшие его голландцы капитулировали 8 марта. В тот же день пала столица Бирмы Рангун. Сама Бирма, которую в 1886 году отец нашего героя лорд Рандольф Черчилль присоединил к Британской империи, была захвачена в начале мая. В конце марта прекратилось сопротивление на Андаманских островах, в начале мая

японцы взяли под контроль Филиппинский архипелаг. На одном только Батаанском полуострове в плен сдались 78 тыс. человек, включая почти 12 тыс. американцев, что превратило этот эпизод в самую многочисленную одновременную капитуляцию американских войск в истории. Но Черчиллю было не до исторических аномалий. Первая половина 1942 года выдалась на редкость тяжелой в его премьерстве. В британском истеблишменте нарастало недовольство. «У многих начинает возникать вопрос: так ли хорош Черчилль в военных делах, как хороши его речи», — писал в *The Tribune* лейборист Эньюрин Бивен (1897–1960). Британцы не знали побед, а из обещаний Черчилля сбывались только те, которые указывали, что дальше будет только хуже. «У нас нет ничего, кроме поражений и неумения», — записал в дневнике 12 февраля заместитель министра иностранных дел Александр Кадоган. Сам Черчилль пребывал в мрачном настроении. «Папа находится в крайне затруднительном положении, — делилась с дневником Мэри в конце февраля. — Он плохо себя чувствует и измучен, испытывая на себе постоянное сокрушительное давление событий»^[361].

В качестве контрмер Черчилль в очередной раз принял кадровые решения. В Комитете начальников штабов появилась новая должность — начальник общевойсковых операций, которую занял сын принца Луиса Баттенберга — Луис Маунтбэттен. Председателем комитета Черчилль предложил стать Алану Бруку. Помимо военных изменения коснулись политической ветви власти. 22 февраля свой пост оставил военный министр Дэвид Маргессон (1890–1964)^[362], узнав о своей отставке от постоянного заместителя Джеймса Григга (1890–1964). Черчилль хорошо знал Григга, который служил при нем в Казначействе, и предложил ему занять место Маргессона. Это было необычное предложение с переводом гражданского служащего в ранг министра. Но Черчилля мало беспокоили нарушения правил. Ему нужны были жертва и управляемый руководитель ключевого ведомства. Он получил и то и другое. Сам Черчилль не стал отказываться от поста министра обороны, на чем настаивали его критики. Вместо этого он разгрузил себя, назначив Клементу Эттли заместителем премьер-министра. Оппоненты Черчилля хотели видеть на месте премьер-министра Стаффорда Криппса (1889–1952), который в конце января вернулся на Туманный Альбион из СССР, где до этого представлял правительство Его Величества. Другими кандидатами на кресло премьера были Иден и Бевин, но они были преданы Черчиллю, и с их стороны он не видел угрозы. Другое дело Криппс, который сам уверовал в то, что может

стать лидером. Черчилль ловко обвел конкурента вокруг пальца. Он дал ему возможность почувствовать власть, ввел его в состав Военного кабинета и даже согласился обсудить с ним структуру военного управления, а потом отправил его с ответственной миссией в Индию, которая на самом деле была обречена на провал и привела к уходу Криппса с политической сцены. Эмиссару Военного кабинета поручалось убедить Ганди, который призвал индийцев сложить оружие и сдаться на милость японцам, начать сражаться на стороне британцев в обмен на гарантию получения Индией после войны статуса доминиона. Криппс вернулся в Лондон ни с чем, а Ганди был взят под домашний арест.

Все эти кадровые изменения позволяли Черчиллю удерживать штурвал в своих руках, но для восстановления положения нужны были победы. А учитывая, что для британского премьера приоритетным оставался Средиземноморский театр, то в первую очередь он ждал военных успехов в Северной Африке. В начале 1942 года для реализации планов британских стратегов важное значение начала приобретать Мальта, позволявшая контролировать транспортные потоки в Средиземноморье. Мальта нужна была также и немцам для организации быстрого и безопасного канала снабжения армии Роммеля. Но остров сам испытывал острый дефицит ресурсов, и для его снабжения британцам необходимо было овладеть авиационными базами в Западной Киренаике, причем сделать это нужно было, по оценкам начальников штабов, не позднее марта или апреля. Вновь встал вопрос о скорейшем начале очередного наступления. Но Окинлек снова не торопился. В своем ответе в конце февраля на запрос Черчилля относительно даты нового наступления он сообщил, что оно возможно не ранее 1 июня. «Предпринять общее наступление раньше этого срока — значит рисковать оказаться разбитым по частям и, вероятно, создать еще большую угрозу безопасности Египта», — заявил главком. Раздраженный высказанной позицией, Черчилль подготовил язвительный ответ. В итоге Окинлеку направили более сдержанное послание от имени Комитета начальников штабов, в котором еще раз подчеркивалась важность сохранения Мальты и серьезные стратегические последствия ее потери. В Лондоне также напоминали о «невозможности бездействовать в то время, как русские напрягают все силы, чтобы не дать противнику передышку». Это послание задело генерала, и в своем ответе на имя начальника Имперского генерального штаба он заявил, что в центре проявляют «вопиющую неспособность к правильному восприятию сообщаемых с театра фактов и к пониманию того, что мы здесь, как никто, знаем реальную обстановку на Мальте и Среднем Востоке».

В очередной раз столкнувшись с недопониманием и сопротивлением, Черчилль вызвал Окинлека в столицу для консультаций. Но генерал отказался ехать, сославшись на необходимость своего личного присутствия в Каире, где стремительное развитие событий не позволяет ему покинуть пункт управления. Ответ главкома вызвал ожидаемое возмущение у премьер-министра, и лишь благодаря советникам, уговорившим Черчилля не принимать скоропалительных решений, Окинлек сохранил за собой высокий пост. В Каир для переговоров были направлены Стаффорд Криппс и заместитель начальника Имперского генерального штаба генерал-лейтенант Арчибальд Най (1895–1967), с которым у премьер-министра были доверительные отношения. Черчилль надеялся, что эмиссары смогут убедить главкома перенести начало наступления на более раннюю дату. Но его надежды не оправдались, Окинлек оказался сильнее. Криппс согласился с местным командованием, что бронетанковых и воздушных сил недостаточно для масштабного наступления и начинать операцию раньше середины мая крайне рискованно, поэтому следует удовлетворить требования главкома о немедленной отправке тяжелых бомбардировщиков. Най в свою очередь подтвердил, что Окинлек прекрасно разбирается во всех вопросах, связанных с танками, и прилагает все возможные усилия для начала как можно раньше активных действий.

Опираясь на донесения Криппса и Ная, начальники штабов согласились считать 15 мая ближайшей датой начала наступления. Но за девять дней до начала операции — 6 мая, Окинлек затребовал переноса согласованной даты на месяц. Добавив при этом, что, если к 15 июня противник перебросит в Ливию итальянскую танковую дивизию «Литторио», тогда планы придется скорректировать с переносом наступления на август. Во время обсуждения новых предложений Окинлека с начальниками штабов Черчилль заявил, что «сражения не выигрываются арифметическими подсчетами сил противника». Вновь указав на важность Мальты, на которую за последние два месяца — в марте и апреле — было сброшено в два раза больше бомб, чем на Лондон во время Блица, и потеря которой обернется «серьезной катастрофой для Британской империи» и «роковой для обороны долины Нила», Окинлека призвали «атаковать противника и дать крупное сражение, если возможно, в течение мая, и чем раньше, тем лучше». Также подчеркивалось, что в Лондоне «готовы взять на себя полную ответственность за эти общие директивы, оставляя вам необходимую свободу действий в отношении их выполнения». Окинлек отказался считать последствия от потери Мальты катастрофическими ни для снабжения британских войск, которое могло осуществляться через

Индийский океан, ни для нейтрализации снабжения противника. Кроме того, он сообщил, что из-за проблем со снабжением, даже начав наступление в мае, овладеть аэродромами в Западной Киренаике, возможно, не удастся раньше конца июня.

Упрямство Окинлека задело Черчилля, решившего на этот раз направить главному «твердый приказ, которому он должен был подчиниться либо быть снятым с поста». «Мы твердо решили, что нельзя допустить падения Мальты без сражения, проведенного всей вашей армией ради ее удержания, — значилось в послании. — Поэтому мы повторяем взгляды, которые были выражены нами, с той лишь оговоркой, что самая поздняя дата вступления в бой с врагом, которую мы можем одобрить, — это та дата, которая обеспечивает отвлечение сил противника на время прохождения конвоя в период июньского новолуния». Окинлек взял продолжительную паузу, ответив через девять дней, что «намерен выполнить» переданные инструкции. Однако в этот раз противник ударил первым и вместо нападения пришлось обороняться. Причем оборона сопровождалась масштабным отступлением и серьезными потерями, в том числе капитуляцией Тобрука. Как и в случае с Сингапуром, войска Содружества наций (в основном необстрелянные южноафриканцы) численностью 35 тыс. человек оказались плененными армией, которая уступала им в живой силе. Черчилль лично приказал держать Тобрук, а также гарантировал США, что порт останется недостижимой целью для противника. Поэтому падение Тобрука было не только обидным, но и опасным для репутации премьер-министра. Контекст омрачало и то, что информация о поражении в битве при Газале и неожиданной, позорной капитуляции Тобрука пришла во время переговоров с Рузвельтом. «Это был один из самых тяжелых ударов, который я перенес во время войны», — признавался Черчилль в мемуарах, добавляя, что «одно дело — поражение, другое — бесчестье»^[363].

Поймав кураж, Роммель устремился вперед. В конце июня он пересек границу Египта, взяв 25-го числа Мерса-Матрух в 225 километрах от Александрии. В тот же день Окинлек отстранил Нила Ричи (1897–1983) от должности командующего 8-й армией и принял на себя его обязанности. Отведя войска на восток, Окинлек окопался за песчаной грядой, протянувшейся от Эль-Аламейна у Средиземного моря на 65 километров южнее к впадине Катара. Роммель занял позиции к западу от Эль-Аламейна в ожидании подкрепления. До Каира оставалось 225 километров, до Александрии — меньше ста. Несмотря на все увещевания Черчилля о необходимости скорейшей контратаки, Окинлек заявил, что ему нужны

время и ресурсы. Палата общин забурлила, выражая недовольство сложившейся военной обстановкой, что в первых числах июля привело к вотуму недоверия существующему правительству. Своими обвинениями критики смогли найти отклик в сердцах слушателей. Например, выступление Джона Уордлоу-Милна (1879–1967), заявившего, что «причины нашей неудачи в гораздо большей степени лежат здесь, чем в Ливии», и осудившего Черчилля за совмещение постов премьер-министра и министра обороны. Или колкие удары Эньюрина Бивена, разогревшего коллег такими провокационными заявлениями, как: «Премьер-министр выигрывает одни дебаты за другими, проигрывая одну битву за другой... В стране говорят, что Черчилль сражается на дебатах, как на войне, и на войне, как будто он находится на дебатах». Или недружелюбные заявления бывшего государственного секретаря по военным делам Лесли Хор-Белиши (1893–1957): «Как можно полагаться на суждения премьер-министра, когда он столько раз последовательно ошибается в своих прогнозах? Палата общин наконец должна положить этому конец. За первые сто дней мы потеряли нашу империю на Дальнем Востоке. Что произойдет в следующие сто дней? Пусть каждый член палаты голосует в соответствии с тем, что ему подсказывает совесть». Совесть подсказывала, что может диатриба и могла впечатлить, но отсутствие конструктивных предложений (предложение Уордлоу-Милна назначить младшего брата короля Верховным главнокомандующим не в счет, поскольку вызвало смех и сомнения в адекватности оратора в оценке происходящего) указывало, что кроме недовольства критики бессильны что-либо исправить. В ответной речи Черчилль заявил, что он «не просит снисхождения ни к себе самому, ни к правительству Его Величества». Если палата решит, он «уйдет с чистой совестью и с сознанием того, что я выполнил свой долг в меру своих способностей». Единственное, о чем он попросит в этом случае: «Предоставить моему преемнику те скромные полномочия, в которых мне было отказано». Голосование показало, что депутаты все равно поддерживают премьер-министра: лишь 25 из них против 475 высказали недоверие. Черчилль остался доволен итогами голосования. Также его душу согрели слова депутата-юниониста Уолтера Эллиота (1888–1958), который напомнил, что 25 оказалось максимальным числом голосов, которое в 1799 году — в самый тяжелый для Британии час во время Наполеоновских войн — оппозиция смогла противопоставить тогдашнему премьер-министру Уильяму Питту-младшему (1759–1806)^[364].

Победа в Палате общин не отменяла необходимость организации наступления в Северной Африке. Неудовлетворенный поведением

Окинлека, Черчилль лично прибыл в августе 1942 года в Ставку Главного командования в Каире. После посещения войск, а также бесед с командующими он пришел к выводу, что для активизации боевых действий необходимы качественные изменения в организации высшего командования на всем театре военных действий. Он предложил разделить Средневосточное командование на два самостоятельных: Ближневосточное со штабом в Каире, которое охватывало бы Египет, Палестину и Сирию, и Средневосточное со штабом в Басре или Багдаде, охватывающее Персию и Ирак. По конкретным персоналиям Черчилль настаивал на назначении Уильяма Готта командующим 8-й армией, Гарольда Александера — Ближневосточным, а Клода Окинлека — Средневосточным командованием. Окинлек отказался принять командование, считая, что военная активность в Персии и Ираке не соответствует по масштабу и сложности уровню отдельного командования. Предложение премьер-министра также отвергли члены Военного кабинета, которые хотели получить козла отпущения. Особенно жесткую позицию в отношении Окинлека заняли лейбористы, призвавшие задвинуть генерала как можно дальше. В итоге Средневосточное командование осталось неделимым. Командование войсками в Иране и Ираке принял генерал Мейтленд Уилсон (1881–1964), а новым главкомом войск на Среднем Востоке стал генерал Александер. Что касается командующего 8-й армией, то самолет с Готтом разбился во время обсуждения его кандидатуры, и его место занял Бернард Монтгомери (1887–1976)^[365].

Смена командования не ускорила начало наступления. Монтгомери был не менее осторожен и методичен, чем Окинлек, и пока он не получил все необходимые ресурсы, войска не сдвинулись с места. Наступление началось 23 октября со второго сражения при Эль-Аламейне, в котором 8-я армия одержала важную победу. Она стала началом большого пути и масштабного отступления германо-итальянских войск в Северной Африке. «До Эль-Аламейна мы не знали побед, после Эль-Аламейна мы не знали поражений», — опишет Черчилль произошедшую метаморфозу^[366]. На самом деле, поднимавшаяся заря триумфа была не столь яркой. Да и война за прошедшие два с половиной года с момента назначения Черчилля премьер-министром кардинально изменилась. Появились новые силы, которые диктовали свои условия и определяли политику, на которую британский премьер мог оказывать ограниченное влияние. Впереди Черчилля еще будут ждать кризисы и разочарования. Хотя и прошлое также хранило немало ключевых решений, которые будет не лишне упомянуть.

Война с союзниками

Обсуждения и убеждение коллег-политиков и военных были лишь верхушкой айсберга общего управления войной, требующего личного участия британского премьер-министра. Путь к победе для Британии, а значит, и основные усилия в ее достижении пролегали не через Лондон и не через Каир. Путь к победе был сосредоточен в отношениях между союзниками, в которых за ширмой решения общей задачи скрывались разные цели и средства их достижения. В таких условиях многое зависело от личных коммуникаций и дипломатических способностей с умением отстаивать свои взгляды и искать выгодный компромисс. «Я ухаживал за Сталиным, как молодой человек должен ухаживать за девушкой», — признавался Черчилль. Схожие мысли он высказывал и в отношении президента США, с которым «самым тщательным образом строил свои отношения». «Послушайте! — жаловался он де Голлю. — Я лидер сильной и непобедимой нации, но каждое утро я просыпаюсь с мыслью, как удовлетворить Рузвельта и умиротворить Сталина». Подобные коммуникации и связанные с ними обхождения и унижения вряд ли были приятны. Но иного выхода у Черчилля не было. Британии нужна была победа, а для этого ей нужны были союзники. «Хуже союзников может быть только война без союзников», — неоднократно повторял наш герой в годы войны^[367].

Отношения между Черчиллем и Рузвельтом были установлены осенью 1939 года, когда президент направил первому лорду Адмиралтейства личное послание с предложением начать взаимодействие. Черчилль согласился. Между двумя политиками завязалась оживленная переписка, превысившая почти 2 тыс. посланий и прервавшаяся с кончиной Рузвельта. Кстати, последнюю телеграмму — 12 апреля 1945 года — президент подготовил за несколько часов до смерти. В отличие от своих предшественников, с настороженностью относившихся к США, Черчилль изначально был убежден, что Британия не в состоянии одержать победу в одиночку и ей необходима помощь трансатлантического партнера. В разговоре с Рандольфом спустя несколько дней после своего назначения на пост премьер-министра он поделится своим планом выиграть войну: «Я втяну в войну Соединенные Штаты». Но у американцев были свои виды. Они придерживались холодной расчетливой политики, стараясь в первую очередь удовлетворить свои интересы. Испытывая в мае 1940 года

сомнения относительно дальнейших планов британцев продолжать войну, они попытались пополнить Королевский флот. Пока Черчилль настойчиво просил о срочной помощи, Рузвельт попросил премьер-министра Канады Макензи Кинга убедить метрополию направить свой флот в Новый Свет. Многоходовая комбинация начала плестись за спиной британского премьер-министра, который, узнав о ней, отреагировал, как и следовало, негативно. «Мы должны позаботиться, чтобы американцы не полагались чересчур самоуверенно на перспективу крушения Британии, из которого они извлекут британский флот и обязанность охраны Британской империи без самой Великобритании»^[368].

Когда стало очевидно, что Британия не согласится на сепаратный мир, Черчилль ждал, что Новый Свет придет на помощь Старому. Особенно после массированных бомбардировок, которым подверглись британские города. «Поймите, — заявил он де Голлю в августе 1940-го, — бомбардировки Оксфорда, Ковентри, Кентербери вызовут в США такую волну возмущения, что Америка вступит в войну». Незадолго до этого он высказал схожую мысль премьер-министрам доминионов: «Зрелище бойни и кровавой бани на нашем острове вовлечет США в войну». При этом Черчиллю, который рассуждал в контексте психологической войны, был более важен факт вступления США в войну, чем отправка на Туманный Альбион солдат для непосредственного противостояния с противником. Но США не торопились переступить через черту нейтралитета, сочувствуя страданиям англичан издалека.

Если участие США в войне было для дипломатии британского премьера задачей-максимум, то задачей-минимум стало получение эсминцев, в которых Королевский флот испытывал острый дефицит. Пусть даже речь шла о передаче устаревших и не приспособленных для ведения боевых действий кораблях. Даже эта помощь позволяла заткнуть некоторые дыры в реализации военно-морской стратегии. После утомительных уговоров и переговоров США согласились предоставить 50 старых эсминцев времен Первой мировой войны в обмен на право использовать в течение 99 лет восемь британских военно-морских и военно-воздушных баз в северной и южной частях Атлантического океана. Для Черчилля этот обмен был неприятен двумя моментами. Во-первых, вновь рассуждая с позиции психологической войны, ему было важно представить передачу эсминцев как бескорыстную помощь США сражающейся Британии, а не обычную сделку. Во-вторых, за передачей баз следовали передача власти и ослабление геополитических позиций своей страны. Но ему ничего не оставалось, как принять эти условия. Хотя польза от этой сделки

получилась сомнительной. К концу 1940 года с учетом ремонта в строй вступили только десять кораблей. «Американцы с энтузиазмом аплодируют героическим поступкам, которые совершают другие», — сардонически констатировал Черчилль, правда, в ближнем кругу^[369].

На схожих условиях США помогали и в отношении поставок других необходимых ресурсов. Только вместо баз расплачиваться приходилось долларами или золотом, которое таяло у британцев, словно кусок льда под раскаленным солнцем. За год войны Великобритания заплатила США наличными почти 4,5 млрд долларов за продовольствие и материальные средства. «Мы не получили от Соединенных Штатов ничего, за что бы мы не заплатили, а то, что мы получили, не сыграло большой роли в нашем сопротивлении», — констатировал Черчилль в конце 1940 года. Не мучаясь сантиментами, Дядя Сэм продолжал требовать свое. Война войной, а бизнес есть бизнес. В одном из эпизодов, столкнувшись с проблемами платежеспособности представителей Британской империи, Рузвельт направил крейсер к военно-морской базе около Кейптауна, где хранилось 50 млн фунтов британского золотого запаса в Южной Африке. Черчилль сравнил такой поступок с поведением «шерифа, отнимающего последнее имущество у беспомощного должника». Свое сравнение он, правда, из письма президенту удалил. Но понимая, что отношения между двумя странами постепенно заходят в тупик, Черчилль направил Рузвельту в начале декабря 1940 года развернутое послание (объемом 4 тыс. слов), в котором ясно дал понять, что для ведения боевых действий и защиты Острова срочно нужны техника, припасы и вооружение, но с заключением каждой новой сделки Британия неминуемо приближается к банкротству. Он считал «в принципе неверным и фактически взаимно невыгодным, если бы в разгар этой борьбы Великобритания лишилась всех своих активов и оказалась раздетой до нитки после того, как победа будет завоевана». Впоследствии Черчилль скажет, что это письмо стало «самым важным, которое я когда-либо писал»^[370].

Рузвельту, который не видел пользы от банкротства и поражения Британии, было над чем задуматься. В его сознании стали постепенно прорастать ростки расширения геополитической роли США. В начале января 1941 года он выступил с известной речью о «четырех свободах»: свободе слова и высказываний; свободе поклоняться Богу тем способом, который каждый человек себе изберет; свободе от нужды и свободе от страха. «Свобода означает господство прав человека всюду, — объяснил президент. — Наша поддержка предназначена тем, кто борется за

завоевание этих прав и их сохранение». Фактически он заявил о наличии у США своего взгляда на мировые процессы и поддержке тех, кто его разделяет. Что касается Британии и ее тяжелой финансовой ситуации, Рузвельт предложил концепцию ленд-лиза, принявшую форму законопроекта в марте 1941 года. Публично Черчилль назвал закон о ленд-лизе «монументом великодушия и дальновидности в государственном управлении», однако за закрытыми дверями он не питал иллюзий относительно последствий: «Как я понимаю, с нас за это не только шкуру сдерут, но и мясо снимут до костей». До начала поставок по ленд-лизу США потребовали от Великобритании уплату всех долгов и продажу коммерческих активов, фактически лишив Лондон остатков финансовой мощи^[371]. А после того, как поставки начались, экспортная торговля Великобритании попала под жесткий контроль и ограничения, что привело к передаче эстафеты внешнеэкономического доминирования Вашингтону.

Несмотря на свои возможности, США были не единственной державой, которой предстоит сказать веское слово в войне. События показали, что пока в последующие годы в Лондоне пытались найти баланс между целями и ресурсами, а в Вашингтоне подсчитывали прибыли, захватнические планы Германии нашли конец на бескрайних просторах Советского Союза, где и ковалась будущая победа. Черчилль осознавал мощь СССР и давно начал смотреть на Москву как на потенциального союзника в борьбе с Третьим рейхом. Он считал необходимым объединить усилия еще до начала войны. После того как набат в 1939 году пробил, он был на удивление осторожен в своих высказываниях относительно советско-финляндской войны, отмечая, что этот конфликт позволяет решить стоящие перед СССР геополитические задачи, тем самым сохраняя британской дипломатии возможность установления партнерских отношений с коммунистическим гигантом в будущем. В июне 1940 года, воспользовавшись назначением в Москву нового посла — Криппса, Черчилль направил Сталину личное послание. В нем он выразил пожелание, чтобы несмотря на политические разногласия «отношения между нашими двумя странами в международной сфере были гармоничными и взаимно выгодными». Черчилль предложил Сталину «консультироваться друг с другом по тем европейским делам, которые неизбежно должны интересовать нас обоих».

Сталин на призыв не откликнулся. В апреле следующего года Черчилль повторил попытку. На этот раз поводом для обращения послужили разведданные о намерениях Гитлера напасть на СССР. Черчилль не раскрывал источник — «Ультра», сославшись на «сведения от

надежного агента». Письмо было направлено Криппсу с требованием передать Сталину лично. Но посол не стал выполнять указание премьер-министра, посчитав, что он уже донес схожую мысль о немецких планах во время своей недавней беседы с руководством НКВД. Иден, который на тот момент возглавлял Форин-офис, поддержал своего подчиненного, вызвав у Черчилля ожидаемое раздражение. «Я придаю вручению этого послания Сталину особую важность, — заявил премьер-министр Идену. — Посол не может оценить должным образом военное значение того или иного факта. Прошу вас выполнить мою просьбу». После дополнительных увещаний Криппса письмо было передано, правда, не Сталину и даже не наркому иностранных дел В. М. Молотову (1890–1986), а заместителю последнего А. Я. Вышинскому (1883–1954). Спустя четыре дня Вышинский сообщил, что телеграмма британского премьера передана адресату. Сталин вновь предпочел хранить молчание, а в целях демонстрации искренних отношений с фюрером направил копию письма Черчилля в Берлин^[372].

Пройдет всего два месяца, и предупреждения британского премьера подтвердятся — войска Третьего рейха и его союзников вторгнутся на территорию Советского Союза. На календаре — воскресенье, 22 июня. В тот солнечный теплый день Черчилль находился в Чекерсе вместе с Иденом и Бивербруком. Срочно в Чекерс также был вызван Криппс, который в этот момент находился в Англии. Обсудив с ними сложившееся положение, Черчилль заметил, что Советскому Союзу должна быть оказана всемерная помощь и он объявит об этом сегодня вечером в своем выступлении по радио. Оставшуюся часть дня Черчилль потратил на подготовку своего обращения. Текст был завершен за 20 минут до начала выступления, которое состоялось на Би-би-си в 9 часов вечера. Это была проникновенная речь, рассчитанная на эмоциональный отклик, который она и получила. Правда, не у всех британских политиков. Некоторые осуждали столь резкую смену внешнеполитического курса. Но Черчилль был неумолим в поиске союзников. «Если Гитлер вторгнется в ад, я прочитаю панегирик в честь дьявола!» — заявил он^[373].

В какой-то мере эти слова, сказанные личному секретарю, лучше передают логику рассуждений британского премьера, чем драматургически выверенная речь, в которой явно прослеживается различие в подходах к русскому народу и советскому правительству. Озвученные публично обещания помощи и объединения усилий на самом деле ничего не значили. Черчилль оценивал происходящие изменения с холодной головой, прорабатывая разные варианты и готовясь к разным исходам. «Почти все

авторитетные военные специалисты полагали, что русские армии вскоре потерпят поражение и будут в основном уничтожены», — вспоминал Черчилль после войны. Четыре из пяти экспертов в Военном министерстве уверяли, что «Россия будет в нокауте через десять дней». Уэйвелл отводил СССР «несколько недель», Криппс — четыре недели, Дилл — семь. Руководствуясь эгоистическими соображениями, Черчилль считал, что если СССР проиграет, то вся помощь превратится в невосполнимые издержки. В наименьшей степени он опасался, что в случае успеха вермахта на востоке следующий удар немцев придется по Суэцкому каналу через Кавказ, Турцию, Сирию и Палестину. В этой связи он предлагал в июле 1941 года разбомбить нефтяные месторождения на Кавказе, чтобы этот ценный для танковых дивизий ресурс не достался противнику. Он предлагал это сделать Сталину и даже рассматривал возможность задействовать Королевские ВВС, «если русские сами не уничтожат их».

Красная армия и советские граждане своим беспримерным героизмом на полях сражений и самоотверженным трудом в тылу продемонстрировали несостоятельность оценок западных аналитиков, выдержав массированный удар в одиночку и поставив вопрос о помощи с новой силой. В конце августа 1941 года Черчилль сказал министру снабжения, что «наш долг и наши интересы требуют оказания всей возможной помощи русским, даже ценой серьезных жертв с нашей стороны». Несмотря на высокопарные слова, союзники не спешили облегчать страдания советского народа, бьющегося фактически в одиночку с общим врагом. Помимо ресурсов Сталин поставил вопрос об открытии «уже в этом году Второго фронта где-либо на Балканах или во Франции». Эта тема будет омрачать англо-советские отношения на протяжении следующих трех лет. Поддерживаемый военными, Черчилль будет ссылаться на отсутствие господства в воздухе в районе предполагаемой высадки, нехватку судов для переброски войск, а также отсутствие самих войск. Затем к этим объяснениям добавятся отсутствие специальных десантных барж, способных доставлять бронетехнику, проблемы концентрации на острове вооружений и людских ресурсов из-за разрушительных действий немецких подводок на просторах Атлантики. Когда Криппс, транслируя посыл советского правительства, скажет о необходимости проявления «сверхчеловеческих усилий» в решении этой задачи, Черчилль ответит ему: «Когда вы говорите о „сверхчеловеческих усилиях“, то вы подразумеваете, как я полагаю, такие усилия, которые преодолевают пространство, время и географию. К сожалению, мы всем этим не располагаем». Британия не собиралась ложиться костями ради

спасения другого государства. В Лондоне решения тоже принимались исходя из обеспечения в первую очередь собственных интересов. Да и все события оценивались с позиции выгоды и убытков. И если подводить баланс, то в первый период войны на Восточном фронте он был отрицательным, по мнению Черчилля. В своих мемуарах он приводит на этот счет два замечания, одно циничнее другого. Сначала он утверждает, что «всё, что посылалось в Россию, урывалось из того, что было жизненно необходимо Британии». Затем отмечает, что больше года после вступления СССР в войну Британия воспринимала СССР как «обузу, а не подспорье». И это сказано про страну, которая в 1941–1942 годах вела борьбу с основными силами вермахта! «Дорогой Уинстон!.. Русские убивают сегодня больше немцев и уничтожают больше их снаряжения, чем вы и я, вместе взятые», — скажет Рузвельт в апреле 1942 года^[374].

Пока во второй половине 1941 года СССР буквально боролся за свое выживание, Черчилля волновала позиция заокеанского партнера относительно вступления в войну. В августе 1941 года в Ньюфаундленде на военно-морской базе Арджентия состоялась первая встреча Черчилля и Рузвельта. На самом деле, это была их первая встреча лишь в годы войны: они уже общались очно, в 1918 году в Лондоне. Черчилль об этом забыл, Рузвельт — нет. Британский политик тогда произвел на будущего президента нелестное впечатление. Теперь — спустя почти четверть века после первой встречи, им предстояло определить будущее взаимодействие англоязычных стран. Черчилль надеялся, что Рузвельт пригласил его совершить столь продолжительное и далекое путешествие не иначе как для сообщения давно ожидаемой новости о вступлении США в войну. Но он ошибся. Результатом встречи двух государственных мужей стала публикация Атлантической хартии, которая с ее гарантией «права всех народов избирать ту форму правления, при которой они хотят жить», заложила в будущем бомбу замедленного действия под монолит Британской империи. После возвращения с конференции Рузвельт успокоил американский народ заявлением, что встреча в Ньюфаундленде несколько не приблизила США к войне. Черчилль был потрясен и разочарован. Последующие несколько месяцев будут отмечены похолоданием в англо-американских отношениях. Рузвельт даже не поздравил нашего героя с днем рождения. «Мы все пребываем в недоумении и тупике, не понимая, как заставить США смело включиться в войну», — признается Черчилль сыну^[375].

Выход из тупика произошел под давлением внешних обстоятельств:

Япония атаковала базу флота США в Пёрл-Харборе, а Германия объявила войну Соединенным Штатам. «Мы теперь в одной лодке», — сказал Рузвельт Черчиллю в телефонном разговоре 7 декабря, а на следующий день добавил по телеграфу — «это судно не должно и не может быть потоплено». Черчилль счел произошедшие перемены достаточно серьезным основанием, чтобы лично направиться в Вашингтон для определения формата дальнейшего взаимодействия. Поездка далась Черчиллю нелегко. В один из вечеров после заседаний ему стало плохо. Сопровождавший его личный врач Чарльз Моран констатировал сердечный приступ. По-хорошему премьер-министру требовался отдых продолжительностью не менее шести недель. Но отдыхать ему было некогда. На следующий день он уже сидел за столом переговоров, обсуждая насущные вопросы военной стратегии как ни в чем не бывало. В те дни ковалось будущее англо-американского союза и его участие требовалось как никогда ^[376].

Конференция (кодовое название «Аркадия») продемонстрировала, что США не готовы к изменившимся обстоятельствам. «Они не имеют ни малейшего представления о том, что значит война», — сокрушался Дилл после первых совещаний Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании ^[377]. Также совместные заседания показали, что союзников объединяет общая цель, но не средства ее достижения. В то время как британцы были едины в своей позиции, считая, что главный театр военных действий находится в Северной Африке и на Среднем Востоке, американцы придерживались разных взглядов. Одни смотрели в сторону высадки в Северной Франции, другие — на Дальний Восток. Воспользовавшись неопытностью союзников в понимании суровых реалий современной войны, Черчилль смог убедить президента и его помощников, что главный враг, против которого необходимо направить все силы, Германия, а точкой приложения общих усилий должно стать Средиземноморье. Для Черчилля это была важная дипломатическая победа. Его визит вообще прошел успешно. Он также посетил Канаду, где во время выступления в местном парламенте с аллюзией на предостережение Вейгана, что немцы свернут Британию шею, как цыпленку, произнес знаменитую фразу: «Тот еще цыпленок! Та еще шея!» После выступления фотограф Юсуф Карш хотел запечатлеть на память образ сражающегося премьера. Попыхивающий большой сигарой Черчилль, довольный тем, как его приняли канадские парламентарии, пребывал в благодушном настроении, противоречащем замыслу фотографа. Подойдя к Черчиллю,

Карш выдернул сигару из его рта. Подобной наглости британский политик не ожидал, тут же приняв стойку и бросив на фотографа бульдожий взгляд. Удачный кадр был пойман, став самым знаменитым изображением британского политика. Когда наш герой успокоился, фотограф сделал еще несколько снимков гостя с Макензи Кингом, а также портрет улыбающегося Черчилля. После кратковременного отдыха во Флориде, где Черчилль плавал в Тихом океане и едва не избежал свидания с акулой (кто-то сказал, что это была голубая акула, на что он заметил: «Быть съеденным голубой акулой так же неприятно, как и любой другой»), британский премьер вернулся в Англию. Обратный путь он преодолел на самолете, совершив первый в своей жизни трансатлантический перелет, чудом не попав под огонь немецких зенитных орудий в районе Бреста.

Весной 1942 года был вновь поднят вопрос об открытии Второго фронта. Причем на нем настаивали не только в Москве. Начальник Штаба армии США генерал Джордж Маршалл (1880–1959), опираясь на разработки своего заместителя Дуайта Эйзенхауэра^[378] (1890–1969), предлагал в 1942 году провести операцию «Кузнечный молот» (*Sledgehammer*) с атакой на Шербур силами 6–10 дивизий. Учитывая численное превосходство противника, а также отсутствие необходимого количества транспортных судов, Черчилль и британские эксперты сочли эту инициативу провальной. Но даже если бы высадка прошла успешно, войска союзников оказались бы запертыми на оконечности полуострова Котантен и им бы пришлось удерживать позиции под непрекращающимися бомбардировками люфтваффе. Как показали дальнейшие совместные операции англоязычных народов, американцы на тот момент отличались отсутствием военного опыта и были не готовы к проведению подобных операций. Фактически Черчилль сохранил им жизни. А как быть с потерями советской стороны? «Сам по себе факт, что русские страдают, совсем не означает, что мы тоже должны страдать. Мы должны заставить страдать своего противника», — заявил он на закрытой встрече с редакторами крупных оппозиционных газет в июле 1942 года^[379].

Каким образом Черчилль собирался заставить «страдать противника»? Предлагал ли он, учитывая совместное использование советских баз в Крыму, напасть на нефтяные промыслы Плоешти или совместно с Красной армией атаковать Петсамо, из которого военная промышленность Германии получала треть необходимого ей никеля? Нет. Черчилль стремился «запустить когти нашей правой лапы во Французскую Северную Африку, рвануть левой лапой по Нордкапу и подождать год, не рискуя ломать свои

зубы об укрепленный германский фронт по ту сторону Ла-Манша». Приоритетной для британского премьера стала совместная с американцами оккупация Северной Африки в сочетании с наступлением на Триполи и Тунис, так называемая операция «Гимнаст» (*Gymnast*), впоследствии получившая известность как операция «Факел» (*Torch*).

Подобная расстановка приоритетов недвусмысленно демонстрировала отсутствие единства в Антигитлеровской коалиции, когда частные интересы превалировали над общими целями. Не ставший реальностью Второй фронт в течение первых десяти месяцев войны с СССР давал немецким стратегам возможность говорить о наличии у этой операции серьезных противников в англо-американском командовании, а это, в свою очередь, позволяло им чувствовать себя более вольготно в распоряжении резервами. В период с апреля по ноябрь 1942 года против Красной армии в бой вводилось ежемесячно десять свежих дивизий. А учитывая, что Восточный фронт был основным театром военных действий, столь значительное увеличение сил противника означало не только ухудшение ситуации для советских граждан, вынужденных проливать больше крови и тратить больше материально-технических средств, но и оттягивание общей победы с осложнением пути ее достижения.

Рузвельт попросил Черчилля уведомить Сталина о том, что в 1942 году Второй фронт открыт не будет и вместо операции в Северной Франции будет предпринята англо-американская операция в Северной Африке. Британский премьер выбрал для передачи плохих новостей личный формат, отправившись после кадровых решений относительно Средневосточного командования в августе 1942 года сразу из Каира в Москву. Для него это было первое посещение Первопрестольной, за время которого он три раза встречался со Сталиным. Первая встреча прошла ровно и холодно. На второй Сталин подверг гостя суровой критике и провокационным вопросам типа: «Почему вы так боитесь немцев?» Черчилль уже хотел прервать визит и покинуть Москву. Затем Сталин пригласил британского гостя в свою квартиру в Кремле. Третья встреча продлилась больше семи часов и сопровождалась поглощением вкусных яств и благородных напитков. Саркастические комментарии сменили иронические замечания. Черчилль остался доволен этой встречей и в целом высоко оценил свою поездку. Большое впечатление на него произвела также личность главы СССР. Два государственных деятеля существенно отличались и характером, и способом решения проблем. Их общение не было дружелюбным, нередко у нашего героя заявления другой стороны вызывали раздражение. Но при всем при этом Черчилль испытывал к Сталину странное чувство уважения

и притяжения. Возможно, оно объяснялось его интересом к выдающимся личностям, возможно — пониманием неординарных качеств союзника. Черчилль был впечатлен быстротой ума, силой характера и прекрасной осведомленностью хозяина Кремля, хорошо разбиравшегося в деталях обсуждаемых вопросов. В отношениях с главой советского правительства он никогда не уклонялся от личных встреч, считая их залогом взаимопонимания. «Если бы я только мог обедать со Сталиным раз в неделю, нам удалось бы избежать многих проблем», — заметит он однажды ^[380].

Во время обсуждений в Кремле Черчилль восторженно рассказывал о готовящейся операции в Северной Африке. Казалось, что ее цели согласованы, план разработан, роли распределены, ресурсы выделены. На самом деле, между Лондоном и Вашингтоном шли напряженные обсуждения относительно целей, средств и формата участия каждой из сторон. Обсуждения продолжались до сентября 1942 года. В итоге было решено организовать наступление на Тунис с двух направлений. 8-я армия под командованием Монтгомери перешла в наступление у Эль-Аламейна 8 ноября и устремилась к Тунису с востока. Одновременно началась высадка американских войск в контролируемых правительством Виши Марокко и Алжире, с тем чтобы затем начать продвижение к Тунису с запада. В своих мемуарах Черчилль написал: «Я надеялся, что Французская Северо-Западная Африка, в том числе Тунисский мыс, попадет в наши руки после нескольких месяцев боев». В момент проведения операции его ожидания от «Факела» были гораздо смелее. Уже «через месяц», утверждал премьер-министр, «Французская Западная Африка окажется в руках союзников, включая значительные французские силы, развернутые на ее территории». Он был убежден, что «к концу года мы завладеем всей Французской Северной Африкой, включая Тунис».

На следующий день после начала операции «в свете успеха, который отчетливо виден после одного дня кампании», Черчилль потребовал от начальников штабов пересмотра планов на следующий год. В конце ноября 1942 года он сообщил Комитету начальников штабов, что считает необходимым подготовить планы высадки на французское побережье: либо в районе Ла-Манша, либо в Бискайском заливе. В качестве планируемой даты начала операции он предложил 12 июля 1943 года. Через несколько дней Черчилль направил начальникам штабов развернутое видение дальнейших действий: к концу 1942 года — захват Туниса и завершение «Факела», к концу января 1943 года — захват Триполи, к концу марта — вступление Турции в войну, к концу июня — концентрация транспортных

судов на Туманном Альбионе, к концу июля — завершение подготовительных мероприятий к открытию Второго фронта, август или сентябрь — проведение самой операции. «Мы должны открыть Западный фронт», — заявил он Алану Бруку в день составления означенного плана-графика. Начальник Имперского генерального штаба не разделял взглядов премьера, по его мнению, говорить о высадке в Северной Франции было рано. Брук ссылаясь на нехватку солдат, продовольствия, топлива и кораблей. Черчилль же продолжал настаивать, напомнив, что «мы обещали об этом Сталину во время визита в Москву». «Нет, мы [выделено в оригинале. — Д. М.] не обещали», — парировал генерал, считавший, что у Британии хватит сил на войну только в одном регионе и этим регионом должно остаться Средиземноморье. Приоритет этого региона для Брука был связан с тем, что контроль в Средиземноморье позволял снизить объем поставок через мыс Доброй Надежды, сократить линии коммуникаций и высвободить дополнительные суда с последующим увеличением за их счет поставок на Остров.

Бруку не пришлось усердствовать в переубеждении премьер-министра. Союзники не смогли захватить Тунис в декабре 1942 года до начала периода зимних дождей. Операция «Факел» перешла на следующий год со всеми вытекающими отсюда последствиями в ограничении использования человеческих и материально-технических ресурсов на других театрах военных действий. Причин неудачи было несколько. Свою лепту внесли французы, позволившие немцам в ноябре 1942 года использовать аэродромы Туниса. Свою лепту внес Гитлер, приняв неожиданное решение усилить группировку своих войск в Северной Африке. «Никто не мог предвидеть в то время, что Гитлер приложит такие огромные усилия, чтобы укрепиться на Тунисском мысе», — констатировал Черчилль, который, хотя и считал, что в Берлине совершили «серьезную стратегическую ошибку», был вынужден действовать в новой реальности. Свою лепту внесли и американцы, которые не решились укреплять свои силы через Гибралтар, опасаясь, что Гитлер займет Испанию и станет использовать Иберийский полуостров для авианалетов на десантируемые войска. Необстрелянные американские солдаты показали себя не самым лучшим образом, значительно уступая противнику. Даже король Георг VI отмечал, что само упоминание американских военных «звучит пораженчески»; возникает ощущение, что британцы «провели все бои самостоятельно». Черчилль привел письмо короля в мемуарах, однако упомянутые замечания подверг купюре, как, впрочем, и собственные заявления из ответного послания Его Величеству: «Противник совершит огромную ошибку, если сочтет, что все

наши войска в этом регионе настолько же незрелы, как наши друзья из Соединенных Штатов»^[381].

Черчилль считал, что операция «Факел» должна стать «трамплином, а не диваном». Но трамплином куда? Через день после начала операции, выступая на традиционном обеде у лорд-мэра в Мэншн-Хаусе, британский премьер произнес ставшие впоследствии знаменитыми слова: «Я стал первым министром короля не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи». Удовлетворение имперских интересов оставалось первоочередной целью британского политика. Причем империи в том виде, в каком он ее понимал. Не с заботой об Австралии и Новой Зеландии, а с сохранением Суэца и контроля за Средиземноморьем. Для этого Черчилль считал необходимым нанести следующий удар по Италии. Но этот подход требовал согласия американцев, с которыми отныне Британия двигалась в унисон. У Черчилля и Рузвельта было разное понимание империи. В то время как британский политик считал, что «британцам удалось совместить империю и свободу», для американского президента эти понятия были антонимами. В начале 1943 года пришло время двум лидерам англоязычного мира вновь встретиться и обсудить дальнейшие планы и средства их достижения^[382].

Местом проведения новой конференции (кодовое название «Символ» — *Symbol*) стал освобожденный порт Касабланка в Марокко. На повестке дня было рассмотрение различных стратегических инициатив. Джордж Маршалл предлагал сосредоточиться на увеличении численности союзных войск на Туманном Альбионе — операция «Болеро» (*Bolero*) — для последующей высадки усиленного контингента войск на побережье Северной Франции: операция «Сбор» (*Roundup*), преемница операции «Кузнечный молот». Главком Флота США адмирал Эрнест Кинг (1878–1956) считал, что основные ресурсы следует переводить в Тихоокеанский регион. Сторонники ведения войны на Дальнем Востоке считали разгром Японии приоритетной задачей и в качестве срочной меры настаивали на деблокировании Бирманской дороги с последующим оказанием помощи войскам Чан Кайши — операция «Анаким» (*Anakim*). В то время как Маршалл хотел нанести главный удар по Германии, а Кинг — по Японии, Черчилль стремился как можно скорее вывести из игры Италию. Для чего предлагалось осуществить вторжение в Сицилию — операция «Эскимос» (*Husky*). В итоге в решения конференции попали все эти планы, превратив их, как выразился американский историк Самюэль Элиот Морисон (1887–1976), в «стратегическое меню, которое союзники просто не смогли

переварить»^[383].

После завершения конференции для Черчилля было важно не допустить, чтобы его план оттеснили другие инициативы. И он смог настоять на своем, сфокусировав внимание Рузвельта на подготовке к «Эскимосу». Для британского премьера Касабланка стала zenитом его дипломатического влияния в годы Второй мировой. После разгрома в Сталинградской битве 6-й немецкой армии генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса (1890–1957) и вступления в войну США появились другие лидеры, за которыми стояли другая мощь и другие возможности. Неблагоприятно складывающиеся для нашего героя долговременные тенденции накладывались на неблагоприятные изменения текущих реалий. После возвращения из Северной Африки 7 февраля Черчилль почувствовал себя плохо. 16-го числа у него констатировали воспаление легких. Новости из Туниса, которые могли придать бодрости и способствовать выздоровлению, лишь усугубляли и без того тяжелое состояние премьер-министра.

Политик поправится, но понадобится еще два с половиной месяца, прежде чем англо-американские войска одержат в Северной Африке победу. Как с пафосом заметил впоследствии наш герой: «Один континент освобожден». 10 мая исполнилось три года с тех пор, как он возглавил правительство. Оставалось решить еще множество проблем и преодолеть огромное количество препятствий, но в целом ситуация выглядела более стабильной, чем год назад. По случаю одержанной на юге победы Черчилль распорядился, чтобы по всей Англии звонили церковные колокола. За месяц до этого в парламенте обсуждался вопрос разрешить церквям созывать прихожан на службу звоном колоколов: еще летом 1940 года колокольный перезвон был запрещен и должен был использоваться исключительно с целью оповещения населения о начавшемся вторжении. Когда один из депутатов спросил премьер-министра, какая система оповещения будет использоваться, если не колокола, Черчилль со свойственным ему остроумием ответил: «Что касается меня, то я не могу отделаться от мысли, что известие о таком серьезном событии, как вторжение, обязательно просочится наружу»^[384].

Отсроченная победа в Тунисе привела к задержке «Эскимоса». Изначально высадку в Сицилии планировалось провести 30 августа, для чего американцы должны были выполнить свои обязательства и обеспечить готовность своих войск к 30 июля. В ходе обсуждений срок начала операции был перенесен на 1 августа. Этот срок не устроил Черчилля,

возмущенного задержкой и бездействием. Еще на конференции в Касабланке он настоял, чтобы к официальному докладу Объединенного комитета начальников штабов было добавлено поручение «в течение ближайших трех недель приложить серьезные усилия с целью добиться проведения операции в период благоприятной фазы Луны уже в июне». По возвращении с конференции Черчилль взял на контроль исполнение этого поручения. Первые проработки Комитетом начальников штабов дали обнадеживающие результаты, и 10 февраля генерал Исмей представил премьер-министру доклад о возможности осуществления его замыслов по сокращению сроков подготовки наступательной операции. Предложения британских штабистов не встретили поддержки у командования на местах. В своем донесении Объединенному комитету начальников штабов от 11 февраля генерал Эйзенхауэр оценил надежды англичан на своевременную подготовку своих войск как слишком оптимистичные. В качестве аргумента он сослался на продолжающуюся кампанию в Северной Африке. По его расчетам, после освобождения Туниса потребуются не меньше десяти недель на передислокацию ВВС союзников и еще четыре недели на обеспечение господства в воздухе. С учетом этих факторов, а также принимая во внимание «нехватку времени на обучение войск и их подготовку», Эйзенхауэр заключал, что «начало операции в июне вряд ли приведет к успеху».

Черчиллю в очередной раз пришлось бороться с экспертным мнением военных, на этот раз американских. Они считали, что опыт высадки в Северной Африке указывает на наличие серьезных проблем в управлении войсками. Например, на участках высадки американских частей было потеряно 34 % всех десантных средств, главным образом из-за допущенных ошибок. Эйзенхауэр опасался, что повторение подобных оплошностей приведет к трагическим последствиям, поэтому не следует скупиться на подготовку солдат. Об этом он прямо сказал Черчиллю в своем послании от 17 февраля, увязав дату начала операции с «наличием времени для обучения и подготовки различных соединений и частей».

В своем стремлении начать операцию как можно раньше Черчилль руководствовался геополитическими факторами, считая, что любые задержки негативно скажутся на отношениях с восточным союзником, который в этот момент в одиночку крушил монолит Третьего рейха. «Мы выставим себя на посмешище, если ни весной, ни в начале лета ни один английский или американский солдат не выстрелит в немецкого или итальянского солдата», — заявил Черчилль начальникам штабов. Также свои «глубокие волнения» относительно «ужасного перерыва в разгаре

самого удобного для боевых действий сезона, когда мы не будем делать совершенно ничего», он довел до Рузвельта и его ближайшего помощника Гарри Гопкинса (1890–1946). В частности, в письме Гопкинсу он писал, что «мы заслужим серьезные упреки со стороны русских, если, принимая во внимание слишком мелкие масштабы наших нынешних действий, добавим к этому еще и столь большие отсрочки». Зачем понадобилась Североафриканская кампания, сокрушался британский премьер, «если мы так легко поддались на страхи профессиональных военных?». Параллельно на генерала Эйзенхауэра было оказано давление по линии Объединенного комитета начальников штабов. В частности, в директиве от 19 февраля ему было поручено к 10 апреля доложить о ходе приготовлений, и «если к тому времени июнь как исходная дата проведения операции покажется нереальной», ему вменялось сообщить «ближайшую дату, приемлемую для осуществления плана». После дополнительной проработки Эйзенхауэр доложил 10 апреля, что операцию следует проводить, когда Луна будет находиться во второй четверти, что благоприятно скажется на высадке воздушного десанта, которому ставилась задача дезорганизовать береговую оборону противника. Наиболее ранним периодом, соответствующим желаемой фазе Луны, было 10 июля.

Определившись с датой, Эйзенхауэр продолжил колебаться. Он сослался на «значительные силы противника», под которыми понимались «силы больше двух немецких дивизий» и которые, по его мнению, создавали серьезное препятствие успешной высадке союзных войск. «Если присутствие двух дивизий противника является решающим фактором против высадки миллиона человек, которые собраны сейчас в Северной Африке, тогда вообще трудно говорить о дальнейших способах ведения боевых действий», — возмутился Черчилль. В отличие от военных британскому премьеру приходилось учитывать политические последствия дальнейшего переноса или отмены операции. Ранее советскому руководству сообщалось, что отправка северных конвоев откладывается из-за операции в Сицилии, а теперь получается, что союзники готовы были всё отменить всего из-за двух дивизий. «Что подумает об этом Сталин, у которого на фронте 185 немецких дивизий? — недоумевал Черчилль. — Мне даже трудно себе представить!» По его мнению, нерешительность военных объяснялась особенностями объединенного планирования. «Это пример глупости объединенных штабов, которые играют на собственных страхах» и «приводят наперебой различные трудности проведения операции, в результате наблюдается полное отсутствие одной определяющей позиции и направляющей волевой энергии», —

констатировал Черчилль. Через несколько месяцев ситуация повторилась. В конце июня Эйзенхауэр направил в Объединенный комитет начальников штабов видение своих штабистов относительно дальнейших планов продвижения в Италии. Ознакомившись с их позицией, Черчилль сказал с аллюзией на известный монолог Гамлета, что американский военачальник, по-видимому, «хиреет под налетом мысли бледным»^[385]. Он был убежден в необходимости «заставить американцев быть более твердыми». Для этого необходимо снять «малодушное колебание с повестки дня» и «просто вычеркнуть этот вопрос из плана работы»^[386].

Операция «Эскимос» началась в ночь с 9 на 10 июля. Черчилль нервничал из-за возможных потерь, вспоминая неудачи предыдущих кампаний. «Как много молодых и храбрых парней погибнет этой ночью, — делился он переживаниями с близкими. — Какая тяжелая ответственность»^[387]. Высадка прошла не так успешно, как ожидалось, но в целом цель была достигнута, войска закрепились на побережье и начали борьбу за остров. Спустя 38 дней Сицилия оказалась в руках союзников. Еще до преодоления этого рубежа Черчилль начал готовить почву для следующего шага по захвату Италии. В конце мая во время поездки в Северную Африку он познакомил со своими планами Эйзенхауэра и Маршалла. Тогда его еще слушали и ему еще внимали. Правда, Маршалл полагал, что Итальянская кампания не приведет к задержке высадки в Северной Франции. Но предпочел умолчать о своем предположении, что в дальнейшем приведет к недопониманию и обострению отношений. Во время поездки Черчилль выступил в Карфагене. «Я говорил там, где крики христианских девственниц разрывали воздух, пока разъяренные львы рвали их тело, но я уже не лев, и уж точно не девственник», — скажет он о своих впечатлениях вечером после выступления^[388]. В июле Черчилль встретился с военным министром США Генри Стимсоном (1867–1950), который ратовал за открытие Второго фронта и был раздосадован позицией британского премьера относительно приоритета итальянского направления. Стимсон оперативно доложил о настроениях Черчилля президенту. Что было весьма актуально в свете очередных запланированных встреч двух государственных деятелей.

Вторая половина 1943 года была связана для Черчилля с насыщенной дипломатической активностью. Было проведено несколько международных конференций, на которых обсуждались дальнейшие планы союзников. Первая конференция прошла во второй половине августа в Квебеке — кодовое название «Квадрант» (*Quadrant*). В очередной раз американские

военные поставили вопрос об открытии Второго фронта и высадке во Франции. Учитывая ограниченность ресурсов, операция на севере Европы напрямую зависела от успехов на юге. Брук настойчиво пытался доказать американским коллегам, что любое внимание к форсированию Ла-Манша приведет к осложнению Итальянской кампании. Черчилль, который был последовательным апологетом Средиземноморской стратегии, поддерживал начальника Имперского генерального штаба. Ему удалось в очередной раз отстоять свои планы, но с обременениями. Британцам пришлось согласиться, что для ослабления противника в операции «Повелитель» (*Overlord*)^[389] необходимо отвлечь внимание и силы немцев высадкой двух дивизий на юге Франции — операция «Наковальня» (*Anvil*), ресурсы для осуществления которой обеспечивались из резервов Итальянской кампании. Что касается самого «Оверлорда», то согласившись в целесообразности проведения операции в целом, британцы обложили ее проведение множеством условий, больше напоминающих закладки возможностей для последующего переноса сроков.

Бойкое начало боевых действий на материковой части Италии напомнило операцию «Факел», когда готовящиеся планы превосходили реальные достижения в преодолении насущных проблем. Черчилль полагал, что Гитлер не станет спасать итальянцев, отведя свои войска к Альпам. «Мы пока не можем сказать, когда возьмем Рим, в октябре или ноябре, но определенно, что мы не вступим в контакт с основными немецкими силами на верху итальянского сапога раньше декабря, а то и позже», — писал он Рузвельту в начале октября, опираясь на данные «Ультра»^[390]. Аналогично с Тунисом, непредсказуемый фюрер неожиданно спутал карты, решив в октябре 1943 года помочь слабому союзнику. Вместо получения легкой добычи вторжение на Апеннины обернулось кровопролитными боями. Освобождение Рима затянулось до лета следующего года: союзные войска вошли в Вечный город в начале июня 1944 года накануне высадки во Франции.

Постоянный перенос даты открытия Второго фронта лишний раз говорил о необходимости проведения встречи всех лидеров «Большой тройки» для выработки взаимоувязанной политики и получения гарантий ее реализации. Конференцию было решено организовать в конце ноября в Тегеране — кодовое название «Эврика» (*Eureka*). До встречи со Сталиным Черчилль и Рузвельт провели двухстороннюю конференцию в Каире — кодовое название «Секстант» (*Sextant*). На ней также присутствовал Чан Кайши (1887–1975). Считая, что перед союзниками стоят более важные

задачи, чем решение китайских проблем, Брук не разделял ни американского интереса к Китаю, ни их пиетета перед китайским лидером. Черчилль придерживался аналогичных взглядов. Конференция вообще проходила в гнетущей атмосфере разногласий и недоверия. Американцы предлагали назначить Верховного главнокомандующего в Европе, который отвечал бы и за «Оверлорд», и за Итальянскую кампанию, получив возможность перебрасывать при необходимости ресурсы с одного участка на другой. Однако британский премьер выступил против, считая, что такое положение «несовместимо с принципом равного статуса в отношениях между великими союзниками», согласно которому командование любым театром военных действий поручается представителю того союзника, который располагает на этом театре большими силами. Новая должность приводила к усилению положения американского руководства и одновременному ограничению влияния Черчилля на ход событий. Понимая, чем грозят подобные предложения, британцы приняли стойку и в итоге заставили американских коллег отказаться от своей идеи, доверив координацию существующим институтам. Споры в очередной раз возникли из-за распределения ресурсов и определения приоритетных направлений для атаки. Черчилль настаивал на важности Средиземноморского региона, пытаясь получить одобрение Балканского сценария. Американцы упирались, понимая, что инициативы британской стороны могут привести к отвлечению ресурсов от Северной Франции и очередной задержке высадки в этом регионе. Подобная увязка любых инициатив с открытием Второго фронта вызвала даже у Черчилля предостережение, адресованное Рузвельту: повелитель (то есть «Оверлорд») не должен превратиться в тирана. В близком кругу Черчилль жаловался, что ведет войну «со связанными руками за спиной»^[391].

Нерешенные вопросы с конференции в Каире переместились в Тегеран. Сталин занял жесткую позицию в отношении «Оверлорда», начав второе пленарное заседание с прямого вопроса: «Кто будет командовать операцией?» Ответ Рузвельта о том, что решение по этому поводу еще не принято, вызвал у главы советского правительства неодобрительное замечание, что он не может воспринимать серьезно операцию, командующий которой не назначен. Аналогичного — несерьезного — отношения, скорее всего, придерживаются и англо-американцы, резюмировал Сталин. В обсуждение вмешался Черчилль, вновь заговорив об условиях успешного вторжения в Северную Францию. Эта реплика вызвала очередной прямой вопрос главы СССР: «Верят ли премьер-министр и британские военачальники в самом деле в осуществление

операции?» Черчилль ответил, что, разумеется, верит, при соблюдении всех озвученных условий. На самом деле, для него это уже была проигранная дипломатическая битва. Американцы поддержали май 1944 года в качестве даты начала «Оверлорда», и изменить это решение (или перенести дату) было уже не в силах британского политика.

Советники считали, что Черчилль проявил мягкость в переговорах и отстаивании британской позиции. «Выслушав все аргументы в течение последних двух дней, я бы предпочел отправиться в сумасшедший дом, нежели выполнять свои нынешние обязанности», — возмущался Брук, замечая при этом, что «Уинстон был не слишком хорош», и добавляя, «а Рузвельт и того хуже». Постоянный заместитель министра иностранных дел Александр Кадоган был уверен, что Черчилль «не был достаточно скрытен» и Сталин это заметил. Для лидера СССР, считал британский чиновник, премьер-министр «предстал открытой книгой». Интересно, что сам Сталин придерживался иной точки зрения. Спустя четыре месяца после Тегеранской конференции в беседе с соратником Тито Милованом Джиласом (1911–1995), сравнивая лидеров Антигитлеровской коалиции, Сталин заметил, что в то время, как Рузвельт относится к такому типу людей, которые лезут в чужой карман только за крупными монетами, Черчилль, напротив, вытаскивает даже копейку. На самом деле Тегеран стал первой серьезной демонстрацией утраты Британией и ее лидером международного влияния, утраты, которая была очевидна для всех, в том числе и для самого Черчилля. В беседе с Вайолет Бонэм-Картер он сказал, что во время конференции «осознал, какая у нас маленькая страна». «Между огромным русским медведем, раскинувшим лапы, и американским бизоном сидел я — бедный маленький английский ослик, который единственный среди троих знал верную дорогу домой» — так охарактеризовал он первую встречу «Большой тройки»^[392].

На период проведения Тегеранской конференции пришелся день рождения нашего героя. Ему исполнилось 69 лет. Британский политик всегда выглядел и вел себя моложе своих лет. Но четыре года премьерства в тяжелые военные годы подкосили даже такого исполина. Все близко знавшие его соратники, друзья и родственники признавали, что «Уинстон постарел». Также он все больше стал подвержен заболеваниям, пробивавшим перегруженную нагрузками броню. Еще до своего отъезда из Лондона в Каир он почувствовал недомогание. Кризис произошел через неделю после завершения Тегеранской конференции, у Черчилля поднялась температура и началось воспаление легких. Моран боялся, что его пациент стал жертвой вирулентного штамма гриппа, который за неделю унес жизни

больше тысячи британцев. Болезнь Черчилля протекала тяжело. Ситуацию усугубляло то, что из Тегерана Черчилль отправился в Северную Африку и какое-то время переносил болезнь на ногах. Слег он в Карфагене, куда из Лондона в срочном порядке была вызвана его супруга. Особую обеспокоенность Морана вызвало негативное влияние пневмонии на работу сердца. Эти опасения не были беспочвенны: за время болезни у Черчилля случилось два приступа, каждый из которых мог стоить ему жизни. Понимая, что он балансирует между жизнью и смертью, наш герой признался сопровождавшей его дочери Саре: «Если я умру, не переживай — война выиграна»^[393]. Но Черчилль не умер, в очередной раз его организм продемонстрировал чудеса выживаемости. Почувствовав себя лучше, британский премьер вернулся к сигарам и работе. Врачи возмущенно разводили руками, но, возможно, именно эта преданность делу (и привычкам) и являлась той спасительной соломинкой, которая смогла вытащить Черчилля из трясины депрессии и болезни. Он вернулся в Лондон 18 января. Его не было в столице 67 дней.

В то время как в первые месяцы 1944 года шла активная подготовка к «Оверлорду», Черчилль продолжал жить Средиземноморской стратегией и развитием успеха в Италии. 22 января началась высадка в Анцио — операция «Галька» (*Shingle*). Спустя несколько дней стало очевидно, что цель с быстрым продвижением на север не достигнута, войска так и остались сидеть на прибрежной гальке (символично названию операции). «Мы надеялись высадить дикого кота, который выпустит немцам кишки, а вместо этого вытащили на берег кита, чей хвост еще плещется в море», — заявил Черчилль начальникам штабов в конце месяца. Медленное продвижение в Италии стоило британскому премьеру много нервов и сил, лишь усугубляя и без того мрачное расположение духа. Обычно неунывающий политик стал жаловаться на людей и мироздание. В беседе с личным секретарем Колвиллом он назвал планету «пыльным, ничтожным шаром», добавив: «Люди ведут себя настолько мерзко, что просто не заслуживают жить»^[394].

Несмотря на возраст и накопившуюся усталость, Черчилль не сбавлял обороты и продолжал брать на себя дополнительные нагрузки. В апреле из-за болезни Идена он отправил министра в отпуск и принял на себя курирование внешнеполитического ведомства, фактически совмещая одновременно три поста: премьер-министра, министра обороны и главы Форин-офиса. Оказавшийся в его непосредственном подчинении Кадоган делился с дневником «усталым и изможденным видом премьер-министра».

Черчилль, писал он, «похоже, еле держится... я беспокоюсь за него». Для Кадогана стало очевидно, что лидер нации сильно сдал за последний год. «Я и в самом деле не знаю, сможет ли он выдержать такую нагрузку». Схожее мнение сложилось и у других ответственных лиц, близко общавшихся с премьер-министром в это время. В частности, например, Брук охарактеризовал политика как «усталого, вялого и нерешительного». Усталость привела к смещению приоритетов с нарушением баланса между важным и второстепенным. То Черчилль зацепился за американский опыт снижения веса самолета и соответственно увеличения его скорости за счет отказа от использования краски и попросил Министерство авиации докладывать ему: если аналогичная практика распространится в Королевских ВВС, то он озаботился грязными и дырявыми мешками в Сент-Джеймском парке, из которых сыпался песок. В конце мая ему сообщили о нехватке оборудования для насосов, поднимающих бетонные кессоны в искусственных гаванях «Оверлорда». Это было неприятное препятствие, учитывая роль этих сооружений в организации высадки. Проблема требовала незамедлительного решения, и Черчилль его нашел, предложив обратиться за насосами к пожарным. Обычно этот эпизод приводится в качестве подтверждения находчивости, сообразительности и незаменимости британского премьер-министра. Хотя на самом деле он больше указывает на наличие проблем в общей организации работ и излишней централизации системы принятия решений. Неужели в Лондоне больше не было руководителей ниже рангом, чем премьер-министр, кто бы мог найти аналогичный выход из ситуации и добиться претворения его в жизнь?^[395]

Помимо изъяснов в управлении эпизод с насосами также указывал на идущую полным ходом подготовку к открытию Второго фронта, в которой Черчилль также принимал активное участие. По дипломатическому лавированию, которое отличало поведение британского премьера в течение двух с половиной лет с июля 1941 года, создается стойкое впечатление, что Черчилль был категорическим противником этой операции. Этот же вывод напрашивается, если ознакомиться с некоторыми его высказываниями в узком кругу доверенных лиц. Например, обращенная к Кадогану в апреле 1944 года мысль: «Эту битву („Оверлорд“) навязали нам русские и американские военачальники»^[396]. На самом деле, его отношение ко Второму фронту во Франции было сложнее. Особенность оценки и анализа деятельности Черчилля заключается в том, что она производится с удаленной по времени точки наблюдения. Это отдаление отличает знание о

произошедшем. Черчилль, который действовал и принимал решения в условиях неопределенности, подобным знанием не обладал. Для него любой план нападения на противника имел свои плюсы и минусы, соотношение которых зависело от сформулированных целей, понимания ограниченных ресурсов и множества других объективных факторов. Помимо упоминаемого выше следования интересам, в первую очередь Британской империи, на восприятие им военных инициатив также влияли их законченность и успешность. Планы «Кузнечного молота» и «Сбора» этим критериям не удовлетворяли. По мнению премьера, они больше походили на отчаянные жесты, граничащие с авантюрой, результатом которой станут неизбежные значительные потери в живой силе. Аналогичного мнения он придерживался и в отношении первых версий «Оверлорда», отмечая их слабость и неубедительность. Затем, когда стали проявляться детали, он изменил свое мнение, принял операцию и сам вовлекся в ее подготовку. «Я с тобой до конца», — признался он 8 мая Эйзенхауэру, главному войскам, задействованным в «Оверлорде»^[397].

Черчилль настолько проникся новой кампанией, что захотел принять в ней личное участие и высадиться на берег Франции вместе с первыми войсками союзников. Понимая всю опасность этого предприятия, коллеги попытались остановить его, но безуспешно. Лишь личное вмешательство короля заставило премьер-министра передумать. Хотя окончательно Черчилль от своей затеи не отказался и 12 июня — на шестые сутки после так называемого «Дня Д» — пересек на эсминце *Kelvin* («Келвин») Ла-Манш и отобедал на французском побережье всего в шести километрах от линии фронта. Находясь на побережье, Черчилль обратил внимание на стоящий неподалеку монитор, который обстреливал позиции противника. Заметив, что он никогда за свою долгую карьеру не был на корабле Его Величества, который участвовал бы в боевых действиях, Черчилль захотел подняться на борт монитора, но осуществить это не удалось. Частично он реализовал свое желание оказаться на боевом корабле в момент ведения огня, когда на обратном пути предложил обстрелять побережье из орудий эсминца. Командир корабля согласился.

Примечательным в приведенном выше признании Айку — «я с тобой до конца» — было то, что Черчилль в очередной раз не мог сдержать слез. В этом также проявилась противоречивость натуры британского политика, в которой одновременно уживались чувство долга и переживание из-за неизбежности потерь. Наученный горьким опытом многочисленных штурмов укрепленного побережья, Черчилль был уверен, что новая страница военных действий союзников будет сопряжена со значительными

потерями. «Мы должны позаботиться о том, чтобы приливы и отливы не покраснели от крови американских и британских солдат, а пляжи не заполнились их телами», — предупреждал он Эйзенхауэра. Поздно вечером перед началом операции он скажет своей супруге: «Ты понимаешь, что, когда ты утром проснешься, уже могут погибнуть 20 тыс. человек»^[398].

Черчилль ошибся в своих прогнозах. За три недели боев общие потери англо-американцев составили менее 8 тыс. человек. Подобная ошибка в прогнозах распространялась не только на потери, но и на сам характер боевых действий. Весной 1944 года Черчилль заметил Эйзенхауэру, что, если к зиме союзникам удастся закрепиться на континенте, захватив Шербург и Бретань, тогда об этой операции можно говорить «как об одной из самых успешных во всей войне». А если к Рождеству они смогут занять Гавр и освободить Париж, тогда «это будет величайшей победой современности». Аик хотел было прибавить ему уверенности, заявив, что к зиме союзники уже подойдут к границе Германии, на что Черчилль ему ответил: «Мой дорогой генерал, для лидера всегда хорошо оставаться оптимистом, и я поддерживаю ваш энтузиазм, но освободите Париж к Рождеству, и никто из нас не будет от вас просить больше». Аналогичные сдержанные прогнозы он озвучивал и британским военным. В середине февраля 1944-го он заявил начальникам штабов, что к концу года союзный фронт будет пролегать «где-то во Франции» и потреблять «все наши ресурсы». Черчилль был не единственным, кто придерживался подобных взглядов. По первоначальной оценке стратегов, выход к границе Германии был запланирован лишь на май 1945 года, хотя в действительности этот этап удалось выполнить к сентябрю 1944-го — даже быстрее, чем обещал Эйзенхауэр. Но Черчилль и после начала операции продолжал придерживаться скромных оценок. В июле 1944 года в частных беседах он отмечал, что выход к Сене будет этапом «кампании следующего сезона». Увидев же стремительное продвижение союзных войск, он воскликнул: «Бог мой, и чем вы только их кормите?»^[399]

Успех «Оверлорда» с одновременным масштабным наступлением Красной армии красноречиво говорил о том, что победа Антигитлеровской коалиции — вопрос времени. Говорил он и о том, что послевоенное устройство будут определять в первую очередь СССР и США, а Британии отводится второстепенная роль. У британцев не было ресурсов, чтобы справиться с первоочередными проблемами в своей империи, что уж говорить о проектировании и ответственности за будущее мироустройство. Одной из подобных проблем стал разразившийся после потери Бирмы с ее

запасами риса голод в Бенгалии в начале 1943 года, который унес за полтора года жизни свыше 700 тыс. человек. Лондон мог использовать 350 тыс. тонн австралийской пшеницы, но у британцев не было транспортных судов для доставки ценного груза по назначению. Черчилль обратился за помощью к Рузвельту, но американский президент выделить корабли отказался (правда, с извинениями).

Черчилль понимал изменившиеся реалии и тяжело переживал трансформацию. В сентябре у него в очередной раз началась пневмония. Он рассуждал о мрачном будущем после окончания войны, когда у его страны будет наблюдаться недостаток финансовых средств для решения срочных задач. Моран боялся более краткосрочных неприятностей. Учитывая проблемы своего пациента с сердцем, он предполагал, что Черчиллю осталось недолго. «Пусть он хотя бы доживет до победы, — молился Колвилл. — Возможно, даже к лучшему, если он не увидит того, что произойдет дальше». Видевший его в эти дни Брук записал в дневнике: «Он производит впечатление конченого человека, который не способен уловить суть вещей и сам начинает это осознавать»^[400].

Несмотря на плохое самочувствие и осознание надвигающегося периода бессилия, Черчилль не собирался отступать и уж тем более уходить. Он решил использовать собственную харизму и наработанный за годы премьерства внешнеполитический капитал для сохранения роли своей страны в мире. Большую часть второй половины 1944 года он провел в разъездах, переговорах и конференциях. «Я перемещался от двора ко двору, как бродячий менестрель, всегда с одной и той же песней или с набором одинаковых песен», — говорил он о своих поездках^[401]. В сентябре прошла вторая Квебекская конференция — кодовое название «Восьмиугольник» (*Octagon*), в октябре он посетил конференцию в Москве — кодовое название конференции «Толстой» (*Tolstoy*). В процессе обсуждений послевоенного влияния в Балканском регионе Черчилль взял листок бумаги и карандашом написал на нем:

Румыния: Россия — 90 %. Другие — 10 %.

Греция: Великобритания (в согласии с США) — 90 %. Россия — 10 %.

Югославия: — 50:50 %.

Венгрия: — 50:50 %.

Болгария: Россия — 75 %. Другие — 25 %.

Закончив, он передал листок Сталину, который взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его.

— Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы,

имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? — произнес Черчилль. — Давайте сожжем эту бумагу.

— Нет, оставьте ее себе, — ответил Сталин.

«Мы сделали это, Чарльз, всего за несколько минут, — скажет Черчилль своему врачу. — Видишь, люди наверху могут делать такое, что другим неподвластно». В этом эпизоде примечательным было не только поведение Черчилля, предложившего подобный экспромт, но и согласие Сталина принять в нем участие. Наш герой высоко ценил эту готовность главы СССР отступить от протокола, отказаться от официальных условностей и предпочесть ведение прямых бесед, лишняя раз подтверждая его убеждение в том, что Сталин именно тот человек, с которым можно иметь дело. В своих мемуарах он привел несколько писем, которые были им подготовлены во время совещаний в Москве и в которых подчеркивалась «атмосфера необычайной доброжелательности» (послание Рузвельту), а также «обстановка чрезвычайной дружественности» (телеграмма Гопкинсу). В личных комментариях он указывает, что эти беседы проходили с «такой непринужденностью, свободой и сердечностью, каких еще никогда не удавалось добиться в отношениях между нашими странами». Он признается, что «Сталин несколько раз говорил о личном уважении» к нему и он уверен, что глава СССР «говорил искренне»^[402].

В ноябре Черчилль направился в Париж, в котором последний раз был в июне 1940 года. Вместе с де Голлем он принял участие в торжественной церемонии возложения венков к Могиле Неизвестного Солдата у Триумфальной арки. Информировав Рузвельта о своем посещении столицы Франции, британский премьер не без удовлетворения констатировал, что ему удалось наладить дружеские отношения с де Голлем, «не переодевшись при этом во французские цвета». Выстраивание отношений с руководителями других государств и сложные хитросплетения международной политики все больше занимали время Черчилля в эти годы. Иногда он принимал участие в выработке решений, иногда просто давал свои комментарии, которые являлись красноречивым выражением его политических взглядов. Так, например, в декабре во время обсуждений в Палате общин противостояния британских военных и греческих коммунистов Черчилль заявил, что «демократия не шлюха, чтобы ее подбирали на улице человек с автоматом». По его словам, «последнее, что имеет отношение к демократии, это закон толпы, вооруженные банды, захватывающие полицейские участки и государственные учреждения, мечтающие насадить тоталитаризм и заявляющие, как сейчас, что придя к

власти, будут убивать всех, кто их политически не устраивает»^[403].

Нивелируемые в 1941–1944 годах борьбой с общим врагом расхождения между союзниками в реализации своих политических амбиций стали все более явно проявляться в конце войны, очерчивая контуры будущего латентного противостояния. К Черчиллю стала возвращаться его ненависть к коммунизму, притупившаяся на время вынужденного сотрудничества. В начале 1945 года он пожаловался Колвиллу на свое бессилие остановить «большевизацию Балкан» и стал убеждать членов Объединенного комитета начальников штабов в необходимости «занять максимум территории Австрии, поскольку нежелательно, чтобы русские заняли больше Западной Европы, чем необходимо». «Единственное, что объединяет победителей, — их общая ненависть», — констатировал Черчилль во время общения с Иденом^[404].

Но общая ненависть к Германии начала спадать и на поверхности появились другие проблемы, требующие решения. В начале февраля «Большая тройка» собралась в Ялте, в Крыму для поиска компромисса — кодовое название «Аргонавт-Магнето» (*Argonaut-Magneto*). Помимо согласования механизма обеспечения коллективной безопасности и создания ООН одной из основных тем стало построение биполярного мира с разделением сфер влияния между западными демократиями и восточным коммунистическим блоком. В рамках этой темы наиболее остро встал вопрос послевоенного будущего Польши. Для Черчилля и Сталина судьба Польши превратилась в серьезный камень преткновения. Черчилль понимал, что за последние 30 лет Россия трижды подвергалась нападению с запада с проходом вражеских войск через территорию Польши, поэтому для Сталина было принципиально важно отодвинуть польскую границу с СССР как можно дальше на запад. В этом отношении британский премьер поддерживал инициативу оставить границу по линии Керзона, которая была определена в 1920 году. Но Черчилль, страна которого вступила в войну из-за нападения Германии на Польшу и в которой нашло убежище ее правительство в изгнании, не мог позволить себе признать верховенство в Польше коммунистов. Было решено провести там всеобщие выборы. По возвращении в Лондон Черчилль подвергнется критике за согласие с такой формулировкой: многие консерваторы считали, что Сталин проводить свободные выборы не станет. «Сначала нужно отведать пудинг, прежде чем судить о нем», — парировал Черчилль, признавшись также премьер-министру Новой Зеландии Питеру Фрейзеру (1884–1950), что «несмотря на свои антикоммунистические убеждения, я питаю большие надежды, что

Россия или, по крайней мере Сталин, желает действовать в гармонии с западными демократиями»^[405]. Но Сталин не торопился с проведением выборов, готовя почву для победы просоветских кандидатов, что в мае вызвало нарекания со стороны Черчилля и обвинения в нарушении ялтинских договоренностей. Парламентские выборы в Польше пройдут в январе 1947 года и зафиксируют поражение антикоммунистических сил...

По мере обсуждения и формирования послевоенного мироустройства война в Европе подходила к концу. 30 апреля фюрер покончил жизнь самоубийством, что было ожидаемо. В том же месяце произошла еще одна смерть, которая стала для многих неожиданностью. 12 апреля от кровоизлияния в мозг скоропостижно скончался Франклин Делано Рузвельт. Новым президентом США автоматически стал вице-президент Гарри С. Трумэн (1884–1972). «Если бы Рузвельт не скончался и пребывал бы в хорошем здравии, президент смог бы вовремя увидеть красный свет, требующий пересмотра американской политики: в конце концов, Трумэн был всего лишь новичком, приведенным в замешательство потоком событий и возложенной на него ответственностью, которую он никогда не ожидал», — скажет Черчилль Колвиллу в 1953 году. Первоначально он хотел принять участие в церемонии похорон, однако затем передумал, сославшись на неотложные дела и просьбы друзей не покидать пределы страны в столь напряженный период. Впоследствии он назвал свое решение отменить поездку в США и несостоявшуюся из-за этого встречу с новым президентом самой крупной ошибкой за годы войны. «В течение следующих трех месяцев были приняты важные и ужасные решения, и у меня было такое чувство, что они принимались человеком, которого я не знаю», — объяснял Черчилль^[406].

Война в Европе завершилась в мае 1945 года с подписанием Актов о безоговорочной капитуляции Германии. Выступая перед восторженной толпой лондонцев, Черчилль произнес: «Это ваша победа». В ответ донесся рев толпы: «Нет, твоя!»^[407].

В то время как одни наслаждались майским ароматом победы, Черчилль был озадачен решением нависших послевоенных проблем. В июле в Потсдаме начала работу третья конференция «Большой тройки» — кодовое название «Терминал» (*Terminal*). В перерыве между заседаниями Черчилль имел встречу с военным министром США Генри Стимсоном, во время которой тот положил перед ним записку со следующей надписью: «Младенцы благополучно родились». Черчилль выразил недоумение, что это значит. «Это означает, — пояснил Стимсон, — что испытания в

пустыне Нью-Мексико прошли успешно. Атомная бомба создана». Идея создания нового вида оружия привлекла внимание Черчилля еще в 1920-е годы, когда в своей статье «Следует ли нам всем совершить самоубийство?» он задался вопросом: «Не существует ли несравненно более действенных способов использования энергии взрыва, нежели те, что были открыты до сих пор?» Черчилль указал на возможность создания «бомбы величиной не больше апельсина, которая обладала бы таинственной способностью уничтожать сразу целые кварталы или сосредоточивала бы в себе разрушительную силу тысяч тонн пороха, так чтобы одним ударом сметать целые селения». В 1926 году профессор Линдеман познакомил своего друга с одной работой, посвященной квантовой теории. Название книги не сохранилось, но доподлинно известно, что она вызвала интерес у политика, который не только ее проштудировал, но и кратко изложил своими словами основные положения этой непростой для понимания темы. Несмотря на первоначальный интерес к атомной сфере, во время войны британский премьер скептически оценивал успех создания новой бомбы. Хотя не без влияния своего советника Линдемана он согласился выделить необходимые ресурсы для начала исследований, а после того, как наработки были переданы в США, несколько раз обсуждал вопросы взаимного сотрудничества в атомном проекте с Рузвельтом, в целом он не проявлял большого интереса к этой теме. На что даже куратор проекта с британской стороны Джон Андерсон (1882–1958) жаловался в марте 1945 года Нильсу Бору (1885–1962): проблема с Черчиллем заключается в том, что его «ум далек от науки и ему трудно обозреть этот проект в должной перспективе». Ограничение Черчилля проявилось в том, что на тот момент он не понимал до конца возможностей и опасностей атомной бомбы, воспринимая ее как просто более мощное оружие. Отчасти именно поэтому он поддержал решение Трумэна о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. Должно было пройти время, прежде чем Черчилль изменил свое мнение. А пока 25 июля он был вынужден прервать свое участие в Потсдамской конференции и вернуться в Лондон, где на следующий день должны были объявить результаты прошедших накануне всеобщих выборов. Результат удивит Черчилля и откроет в его жизни новую главу^[408].

Глава пятая
Достояние нации
1945–1965

«Скрытое благословение»

Одной из проблем, занимавших Черчилля по мере приближения победы над Германией, была организация всеобщих выборов, которые не проводились в Британии с 1935 года. Сама мысль, что британцы могут отказать в доверии Консервативной партии и отправить ее лидера в отставку, казалась фантастичной, хотя вероятность такого сценария в целом не исключалась. Поэтому «тень всеобщих выборов», как признался наш герой^[409], довлела над ним, доставляя массу беспокойства. Тем не менее, оставаясь верным традициям и институтам своей страны, Черчилль не собирался менять правила и ограничивать волеизъявление народа. 23 мая 1945 года на аудиенции у короля он сообщил о своей отставке. Всеобщие выборы должны были пройти в период с 5 по 12 июля^[410]. До окончания подсчета голосов, который из-за участия избирателей-военных, голосовавших по всему миру, растянулся на две недели, король попросил Черчилля сформировать и возглавить переходное правительство. Второй раз в своей жизни наш герой стал премьер-министром.

Не дожидаясь подведения итогов голосования, Черчилль принял участие в Потсдамской конференции, но решение насущных международных проблем не могло полностью отвлечь его от мыслей о выборах, которые «парили над ним, словно стервятники неизвестности». 25 июля Черчилль вернулся в Лондон. Утром 26-го, в день объявления результатов, он проснулся от «острой, почти физической боли». Мысль о поражении «охватила все существо». Усилием воли он отринул тревожные думы и вновь предался опьяняющей неге сна^[411]. Когда он вновь открыл глаза, пробило 9.00. Привычно поработав некоторое время в постели, он отправился принимать ванну. В этот момент ему сообщили о первых результатах — уверенную победу одерживали... лейбористы! Черчилль наспех оделся и направился в оперативный штаб, где и провел большую часть дня. В округе Вудфорд^[412] он одержал уверенную победу, набрав 27 688 голосов против 10 488 у своего оппонента. В остальном тори ждало сокрушительное поражение. Из 585 мест в парламенте, полученных на выборах в 1935 году, им удалось сохранить лишь 213, в то время как лейбористы обеспечили себе 393 мандата с абсолютным большинством в 146 парламентских голосов. В этом унижительном и неожиданном поражении обидно было все: и то, что подобное фиаско, которое тори не знали на протяжении последних сорока лет, пришлось на период

руководства партией Черчилля, и то, что народ забрал премьерство из рук политика, который привел страну к победе, и то что его отставка произошла так не вовремя в разгар международной конференции на глазах у Сталина и Трумэна.

Черчилль был обескуражен, потрясен и раздавлен. Формально у него еще оставалось несколько дней на передачу власти. Он мог даже при особой изворотливости продлить пребывание у кормила власти, дожидаясь капитуляции Японии и завершения войны. Но он не стал цепляться за власть, подав в отставку в тот же день 26 июля. Король предложил ему высшую награду Королевства — Благороднейший орден Подвязки. Отказываться в подобных случаях было не принято, чтобы не ставить августейшую особу в неловкое положение. Но Черчилль отказался, объяснив, что «не может принять из рук короля орден Подвязки, в то время как народ дал ему орден Отвязки». На следующий день Черчилль провел последнее заседание кабинета. В конце он попросил Идена задержаться. «Тридцать лет моей жизни связаны с этими помещениями, — произнес он. — Я больше никогда не буду заседать в них. Вы будете, но не я». Иден попытался утешить своего старого коллегу, хотя сам в этот момент переживал не лучшие времена. За несколько дней до подсчета голосов он узнал, что его любимый старший сын Саймон (род. 1924), лейтенант ВВС, пропавший без вести во время одного из боевых вылетов, признан погибшим^[413].

После выборов Черчилль оказался на улице не только в переносном, но и в прямом смысле слова: Чартвелл все годы войны был закрыт и не мог принять хозяина, а приобретенный недавно в Лондоне дом 28 на Гайд-парк-гейт находился до октября на ремонте. Покинув Даунинг-стрит, Черчилль с супругой переехали сначала в отель, затем остановились у зятя, супруга старшей дочери Дианы, Дункана Сэндиса (1908–1987). Понимая, что у него нет средств на восстановление поместья, Черчилль выставил Чартвелл на продажу. На этот раз сделка была завершена, правда, необычным образом. Черчилль получил за продажу поместья фонду *National Trust* внушительную сумму в 43 тыс. фунтов, а также за символическую плату в 350 фунтов в год — право пожизненного проживания в Чартвелле. Столь выгодные условия сделки стали возможны благодаря щедрости семнадцати состоятельных поклонников, пожертвовавших фонду 95 тыс. фунтов. После кончины политика *National Trust* обязался превратить Чартвелл в музей, что и было сделано. Не страдающий излишней скромностью, Черчилль использовал полученные за продажу поместья средства для расширения угодий. Он купил три

соседних фермерских хозяйства общей площадью почти 500 акров и увлекся новым хобби — животноводством.

Относительно поражения на выборах, Черчилль старался держаться и сохранять благородство. Когда личный врач указал ему на неблагодарность народа, он одернул его: «О нет! У них были трудные времена». «Народ проголосовал, как счел правильным. Это и есть демократия. За нее мы с вами и боремся», — объяснит он одному из своих помощников. Но в глубине души Черчилль чувствовал обиду. Только кто был виноват в произошедшем? На самом деле, несмотря на первоначальный шок от результатов народного волеизъявления, поражение тори было предсказуемо. Во-первых, Черчилль слишком уверился в своей победе и не смог услышать чаяний народа, которого после шести лет войны волновали не глобальные геополитические вопросы, а более близкие и важные для простого люда проблемы жилья, работы и улучшения социальных условий. Во-вторых, лидер тори построил свою программу на критике социализма. Он убеждал электорат, что социализм ведет борьбу «не только с частной собственностью во всех ее формах, но и с любыми проявлениями свободы». Близкие и друзья советовали сбавить обороты диатрибы, предупреждая, что в народе многие не разделяют этих взглядов. «Социалистические идеи нашли практическое применение во время войны, не причинив вреда и принеся много пользы», — объясняла дочь Сара. Но Черчилль не слушал. Увлечшись критикой социализма, он заявил 4 июня, что «никакое социалистическое правительство, контролирующее все сферы жизнедеятельности и экономики страны, не сможет позволить себе мириться с публичным выражением недовольства в форме неприкрытой, резкой и жестокой критики; ему придется прибегнуть к помощи своего рода гестапо». Сравнить лейбористов, с видными представителями которых он успешно на протяжении пяти последних лет совместно вел страну к победе, с нацистской тайной полицией было не только проявлением неблагодарности, но и грубейшей ошибкой. Клементина советовала вычеркнуть оскорбительный фрагмент, но Черчилль его оставил, чем вызвал повсеместное недовольство даже своих сторонников. В-третьих, сконцентрировавшись на критике оппонентов, Черчилль не предлагал ничего дельного, в отличие от конструктивного подхода лейбористов, построивших свою программу «Давайте смотреть в будущее вместе» на внедрении системы социального страхования, создании Национальной службы здравоохранения и национализации ключевых отраслей промышленности^[414].

Успокаивая супруга, Клементина заметила, что, возможно, в

поражении на выборах присутствует «скрытое благословение». «Если это благословение, то оно скрыто очень глубоко», — ответил Черчилль, даже не пытаясь скрыть сарказм^[415]. Мудрая женщина оказалась права. Следующие несколько лет пройдут под знаком начала холодной войны, и впоследствии имя Черчилля будет прочно ассоциироваться с этим латентным конфликтом. Но в действительности после отставки у него не было полномочий для принятия каких-либо решений и формирования политического курса, которому следовали бы остальные. Да и политический вес самой Британии был не столь внушительным, чтобы определять новые правила игры. Страна находилась на грани экономического коллапса, и вместо заботы о мироустройстве ей сначала нужно было решить собственные проблемы. Для чего пришлось пойти на унижительные просьбы США о предоставлении кредита, который будет погашен лишь в декабре 2006 года. США стали «слишком великими, в то время как мы — слишком маленькими», констатировал Черчилль^[416].

Несмотря на перечисленные обстоятельства, сложившийся стереотип, связывающий имя нашего героя с развязыванием холодной войны, не был беспочвенен. Оставаясь формально не у дел, Черчилль имел де-факто огромное политическое влияние и популярность. Его знали, его ждали, его слушали. И он охотно делился своим мнением. Тем более что у него было четкое видение дальнейшего позиционирования Британии в неблагоприятных условиях послевоенного восстановления. Понимая, что отныне мир стал биполярным, Черчилль предложил концепцию трех сфер. Он выделил три внешнеполитических блока с демократическими формами правления — Европа, англоязычные страны, Содружество наций. Главным нюансом предложенного разделения было то, что Великобритания являлась единственной страной, которая входила в состав всех блоков. В связи с чем, по мнению Черчилля, ей отводилась основная роль в обеспечении единства и реализации интеграционных процессов. Оставался вопрос, как воплотить эту концепцию в жизнь. Черчилль решил взять на себя основные функции ее продвижения и защиты. Он всегда верил в превосходство индивидуального начала, а также в собственные выдающиеся способности и масштаб своей личности. Активно используя политический капитал, он начал публично выступать и распространять свои взгляды. Нашлись те, кому подобное поведение оказалось выгодным. Так Черчилль вновь оказался под софитами внимания, фактически вернувшись на арену большой политики. В дальнейшем вся его деятельность была связана с выстраиванием отношений с тремя основными внешнеполитическими

актерами — Европой, США и СССР.

Ближе всего, с точки зрения географии, Черчиллю была Европа. На протяжении многих веков со времен Древнего Рима государственных мужей не оставляли мысли о создании объединенной Европы. В первой половине XX века значительный вклад в становление и развитие этих идей внес австрийский философ граф Рихард фон Куденхове-Калерги (1894–1972), основавший в 1922 году Панъевропейский союз. Однако его идеи на Туманном Альбионе ждал довольно скромный прием: в Лондоне были сосредоточены на выстраивании конкурентных экономических отношений с Францией и отказывались вступать на зыбкую почву европейского объединения. Одним из немногих британских политиков, кто поддержал идеи Куденхове-Калерги, был Уинстон Черчилль. По его мнению, с появлением после Первой мировой войны новых небольших государств, не способных самостоятельно защищать себя от агрессии более мощного соседа, Европа в очередной раз столкнулась с угрозой военного конфликта. Одновременно с вопросами безопасности, считал он, самостоятельность и независимость негативно влияли на внешнеэкономическую деятельность, когда, например, для путешествия из Парижа в Стокгольм (менее 2 тыс. километров) приходилось пересекать семь границ и использовать шесть национальных валют. Введя в обиход новый термин Соединенные Штаты Европы, Черчилль предложил превратить Европу в конгломерат региональных федераций под управлением центрального органа — Совета Европы. В новой схеме ряд государств (Германия, Франция, Италия и Британия) сохранял свою самостоятельность, а более мелкие страны объединялись в конфедерации: Балканскую, Дунайскую, Скандинавскую (затем переименованную в Северную) и Центрально-Европейскую (позже — Среднеевропейскую).

Конфедеративная концепция единой Европы была сформулирована Черчиллем еще до начала Второй мировой войны и в дальнейшем использовалась им в военных переговорах со Сталиным и Рузвельтом, а также влияла на принимаемые решения. Например, выбирая, на кого из балканских лидеров сделать ставку: на руководителя Народно-освободительной армии Югославии коммуниста Иосипа Броз Тито или командира четников генерала Драголюбa Михайловича (1893–1946), он руководствовался не идеологическими, а геополитическими соображениями, отдав предпочтение Тито, который фактически предложил создание Балканской конфедерации.

Политик вернулся к своим идеям после окончания войны, выступив с инициативой налаживания взаимодействия между Францией и Германией.

Понимая, что его предложения с возвращением Германии на приоритетных условиях в европейскую семью звучат кощунственно для современников, Черчилль указал на важность обращения к «благословенным актам забвения» (термин Уильяма Гладстона). Есть вещи, которые нельзя забыть, но движение вперед, считал политик, невозможно без того, чтобы не «повернуться спиной к ужасам прошлого». «Мы не можем брать с собой и нести через грядущие годы груз ненависти и жажду мщения, рожденные ранами прошлого», — наставлял он своих международных коллег^[417].

Спустя несколько лет идея франко-германского союза станет аксиомой, но в 1946 году, когда ее озвучил Черчилль, она была в штыки принята не только во Франции, но и среди британских консерваторов. Тори были убеждены, что ядром объединенной Европы должен стать англо-французский союз. Но Черчилль отводил Британии иную роль. Он считал, что его стране следует «благословлять и способствовать всем изменениям на континенте», а также «оказывать помощь, выступать гарантом и всячески поддерживать движение к европейскому единству». Но при этом Британия не должна «являться обычным членом союза» и быть ограниченной в отношениях с доминионами и США. «Мы с Европой, но не в ней, — хитроумно объяснял он свою позицию. — Мы связаны с Европой, но не заключены в нее. Мы ассоциированы с Европой, но не поглощены ею». Фактически Черчилль ставил свою страну на один уровень со сверхдержавами — СССР и США. В соответствии с концепцией трех сфер, он рассчитывал, что Великобритания, опираясь на империю и Содружество наций, способна выступить связующим звеном между Старым и Новым Светом.

Многоуровневый характер политики Черчилля позволил в дальнейшем и сторонникам, и противникам евроинтеграции причислить его к своим духовным отцам. Сам же Черчилль благодаря европейской теме вернулся в большую политику. В сентябре 1946 года он выступил в Цюрихском университете с известным призывом «Возродись, Европа!», в мае 1948-го стал одним из инициаторов проведения в Гааге Конгресса Европы, лично возглавив британскую делегацию, в которой из 140 членов было 22 лейбориста. Также он принял участие в двух первых сессиях Совета Европы в Страсбурге в августе 1949 и 1950 годов. Во время Гаагской конференции 1949 года, когда он вошел в зал, все делегаты из европейских стран приветствовали его стоя. О нем стали говорить, как о «самом известном британце на континенте»^[418].

Каждое посещение Черчиллем конференций и конгрессов

сопровождалось программными выступлениями на тему объединенной Европы. Примечательно, что его заявления отличал контурный характер без погружения в детали. Отсутствие конкретики объяснялось тем, что, предлагая создать Соединенные Штаты Европы, Черчилль проявлял осторожность, чтобы избежать противопоставления новой структуры с США и не портить отношений с заокеанским партнером. Американская тема всегда занимала особое место в биографии британского политика. Нельзя забывать, что его мать была из Нью-Йорка, а сам он назвал себя однажды «союзом англоязычных стран». Кровь была существенным фактором, но не определяющим. «Уинстон наполовину американец и на сто процентов англичанин», — иронично констатировала Клементина. Интересы родной страны всегда были для Черчилля первостепенными. Еще в июне 1898 года, постигая в Индии азы международной политики, он задавался вопросом, ответ на который и так был очевиден: «Насколько вероятно, что хитрый Дядя Сэм станет доставать для нас каштаны из костра в Азии, Африке и Европе?» Активно выступая в поддержку англо-американского союза, Черчилль признавал конфликт интересов между двумя странами. Однажды он даже указал одному из послов США на угрозу «американского империализма». Дипломат попросил его разъяснить, что британский политик понимает под этим термином. «Завоевания! Колонии! — ответил наш герой. — Вы вскоре будете такими же, как мы»^[419].

На этот счет Черчилль не ошибся. Выйдя из Первой мировой войны единственным победителем, обогатившимся на полях сражений, США стали активно теснить «владычицу морей» в 1920-е и последующие годы. Когда администрация 30-го президента США Калвина Кулиджа-младшего (1872–1933) предложила распространить нормы Вашингтонского морского соглашения, устанавливающего паритет линкоров и линейных крейсеров в ВМФ Великобритании, США, Японии, Франции и Италии на все боевые корабли, Черчилль выступил категорически против этой инициативы. В своем меморандуме для Кабинета министров (июль 1927 года) он писал: «Мы не желаем попадать под власть Соединенных Штатов. Мы не можем сказать, как они себя поведут, если в недалеком будущем окажутся в положении, когда они смогут давать нам указания относительно нашей политики, скажем, в Индии, или Египте, или в Канаде, или в любом другом важном вопросе. <...> Я бы не доверил Америке командовать, как и не доверил бы Британии подчиниться». В сентябре 1928 года Черчилль признался графу Данди, что американцы «заносчивы и полностью враждебны нам, они стремятся доминировать в мировой политике». «Нам

следует твердо ответить, что мы сами будем решать, насколько большой флот нам необходим»^[420].

В 1930-е годы по мере нарастания нацистской угрозы Черчилль стал более благожелательно настроен по отношению к США, считая, что американцев следует активнее привлекать к решению европейских проблем. После начала Второй мировой войны он выбрал укрепление англо-американских отношений одним из приоритетных направлений своей политики, публично называя США «самым могущественным государством в мире» и открыто объявив о том, что «наши судьбы в значительной степени будут зависеть от политики Соединенных Штатов... <...> и мы делаем все возможное, чтобы поддерживать с ними все более тесный контакт». В самый разгар войны он призвал американский и британский народы объединиться. «Если мы будем вместе — нет ничего невозможного. Если мы разделимся, все будет напрасно», — заявил он американской аудитории. Занимавший в годы войны пост вице-президента США Генри Уоллес (1888–1965) задастся вопросом: не вызовет ли предлагаемое сближение Соединенных Штатов и Великобритании опасения у других государств насчет претензий двух англоязычных стран на мировое господство? «Подобного рода предположения не должны препятствовать принятию необходимых и правильных мер», — уклончиво ответит ему британский премьер^[421].

После войны Черчилль выступил с концепцией развития с США «особых отношений», считая, что от помощи и поддержки Вашингтона зависит будущее его страны. Но насколько были заинтересованы американцы в объединении усилий с бывшей метрополией? В отличие от почившего Рузвельта, Трумэн не испытывал ностальгии по успешному сотрудничеству в военный период. У него был свой взгляд на американское будущее, и Британии, с которой у США было немало разногласий в геополитической сфере, в нем отводилось не самое приоритетное место. Черчиллю пришлось приложить значительные усилия, чтобы изменить мнение американского президента и вызвать интерес к «особым отношениям». В октябре 1945 года он получил от президента Вестминстерского колледжа в Фултоне, штат Миссури, Фрэнка Льюиса Макклюра (1896–1979) письмо с предложением выступить с «серией лекций». Обычно британский политик отвечал на подобные обращения вежливым отказом. Но в этот раз, обратив внимание, что письмо сопровождалось припиской Трумэна, Черчилль принял предложение, согласившись на одно выступление. Заручившись поддержкой президента

США, который подтвердил готовность прибыть вместе с ним в колледж и сказать приветственное слово, Черчилль решил использовать выступление в Фултоне для обоснования значимости братского союза двух стран. Речь, получившая название «Мускулы мира», была прочитана 5 марта 1946 года и стала одной из самых знаменитых в жизни политика.

Для того чтобы заинтересовать американцев перспективами кооперации, Черчилль указал на наличие общей внешней угрозы, противостоять которой мог исключительно братский союз двух англоязычных стран. В качестве такой угрозы — свободе, демократии и безопасности, он выбрал СССР — государство, с которым его страна вместе сражалась четыре долгих года против нацистской Германии. Заявив, что многие страны Центральной и Восточной Европы «подвергаются все более осязаемому контролю, а нередко и прямому давлению со стороны Москвы», он произнес в Фултоне эпохальные слова: «Протянувшись через весь континент от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, на Европу опустился железный занавес». Черчилль использовал до этого выражение «железный занавес» несколько раз: в телеграммах Трумэну от 12 мая и 4 июня 1945 года, затем во время дискуссий в Палате общин 16 августа и в письме супруге 24 сентября того же года. Считается, что он позаимствовал его из статьи Йозефа Геббельса (1897–1945), опубликованной в феврале 1945 года в номере газеты *Das Reich*. Но есть и другие первоисточники. Одним из первых это словосочетание при описании политических реалий употребил Василий Васильевич Розанов (1856–1919) в своей последней работе «Апокалипсис нашего времени» (1918–1919). Европейцев с этим выражением познакомил социалистка Этель Сноуден (1881–1951) в своей книге «Через большевистскую Россию» (1920). В 1924 году британский посол в Берлине Эдгар Винсент 1-й барон Д'Абернон (1857–1941) использовал аналогичную идиому для обозначения присутствия французских войск в Рурской области, назвав последнюю «железным занавесом между сценой и зрителями». Из того, что могло привлечь внимание Черчилля, выделяется роман Герберта Уэллса «Пища богов» (1904), где знакомое выражение употребляется дважды. Сам Черчилль, когда его спросили, какой первоисточник использовал он, ответил, что «не слышал это выражение раньше, хотя, как и все, был знаком с „железным занавесом“, который опускается» на сцену во время пожара. Именно в этом контексте он и употребил этот термин из театрального мира, пытаясь остановить распространение пожара коммунистической тирании^[422].

Выступление Черчилля в Фултоне вызвало ожидаемую негативную

реакцию в СССР и неожиданную аналогичную реакцию в США и Великобритании. Пресса осудила британского политика за распространение «отравляющих доктрин» и стремление «обеспечить посредством оружия мировое господство США и Британской империи», а также не поддержала его идею братского союза, заявив, что «Соединенные Штаты не хотят никакого союза и всего того, что связано с любым союзом с какой-либо страной». Помимо журналистов от британского политика также открестились президент США, который заявил во время поспешно организованной пресс-конференции, что не знал заранее о содержании речи, а также британский премьер-министр и глава Форин-офиса. Они предпочли отрицать выдачу «разрешения британского правительства», утверждая о незнании намерений экс-премьера, а также об отсутствии желания «высказывать какое-либо мнение о выступлении, которое имело место в другой стране и осуществлялось частным лицом»^[423].

Черчилль действительно не посвящал британское руководство в детали предстоящего выступления, но общий посыл Эттли знал и одобрял. «Я уверен, ваша речь в Фултоне будет полезна», — сказал он в феврале после того, как автор рассказал ему основные тезисы и выводы. Более того, в условиях ограничений международных перелетов в 1945–1946 годах, без согласия Эттли Черчилль не то, что выступить, но не смог бы даже взлететь с британского аэродрома в направлении США. Поддержка на государственном уровне также была оказана экс-премьеру принимающей стороной. Причем по высшему разряду. Во время пребывания Черчилля в США, которое продлилось два с половиной месяца, Трумэн предоставил для путешествия по стране последнюю марку «кадиллака» с персональным шофером, устроил вечеринку на своей яхте, а для доставки и отправки корреспонденции экс-премьера использовал личного пилота. Когда же Черчилль направился на Кубу, в его распоряжение был выделен борт номер один. Президент даже готов был предоставить самолет из состава ВВС США для путешествия почетного гостя в Тринидад и Бразилию, если бы эти вояжи не отменились из-за проблем британца со здоровьем. Когда по своей привычке Черчилль в последний момент изменил планы и отправился из Вашингтона в Фултон не на самолете, а на поезде, Трумэн пересмотрел свое рабочее расписание и выделил два дополнительных дня на возвращение из Миссури. Во время совместной поездки в Фултон Черчилль показал президенту последнюю редакцию текста выступления, а до этого они предметно обсуждали предстоящее действо 10 февраля в течение полутора часов. Президент нашел речь «восхитительной», заметив, что «хотя она и наделает много шума, результаты будут

положительными»^[424].

Подобные знаки внимания объяснялись не только пиететом перед личностью военного премьера. Американское руководство вело свою игру, в которой британскому политику отводилась важная роль. В США еще во второй половине 1945 года были разработаны стратегические документы, в которых Советский Союз признавался основной угрозой и обосновывалось применение против него атомного оружия. Также был разработан первый план ведения ядерной войны с указанием 17 советских городов и объектов Транссибирской магистрали, по которым атомный удар должен быть нанесен в первую очередь^[425]. От военных не отставали и дипломаты. 15 февраля 1946 года госсекретарь Джеймс Бирнс (1882–1972) обвинил Москву в нарушении Потсдамских договоренностей относительно распространения деятельности Контрольного совета союзников на Болгарию, Румынию и Венгрию. Через неделю глава Госдепа предложил оказать помощь правительству Ирана в переговорах с СССР относительно северных территорий. 22 февраля 1946 года из посольства США в Москве советник Джордж Кеннан (1904–2005) отправил знаменитую «длинную телеграмму» объемом 8 тыс. слов, в которой доказывал невозможность сотрудничества с СССР и обосновывал политику сдерживания. 5 марта — в день выступления Черчилля в Фултоне — Бирнс дал указание Кеннану запросить у советского правительства (согласно Ялтинским договоренностям) копии всех договоров с восточно-европейскими странами, а также направил протест Молотову в связи с экономическими требованиями СССР к Китаю. Одновременно было обнародовано заявление, что полномочия командующего оккупационными войсками союзников в Японии генерала армии Дугласа Макартура (1880–1964) распространяются на все территории размещения японских войск, в том числе и на находящуюся под контролем СССР Маньчжурию. И наконец, все в тот же день — 5 марта — Бирнс направил в Москву протест относительно иранской проблемы с требованием незамедлительного вывода советских войск с северных территорий согласно англо-советскому соглашению^[426].

США намного быстрее и тверже ослабевшей Великобритании определили расстановку сил в послевоенном мире, свое место под солнцем и главного стратегического противника. А что до Черчилля, то его появление в Фултоне сыграло им на руку. В глазах общественности он придал легитимность антисоветской политике США. Официально дистанцировавшись от его заявлений, Вашингтон в действительности

крепко ухватился за обнародованные тезисы. С братского союза англоязычных стран центр тяжести был смещен в сторону конфронтации с СССР, а мирные послы, отраженные в том числе в названии речи, вообще остались без внимания. Увидев искажения в трактовках, Черчилль попытался дополнительно объяснить свою позицию. Выступая 15 марта на торжественном приеме, который был организован в его честь мэром и городскими властями Нью-Йорка в отеле *Waldorf Astoria*, он постарался смягчить свои заявления. В частности, он отметил, что не считает войну неизбежной и не просил о создании англо-американского альянса. Относительно СССР он сказал, что «не верит, будто руководство России хочет в настоящее время войны» и «никому не позволит делать заявления, которые могли бы ослабить» его «уважение и восхищение перед русским народом, а также принизить» его «горячее желание, чтобы Россия была безопасной и процветающей, чтобы эта страна заняла почетное место в авангарде мировой организации». Черчилль также напомнил собравшимся, какие «чудовищные потери понесла Россия после гитлеровского вторжения и как она выжила и с триумфом оправилась от ран, которые превосходили всё, когда-либо выпадавшее на долю других государств», и сообщил об «абсолютной готовности работать с русскими на честных и справедливых условиях»^[427].

Сильный акцент на Советской России красноречиво говорил о сложном пересечении американской и советской тем в идейной ойкумене британского политика. Поэтому для описания полной картины и понимания в целом внешнеполитических взглядов Черчилля после окончания войны необходимо сказать несколько слов о его отношении к СССР, которое отличалось продолжительностью, сложностью и неравномерностью. Больше сорока лет он был ярым и последовательным противником социализма, а также активным сторонником интервенции. Но так сложилось, что с появлением нацизма Черчилль стал одним из немногих британских политиков, кто во второй половине 1930-х годов выступил за объединение сил с СССР и в годы войны был союзником Москвы. Благодаря нечеловеческим усилиям Красная армия смогла переломить ход сражений и, «оттолкнувшись ногой от Урала», устремилась на запад. С каждой новой победой над вермахтом не только освобождались захваченные территории, но и усиливались позиции советского руководства за столом переговоров. Черчилль решил перехватить дипломатическую инициативу и в целях «навязывания воли Соединенных Штатов и Британской империи» поручил в апреле 1945 года Комитету объединенного планирования (Объединенному штабу планирования) разработать план

экстренной военной операции против СССР. 22 мая документ, описывающий операцию с кодовым названием «Немыслимое» (*Unthinkable*), был представлен премьер-министру. Штабисты пришли к заключению, что достижение поставленной цели возможно только после «поражения России в тотальной войне», при этом сам результат тотальной войны оценивался как «непредсказуемый», а достижение победы относилось к «задаче очень продолжительного времени». Даже привлечение немецких войск и вооружений — безумная идея, берущая истоки в событиях 25-летней давности, — не позволяла англо-американцам добиться существенных преимуществ.

Благодаря члену «Кембриджской пятерки» Гаю Бёрджессу (1911–1963) о штабных наработках британцев стало известно руководству СССР, которое в ответ предприняло перегруппировку сил. В дни подписания Мюнхенского соглашения Черчилль принимал Бёрджесса у себя в Чартвелле, делясь своим бессилием, отчаянием и недовольством относительно ухудшающейся внешнеполитической обстановки. Теперь, спустя семь лет, они стояли по разные стороны баррикад. Примечательно, что, когда станет известно о работе Бёрджесса на СССР и от него отвернутся друзья, коллеги и знакомые, так, что, как заметил один исследователь, даже трудно будет найти тех, кто стоял с Бёрджессом на одной автобусной остановке, Черчилль не станет отрицать свою встречу с предателем.

Ознакомившись с планом операции, британский премьер охарактеризовал его как «превентивное исследование того, что, я надеюсь, останется исключительно гипотетической случайностью»^[428]. Он попросил разработать под тем же названием новую версию операции — оборонительную. Черчилль опасался, что после вывода американских войск из Европы и демобилизации британской армии его страна окажется беззащитной перед Красной армией. «Что расположится между белыми снегами России и белыми скалами Дувра?» — недоумевал он. В своем послании Трумэну 12 мая он выражал «глубокую обеспокоенность положением в Европе», указывая на «сочетание русской мощи и территорий, находящихся под контролем» СССР, а также опасаясь, что Красная армия, «если ей будет угодно, сможет достаточно быстро выйти к Атлантике и Северному морю». Британского премьера охватили настроения и страхи 1919 года. Только если четверть века назад он боялся, что его страна падет жертвой социалистической революции, теперь его пугала угроза военного завоевания. Черчилль вновь ошибся. Уже в конце июня Верховный Совет СССР принял Закон о демобилизации старших

возрастов личного состава действующей армии. За последующие три года советские вооруженные силы уменьшились с 11 до менее 3 млн человек, были упразднены органы управления военного периода, сокращено количество военных округов и начат вывод войск из Северной Норвегии, Чехословакии, Дании и Болгарии. Британские штабисты также должны были развеять опасения премьера. В новой версии плана они констатировали, что «серьезная угроза безопасности нашей страны» возникает только в случае использования Красной армией «ракет и другого нового оружия»^[429].

Большая амплитуда колебаний Черчилля между наступательной и оборонительной операциями говорит о том, что британский политик не знал, как себя вести после капитуляции Германии в отношении военного союзника и каким образом нивелировать коммунистическую угрозу. Период незнания продлился относительно недолго. На Потсдамской конференции он узнал об успешном испытании нового вида оружия, которое вскоре нашло применение против Японии. «Слава богу, что секрет атома оказался в правильных руках! — восклицал Черчилль в частных беседах. — России потребуется три года, прежде чем оседлать это открытие»^[430]. Понимая, что отныне англо-американцы обладают существенным преимуществом, британский политик стал сторонником «жесткого диалога» с СССР.

Насколько «жестким» мог быть этот диалог и как далеко готов был зайти Черчилль в своем неприятии коммунизма? При ответе на этот вопрос важно помнить, что послевоенное пятилетие наш герой не имел полномочий для воплощения своих взглядов в жизнь, а соответственно и не нес прямой ответственности за реализацию своих советов. Отсюда следует и спекулятивный характер оценки деятельности Черчилля в этот период, сводящийся к конструкции — «как бы он поступил, если бы остался премьер-министром». Вместо конкретных действий Черчилль сосредоточился на заявлениях. Например, летом 1947 года в беседе с американским политиком Стайлсом Бриджесом (1898–1961) он призвал американцев использовать атомное оружие против СССР. Бриджес сообщил о своем диалоге с экс-премьером в ФБР. В 2014 году эти факты были обнародованы *Daily Mail* и преподнесены в качестве сенсации. На самом деле никакой сенсации не было. Черчилль высказывал схожую точку зрения своему врачу Морану и премьер-министру Канады Макензи Кингу, что нашло отражение в их дневниках, опубликованных за 40 лет до предания огласке откровений Бриджеса, а также в официальной биографии

нашего героя.

Насколько серьезно можно относиться к подобным заявлениям? Бриджес, который с 1936 года был сенатором от Республиканской партии, не занимал никаких постов в правительстве и администрации президента США, а на момент встречи с Черчиллем возглавлял Совместный комитет по международному внешнеэкономическому сотрудничеству. Он не определял политику, не принимал судьбоносных решений, даже не был членом президентской партии. Поэтому вряд ли можно было надеяться, что озвученные ему мысли воплотятся в конкретные действия. Черчилль на это и не надеялся, понимая, что по таким вопросам нужно обращаться к президенту США, доступ к которому у него, кстати, был и для этой задачи не использовался. Аналогичные рассуждения справедливы и для других участников бесед с британским политиком. По словам Дж. Колвилла, Моран «редко, если вообще когда-либо, присутствовал там, где творилась история; как правило, его приглашали на последующий ужин». Ему вторит последний личный секретарь Черчилля Энтони Монтагю Браун (1923–2013), отмечавший, что представить Черчилля, который ведет с врачом серьезный разговор на политическую тему, так же сложно, как обсуждающим состояние своего пищеварительного тракта с военачальниками. Относительно Макензи Кинга, канадский политик действительно много лет находился в большой политике, но его карьера подходила к концу, а его время ушло. Через год после беседы с Черчиллем он покинет свой ответственный пост, а еще через два года — оставит грешную землю. Не исключено, что в своих заявлениях Черчилль преследовал иные цели, например, произвести на собеседника впечатление, посмотреть на его реакцию, поддержать свой образ противника паллиативных средств.

Даже в резкой фазе своего антисоветизма Черчилль не переставал выступать за налаживание отношений с Москвой. «Мы должны быть готовы достигнуть более дружественных и доверительных отношений с Советской Россией», — наставлял он в ноябре 1945 года министра иностранных дел в правительстве Эттли Эрнеста Бевина (1881–1951). В мае 1946 года Черчилль высказался в пользу «достижения хорошего и верного взаимопонимания с Советской Россией», отметив в октябре в одном из своих пресс-релизов: «Я всегда хотел, чтобы советское правительство сыграло одну из решающих ролей в восстановлении раздробленного мира». В мае 1947 года он отнес Советский Союз наряду с США, Европой и Британской империей к одной из четырех «главных опор всеобщего храма мира», а в начале следующего года заявил в парламенте,

что единственным способом избежать войны является открытый диалог с советским руководством для последующего достижения взаимовыгодного соглашения. В марте 1949 года Черчилль признается, что его «целью и идеалом» является дружба с Россией по всем направлениям.

Примечательно, что все эти высказывания и предложения были озвучены до того, как у СССР появилась атомная бомба. В отличие от американских коллег Черчилль считал, что в «случае возникновения какого-либо страшного раскола между западными демократиями и русским народом» человечество ожидает «мрачная судьба». Он ясно понимал бесперспективность обращения к последнему слову науки и техники в области вооружений. «Катастрофа, которая последует в случае применения противоборствующими сторонами атомной бомбы, будет настолько чудовищной, что вызовет не только гибель всего того, что мы называем цивилизацией, но и, по всей видимости, приведет к прекращению жизни на земле», — предупреждал он еще в 1946 году. Однажды он уже согласовал использование атомного оружия, и теперь это решение не давало ему покоя. «Возможно, меня даже спросит Создатель, зачем я использовал эту бомбу?» — заметил он в одной из бесед в июле 1946 года. Он подумывал ответить Всевышнему: «Зачем Вы дали нам это знание, когда человечество свирепствовало в яростных битвах», на что один из собеседников его остудил, заметив: «Вы не можете обвинять ваших судей». В январе 1953 года, незадолго до инаугурации нового президента США, Черчилль обратился к Трумэну: «Мистер президент, я надеюсь, вы уже приготовили свой ответ, когда мы предстанем перед Святым Петром и тот спросит: „Я полагаю, что вы двое несете ответственность за сбрасывание тех атомных бомб“». Трумэн предпочел промолчать^[431].

После успешных испытаний атомного оружия в СССР риторика Черчилля в направлении мирного урегулирования начнет приобретать более настойчивый характер. Конец 1949-го — начало 1950 года можно считать переломным моментом во внешнеполитических взглядах лидера тори. Если после окончания войны пик его антисоветских высказываний приходился на 1946 год, после чего запустился механизм переоценки, то в 1949 и 1950 годах позиция британского политика относительно международной обстановки проходит точку бифуркации. Отныне он становится последовательным и рьяным сторонником нормализации отношений с Москвой, одним из первых западных политиков такого уровня, кто выбрал подобный путь.

Обращая внимание на насыщенную внешнеполитическую деятельность Черчилля в послевоенные годы, нельзя забывать, что в

первую очередь наш герой был лидером тори и его основной задачей было привести Консервативную партию к победе на следующих выборах. С этим возникли трудности. После сокрушительного поражения на выборах 1945 года в консервативном лагере начались существенные преобразования, связанные со сменой руководящего состава партии — председателя и заместителя председателя партии, директора Центрального бюро; созданием новых структур — Парламентского секретариата, Консервативного политического центра, возрождением в расширенном составе Исследовательского департамента; привлечением новых членов с внедрением новых методов пропаганды и агитации, изменением системы партийного финансирования, а также повышением независимости местных ассоциаций. Наконец, были разработаны новые программные документы: «Промышленная хартия», «Сельскохозяйственная хартия», «Консервативная политика для Уэльса и Монмутшира», а также памфлет «Правильная дорога к Британии»^[432]. Отличительной особенностью этих нововведений было то, что Черчилль не принимал в них особого участия. Его мало интересовали детали и происходящие изменения. Когда во время подготовки в 1947 году к ежегодной партийной конференции помощники изложили ему в пяти строчках основные положения «Промышленной хартии», он, прочитав их, сказал:

— Я не согласен ни с единым словом.

— Что ж, сэр, но это именно то, что приняли делегаты конференции,
— ответил помощник.

— Ладно, тогда оставьте.

Черчилль включил подготовленный текст в свое выступление, прочитав его холодно и без эмоций^[433].

В своей предвыборной борьбе Черчилль предпочитал сосредоточить усилия на внешнеполитической сфере, рассуждая о глобальной роли Британии. Во внутренней политике он оставался все тем же непримиримым антисоциалистом, как и 40 лет назад. В свойственной ему хлесткой манере он атаковал лидеров левого движения, называя Эттли «клопом, который, питаясь кровью короля, думает, что в нем самом течет королевская кровь», а также заявляя, что его главный противник «очень скромнен и у него на это есть все основания». В отношении же кабинета лейбористов он, перефразируя Линкольна, сказал, что эти «никчемности» сформировали «правительство никчемностей для никчемностей». Он называл «методы и приемы работы социалистов расточительными и неуклюжими», добавив на одном из заседаний Палаты общин, что «еще ни

одно правительство не совмещало столь страстную похоть к власти со столь безнадежной импотенцией в ее использовании»^[434].

Черчилль подверг сомнению экономические достижения лейбористов, недоумевая в частных беседах: «Какой смысл быть великой нацией, если наши граждане в конце недели не могут оплатить счета за жилье». В публичных заявлениях он был еще более резок и нетерпим, утверждая, что «шесть лет работы правительства социалистов нанесли нашим финансам больше ущерба, чем Гитлер». Из конкретных мишеней Черчилль стал вести прицельный огонь по принципу равенства, выступая против того, чтобы «сильных держали в узде, принижая до уровня слабых». По его мнению, «распределение благ поровну» приводит к тому, что «темп общества в его движении вперед задается самыми медленными и слабыми его представителями». Находясь под влиянием идей Фридриха фон Хайека (1899–1992), Черчилль считал, что политика социалистов нарушает фундаментальные основы здоровой экономики с «устранением мотива получения большего дохода и соблюдения собственных интересов как основного практического руководства в мириадах повседневных трансакций». По его словам, это приводит лишь к «ограничению, параличу и разрушению британской находчивости, бережливости и изобретательности». Так же Черчилль обрушился с критикой на раздутие бюрократического аппарата и создание «громадной армии чиновников», когда главной заботой высшего политического руководства страны стало «обеспечение этой армии достаточным объемом работы, которая оправдывала бы ее существование», а также «предоставление чиновникам как можно больших полномочий и бесчисленных возможностей для вмешательства в жизни других людей». Еще в бытность свою канцлером Казначейства, он заявлял, что «нет более надежного средства для экономии государственных финансов, чем сокращение числа чиновников». Спустя 20 лет он считал высказанную мысль по-прежнему актуальной. Не оставил Черчилль без внимания и такое нововведение лейбористов, как национализация. В марте 1947 года он предупредил с трибуны Палаты общин, что «можно попробовать уничтожить богатство, но это приведет лишь к распространению нищеты». В августе того же года он отметил, что «частная собственность имеет право себя защищать». «Наша цивилизация построена за счет частной собственности и может быть защищена только частной собственностью». В ноябре 1948-го он назвал предложенный законопроект о национализации сталелитейной промышленности «средством ограничения торговли». Отмечая, что «бюрократов не наказывают за неправильные решения» и у них «отсутствует

заинтересованность действовать правильно», Черчилль считал ошибкой передавать в их управление «ключевые отрасли промышленности».

Основной удар лидера тори пришелся на важную для него тему ограничения свобод. «Как свободный англичанин, я больше всего ненавижу зависеть от чьей-либо милости или находиться в чьей-либо власти, будь то Гитлер или Эттли», — заявил он во время одного из заседаний парламента в ноябре 1947 года. За месяц до этого на съезде Консервативной партии он возмущался, что «наша жизнь все больше и больше регламентируется и регулируется тысячами правил, за соблюдением которых неусыпно следит огромная армия чиновников». По его словам, «всеми возможными способами создается и совершенствуется аппарат тоталитарного управления, охватывающий все сферы жизни британского общества». В представлении Черчилля, лейбористское правительство избрало эффективную тактику, используя «трудности в качестве предлога для введения еще большего количества ограничений и дальнейшего роста бюрократии». Сначала «правительство совершает ошибки, которые приводят к ухудшению ситуации», затем оно «требуется новых полномочий для ее исправления». В результате лейбористы «все ближе подходят к реализации идеи всемогущего государства, в котором человеку отводится роль беззащитного раба, пешки»^[435].

Наблюдая за последовательной критикой Черчилля в отношении лейбористского правительства, возникает ощущение, что он надел на себя мантию отвергнутого пророка 1930-х годов, осуждающего политику умиротворения Болдуина и Чемберлена. Но Эттли отличался от своих предшественников. Да и ситуация была совершенно иной. К тому же недостаток выступлений лидера тори сводился к тому, что изобличая просчеты и недочеты оппонентов, он не предлагал конкретных шагов по исправлению ситуации. В этом отношении, как и любой оппозиционер, Черчилль находился в выигрышном положении. Не неся ответственности за происходящее, ему оставалось только наблюдать, критиковать и ждать, когда его противники оступятся и в очередной раз дадут возможность народу выбрать свое будущее. Такой момент настал в феврале 1950 года, на который пришлось роспуск парламента и назначение новых всеобщих выборов.

В родном Вудфорде Черчилль одержал убедительную победу, получив 37 239 голосов против 18 740 у ближайшего оппонента. Но привести партию к успеху ему на этот раз не удалось. Несмотря на тяжелое экономическое положение, лейбористы смогли удержать штурвал в своих руках. Правда, заплатив за это большую цену с сохранением всего 315

мандатов против 298 у тори и сокращением абсолютного большинства до шатких шести мест. Улучшение позиций консерваторов было налицо, но в политике важен результат, а не динамика. Сокрушительное поражение в 1945-м и неспособность взять реванш в течение следующих пяти лет были вескими аргументами против продолжения черчиллевского руководства тори. Одновременно с отсутствием достижений против нашего героя выступал также возраст. В ноябре Черчилль отметил 75-летний юбилей. Страна знала только трех государственных деятелей, которые занимали пост премьер-министра в этом возрасте и позже^[436]. Несмотря на все эти неблагоприятные факторы, Черчилль не собирался уходить, веря, что его звездный час еще настанет. «Я знаю, что стану премьер-министром снова, я знаю это», — признался он секретарю.

Чутье не подвело старого бульдога. Спустя всего 20 месяцев после выборов 1950 года на Туманном Альбионе вновь открылись избирательные участки. В очередной раз Черчилль не оставил шансов конкурентам в Вудфорде, получив 40 938 голосов против 24 081 у оставшихся трех претендентов. Личный успех совпал с достижением партии, получившей 321 место против 295 у лейбористов. Клементина советовала супругу сойти с дистанции и передать тяжкое бремя лидерства более молодым и активным коллегам. Однако узнав, что ее благоверный впервые за 50 лет в политике смог добиться желаемого и стал избранным премьер-министром, она смирилась. «Надеюсь, Уинстон будет полезным для страны, — сказала она. — Это будет тяжелая работа, но он обладает страстным темпераментом и готов к ней»^[437].

«Вторая мировая война»

Формирование внешней политики Великобритании и обеспечение победы Консервативной партии на выборах были не единственными проявлениями активности Черчилля в первые послевоенные годы. Когда в одном из интервью репортер льстиво сказал: «История поместит вас среди великих личностей», политик остроумно ответил: «Это зависит от того, кто будет писать историю»^[438]. Изучение биографии 1-го герцога Мальборо лишний раз убедило нашего героя, что восприятие в будущем твоих прошлых поступков во многом зависит от того, что и как ты сам расскажешь о них в настоящем. Если проявишь лень и не расскажешь сам, за тебя это сделают другие, представив на суд общественности версии, которые могут очернить и разочаровать. Так и произошло. Не успели высохнуть чернила на Акте о безоговорочной капитуляции, как некоторые авторы стали готовить свои дневники и воспоминания к печати. Так, в декабре 1945 года в *Saturday Evening Post* началась публикация фрагментов мемуаров адъютанта Эйзенхауэра капитана Гарри Батчера (1901–1985) «Мои три года с Эйзенхауэром», в апреле 1946-го вышла книга профессионального репортера подполковника Ральфа Ингерсолла (1900–1985) «Совершенно секретно», а в октябре — воспоминания сына президента США Элиота Рузвельта (1910–1990) «Его глазами». Во всех этих работах решения британского премьера подверглись критике.

Учитывая появившиеся публикации, а также богатый литературный опыт нашего героя, решение о написании собственных мемуаров было предсказуемо. Однако Черчилль не спешил садиться за письменный стол. И тому было несколько причин. Первая — налоги. Литературное творчество всегда было для Черчилля не только средством самовыражения, но и заработка. В соответствии с действующим на тот момент законодательством его литературная деятельность попадала под сложную систему налогообложения с отчислением в казну 19 шиллингов и 6 пенсов^[439] с каждого заработанного фунта, то есть 97,5 % дохода. По этой причине публикуя сборники своих военных речей, Черчилль обращался к услугам редакторов — сначала к своему сыну, затем к редактору *Sunday Dispatch* Чарльзу Иду — имя которых и значилось на обложке. Такой же вариант рассматривался и с мемуарами, но так и не был принят. Адвокаты предложили более эффективный способ с созданием фонда и передачей ему бумаг Черчилля. Фонд мог продать эти бумаги издателям, которые в

свою очередь нанимали экс-премьера для написания на их основе исторического произведения. В этом случае автор должен был заплатить только подходящий налог с контракта, не идущий ни в какое сравнение с теми суммами, которые получал фонд за продажу документов. Литературный фонд был создан 31 июля 1946 года. Его попечителями стали Клементина Черчилль, Брендан Брекен и профессор Фредерик Линдеман, имевшие право распоряжаться документами, а также передавать все доходы от его деятельности детям и внукам автора.

Вторая проблема была связана с ограничениями в использовании официальных документов. Согласно принятым правительством Черчилля правилам (23 мая 1945 года), уходя в отставку, министры могли взять с собой все государственные бумаги, составленные ими лично, но их цитирование и обнародование без разрешения правительства запрещалось. Таким образом, Черчилль с его 68 томами документов, собранными секретарями и посвященными каждому месяцу войны, а также 600 массивными папками, оставшимися на хранении в подвале здания секретариата кабмина, оказался в заложниках нового премьер-министра Эттли и секретаря кабинета Эдуарда Бриджеса. В мае 1946 года был подготовлен проект новой редакции правил, разрешавший цитирование правительственных бумаг «только в исключительных случаях». Не дожидаясь утверждения этой редакции, Черчилль провел предметную беседу с Бриджесом, а также направил развернутое послание Эттли, в котором сообщил о своей поддержке изменений, считая при этом целесообразным предоставить исключительные права лицам, занимавшим должность премьер-министра. Аргументируя свою позицию, он объяснял, что, неся основную ответственность за принимаемые решения, они должны иметь возможность «объяснять и защищать» свои поступки после отставки. Сославшись на недружелюбные публикации Батчера и Ингерсолла, в качестве вишенки на торте Черчилль добавил, что использование документов с демонстрацией, как и почему принимались решения, «определенно вызовет симпатии к нашей стране». Через несколько месяцев Черчилль развил последний тезис, сказав Бриджесу, что планирует написать «британскую военную историю», опираясь на «собственные тексты» военного периода. «Мне кажется, я имею право на цитирование правительственных бумаг, если я решил рассказать свою версию событий, — считал экс-премьер. — К тому же подобное описание в интересах нашей страны, и, возможно, я единственный человек, кто способен это сделать». При этом Черчилль не возражал против согласования текстов с правительством Его Величества. Бриджес с пониманием отнесся к

поступившему обращению. В своем ходатайстве Эттли он отметил, что «мистер Черчилль выразил готовность сотрудничать с правительством, чтобы избежать в своей книге огласки фактов, которые могут навредить общественному мнению». В начале октября предложения Черчилля были рассмотрены на заседании правительства и получили одобрение. «Я и все мои коллеги в секретариате Кабинета министров всегда готовы оказать вам любую помощь по вопросам, связанным с этими документами», — заявил Бриджес. Этой же политики будет придерживаться его преемник Норман Брук, который в августе 1947 года признал, что секретариат должен оказывать «повсеместную поддержку и помощь мистеру Черчиллю»^[440].

Третья проблема касалась обязательств перед издателями. Правами на новые произведения Черчилля владело издательство *Macmillan*. Одновременно у политика были договоренности написать после войны книгу об истории Европы с момента Октябрьской социалистической революции для издательства *Harrap & Co. Ltd.* С Макмилланами все оказалось просто. Играя на политических амбициях одного из управляющих издательства — Гарольда Макмиллана, Черчилль без проблем добился расторжения договора в одностороннем порядке. Вальтер Харрап (1894–1967), напротив, не желая упускать знаменитого автора, решил побороться за свои права. Но и его сопротивление было недолгим. После нескольких нелцеприятных фраз Черчилля в его адрес он ретировался, заметив, что «с нашей стороны было бы некрасиво, вне зависимости от того, правы мы или нет, судиться с человеком, которому каждый из нас стольким обязан». Для издания нового произведения на территории Британии и Содружества наций Черчилль выбрал *Cassell & Co. Ltd.* Относительно публикации в США, не желая делиться своими гонорарами с литературными агентами, Черчилль обратился для проведения переговоров с американскими издателями к Камроузу и Эмери Ривзу. В результате пятинедельных консультаций им удалось договориться с владельцем *Life* Генри Люсом (1898–1967) о продаже прав на публикацию фрагментов нового произведения в американских газетах за 1,15 млн долларов, а также на книжный формат с издательством *Houghton Mifflin Co.* за 250 тыс. долларов. Учитывая договоры в Британии и Содружестве наций, принесшие автору 2,23 млн долларов, а также многочисленные переиздания и переводы, новый труд позволил нашему герою больше не думать о деньгах. «У меня такое ощущение, что я не книгу пишу, а делаю себе состояние», — заметит он в конце 1940-х и будет полностью прав^[441].

Успешно преодолев основные препятствия и обеспечив благоприятные

финансовые условия, Черчиллю теперь предстояло реализовать задуманное. Планировалось, что произведение будет состоять из пяти томов и основываться на аутентичных документах. При этом авторство большинства из них будет принадлежать нашему герою. Последнее обстоятельство было вызвано не только желанием сконцентрироваться на собственных поступках и изложении собственных взглядов, но и на трудностях в получении согласований у третьих лиц. Черчилль признавал, что эти документы, написанные «под влиянием событий и на основе сведений, которые имелись лишь в тот момент», являются «во многих отношениях несовершенными». Но в этом несовершенстве заключались их основная сила и притягательность с изображением реальных событий во всей их противоречивости и непредсказуемости. Черчилль считал, что подлинные документы представляют «более достоверную летопись и создают более полное впечатление о происходившем и о том, каким оно представлялось нам в то время», чем любой отчет, который мог быть написан, когда «ход событий уже всем известен». Одновременно с правдой жизни используемые Черчиллем документы были неизвестны широкой публике, что повышало эксклюзивность произведения. Не исключено, что, подробно фиксируя в письменном виде свою деятельность в годы войны, Черчилль изначально готовился к написанию мемуаров. В пользу этого говорит его указание секретарям подбирать в конце каждого месяца всю корреспонденцию, а также комментарии коллег. Также обращает на себя внимание избыток его письменной корреспонденции. Тот же Чемберлен недоумевал, зачем его коллега направляет ему объемные письма, когда «мы и так видимся каждый день на заседаниях военного кабинета», если только они не «предназначены для книги, которую Уинстон напишет в дальнейшем»^[442].

По сути, Черчилль обратился к практике, которую успешно апробировал еще четверть века назад при написании «Мирового кризиса». Также, опираясь на предыдущий опыт, в том числе на «Мальборо», он решил привлечь к написанию текста творческий коллектив помощников и исследователей. Собранная Черчиллем команда станет известна как «Синдикат». Планировалось, что первая скрипка в ней будет принадлежать Уильяму Дикину. Однако его активная педагогическая деятельность и руководство колледжем Святого Антония в Оксфорде оставляли немного времени на литературный проект. Хотя роль Дикина все равно будет значительна. Большой пласт исследовательской работы лег на плечи генерал-лейтенанта Генри Паунэлла, возглавлявшего в годы войны различные штабы. С Черчиллем Паунэлла познакомил Гастингс Исмей,

который также активно помогал в работе над новым произведением. Еще одним членом «Синдиката», отвечавшим за освещение военно-морской тематики, стал коммодор Гордон Аллен (1891–1980). Для систематизации архива был нанят барристер Денис Келли (1916–1990). «Тебе, мой мальчик, поручается создать вселенную из хаоса», — объяснил ему Черчилль, показывая свой архив, в котором многочисленные папки и свыше семидесяти черных жестяных коробок перемежались с подарками и сувенирами^[443]. Из последних Келли обратил внимание на американский пистолет-пулемет и самурайский меч ручной работы. Со временем функции Келли расширятся и он возьмет на себя проверку фактов, поиск противоречий и устранение неточностей. Помимо членов «Синдиката» Черчиллю также активно помогали многие коллеги — военные, политики, дипломаты — которые делились своими воспоминаниями и записями, а также читали и проверяли готовые куски. Особняком стоит имя Нормана Брука, который проштудировал текст несколько раз, строго следя, чтобы ни один эпизод, факт, оценка, высказывание или мнение, которые могли навредить стране, не появились в окончательной редакции.

Несмотря на обилие людей, приложивших руку к созданию нового произведения, основная роль принадлежала все-таки Черчиллю. Да, он делегировал исследовательскую работу своей команде, обильно снабжал повествование документами и официальными бумагами, не брезговал включать тексты помощников, но на протяжении всего процесса работы над книгой он продолжал оставаться единственным ее автором, определяя содержание книги, смысл и трактовку описываемых событий, приводимые факты и используемые документы. Непосредственное участие Черчилля состояло в обсуждении с командой общей концепции, определении состава необходимых данных и цитируемых документов, диктовки фрагментов-связок и личных воспоминаний, а также редакции набросков, подготовленных членами «Синдиката» или другими привлеченными лицами. В среднем текст рукописи выдерживал от 6 до 12 редакций, прежде чем отправлялся издателям. На этом работа не заканчивалась. Сродни Бальзаку, Черчилль любил вносить правки в уже готовый текст, постоянно что-то добавляя, уточняя или переписывая, чем, разумеется, вызывал раздражение у сотрудников типографий и издателей.

Непосредственная работа началась до решения вопроса с правами. В мае 1946 года Черчилль приступил к диктовке текста о событиях, приведших к началу войны. Первоначально планировалось, что первый том будет включать в себя описание 20 межвоенных лет, 8,5 месяца «странной войны», а также событий до конца 1940 года. В процессе работы материала

подготовили так много, что первый том в окончательной редакции смог вместить только два вышеперечисленных периода. Рассмотрение решающих в карьере Черчилля восьми месяцев с мая по декабрь 1940 года — «звездный час» нашего героя — также увеличилось в объеме до полноценного (второго) тома. Указанные изменения оказались существенными, приведя в дальнейшем не только к появлению шестого тома, но и разбалансировке всего произведения со смещением центра тяжести на первую часть. Из других неприятных сюрпризов, которые поджидали издателей, стало разочарование в качестве текста с преобладанием пространного цитирования официальных бумаг и отсутствием знаменитых авторских рассуждений и аналитики. Эта же особенность распространилась и на остальные тома. Благодаря серьезным переработкам и вынесению большинства документов в приложения текст стал более читабельным и интересным, хотя уровня изложения «Мирового кризиса», не говоря уже о «Мальборо», он так и не достиг. Ради справедливости нужно признать, что по своей значимости новое произведение отличалось от предыдущих. Слишком велик был круг заинтересованных сторон, а также влияние на восприятие описываемых событий, чтобы приносить содержание в угоду форме. Фактически речь шла о первом шаге на пути создания официальной истории участия Великобритании во Второй мировой войне.

Помимо качества немало беспокойных минут издателям доставил рваный темп работы. Автор был слишком занят на других фронтах, чтобы полностью посвятить себя творчеству. Для создания комфортных условий и изоляции от других насущных вопросов издатели были вынуждены оплачивать Черчиллю творческие каникулы, которые он предпочитал проводить в Марракеше, на юге Франции, в Италии или на Мадейре. Для большинства британцев подобные поездки в теплые края были на тот момент недостижимой роскошью. Но Черчилля это не смущало. Привыкший всегда получать по максимуму, он не стеснялся требовать удовлетворения своих запросов относительно высокого качества еды и напитков, наличия персонального автомобиля с шофером, размещения сопровождавших его помощников, секретарей, родственников и телохранителя, предоставления обязательной студии для занятия живописью и даже, при необходимости, перепланировки номеров. Но даже обеспечение шахского комфорта не гарантировало результат. У Черчилля стала появляться лень, и вместо работы над книгой он нередко предпочитал проводить время в беседах или за мольбертом. Поэтому в периоды творческих каникул его приходилось нередко побуждать к работе

над книгой.

Первый том мемуаров — «Надвигающаяся буря» — вышел в США в июне 1948 года, а спустя четыре месяца — в Британии и доминионах. Описывая события с 1919 по 1939 год, Черчилль коснулся актуальных на момент публикации книги вопросов — как стало возможно возникновение нового мирового конфликта и что нужно было сделать для сохранения мира. Отвечая на эти вопросы, автор демонстрировал жесткую причинно-следственную связь между двумя мировыми войнами и воспринимал период с 1914 по 1945 год как единую Тридцатилетнюю войну. По его мнению, начало войны в 1939 году стало результатом ошибок, допущенных триумфаторами в 1919-м — «если бы не это безрассудство победителей, не было бы ни соблазна, ни возможностей для преступлений». Одним 1919 годом ошибки не ограничились. Называя Второму мировую «ненужной войной», Черчилль показывал, что ее легко можно было предотвратить, но из-за «неблагоразумия, легкомыслия и добродушия» англоязычных народов этого не произошло. Черчилль обратился к приему упрощения. Он оставил за рамками рассмотрения свои собственные экономические реформы 1920-х годов, повлиявшие на военные расходы в следующем десятилетии, а inferнальное начало сфокусировал исключительно на Германии без разбора фашизма в Италии, Испании и описания захватнической политики Японии. Также он использовал прием контраста с противопоставлением авантюрного поведения Гитлера неуверенному и чопорному стилю принятия решений британских и французских государственных мужей, показывая тем самым, что основу немецкой политики составлял блеф и решительный ответ в 1936-м, а также в последующие два года позволил бы избежать масштабного противостояния^[444].

Результатом этих рассуждений стал не столько ответ на поставленные вопросы, сколько заложение основы для последующего мифа о Черчилле-супергерое — решительном, волевом, бесстрашном, непоколебимом, прозорливом государственном деятеле, который смог не только одним из первых разглядеть опасность на заре ее появления, но и, подвергаясь хуле и остракизму, публично заявить о своей точке зрения и не изменить своих взглядов под общественным прессингом. В западной политической культуре имя Черчилля стало синонимом самоотверженной борьбы, а аллюзии на его поведение — частым атрибутом внешнеполитических выступлений и подходов, связанных с выходом из кризиса и демонстрацией решительной политики. Примечательно, что сам Черчилль прекрасно отдавал себе отчет, что речь идет именно о мифе, который не следует считать руководством к действию, и сам он в своей политике, в том числе

во время холодной войны, демонстрировал гибкий подход с предпочтением компромиссного сотрудничества непримиримому противостоянию.

Мифотворчество продолжилось во втором томе — «Их звездный час», который вышел в США в конце марта 1949 года, а в Британии и доминионах — в конце июня. Описывая судьбоносные для страны восемь месяцев 1940 года, Черчилль эффектно и убедительно показал свою стойкость и мудрость, когда им было принято решение не отступить перед угрозой превосходящих сил противника и продолжать борьбу за суверенитет. До этого наш герой был знаменит своими мотивирующими выступлениями. В новом томе читатели увидели Черчилля-организатора, глубоко погруженного во все проблемы, контролировавшего все процессы, державшего своими письменными указаниями в тонусе весь аппарат управления войной. Они увидели лидера, который привел страну к победе в Битве за Британию, который принимал жесткие, спорные, но как потом оказалось дальновидные и правильные решения. Повествование привело к тому, что ручейки хвалебных упоминаний отдельных решений нашего героя быстро объединились в бурный поток панегирика его общей деятельности на посту премьер-министра. «Был ли или нет 1940 год чьим-то звездным часом, определенно одно — это был звездный час Черчилля», — констатировал незадолго до своей кончины Джордж Оруэлл (1903–1950). Даже в критических упоминаниях отныне потомок герцога Мальборо предстал исполином. «Из всех наших премьер-министров Черчилль был самым безумным, самым эгоистичным, но в то же время и самым великим», — заявил лейборист Вудро Уайатт (1918–1997) после прочтения второго тома^[445].

Так начал создаваться миф о великом спасителе Королевства и империи Уинстоне Спенсере Черчилле. И в создании этого мифа большую роль сыграл не столько 1940-й, сколько 1949 год, когда весь мир, познакомившись с версией Черчилля, осознал, с насколько великим человеком им повезло жить в одну эпоху. В этом отношении британский автор наследовал великому Иоганну Вольфгангу Гёте (1749–1832), который одним из первых продемонстрировал единство творчества и жизни. До автора «Фауста» считалось, что одно пожирает другое: либо творчество обкрадывает и обедняет жизнь, либо, наоборот, насыщенная, разноликая, яркая жизнь не дает места и времени для развития творческого начала. Гёте доказал, что неординарная жизнь может и должна проходить эстетическую объективизацию в форме художественного произведения. В этом отношении жизнь становится творчеством, приобретая статус личностного проекта, реализуемого самим индивидуумом. Черчилль наследовал этой

традиции. Начиная с первых произведений о колониальных войнах 1890-х годов, он выстраивал свою жизнь как произведение искусства и с вдохновением рассказывал о ней публике. Для Черчилля его жизнь и была произведением искусства, которое он создавал мыслью и делом. И «Вторая мировая война», особенно второй том, сыграла в этом личном жизнетворчестве особую роль, породив волну мифотворческих настроений и определив мнение о Черчилле на следующие десятилетия.

Продолжение «Второй мировой войны» вышло в апреле (США) и в июле (Содружество наций) 1950 года. Третий том, посвященный событиям 1941 года, получил название «Великий альянс» с аллюзией на Великий альянс, образованный в 1689 году после присоединения Великобритании к Аугсбургской лиге — военному оборонительному союзу против Людовика XIV. Описание военных событий подошло к моменту, когда к борьбе с державами «оси» сначала присоединился СССР, затем — США. Более того, начиная с 22 июня 1941 года большая часть сухопутных сражений Второй мировой войны пришлась на Великую Отечественную войну. И в публичных заявлениях, и в частных беседах Черчилль неоднократно признавал в годы войны, что «кроме русской армии не было такой силы, которая могла бы переломить хребет гитлеровской военной машине» и «именно русская армия сделала основную работу, выпустив кишки немецкой армии»^[446]. Но в отличие от «Мирового кризиса», в котором была предпринята попытка дать полное описание всего военного конфликта с посвящением событиям на Восточном фронте даже отдельного тома, на этот раз Черчилль решил принести объективность в угоду изложению собственных взглядов на войну. Отчасти это объяснялось эпохой, в которой создавалось новое произведение, отчасти — первоначальным замыслом автора с акцентом на жизнетворчество, отчасти — нехваткой времени и сил на более масштабное и глубокое описание. В результате борьбе Советского Союза уделено оскорбительно мало места в третьем и последующих томах гексалогии. Например, в четвертом томе на тысячу страниц текста Сталинградской битве посвящено всего пять страниц, да и то одна отдана под карты.

Помимо перекоса в изложении фактов, начиная с третьего тома, изменился также стиль изложения. События первых двух томов были достаточно просты с точки зрения обоснования правильности выбранной модели поведения, будь то осуждение политики умиротворения в 1930-х или готовность сражаться до конца в 1940-м. Предлагая читателям черно-белую картину, Черчилль ставил себя в положение, в котором, как писал В. С. Высоцкий, «мне выбора по счастью не дано». У него был только один

путь, и этот путь был славным. Но после вступления союзников в войну и расширения пространства альтернатив место героического мифотворчества заняла навязчивая апология с подробным объяснением и ссылками на документы, почему был реализован именно этот вариант, принято именно это решение, выбрана именно эта альтернатива. Изменение стиля усилило разбалансировку изложения с акцентом на определенные эпизоды и факты с принижением остальных. Также произведение лишилось многомерности и глубины. Вместо привычных контрфактуальных приемов с излюбленными рассуждениями типа «что, если...» повествование превратилось в хорошо знакомое шоссе без сюрпризов и неопределенностей, скрываемых за поворотами будущего. И это выходило из-под пера такого последователя стратегического оппортунизма, как Черчилль, который, как никто, знал цену случая и ошибочность долговременных прогнозов.

Четвертый том — «Поворот судьбы», который был опубликован в США в ноябре 1950 года, а в Британии и доминионах — в августе 1951-го, стал самым большим в гексалогии^[447]. Работа над ним далась тяжело, что вызвало у автора даже ироничное замечание: «Четвертый том еще больше тиран, чем Эттли»^[448]. Издатели настаивали сократить объемы цитирования официальных бумаг и постараться изложить приводимые документы своими словами. Но автор упирался, объясняя, что «историческое значение» каждой цитируемой им государственной бумаги «во много раз превосходит любой текст, который может быть написан» после завершения событий. В архиве сохранился черновик одного из ответов издателем, где он признает, что «не может соревноваться в личных воспоминаниях с капитаном Батчером» и не может в нынешних обстоятельствах «написать историю мировой войны в стиле Гиббона или Маколея»^[449]. В итоге благодаря Ривзу, который смог примирить враждующие стороны, а также помощи Дикина и Келли текст был переработан до удовлетворяющего всех состояния.

Следующий том — «Кольцо смыкается» — появился на книжных прилавках, когда Черчилль занял пост премьер-министра (ноябрь 1951 года в США и сентябрь 1952 года в Великобритании), что благотворно сказалось на объемах продаж. В оценках же помимо хвалебных отзывов все больше стали звучать нотки разочарования, которые одни связывали с довлеющей над авторским стилем апологией (на этот раз Черчилль защищал свою Средиземноморскую стратегию и задержку открытия Второго фронта), а также с самими описываемыми событиями. «Плохие новости всегда

интереснее читать, чем хорошие, а этот том посвящен почти полностью хорошим вестям», — объяснял Дафф Купер (1890–1954), который сам владел прекрасным историческим слогом (вспомнить хотя бы его биографию Талейрана) и даже рассматривался издателями в качестве возможной замены Черчилля в случае скоропостижной кончины британского политика до завершения литературного проекта^[450]. Также автор остался верен себе в подборе фактов и диспаритете тем. Признавая, что «по своим масштабам победа, которую вели русские, превосходит» «Оверлорд» и события в Италии, а также отмечая, что именно эта борьба «создала основу, позволившую британским и американским армиям приблизиться к кульминационной точке войны», Черчилль уделил ничтожно мало места описанию героических битв Красной армии. Например, о трех «огромных сражениях у Курска, Орла и Харькова» было рассказано всего на полтора страницах, а масштабным наступлениям в начале 1944 года, в результате которых были освобождены Ленинград и Крым, уделена всего одна страница^[451].

Рассматривая описание усилий Советского Союза по разгрому гитлеровской Германии, невольно возникает вопрос, как Черчилль относился к восточному союзнику. В историографии принято цитировать его слова из памятной записки Идену от 21 октября 1942 года: «Было бы неизмеримой катастрофой, если бы русское варварство подавило культуру и независимость древних государств Европы». Куда менее известен другой объемный документ, адресованный тому же Идену в январе 1944 года, в котором Черчилль согласен признать контроль СССР над Прибалтикой: «Огромные победы русской армии, коренные изменения, которые произошли в характере русского государства и правительства, новая уверенность, которую мы испытываем в отношении Сталина, — все играет свою роль». Однако в апреле 1944 года, после неудачного обсуждения Польского вопроса, Черчилль вновь поменял точку зрения, заявив Идену: «Несмотря на то что я сделал все возможное, чтобы с симпатией относиться к коммунистическим лидерам, я не чувствую к ним даже малейшего доверия и не могу испытывать какой-либо уверенности». Оба эти послания 1944 года Черчилль не стал включать в пятый том, но сама амплитуда колебаний британского политика показательна, представляя его как ищущего компромисс и готового к диалогу, а также формируя образ, который больше соответствует действительности, чем привычное восприятие расчетливого и непримиримого антисоветчика^[452].

Шестой том увидел свет в 79-ю годовщину рождения автора в США и

в апреле 1954 года — в Британии. Хотя значительная часть текста была написана еще до премьерства, много работы пришлось выполнить после выборов 1951 года. Разумеется, эта ноша легла в основном на плечи помощников, поскольку у автора оставалось немного времени для участия в литературном проекте. В качестве названия с отсылкой к любимому стихотворению Киплинга «Если» Черчилль выбрал красноречивое «Триумф и трагедия»^[453], которое недвусмысленно указывало на мрачную эпоху, когда завершение самой страшной войны в истории человечества не смогло гарантировать мир и процветание. На описание прошлого в очередной раз влияло настоящее с противоречиями и опасностями холодной войны. Наиболее резкие высказывания в отношении СССР были продиктованы Черчиллем в конце декабря 1950 года после вступления в корейскую войну коммунистического Китая и ухудшения положения на фронте. При этом Черчилль избегал персональных атак на Сталина. Например, в «Записках о шестом томе», рассказывая, как, по его мнению, советское руководство нарушило достигнутые в Ялте договоренности, он перекладывает основную вину не на руководителя СССР, а на его окружение. Нашлось место даже хвалебным ремаркам: например, при описании событий сентября 1944 года Черчилль признается, что «ощущал острую потребность повидаться со Сталиным, с которым, как я всегда считал, можно поговорить по-человечески». Примечательно, что этот фрагмент был продиктован 26 ноября 1950 года, как раз в тот момент, когда Китай не без поддержки СССР вступил в корейскую войну.

К моменту переезда Черчилля на Даунинг-стрит он все больше стал склоняться к необходимости мирного сосуществования Западного и Восточного блоков. Подобные изменения в подходах нашли отражение в готовящемся тексте. Так, продиктованное в декабре 1950 года несправедливое утверждение, будто «Советская Россия становится смертельной угрозой для свободного мира», было удалено. Также Черчилль удалил предложение Паунэлла, в котором сообщалось, что незадолго до своей кончины Рузвельт «слишком много полагался на честность Сталина, а также на собственную способность к убеждению, но сейчас вся его добыча ускользнула». Аналогичная судьба постигла другое упоминание о Сталине, который «не только разгромил на фронтах своего врага, но и обманул союзников». Авторским правкам также подверглись названия глав: «Советское оскорбление» было заменено на «Советские подозрения», а «Советская ловушка» — на «Усиление трений с Россией». Авторский подход проявился и в частных замечаниях. Например, в отказе упомянуть Сталина при описании очередного болезненного раунда обсуждений

Польского вопроса. Черчилль использовал обезличенную форму, заметив, что ему «приходилось иметь дело с политиками из Кремля, руководимыми расчетами, а не эмоциями». «Я не хочу совершать никаких поступков, которые могут ухудшить существующее положение», — объяснил он Денису Келли внесенные исправления^[454].

Помимо премьерства за время подготовки шестого тома к изданию в жизни Черчилля произошло еще одно знаковое событие, благоприятно сказавшееся на тираже. В октябре 1953 года стало известно о присуждении нашему герою Нобелевской премии... по литературе — за «высокое мастерство исторических и биографических описаний, а также за блестящее ораторское искусство, с помощью которого отстаивались высшие человеческие ценности». Наряду с Редьярдом Киплингом (1907)^[455], Бернардом Шоу (1925), Джоном Голсуорси (1932), Томасом Элиотом (1948) и Бертраном Расселом (1950) Черчилль стал шестым британцем и единственным в мире политиком, удостоившимся столь высокой награды в столь творческой номинации. Среди номинантов в 1953 году также обсуждалась кандидатура Эрнеста Хемингуэя (1899–1961), но его вклад в литературу будет отмечен только в следующем году. Имя Черчилля неоднократно упоминалось в связи с Нобелевским комитетом, но само присуждение вызвало у общественности вопросы в адекватности подобного решения. Согласно завещанию Альфреда Нобеля (1833–1896), премия по литературе присуждается за создание наиболее значительного литературного произведения идеалистической^[456] направленности. При этом под «литературным» понимается произведение не только художественного жанра, что формально делает выбор британского политика правомерным, хотя тот факт, что на момент присуждения он занимал пост премьер-министра, бросал политическую тень на весь эпизод. Впредь Шведская академия возьмет за правило не допускать рассмотрения даже на предварительном отборе претендентов-литераторов, занимающих государственные посты.

Сам Черчилль спокойно воспринял новости из Стокгольма. В день обнародования информации о награждении он написал письмо супруге, в котором помимо рассказа о дальнейших планах, а также неизменного признания в любви, статусу нобеляра уделена всего одна строчка: «Все решено насчет Нобелевской премии. Двенадцать тысяч и сто фунтов, не облагаемых налогом. Неплохо!» По словам личного секретаря Монтагу Брауна, Черчилль хотел получить Премию мира и, узнав, что его отметили в другой номинации, немного расстроился. На торжественную церемонию

награждения в Стокгольмском концертном зале, которая состоялась, как обычно, в годовщину смерти Нобеля — 10 декабря, Черчилль не поехал, предпочтя ей участие в международной конференции в Бермудах. Обычно, если лауреат не может присутствовать на церемонии награждения, его представляет посол. Но в этот раз было сделано исключение. Золотую медаль получила Клементина, которая и прочитала Нобелевскую речь с упоминанием «внушающего ужас вопроса: не имеем ли мы дело с явлениями, которые выходят за рамки нашего контроля»^[457].

Шестой том завершил монументальный труд, который стал самым большим (более 2 млн слов) и самым популярным в литературном наследии автора. Своей гексалогией Черчилль установил рекорд, став не только единственным политиком, который занимал в двух мировых войнах руководящие посты и о каждой из них написал объемные исторические сочинения, но и войдя в историю единственным главой правительства, который столь подробно изложил свою точку зрения на достопамятные события. В определенной степени в написании «Второй мировой войны» также состояло «скрытое благословение» выборов 1945 года, о котором говорила Клементина. Продолжи ее супруг руководство правительством — и у него скорее всего не нашлось бы ни времени, ни сил на создание столь грандиозного сочинения.

Не останавливаясь на достигнутом, а также следуя опыту работы над «Речной войной» и «Мировым кризисом», в 1956 году Черчилль начал готовить однотомное издание своего труда. Основную работу по сокращению текста выполнил Келли, сам же автор сосредоточился на написании эпилога, в котором рассматривались основные события, произошедшие на международной сцене за период с 1945 по 1957 год, и который стал лебединой песней нашего героя. Новая книга — «Мемуары о Второй мировой войне» — вышла в феврале 1959 года. Эпилог посвящен союзу с США с напоминанием, что «основной темой моей политической жизни было продолжение особых англо-американских отношений»; объединению Европы с авторскими рассуждениями об общеевропейской армии и франко-германском союзе; а также противостоянию Запада и СССР. Замечая, что «я всегда относился к храброму русскому народу с огромным уважением», Черчилль не смог отказаться от своего неприятия коммунизма, в очередной раз описывая свои страхи и возмущения, когда «кажется, что после всей длительной агонии и усилий мировой войны половина Европы сменила одного деспота на другого»^[458].

Помимо частных особенностей отдельных томов «Второй мировой

войны» есть общие закономерности, которые характерны для всего произведения в целом. Черчилль всегда был знаменит выдающимся воображением и любовью к научно-техническим новинкам. Вспомнить хотя бы его увлечение авиацией, активность в создании танка и многочисленные инновационные проекты в годы войны. Привычный образ страстного новатора будет неполным, если не учесть, что после ужасов Первой мировой войны, порожденных научно-техническим прогрессом, в мировоззрении Черчилля начали активно появляться ростки консерватизма. Они окрепли при написании автобиографии «Мои ранние годы» и получили дальнейшее развитие в военные годы, когда наш герой стал призывать своих подчиненных, чтобы «обширные планы построения нового мира не отвлекали от сохранения того, что осталось от старого». В марте 1943 года во время выступления по радио он заявил, что «не всякая мудрость есть новая мудрость, а посему, если мы хотим успешно справиться с проблемами будущего, мы обязаны изучать прошлое». В подтверждение своей мысли он приведет «глубокомысленную сентенцию» Дизраэли, что «народы управляются силой или по привычке». В том числе из-за набирающих силу консервативных тенденций Черчилль не смог распознать потенциал атомного оружия, и его близким помощникам и экспертам пришлось затратить много усилий, чтобы склонить стареющего политика к поддержке перспективных исследований. Тема консерватизма находит отражение и в рассматриваемом сочинении, когда в первом томе Черчилль назвал изобретение двигателя внутреннего сгорания и получившее распространение летное искусство «злосчастными открытиями, сделанными незрелой цивилизацией». В дальнейшем консерватизм не замедлил перерасти в трагизм, с признанием, что бравада маршировка по плацу технологий привела к «периоду такого материального разрушения и упадка морали, какие в прежние века нельзя было даже и представить»^[459].

Трансформация взглядов Черчилля, этого истого защитника парламентаризма, наблюдалась также в переосмыслении эффективности демократических институтов. На страницах своего произведения он недружелюбно отзывался о демократии, упоминая ее «трескотню и разноголосицу» и ставя под сомнение сам принцип подобной формы правления, когда судьбу выборов определяет большинство. Во-первых, подобные правила, когда карьера политика зависит от мнения избирателя, искажают приоритеты избираемого и занимающего ответственный пост лица в процессе принятия решений с концентрацией усилий на достижении временного успеха вместо отстаивания и защиты долговременных

интересов. В этой связи Черчилль осуждает победителей Первой мировой войны за их стремление «жить сегодняшним днем, без уверенности в будущем, от одних выборов до других», а также порицает современных политиков, «стремящихся лишь к популярности и успеху у электората вне зависимости от соблюдения жизненно важных государственных интересов». Во-вторых, по мнению Черчилля, масса неспособна принять правильное решение, поскольку когда заходит речь о выборах, то страна становится заложником либо «пребывающего в неведении, дезинформированного большинства», либо — «сбитого с толку, недовольного, смущенного, обескураженного, поверхностно судящего обо всем» общественного мнения. В отличие от кормчего, указывающего путь, население «пребывает в неведении» и «большинство британского народа» остается «дезинформированным». В-третьих, автор считает контроль электората над ситуацией иллюзией, поскольку на самом деле в критические моменты истории избиратели не имеют возможности изменить ее течение. В качестве примера он приводит Мюнхенское соглашение 1938 года, когда проявилось одновременное бессилие и «ликующих толп, которые приветствовали Чемберлена», и «партийных организаторов». Это был момент, когда премьер-министр «господствовал над подавляющей частью общественного мнения». Даже в правительстве, которое было «потрясено до основания», дабы не потерять своих мест и не подвергнуться остракизму, все «поддерживали друг друга». По словам Черчилля, западным демократиям в то время вынесли «ужасный приговор»: «Тебя взвесили и нашли легковесным».

Черчилль считал, что перечисленные недостатки стали основными причинами, приведшими к мировой войне. Рассуждая в письме Генри Льюсу в ноябре 1947 года о потере управляемости в предвоенные годы, Черчилль назовет 1930-е годы периодом, когда «хорошие люди слонялись туда-сюда, взад-вперед, подстраиваясь под изменчивое общественное мнение». «Хорошие люди» стремились лишь «одержать победу на ближайших выборах и занять какой-нибудь пост», поставив себя в зависимость от мнения «избирателей, погруженных в ежедневные заработки на хлеб насущный и обладающих слишком короткими и переменчивыми настроениями». Аналогичная мысль повторяется и на страницах гексалогии. В частности, он констатирует, что вместо «учета реальных фактов положения в Европе» длительное время целью политики британского правительства было «удовлетворение желаний влиятельных кругов общественного мнения Англии». Черчилль считал подобную политику недопустимой, заявляя, что «для партии или политических

деятелей гораздо лучше лишиться власти, нежели поставить под угрозу жизнь нации»^[460].

В завершении несколько слов о том, как Черчилль сам воспринимал свое произведение. В процессе работы над книгой он неоднократно повторял, что «не пишет историю, а излагает свои соображения». Более того, он даже старался избегать термина «история», предпочитая «рассказ, изложение и повествование». «Я не называю эту книгу историей: это задача другого поколения, — указывал автор в предисловии к первому тому. — Но я с уверенностью могу утверждать, что это вклад в историю, который принесет свою пользу в будущем». Также он повторял, что «описывает события такими, какими он их видел», что «старается лишь внести свою лепту в рассмотрение исторических событий», что «рассказывает о том, что знал и переживал», будучи главой британского правительства^[461]. На самом деле Черчилль стремился к нечто большему, чем изложить свои соображения или оправдать свои действия, на что нацелены большинство мемуаристов. Ирония заключалась в том, что за годы Второй мировой войны за британским премьером, знаменитым своими устными выступлениями и письменными публикациями, закрепилась репутация человека больше слова, чем дела. Своим произведением с обильным цитированием неизвестных общественности документов он постарался опровергнуть это стойкое убеждение и показать, что его управление опиралось не только на вдохновленные и памятные речи, но и на конкретные, порой весьма жесткие, порой спорные, порой авторитарные, но всегда решительные административные действия. Только для того, чтобы доказать, что он человек дела, Черчилль вновь обратился к слову. И несмотря на двусмысленность этой ситуации, ему удалось добиться желаемого. Правда, не без проблем и не без принесения в жертву своего литературного детища с его предвзятостью и субъективностью. Благодаря своему творчеству Черчилль смог сформировать у современников и последующих поколений устойчивое положительное мнение о своей деятельности на посту премьер-министра, которое, несмотря на всю его ограниченность и спорность, до сих пор продолжает оказывать влияние на всех интересующихся его личностью и самим мировым конфликтом.

Избранный премьер

Согласно традиции, одним из первых решений Черчилля на посту премьер-министра стало формирование состава нового правительства. Дав частично дорогу молодым, пожилой политик решил в основном опереться на старую гвардию военного периода, а также на близкое окружение. Лордом-председателем Совета был назначен Фредерик Маркиз 1-й барон Вултон (1883–1964), государственным секретарем по делам колоний — Оливер Литтлтон (1893–1972), Энтони Идену доверили Форин-офис, зятю Дункану Сэндису — Министерство снабжения, будущему премьеру Гарольду Макмиллану — Министерство жилищного строительства и местного самоуправления, профессор Фредерик Линдеман, ставший в 1941 году 1-м бароном Червеллом, занял пост генерального казначея, а преданный генерал Гастингс Исмей (с 1947 года — 1-й барон Исмей) — государственного секретаря по делам Содружества. Себя Черчилль вновь назначил министром обороны. Актуальное в 1940 году, это решение в 1951-м превратилось в фарс. Черчилль вскоре сам это понял, передав в марте 1952 года этот пост фельдмаршалу Гарольду Александру 1-му графу Александру Тунисскому. Выбор фельдмаршала оказался неудачным: в годы войны исполнительный Александер часто попадал под влияние своих подчиненных, не изменился он и после, оказавшись неспособным предложить и отстоять планы гармоничного развития трех видов вооруженных сил.

Черчилль пытался окружить себя знакомыми людьми и руководить правительством старыми методами, но новая реальность беспардонно стучалась в окна и двери. 6 февраля 1952 года во сне от коронарного тромбоза скончался Георг VI. У Черчилля с монархом были неровные отношения. Сначала суверен не слишком благоволил политику, который открыто поддержал его брата во время кризиса отречения. Но последующие пять лет борьбы с общим врагом сплотили двух мужчин, соединив их прочными узами взаимного уважения. Когда Колвилл приехал утром 6 февраля на Даунинг-стрит, он застал Черчилля в спальне. Премьер сидел на кровати и плакал. В беседе с Иденом потрясенный политик охарактеризовал произошедшее как «самое ужасное событие, которое можно вообразить». Трон перешел старшей дочери почившего короля Елизавете Александре Марии. Как политик и тайный советник наш герой служил отцу, деду и прадеду королевы, а как офицер британской армии —

еще и ее прапрабабке. Черчилль выступил с трогательной речью по радио и в парламенте. Отметив, что кончина каждого британского монарха в XX веке сопровождалась катаклизмами, он призвал «верить и молиться, чтобы вступление на наш древний трон королевы Елизаветы II стало сигналом к наполняющему радостью и светом спасению человечества»^[462].

Коронация состоялась на следующий год — 2 июня 1953 года. Это была уже четвертая коронация в жизни Черчилля — и первая, в которой он принимал участие в качестве премьер-министра. Он предстал перед восторженной публикой в церемониальном облачении лорда-хранителя Пяти портов, а также со знаками ордена Подвязки, которым был награжден 23 апреля. В 1945 году отринутый политик отказался от высшей награды Королевства, спустя восемь лет — принял предложение монарха, став «сэром Уинстоном Черчиллем» и добавив к своему имени помимо аббревиатур OM, CH, MP, PC — еще и KG^[463]. На церемонии Черчилль использовал знаки ордена, которые принадлежали Артуру Уэлсли 1-му герцогу Веллингтону (1769–1852), а до этого 1-му герцогу Мальборо и были получены последним лично из рук королевы Анны. Сама церемония не прошла без казуса. После торжеств в Вестминстерском аббатстве Черчилль дал в нарушение протокола указание не следовать в Букингемский дворец, а вернуться на Даунинг-стрит. Его возмутила карета. Он хотел «использовать большую машину с большими окнами», а вместо этого оказался «спрятанным от внешнего мира в этой ужасной коробке».

Неприятный эпизод не сказался на отношениях первого министра с новым монархом. Не исключено, что Елизавета нравилась пожилому политику как женщина. Упоминая ее, он использовал эпитеты «утонченная», «привлекательная», *grande beauté*^[464]. Очевидцы вспоминают, что он любил разглядывать ее фотографию (подаренную самим объектом обожания с дарственной надписью), восклицая: «Разве она не победитель?!» «Восхитительно, вдохновляюще, — заметил Черчилль в другой раз. — Даже если все представители кино обещут весь земной шар, они не смогут найти человека, лучше подходящего для исполнения этой роли». При этом Черчилль всегда оставался политиком и свое дело знал хорошо. Восхищение королевой не мешало ему спорить и переубеждать молодого монарха, что, учитывая его опыт, давалось ему достаточно легко. «Королева не может соревноваться с ним в полемике», — отмечали подчиненные^[465]. В целом это был гармоничный союз, построенный на симпатии и взаимном уважении.

Относительно политических инициатив, Черчилль следовал прежним

установкам. Например, он выступил против присоединения Британии к созданному в соответствии с планом министра иностранных дел Франции Робера Шумана (1886–1963) Европейскому объединению угля и стали, а также заблокировал отправку британских войск в Европейское оборонительное сообщество. Во внутренней политике, к удивлению многих, он не стал отменять основные проекты и принципиальные решения лейбористов. Как заметил один из его современников: «Часы не были переведены назад ни на секунду»^[466]. Осуждать и обещать оказалось гораздо легче, чем воплощать и достигать. Одним из первых решений правительства Черчилля после погружения в очередной экономический кризис стало сокращение потребления мяса. Карточная система сохранилась, продолжилась национализация, неприкосновенной осталась созданная в 1948 году Национальная служба здравоохранения. Уже в который раз вопросы идеологии и политэкономической теории отходили на второй план перед практической целесообразностью, а поиск компромисса и срединного пути преобладал над частными догмами и личными убеждениями.

Зажатый в тиски экономического кризиса, Черчилль даже пошел на такие крайние меры, как сокращение министерских зарплат и расходов на перевооружение. Приятной неожиданностью для нового премьера стала информация о том, что его предшественник умудрился без привлечения парламента и общественности обеспечить выделение требуемой суммы для начала работ по созданию в Британии собственной атомной бомбы. Черчилль хотел сначала приостановить исследования, рассчитывая в вопросе обороны на помощь США и используя высвободившиеся средства для затыкания первоочередных дыр в бюджете. Однако жесткая политика трансатлантического партнера, давшего понять, что сотрудничество в разработке атомной бомбы в годы войны не означает появления у Британии прав по ее совместному использованию, побудила его пересмотреть свою точку зрения. Не без влияния профессора Линдемана он согласился дать зеленый свет на продолжение разработок. В начале октября 1952 года в Британии впервые был успешно проведен первый атомный взрыв — операция «Ураган» (*Hurricane*) — бомба мощностью 25 килотонн в тротиловом эквиваленте детонировала внутри фрегата *Plym* («Плим»).

Меньше чем через месяц США испытали на атолле Эниветок (Маршалловы острова) первую в мире экспериментальную водородную бомбу «Иви Майк» мощностью 3100 килотонн в тротиловом эквиваленте. Гонка вооружений вышла на новый виток. Через год у СССР появилось первое термоядерное оружие, пригодное к практическому военному

применению, — бомба РДС-6с. Еще через полгода, в марте 1954-го, водородная бомба «Кастл Браво» была успешно испытана в США. Мощность взрыва составила 15 мегатонн, что стало самым мощным ядерным испытанием за всю историю страны. В 1961 году самое мощное термоядерное испытание в мире было проведено в СССР. Мощность взрыва «Царь-бомбы» (кодовое название — АН602) составила почти 60 мегатонн в тротиловом эквиваленте — в 2700 раз мощнее «Толстяка», поразившего Нагасаки 16 лет до этого: радиус огненного шара достиг 4,6 километра, ядерный гриб поднялся на высоту 67 километров, ощутимая сейсмическая волна трижды обогнула земной шар.

Прошло всего 16 лет с момента первого применения атомной бомбы, как человечество создало оружие, которое поставило его на грань уничтожения. Сценарий, предсказанный Черчиллем, сбывался. Мир оказался в тяжелом, но не безнадежном положении, считал наш герой. Мощь ядерного оружия, одна мысль о применении которого приводит в трепет, способна не только нанести непоправимый урон, но и выступить надежным гарантом мира. Черчилль ухватился за «странную идею» — «способность новых видов вооружений уничтожить все и вся может самым неожиданным образом оказаться залогом безопасности». «Если технологии позволят всем убивать всех, тогда никто не захочет убивать никого», — предположил британский премьер. В дальнейшем он развил эту мысль, заявив, что «безопасность стала незаконным сыном террора», а само «выживание превратилось в близнеца всеобщего истребления». По сути, Черчилль не предложил ничего нового. Еще в начале 1930-х годов он активно отстаивал тезис, что лучшей гарантией мира является наличие сильного вооружения, одно применение которого наводило бы страх и препятствовало бы его использованию. Но тогда его глас не был услышан. Зато спустя 20 лет у диалектического вывода о том, что угроза всеобщего истребления является залогом всеобщего мира, стало появляться все больше сторонников. Слова подкрепляли действия. В середине июня 1954 года Черчилль созвал закрытое заседание Комитета обороны, на котором было принято решение о начале работ по созданию в Британии собственной водородной бомбы. «Нам следует вооружаться не для сражения, а для ведения переговоров», — объяснил он свою политику в одном из радиообращений^[467].

Делая ставку на вооружение собственной страны, Черчилль не оставлял идею разрядки, предлагая в качестве первого шага проведение встречи между представителями Великобритании и других западных демократий с членами советского правительства. В феврале 1950 года во

время выступления в Эдинбурге он предложил для формата таких встреч новый термин — саммит, отметив, что «главное усилие» должно быть направлено на строительство «моста над пропастью, разделяющей два мира», с тем чтобы каждый смог «жить своей жизнью, если не в дружбе, то, по крайней мере, без ненависти холодной войны». Опираясь на свой опыт в годы войны, Черчилль был убежден, что «коммунистов нельзя переспорить, но с ними можно торговаться». Он предлагал и настаивал на изменении подхода с отказом от идеологических штампов и концентрацией усилий на национальных интересах участников переговоров. Он призывал коллег принять, что у СССР есть свои потребности, возможности и интересы, которые нужно понимать и признавать, используя их для поиска взаимопонимания. Британский политик считал, что «вовсе не внешние завоевания, а порядок во внутренних делах страны отвечает глубинным потребностям русского народа и долгосрочным интересам его правителей». После назначения на пост премьер-министра Черчилль решил реализовать задуманное и провести саммит в трехстороннем формате. Во время первого выступления в парламенте в новом качестве он подчеркнул, что отныне приоритетом правительства в международной политике является «прекращение того, что называется холодной войной, путем проведения переговоров на высшем уровне»^[468].

Проблема британского премьера была не в том, что его инициативы были ошибочны, наоборот, Черчилль указал правильное направление для выхода из тупика и предотвращения дальнейшей эскалации конфликта. Проблема заключалась в том, что успех озвученных им предложений зависел не только от него самого, но и от других участников саммита. Трумэн, известный своим антикоммунизмом и давший имя новой внешнеполитической доктрине США, мало подходил для налаживания диалога с коммунистическим гигантом. В отношении Сталина все было сложнее. Одним из первых международных шагов Черчилля-премьера была телеграмма в Кремль, в которой сообщалось, что он вновь стоит во главе правительства Его Величества, в связи с чем шлет приветствие своему зарубежному коллеге. Сталин ответил на следующий день: «Спасибо за приветствие»^[469]. После Фултона и острых заявлений в адрес бывшего союзника протянутая Черчиллем рука могла сойти за двуличие. На самом деле неискренним этот жест не был. Признаваясь в личных беседах, что Сталин «никогда не нарушал данное мне слово», он старался после войны придерживаться деликатного обращения с главой СССР. Более того, между ними не прекращалась личная переписка. «Мой боевой товарищ, желаю

всего самого лучше в ваш день рождения», — передал Черчилль Сталину 21 декабря 1946 года через советского посла в Лондоне Г. Н. Зарубина (1900–1958). Спустя три дня пришел ответ: «Примите мои теплые благодарности за ваши добрые пожелания на мой день рождения». В январе следующего года весточка про воспоминания о работе с «великим военным лидером Британии» и «величайшее уважение и восхищение всем», что Черчилль сделал в годы войны, прилетела из Москвы через Монтгомери, который встречался со Сталиным. В ответном послании Сталину Черчилль сообщил, что «рад услышать от Монтгомери о вашем хорошем здоровье». «Ваша жизнь драгоценна не только для вашей страны, которую вы спасли, но и для дружбы между Советской Россией и Великобританией»^[470].

Несмотря на тонкий ручеек общения и взаимного уважения двух пожилых политиков, к моменту возвращения Черчилля во власть лидер СССР был не лучшим кандидатом для обсуждения будущего взаимодействия. Стальной каркас вождя всех времен и народов начал все чаще продавливаться под титаническим валом нагрузки. И хотя Черчилль продолжал надеяться и верить в своего военного союзника, признавшись даже близкому окружению, что, «пока Сталин жив», вероятность нанесения удара со стороны СССР гораздо меньше, чем будет во время его преемников^[471], непредвзятый анализ показывал: необходимо готовиться к уходу «дяди Джо» и установлению отношений с новым главой Советского Союза. Ситуация усугублялась тем, что время играло против Черчилля, который сам двигался к девятому десятку и не блистал крепким здоровьем. Создавалось впечатление, что третье премьерство нашего героя не позволит достигнуть намеченных целей, пройдет тихо и, за неимением активностей и успехов, закончится скорой передачей власти Идену. Но британский политик верил в свою звезду. Он не зря скептически относился к долгосрочному планированию и считал, что всегда происходят неожиданные события, которые рушат планы, словно карточный домик, открывая новые двери и предоставляя новые возможности.

В 1953 году лучик надежды забрезжил сразу из нескольких окон. В январе состоялась инаугурация нового президента США Дуайта Эйзенхауэра. Опираясь на успешные годы сотрудничества в борьбе с нацизмом, Черчилль надеялся на установление настолько же тесных и плодотворных отношений, которые у него сложились с Рузвельтом. На следующий же день после объявления результатов президентских выборов он направил Айку поздравительную телеграмму с предложением «возобновить наше сотрудничество, ориентированное, как и в прошлом, на

благие цели сохранения мира и свободы». Не дожидаясь инаугурации, Черчилль поспешно направился в США для личной встречи с будущим президентом. Также он пообщался с действующим президентом Трумэном и впервые посетил в Нью-Йорке дом, где появилась на свет его мать Дженни Джером. Казалось, что история повторяется. Как и 11 лет назад, Черчилль вновь появился в Вашингтоне для установления отношений, которые определяют будущее англоязычного мира. Но это была всего лишь иллюзия. Эйзенхауэр сразу же дал понять, что глубоко уважает своего старого боевого товарища и готов поддерживать с ним личное общение, но все вопросы должны решаться установленным порядком и Британии не будет оказано преференций. «Насколько я понимаю, он поглощен почти детской верой в то, что ответы на любые вопросы содержатся в англо-американском сотрудничестве», — записал Айк в дневнике после первой беседы. Также он отметил, что «Уинстон пытается воскресить дни Второй мировой войны», но это расходилось с планами американского политика^[472].

В марте произошло очередное событие, которое вдохнуло в Черчилля новые надежды на проведение саммита. 5 марта в 21 час 50 минут на Ближней даче скончался Сталин. В Москву была направлена телеграмма соболезнования со словами «сожаления и симпатии». Но сам Черчилль увидел в этой, как он сам выразился, новой «вехе в истории России» шанс для воплощения в жизнь своих замыслов. По словам Морана, «Уинстон не мог думать ни о чем другом», воспринимая случившееся как «возможность, которая больше не повторится». Черчилль поделился своими предложениями с Эйзенхауэром, но не встретил с его стороны поддержки. Президент считал, что советское руководство не совершило никаких серьезных шагов, демонстрирующих их готовность к подобным обсуждениям. Тогда наш герой решил направить письмо В. М. Молотову на предмет возможности посещения Москвы для «возобновления наших с вами отношений военного времени», а также для «встречи с господином Маленковым и другими ведущими государственными деятелями» СССР. Президент отклонил и это предложение, заметив, что советское руководство «может неправильно интерпретировать» проведение подобной встречи, приняв ее за «слабость» западных демократий. Всего за первые два месяца с момента кончины Сталина Черчилль направил в Белый дом 13 посланий, но все его предложения по деэскалации напряженности с СССР встретили категоричный отказ, а в личных беседах удостоились характеристики из уст президента как «утомляющие»^[473].

Черчилль также негодовал в отношении президента. Эйзенхауэр всего лишь «бригадир», обронил он в беседе с лечащим врачом в июле 1953 года. Выше уже обсуждалось, что подобные откровения не всегда следует принимать за чистую монету, но на искренность этого замечания указывают и другие аналогичные заявления, которые приходится на этот период. Например, в беседе с Колвиллом Черчилль упомянул о своем «разочаровании» президентом, которого он находит «слабым и глупым». И если в отношении интеллектуальных способностей он упрекал коллегу за неспособность «иметь дело с деталями», то прямым следствием «слабости» президента стала передача первой скрипки в формировании внешнеполитической стратегии США госсекретарю Джону Фостеру Даллесу (1888–1959), который, по словам Черчилля, имел «чудовищное влияние» на главу Белого дома с превращением последнего в «куклу чревоушателя». «Даллес проповедует, как методист, и в его чертовом тексте все время повторяется одна и та же мысль: ничего кроме вреда встреча с Маленковым не принесет», — возмущался премьер-министр.

Черчилль мог выражать недовольство позицией Даллеса и Эйзенхауэра, но вряд ли она его удивляла. Еще в «Мировом кризисе» он отмечал, что «избирательные процессы» в США «затрудняют, если не делают вообще невозможным, человеку, который всю свою жизнь был политиком, стать успешным кандидатом на пост президента». Выбор партийных руководителей «склоняется все больше и больше в сторону выдающихся граждан с высокой личной репутацией, которые не вмешивались глубоко в политику и администрирование». В результате, констатировал Черчилль, зачастую победитель президентских выборов в США «несведущ в государственных делах» и возносится до «ослепительного превосходства под влиянием момента», «внезапно, без подготовки»^[474].

Черчилль встретил сопротивление своим инициативам не только с американской стороны, но и от главы Форин-офиса Энтони Идена, который также считал выбранный курс с поиском компромисса ошибочным. Но в апреле произошло третье событие, которое позволило нашему герою чувствовать себя более свободным в реализации своих внешнеполитических взглядов. Испытывая постоянные боли, вызванные камнями в желчном пузыре, Иден перенес две неудачные операции, которые не позволили ему встать на ноги в прямом и переносном смысле. Потребовалась третья операция, которую было решено проводить в США. Она состоялась в июне и прошла успешно, но в строй политик смог вернуться не раньше осени. На время его отсутствия Черчилль взял на себя

руководство внешнеполитическим ведомством. 11 мая без обсуждения с членами правительства, сотрудниками Форин-офиса, а также американскими партнерами Черчилль выступил в Палате общин с большой речью, призвав «как можно скорее провести конференцию на высшем уровне, пригласив на нее все ведущие мировые державы». Для повышения эффективности нового саммита он предлагал минимизировать организационные и технические издержки, ограничить количество стран-участниц и состав делегаций, а саму встречу провести в неофициальном формате. Пусть даже в результате совместных обсуждений не будет подписано никакого документа — главное, чтобы участники осознали: «человечество может посвятить себя более полезным делам, чем уничтожению друг друга»^[475].

Очередная не согласованная ни с кем инициатива британского премьера не встретила поддержки ни в его собственной стране, ни на другой стороне Атлантики. Лорд-председатель Совета и лидер Палаты лордов Роберт Гаскойн-Сесил 5-й маркиз Солсбери (1893–1972) — внук своего тезки, 3-го маркиза Солсбери, во время последнего премьерства которого наш герой начал свою карьеру, — задумался о своей отставке из-за несогласия с политикой премьер-министра. В США в ответ на обращение Черчилля согласились провести с британцами предварительную встречу на Бермудах в июне, правда, пригласив на нее также французскую делегацию. Расширение участников должно было расстроить британского премьера, который ратовал за непринужденное обсуждение в двустороннем формате, и стать своеобразным наказанием за нескоординированные действия. Но встреча в июне не состоялась. Сначала сложности возникли с французской стороны, затем снова вмешалась судьба, на этот раз одним мановением руки закрывшая все окна надежды.

Двадцать третьего июня в честь премьер-министра Италии Альчиде де Гаспери (1881–1954) был устроен званый обед. Черчилль сначала был бодр, активно принимая участие в беседах, и даже выступил с «восхитительной» (по словам Дж. Колвилла) короткой речью о завоевании римлянами Британии, рассказав о «Цезаре и легионах». В конце мероприятия ему стало плохо, у него возникли проблемы с дикцией и координацией. В спешном порядке под предлогом усталости премьер-министра гости были препровождены к выходу, а сам политик перемещен в спальную. На следующее утро его осмотрел лорд Моран, диагностировавший инсульт. В жизни нашего героя это было уже третье кровоизлияние, и на тот момент оно оказалось самым обширным. Пока Моран направился для консультаций к известному неврологу Расселу Брэйну (1895–1966),

непоседливый пациент, несмотря на возражения близких, провел заседание правительства. Колвилл вспоминал, что у премьера перекосялся рот и возникли сложности с онемением левой руки. Никто из министров не знал, что случилось. Макмиллана смутил лишь бледный цвет лица Черчилля, а канцлера Казначейства Ричарда Батлера — что обычно словоохотливый премьер «неожиданно молчал», просто заслушивая вопросы повестки дня и не делая никаких комментариев со своей стороны. Черчилль также изъявил желание принять участие в заседании Палаты общин, но на этот раз его удалось отговорить. На следующий день его перевезли в Чартвелл. К тому времени состояние Черчилля ухудшилось. «Не уверен, что премьер-министр переживет эти выходные», — признался Моран в беседе с Колвиллом 26-го числа. Левая сторона была практически полностью парализована, исключая возможность самостоятельного передвижения. Черчилль захотел встать, но вместо этого упал, к счастью, «без повреждений».

Учитывая болезнь Идена, пришлось срочно определяться с преемником. Было решено сформировать при неблагоприятном развитии событий правительство переходного периода во главе (номинально) с лордом-председателем Совета 5-м маркизом Солсбери, который должен был передать бразды правления главе Форин-офиса после выздоровления последнего. Также решили сохранить в тайне от общественности истинное состояние премьера, отметив в официальном заявлении, что после длительного периода исполнения своих обязанностей «ему необходимы полный покой» и «сокращение нагрузки, по крайней мере, на месяц». За закрытыми дверями в Чартвелле состоялась встреча владельцев ведущих изданий, которые пообещали не распространять новости о здоровье премьера. В понедельник 29-го числа после заседания правительства Батлер проинформировал коллег о случившемся. «Это был ужасный шок для нас, — вспоминал Гарольд Макмиллан. — Многие из нас не смогли сдержать слез»^[476].

Черчилль всегда поражал окружающих своим жизнелюбием, стойкостью и силой воли. Не собирался он сдаваться и на этот раз. Активные занятия с массажистом, а также неукротимое желание как можно быстрее вернуться к работе сделали невозможное — спустя несколько дней он стал медленно, но верно идти на поправку. Сначала нормализовалась речь, затем вернулась подвижность. Через месяц политик переехал в Чекерс, дав возможность персоналу Чартвелла передохнуть. На следующий день после переезда врачи констатировали, что восстановление достигло 90 %. Через неделю состоялась аудиенция у монарха в Виндзоре. 18 августа

Черчилль провел свое первое после выздоровления заседание правительства. В целом все прошло хорошо, но такие подвиги быстро утомляли политика, и для полноценного возвращения к работе требовалось время, продолжительное время. Для себя Черчилль решил, что если он сможет успешно провести запланированную на октябрь ежегодную конференцию Консервативной партии, то продолжит работу, если нет — уйдет в отставку.

Барьер был преодолен, и несмотря на усилившиеся намеки о целесообразности завершения великой карьеры, Черчилль продолжил держать штурвал в своих руках, надеясь добиться проведения саммита с участием руководства СССР. «Вы не представляете, насколько многое зависит от русских, — делился он с окружением в ноябре 1953 года. — Я должен увидеть Маленкова. Тогда я смогу спокойно уйти в отставку»^[477]. Одна из проблем была в том, что председатель Совмина Георгий Максимилианович Маленков (1902–1988), погруженный в перипетии внутрипартийной борьбы, не подходил для подобных обсуждений. Да и политический век его нахождения у кормила оказался недолгим, завершившись в феврале 1955 года.

В декабре состоялась отложенная встреча на Бермудах, которая успеха не имела. К моменту ее начала Черчилль не питал особых надежд, пребывая в пессимистичном настроении. Своему окружению он жаловался на «эпоху деморализации, вызванную учеными», рассуждал о мощи водородной бомбы, сокрушаясь, что «мы живем во времена, когда Лондон со всем населением может быть уничтожен в одно мгновение». Когда один из присутствующих спросил, хочет ли Россия воевать, Черчилль ответил: «Я полагаю, война не в ее интересах». «Когда я встречу Маленкова, мы сможем укрепить мир», — сказал премьер, после чего добавил, что главным препятствием на пути их совместной встречи является Айк. Первая же встреча с президентом показала существенные расхождения во взглядах. Черчилль предлагал «максимально возможное увеличение объемов торговли с Советами по всем товарам за исключением оружия», Эйзенхауэр был против. Его подход вообще было трудно назвать конструктивным. Во время конференции он сделал несколько недипломатичных заявлений относительно СССР, недвусмысленно демонстрируя свою пренебрежительную позицию. Причем вряд ли подобное общение и обращение было результатом сиюминутных эмоций и умозаключений. За два месяца до Бермудской конференции Эйзенхауэр писал Даллесу, что «в нынешних обстоятельствах мы должны определиться, не является ли нашей обязанностью перед грядущими

поколениями начать войну в благоприятный, избранный нами момент». При этом речь шла о ядерной войне. На следующий год, выступая перед Конгрессом, президент заявил, что в настоящее время разрабатываются планы «нанесения по противнику удара всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении». Отношение к новому оружию также стало поводом для разногласий. Если Черчилль видел в применении атомных и ядерных бомб конец цивилизации, то Эйзенхауэр воспринимал их как очередной этап развития вооружения. Примечательный эпизод произошел в 1957 году после прочтения Черчиллем постапокалиптического романа Невилы Норвея (1899–1960) «На берегу». Произведение настолько понравилось британскому политику, что он предложил перевести его на многие языки, а также собирался направить один экземпляр новому руководителю Советского Союза Никите Сергеевичу Хрущеву (1894–1971). Когда его спросили, не собирается ли он познакомиться с романом Эйзенхауэра, он ответил: «Это будет пустой тратой денег». После чего добавил: «человечество будет вскоре уничтожено кобальтовой бомбой», и если бы он был Всевышним, то не стал бы создавать человечество заново, поскольку в следующий раз оно уничтожит и его, Всевышнего^[478].

Наблюдая за деятельностью постаревшего премьера, одни считали, что он надеется на последний триумф, как Дизраэли на Берлинском конгрессе 1878 года. Другие, наоборот, видели в его упорстве стремление повторить судьбу Уильяма Питта-старшего, который потерял сознание во время пламенной речи в Палате лордов и скончался через месяц после трагического события. Сам же Черчилль хотел перед уходом заложить фундамент прочного мира на следующие десятилетия и покончить с холодной войной. «У меня больше нет амбиций, — признавался он. — Своим последним делом я вижу ослабление напряженности в международных отношениях с мощением дороги к миру и свободе. Энергичные политические маневры отныне стали непрактичны. Вся сила в переговорах». Примечательно, что эти слова были сказаны Вольфгангу фон Тирпицу (1887–1968), сыну главного оппонента Черчилля в военно-морской сфере в начале века^[479].

В июне 1954 года британский премьер в очередной раз посетил США. И снова неудачно. Даллес сломал оливковую ветвь Черчилля, высказавшись как против саммита с руководством СССР, так и против поездки в Москву главы британского правительства. Если же этот визит все-таки состоится, предупредил госсекретарь, общественность будет проинформирована, что ни заявления, ни действия британского премьера не являются отражением

американской внешней политики. На обратном пути Черчиллю пришлось выдержать бой с Иденом относительно отправки В. М. Молотову телеграммы с предложением о встрече. Иден был категорически против, обращая также внимание, что неправильно отправлять подобные послания без обсуждения с Кабинетом. Договорились телеграмму направить, но Черчилль должен был уведомить членов правительства о своем решении, а глава Форин-офиса в свою очередь поддержит его, сообщив о своем согласии с текстом сообщения. Но Черчилль забыл (или сознательно не стал) информировать Кабинет, что привело к очередному обострению с Иденом, когда это обнаружилось ^[480].

К моменту описываемых событий Черчилль уже как два с половиной года возглавлял правительство. Но несмотря на все его потуги, ему так и не удалось добиться реализации своих внешнеполитических предложений. В обычной ситуации подобная неспособность добиться поставленной цели (либо выбор неправильной цели, с какой стороны посмотреть) могла не представлять критической угрозы для положения премьера. Но в случае с Черчиллем — пожилым и больным политиком — отсутствие результатов было тревожным симптомом, которое могло стоить ему поста. Во-первых, многие были изначально уверены, что пребывание Черчилля на посту премьера ограничится символическим сроком с передачей полномочий Идену. Он взял реванш за поражение 1945 года, вернул тори к власти и теперь мог спокойно уйти в отставку. Во-вторых, физическое состояние Черчилля, даже до инсульта в июне 1953 года, оставляло желать лучшего, не позволяя ему в полной мере погружаться во все детали и полностью исполнять возложенные на него обязанности. Все сильнее у него начала проявляться глухота, что делало общение с ним затруднительным. Не говоря уже о том, что иногда его безучастное выражение лица в результате снижения слуха могло приниматься за признак старческого слабоумия. Наконец, он оказался неспособен проявлять былую активность. После смены правительства в 1945 году обслуживающий персонал Даунинг-стрит сохранил красные стикеры с надписью «Сделать сегодня», которые Черчилль активно использовал в годы войны, наклеивая на документы со своей резолюцией. Сразу же после его возвращения эти стикеры были положены на стол, за которым проходили заседания Кабинета министров. Примечательно, что они пролежат на этом месте весь период премьерства и останутся нетронутыми. В довершение быстрой утомляемости у Черчилля стала проявляться банальная лень. Вместо утомительной работы с документами он стал все больше времени уделять чтению исторических и приключенческих романов. «Я могу заставить себя сделать все что угодно,

отсутствие желания — вот что беспокоит меня больше всего», — жаловался он личному врачу. Черчилль понимал, что станет жертвой очередного удара, и относился к этому стоически. «Новый инсульт решит все проблемы», — не без доли бравады заключал он. При этом он не изменял своим вкусам, все также питая слабость к сигарному дыму, изысканной еде и благородным спиртным напиткам. В-третьих, Черчилль банально устарел. Как выразился Джон Колвилл, то, что в 1940 году было «чудом», в 1955-м превратилось в «мелодраму». Мир продолжал стремительно нестись вперед, оставляя даже такого пассионария, как Черчилль, в прошлом^[481].

Несмотря на все эти неблагоприятные факторы, Черчилль не спешил оставлять кресло премьера, хотя на словах со свойственным ему юмором утверждал обратное: «Я скоро уйду, Энтони же не может жить вечно». Неудачи на внешнеполитическом фронте, а также неспособность кардинально исправить экономическое положение в стране компенсировались чудесной изворотливостью британского премьера в стремлении сохранить свой пост. Сначала он успокаивал всех, что сложит с себя полномочия после коронации, затем — после конференции на Бермудах. В разговоре с Батлером в марте 1954 года он сравнил себя с «самолетом, у которого вытекает из бака топливо и который летит в темноте в поиске места для безопасной посадки». В тот же день в приватном разговоре с Иденом Черчилль подтвердил, что готов покинуть пост премьер-министра в мае либо, в крайнем случае, в конце лета 1954 года. В апреле этого года появилась возможность провести очередную встречу на высшем уровне с президентом США, которая после задержек и переносов состоялась в конце июня. С учетом возросшей активности на международном поприще срок отставки вновь был перенесен на конец сентября. В августе Черчилль вновь спутал карты, заявив, что время его ухода еще не пришло. О своем решении он сообщил расстроенному Идену, который в этот момент отдыхал в Австрии. О том, насколько тщательно готовился Черчилль к изложению аргументов, можно судить по тому факту, что он шесть раз переписывал письмо, прежде чем удовлетворился изложением своей позиции. Осенью Черчилль нашел новый неоспоримый довод встретить следующий год премьер-министром — 30 ноября ему должно было исполниться 80 лет, и будет правильно, если он отпразднует юбилей при исполнении^[482].

Торжественная дата прилась на вторник, обычно в этот день недели проходила аудиенция у монарха. Не меняя привычного распорядка, юбиляря

посетил Букингемский дворец, где принял поздравления и подарки от королевы и августейшей семьи. Подарки также пришли на Даунинг-стрит и Гайд-парк-гейт — свыше 900 коробок и 30 тыс. конвертов. Были и такие необычные послания, в которых указывалось «величайшему человеку», а в качестве адреса значился лишь «город Лондон». Отдельно Черчилля поздравили парламентарии. В честь юбиляра в Вестминстерском зале под звуки марша Эдуарда Элгара «Торжество победы» и знаменитого аккорда Симфонии № 5 Бетховена, с аллюзией на букву V, состоялась уникальная в истории британского парламента церемония с участием членов обеих палат. Парламентарии подарили премьер-министру два подарка: памятную книгу с автографами членов Палаты общин, вне зависимости от их партийной принадлежности^[483], и внушительных размеров (250×288 см) портрет юбиляра кисти известного английского живописца Грэма Сазерленда.

Нельзя сказать, что сама идея с портретом стала для Черчилля неожиданностью. Он знал о желании коллег и поддержал их, согласившись позировать художнику. На первом сеансе (всего их будет десять) политик спросил живописца: «Как вы собираетесь меня изобразить — в виде херувима или бульдога?» Сазерленд не растерялся: «Все зависит исключительно от того, кем вы себя сами покажете». Черчилль видел наброски, но полностью ему позволили оценить работу только после ее завершения, примерно за две недели до праздника. Портрет, который он назвал «зловным», ему не понравился. Также его возмутило поведение художника. Он считал, что Сазерленд предал его, отплатив за гостеприимство и добродушное отношение созданием извращенного изображения: старика, который находится в состоянии депрессии и думает об атомной бомбе. Не без благотворного влияния своей супруги юбиляр смог сдержать негативные эмоции, великодушно и иронично заметив на церемонии во время вручения подарка, что «этот портрет представляет собой прекрасный пример современного искусства с объединением в себе силы и прямоты». Клементина также со временем прониклась негативными флюидами, исходящими от мужа, и возненавидела мрачный портрет, который изображал ее благоверного «огромным и ужасным монстром». Она даже заявила, что работа Сазерленда причинила ее супругу «сильную боль» и «разрушила юбилей». Впоследствии она предала картину ножу и огню, оставив потомкам лишь несколько своевременно сделанных фотографий и сохранившиеся наброски, которые сегодня представлены в Национальной портретной галерее в Лондоне. После неудачного опыта работы с сюрреалистами Черчилль откажется позировать другому

знаменитому представителю этого течения — Сальвадору Дали (1904–1989)^[484].

После юбилея до нового года оставался еще месяц, за который прошло семь заседаний правительства, но Черчилль председательствовал лишь на двух. На следующий год самым крупным и по сути последним политическим действием нашего героя стало представление 1 марта в парламенте Белой книги обороны. Выступление Черчилля заняло 45 минут, превратившись в политическое завещание. Задавая вопрос о том, как следует вести себя государственным деятелям в условиях эскалации вооружений сверхдержав, когда даже существующий ядерный потенциал способен уничтожить человечество, Черчилль сопровождал его мрачным предостережением: «Этот вопрос не имеет большого значения для пожилых людей, так или иначе, они скоро оставят этот мир, но я с тревогой наблюдаю за молодежью...<...> что их ожидает впереди, если Господь устанет от человечества?» Тем самым он не только обратил внимание присутствующих на причинно-следственную связь между решением и последствиями с напоминанием об их разнесении во времени, когда за решения отцов приходится отвечать детям, но и своей отсылкой к Всевышнему, который может «устать от человечества», показал глубину критичности положения. Переходя к поиску ответа на поставленный вопрос, Черчилль сразу предупредил, что «от водородной бомбы нет гарантированной защиты». Понимая, что всеобщее разоружение невозможно, он указывал, что «единственной разумной политикой для свободного мира на следующие несколько лет» станет политика «сдерживания». А для этого у Великобритании должно появиться собственное термоядерное оружие, и перенимающим у него эстафету государственным мужам предстоит двигаться одновременно в противоположных направлениях: наращивая военную мощь и ведя переговоры по сокращению вооружений. Понимая, что этот путь будет непростым, британский лев закончил выступление следующим призывом: «Возможно, настанет день, когда честность в игре, любовь к ближнему, уважение к справедливости и свободе позволят измученным поколениям триумфально покинуть отвратительную эпоху, в которой мы с вами живем, и устремиться к сияющим и безоблачным далям. А пока этот день не настал, никогда не отступайте, никогда не поддавайтесь слабости, никогда не отчаивайтесь»^[485].

Через неделю после своего выступления Черчилль сообщил Идену, что покинет свой пост 5 апреля. За оставшееся время он еще раз попытается

изменить свое решение, но увидев настрой своих коллег, считавших, что время пришло, сдержит слово. 1 апреля на Даунинг-стрит отметили 70-летний юбилей Клементины. По воспоминаниям очевидцев, Черчилль «выглядел усталым и старым». 4-го числа в резиденции премьер-министра тоже принимали гостей — королеву с супругом. Журналисты раздули этот инцидент до колоссальных размеров, отметив беспрецедентный характер подобного действия. На самом деле прецедент был. Георг VI в аналогичной ситуации навестил Стэнли Болдуина в момент отставки последнего в 1937 году. Так или иначе, но появление монарха на Даунинг-стрит все равно было событием экстраординарным и, несомненно, говорило об огромном уважении Ее Величества к своему самому знаменитому подданному. 5 апреля Черчилль провел заседание Кабинета, последнее в своей жизни. Он сообщил министрам, что на сегодняшней аудиенции в Букингемском дворце будет просить королеву принять его отставку. Он поблагодарил всех за достойную службу и пожелал всем дальнейших успехов. На аудиенции королева предложила своему первому министру стать герцогом Лондонским, но он ответил отказом. Учитывая, что в истории Британии монарх вот уже сто лет не жаловал своим подданным, в чьих жилах не текла королевская кровь, столь высокого титула, само предложение и отказ выглядели драматично. На самом деле, прежде чем королева подняла эту тему, Дж. Колвилл узнал мнение премьер-министра насчет титула. Черчилль хотел войти в историю под своей фамилией. Благодаря подготовительной работе королева не нарушила традицию и одновременно продемонстрировала уважение к личности государственного деятеля. Колвилл боялся, что, поддавшись эмоциям и обаянию Елизаветы II, Черчилль, который не знал о закулисных обсуждениях, изменит свое решение и согласится принять титул. Но всё обошлось. Пожилой джентльмен ответил, что «собирается продолжить работу в Палате общин, пока мне позволяет мое здоровье»^[486].

Прежде чем покинуть резиденцию на Даунинг-стрит, Черчилль попросил еще раз посмотреть на комнату заседаний, где в годы войны он провел столько времени и принял столько судьбоносных решений. В помещении было темно. Когда включили свет, обнаружилось, что зал был подготовлен для уборки: все кресла накрыты и расставлены по стенам. Осмотрев помещение, Черчилль развернулся и направился к выходу. Покидая резиденцию, он показал знак V, после чего сел в автомобиль и направился в Чартвелл, где его также уже ждала толпа журналистов. Отвечая на вопрос одного из них, какие чувства он испытывает, сложив с себя полномочия премьера, он произнес: «Всегда приятно вернуться

домой». На самом деле приятного было мало, да и дома Черчилль долго не задержался, отправившись 11-го числа в запланированное путешествие на Сицилию, в Сиракузы. Перед отъездом он получил письмо от королевы, в котором она сообщала, что ей «не хватает и в дальнейшем будет не хватать совета и одобрения» ее первого премьера. В ответном послании Черчилль поддержал королеву в назначении Идена. На самом деле, это был неудачный выбор. «Я не верю, что Энтони справится», — сказал он Колвиллу за день до своей отставки. Черчилль оказался прав. Иден продержался на ответственном посту меньше двух лет и покинул большую политику после Суэцкого кризиса. Оценивая события, произошедшие в конце 1956 года в Египте, Черчилль заметил: «Я никогда не ввязался бы в это, не заручившись предварительно поддержкой американцев, а если бы и ввязался, то никогда бы не отступил»^[487].

Саммит, за проведение которого так ратовал Черчилль и которого он не дождался, находясь на Даунинг-стрит, пройдет 18–23 июля 1955 года в Женеве. Сравнивая даты этого события и отставки, возникает ощущение, что после почти полувека в большой политике нашему герою не хватило всего трех с половиной месяцев для достижения последней цели. На самом деле это ощущение ошибочно, поскольку отсутствие Черчилля на первом саммите, который, кстати, не привел к долгожданной разрядке, также оказалось «скрытым благословением». Пожилой политик все чаще становился жертвой лени, особенно в изучении повестки заседаний, ему требовалось время, чтобы сконцентрироваться, к тому же он стал еще более сентиментален, что могло негативно повлиять на принимаемые им решения. В целом же Черчилль не изменил своего отношения к внешнеполитической ситуации. Он сохранял веру в то, что «Россия сможет работать вместе с Западом над построением объединенной Европы», и возлагал надежды на союз Великобритании и США. России он желал «найти мир и изобилие», которые гораздо лучше «войны на уничтожение», веря, что «мудрость и терпение» восторжествуют, «завоевав умы и обуздав человеческие страсти»^[488].

Как Черчилль планировал провести время в отставке? После возвращения из Италии он признался, что теперь «собирается убивать время, пока оно не убьет меня». Через год, когда личный врач спросил его, чем бы он хотел заняться, Черчилль ответил: «Мне нечего больше делать, только умереть»^[489]. На самом деле он не хотел умирать. Кроме того, у него оставались незавершенные дела. В конце апреля 1961 года вышел последний сборник его речей — «Неписанный союз», объединивший под

одной обложкой 69 выступлений в период с 1953 по 1959 год. Но и это еще не всё. Был проект, работа над которым началась больше пятнадцати лет назад и на завершение которого у него наконец-то появилось время.

Последний проект

Покинув арену политической борьбы, Черчилль вновь погрузился в бурную реку литературного творчества, истоки которой уходили в далекий 1929 год. Именно тогда, оставив Казначейство и пытаясь найти для себя очередную большую тему, он решил поведать читателям многовековую историю англоязычных народов. Во многом для автора это было уникальное произведение, которое в отличие от других работ исторического жанра не было посвящено исключительно Черчиллю и его семье, а охватывало значительный временной промежуток в две тысячи лет и, главное, имело конкретную политическую цель — обосновать единство англоязычных стран. В 1932 году Черчилль договорился с руководством *Cassell* о написании к 1938 году за 20 тыс. фунтов трехтомного сочинения объемом 400 тыс. слов, описывающего две тысячи лет истории Британии — от вторжения Цезаря на Туманный Альбион до победы в Первой мировой войне. Учитывая увеличившийся объем «Мальборо», а также сдвинувшиеся сроки завершения биографии «герцога Джона», к работе над новой книгой Черчилль смог вплотную приступить только в середине 1938 года. Недовольные подобной задержкой издатели установили автору жесткий срок сдачи рукописи: сначала апрель, затем не позднее декабря 1939 года. С изменением сроков была пересмотрена и первоначальная концепция. Во-первых, Черчилль отказался рассказывать про Первую мировую войну, остановившись на кончине королевы Виктории (1901), практически совпавшей с наступлением нового века. Во-вторых, если изначально предполагалось, что основное внимание будет уделено Наполеоновским войнам, становлению Американской республики и Гражданской войне в США, то в итоге большая доля материала пришлось на описание древних времен и Средневековья.

Работа над книгой началась с формирования команды экспертов, в которую вошли историк Кейт Фейлинг, хранитель и секретарь Музея Лондона археолог Роберт Мортимер Уэллер (1890–1976), член попечительского совета Национальной портретной галереи, биограф Гиббона и автор работы «Карл I и Кромвель» историк Джордж Малкольм Янг (1882–1959), Уильям Дикин, а также взятый по рекомендации последнего Алан Баллок (1914–2004), в будущем известный историк. Примечательно, что Фейлинг, Янг и Баллок в период с 1946 по 1952 год отметятся первыми биографиями современников нашего героя — Н.

Чемберлена, Болдуина и Гитлера соответственно. Также в 1960–1982 годах Баллок представил трехтомную биографию известного лейбориста Эрнеста Бевина. Эти факты недвусмысленно говорят о качестве собранной команды. Помимо новых лиц, Черчилль также обращался за советом к успевшим себя хорошо зарекомендовать экспертам — Морису Эшли, Джону Уэлдону, Джеймсу Эдмондсу и, разумеется, Эдуарду Маршу. Эшли вспоминал, что Черчилль «испытывал огромное уважение к интеллекту и профессионализму советников», которое объяснялось его «искренней верой в то, что ученые и школяры знают все секреты о тех областях и предметах, о которых он хочет узнать больше»^[490]. Наш герой не всегда соглашался с творческим коллективом, но в целом влияние помощников было огромным и во многом определило описательный формат нового произведения. Последнее можно отнести к слабости сочинения, поскольку от Черчилля больше ждали не исторического эксклюзива, а пропущенного через жернова его гигантского опыта аналитического разбора и рассуждений.

Несмотря на указанную особенность, показательно, что последнее сочинение было посвящено исключительно исторической тематике. Черчилль всегда любил и ценил историю. С годами его уважение к Клио стало еще крепче. «Мы не в силах изменить прошлое, но мы привязаны к нему, и мы можем извлечь из него уроки, которые пригодятся в будущем», — считал британский политик. «Сегодня мы находимся не в том положении, чтобы сказать: „прошлое есть прошлое“. Сказав так, мы откажемся от нашего будущего», — заметил он. Развивая свою мысль через некоторое время, он подчеркнет, что «если мы развяжем войну между прошлым и настоящим, то обнаружим, что лишились будущего». Почему прошлое так важно? Потому что оно определило настоящее и содержит ключи к пониманию грядущего. «Любая мудрость не нова», — неоднократно повторял Черчилль в 1930–1940-е годы. Все повторяется. «Почти все важнейшие решения, которые вынужден принимать современный мир, уже принимались в средневековом обществе», — констатирует он в новом произведении. Это иллюзия, что современный человек отделен от минувших событий «долгими веками», — на самом деле «труды и взгляды объединяют нас с воинами и государственными деятелями прошлого, как будто мы читаем об их поступках и словах в утренней газете». Поэтому очень важно постигать и изучать историю: «Знать об испытаниях и борьбе своего народа необходимо каждому, кто хочет понимать те проблемы, опасности, вызовы и возможности, с которыми мы сталкиваемся сегодня»^[491].

Основная часть работы над книгой пришлась на последний предвоенный год, несущий на себе отпечаток будущей трагедии. Друзьям Черчилль признавался, что «очень непросто погрузиться в прошлое, когда будущее оскалило перед нами свои клыки». Настоящее влияло на восприятие минувших событий, что отчетливо проявилось в трактовке происхождения Британии. В конце XIX столетия превалировала точка зрения, что родиной британцев является Германия, которая, по словам известного историка Джона Ричарда Грина (1837–1883), позиционировалась не иначе как «отчизна английской нации». Взять хотя бы составной термин «англосаксы», который происходит от названия древнегерманских племен англов и саксов. Черчилль, который считал, что «ни один англичанин не должен воспринимать себя как продукт тевтонского завоевания», придерживался иной точки зрения. По его мнению, современные жители Туманного Альбиона наследовали не древним германцам и не древним римлянам, а нормандцам. В отличие от Грина, споры с которым заняли в первоначальных редакциях много места, Черчилль считал краеугольным событием Средневековья битву при Гастингсе 1066 года, во время которой пал англосаксонский король Гарольд II Годвинсон (1022–1066), а победу одержал нормандский герцог Вильгельм. «День битвы при Гастингсе связывает Англию и Францию и вновь делает Англию одним из участников жизни Западной Европы — в династическом, рыцарском и духовном плане» — так охарактеризовал Черчилль это событие в черновиках своей рукописи^[492].

За полгода работы в 1938 году Черчилль смог подготовить к концу декабря текст объемом в 200 тыс. слов. Клементине он жаловался на «трудоемкий и утомительный» характер творческой работы. Разумеется, он получал удовольствие от литературного труда, но в целом книга давалась ему тяжело, и он постоянно ощущал себя под «прессингом». Кроме того, творчество потребляло все его время и силы. «Моя жизнь упростилась до строительства коттеджа и работы над книгой, а также сном перед обедом, — делился он с супругой. — В Лондон я наведываюсь только от случая к случаю для участия в заседаниях парламента». При благоприятном стечении обстоятельств Черчилль планировал представить первую законченную версию всех томов к июню 1939 года, оставив себе полгода на доработку, редактирование и корректуру^[493].

Для достижения поставленной цели Черчилль организовал работу над книгой в последовательно-параллельном формате. В то время пока он описывал какой-то период, одни специалисты готовили ему материалы для

следующих глав, другие — проверяли уже написанные. Несмотря на эффективную организацию труда, бешеный темп и практически ежедневную работу до 2–3 часов ночи, первый вариант книги к назначенному сроку завершить не удалось. Вместо того чтобы поставить точку и заняться доработкой, в конце мая 1939 года Черчилль приступил к работе над описанием Гражданской войны в США, которая должна была занять не менее двух недель. Помимо США еще необходимо было осветить историю Австралии и Новой Зеландии. Этим автор занялся в июне. Одновременно со сроками Черчилль в очередной раз столкнулся с проблемой превышения запланированного объема. Несмотря на возникшие трудности, 31 августа автор проинформировал издателя, что основной текст написан и его объем составляет 530 тыс. слов. На следующий день началась война, а еще через два дня — Черчилль возглавил Адмиралтейство.

Заявление о наличии полной черновой версии оказалось преждевременным. На самом деле был отработан текст до кончины королевы Анны (1714), не превышавший по объему 320 тыс. слов. Остальное находилось в несвязанных фрагментах, требующих упорядочивания и значительной переработки. Да и в отношении так называемого готового куска нужно было много переделывать, поскольку качеством текста нередко жертвовали ради получения необходимого объема. Несмотря на новый фронт работ в Адмиралтействе, Черчилль сначала стремился исполнить договоренности и завершить книгу к концу 1939 года, что объяснялось не столько привязанностью к книге, сколько желанием получить оставшуюся часть гонорара. Но управление ВМФ оставляло мало времени на литературную деятельность, которая ограничилась отрывочными указаниями помощникам с расширением их участия в написании отдельных кусков. Начиная срезать углы, Черчилль решил сначала собрать и причесать все готовые фрагменты, после чего завершить произведение эпилогом в 10 тыс. слов. Такой вариант не устроил издателей, которые напомнили автору о первоначальных договоренностях с рассказом о войне в Южной Африке, британской истории конца XIX и начала XX столетия, сравнительном анализе демократических форм правления в разных англоязычных странах. Черчиллю дали дополнительное время на доработку до конца 1940 года, но в действительности после назначения нашего героя премьер-министром никакой работы над книгой не велось. Копия написанных к концу 1939 года и переданных в издательство материалов сгорела в годы войны при разрушении здания *Cassell* во время одного из авианалетов. Осталась лишь

авторская версия, все годы войны хранившаяся у Кэтлин Хилл. С нее стряхнули пыль только в 1945 году, когда поражение гитлеровской Германии было уже не за горами.

Работа возобновилась после возвращения Черчилля с Ялтинской конференции. Через несколько месяцев в качестве эксперта был приглашен профессор политологии Кембриджского университета Дэнис Уильям Броган (1900–1974), которому помогали — супруга, археолог Олвен Филлис Фрэнсис (1900–1989) и специализирующийся на истории Средневековья Вивиан Хантер Гэлбрайт (1889–1976), профессор Оксфорда и член Британской академии. Броган приступил к работе летом 1945 года. На тот момент окружение Черчилля жило в предвкушении его переизбрания, поэтому считалось, что готовящаяся книга станет последней в творческой биографии автора. Из-за перебоев с бумагой срок завершения был сдвинут на конец следующего года. Наставляя свою команду, Черчилль говорил: «Главная заслуга моей книги состоит в том, чтобы вызвать интерес у большого количества людей, не обращавшихся к этим историческим периодам со времен учебы в школе. Поэтому очень важно, чтобы я не допустил ни малейшей ошибки, позволившей критикам дискредитировать точность приводимых в тексте фактов»^[494]. Ознакомившись с материалом, Броган признал высокую степень готовности первых двух томов, завершающихся началом правления Георга III (1760). Последующие куски требовали серьезной правки. Несмотря на это обстоятельство, работа была начата не с трудных мест, а с первых глав. К декабрю 1945 года коррекция первых двух томов была завершена. Далее работа засбоила, что совпало с другим важным изменением. На сцене появился новый участник — «Вторая мировая война» — который беспардонно подвинул предшественника и переключил на себя все внимание автора. В очередной раз работа над «Историей англоязычных народов» была приостановлена.

Черчилль решил вернуться к своему детищу во время восстановления после инсульта в августе 1953 года. Тогда же к проекту присоединились новые помощники: историк Алан Ходж (1915–1979) и его друг биограф Питер Кортни Куиннелл (1905–1993). «Было время, я жил „Второй мировой войной“. Теперь я буду жить этой историей, — признался Черчилль своему окружению. — Я буду сносить по яйцу каждый год — двенадцать месяцев на один том, не так уж и много работы». С самого начала сотрудничества Ходжу было предоставлено много свободы. Черчилль откровенно признавался, что «не может уделить должное внимание этому проекту до тех пор, пока моя нагрузка на других направлениях не станет меньше». В

сентябре Ходж получил необходимые материалы для работы, которая снова была начата с первого тома. Черчилль просил Ходжа не забывать, что речь идет не об академическом труде, изобилующем деталями, подробным анализом и витиеватыми рассуждениями, — книга рассчитана на широкий круг читателей и должна представлять собой «поток событий», объединенных в «последовательное повествование». Кроме того, основной упор следует делать на «социальных и политических изменениях, особенно тех из них, которые сохранили свой след и по сегодняшний день», а также на развитии общего права, которое автор считал «наследием англоязычных народов»^[495].

Несмотря на периодическое подключение к работе, в целом личное участие Черчилля в завершении произведения с конца 1953-го по начало 1955 года носило скромный характер. Оживление началось с весны 1955 года, когда он сложил с себя полномочия премьер-министра. По его словам, эта книга стала «единственным, что меня сейчас волнует». Понимая, что «История» его последнее произведение, он собирался сделать ее «настолько хорошей, насколько это возможно». Сохранившаяся переписка демонстрирует, насколько придирчив и дотошен был Черчилль в работе, буквально заваливая Ходжа нескончаемым потоком вопросов. Единственным ограничением было здоровье автора. Своему врачу он признавался, что сама редактура с удалением лишних фрагментов и переписыванием отдельных фраз не доставляет ему труда, чего нельзя сказать о «композиции и рассуждениях»^[496]. В начале июня Черчилля сразил очередной инсульт, после которого он, впрочем, смог быстро вернуться в строй.

Учитывая объем подготовленного материала, было принято решение издавать произведение в четырехтомном формате. Публикация первого тома была запланирована на осень 1955 года. В реальности сроки были немного сдвинуты. Первый том — «Рождение Британии», описывающий историю кельтской, римской, англосаксонской и нормандской Британии вплоть до правления последнего Плантагенета — Ричарда III (1452–1485), вышел в 340-ю годовщину смерти Уильяма Шекспира — 23 апреля 1956 года. В конце ноября на книжных прилавках появился второй том «Новый мир», повествующий о правлении Тюдоров и Стюартов и рассказывающий о становлении централизованного государства, пожаре гражданской войны и развитии конституционной монархии. Следующие два тома «Эпоха революций» и «Великие демократии» появились в октябре 1957-го и марте 1958 года соответственно.

Отличительной особенностью последнего периода работы было существенное расширение количества привлекаемых экспертов. Так, в августе 1955 года к Ходжу присоединился знаток правления Тюдоров историк Джоел Харстфилд (1911–1980), в сентябре — нумизмат из Британского музея Роберт Эндрю Карсон (1918–2006), в апреле 1956 года — известный кембриджский историк Джон Гарольд Пламб (1911–2001). Главы, посвященные Индии, проверял Арчибальд Патон Торнтон (1921–2004), а сверку Викторианского периода доверили оксфордскому историку Морису Шоку (1926–2018). Также Черчиллю помогали: Алек Реджинальд Майерс (1912–1980), специалист по истории XVII столетия Дональд Хеншоу Пеннингтон (1919–2007), Джон Стивен Уотсон (1916–1986), специалист по Викторианской эпохе Эйза Бриггс (1921–2016), американский историк, один из первых биографов Ф. Рузвельта Фрэнк Барт Фрайдл-младший (1916–1993), а также специалист по истории США Молдвин Аллен Джонс (1922–2007). Даже этот солидный перечень является неполным. Ходж обращался к специалистам, имена которых не только не сохранились, но и большинство которых никогда не встречались с автором лично. Сегодня трудно сказать, какие именно куски и в каком объеме написаны специалистами, а какие принадлежат нашему герою. Из сохранившихся документов видно, что наибольшее внимание Черчилля в 1950-х годах было уделено периоду до 1714 года и касалось тех глав, в написании которых он принимал личное участие в конце 1930-х. Концентрация на знакомом и отработанном материале была связана с тем, что, по воспоминаниям Дикина, в последние годы Черчиллю «не хватало энергии для обработки огромного количества данных» и он «неспособен уловить ритм повествования»^[497].

Эти особенности не смогли не сказаться на качестве последних двух томов, в которых, не считая отдельных эпизодов, связанных с Наполеоновскими войнами и Гражданской войной в США, не так много Черчилля, как хотелось бы. Повлияли они также и на то, что первоначальная цель с обоснованием единства и крепости англо-американского союза достигнута не была. Последний том, который должен был показать истоки и перспективы синергии, превратился в обычное параллельное описание истории двух стран. В результате вместо литературного памятника англоязычному союзу труд Черчилля превратился в панегирик величию Британской империи. Причем с акцентом на великих личностях, военных баталиях и политических перипетиях. Всегда испытывая скептицизм в отношении теорий и с недоверием относясь к идеологии, автор оставил за рамками повествования эволюцию идей,

изменение общественных тенденций и описание социальных преобразований. Оставаясь верным своему классу и считая, что страной правит элита, Черчилль наследовал виговским традициям, согласно которым британская история представляет собой романтическое и оптимистичное повествование о борьбе за права и свободу. При этом он продемонстрировал нежелание разглядеть, во что на самом деле для обычных граждан в той же викторианской Англии преломлялась свобода, о которой он говорил так много; насколько бесправна и бессильна большая часть населения, неспособная преодолеть жесткие социальные барьеры; насколько надменен высший свет, не пускающий в свои ряды чужаков без длинного шлейфа титулованных предков. И если уж рассматривать британскую историю с точки зрения борьбы за права и свободу, то последние были не завоеваны правящей элитой, а, наоборот, — отвоены у нее нетитулованной массой.

В целом Черчилля отличало стремление к героизации истории. Он сам признавал, что его «книга не претендует на соперничество с работами профессиональных историков». Он — художник масштабных полотен и приверженец крупных мазков, он отдает предпочтение батальным сценам и ярким краскам, пропуская их через призму своего интеллекта и воображения. «Я пишу о тех событиях в нашем прошлом, которые кажутся значительными мне, и делаю это как человек, имеющий некоторое знакомство с суровыми испытаниями последних десятилетий». В этой связи, как справедливо замечает Джон Лукач (1924–2019), Черчилль больше походил на «писателя, увлеченного историей, а не историка, увлеченного писательством», и его последнее сочинение следует рассматривать как «разновидность литературного романа». При этом тетралогия остается литературой выражения, а не анализа. Основное внимание в ней уделено тому, *что* произошло, а не тому, *почему* это произошло. Автора привлекает действие, а не мотивы, которые, как он сам прекрасно понимал из своей политической деятельности, могут быть ошибочны, поскольку, принимая решения, опираешься на усеченные, недостающие, а порой и неправильные исходные данные^[498].

Несмотря на перечисленные ограничения и недостатки, тетралогия, особенно первые два тома, представляет не только интересное чтение, но и вполне убедительное изложение идей автора по самому широкому кругу вопросов. Например, высказывание: «От высокого командования ожидается больше, нежели решимость отправлять своих людей на смерть», где Черчилль напоминает, что не только цель, но и средства ее достижения определяют эффективность полководца (да и вообще руководителя). Или

следующее авторское замечание: «Современный диктатор, располагающий всевозможными ресурсами науки, способен легко увлекать общество в нужную ему сторону, разрушая представление о его целях и затуманивая память потоком ежедневных новостей, которые смущают умы своей извращенностью». Или гимническое восхваление культа борьбы. Особенно борьбы, в которой отстаиваются такие высшие ценности, как целостность и независимость страны: «Первейшее право людей — это право умирать и убивать посягающих на ту землю, на которой они живут, и наказывать с исключительной суровостью всех представителей собственного народа, которые погрели руки у чужого огня». Он слишком много боролся с тьмой, чтобы не понимать, что от исхода некоторых битв зависит будущее следующих поколений: жить ли им свободными или находиться в рабстве, вкушать ли плоды научно-технического прогресса или прозябать в болоте стагнации, наслаждаться ли процветанием или влачить жалкое существование. Еще один лейтмотив — знакомое по предыдущим работам убеждение, что командующий должен лично присутствовать на поле боя. На примере одного из самых кровопролитных сражений Гражданской войны в США — у реки Энтитем-Крик (17 сентября 1862 года) — он показывает командующего Потомакской армией Джорджа Макклеллана (1826–1885), который только проскакал вдоль фронта, а сражением руководил из штаба, то есть «отдавал приказы и предоставлял битве развиваться самой по себе», и лидеров конфедератов: бесстрашного Томаса Джексона (1824–1863), «дравшегося в строю наравне со своими солдатами», и талантливого Роберта Эдуарда Ли, «лично управлявшего маневрами, как это имели обыкновение делать Мальборо, Фридрих Великий и Наполеон». Другой темой является обыгрывание шекспировского тезиса, что «весь мир — театр. / В нем женщины, мужчины — все актеры». Помимо отдельных высказываний с аллюзией на шекспировские строки: «они покидали провинциальную сцену ради столичного театра» или «занавес упал между Британией и континентом», Черчилль показывает, что нередко решения принимаются не только исходя из практической целесообразности — свою роль также играют производимое впечатление и вовремя сделанный жест. Например, Уильям Питт-старший, который, по словам нашего героя, был «прирожденным актером», занимая пост казначея вооруженных сил, не стал согласно обычаю размещать государственные средства на своих личных счетах и получать за это комиссию, чем произвел на общественное мнение «поразительное впечатление». «Этим жестом, — сообщает Черчилль, — Питт обратил на себя внимание людей и удерживал его, как никакой

государственный деятель до него». При этом, признавая важность публичности, внимание к жестам и театральному началу, Черчилль выступал против потери чувства меры, приводя в качестве антипримера Георга IV (1762–1830), «талант самовыражения которого часто тратился на аффектированные жесты»^[499].

Помимо частных вопросов, четырехтомное произведение также содержит мировоззренческие скрепы автора. В первую очередь это «распространение свободы и закона, защита прав личности, подчинение Государства фундаментальным и моральным установкам сознательного общества». «Я презираю тиранию в любом обличье и в любом месте, где бы и как бы она ни появилась», — сказал Черчилль Морису Эшли в апреле 1939 года. Незадолго до этого, в начале января, он дал интервью *New Statesman and Nation*, в котором среди прочего упомянул основные законодательные акты Британии: Великую хартию вольностей, Хабеас корпус и Петицию о праве. Без этих документов, заявил Черчилль, отдельный гражданин до сих пор зависел бы от «благосклонности официальной власти и оставался уязвим для слежки, а также предательства, в том числе в собственном доме». Это интервью совпало с периодом работы над описанием истории разработки, принятия и борьбы за эти документы. В то время как некоторые историки низводили Великую хартию вольностей до «длинного перечня привилегий дворянству за счет государства», решающего мелкие и чисто технические вопросы взаимоотношения монарха и баронов, Черчилль считал основной заслугой и ключевым посылом Хартии верховенство закона. Хартия устанавливала, что отныне закон должен соблюдаться всеми, в том числе сувереном: *Rex non debet esse sub homine, sed sub Deo et lege*^[500]. Хартия стала «незыблемым свидетельством того, что власть Короны не абсолютна» и «король связан законом». «Иными словами, — объяснял Черчилль, — единоличное правление со всеми его скрытыми возможностями для угнетения и деспотии не должно допускаться»; «правительство должно означать нечто большее, чем самоуправство кого-либо, а закон должен стоять даже выше короля».

Одновременно с Хартией вольностей и прочими законодательными актами вторым важнейшим институтом, определившим, по мнению Черчилля, британское общество, стал парламент. Еще в годы Первой мировой войны, покидая зал заседаний Палаты общин, Черчилль сказал одному из своих коллег: «Посмотри на это небольшое помещение, оно разительно отличает нас и Германию. Благодаря ему мы кое-как достигнем

успеха, в то время как выдающаяся эффективность немцев в условиях отсутствия парламента приведет Германию к окончательной катастрофе». Считая, что основная ценность парламента состоит в ограничении наряду с законами власти короля, Черчилль уделяет много места его становлению. Он показал, как развивался парламентский институт, который первоначально зародился как орган для обсуждений (от фр. *parler* — говорить), а со временем стал обретать дополнительные функции регулирования законодательства с расширением своей представительской платформы, чтобы в итоге предложить «вместо своевольного деспотизма короля» «негубительную анархию феодального сепаратизма, а систему сдержек и противовесов, которая позволяла согласовывать действия с монархией и препятствовала извращению сути королевской власти тираном или глупцом»^[501].

Признание важности институтов не мешало Черчиллю оставаться сторонником «доктрины индивидуализма», подразумевавшей, что массивная колесница истории приводится в движение исключительно великими представителями своих поколений. Из 102 глав, на которые разбит текст тетралогии, 29 названы в честь основных участников многовековой летописи. Произведение изобилует отсылками на превосходство индивидуального начала: «Мы видим, сколь многое зависит от личности монарха» или «власть великого человека создает порядок из бесконечных конфликтов и противоречий и как отсутствие таких людей оборачивается для страны безмерными страданиями». Как правило, упоминая ту или иную персону, Черчилль подчеркивает ее достижения вопреки общему ходу событий. Тем самым демонстрируется свобода выдающихся людей от условностей принятого фарватера развития общественных процессов. Они действуют вопреки им, устанавливая свои правила и добиваясь результатов, недоступных обывателям. Черчилль показывает, как одна сильная личность способна менять направление истории, определять будущее современников, идти наперекор общественному мнению и достигать успехов, немыслимых и невозможных для большинства. При этом Черчилль, как политик, понимал, что, несмотря на все достижения, успехи и свершения, которые яркой вереницей тянутся за той или иной личностью, привлекая внимание современников и историков, сами творцы истории не могут похвастаться владением ситуацией. «Победа, как правило, неуловима, — заметил наш герой во время одного из выступлений в Палате общин в 1941 году. — Случайности происходят. Ошибки допускаются. Порой правильные предпосылки приводят к просчетам, а неправильное представление — к верным

выводам. Война слишком трудна, особенно для тех, кто принимает в ней участие или пытается ею управлять»^[502].

Черчилль вообще не обольщался насчет человеческой природы. Описывая, как во время раскопок в деревне Сванскомб, графство Кент, в 1935–1936 и 1955 году были обнаружены три фрагмента человеческого черепа (предположительно молодой женщины), и замечая, что биологи находят в найденных фрагментах важные отличия от строения черепа современного человека, он добавлял: «Нет никаких оснований полагать, что этот далекий палеолитический предок не был способен на все те преступления и глупости, которые во все времена ассоциировались с человеческим родом». При этом, описывая ужасы былых времен, Черчилль не пытается обелить свою эпоху. Наоборот, продолжая свои рассуждения из «Мальборо», он показывал, что современное общество, несмотря на рост образованности и научно-технический прогресс, уступает в части морали прошлым эпохам. В отличие от ушедших времен, отмечает автор, «в современных конфликтах и революциях епископов и архиепископов массово отправляли в концлагеря и убивали выстрелом в затылок». «Какое право имеем мы заявлять о превосходстве нашей цивилизации над обществом времен Генриха II?» — спрашивает Черчилль. Его вердикт нетерпим, мрачен и строг: «Мы все глубже погружаемся в варварство, потому что терпим это в силу моральной летаргии и прикрываем лоском научного комфорта». «Мир был бы лучше, если бы его населяли только животные», — заметил Черчилль своему другу Уолтеру Грабнеру, наблюдая за любимыми черными лебедями, один из которых пал жертвой лисицы. В последние годы жизни для нашего героя вообще были характерны мрачные настроения. Они распространялись как на его время («Я рад, что мне не суждено прожить жизнь снова, сегодня наблюдается ужасная деградация стандартов»), так и на его современников («Люди либо слишком низменны, либо слишком глупы, чтобы справиться с новыми вызовами»). Распространялись они и на перспективы цивилизации в целом. Возведенная в ранг государственной политики по обе стороны «железного занавеса» манипуляция общественным мнением с целью посеять вражду между людьми разных стран не способствовала снятию напряженности. «Если миллионы людей в одной стране учатся ненавидеть миллионы людей в другой, жди беды», — негодовал Черчилль^[503].

Все эти рассуждения происходили на фоне усилившегося консерватизма британского политика. Если раньше он был воплощением деятельной энергии, то теперь все больше склонялся к философии

созерцания, считая, что самым добродетельным поступком является отсутствие поступка, как такового. По крайней мере, никому не навредишь. «Гораздо легче срубить старые деревья, чем вырастить новые» — становится его новым императивом. Из либерального сторонника революционных изменений в начале карьеры Черчилль превратился в консервативного последователя эволюции на закате жизни. Все чаще в его высказываниях стала преобладать мысль — хотя изменения и неизбежны, лучшие перемены те, что происходят медленно. «Сила и национальный характер не строятся, как лестница, и не собираются, как механизм, — их формирование больше похоже на рост дерева», — заявил он своим избирателям в Вудфорде в сентябре 1952 года. «Строить — медленный и трудоемкий процесс», — повторил он через семь лет. Если раньше Черчилль предпочитал такие слова, как «логика» и «рациональность», то теперь в его лексиконе стала превалировать «традиция». Его характерными высказываниями в этот период стали: «Мы должны остерегаться ненужных инноваций, особенно тех из них, которые продиктованы логикой»; «Логика, как и наука, должна быть слугой человека, а не его господином»; «Логика — неудачный компаньон по сравнению с традициями»; «Удача по праву вредна к тем, кто нарушает традиции и обычаи прошлого»^[504].

Консерватизм Черчилля усугубился на фоне пессимизма. «Я не верю в этот дивный новый мир, — делился он со своими помощниками в годы войны. — Покажите мне хоть что-то хорошее в новых вещах». «Я всегда считал замену лошади двигателем внутреннего сгорания мрачной вехой в развитии человечества», — заявил он в парламенте в 1952 году. «Как бы я хотел, чтобы люди никогда не научились летать, — сказал он в июне 1954 года. — Мир резко уменьшился после того, как братья Райт поднялись в воздух. Это был прискорбный час для Англии»^[505]. Неужели Черчилль искренне выступал против всех тех изобретений — телефона, автомобиля, электричества, телевидения, которые сделали жизнь человечества лучше? Разумеется, нет. Черчилль не был врагом научно-технического прогресса. Он выступал против разрушительных последствий, к которым он может привести при неумелом и неразумном использовании его плодов. Большинство научных прорывов совершается учеными из чистых побуждений, но далеко не все открытия способствуют достижению благородных целей. Многие из удачных и перспективных изобретений, до того как войти в жизнь обычных людей, сначала опробываются военными и используются для истребления.

Черчилль неоднократно демонстрировал в своей тетралогии

корреляцию между прогрессом и разрушением, особенно в первом томе, создававшемся до начала Армагеддона. Эта тема встречается уже в самом начале. Отмечая, что «неолитический человек изобрел способ шлифовать камень», автор сообщает сферу применения этого открытия: «придавая камню необходимую форму для убийства». «Это означало большой прогресс, — не без мрачной насмешки пишет он, — но впереди были и другие изобретения». Новые изобретения также были связаны с «усовершенствованием человеческих методов разрушения». «Люди, вооруженные бронзовым оружием, могли одолеть тех, кто имел кремневые аналоги, — описывается следующий виток развития человечества. — Это изобретение было принято на ура, и бронзовый век вступил в свои права». Новый металл — железо — позволил тем, кто освоил его выплавку, уничтожать «людей бронзы», и в этом достижении, пишет Черчилль, «через минувшие тысячелетия мы ясно узнаем себе подобных». «Нет никаких сомнений, — продолжает он с язвительной интонацией, — железо лучше всего подходит для того, чтобы ломать черепа», и «двуногое существо, способное убить другого железным оружием, наш современник назвал бы человеком и братом». Следующей ступенькой человеческого прогресса стало изобретение стрелкового оружия, среди которого долгое время лидирующие позиции занимал длинный лук. «Стрела, пущенная с расстояния 250 ярдов, производила такой поражающий эффект, равного которому не имело ни одно метательное или стрелковое оружие пехоты вплоть до Гражданской войны в Америке», — информирует Черчилль своих читателей. Несмотря на эффективность, в начале XV века у лука появился конкурент. «В клубах дыма и раздражающе резких буханьях пушек система, управлявшая христианским миром и направлявшая его развитие в течение пятисот лет, превращалась в руины, на месте которых предстояло подняться новому зданию»^[506].

Человек должен научиться преобразовывать разрушительный потенциал научно-технических открытий в сферы полезного применения. Но у Черчилля и на этот счет были большие сомнения. Выступая в марте 1949 года в Массачусетском технологическом институте, он напомнил слушателям, что, когда в 1872 году Жюль Верн написал свой знаменитый роман «Вокруг света в 80 дней», это произведение воспринималось как «чудо и предзнаменование». «Сегодня вы можете совершить подобное путешествие за четыре дня, — резюмирует Черчилль, — но вы немного увидите на своем пути». Скорость требует жертв. Чем быстрее скользишь по поверхности, тем меньше погружаешься в глубину. Легкость суждений, разброс мыслей и погоня за впечатлениями станут бичом новой эпохи с ее

суетой, спешкой и непродуманностью. Изменения стали настолько быстры и разнообразны, что человек просто неспособен успевать за ними. Все эти перемены, по словам Черчилля, «ни на йоту не улучшили ни умственные способности индивида, ни его моральные качества». События стали масштабнее, достигнув «гигантских пропорций», а «человек, не изменивший своих размеров» стал в «относительных величинах лишь меньше». Поэтому сегодня «больше нет великих людей, способных управлять событиями». Ограниченность человека на фоне непрерывных научных открытий стала, по мнению политика, серьезной угрозой для цивилизации. «Наука дала нам в руки огромную новую власть и одновременно создала условия, недоступные нашему пониманию и еще более недоступные нашему контролю». Хотя человек и продолжает питать «иллюзию», что остается господином свершенных им открытий, на самом деле он не более чем «жертва стремительного течения и водоворота событий, торнадо, в эпицентре которого он оказался, являясь более беззащитным, чем был ранее». Наука, которая раньше «служила человеку, сейчас становится его господином». Отныне человечество оказалось в непростых условиях «великой деморализации, вызванной учеными», констатировал Черчилль^[507].

Несмотря на печальные выводы, британский политик не отчаивался. Тучи сгустились, но осталось место и для луча надежды. «Мы живем в эпоху, когда наука со слепой щедростью предлагает человечеству выбор между золотым веком процветания и самой ужасной формой уничтожения», — сказал Черчилль в апреле 1953 года^[508]. Выбор за нами.

«Оставь надежду»

После отставки с поста премьер-министра насыщенная политическая деятельность Черчилля подошла к концу. Он еще дважды выставлял свою кандидатуру на выборах в парламент — в мае 1955-го и в октябре 1959 года, неизменно побеждая с большим перевесом^[509]. Но больше он в парламенте не выступал, сказав в течение следующих девяти лет пару фраз и задав один вопрос. Происходящие в мире изменения вызывали у него все меньше интереса. Например, узнав в октябре 1957 года о запуске первого искусственного спутника Земли, он написал супруге, что его эта новость «не слишком беспокоит», добавив, правда, что подобного рода достижения говорят о «превосходстве советской науки над американской». Друзьям он признавался, что «ищет способы провести остаток дней в радостной обстановке». В его понимании это означало занятия живописью, игру в казино и коневодство, которым он увлекся еще в 1949 году по совету своего зятя Кристофера Соумса (1920–1987). В 1950 году Черчилля избрали членом Жокей-клуба, в который в свое время входил еще его отец. За пятнадцатилетнюю карьеру коневода через конюшню Черчилля прошли 12 кобыл и 40 жеребцов, которые одержали свыше 70 побед на различных турнирах Ирландии, Австрии, Франции, США и Великобритании. Самым же любимым скакуном был Колонист II, который только за один год одержал восемь побед и выиграл кубок Жокей-клуба. В память о своем любимце Черчилль попросил художника Рауля Миллеса (1901–1999) запечатлеть его образ на холсте. Из мест отдыха Черчилль предпочитал юг Франции, особенно виллу издателя Эмери Ривза Ла Пауза, которую в свое время друг нашего героя 2-й герцог Вестминстерский подарил своей любовнице Коко Шанель. Специально для Черчилля на вилле появилось кресло-коляска особой модели, на которой пожилого джентльмена спускали к морю, а затем поднимали обратно вверх^[510].

Потратив свою жизнь на создание будущего, теперь Черчилль жил прошлым. Думал ли он о своем месте в истории? Наверняка. Сам он много сделал, чтобы оставить потомкам тот образ своей личности, какой считал благожелательным. Кроме того, он был автором 34 книг, которые также впишут его имя в анналы истории. В последние годы жизни Черчилль принял участие еще в одном проекте, направленном на укрепление посмертной славы. «Каждый знает — кто завоеует молодежь, завоеует будущее», — заметил однажды Карл Ясперс (1883–1969). Черчилль

придерживался аналогичного мнения, считая, что «самым дальновидным вложением, которое может сделать нация, является снабжение детей молоком, пищей и просвещением, а если прибавить к этому уважение к закону, знание национальных традиций и любовь к свободе, то перед вами основы сохранения нации». Британский политик считал, что в современных условиях невозможно управлять обществом без «соответствующего количества людей, на просвещение которых — гуманитарное, техническое или научное — не затрачено много времени и средств». Будущее принадлежит «странам с высоким уровнем образования», способным «в одиночестве поддерживать научный аппарат, необходимый для превосходства во времена мира и выживания во времена войны»^[511].

Черчилль решил внести свою лепту в воспитание молодежи и повышение научно-технического потенциала Великобритании, предложив создание на территории Туманного Альбиона учебного заведения, подобного Массачусетскому технологическому институту. Черчилль сделал первый взнос — 25 тыс. фунтов. Сбор необходимых средств взял на себя Дж. Колвилл, которому всего за три года удалось привлечь более восьмисот компаний и собрать 3,5 млн фунтов. В мае 1958 года было официально объявлено о создании в Кембридже Колледжа Черчилля. В том же году была приобретена территория площадью 160 тыс. квадратных метров, сделав будущий колледж самым большим в университете. Архитектором здания стал Ричард Герберт Шеппард (1910–1982), предложивший просторные помещения с плоскими крышами и большими окнами, которые выходили на зеленые лужайки. Благодаря Клементине Колледж Черчилля стал первым в Кембридже и Оксфорде, начавшим принимать женщин на тех же правах, что и мужчин. Торжественное открытие нового учебного заведения состоялось в октябре 1959 года. На следующий год в колледже началось обучение первых 30 аспирантов, а еще через год — первых 30 студентов. Спустя 60 лет после основания ежегодное количество студентов превысило 450 человек, а аспирантов — 280. Сотрудниками колледжа были несколько десятков выдающихся ученых, включая 15 лауреатов Нобелевской премии. Учебное заведение также знаменито своей библиотекой, в недрах которой нашел пристанище огромный архив его основателя, а также архивы других глав британского правительства — Маргарет Тэтчер (1925–2013) и Джона Мейджора (род. 1943).

Обычно учебные заведения приносят популярность своим основателям. Но с популярностью у Черчилля и без колледжа было исключительное положение. Являясь самым спокойным в жизни политика,

последнее десятилетие стало самым выдающимся с точки зрения получения различных наград и знаков почета. Вот лишь некоторые из них: заместитель главы графства Кент, почетный и пожизненный член Ассоциации жителей графства Кент, президент Ассоциации регаты Дила, Уолмера и Кингсдауна, вице-президент Клуба королевского бронетанкового корпуса, президент Ассоциации фехтовальщиков, пожизненный член престижного клуба Атенеум, член Института журналистики, Института инженеров, Королевского географического общества, вице-президент Лондонской библиотеки, почетный член Британской академии, лауреат Золотой медали Королевского института искусств, а также обладатель звания «почетного гражданина» множества британских городов. Свою лепту внесли и другие страны. В ноябре 1958 года британский политик был принят в «соратники» французского ордена Освобождения, учрежденного де Голлем в 1940 году и закрывшего прием новых членов в 1946-м. Но для Черчилля было сделано исключение по личному представлению Великого магистра ордена де Голля, который впоследствии следующим образом охарактеризовал своего современника: «В величайшей драме он был самым великим среди нас», добавив также после его кончины, что «с этого момента Англия уже не является великой державой». Среди других французских наград в 1947 году Черчиллю была вручена Военная медаль. В апреле 1963 года Черчилль стал почетным гражданином США. Во время торжественной церемонии поклонник британского политика Джон Кеннеди произнес ставшие впоследствии знаменитыми слова, что «Черчилль мобилизовал английский язык и послал его в бой». Долгое время считалось, что их авторство принадлежит корреспонденту CBS Эдуарду Мэроу (1908–1965), но впоследствии исследователи нашли более ранний источник — британский журналист Джон Беверли Николс (1898–1983)^[512].

Подобные почести были не случайны. Черчилль не только отличился в двух самых масштабных войнах человечества, но и стал последним из могикан, который сумел в век узкой специализации снести профессиональные границы и выйти за пределы возможного, добившись успеха одновременно в нескольких областях: государственном управлении, литературе и живописи, а также отметиться в животноводстве, коневодстве, садоводстве, игре в поло и потреблении сигар. Журналисты называли его «Мистер Англия», историки говорили, что его «жизнь является историей первой половины XX века», а философы называли его «человеком, который был больше, чем жизнь». Неудивительно, что со временем имя Черчилля само по себе превратится в бренд. В честь него будут названы города, деревни, улицы, железнодорожные станции, аэропорты, ипподромы,

больницы, колледжи, школы, пабы, магазины, отели, парки, реки, водопады, площади, спортивные соревнования, танки, корабли, подводные лодки, сорта хризантем, астр, фуксий, гладиолусов, гиацинтов и роз, а также литературные, например, в романе «1984», и киногерои — Уинстон Вульф в «Криминальном чтиве», убедительно сыгранный Харви Кейтелем. В его честь также назовут многих младенцев, некоторые из которых станут знаменитыми. Например, лейборист, министр обороны с 1964 по 1970 год и канцлер Казначейства в 1974–1979 годах Денис Уинстон Хейли (1917–2015); родившийся вскоре после поражения Черчилля в Манчестере писатель Уинстон Грэм (1908–2003), а также один из членов ливерпульской четверки Джон Леннон (1940–1980), полное имя которого — Джон Уинстон.

Все эти знаки внимания были, конечно, приятны, особенно для такой амбициозной личности, как Черчилль. Но они не были способны остановить угасание и сгладить недостатки, присущие глубокой старости. Причем слабость, болезни и немощь — еще не самое тяжелое, что приходится терпеть на девятом десятке жизни. Чем больше живешь на белом свете, тем меньше друзей и сверстников сопровождают тебя на жизненном пути. В декабре 1946 года скончался генерал-майор Реджинальд Барнс (род. 1871), с которым Черчилль отправился на Кубу в 1895 году, а затем вместе делил бунгало в Бангалоре. На следующий год почил другой сослуживец по Индии Реджинальд Хор (род. 1865). В том же 1947-м не стало брата нашего героя Джона. Последние годы он страдал от сердечных приступов, один из которых оказался фатальным. «Я чувствую себя одиноким», — признался Уинстон Хью Сесилу, старому соратнику по «Хулиганам» и шаферу на свадьбе. «Единственное, о чем беспокоился Джек, так это об Англии, — описывал Черчилль последний период общения со своим братом. — Я сказал ему, что с Англией все будет хорошо». В январе 1953 года скончался Эдуард Марш. Диктуя некролог для *The Times*, Черчилль отметил, что жизнь его секретаря «была безмятежной», «я надеюсь, что он покинул этот мир без боли, и я уверен — что без страха». В декабре 1956 года умер упомянутый Хью Сесил. В июле 1957 года не стало профессора Линдемана. На следующий год после безуспешной борьбы с раком горла ушел из жизни Брендан Брекен. Черчилль был потрясен, однако, учитывая характер заболевания своего друга, а также мучительные последствия лучевой терапии, счел, что «так лучше для Брендана». В 1963 году старика ждал новый удар. В ночь с 19 на 20 октября, приняв большую дозу снотворного, скончалась его старшая дочь Диана, ей не было и 55. По воспоминаниям близких, когда Черчиллю

сообщили о гибели дочери, он сначала немного вострепнулся, после чего «на него нашло долгое и безжизненное молчание». На следующий год в «страну, откуда ни один не возвращался» отправился лорд Бивербрук, общение с которым пережило полвека и было одним из немногих доставлявших радость нашему герою в последние годы его собственной жизни^[513].

Теряя близких, Черчилль не жаловал появление новых лиц. Он говорил, что они наводят на него скуку. Исключение составил греческий миллионер Аристотель Онассис (1906–1975), с которым его познакомил Рандольф. Ари, как называли «золотого грека» близкие, быстро завоевал доверие политика, который всегда питал интерес к неординарным и сильным личностям, сделавшим себя сами. Черчилль примет участие в восьми круизах на яхте *Christina O.* («Кристина О.»), а также впоследствии обеспечит новому другу членство в «Другом клубе». К моменту знакомства с Онассисом Черчилль уже не был велеречивым мастером бесед, больше предпочитая молчаливое созерцание огня в камине, пейзажей графства Кент на лужайке в Чартвелле или непроницаемой морской глади во время круизов на яхте. При этом он не любил одиночества, требуя, чтобы рядом с ним всегда кто-то находился, хотя и предупреждал иногда: «Прошу меня простить, но сегодня я не самый занимательный собеседник». Он мог часами сидеть и молчать, мог спросить: «Который час?» — и через некоторое время снова задать тот же вопрос. Когда ему отвечали, он тяжело вздыхал и произносил: «О Боже!» По словам его дочери Сары, он молчал, «потому что понимал, что сказал все, что мог сказать, написал все, что мог написать, сделал все, что мог сделать, и теперь с должным терпением ожидал наступление конца». «Должно быть, это было очень трудно для него», — считала Сара^[514].

В «Мальборо» Черчилль писал, что «глупо жаловаться на завершающую фазу человеческой жизни». Но как показала реальность, восхищаться тоже было нечем. Черчилль жаловался супруге на «серость и скуку» последних лет. За 20 лет до этого он заметил Клементине, что «никогда не следует оставлять надежду на внезапный конец до наступления упадка». Медленный закат его жизни все настойчивее говорил, что «внезапный конец» не для него. В августе 1961 года на борту «Кристины» Черчилль последний раз посетил США. Летом следующего года во время очередного отдыха в Монте-Карло, слезая с кровати в пентхаусе *Hotel de Paris*, он подскользнулся и при падении сломал себе бедро. Пострадавшего перевезли на самолете британских ВВС в Лондон, разместив в

университетской клинике Миддлсекс, где под чутким руководством профессора Герберта Седдона (1903–1977) его прооперировали. В апреле 1963 года Черчилль написал поздравление супруге, которая отмечала 78-й день рождения: «Моя дорогая! Признаюсь тебе в своей наивысшей любви и шлю сотни поцелуев. Хотя я изрядно глуп и похож на мелкого бумагомарателя, карандашом, что я пишу тебе, водит мое сердце. Твой любящий, У.»^[515] Это письмо станет одним из последних, написанных сэром Уинстоном собственноручно.

На следующий месяц Черчилль объявил о прекращении своей парламентской деятельности. Палату общин он посетил последний раз в июле 1964 года. «Жизнь человека, которого мы сейчас чтим, уникальна, — произнес Макмиллан, которому самому уже исполнилось 70 лет и чье выступление стало последним в Палате общин. — Пожилые члены парламента не смогут вспомнить что-либо сравнимое с этим явлением. Молодые же члены, как бы долго ни продлилась их жизнь, вряд ли увидят что-либо достойнее». Следующие выборы пройдут в октябре и принесут победу лейбористам. Эта избирательная гонка станет первой в XX веке, которая пройдет в Британии без участия политика, являвшегося в совокупности членом Палаты общин 62 года и 15 дней. В ноябре Черчилль отметил 90-летний юбилей. За день до знаковой даты у дома на Гайд-парк-гейт стали собираться люди, чтобы засвидетельствовать почтение юбиляру. Черчилль появился в окне гостиной в знаменитом костюме-сирена — комбинезоне на молнии с накладными карманами на груди для сигар, и, поприветствовав всех, дал фотокорреспондентам возможность запечатлеть себя в последний раз. Клементина подарила супругу золотое сердечко с выгравированными на нем цифрами — 90, которое он повесил на цепочку для часов *Breguet*, где был еще один подарок любимой, по случаю их помолвки: рубиновая капля крови. Всего в адрес юбиляра было направлено больше 70 тыс. поздравительных открыток и телеграмм. «Несмотря на праздник, в глубине души мы все чувствовали, что конец уже близок», — вспоминала Мэри Соумс. Ее отцу хватило жизненной энергии, чтобы встретить Новый год. 6 января он подарил Монтагю Брауну четырехтомное издание своих речей. Решив оставить автограф на каждом из томов, на первом томе политик расписался: «Уинстон С. Черчилль», но на последнем вывел лишь литеру W. Эти тома стали последними, которых коснулось его перо^[516].

«Сценарий, который пишет история, не имеет конца», — сказал однажды Черчилль. Человеческая жизнь, напротив, конечна. Боялся ли он

смерти? «Любой, кто скажет, что он не боится смерти, — лжец», — заметит он однажды своему секретарю. Хотя самым популярным его высказыванием на этот счет является следующее: «Я готов к встрече с Творцом, другой вопрос, готов ли Он к такому тяжелому испытанию, как встреча со мной». Вечером 9 января по заведенному обычаю Кристофер Соумс предложил тестю шампанское. Отодвинув бокал, тот прошептал: «Как мне все надоело!» — а затем после продолжительной паузы добавил: «Путешествие было приятным и стоящим его предпринять, но только один раз»^[517]. Это были его последние слова. На следующий день у Черчилля произошел обширный инсульт и он впал в кому.

Понимая, что конец близок, члены семьи не хотели придавать информации о критическом положении Черчилля огласке. Но стойкий боец продолжал держаться. Первой об ухудшении здоровья экс-премьера сообщила *Guardian* 16 января. К Гайд-парк-гейт стали стекаться люди. Опасаясь, что толпа нарушит покой больного, полиция перекрыла улицу. Также был введен режим тишины: машинам «скорой помощи» и пожарным, проезжающим по Нижнему Кенсингтону, было запрещено включать сирены. Британия погрузилась в траур. Несколько сотен людей сутками дежурили на подходах к улице, выражая своим присутствием уважение и преданность умирающему. В воскресенье 17 января королева посетила утреннюю службу в церкви Святого Лаврентия, на которой были прочитаны молитвы во здравие ее самого известного подданного. В тот же день тысячи прихожан пришли помолиться о здоровье Черчилля в Вестминстерское аббатство. Ведущий службу архиепископ Йоркский доктор Дональд Когган (1909–2000) сказал собравшимся: «Снова и снова он находил правильные слова для правильных действий, вдохновляя народы в час испытания»^[518].

В течение следующих нескольких дней внимание прессы было приковано к состоянию здоровья самого известного британца. Соппротивление политика неизбежности в очередной раз наводило на мысль о его стойкости и заголовок «К бою!», опубликованный 19 января на первой полосе *Daily Express*, прекрасно передавал эту атмосферу; журналисты описывали происходящее как «последнее, патетическое олицетворение выдающейся черчиллевской воли». Но все имеет свои пределы. В один из дней состояние Черчилля резко ухудшилось. Рандольф, Мэри, Сара и Клементина постоянно находились у его постели. Ночью стало понятно, что конец близок. Дыхание больного стало поверхностным и затрудненным. В 8 часов утра следующего дня оно остановилось. На

календаре было 24 января, ровно 70 лет назад почил отец нашего героя лорд Рандольф. Однажды Черчилль признался, что его последний день тоже придется на 24 января. Для знавших об этом пророчестве двухнедельное сопротивление болезни имело отчетливо мистический оттенок. Колвилл будет вспоминать о прозрении своего босса, как о «самом необъяснимом и странном переживании» своей жизни^[519].

Другой секретарь Черчилля Монтагю Браун тоже испытал потрясение. Он регистрировал в местном муниципалитете случившееся. В стандартной процедуре его заставил задуматься вопрос о роде занятий покойного. Обычно указывалось «пенсионер», но в случае с Черчиллем это звучало слишком банально. «Государственный деятель», — ответил секретарь после некоторого размышления. Но потрясло не это. Вернувшись после похоронной процессии в свою квартиру в Кенсингтоне, Монтагю Браун обнаружил, что его квартиру ограбили. Новая Англия, новые нравы^[520].

По личному распоряжению королевы для Черчилля были организованы государственные похороны. За всю историю Великобритании лишь избранные сыны Отечества, не являвшиеся членами Королевской семьи, удостоивались подобной чести — Нельсон (1805), Питт-младший (1806), Веллингтон (1852), Гладстон (1898), фельдмаршалы Робертс (1914) и Хейг (1928). Черчилль превзошел всех. Организацией его похорон занимался специальный комитет, а сам план траурной церемонии, выдержавший восемь редакций, получил название «Оставь надежду». Не желая следовать примеру великих предшественников, Черчилль отказался от погребения в Вестминстерском аббатстве (где упокоились Питт-младший и Гладстон) и в соборе Святого Павла (Нельсон и Веллингтон). Сначала он хотел быть похороненным в Чартвелле, однако затем выбрал в качестве своего последнего приюта кладбище Блэдон, где были погребены его отец, мать и брат Джон. Учитывая масштаб личности и достижений британца, его заслуги будут также отмечены и в соборе Святого Павла (с установкой отдельного мемориала в крипте рядом с саркофагами Нельсона и Веллингтона), и в Вестминстерском аббатстве (с установкой у западных дверей на полу мраморной плиты с надписью: «Помните Уинстона Черчилля»).

Траурная церемония началась 26 января. Тело покойного было положено в гроб из древесины вековых бленхеймских дубов. После прощания близких гроб был перевезен из Гайд-парк-гейт в Вестминстерский зал, куда был организован доступ населения. Для того чтобы проститься смогли как можно больше желающих, лондонское метро

работало круглосуточно, а на улице были организованы пункты бесплатной раздачи горячего супа, бутербродов и чая. Вестминстер был открыт 23 часа в сутки, и лишь один час отвели для уборки. Всего за три дня поклониться Черчиллю пришли свыше 320 тыс. человек. 29-го Вестминстерский зал посетили королева, члены Королевской семьи, премьер-министр, лидер оппозиции и спикер Палаты общин. По просьбе Черчилля во время прощания были использованы шесть массивных подсвечников, которые в 1852 году стояли возле гроба Веллингтона. Почетный караул, менявшийся каждые 20 минут, состоял из пяти офицеров. Первыми в караул встали адмирал флота Луис Маунтбэттен 1-й граф Бирманский и члены Комитета начальников штабов.

Тридцатого января в 9.45 гроб, накрытый «Юнион Джеком», поверх которого лежала черная бархатная подушка со знаками ордена Подвязки, был вынесен из Вестминстерского зала. Биг-Бен пробил четверть и замолчал до утра следующего дня. На всем пути следования процессии собралось свыше полумиллиона человек; люди занимали места с ночи. Многие наблюдали за церемонией у экранов телевизоров. Подсчеты показали, что за прямой трансляцией следили 350 млн телезрителей — десятая часть всего населения планеты.

В церемонии были задействованы свыше 7 тыс. военных. Первыми траурный катафалк приняли уланы 21-го полка, в составе которого лейтенант Черчилль шел в атаку в битве при Омдурмане в 1898 году. Они передали гроб гренадерам, с которыми покойный сражался в окопах Первой мировой войны. Гренадеры поставили гроб на специальный лафет, использовавшийся еще при похоронах королевы Виктории в 1901 году. Все замерли в ожидании, пока главный церемониймейстер граф-маршал Англии взмахнет жезлом. После того как взмах был сделан, процессия тронулась в сторону Трафальгарской площади.

Траурное шествие возглавил оркестр британских вооруженных сил. В музыкальной программе, подобранной специально Черчиллем, будут Траурный марш из Симфонии № 3 Бетховена, Похоронный марш из оратории Генделя «Саул» и Боевой гимн Республики, написанный в самый разгар Гражданской войны в США и так тронувший Авраама Линкольна. Черчилль хотел, чтобы на церемонии было как можно больше духовых оркестров. Всего их будет девять. За оркестром британских вооруженных сил шла сотня матросов Королевского ВМФ в сопровождении почти сотни гвардейцев в меховых шапках, которые медленно везли лафет с гробом. За лафетом следовали члены семьи покойного — супруга, дети, внуки и Кристофер Соумс. Мужчины шли пешком, женщины ехали в карете,

запряженной шестеркой лошадей, которые были предоставлены лично королевой. Далее шли кавалеристы Конной гвардии, кавалерийский оркестр, королевские морские пехотинцы, офицеры ВВС и сотрудники лондонской полиции. Когда процессия поравнялась с Кенотафом — памятником жертвам Первой мировой войны, расположенным в центре Уайтхолла, представители французского движения Сопротивления замахали триколорами. Неподалеку от французов стояли норвежцы и датчане, которые также приехали почтить память великого британца. В Сент-Джеймском саду прозвучали первые из девяноста пушечных выстрелов — по одному выстрелу на каждый год жизни покойного.

Достигнув Трафальгарской площади, траурная процессия, которая растянулась к тому времени на полтора километра, повернула на восток и сначала по Стрэнд, а затем по Флит-стрит направилась в сторону собора Святого Павла. У входа процессию ждали лорд-мэр Лондонского Сити сэръ Джеймс Миллер (1905–1977), фельдмаршалы Александер, Слим, Темплер, адмирал флота Маунтбэттен, маршал Королевских ВВС Портал, экс-премьеры Эттли, Иден, Макмиллан, Мензис, генерал Исмей, экс-секретари кабинета Бриджес и Н. Брук, которым во время церемонии предстояло держать концы гробового покрывала. Когда гвардейцы Гренадерского полка с гробом на плечах поднялись по первой группе ступенек, ведущих в собор, встречающие направились им навстречу. В этот момент гренадеры, идущие впереди, немного замешкались, в результате чего центр тяжести гроба сместился назад, увеличив нагрузку на двух последних гвардейцев. Несмотря на неприятный инцидент, они смогли удержать тяжелую ношу (вес гроба составлял четверть тонны) и продолжить движение. В 10.49 гроб был внесен в собор и помещен на постамент под куполом. Когда в ходе церемонии во время исполнения Боевого гимна Республики тучи рассеялись и яркий луч солнца, пробившись через купол, осветил гроб, у присутствующих мурашки пробежали по спине от неожиданного знамения.

На отпевании присутствовала королева, что также было большой честью^[521]. Помимо членов Королевской семьи и первых лиц государства в соборе также присутствовали около 3 тыс. человек из 112 стран. Среди приглашенных были действующий президент Франции генерал Шарль де Голль и бывший президент США генерал Дуайт Эйзенхауэр, четыре короля и одна королева, три президента и два вице-президента, одиннадцать премьер-министров и два канцлера, а также шестнадцать министров иностранных дел. СССР представлял рыцарь-командор ордена Бани маршал Советского Союза Иван Степанович Конев (1897–1973).

Из собора Святого Павла траурный кортеж направился в Тауэр, где его

встретили шеренги солдат Шотландского полка и бифитеры, одетые в парадные красно-золотые мундиры. На Тауэрской пристани гроб под звуки волынок был установлен на катер *Havengore* («Хейвенгор») и медленно проследовал к пирсу у Королевского фестивального зала, а оттуда — на вокзал Ватерлоо. Когда катер под звуки «Правь, Британия!» стал подниматься вверх по Темзе, крановщики Хэйской верфи склонили к реке стрелы кранов, почтя память великого соотечественника. Над катером пролетели четыре звена реактивных истребителей, напомнив своим ревом о суровых днях Битвы за Британию. Пока «Хейвенгор» следовал по Темзе, Эйзенхауэр выступил с трогательной речью для телевизионной трансляции Би-би-си.

На вокзале Ватерлоо траурный кортеж был встречен Королевским Ирландским гусарским Ее Величества полком, объединившим в себе 4-й гусарский (в котором сэр Уинстон начинал свою службу) и 8-й Королевский Ирландский гусарский полк. Гроб был помещен в специальный состав с локомотивом класса «Уинстон Черчилль» № 34 051 и шестью пульмановскими вагонами. В 13.28 поезд двинулся от платформы № 11 в сторону станции Лонг Хэндборо. Дорога заняла 2 часа 5 минут. На пути следования поезд встречали тысячи людей.

От станции кортеж проследовал в Блэдон, где его встретили местные мальчишки, каждый из которых нес большую свечу. Погребение состоялось в узком кругу близких родственников и друзей с возложением на могилу двух венков: «Моему дорогому Уинстону, Клемми» и «От благодарной Родины и Содружества наций, Елизавета Р».

Великий Цезарь! Ты лежишь во прахе?
Ужели слава всех побед, триумфов
Здесь уместилась? Так покойся с миром^[522].

В годы бурной молодости в романе «Саврола» Черчилль спрашивал — что же «все-таки осталось» после того, как «были подведены итоги всей жизни», в которой «было все — честолюбие, исполнение долга, энтузиазм и слава»? И сам же дал ответ — осталась «бесконечная полная пустота». Даже «цель, ради которой Саврола так долго и упорно трудился», «теперь казалась незначительной». Пройдут годы, и, подытоживая уже собственный жизненный путь, Черчилль признается: «Я достиг много, чтобы в итоге не достигнуть ничего»^[523]. Какие-то стремления политика действительно оказались нереализованными, а цели — недостигнутыми. Но в целом

Черчилль добился многого, возвысившись над рекой времени и судеб, как исполин. Хотя его образ не всегда вызывает восхищение, а поступки — одобрение, его место в истории одно из самых прочных и почетных. Потратив много сил на житнетворчество, он смог создать миф, который, несмотря на всю его ограниченность и искусственность, продолжает восхищать потомков и вселять в них надежду, вдохновляя на борьбу за свои убеждения и призывая не отступать перед трудностями. Он показал, как в мире зависимостей можно оставаться независимым, как успеть много, не отказывая себе ни в чем, как вести за собой, сохранив при этом себя. На собственном примере Черчилль доказал, что личность по-прежнему что-то значит, главное, найти свой путь и не бояться следовать по нему до конца, идя на компромиссы вместо предательства, предпочитая развитие вместо достатка, думая о будущем вместо унижения прошлого, отдавая всего себя главным целям вместо расходования на пустяки.

Основные даты жизни и деятельности Уинстона Спенсера Черчилля

1874, 30 ноября — рождение в Бленхеймском дворце в семье лорда Рандольфа Черчилля и урожденной Дженни Джером.

1888, апрель — поступление в школу Хэрроу.

1893, 28 июня — успешная сдача с третьей попытки вступительного экзамена в Королевский военный колледж Сандхёрст.

1894, декабрь — завершение обучения в Сандхёрсте двадцатым из 130 выпускников.

1895, 24 января — кончина отца — лорда Рандольфа Черчилля.

20 февраля — получение звания второго лейтенанта и начало службы в 4-м гусарском Собственном Ее Величества полку.

Ноябрь — декабрь — первое посещение США, участие в испано-кубинском военном конфликте, написание первых статей для *Daily Graphic*.

1896, октябрь — прибытие в гарнизон Бангалора в составе 4-го гусарского полка.

1897, 26 июля — выступление с первой политической речью в Бате.

Сентябрь — участие в составе Малакандской действующей армии в подавлении восстания местных племен на северо-западной границе Индии.

4 октября — начало работы над первым и единственным романом «Саврола».

1898, 14 марта — публикация первой книги «История Малакандской действующей армии: эпизод пограничной войны».

2 сентября — участие в сражении при Омдурмане в Судане.

1899, апрель — увольнение из армии и начало политической деятельности.

6 июля — поражение в первых выборах в парламент в избирательном округе Олдхэм.

6 ноября — выход в свет двухтомной книги «Речная война: история завоевания Судана».

15 ноября — попадание в плен к бурам неподалеку от Чивли, Южная Африка.

12 декабря — побег из тюрьмы в Претории.

1899, декабрь — 1900, июль — участие в Англо-бурской войне, публикация сборника военных обзоров «От Лондона до Ледисмита через

Преторию».

1900, 1 февраля — выход в свет романа «Саврола».

1 октября — избрание в парламент от избирательного округа Олдхэм.

16 октября — выход сборника военных обзоров «Поход Йена Гамильтона».

1901, 18 февраля — выступление с первой речью в парламенте.

1903, 20 апреля — выход первого сборника речей «Армия мистера Бродрика».

1904, 31 мая — смена партийной принадлежности с переходом в Либеральную партию.

1905, 13 декабря — назначение заместителем государственного секретаря по делам колоний в правительстве Генри Кэмпбелла-Баннермана.

1906, 2 февраля — выход двухтомной биографии «Лорд Рандольф Черчилль».

1907, 1 мая — избрание в Тайный совет Его Величества.

1908, 12 апреля — назначение председателем Совета по торговле (министром торговли) в правительстве Герберта Генри Асквита.

12 сентября — вступление в брак с Клементиной Хозье.

Декабрь — выход травелога «Мое африканское путешествие».

1909, 11 июля — появление на свет первого ребенка — дочери Дианы.

26 ноября — выход сборника речей «Либерализм и социальная проблема».

1910, 14 февраля — назначение государственным секретарем по внутренним делам (министром внутренних дел) в правительстве Герберта Генри Асквита

1911, 28 мая — появление на свет единственного сына Рандольфа.

24 октября — назначение первым лордом Адмиралтейства (военно-морским министром) в правительстве Герберта Генри Асквита.

1914, 3–6 октября — организация обороны Антверпена.

7 октября — появление на свет дочери Сары.

1915, 27 мая — отставка с поста первого лорда Адмиралтейства и назначение канцлером герцогства Ланкастерского.

2 июля — начало увлечения живописью в Хоу Фарм, графство Суррей.

11 ноября — отставка с поста канцлера герцогства Ланкастерского и отбытие на фронт во Францию.

20 ноября — назначение майором во 2-й батальон Гренадерского гвардейского полка.

1916, 1 января — повышение в звании до подполковника и назначение командующим 6-м батальоном Королевского Шотландского стрелкового

полка.

7 мая — увольнение из армии и возобновление политической деятельности в парламенте.

1917, 8 февраля — приобретение первого загородного дома Лалленден, на пересечении графств Суссекс, Кент и Суррей.

18 июля — назначение министром вооружений в коалиционном правительстве Дэвида Ллойд Джорджа.

1918, 29 июля — первая встреча с будущим президентом США Франклином Делано Рузвельтом в Грейс-Инн, Лондон.

15 ноября — появление на свет четвертого ребенка — дочери Мэриголд.

1919, 9 января — назначение государственным секретарем по военным делам и государственным секретарем по авиации (военным министром и министром авиации) в коалиционном правительстве Дэвида Ллойд Джорджа.

30 сентября — продажа поместья Лалленден генералу Йену Гамильтону.

1921, 14 февраля — назначение государственным секретарем по делам колоний в коалиционном правительстве Дэвида Ллойд Джорджа.

29 июня — кончина матери — леди Рандольф Черчилль.

23 августа — кончина дочери Мэриголд.

1922, 15 сентября — появление на свет пятого ребенка — дочери Мэри.

24 сентября — приобретение поместья Чартвелл, графство Кент.

15 ноября — поражение на выборах в Данди, исключение из состава парламента.

1923, апрель — 1931, ноябрь — выход в свет пятитомной истории Первой мировой войны — «Мировой кризис».

1923, 6 декабря — поражение на выборах в Западном Лестере.

1924, 19 марта — поражение на выборах в округе Вестминстерское аббатство.

29 октября — победа на выборах в Эппинге, возвращение в парламент.

7 ноября — назначение канцлером Казначейства (министром финансов) в правительстве Стэнли Болдуина.

1925, 28 апреля — представление первого бюджета с возвращением к золотому стандарту.

Октябрь — официальное возвращение в Консервативную партию.

1926, 5–13 мая — во время всеобщей забастовки создание и активное

участие в подготовке правительственного органа печати *The British Gazette*.

1928, 22–23 сентября — вступление в Объединенный союз строительных рабочих.

1929, 4 июня — отставка с поста канцлера Казначейства.

27 июня — избрание на церемониальную должность канцлера Бристольского университета.

1931, 27 января — выход из состава Теневого кабинета из-за разногласий по Индийскому вопросу.

27 мая — выход сборника речей «Индия».

13 декабря — получение травм в результате столкновения с автомобилем в Нью-Йорке.

1932, 10 ноября — выход сборника эссе «Мысли и приключения».

1933, октябрь — 1938, сентябрь — выход четырехтомной биографии «Мальборо: его жизнь и время».

1933, май — основание Лиги защиты Индии.

1934, март — призыв в парламенте к укреплению противовоздушной обороны Великобритании.

1935, 6 июля — назначение членом Подкомитета по исследованиям в области противовоздушной обороны Комитета имперской обороны.

1936, 2–11 декабря — поддержка Эдуарда VIII в монархическом кризисе, закончившемся отречением короля.

1937, 4 октября — выход сборника биографических эссе «Великие современники».

1938, 24 июня — выход сборника речей «Оружие и Устав».

5 октября — выступление в парламенте против подписанного в Мюнхене англо-франко-итало-немецкого соглашения.

1939, 27 июня — выход сборника статей «Шаг за шагом».

3 сентября — назначение первым лордом Адмиралтейства в правительстве Невилла Чемберлена.

1940, 10 мая — назначение премьер-министром и министром обороны.

13 мая — первое выступление на посту премьер-министра с обещанием «крови, труда, слез и пота».

4 июня — выступление в парламенте с заявлением о том, что «мы никогда не сдадимся».

18 июня — выступление в парламенте с заявлением о том, что «если Содружество наций и империя просуществуют еще тысячу лет, люди скажут: „Это был их звездный час“».

9 октября — назначение лидером Консервативной партии.

1941, 10–12 августа — первая военная конференция с Ф. Рузвельтом

на военно-морской базе Арджентиа, Ньюфаундленд.

1941, 22 декабря — 1942, 14 января — участие в конференции с Ф. Рузвельтом в Вашингтоне.

1942, 27 января — победа в вотуме доверия британскому правительству.

17–25 июня — участие во второй конференции в Вашингтоне с Ф. Рузвельтом.

2 июля — сохранение поста премьер-министра во время вотума недоверия.

4–10 августа — посещение Каира и принятие решения о назначении новых руководителей командования на Среднем Востоке.

12–15 августа — первое посещение Москвы, переговоры с И. В. Сталиным.

1943, 14–24 января — участие в конференции в Касабланке с Ф. Рузвельтом и присоединившимся к ним после начала конференции Ш. де Голлем.

30 января — встреча в Адане с президентом Турции Исметом Инёню.

12–25 мая — участие в третьей Вашингтонской конференции, обсуждение вопроса сотрудничества в разработке атомной бомбы.

14–24 августа — участие в конференции с Ф. Рузвельтом в Квебеке.

6 сентября — присуждение звания почетного доктора Гарвардского университета.

22–26 ноября — участие в конференции в Каире с Ф. Рузвельтом и Чан-Кайши.

28 ноября — 1 декабря — участие в первой конференции «Большой тройки», Тегеран.

13–17 декабря — резкое ухудшение здоровья — воспаление легких и сердечные приступы, Карфаген, Тунис.

1944, 12 июня — высадка с войсками союзников на побережье Нормандии.

1 августа — встреча с И. Броз Тито в Неаполе.

11–17 сентября — участие во второй конференции в Квебеке с Ф. Рузвельтом.

9–19 октября — второе посещение Москвы, переговоры с И. В. Сталиным.

11 ноября — участие с Ш. де Голлем в торжественной церемонии возложения венков на Могилу Неизвестного Солдата у Триумфальной арки в Париже.

1945, 3–5 января — переговоры с Эйзенхауэром и де Голлем в Париже.

30 января — 2 февраля — участие с Ф. Рузвельтом в конференции на Мальте.

4–11 февраля — участие во второй конференции «Большой тройки» в Ялте.

23 мая — формирование правительства переходного периода.

17–25 июля — участие в третьей конференции «Большой тройки» в Потсдаме.

26 июля — отставка с постов премьер-министра и министра обороны после поражения Консервативной партии на всеобщих выборах.

1946, 5 марта — выступление в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури) с речью «Мускулы мира», использование знаменитого выражения «железный занавес».

1948 — за «постоянное служение Королевству и его людям, а также личные достижения в искусстве живописи» избрание почетным членом Королевской академии художеств.

1948–1953 — выход шести томов мемуаров «Вторая мировая война».

1948, 7–10 мая — участие в Конгрессе Европы в Гааге, призыв к созданию объединенной Европы.

Декабрь — выход эссе «Живопись как времяпрепровождение» в виде отдельной книги.

1949, 17 августа — выступление на первом заседании Совета Европы в Страсбурге.

Август — ухудшение здоровья на вилле Бивербрука на юге Франции, первый инсульт.

1951, 26 октября — назначение премьер-министром, впервые в результате победы на всеобщих выборах.

1953, 5–9 января — посещение США, переговоры с Г. Трумэном и Д. Эйзенхауэром.

23 апреля — принятие высшей награды Королевства — ордена Подвязки, посвящение в рыцари.

2 июня — участие в церемонии коронации королевы Елизаветы II.

23 июня — резкое ухудшение здоровья после очередного инсульта.

10 декабря — присвоение Нобелевской премии по литературе, участие в торжественной церемонии приняла супруга Клементина.

1954, 30 ноября — торжественное празднование 80-летнего юбилея в Вестминстерском зале.

1955, 28 марта — последнее выступление в Палате общин.

5 апреля — отставка с поста премьер-министра.

1956, апрель — 1958, март — выход в свет последнего произведения

— четырехтомной «Истории англоязычных народов».

1958, 22 сентября — 10 октября — участие в первом из восьми круизов на яхте А. Онассиса *Christina O.*

1959, 7 января — 17 февраля — последнее посещение Марракеша.

5 февраля — выход однотомной версии военных мемуаров, дополненной эпилогом с авторскими размышлениями о периоде 1945–1957 годов.

Октябрь — торжественное открытие Колледжа Черчилля в Кембридже.

1961, 27 апреля — выход последнего сборника речей «Неписанный альянс».

Август — последнее посещение США на борту яхты *Christina O.*

1963, 9 апреля — присуждение почетного гражданства США.

19 октября — кончина дочери Дианы.

1964, 28 июля — последнее посещение Палаты общин.

1965, 24 января — кончина в доме 27–28 по Гайд-парк-гейт, Лондон.

30 января — государственные похороны, захоронение на церковном кладбище Блэдон.

1977, 12 декабря — кончина Клементины Черчилль на 93-м году жизни.

Литература

Русскоязычные издания

Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941 / Сокр. пер. с англ. Г. Я. Коблова, Е. Б. Пескова. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 — август 1942 / Сокр. пер. с англ. В. В. Капалкина, О. Л. Киценко. М.: Воениздат, 1967.

Бедарида Ф. Черчилль / Пер. с фр. Е. Н. Юдиной. М.: Молодая гвардия, 2003.

Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943 / Пер. с англ. Ю. А. Неподаева, Б. И. Павлова, Ю. М. Щебенкова. М.: Воениздат, 1980.

Джонсон П. Черчилль / Пер. с англ. А. Глушаковой. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014.

Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Милюков против Советской России. М.: Наука, 1989.

Золотарев В. А. (ред.). Холодная война. Т. 2. От Потсдама до Мальты. М.: Институт экономических стратегий, 2014.

История российской внешней разведки. В 6 т. М.: Международные отношения, 2014.

Кингстон-Макклори Э. Дж. Руководство войной. Анализ роли политического руководства и высшего военного командования / Пер. с англ. Н. П. Павлова, Е. М. Михайлова. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

Людвиг Э. Судьба короля Эдуарда / Пер. с фр. Л. Н. Токарева. М.: Б. С. Г.-ПРЕСС, 2007.

Манчестер У., Рейд П. Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. Вершина политической карьеры. 1940–1965 / Пер. с англ. Г. В. Максимюк. М.: Центрполиграф, 2016.

Мартин Р. Леди Рандольф Черчилль / Пер. с англ. Е. Ф. Левиной, Т. Л. Черезовой. М.: Захаров, 1998.

Медведев Д. Л. Рули как Черчилль. Уроки лидерства, управления и власти. М.: РИПОЛ классик, 2020.

Медведев Д. Л. Черчилль. Биография. Оратор. Историк. Публицист. Амбициозное начало. 1874–1929. М.: РИПОЛ классик, 2016.

Медведев Д. Л. Уинстон Черчилль. Оратор. Историк. Публицист. Против течения. 1929–1939. М.: РИПОЛ классик, 2017.

Медведев Д. Л. Уинстон Черчилль. Личность и власть. 1939–1965. М.: РИПОЛ классик, 2020.

Некрич А. М. Внешняя политика Англии в годы второй мировой войны (1939–1941). М.: Издательство АН СССР, 1963.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Сборник / Пер. с исп. М.: АСТ, 2002.

Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941–1945. М.: Наука, 2004.

Роскилл С. Флот и война. Т. 1 / Сокр. пер. с англ. И. Енгеева, А. Ковалева, В. Пивоварова. М.: Военное издательство, 1967.

Роуз Н. Черчилль: бурная жизнь / Пер. с англ. Е. Ф. Левиной. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. 3-е изд. М.: Международные отношения, 1982.

Уткин А. И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ, 2008.

Уткин А. И. СССР в осаде. М.: Эксмо; Алгоритм, 2010.

Уткин А. И. Уинстон Черчилль. М.: Эксмо, 2002.

Фалин В. М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М.: Центрполиграф, 2000.

Чаплин Ч. Моя биография. М.: Вагриус, 2000.

Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 1–6 / Пер. с англ., под ред. А. Орлова. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1997.

Черчилль У. С. Индия, Судан, Южная Африка. Походы британской армии 1897–1900 / Пер. с англ. А. Никитина, С. Жданова. М.: Эксмо, 2004.

Черчилль У. С. История англоязычных народов / Пер. с англ. Т. 1–4. Екатеринбург: Гонзо, 2012.

Черчилль У. С. Мировой кризис. Автобиография. Речи / Пер. с англ. В. Чухно, А. Боченкова. М.: Эксмо, 2003.

Черчилль У. С. Мировой кризис. Восточный фронт / Пер. с англ. М. Шарова. М.: Принципиум, 2014.

Черчилль У. С. Мировой кризис. Часть I: 1911–1914 годы / Пер. с англ. О. Дьяконова, О. Поборцевой. М.: Принципиум, 2014.

Черчилль У. С. Мировой кризис. Часть II: 1915 год / Пер. с англ. О. Поборцевой, Т. Камышниковой. М.: Принципиум, 2015.

Черчилль У. С. Мировой кризис. Часть III: 1916–1918 годы. Кн. 1–2 /

Пер. с англ. О. Дьяконова, Н. Тимошенко. М.: Принципиум, 2015.

Черчилль У. С. Мои великие современники / Пер. с англ. С. Струкова. М.: Захаров, 2011.

Черчилль У. С. Мои ранние годы: 1874–1904 / Пер. с англ. Е. Осеневой, В. Харитоновой. М.: Издательство КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2011.

Черчилль У. С. Мускулы мира / Пер. с англ. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

Черчилль У. С. Саврола / Пер. с англ. З. Вольской. М.: Алгоритм, 2012.

Черчилль У. С. (ред.). Никогда не сдаваться. Лучшие речи Черчилля. Речи отобраны и отредактированы его внуком Уинстоном Черчиллем / Пер. с англ. С. Чернина. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

Англоязычные издания

Официальная биография Уинстона Спенсера Черчилля

Основные тома

Churchill R. S. Winston S. Churchill: Youth. Vol. I. L.: William Heinemann, 1966.

Churchill R. S. Winston S. Churchill: Young Statesman. Vol. II. L.: William Heinemann, 1967.

Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. III. L.: William Heinemann, 1971.

Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. L.: William Heinemann, 1975.

Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. V. L.: William Heinemann, 1976.

Gilbert M. Winston S. Churchill: Finest Hour. Vol. VI. L.: William Heinemann, 1983.

Gilbert M. Winston S. Churchill: Road to Victory. Vol. VII. L.: William Heinemann, 1986.

Gilbert M. Winston S. Churchill: Never Give In. Vol. VIII. L.: William Heinemann, 1988.

Сборники документов

Churchill R. S. The Churchill Documents: Youth, 1874–1896. Vol. 1. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2006.

Churchill R. S. The Churchill Documents: Young Soldier, 1896–1901. Vol. 2. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2006.

Churchill R. S. The Churchill Documents: Early years in politics, 1901–1907. Vol. 3. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2007.

Churchill R. S. The Churchill Documents: Minister of the Crown, 1907–1911. Vol. 4. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2007.

Churchill R. S. The Churchill Documents: At the Admiralty, 1911–1914.

Vol. 5. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2007.

Gilbert M. The Churchill Documents: At the Admiralty, July 1914 — April 1915. Vol. 6. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2008.

Gilbert M. The Churchill Documents: *Escaped Scapegoat*, May 1915 — December 1916. Vol. 7. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2008.

Gilbert M. The Churchill Documents: War and Aftermath, December 1916 — June 1919. Vol. 8. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2008.

Gilbert M. The Churchill Documents: Disruption and Chaos, July 1919 — March 1921. Vol. 9. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2008.

Gilbert M. The Churchill Documents: Conciliation and Reconstruction, April 1921 — November 1922. Vol. 10. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2008.

Gilbert M. The Churchill Documents: The Exchequer Years, 1922–1929. Vol. 11. — Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2009.

Gilbert M. The Churchill Documents: The Wilderness Years, 1929–1935. Vol. 12. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2009.

Gilbert M. The Churchill Documents: The Coming of War, 1935–1939. Vol. 13. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2009.

Gilbert M. The Churchill Documents: At the Admiralty, September 1939 — May 1940. Vol. 14. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2011.

Gilbert M. The Churchill Documents: Never Surrender, May 1940 — December 1940. Vol. 15. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2011.

Gilbert M. The Churchill Documents: The Ever-Widening War, 1941. Vol. 16. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2011.

Gilbert M. The Churchill Documents: Testing Times, 1942. Vol. 17. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2014.

Gilbert M., Arnn L. (eds.). The Churchill Documents: One Continent Redeemed, January — August 1943. Vol. 18. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2015.

Gilbert M., Arnn L. (eds.). The Churchill Documents: Fateful Questions, September 1943 to April 1944. Vol. 19. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2017.

Gilbert M., Arnn L. (eds.). The Churchill Documents: Normandy and Beyond, May — December 1944. Vol. 20. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2018.

Gilbert M., Arnn L. (eds.). The Churchill Documents: The Shadows of Victory: January — July 1945. Vol. 21. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2018.

Gilbert M., Arnn L. (eds.). The Churchill Documents: Leader of the

Opposition, August 1945 to October 1951. Vol. 22. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2019.

Gilbert M., Arnn L. (eds.). The Churchill Documents: Never Flinch, Never Weary, November 1951 to February 1965. Vol. 23. Hillsdale, Michigan: Hillsdale College Press, 2019.

Сочинения Уинстона Черчилля

Churchill R. S. (ed.). Arms and the Covenant. L.: George G. Harrap and Company, 1938.

Churchill R. S. (ed.). Europe Unite. L.: Cassell, 1950.

Churchill R. S. (ed.). In the Balance. L.: Cassell, 1951.

Churchill R. S. (ed.). Stemming the Tide. Boston: Houghton Mifflin, 1954.

Churchill R. S. (ed.). The Sinews of Peace. L.: Cassell, 1948.

Churchill R. S. (ed.). The Unwritten Alliance. L.: Cassell, 1961.

Churchill W. S. A History of the English-Speaking Peoples; Vol. I–IV. L.: Cassell, 2002.

Churchill W. S., Churchill R. S. Blood, Sweat, and Tears. N. Y.: G. P. Putman's Son, 1941.

Churchill W. S. Frontiers and Wars: His Four Early Works Covered His Life as Soldier and War Correspondent Edited in One Volume. N. Y.: Harcourt, Brace & World, Inc., 1962.

Churchill W. S. Great Contemporaries: Churchill Reflects on FDR, Hitler, Kipling, Chaplin, Balfour and Other Giants of His Age. Wilmington, Delaware: ISI Books, 2012.

Churchill W. S. Ian Hamilton's March. L.: Longmans, Green and Company, 1900.

Churchill W. S. Liberalism and Social Problem. L.: Hodder and Stoughton, 1909.

Churchill W. S. London to Ladysmith via Pretoria. L.: Longmans, Green and Company, 1900.

Churchill W. S. Lord Randolph Churchill; Vol. I–II. L.: Macmillan, 1906.

Churchill W. S. Marlborough: His Life and Times; Book I–II (Vol. I–IV). — Chicago: The University of Chicago Press, 2002.

Churchill W. S. Memoirs of the Second World War. Boston: Houghton Mifflin, 1987.

Churchill W. S. My African Journey. Toronto: William Briggs, 1909.

Churchill W. S. My Early Life. L.: Eland, 2002.

Churchill W. S. Onwards to Victory. Boston: Little, Brown and Co., 1944.

Churchill W. S. Painting as Pastime. N. Y.: Whittlesey House, 1950.

Churchill W. S. Savrola: A Tale of the Revolution in Laurania. L.:

Longmans, Green and Company, 1900.

Churchill W. S. Step by Step. L.: Odhams, 1947.

Churchill W. S. The Dawn of Liberation. L.: Cassell, 1945.

Churchill W. S. The End of the Beginning. Boston: Little, Brown and Co., 1943.

Churchill W. S. The River War. An Historical Account of the Reconquest of the Soudan; Vol. I–II. L.: Longmans, Green and Company, 1899.

Churchill W. S. The Story of the Malakand Field Force. L.: Longmans, Green and Company, 1898.

Churchill W. S. The Second World War; Vol. I. L.: Cassell, 1948; Vol. II–VI. L.: Penguin Books, 2005.

Churchill W. S. The World Crisis; Vol. I–V. L.: Thornton Butterworth, 1923–1931.

Churchill W. S. The World Crisis 1911–1918. L.: Penguin Books, 2007.

Churchill W. S. Thoughts and Adventures. Wilmington, Delaware: ISI Books, 2009.

Другие книги

Addison P. Churchill on the Home Front 1900–1955. L.: Pimlico, 1993.

Addison P. Churchill the Unexpected Hero. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Alkon P. K. Winston Churchill's Imagination. Lewisburg, Pennsylvania: Bucknell University Press, 2008.

Ashley M. Churchill as Historian. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1968.

Asquith H. H. Memoirs and Recollection; Vol. I–II. L.: Cassell, 1928.

Asquith M. An Autobiography; Vol. I–IV. N. Y.: George H. Doran Company, 1920, 1922.

Atkins J. B. Relief of Ladysmith. L.: Methuen, 1900.

Attlee C. R. As It Happened. L.: William Heinemann, 1954.

Baring M. The Puppet Show of Memory. L.: William Heinemann, 1922.

Bell C. M. Churchill and Sea Power. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Berlin I. Mr Churchill in 1940. L.: John Murray, 1965.

Best G. Churchill: A Study in Greatness. L.: Penguin Books, 2002.

Bibesco M. Sir Winston Churchill: Master of Courage; Translated from the French by V. Kean. N. Y.: The John Day Company, 1959.

Bonham Carter V. Winston Churchill as I knew Him. L.: Collins Clear-Type Press, 1965.

Brooke A. War Diaries 1939–1945. L.: Phoenix Press, 2002.

Browne A. M. The Long Sunset: Memoirs of Winston Churchill's Last

Private Secretary. L.: Cassell, 1995.

Buczacki S. Churchill and Chartwell. The Untold Story of Churchill's Houses and Gardens. L.: Frances Lincoln, 2007.

Butcher H. C. My Three Years with Eisenhower. L.: William Heinemann, 1946.

Churchill S. S. A Thread in the Tapestry. L.: Andre Deutsch, 1967.

Churchill W. S. (ed.). Winston Churchill's Speeches. Never give in! Selected and Edited by His Grandson Winston S. Churchill. L.: Pimlico, 2006.

Clarke P. Mr Churchill's Profession. Statesman, Orator, Writer. L.: Bloomsbury, 2013.

Colville J. Churchillians. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1981.

Colville J. The Fringes of Power: The Incredible Inside Story of Winston Churchill During World War II. — Guilford, Connecticut: The Lyons Press, 2002.

Coombs D., Churchill M. Sir Winston Churchill's Life Through his Paintings. L.: Chaucer Press, 2003.

Cornwallis-West G. The Reminiscences of Lady Randolph Churchill. N. Y.: The Century, 1908.

Coote C. R. A Churchill Reader: The Wit and Wisdom of Sir Winston Churchill. Cambridge: The Riverside Press, 1954.

Cowles V. Winston Churchill: The Era and the Man. N. Y.: Harper and Brothers, 1953.

Dilkes D. (ed.). The Diaries of Sir Alexander Cadogan. L.: Cassell, 1971.

Eade C. (ed.). Churchill by his Contemporaries. L.: Reprint Society, 1955.

Eade C. (ed.). The War Speeches of the Rt. Hon. Winston S. Churchill. Vol. I–III. L.: Cassell, 1951.

Eden R. A. The Eden Memoirs. The Reckoning. L.: Cassell, 1965.

Eisenhower D. D. Crusade in Europe. L.: William Heinemann, 1948.

Farmelo G. Churchill's Bomb: A Hidden History of Science, War and Politics. L.: Faber and Faber, 2013.

Feske V. From Belloc to Churchill: Private Scholars, Public Culture, and the Crisis of British Liberalism, 1900–1939. Chapel Hill, NC.: University of North Carolina Press, 1996.

Fishman J. My Darling Clementine: The Story of Lady Churchill. N. Y.: David McKay Company, 1963.

Freudenberg G. Churchill and Australia. Sydney: Pan Macmillan Australia, 2008.

Gardiner A. G. Pillars of Society. L.: James Nisbet and Company, 1915.

Gardiner A. G. Prophets, Priests and Kings. L.: J. M. Dent and Sons, 1914.

- Gilbert M. Churchill: A Life.* L.: Pimlico, 2000.
- Gilbert M. Churchill: The Wilderness Years.* Boston: Houghton Mifflin, 1982.
- Gilbert M. In Search of Churchill.* L.: Harper Collins Publishers, 1995.
- Gilbert M. (ed.). Winston Churchill and Emery Reves: Correspondence 1937–1964.* Austin, TX.: University of Texas Press, 1997.
- Graebner W. My Dear Mr. Churchill.* Cambridge, Massachusetts: The Riverside Press, 1965.
- Gretton P. Winston Churchill and the Royal Navy.* NY.: Coward-McCann, 1968.
- Guedalla P. Mr. Churchill.* NY.: Reynal and Hitchcock, 1942.
- Harbutt F. J. The Iron Curtain. Churchill, America, and the Origins of the Cold War.* Oxford: Oxford University Press, 1988.
- Hart-Davis D. (ed). King's Counsellor.* L.: Weidenfeld and Nicolson, 2006.
- Hastings M. Finest Years. Churchill as Warlord 1940–45.* L.: HarperPress, 2010.
- Halle K. The Irrepressible Churchill: Stories, Sayings and Impressions of Sir Winston Churchill.* L.: Robson Books, 1985.
- Harvey J. (ed.). The War Diaries of Oliver Harvey.* L.: Collins, 1978.
- Hermiston R. All Behind You, Winston. Churchill's Great Coalition 1940–45.* — L.: Aurum Press, 2016.
- Hill C. Cabinet Decisions on Foreign Policy. The British Experience October 1938 — June 1941.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hinsley F. H. British Intelligence in the Second World War. Its Influence on Strategy and Operations. Vol. 1.* L.: HMSO, 1979.
- Holley D. Churchill's Literary Allusions. An Index to the Education of a Soldier, Statesman and Litterateur.* — Jefferson, North Carolina: McFarland and Company, 1987.
- Ismay H. The Memoirs of General the Lord Ismay.* L.: Heinemann, 1960.
- Jablonsky D. Churchill: The Great Game and Total War.* L.: Routledge, 1991.
- James R. R. Anthony Eden.* L.: Weidenfeld and Nicolson, 1986.
- Jefferys K. The Churchill Coalition and Wartime Politics, 1940–1945.* Manchester and N. Y.: Manchester University Press, 1991.
- Jenkins R. Churchill.* L.: Pan Books, 2002.
- Johnson B. The Churchill Factor.* L.: Hodder and Stoughton, 2015.
- Keegan J. (ed.). Churchill's Generals.* N. Y.: Grove Weidenfeld, 1991.
- Kersaudy F. Churchill and De Gaulle.* N. Y.: Atheneum, 1982.
- Kiszely J. Anatomy of a Campaign. The British Fiasco in Norway, 1940.*

Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Langworth R. M. (ed.). *Churchill by Himself*. L.: Ebury Press, 2008.

Lavery J. *The Life of Painter*. L.: Cassell, 1940.

Lawlor S. *Churchill and the Politics of War*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Leslie S. *The End of a Chapter*. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1919.

Longford E. *Winston Churchill*. L.: Sidgwick and Jackson, 1974.

Lovell M. S. *The Churchills: A Family at the Heart of History — from the Duke of Marlborough to Winston Churchill*. L.: Little, Brown, 2011.

Lucy H. W. *The Balfourian Parliament 1900–1905*. L.: Hodder and Stoughton, 1906.

Lukacs J. *Churchill: Visionary. Statesman. Historian*. New Haven & L.: Yale University Press, 2003.

Lukacs J. *Five Days in London*. Yale: Yale Nora Bene, 2001.

MacCallum Scott A. *Winston Churchill in Peace and War*. L.: George Newnes, 1916.

MacCallum Scott A. *Winston Spencer Churchill*. L.: Methuen and Company, 1905.

Macmillan H. *The Tides of Fortune, 1945–1955*. L.: Macmillan, 1969.

Macmillan H. *War Diaries. Politics and War in the Mediterranean. January 1943 — May 1945*. L.: Macmillan, 1984.

Manchester W. *The Last Lion: Winston Spencer Churchill; Visions of Glory: 1874–1932*. N. Y.: Dell Publishing, 1989.

Manchester W. *The Last Lion: Winston Spencer Churchill; Alone: 1932–1940*. N. Y.: Dell Publishing, 1989.

Marder A. J. *From Dreadnought to Scapa Flow. Vol. I. The Road to War 1904–1914*. L.: Oxford University Press, 1961.

Marder A. J. *From the Dardanelles to Oran. Studies of the Royal Navy in War and Peace 1915–1940*. Barnsley: Seaforth Publishing, Pen & Sword Books, 2015.

Marsh E. *A Number of People: A Book of Reminiscences*. N. Y.: Harper and Brothers, 1939.

Massie R. K. *Dreadnought: Britain, Germany, and the Coming of the Great War*. N. Y.: Random House, 1991.

Maurer J. H. (ed.). *Churchill and Strategic Dilemmas Before the World Wars*. L.: Frank Cass Publishers, 2003.

McGinty S. *Churchill's Cigars*. L.: Macmillan, 2007.

McGowan N. *My Years with Churchill*. N. Y.: British Book Centre, 1958.

Mendelssohn P. *The Age of Churchill: Heritage and Adventure, 1874–1911*.

L.: Thames and Hudson, 1961.

Montgomery B. *Memoirs*. N. Y.: Signet Books, 1959.

Moran C. *Churchill at War 1940–45*. L.: Robinson, 2002.

Moran C. *Churchill. The Struggle for Survival 1945–60*. L.: Robinson, 2006.

Muller J. W. (ed.). *Churchill's Iron Curtain Speech Fifty Years Later*. Columbia, Missouri: University of Missouri Press, 1999.

Nel E. *Winston Churchill by his Personal Secretary: Recollections of The Great Man by A Woman Who Worked for Him throughout the crucial war years from 1941 to 1945*. — Lincoln: Universe, 2007.

Nicolson N. (ed.). *Harold Nicolson, Diaries and Letters 1939–1945*. L.: Collins, 1967.

Nicolson N. (ed.). *Harold Nicolson, Diaries and Letters 1945–1962*. L.: Fontana Books, 1971.

Pelling H. *Winston Churchill*. Ware: Wordsworth Editions Limited, 1999.

Prior R. *Churchill's World Crisis as History*. L.: Croom Helm, 1983.

Ramsden J. *Man of the Century: Winston Churchill and His Legend since 1945*. L.: Harper Collins Publishers, 2003.

Repington C. *The First World War 1914–1918. Personal Experiences; Vol. I–II*. L.: Constable and Company, 1920.

Reynolds D. *From World War to Cold War. Churchill, Roosevelt and the International History of the 1940s*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Reynolds D. *In Command of History. Churchill Fighting and Writing the Second World War*. L.: Penguin Books, 2005.

Roberts A. *Hitler and Churchill: Secrets of Leadership*. L.: Phoenix, 2004.

Rosebery A. P. *Lord Randolph Churchill*. L.: Arthur L. Humphreys, 1906.

Rose J. *The Literary Churchill: Author, Reader, Actor*. — New Haven: Yale University Press, 2014.

Roskill S. W. *Churchill and the Admirals*. Barnsley, South Yorkshire: Pen and Sword Books, 2004.

Rowse A. L. *The Later Churchills*. L.: Macmillan, 1958.

Rubin G. *Forty Ways to Look at Winston Churchill*. N. Y.: Ballantine Books, 2003.

Russell D. S. *Winston Churchill, Soldier: The Military Life of a Gentleman at War*. L.: Brassey's, 2005.

Sandys C. *Chasing Churchill. The Travels of Winston Churchill*. L.: Harper Collins Publisher, 2004.

Sandys C. *Churchill Wanted Dead or Alive*. L.: Harper Collins Publishers, 2000.

Sandys C. From Winston with Love and Kisses. The Young Churchill. — Texas: Texas A&M University Press, 2013.

Sebba A. American Jennie. The Remarkable Life of Lady Randolph Churchill. NY.: W. W. Norton and Company, 2007.

Schoenfeld M. P. The War Ministry of Winston Churchill. Ames, Iowa: The Iowa State University Press, 1972.

Seligmann M. S. Rum, Sodomy, Prayers, and the Lash Revisited. Winston Churchill and Social Reform in the Royal Navy, 1900–1915. Oxford: Oxford University Press, 2018.

Shelden M. Young Titan. The Making of Winston Churchill. L.: Simon and Schuster, 2013.

Singer B. Churchill Style. The Art of Being Winston Churchill. N. Y.: Abrams Image, 2012.

Smalley G. W. Anglo-American Memories. Second Series. L.: G. P. Putman's Sons, 1912.

Soames M. A Daughter's Tale. L.: Transworld Publishers, 2012.

Soames M. Clementine Churchill: The Biography of a Marriage. N. Y.: Mariner Books, 2003.

Soames M. Winston and Clementine: The Personal Letters of the Churchills. N. Y.: Mariner Books, 2001.

Soames M. Winston Churchill. His Life as a Painter. L.: Harper Collins Publishers, 1990.

Spears L. Assignment to Catastrophe. Vol. 1. Prelude to Dunkirk. L.: Heinemann, 1954.

Stafford D. Churchill and Secret Service. L.: Abacus, 2007.

Stansky P. Churchill: A Profile. L.: Macmillan, 1973.

Thompson W. H. Assignment: Churchill. N. Y.: Farrar, Straus and Young, 1955.

Thompson W. H. Beside the Bulldog: The Intimate Memoirs of Churchill's Bodyguard. L.: Apollo Publishing, 2003.

Thompson W. H. I was Churchill's Shadow. L.: Christopher Johnson, 1951.

Thompson W. H. Sixty Minutes with Winston Churchill. L.: Christopher Johnson, 1953.

Tolppanen B. P. Churchill in North America, 1929. A Three Month Tour of Canada and the United States. Jefferson, North Carolina: McFarland and Company, 2014.

Toye R. The Roar of the Lion. The Untold Story of Churchill's World War II Speeches. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Weidhorn M. A Harmony of Interests: Explorations in the Mind of Sir

Winston Churchill. L.: Associated University Press, 1992.

Weidhorn M. Sword and Pen: A Survey of the Writings of Sir Winston Churchill. — Albuquerque: University of New Mexico Press, 1974.

Wheeler-Bennett J. (ed.). Action this Day: Working with Churchill. L.: Macmillan, 1968.

Wolff M. (ed.). The Collected Essays of Sir Winston Churchill. Vol. IV. L.: Library of Imperial History, 1975.

Woods F. (ed.). Young Winston's Wars: The Original Despatches of Winston S. Churchill, War Correspondent 1897–1900. L.: Cooper, 1972.

Young K. Churchill and Beaverbrook. L.: Eyre and Spottiswoode, 1966.

Статьи и эссе

Alberigi M. Churchill as Painter. The Artist and His Critics // *Finest Hour*. № 85. P. 28–31.

Alkon P. K. Democracy in the Age of Information // *Finest Hour*. № 146. P. 56–57.

Alkon P. K. Future Shock? The Contingency of What Lies Ahead // *Finest Hour*. № 149. P. 59–61.

Alkon P. K. Future Shock: Weapons of Mass Destruction // *Finest Hour*. № 148. P. 50–52.

Alkon P. K. Churchill on Clemenceau: His Best Student? Part 1 // *Finest Hour*. № 150. P. 16–19.

Alkon P. K. Churchill on Clemenceau: His Best Student? Part 2 // *Finest Hour*. № 151. P. 38–42.

Alkon P. K. Imagining Scenarios // *Finest Hour*. № 119. P. 36–41.

Alkon P. K. The Writing of *Seven Pillars* // *Finest Hour*. № 119. P. 30–31.

Alkon P. K. *Thoughts and Adventures: A Reader's Guide* // *Finest Hour*. № 148. P. 59–62.

Arndt H. W. The Wizard and the Pragmatist: Keynes and Churchill // *Finest Hour*. № 153. P. 20–25.

Banta J. V. Churchill's Shoulder: What If...? // *Finest Hour*. № 134. P. 40–41.

Bell C. M. The *Singapore Strategy* and the Deterrence of Japan: Winston Churchill, the Admiralty and the Dispatch of Force Z // *The English Historical Review*. Vol. 116. № 467. June 2001. P. 604–634.

Bingham E., Bingham H. Schooldays. Young Winston's Mr. Somervell // *Finest Hour*. № 86. P. 20–22.

Bliven N. The Early Churchill: He Doesn't Understand Surrender // *Finest Hour*. № 67. P. 28–30.

Breckenridge C. The Myth of the «Black Dog» // *Finest Hour*. № 155. P.

28–31.

Broster P. Dentures' Finest Hour // Finest Hour. № 138. P. 11–12.

Brown R. The Burden of Statesmanship: Churchill as Chancellor // Finest Hour. № 153. P. 12–19.

Callahan R. A. The Leader as Imperialist: Churchill and the King's Other Army // Finest Hour. № 158. P. 25–27.

Chenoweth E. L. All the World's a Stage: Churchill and the Theatre // Finest Hour. № 152. P. 40–43.

Churchill W. S. A King is Crowned // Collier's. 1937. May 15. P. 12–13, 57.

Churchill W. S. Are We Too Clever? // Collier's. 1932. August 27. P. 10–11, 48.

Churchill W. S. Bombs Don't Scare Us Now // Collier's. 1939. June 17. P. 11, 56–58.

Churchill W. S. Can America Keep Out of War // Collier's. 1937. October 2. P. 14–15, 38–39.

Churchill W. S. Defense in the Pacific // Collier's. 1932. December 17. P. 12–13, 30.

Churchill W. S. Dictators on Dynamite // Collier's. 1938. September 3. P. 14, 17, 26.

Churchill W. S. Edward the Eighth // Collier's. 1937. June 5. P. 27, 39.

Churchill W. S. England's No Man // Collier's. October 14. 1937. P. 18, 79–81.

Churchill W. S. Everybody's Language // Finest Hour. № 142. P. 22–26.

Churchill W. S. How We Can Restore the Lost Glory to Democracy // Finest Hour. № 146. P. 12–15.

Churchill W. S. How We Carry Liquor // Collier's. 1934. August 25. P. 10–11, 38.

Churchill W. S. If I lived my Life over // Collier's. 1931. April 4. P. 12, 47, 50.

Churchill W. S. If Lee Had Not Won the Battle of Gettysburg // Scribners. December, 1930. P. 587–596.

Churchill W. S. Japan Guesses Wrong // Collier's. 1937. July 30. P. 12–13, 45.

Churchill W. S. Land of Corn and Lobsters // Collier's. 1933. August 5. P. 16–17, 45.

Churchill W. S. Let the Tyrant Criminals Bomb! // Collier's. 1939. January 14. P. 12–13, 36.

Churchill W. S. My Happy Days in the Wet Bahamas // Finest Hour. № 145. P. 14–17.

- Churchill W. S. My Life // Finest Hour. № 166. P. 20–21.*
- Churchill W. S. My New York Misadventure // Finest Hour. № 136. P. 24–28.*
- Churchill W. S. Nature's Panorama in California // Finest Hour. № 142. P. 28–32.*
- Churchill W. S. Now or Never // Collier's. 1939. June 3. P. 9–10, 53.*
- Churchill W. S. Panic in the East // Collier's. May 3. 1930. P. 10–11, 55–56.*
- Churchill W. S. Philosophers and Friends // Collier's. February 7. 1931. P. 22–23, 60.*
- Churchill W. S. Soapbox Messiahs // Collier's. June 20. 1936. P. 11, 44, 46.*
- Churchill W. S. Success in Journalism // Finest Hour. № 159. P. 32–33.*
- Churchill W. S. The Bond Between Us // Collier's. 1933. November 4. P. 12–13.*
- Churchill W. S. The Colony Racket // Collier's. 1938. November 19. P. 11–12, 41–42.*
- Churchill W. S. The Infernal Twins // Collier's. 1937. July 3. P. 12–13, 28.*
- Churchill W. S. The Mission of Japan // Collier's. 1937. February 20. P. 12–13, 42, 44.*
- Churchill W. S. The Shattered Cause of Temperance // Collier's. 1932. August 13. P. 20–21. 48.*
- Churchill W. S. The United States of Europe // Finest Hour. № 129. P. 42–45. № 130. P. 45–47.*
- Churchill W. S. What Good's a Constitution // Collier's. 1936. August 22. P. 22, 39–40.*
- Churchill W. S. Who'll Pay the Jobless? // Collier's. 1933. February 25. P. 10–11, 32.*
- Churchill W. S. Why Not Dictatorship? // Collier's. 1935. February 16. P. 14, 26.*
- Churchill W. S. You Get It in Black and White // Collier's. 1935. December 28. P. 32, 36–37.*
- Churchill W. S. Churchill's American Heritage // Finest Hour. № 104. P. 23–24.*
- Churchill W. S. Winston Churchill, Author and Historian // Finest Hour. № 106. P. 24–25.*
- Colville J. Churchill's England: He had No Use For Second Best // Finest Hour. № 41. P. 6–8.*
- Coombs D. Charles Morin and the Search for Churchill's *Nom de Palette* // Finest Hour. № 148. P. 31–35.*
- Croft R. Churchill's Final Farewell: The State and Private Funeral of Sir*

Winston Churchill // *Finest Hour*. № 166. P. 9–11.

Danchev A. Dilly-Dally, or Having the Last Word: Field Marshal Sir John Dill and Prime Minister Winston Churchill // Journal of Contemporary History. Vol. 22. 1987. P. 21–44.

Daniels J. Churchill's Spencer Ancestry of Skeletons in the Cupboard // Finest Hour. № 68. P. 14–16, 31.

Dilks D. Champagne for Everyone: The Greatness of Bill Deakin // Finest Hour. № 131. P. 17–19.

Dilks D. The Queen and Mr. Churchill // Finest Hour. № 135. P. 50–53.

Dobbs M. The Outcasts: What Did Churchill Tell Guy Burgess after Munich // Finest Hour. № 146. P. 16–17.

Douglas J. If He Lives He Will Be Prime Minister // Finest Hour. № 69. P. 21–22.

Fitzgerald E. Toy Troopers — Small Statesman // Finest Hour. № 107. P. 29–33.

Fletcher D. Churchill and the Tank. Present at the Creation // Finest Hour. № 135. P. 42–44.

Fletcher G. J. Spencer Churchill (p) at Harrow School 1888–1892. Part I // Finest Hour. № 133. P. 30–35.

Fletcher G. J. Spencer Churchill (p) at Harrow School 1888–1892. Part II // Finest Hour. № 134. P. 35–39.

Freeman D. Eddie Marsh: A Profile // Finest Hour. № 131. P. 30–32.

Freeman D. The Friendship Between Churchill and F. E. Smith // Finest Hour. № 139. P. 28–35.

Frost M. Churchill and the Tank. In for the Duration // Finest Hour. № 135. P. 45–49.

Glueckstein F. Churchill as Bricklayer // Finest Hour. № 157. P. 34–37.

Glueckstein F. First Encounter // Finest Hour. № 155. P. 22–23.

Goldfarb C. Finest of the Empire: Winston Churchill and Arthur Conan Doyle // Finest Hour. № 155. P. 20–26.

Golding R. E. Guarding Greatness // Finest Hour. № 144. P. 32–33.

Gombrich E. H. Winston Churchill as Painter and Critic // The Atlantic. Vol. 215. P. 90–93.

Hall D. J. The Leader Commemorated: Winston Churchill's V-sign // Finest Hour. № 158. P. 32.

Hamill I. Winston Churchill and the Singapore Naval Base, 1924–1929 // Journal of Southeast Asian Studies. Vol. 11. № 2 (1980 September). P. 277–286.

Hulme J. Mr Churchill: A Portrait from 1901 // Finest Hour. № 49. P. 6–8.

James A. Smoking Banns // Finest Hour. № 138. P. 49–50.

Johnston D. L. Winston Churchill: Master of the English Language // *Finest Hour*. № 46. P. 6–10.

Klepak H. Cuba, 1895: First Full Signs of the Man He Was to Become // *Finest Hour*. № 159. P. 24–29.

Klos F. Churchill's Europe // *Finest Hour*. № 173. P. 6–9.

Lancaster J. R. Churchill's French // *Finest Hour*. № 138. P. 30–34.

Langworth R. M. Churchill and India: Again and Again and Again // *Finest Hour*. № 136. P. 55–56.

Langworth R. M. Churchill and Lawrence // *Finest Hour*. № 119. P. 18–19.

Lehrman L. E. The Prime Minister and the General: Churchill and Eisenhower // *Finest Hour*. № 172. P. 15–16.

MacKenzie R. *Monarchical No.1* Churchill and Queen Elizabeth II // *Finest Hour*. № 175. P. 32–35.

Mather J. H. How Healthy Was Churchill? // *Finest Hour*. № 82. P. 28–29.

Mather J. H. Leading Churchill Myths: Lord Randolph Churchill Died of Syphilis // *Finest Hour*. № 117. P. 44–45.

Mather J. H. Lord Randolph Churchill: *Maladies et Mort* // *Finest Hour*. № 93. P. 23–28.

McKay J. The Leader's Personal Qualities // *Finest Hour*. № 158. P. 39–40.

McMenamin M. On Liberty: Churchill's «Consistency in Politics» // *Finest Hour*. № 146. P. 54–56.

Montalbo T. Churchill: A Study in Oratory // *Finest Hour*. № 69. P. 10–13.

Muller J. W. *A Good Englishman*: Politics and War in Churchill's Life of Marlborough // *The Political Science Reviewer*. Vol. 18. 1988. P. 85–125.

Muller J. W. *A Kind of Dignity and Even Nobility*: Winston Churchill's Thoughts and Adventures // *The Political Science Reviewer*. Vol. 16. 1986. P. 281–315.

Muller J. W. Churchill the Writer // *The Wilson Quarterly*. Vol. 18. 1994. P. 38–48.

Muller J. W. War on the Nile: Winston Churchill and the Reconquest of the Sudan // *The Political Science Reviewer*. Vol. 20. 1991. P. 223–263.

Myers D. N. I leave when the pub closes: Half a Century Managing the Press // *Finest Hour*. № 152. P. 12–15.

Ohlinger G. A. WSC: A Midnight Interview, 1902 // *Finest Hour*. № 159. P. 33–35.

Packwood A. How Young Winston Made and Wrote News // *Finest Hour*. № 152. P. 16–21.

Painter and Pigeon // *Finest Hour*. № 144. P. 34.

Pilpel R. Churchill and Orwell // *Finest Hour*. № 142. P. 33–34.

Plumpton J. G. The Writing of *Lord Randolph Churchill*: An Immense Literary Value // *Finest Hour*. № 51. P. 14–16.

Porter D., Langworth R. M. His Truth Goes Marching On // *Finest Hour*. № 67. P. 8–11.

Powers P. J. C. Savrola and the Nobility of Politics // *Finest Hour*. № 74. P. 6–14.

Rahe P. A. Why Read *The River War*? An Appreciation // *Finest Hour*. № 85. P. 12–13.

Reguer S. Persian Oil and the First Lord: A Chapter in the Career of Winston Churchill // *Military Affairs*. Vol. 46. № 3. P. 134–138.

Rickert W. E. Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II // *Central States Speech Journal*. № 28. 1977. P. 106–112.

Robbins R. C. Churchill as Artist Half Passion, Half Philosophy // *Finest Hour*. № 100. P. 32–36.

Roberts A. The Role of the State: Why Churchill Changed His Mind // *Finest Hour*. № 155. P. 13–19.

Roberts A. Winston Churchill and Religion: A Comfortable Relationship with the Almighty // *Finest Hour*. № 163. P. 52–59.

Sandys C. My Grandfather's Final Days // *Finest Hour*. № 166. P. 6–8.

Savrola From a Contemporary Review. The Novel as Churchill's Prescription for Living Life // *Finest Hour*. № 74. P. 15–16.

Schwarz C. When the Twain Met: Winston Churchill and Samuel Clemens // *Finest Hour*. № 149. P. 40–44.

Snell E. Urban Myths: Indian Forebears // *Finest Hour*. № 104. P. 31–32.

Soames E. Chartwell Childhood // *Finest Hour*. № 71. P. 20–22.

Spurned Violet? // *Finest Hour*. № 158. P. 5–6.

Sterling C. H. Churchill and Air Travel // *Finest Hour*. № 118. P. 24–29.

Stoker B. 1908: Churchill Talks of his Hopes, Work and Ideals // *Finest Hour*. № 144. P. 21–24.

Tolpannen B. P. Churchill and Chaplin // *Finest Hour*. № 142. P. 16–21.

Vivian H. 1905: Studies in Personality — Mr. Winston Churchill MP // *Finest Hour*. № 144. P. 14–20.

Weidhorn M. On *India* // *Finest Hour*. № 136. P. 56.

Zoller C. William Bourke Cockran: Churchill's American Mentor // *Finest Hour*. № 115. P. 15–18.

---

notes

Примечания

Wolff M. (ed.). The Collected Essays of Sir Winston Churchill. Vol. IV. P. 438.

В 1987 году Бленхеймский дворец стал памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО. — *Здесь и далее примечания автора.*

См.: *Мартин Р.* Леди Рандольф Черчилль. С. 56; *Manchester W.* The Last Lion. Vol. I. P. 94; *Churchill W. S.* Lord Randolph Churchill. Vol. I. P. 1; *Smalley G. W.* Anglo-American Memories. P. 96; *Cowles V.* Winston Churchill. P. 287.

4

Мифологическое существо с туловищем льва, с головой, когтями и крыльями орла.

См.: *Daniels J.* Churchill's Spencer Ancestry of Skeletons in the Cupboard // *Finest Hour*. № 68. P. 16, 14; *Churchill R. S.* Winston S. Churchill. Vol. I. P. 13; *Мартин Р.* Указ. соч. С. 58.

Британское правительство или Правительство Ее (Его) Величества состоит из департаментов. К департаментам также относятся Казначейство и Совет Адмиралтейства (ликвидирован в 1964 году с передачей функций Государственному департаменту обороны). Департаменты возглавляют государственные секретари, которые имеют ранг старших министров. Уровнем ниже находятся так называемые государственные министры, которые отвечают за отдельные направления деятельности департамента. В отечественной традиции всех членов правительства принято называть министрами. Во избежание путаницы при первом упоминании должности она приводится полностью с указанием в скобках привычного для русскоязычного читателя названия.

Documents. Vol. 13. P. 1546.

Цит. по: *Мартин Р.* Указ. соч. С. 189.

См.: Documents. Vol. 1. P. 390–391; Черчилль У. С. Мои ранние годы. С. 51; *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. VIII. P. 364–372; *Hastings M.* Finest Years. P. 596.

См.: *Asquith M. An Autobiography. Vol. I. P. 131; Черчилль У. С. Указ. соч. С. 12, 13.*

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. С. 13, 112; Documents. Vol. 1. P. 424–425;
Churchill W. S. Savrola. P. 44.

См.: *Churchill W. S.* My Early Life. P. 3; *Attlee C. R.* As It Happened. P. 3.

См.: Documents. Vol. 1. P. 82; Черчилль У. С. Указ. соч. С. 20; Moran C. Churchill. The Struggle for Survival. P. 152; Sebba A. American Jennie. P. 115; Churchill R. S. Op. cit. P. 56.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. С. 30; *Churchill W. S. Painting as Pastime. P. 12*; *Lancaster J. R. Churchill's French // Finest Hour. № 138. P. 30.*

См.: Documents. Vol. 1. P. 168–169, 204, 205, 514, 138, 139; *Cowles V.*
Op. cit. P. 35.

См.: Documents. Vol. 1. P. 234–235, 237; *Sandys C.* From Winston with Love and Kisses. P. 157; *Cowles V.* Op. cit. P. 36; *Baring M.* The Puppet Show of Memory. P. 71; *Manchester W.* Op. cit. P. 155; *Розз Н.* Черчилль: бурная жизнь. С. 29; *Eade C.* (ed.) Churchill by his Contemporaries. P. 2; *Gilbert M.* In Search of Churchill. P. 214–215.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 507. Col. 24; *Churchill W. S.* My Early Life. P. 17; *Montalbo T.* Churchill: A Study in Oratory // *Finest Hour*. № 69. P. 11.

По математике из 2000 баллов Черчилль сначала набрал 568, затем — 1063 и в третий раз — 1236. По латыни он набрал на третьем экзамене всего 362 балла из 2000.

Documents. Vol. 1. P. 391.

Фаг (*fag*) — младший ученик в привилегированных частных британских школах, который прислуживает старшеклассникам.

См.: *Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. VII. P. 28; Manchester W. Op. cit. P. 153.*

См.: *Мартин Р.* Указ. соч. С. 209; *Rosebery A. P.* Lord Randolph Churchill. P. 72, 181; *Manchester W.* Op. cit. P. 184.

См.: Documents. Vol. 1. P. 579, 586; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 72–73; *Manchester W.* Op. cit. P. 215, 216.

См.: Documents. Vol. 1. P. 596, 597, 671, 668; *Churchill W. S. Philosophers and Friends* // Collier's. February 7. 1931. P. 22.

См.: Documents. Vol. 1. P. 598–600; *Halle K.* The Irrepressible Churchill. P. 204.

См.: Churchill W. S. The Story of the Malakand Field Force. P. 172; Documents. Vol. 1. P. 603, 618.

См.: *McGinty S. Churchill's Cigars*. P. 136; *Черчилль У. С.* Вторая мировая война. Т. 1. С. 202; *Черчилль У. С.* Мои ранние годы. С. 84.

См.: Черчилль У. С. Походы британской армии 1897–1900. С. 60;
Ohlinger G. A. WSC: A Midnight Interview // Finest Hour. № 159. P. 34.

См.: Documents. Vol. 1. P. 663–664.

Documents. Vol. 1. P. 676.

См.: *Легран Ж., Добсон К. Уинстон Черчилль*. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. С. 53; *Черчилль У. С. Мои ранние годы*. С. 47; *Documents*. Vol. 2. P. 856.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. С. 103; Documents. Vol. 2. P. 697–698, 702.

См.: Documents. Vol. 1. P. 585; Vol. 2. P. 725, 753, 938.

Цит. по.: *Roberts A. Winston Churchill and Religion* // *Finest Hour*. № 163.
Р. 52.

См.: Documents. Vol. 2. P. 839, 784, 785.

См.: *Churchill W. S.* Op. cit. P. 174, 299, 103, 220, 24, 34, 303.

См.: Documents. Vol. 2. P. 810, 788; Черчилль У. С. Походы британской армии 1897–1900. С. 82; Churchill W. S. Op. cit. P. 200–201, 76–77, 301, 302–303, 246–247; Черчилль У. С. Мировой кризис. Ч. I. С. 250; Ч. III. Кн. 2. С. 585; Churchill W. S. London to Ladysmith via Pretoria. P. 135.

Documents. Vol. 2. P. 922–923.

Documents. Vol. 2. P. 855, 874, 856.

Documents. Vol. 2. P. 907.

См.: Documents. Vol. 2. P. 969, 978, 973, 974, 980, 981, 970; *Churchill W. S.* The River War. Vol. II. P. 137.

См.: *Moran C.* Op. cit. P. 241; *Browne A. M.* The Long Sunset. P. 177.

См.: Documents. Vol. 2. P. 1021; *Gilbert M.* Op. cit. Vol. VIII. P. 494.

См.: Documents. Vol. 2. P. 964; Vol. 3. P. XXVI.

С 1901 года король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии Эдуард VII.

См.: Churchill W. S. Op. cit. Vol. I. P. 56, 94, 26, 44, 57–58, 1, 277, 118, 112, 18–19; Vol. II. P. 162, 143.

См.: Documents. Vol. 2. P. 1003, 1030.

Цит. по: *Bonham Carter V. Winston Churchill as I knew Him*. P. 53.

См.: *Churchill W. S.* My Early Life. P. 243–244; *Churchill W. S.* London to Ladysmith via Pretoria. P. 94–95; Documents. Vol. 2. P. 1084, 1085.

См.: Черчилль У. С. Мои ранние годы. С. 335–338; Documents. Vol. 2. P. 1172; Vol. 11. P. 1234.

См.: Documents. Vol. 2. P. 1147, 1152, 1177, 1151; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 339, 374, 24; *Atkins J. B.* Relief of Ladysmith. P. 270.

См.: *Churchill W. S.* Op. cit. P. 105, 171, 188, 192, 339, 386; *Churchill W. S.* Ian Hamilton's March. P. 4, 24, 123.

См.: Documents. Vol. 2. P. 924, 884; *Черчилль У. С.* Указ. соч. С. 153;
Черчилль У. С. Саврола. С. 82, 35.

См.: Churchill W. S. Success in Journalism // *Finest Hour*. № 159. P. 32;
Ohlinger G. A. Op. cit. P. 34, 35.

Ин. 21:16, 17.

См.: *Churchill R. S.* Op. cit. P. 53, 441; *Churchill W. S.* Savrola. P. 42.

См.: *Sandys C.* Chasing Churchill. P. 71; *Langworth R. M.* (ed.). Churchill by Himself. P. 27; *Manchester W.* Op. cit. P. 376, 375; *Smalley G. W.* Op. cit. P. 92–93.

Documents. Vol. 2. P. 816; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 88.

См.: Hansard. Series 4. Vol. 89. Col. 407; *Churchill W. S. My Early Life*. P. 361; Documents. Vol. 3. P. 9–21.

Hansard. Series 4. Vol. 93. Col. 1572.

Hansard. Series 4. Vol. 93. Col. 1566.

Documents. Vol. 3. P. 168.

См.: *Churchill W. S.* Op. cit. P. 209; *Черчилль У. С.* (ред.). *Никогда не сдаваться.* С. 60–61; *Rose J.* *The Literary Churchill.* P. 104; *Wolff M.* (ed.). Op. cit. P. 438.

Documents. Vol. 3. P. 104.

См.: *Gilbert M. Churchill: A Life*. P. 140, 162; Hansard. Series 4. Vol. 106. Col. 242.

См.: Черчилль У. С. Мои великие современники. С. 64; Lucy H. W. The Balfourian Parliament 1900–1905. P. 7.

См.: Hansard. Series 4. Vol. 123. Col. 194; Documents. Vol. 3. P. 243, 325–326; *Gardiner A. G.* Prophets, Priests and Kings. P. 229.

Pelling H. Winston Churchill. P. 91; *Черчилль У. С.* (ред.). Указ. соч. С. 46.

См.: Черчилль У. С. Мои ранние годы. С. 364; *Best G. Churchill*. P. 21; *Shelden M. Young Titan*. P. 89; *Gardiner A. G. Op. cit.* P. 230; Джонсон П. Черчилль. С. 32.

См.: Черчилль У. С. (ред.). Указ. соч. С. 43, 49, 51.

Churchill R. S. Op. cit. Vol. II. P. 90.

Hansard. Series 4. Vol. 152. Col. 554.

См.: *Churchill R. S.* Op. cit. P. 111–112; Documents. Vol. 13. P. 1571; Vol. 12. P. 609.

См.: *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 140; *Stoker B.* 1908: Churchill Talks of his Hopes, Work and Ideals // *Finest Hour*. № 144. P. 23; *Churchill W. S.* Painting as Pastime. P. 8.

См.: Doyle A. C. The Great Boer War. (L.: Smith, Elder and Company, 1900). P. 215, 260; Gilbert M. Op. cit. Vol. III. P. 810; Documents. Vol. 11. P. 938; Goldfarb C. *Finest of the Empire*: Winston Churchill and Arthur Conan Doyle // *Finest Hour*. № 155. P. 25.

Уэллс Г. Люди как боги // Собр. соч. В 15 т. М.: Правда, 1964. Т. 5. С. 150, 148, 317, 148.

См.: *Langworth R. M.* (ed.). *Op. cit.* P. 578, 579; Черчилль У. С. Великие современники. С. 143–144.

Наряду с премьер-министром, главой внешнеполитического ведомства и канцлером Казначейства.

См.: Documents. Vol. 4. P. 693; *Churchill W. S. My African Journey*. P. 208.

См.: Documents. Vol. 4. P. 1243; *Churchill R. S.* Op. cit. P. 409.

Hansard. Series 5. Vol. 19. Col. 1354.

Gilbert M. Churchill: A Life. P. 226.

Черчилль У. С. Мировой кризис. Восточный фронт. С. 248.

Churchill R. S. Op. cit. P. 31; Documents. Vol. 3. P. 52, 104–111; Vol. 4. P. 863.

См.: Hansard. Series 4. Vol. 191. Col. 1330–1331; *Churchill W. S.* Liberalism and Social Problem. P. 181–182, 203, 199–200, 256–258, 265–266; *Черчилль У. С.* (ред.). Указ. соч. С. 55–56; *Langworth R. M.* (ed.). Op. cit. P. 395.

Churchill R. S. Op. cit. P. 113.

Churchill W. S. Op. cit. P. 155; *Churchill W. S.* The World Crisis 1911–1918. P. 546.

Documents. Vol. 11. P. 1345.

См.: Романова Е. В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта 1898–1914 гг. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 175–176; Documents. Vol. 4. P. 962; Churchill W. S. The World Crisis. Vol. 1. P. 40.

См.: Churchill W. S. Op. cit. P. 60–64; Massie R. K. Dreadnought. P. 745–747; Benians E. A., Butler J., Carrington C. E. (eds.). The Cambridge History of the British Empire. Vol. III. Cambridge: Cambridge University Press, 1959. P. 594.

См.: *Churchill W. S.* Op. cit. P. 67–68; *Churchill R. S.* Op. cit. P. 536–537;
Bonham Carter V. Op. cit. P. 236–237.

См.: Churchill W. S. Op. cit. P. 118–120, 70.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 627; Documents. Vol. 4. P. 717.

См.: *Langworth R. M.* (ed.). Op. cit. P. 516; *Shelden M.* Op. cit. P. 147.

См.: Documents. Vol. 2. P. 1036, 989; Vol. 4. P. 680, 679; *Shelden M.* Op. cit. P. 16; *Churchill R. S.* Op. cit. Vol. I. P. 544.

Избранником мисс Уилсон станет Ричард «Дик» Уэйрд (1884–1932), майор Шотландской гвардии.

См.: *Churchill R. S.* Op. cit. Vol. II. P. 252; *Soames M.* Clementine Churchill. P. 36; Documents. Vol. 8. P. 394–395.

См.: *Bonham Carter V. Op. cit.* P. 15–16, 18.

См.: *Churchill R. S.* Op. cit. P. 250–251; *Fishman J.* My Darling Clementine. P. 12; *Soames M.* Op. cit. P. 39–40.

См.: *Soames M.* Winston and Clementine. P. 7, 9, 11, 13.

Роуз Н. Черчилль: бурная жизнь. С. 76.

См.: Documents. Vol. 4. P. 801, 803; *Soames M.* Clementine Churchill. P. 50; *Soames M.* Winston and Clementine. P. 292.

Documents. Vol. 4. P. 820.

См.: *Soames M.* Op. cit. P. 23, 29.

См.: *Soames M.* Clementine Churchill. P. 212–213.

Цит. по: *Джонсон П.* Указ. соч. С. 35.

См.: *Soames M.* Winston and Clementine. P. 220, 69, 29, 213; Documents. Vol. 11. P. 434; Vol. 5. P. 1795.

См.: *Soames M.* Clementine Churchill. P. 114; *Soames M.* Winston and Clementine. P. 37–38.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 35. Col. 1972, 1986, 1987, 1983.

См.: *Bacon R. H.* The Life of John Rushworth Earl Jellicoe. L.: Cassel, 1936. P. 181; *Stafford D.* Churchill and Secret Service. P. 72–73.

Цит. по: *Bonham Carter V. Winston Churchill as I Knew Him*. P. 239.

Documents. Vol. 4. P. 1305–1308; Vol. 5. P. 1487; *Churchill W. S.* The World Crisis. Vol. 1. P. 93.

См.: *Churchill W. S.* The Second World War. Vol. IV. P. 480; Documents. Vol. 5. P. 1530, 1633; *Jellicoe J.* The Crisis of the Naval War. L.: Cassel and Company, 1920. P. 10.

Hansard. Series 5. Vol. 50. Col. 1766.

См.: *Churchill W. S.* The World Crisis. Vol. 1. P. 125–134, 170–171; Hansard. Series 5. Vol. 55. Col. 1470–1475; Vol. 50. Col. 1773; Vol. 64. Col. 1034–1047; *Reguer S.* Persian Oil and the First Lord // Military Affairs. Vol. 46. №. 3. P. 134–135.

См.: *Soames M.* Winston and Clementine. P. 79, 90, 91; *Sterling C. H.* Churchill and Air Travel // *Finest Hour*. № 118. P. 24; *Churchill W. S.* Thoughts and Adventures. P. 195, 207–209; *Documents*. Vol. 9. P. 749.

См.: *Seligmann M. S.* Rum, Sodomy, Prayers, and the Lash Revisited. P. 10–19; *Gretton P.* Winston Churchill and the Royal Navy. P. 103; Documents. Vol. 5. P. 1681, 1682.

Пустой звук, и больше ничего (*лат.*).

См.: *Seligmann M. S.* Rum, Sodomy, Prayers, and the Lash Revisited. P. 1494, 1538, 1549; *Gretton P.* Op. cit. P. 134–137; *Massie R. K.* Dreadnought. P. 827; *Tirpitz A.* My Memoirs. Vol. I. NY.: Dodd, Mead and Company, 1919. P. 236; *Churchill W. S.* The World Crisis. Vol. 1. P. 112.

Дальше мы еще неоднократно встретим эту колоритную фигуру под именем лорда Бивербрука. В январе 1917 года Эйткен, к тому времени возглавлявший один из крупнейших в Великобритании газетных концернов, был пожалован титулом 1-го барона Бивербрука в честь небольшой сельской общины Бивер-Брук в канадской провинции Нью-Брунсуик, рядом с которой он вырос.

См.: Черчилль У. С. Мои великие современники. С. 174; *Soames M.* Op. cit. P. 95; Documents. Vol. 5. P. 1988–1989; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 216–217; *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. III. P. 24–31; *Beaverbrook M.* Politicians and the War. L.: Thornton Butterworth, 1928. P. 36; *Asquith M.* An Autobiography. Vol. IV. P. 71.

К тому времени Его превосходительство, достопочтенный фельдмаршал Герберт Китченер был известен как 1-й граф Китченер Хартумский и Брумский, 1-й виконт Брум Брумский, 1-й виконт Китченер Хартумский, Ваальский и Аспальский, 1-й барон Китченер Хартумский и Аспальский и 1-й барон Дентон Дентонский.

Documents. Vol. 6. P. 250.

См.: *Bell C. M.* Churchill and Sea Power. P. 52–54.

Gilbert M. Op. cit. P. 84; Documents. Vol. 6. P. 128, 400.

Documents. Vol. 6. P. 163, 166, 167.

Churchill W. S. Op. cit. P. 358; *Churchill W. S.* If I lived my Life over // *Collier's*. 1931. April 4. P. 50; *Soames M.* Clementine Churchill. P. 131; *Gilbert M.* Op. cit. P. 111.

Documents. Vol. 6. P. 230.

Цит. по: *Jenkins R. Churchill*. Р. 260.

Documents. Vol. 6. P. 344.

См.: *Bell C. M.* Op. cit. P. 61; Documents. Vol. 6. P. 371, 367, 380, 381.

Documents. Vol. 6. P. 550, 580.

См.: Documents. Vol. 6. P. 663–673, 677–678, 687–688, 693–698, 703, 706, 708–716, 723–728, 732–738.

См.: Documents. Vol. 7. P. 919–921, 932.

Gilbert M. Op. cit. P. 538, 459, 473; *Rowse A. L.* The Later Churchills. P. 110; *Breckenridge C.* The Myth of the *Black Dog* // *Finest Hour*. № 155. P. 28–31; *Moran C.* Churchill at War. P. 204; *Bonham Carter V.* Op. cit. P. 187; *Gilbert M.* In Search of Churchill. P. 209–210, 212–213; *Soames M.* Winston and Clementine. P. 111.

Documents. Vol. 7. P. 1249–1250; *Soames M.* Op. cit. P. 113, 120.

Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. III. P. 573; *Gilbert M.* In Search of Churchill. P. 86.

Soames M. Op. cit. P. 116, 114–115, 127, 165.

Soames M. Op. cit. P. 126, 139, 152, 137.

Soames M. Op. cit. P. 163–164.

Soames M. Op. cit. P. 119; *Churchill W. S.* Thoughts and Adventures. P. 111.

См.: *Soames M.* Op. cit. P. 123, 196, 136, 132, 115, 117, 119, 120, 127, 164, 172, 120, 129, 143, 148, 156, 190.

См.: *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. III. P. 699; *Bonham Carter V.* Op. cit. P. 449; *Soames M.* Op. cit. P. 198.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 776, 801; *Gilbert M.* Churchill: A Life. P. 366; *Soames M.* Clementine Churchill. P. 147; *Moran C.* The Struggle for Survival. P. 122.

Lloyd George D. War Memoirs. Vol. I. Odhams Press Ltd., 1933. P. 636.

Цит. по: *Jenkins R.* Op. cit. P. 324.

См.: *Soames M.* Winston and Clementine. P. 172; *Best G.* Churchill. P. 89; Hansard. Series 5. Vol. 91. Col. 97; Documents. Vol. 8. P. 234; *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 147.

Churchill W. S. Painting as Pastime. P. 17.

См.: *Churchill W. S.* Painting as Pastime. P. 14; *Coombs D., Churchill M.* Sir Winston Churchill's Life Through his Paintings. P. 136; *Churchill W. S.* The River War. Vol. I. P. 5–6.

Churchill W. S. Thoughts and Adventures. P. 362–363.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. Vol. III. P. 502; *Pelling H.* Winston Churchill. P. 331; *Moran C.* Churchill at War. P. 99.

Lavery J. The Life of Painter. P. 177; *Soames M.* Op. cit. P. 539; Documents. Vol. 12. P. 845.

Дорогой мастер (*фр.*).

Уменьшительно-ласкательное от Бендор — прозвища герцога Вестминстерского.

См.: Documents. Vol. 13. P. 368; Vol. 11. P. 1053; *Coombs D., Churchill M.* Op. cit. P. 146; *Soames M.* Op. cit. P. 309, 306, 312; *Soames M.* Winston Churchill. His Life as a Painter. P. 175; *McGowan N.* My Years with Churchill. P. 63–64; *Singer B.* Churchill Style. P. 202.

См.: *Churchill W. S.* Painting as Pastime. P. 18–19, 24–25; *Eade C.* (ed.) *Churchill by his Contemporaries*. P. 286.

Цит. по: *Coombs D., Churchill M.* Op. cit. P. 33.

Цит. по: *Bibesco M.* Sir Winston Churchill: Master of Courage. P. 164.

См.: Riddles, Mysteries, Enigmas // *Finest Hour*. № 156. P. 14; *Lavery J.* Op. cit. P. 177; *Robbins R. C.* Churchill as Artist Half Passion, Half Philosophy // *Finest Hour*. № 100. P. 35.

См.: *Eade C.* (ed.) *Op. cit.* P. 286, 293; *Gombrich E. H.* Winston Churchill as Painter and Critic // *The Atlantic*. Vol. 215. P. 90; *Alberigi M.* Churchill as Painter // *Finest Hour*. № 85. P. 28; *Coombs D., Churchill M.* *Op. cit.* P. 219; *McGowan N.* *Op. cit.* P. 60.

См.: *Soames M.* Winston and Clementine. P. 227–228; *Eade C.* (ed.) *Op. cit.* P. 291; *Moran C.* Churchill. The Struggle for Survival. P. 164.

См.: Documents. Vol. 3. P. 350; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 24, 31, 13–14, 14–15, 20–21, 23, 28–29; *Churchill W. S.* Thoughts and Adventures. P. 363; *Gombrich E. H.* Art and Illusion. L.: Phaidon Press, 2002. P. 31–32.

Soames M. Op. cit. P. 219.

См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1974. Т. 41. С. 349–350; *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. С. 179.

Documents. Vol. 9. P. 1028.

Gilbert M. Churchill: A Life. P. 389–390.

См.: Documents. Vol. 8. P. 479, 531; Vol. 9. P. 921; *Черчилль У. С.* Мировой кризис. С. 317.

См.: Documents. Vol. 8. P. 250, 627; Vol. 9. P. 813, 865, 918; *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. IV. P. 278; *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 146, 184, 179.

Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 161, 189, 93, 126, 143–144.

См.: *Graebner W.* My Dear Mr. Churchill. P. 97; Черчилль У. С. Мои великие современники. С. 138–139, 134–135; Черчилль У. С. (ред.). Никогда не сдаваться. С. 198, 200; Documents. Vol. 10. P. 2122; *Garnett D.* (ed.). The Letters of T. E. Lawrence. NY.: Doubleday, Doran, 1939. P. 521.

Documents. Vol. 9. P. 1353.

Documents. Vol. 10. P. 1622.

См.: *Sandys C.* Churchill Wanted Dead or Alive. P. 209; *Repington C.* The First World War 1914–1918. Vol. II. P. 312; *Мартин Р.* Леди Рандольф Черчилль. С. 406, 409, 410, 413; *Asquith H. H.* Memoirs and Recollection. Vol. II. P. 197; *Gilbert M.* Op. cit. P. 604; Documents. Vol. 10. P. 1524, 1532; Vol. 11. P. 445.

Баронесса Мэри Соамс, дама-командор ордена Британской империи, кавалер Благороднейшего ордена Подвязки, скончалась 31 мая 2014 года на 92-м году жизни.

См.: *Soames M.* Clementine Churchill. P. 228–230; *Browne A. M.* The Long Sunset. P. 147; Documents. Vol. 10. P. 1623; *Gilbert M.* Op. cit. P. 613–614; *Soames M.* A Daughter's Tale. P. 16, 58–59; *Graebner W.* Op. cit. P. 106.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 878; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 225; *Langworth R. M.* (ed.). Churchill by Himself. P. 580.

Churchill W. S. Op. cit. P. 226, 356.

Documents. Vol. 11. P. 58.

Цит. по: *Buczacki S.* Churchill and Chartwell. P. 170.

См.: *Manchester W.* The Last Lion. Vol. I. P. 753; *Halle K.* The Irrepressible Churchill. P. 153.

См.: Documents. Vol. 11. P. 235; *Manchester W.* Op. cit. P. 785; *Gilbert M.* Op. cit. Vol. V. P. 60.

Langworth R. M. (ed.). Op. cit. P. 17.

См.: Documents. Vol. 11. P. 600–601, 689–690, 1439.

См.: *Langworth R. M.* (ed.). Op. cit. P. 411; *Best G.* Op. cit. P. 120; *Brown R.* The Burden of Statesmanship: Churchill as Chancellor // *Finest Hour*. № 153. P. 12–19.

Documents. Vol. 11. P. 534.

См.: Documents. Vol. 11. P. 306, 443.

См.: *Rose J.* The Literary Churchill: Author, Reader, Actor. P. 137; *Halle K.* Op. cit. P. 79.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. Vol. IV. P. 757; Documents. Vol. 8. P. 673–674.

См.: Churchill W. S. The World Crisis. The Aftermath. P. 9, 10.

Эдуард Вуд в 1934 году получил титул 3-го виконта Галифакса, а в 1944 году — 1-го графа Галифакса и вошел в британскую и мировую историю как лорд Галифакс.

См.: Documents. Vol. 11. P. 1438–1439, 46–47, 1437, 1462; *Gilbert M.* Op. cit. Vol. V. P. 6, 15, 229.

Documents. Vol. 11. P. 1456.

См.: Черчилль У. С. Мировой кризис. Восточный фронт. С. 9, 7.

Казаки идут! (нем.).

См.: *Churchill W. S. The World Crisis 1911–1918*. P. 142, 285, 147, 377, 596; Черчилль У. С. Мировой кризис. С. 132–133; Черчилль У. С. Мировой кризис. Ч. III. Кн. 1. С. 241–242, 96; Ч. II. С. 14; Восточный фронт. С. 144, 253, 254, 256, 322.

См.: Черчилль У. С. Мировой кризис. С. 271, 214; Черчилль У. С. Мои великие современники. С. 117, 154; Черчилль У. С. Мировой кризис. Восточный фронт. С. 70; Ч. II. С. 310; Soames M. Winston and Clementine. P. 205.

Перевод Г. Бена.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Ч. I. С. 47, 342, 322, 407; Ч. III. Кн. 2. С. 415, 526; Кн. 1. С. 8, 9, 53; Ч. II. С. 459, 393, 7, 472.

См.: *Churchill W. S. Thoughts and Adventures*. P. 134–135; Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 2. С. 186.

См.: Черчилль У. С. Мои великие современники. С. 188, 156; Черчилль У. С. Мировой кризис. Ч. II. С. 122, 460.

Перевод О. Поборцевой.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Ч. I. С. 18–19, 341, 227; Ч. III. Кн. 1. С. 7, 242, 22, 20; *Churchill W. S. The World Crisis. Vol. 1. P. 13.*

Страна великанов из книги Дж. Свифта «Путешествие Гулливера».

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Ч. I. С. 185, 17; Восточный фронт. С. 44;
Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 15, 29, 100.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Ч. III. Кн. 2. С. 590; Ч. I. С. 54, 58–59; Ч. II. С. 7–8, 252.

Documents. Vol. 12. P. 46–47.

См.: Documents. Vol. 12. P. 97; *Churchill W. S.* Everybody's Language // *Finest Hour*. № 142. P. 25–26, 24, 22, 23.

См.: *Churchill W. S. Soapbox Messiahs* // *Collier's*. 1936. June 20. P. 44; *Documents*. Vol. 12. P. 61, 86–87, 95.

Комиссия получила название по имени своего председателя Джона О. Саймона.

См.: *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. V. P. 355–357; *Documents*. Vol. 12. P. 591, 137.

См.: Черчилль У. С. Мои великие современники. С. 152, 143; Documents. Vol. 12. P. 188; Soames M. Clementine Churchill. P. 281.

См.: *Churchill W. S.* The Second World War. Vol. I. P. 26; *Gilbert M.* Op. cit. P. 375; Hansard. Series 5. Vol. 247. Col. 689–703.

Цит. по: *Gilbert M.* Op. cit. P. 373.

См.: Documents. Vol. 12. P. 243, 246.

См.: *Manchester W.* The Last Lion. Vol. I. P. 852; Documents. Vol. 12. P. 274, 280, 282.

См.: Черчилль У. С. Мои ранние годы. С. 52–53; Hansard. Series 5. Vol. 247. Col. 267, 1021–1022; *Gilbert M.* Op. cit. P. 385; *Churchill W. S.* (ed.). *Winston Churchill's Speeches*. P. 97.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 399; *Черчилль У. С.* (ред.). *Никогда не сдаваться.* С. 142.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 249. Col. 1462; *Gilbert M.* Op. cit. P. 358–359, 387.

См.: Черчилль У. С. (ред.). Указ. соч. С. 143.

См.: *Halle K.* The Irrepressible Churchill. P. 98, 80.

См.: *Churchill W. S.* Nature's Panorama in California // *Finest Hour*. № 142. P. 29–30; *Documents*. Vol. 12. P. 95; *Черчилль У. С.* Саврола. С. 34–35; *Wolff M.* (ed.). *The Collected Essays of Sir Winston Churchill*. Vol. IV. P. 493–498.

См.: Черчилль У. С. Мои ранние годы. С. 52, 80, 68–69; *Churchill W. S. My Early Life*. Р. IX, 228–229; Черчилль У. С. Мировой кризис. Ч. I. С. 31.

См.: Churchill W. S. My New York Misadventure // *Finest Hour*. № 136. P. 25–28.

См.: Documents. Vol. 12. P. 391, 393, 394, 395; *Churchill W. S.* My Happy Days in the *Wet* Bahamas // *Finest Hour*. № 145. P. 14–17; *Manchester W.* Op. cit. P. 825.

Churchill W. S. The Second World War. Vol. I. P. 61.

Johnson B. The Churchill Factor. P. 112.

См.: *Churchill W. S. The Shattered Cause of Temperance // Collier's. 1932. August 13. P. 20, 21; Churchill W. S. How We Carry Liquor // Collier's. 1934. August 25. P. 10–11, 38; Churchill W. S. Who'll Pay the Jobless? // Collier's. 1933. February 25. P. 10–11; Churchill W. S. Land of Corn and Lobsters // Collier's. 1933. August 5. P. 16; Churchill W. S. Defense in the Pacific // Collier's. 1932. December 17. P. 13, 30; Churchill W. S. Are We Too Clever? // Collier's. 1932. August 27. P. 10, 11, 30, 48; Churchill W. S. The Bond Between Us // Collier's. 1933. November 4. P. 13.*

Documents. Vol. 12. P. 380.

Цит. по: *Gilbert M.* Op. cit. P. 857.

См.: *Graebner* W. My Dear Mr. Churchill. P. 35, 46; *Browne* A. M. The Long Sunset. P. 114.

См.: Documents. Vol. 12. P. 989–1031.

См.: *Wolff M.* (ed.). Op. cit. P. 427–434.

См.: *Alkon P. K.* Imagining Scenarios // *Finest Hour*. № 119. P. 37, 38; Documents. Vol. 13. P. 810–811, 823–826.

См.: *Graebner W.* Op. cit. P. 27.

В США был издан под названием «Среди бурь».

См.: Churchill W. S. Thoughts and Adventures. P. 269, 13–14.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Ч. III. Кн. 1. С. 262, 73, 58; Ч. II. С. 445, 458; Черчилль У. С. Мои великие современники. С. 304; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 137–138, 141, 150, 153, 167.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. С. 260, 257, 250; Documents. Vol. 8. P. 291; Churchill W. S. Op. cit. P. 177.

См.: *Churchill W. S.* Op. cit. P. 275–276; Черчилль У. С. Мускулы мира. С. 184.

См.: Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 1. С. 10; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 271, 275, 293; Documents. Vol. 2. P. 1083; Черчилль У. С. Мои великие современники. С. 144; Черчилль У. С. (ред.). Указ. соч. С. 38–39.

См.: Documents. Vol. 2. P. 930; Vol. 11. P. 1378; *Gilbert M.* Op. cit. P. 319.

Цит. по: *Gilbert M.* In Search of Churchill. P. 141.

Черчилль У. С. Мои великие современники. С. 249.

Отцом одного ребенка — Барбары Фитцрой (1672–1737) — некоторые источники указывают самого Мальборо.

См.: *Churchill W. S. Marlborough: His Life and Times. Book. I. Vol. 1. P. 18, 63, 369, 373–380, 383–384; Documents. Vol. 11. P. 179–180, 1294; Vol. 12. P. 735–736, 658–659.*

См.: *Churchill W. S.* Op. cit. P. 131, 269, 129–132, 422; Черчилль У. С. Мои ранние годы. С. 112.

См.: Churchill W. S. Op. cit. P. 72, 353, 333.

См.: Documents. Vol. 12. P. 476, 475, 474, 1100; Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 1. С. 45, 114; *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. V. P. 448, 439–440.

См.: Documents. Vol. 12. P. 819–822; Vol. 13. P. 662, 1399.

Documents. Vol. 13. P. 444.

См.: Documents. Vol. 13. P. 575, 971–976, 959; *Jenkins R.* Churchill. P. 517–518.

См.: Churchill W. S. My Life // *Finest Hour*. № 166. P. 20.

См.: *Churchill W. S. Marlborough: His Life and Times. Book. II. Vol. 3. P. 86–87; Vol. 4. P. 1036; Book. I. Vol. 1. P. 131, 17, 88, 379, 310.*

См.: Documents. Vol. 12. P. 697, 983; *Churchill W. S.* Op. cit. Book. I. Vol. 2. P. 958, 592, 681; Book. II. Vol. 3. P. 220; Черчилль У. С. История англоязычных народов. Т. 3. С. 54, 58.

См.: Черчилль У. С. Мировой кризис. Ч. III. Кн. 1. С. 56; *Churchill W. S.* Op. cit. Book. I. Vol. 1. P. 105, 448; Vol. 2. P. 568–569.

См.: *Churchill W. S.* Op. cit. Vol. 1. P. 43, 41, 42; Vol. 2. P. 556; Book. II. Vol. 3. P. 188; *Черчилль У. С.* Указ. соч. Ч. I. С. 17.

См.: *Churchill W. S.* Op. cit. Book. I. Vol. 1. P. 571, 66–67, 228, 229, 243, 16; Book. II. Vol. 3. P. 22; Vol. 4. P. 491, 556; Documents. Vol. 13. P. 1157; Черчилль У. С. История англоязычных народов. Т. 2. С. 403; Т. 3. С. 66.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 407; *Farmelo G.* Churchill's Bomb. P. 69–70.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 272. Col. 80, 81, 86, 87; *Gilbert M.* Op. cit. P. 494, 567; *Черчилль У. С.* (ред.). Указ. соч. С. 145–146.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 286. Col. 2073; Vol. 302. Col. 1493; *Черчилль У. С.* (ред.). Указ. соч. С. 156, 162, 174.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 286. Col. 2066; Vol. 285. Col. 1197, 1199;
Черчилль У. С. (ред.). Указ. соч. С. 154, 155.

Documents. Vol. 13. P. 289.

См.: *Manchester W.* Op. cit. Vol. II. P. 46; Documents. Vol. 12. P. 1264.

Цит. по.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 550.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 276. Col. 550–552; Documents. Vol. 12. P. 1097; *Halle K.* Op. cit. P. 111; *Gilbert M.* In Search of Churchill. P. 106; *Churchill W. S.* Step by Step. P. 77; Hansard. Series 5. Vol. 339. Col. 360; Vol. 286. Col. 2074; *Черчилль У. С.* Мировой кризис. С. 185.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 301. Col. 666; Vol. 276. Col. 583, 600, 604;
Manchester W. Op. cit. P. 86.

См.: Documents. Vol. 12. P. 1324; Vol. 13. P. 41.

Цит. по: *Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. V. P. 716.*

Documents. Vol. 13. P. 166.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 310. Col. 1527, 1528, 2484, 2486; *Churchill W. S. Op. cit. P. 7; Manchester W. Op. cit. P. 187.*

См.: Documents. Vol. 13. P. 464, 465; *Gilbert M.* Op. cit. P. 822, 831.

См.: Documents. Vol. 13. P. 540, 492.

Documents. Vol. 13. P. 626.

См.: Documents. Vol. 13. P. 812; Hansard. Series 5. Vol. 330. Col. 1835; Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 1. С. 69, 189; Майский И. М. Кто помогал Гитлеру. М.: Издательство Института международных отношений, 1962. С. 55, 50; Halle K. Op. cit. P. 118; Manchester W. Op. cit. P. 364.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 862; *Некрич А. М.* Внешняя политика Англии в годы второй мировой войны (1939–1941). С. 12–19, 65–66.

После эмиграции из Венгрии изменил свое имя на Эмери Ривз.

См.: *Rose J.* The Literary Churchill: Author, Reader, Actor. P. 251–254; Hansard. Series 5. Vol. 339. Col. 370–371; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 134.

Строго говоря, дом 10 по Даунинг-стрит является резиденцией не премьер-министра, а первого лорда Казначейства. Как правило, глава британского правительства совмещает оба поста. Резиденция второго лорда (канцлера) Казначейства, который обычно возглавляет финансовое ведомство, находится рядом, в доме 11.

См.: Documents. Vol. 13. P. 1155, 1094; *Manchester W.* Op. cit. P. 364, 350, 353; *Черчилль У. С.* Указ. соч. С. 143.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 339. Col. 368, 370; *Churchill W. S.* The Second World War. Vol. I. P. 258–259.

Цит. по: *Rose J.* Op. cit. P. 267.

См.: Documents. Vol. 13. P. 1008; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 133, 170.

См.: Documents. Vol. 12. P. 859; Черчилль У. С. (ред.). Указ. соч. С. 193, 260; Churchill W. S. Why Not Dictatorship // Collier's. 1935. February 16. P. 14; Churchill W. S. What Good's a Constitution // Collier's. 1936. August 22. P. 39, 22; Churchill W. S. Dictators on Dynamite // Collier's. 1938. September 3. P. 26; Churchill W. S. The Infernal Twins // Collier's. 1937. July 3. P. 28, 13; Черчилль У. С. Мировой кризис. С. 596, 610; Gilbert M. Op. cit. P. 1044; Vol. IV. P. 906; Hansard. Series 5. Vol. 398. Col. 1803; Documents. Vol. 13. P. 813.

См.: Черчилль У. С. (ред.). Указ. соч. С. 180; Черчилль У. С. Указ. соч. С. 512, 596, 599; *Churchill W. S.* Can America Keep Out of War // *Collier's*. 1937. October 2. P. 38; *Churchill W. S.* Now or Never // *Collier's*. 1939. June 3. P. 10; *Gilbert M.* Op. cit. Vol. V. P. 788; *Churchill W. S., Churchill R. S.* Blood, Sweat, and Tears. P. 223.

См.: Documents. Vol. 13. P. 1429; *Черчилль У. С.* Указ. соч. С. 606;
Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 1. С. 163.

См.: *Churchill W. S. Now or Never* // *Collier's*. 1939. June 3. P. 9;
Черчилль У. С. Мировой кризис. С. 601, 605; *Gilbert M. Op. cit.* P. 1099.

См.: Documents. Vol. 13. P. 1591, 1592, 1601–1612; Vol. 14. P. 6;
Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 1. С. 197.

См.: Documents. Vol. 14. P. 63, 73, 223, 219, 724, 113, 167, 224; *Marder A. J.* From the Dardanelles to Oran. P. 117–119; *Bell C. M.* Churchill and Sea Power. P. 162–163, 165.

См.: *Jenkins R.* Churchill. P. 563–564; Documents. Vol. 14. P. 453–454, 587.

Documents. Vol. 14. Vol. 13. P. 1414–1417; Vol. 16. P. 1454; *Reynolds D.*
In Command of History. P. 114–119.

Documents. Vol. 14. P. 225–226.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 351. Col. 295, 1239–1246; *Nicolson N.* (ed.). Harold Nicolson, Diaries and Letters, 1939–1945. P. 37; *Eade C.* (ed.). The War Speeches. Vol. I. P. 111; *Wheeler-Bennett J.* (ed.). Action this Day. P. 16, 17; Documents. Vol. 14. P. 195, 304, 689–691; *Gilbert M.* Churchill: A Life. P. 633.

См.: *Marder A. J.* Op. cit. P. 166; *Bell C.* Op. cit. P. 169–170; *Roskill S.* Churchill and the Admirals. P. 93–94.

См.: Documents. Vol. 14. P. 482–485, 788, 493.

Documents. Vol. 14.. P. 909, 944, 946, 948, 952, 960, 961, 962–963, 965–966, 972, 982–983; *Spears L.* Assignment to Catastrophe. P. 97, 100; *Churchill W. S.* The Second World War. Vol. I. P. 460; *Colville J.* The Fringes of Power. P. 95; *Marder A. J.* Op. cit. P. 133–137.

См.: Documents. Vol. 14. P. 119, 180–182, 522–524, 553–556, 584–585, 587–588, 597–599.

Documents. Vol. 14. P. 524, 687; *Churchill W. S.* Op. cit. Vol. I. P. 432–433.

Churchill W. S. Op. cit. Vol. I. P. 1001; *Роскилл С.* Флот и война. Т. I. С. 136–140; *Roskill S.* Op. cit. P. 98–99; *Reynolds D.* Op. cit. P. 123; *Kiszely J.* Anatomy of a Campaign. P. 114–115.

Kiszely J. Anatomy of a Campaign. P. 138–139, 143–146, 153, 280–281;
Ismay H. The Memoirs of General the Lord Ismay. P. 111; *Черчилль У. С.*
Вторая мировая война. Т. 1. С. 299–301, 309; *Roskill S.* Op. cit. P. 105–106;
Marder A. J. Op. cit. P. 165; Documents. Vol. 14. P. 1107, 1116, 1118, 1120.

См.: *Ramsden J.* Man of the Century. P. 57; *Manchester W.* The Last Lion. Vol. II. P. 588; Documents. Vol. 14. P. 187.

См.: *Kiszely J.* Op. cit. P. 159, 215; *Ismay H.* Op. cit. P. 111; *Colville J.* Op. cit. P. 108.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 360. Col. 1283, 1348–1362.

См.: *Colville J.* Op. cit. P. 123; Documents. Vol. 14. P. 1262, 1268–1284.

См.: *Lukacs J.* Five Days in London. P. 14, 21–24, 67–68; *Reynolds D.* Op. cit. P. 177–178; *Lawlor S.* Churchill and the Politics of War. P. 33–35; *Eden R. A.* The Reckoning. P. 369.

Цит. по: *Roskill S.* Op. cit. P. 139.

См.: *Jenkins R.* Op. cit. P. 775–776; *Colville J.* Op. cit. P. 554; Documents. Vol. 21. P. 213.

См.: *Langworth R. M.* (ed.). Churchill by Himself. P. 526.

Цит. по: *Hastings M.* *Finest Years.* Р. 143.

См.: *Wheeler-Bennett J.* (ed.). Op. cit. P. 50–51; *Ramsden J.* Op. cit. P. 57–58; Documents. Vol. 15. P. 249, 1161; Vol. 6. P. 400; Vol. 16. P. 300; *Moran C.* Churchill at War. P. 15; *Eade C.* (ed.) Op. cit. Vol. II. P. 96, 404.

См.: *Colville J.* Op. cit. P. 412; *Черчилль У. С.* Указ. соч. Т. 2. С. 50, 93, 112, 246, 137, 84; *Churchill W. S.* Op. cit. Vol. II. P. 451, 246.

См.: Documents. Vol. 15. P. 248; *Reynolds D.* From World War to Cold War. P. 83; *Манчестер У., Рейд П.* Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. С. 207–208, 140, 725–726.

См.: *Ramsden J.* Op. cit. P. 67; *Черчилль У. С.* Указ. соч. С. 88.

См.: *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. VI. P. 775, 63, 774, 909; Vol. VII. P. 587; *Roberts A.* Hitler and Churchill. P. 8, 9.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. Vol. VII. P. 697, 809; *Halle K.* The Irrepressible Churchill. P. 141; *Colville J.* Op. cit. P. 341.

См.: *Churchill W. S. Thoughts and Adventures*. P. 29–30.

См.: *Manchester W.* Op. cit. Vol. I. P. 32, 359; Hansard. Series 5. Vol. 276. Col. 544; Vol. 364. Col. 1167; *Langworth R. M.* (ed.). Op. cit. P. 57; *Churchill W. S.* My Early Life. P. 202.

См.: *Eade C.* (ed.) *Op. cit.* Vol. I. P. 181, 195, 207.

См.: *Solti G.* Memoirs. Chicago.: A Capella Books, 1998. P. 53; *Eade C.* (ed.). Churchill by his Contemporaries. P. 200; *Mandela N.* Long Walk to Freedom. L.: Abacus, 1995. P. 58; *Hixon M.* Salote. Dunedin, N. Z.: U. Otago Press, 2000. P. 122.

Цит. по: *Moran C. Churchill: Struggle for Survival*. P. 9.

См.: Documents. Vol. 15. P. 753; Vol. 16. P. 63, 71, 234.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 3. С. 178; Т. 2. С. 24; Черчилль У. С. Мировой кризис. Ч. III. Кн. 1. С. 54; Ч. II. С. 251; Documents. Vol. 17. P. 691.

Documents. Vol. 15. P. 637, 238, 1110; Vol. 17. P. 1348.

Documents. Vol. 15. P. 860, 1130; Vol. 16. P. 265–266, 173–174; Vol. 17. P. 1428.

Documents. Vol. 17. P. 53; *Danchev A. Dilly-Dally, or Having the Last Word* // Journal of Contemporary History. Vol. 22. 1987. P. 21; Documents. Vol. 18. P. 552, 551, 1781; Vol. 16. P. 1391; Vol. 15. P. 779; *Eden R. A.* Op. cit. P. 331; *Dilks D.* (ed.) The Diaries of Sir Alexander Cadogan. P. 461; *Freudenberg G.* Churchill and Australia. P. 278; *Langworth R. M.* (ed.). Op. cit. P. 196; *Macmillan H.* War Diaries. Politics and War in the Mediterranean. P. 295; Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 2. С. 209; *Marder A. J.* Op. cit. P. 110.

См.: *Danchev A.* Op. cit. P. 27, 24, 28–29; *Brooke A.* War Diaries. P. 214, 96, 319; *Moran C.* Churchill at War. P. 61; *Keegan J.* (ed.) Churchill's Generals. P. 7; *Кингстон-Макклори Э. Дж.* Руководство войной. С. 222; *Reynolds D.* In Command of History. P. 342.

См.: *Brooke A.* Op. cit. P. 451, XXII; *Best G.* Churchill. P. 211.

Best G. Churchill. P. 212.

См.: Documents. Vol. 9. P. 1261; Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 5. С. 241; Т. 4. С. 251; *Gilbert M.* Op. cit. Vol. VII. P. 524; *Macmillan H.* Op. cit. P. 294.

См.: *Churchill W. S.* Second World War. Vol. IV. P. 78; *Jablonsky D.* Churchill: The Great Game and Total War. P. 125; *Langworth R. M.* (ed.). Op. cit. P. 484; *Brooke A.* Op. cit. P. XVI; *Moran C.* Op. cit. P. 88; Documents. Vol. 16. P. 590.

Eden R. A. Op. cit. P. 575.

См.: Documents. Vol. 15. P. 549; *Wheeler-Bennett J.* (ed.) Op. cit. P. 20, 22; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 499.

См.: *Churchill W. S.* My Early Life. P. 209; *Churchill W. S.* Second World War. Vol. II. P. 148; *Gilbert M.* Op. cit. Vol. VI. P. 746–747.

«Краб» представлял собой модифицированную версию американского танка «Шерман» с установкой на «Шермане» минного цепа — вращающегося цилиндра из утяжеленных цепей.

См.: Documents. Vol. 15. P. 942–943, 962; Vol. 17. P. 363, 1154–1155;
Colville J. Op. cit. P. 262, 275.

Цит. по: *Colville J.* Op. cit. P. 238.

Доктор Г. Тизард возглавлял Авиационный исследовательский комитет.

Композиционный материал, состоящий из 86 % замороженной воды и 14 % древесных опилок.

См.: Documents. Vol. 14. P. 467, 497; *Churchill W. S.* Op. cit. Vol. III. P. 597; *Reynolds D.* Op. cit. P. 374.

Clausewitz C. On War. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 46.

Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. С. 32–33.

Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 2. С. 30.

Цит. по.: *Hastings M.* Op. cit. P. 47.

См.: Documents. Vol. 15. P. 139, 148, 149–150, 348; *Churchill W. S.* Op. cit. Vol. II. P. 73; *Ismay H.* Op. cit. P. 131; *Reynolds D.* Op. cit. P. 278; Hansard. Series 5. Vol. 361. Col. 791.

См.: CAB 65/13. P. 179–180, 187; Documents. Vol. 15. P. 183.

См.: Манчестер У., Рейд П. Указ. соч. С. 130–131; *Hastings M.* Op. cit. P. 27, 105.

См.: *Churchill W. S.* Op. cit. Vol. II. P. 205; *Moran C.* Op. cit. P. 316.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 2. С. 226, 139, 86; Documents. Vol. 15. P. 422, 494–495, 496–498, 799, 221, 451; *Colville J.* Op. cit. P. 142, 145.

Eade C. (ed.) *The War Speeches*. Vol. I. P. 206.

См.: Documents. Vol. 15. P. 762, 960; *Eade C.* (ed.) Op. cit. Vol. II. P. 264.

См.: Documents. Vol. 18. P. 1728; Vol. 21. P. 778, 811; *Манчестер У., Рейд П.* Указ. соч. С. 970–971.

См.: Documents. Vol. 15. P. 478–479, 645–646, 588; *Bell C. M.* The *Singapore Strategy* and the Deterrence of Japan: Winston Churchill, the Admiralty and the Dispatch of Force Z // The English Historical Review. Vol. 116. № 467. June 2001. P. 605; *Roskill S.* Op. cit. P. 277.

См.: *Becket I.* Wavell / Churchill's Generals. P. 70–76; *Reynolds D.* Op. cit. P. 190–191.

См.: *Churchill W. S.* Op. cit. Vol. II. P. 479–480.

См.: Documents. Vol. 16. P. 212–214, 256–258; *Reynolds D.* Op. cit. P. 232–235; *Hastings M.* Op. cit. P. 126, 127.

См.: *Colville J.* Op. cit. P. 392; *Becket I.* Op. cit. P. 79–80; Documents. Vol. 16. P. 610, 830–831.

См.: Documents. Vol. 16. P. 878, 901–902, 970, 971, 1022–1024, 1348;
Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 3. С. 208–214; *Батлер Дж., Гуайер Дж.*
Большая стратегия. С. 147–152, 183–184.

Игра слов, *Dilly-Dally* означает на английском — колебаться, мешкать.

См.: *Reynolds D.* Op. cit. P. 257; Documents. Vol. 15. P. 501; Vol. 16. P. 1467; *Brooke A.* Op. cit. P. 192; *Hastings M.* Op. cit. P. 210; *Eden R. A.* Op. cit. P. 325.

См.: Батлер Дж., Гуайер Дж. Указ. соч. С. 212; Hansard. Series 5. Vol. 376. Col. 1360–1361; Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 3. С. 319; *Thompson W. H. Assignment Churchill*. P. 245.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 4. С. 11, 28–29; Documents. Vol. 15. P. 836; Vol. 16. P. 25; Vol. 17. P. 69, 1294, 106, 108; *Ismay H.* Op. cit. P. 246–247; *Brooke A.* Op. cit. P. 231; *Churchill W. S.* Op. cit. Vol. IV. P. 81.

См.: *Dilks D.* (ed.) *Op. cit.* P. 433; *Soames M.* *Clementine Churchill.* P. 368.

В качестве «утешения» он 27 апреля 1942 года получил титул 1-го виконта Маргессона Рагбийского.

См.: Documents. Vol. 17. P. 315, 631, 641–645, 648–650; Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 3. С. 133–134, 141–144; Т. 4. С. 179, 180; Батлер Дж., Гуайер Дж. Указ. соч. С. 338–341, 344–347; Warner P. Auchinleck / Churchill's Generals. P. 138.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 381. Col. 227–228, 528, 583, 608–610; *Pelling* H. Winston Churchill. P. 493.

См.: Documents. Vol. 17. P. 833, 1041–1045; *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Указ. соч. С. 496–498; *Черчилль У. С.* Указ. соч. Т. 4. С. 206–210, 279; *Reynolds D.* Op. cit. P. 307–308.

Churchill W. S. Op. cit. Vol. IV. P. 541.

См.: Documents. Vol. 18. P. 849; Vol. 19. P. 1533; Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 2. С. 266; *Soames M.* Winston and Clementine. P. 486.

См.: Documents. Vol. 15. P. 70–71, 255.

См.: *Голль Ш.* Военные мемуары: Призыв 1940–1942. М.: АСТ; Астрель, 2003. С. 123; Documents. Vol. 15. P. 341; *Colville J.* Op. cit. P. 234.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. Vol. VI. P. 972; Documents. Vol. 15. P. 1265;
Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 2. С. 270–280.

См.: Hansard. Series. 5. Vol. 369. Col. 1291–1292; Documents. Vol. 16. P. 372.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 2. С. 73–74; Т. 3. С. 180–181; *Gilbert M.* Op. cit. Vol. VI. P. 1050–1051.

См.: *Eade C.* (ed.) *Op. cit.* Vol. I. P. 450–454; *Colville J.* *Op. cit.* P. 404.

См.: *Hastings M.* Op. cit. P. 156. *Черчилль У. С.* Указ. соч. Т. 3. С. 229–230, 233, 235, 238, 207–208; Т. 4. С. 145; *Documents. Vol. 16.* P. 1091.

Documents. Vol. 16. P. 1132.

См.: *Churchill W. S.* Op. cit. Vol. III. P. 538; Documents. Vol. 16. P. 1580;
Moran C. Op. cit. P. 17–18.

Цит. по: *Манчестер У., Рейд П.* Указ. соч. С. 480.

По сокращенному произношению своей фамилии в детстве получил прозвище «Айк», которое закрепилось на всю жизнь.

Цит. по: История российской внешней разведки. Т. 4. С. 268.

Gilbert M. Op. cit. Vol. VII. P. 664.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 4. С. 295–296, 302–303; Documents. Vol. 17. P. 1373, 1477–1480, 1459; *Reynolds D.* Op. cit. P. 317; *Brooke A.* Op. cit. P. 346.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. Vol. VII. P. 260; *Eade C.* (ed.) Op. cit. Vol. II. P. 344; *Colville J.* Op. cit. P. 340.

Morison S. E. The Two Ocean War. Boston: Little, Brown, 1963. P. 239.

Цит. по: *Eade C.* (ed.) *Churchill by his Contemporaries*. P. 300–301.

Перевод М. Л. Лозинского.

См.: *Говард М.* Большая стратегия. С. 191–194, 258–261; Documents. Vol. 18. Р. 407–409, 426–428, 465–466, 551–552, 933–934, 937–938, 1781.

Цит. по: *Gilbert M. Churchill: A Life*. P. 748.

Цит. по: *Brooke A.* Op. cit. P. 416.

В отечественной литературе указанная операция, наследовавшая «Кузнечному молоту» и «Сбору», более известна не по переводу, а по огласовке — «Оверлорд». Во избежание путаницы ниже используется традиционное название.

Documents. Vol. 19. P. 423.

См.: *Brooke A.* Op. cit. P. 480; *Macmillan H.* Op. cit. P. 294.

См.: *Churchill W. S.* Op. cit. Vol. V. P. 322–323; *Brooke A.* Op. cit. P. 485; *Dilks D.* (ed.) Op. cit. P. 586; *Манчестер У., Рейд П.* Указ. соч. С. 829; *Wheeler-Bennett J.* (ed.). Op. cit. P. 96.

Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. VII. P. 606.

Цит. по: *Colville J.* Op. cit. P. 478.

См.: *Dilks D.* (ed.) Op. cit. P. 612, 618, 621; *Brooke A.* Op. cit. P. 541; *Churchill W. S.* Op. cit. Vol. V. P. 610; *Gilbert M.* Churchill: A Life. P. 774.

Цит. по: *Dilks D.* (ed.) Op. cit. P. 621.

Цит. по: *Манчестер У., Рейд П.* Указ. соч. С. 892.

См.: *Eisenhower D. D.* Crusade in Europe. P. 213; *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. VII. P. 794.

См.: Рейнолдс Д. Черчилль и «решение» Англии продолжать войну в 1940 г.: правильная политика, ложные причины // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 31; Documents. Vol. 15. P. 182; *Eisenhower D. D.* Op. cit. P. 266–267; *Reynolds D.* Op. cit. P. 394–395; *Reynolds D.* From World War to Cold War. P. 129–130.

См.: *Colville J.* Op. cit. P. 511; *Brooke A.* Op. cit. P. 589.

Hansard. Series. 5. Vol. 404. Col. 491.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 5. С. 123–124, 130, 183; *Moran C. Churchill. The Struggle for Survival*. P. 158–159.

См.: Documents. Vol. 20. P. 1930–1931; Hansard. Series. 5. Vol. 406. Col. 927–928.

См.: *Colville J.* Op. cit. P. 555; Documents. Vol. 21. P. 309, 392.

Documents. Vol. 21. P. 535.

См.: *Colville J.* Op. cit. P. 658; *Moran C.* Op. cit. P. 56.

Цит. по: *Манчестер У., Рейд П.* Указ. соч. С. 994.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 6. С. 362; *Churchill W. S. Thoughts and Adventures* P. 264; *Farmelo G. Churchill's Bomb*. P. 37–38, 292.

Цит. по: *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. VII. P. 1082.

В одном из избирательных округов Ланкашира выборы продлились до 19 июля из-за местного религиозного праздника.

См.: *Moran C. Churchill at War*. P. 341, 313; *Черчилль У. С. Вторая мировая война*. Т. 6. С. 388.

В 1945 году Эппинг был разделен на два избирательных округа — Эппинг и Вудфорд. Черчилль стал выставлять свою кандидатуру от Вудфорда.

См.: *Fishman J.* My Darling Clementine. P. 272; *Eden R. A.* The Reckoning. P. 551.

См.: *Moran C.* Op. cit. P. 352; *Gilbert M.* Op. cit. Vol. VIII. P. 111; Documents. Vol. 21. P. 1621; *Черчилль У. С.* (ред.). *Никогда не сдаваться.* С. 510–511, 512; *Soames M.* *Clementine Churchill.* P. 420.

Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 583.

Цит. по: *Moran C. Churchill. The Struggle for Survival. P. 75.*

Черчилль У. С. Мускулы мира. С. 500.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 476. Col. 2157; *Churchill R. S.* (ed.). Europe Unite. P. 83; *Churchill W. S.* The United States of Europe // *Finest Hour*. № 130. P. 47; *Ramsden J.* Man of the Century. P. 92.

См.: Coote C. R. (ed.). A Churchill Reader. P. 42; Fishman J. Op. cit. P. 89; Documents. Vol. 2. P. 947; Churchill W. S. Defense in the Pacific // Collier's. 1932. December 17. P. 12.

См.: Documents. Vol. 11. P. 1033, 1342.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. С. 275, 397; *Churchill W. S. Onwards to Victory*. P. 236; Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 4. С. 368.

См.: Черчилль У. С. Мускулы мира. С. 482; Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 6. С. 328; Documents. Vol. 21. P. 1390, 1589; Hansard. Series 5. Vol. 413. Col. 84; Soames M. Winston and Clementine. P. 541; Золотарев В. А. (ред.). Холодная война. Т. 2. С. 113; Rose J. The Literary Churchill: Author, Reader, Actor. P. 397; Langworth R. M. (ed.). Churchill by Himself. P. 64.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 204–206; *Warren S.* A Philosophy of International Politics / *Muller J. W.* (ed.). Churchill's *Iron Curtain* Speech Fifty Years Later. P. 104–105; *Ramsden J.* Op. cit. P. 171–172; *Churchill W. S.* Memoirs of the Second World War. P. 998.

См.: Documents. Vol. 22. P. 213, 241; *Ramsden J.* Op. cit. P. 180, 174–175.

В последующих американских планах количество населенных пунктов, которые должны подвергнуться ударам, как и количество используемых атомных бомб только возрастало: в плане «Клеши» (июль 1946 года) речь шла о 20 городах, в плане «Испепеляющий удар» (конец 1948 года) — о 70 городах с применением 133 атомных бомб, план «Молниеносный удар» (начало 1950 года) вообще предусматривал ликвидацию СССР как государства с уничтожением 200 городов и использованием 300 атомных бомб. См.: История российской внешней разведки. Т. 5. С. 36–38.

См.: *Ramsden J.* Op. cit. С. 35; *Уткин А. И.* СССР в осаде. С. 58–59; *Rahe P. A.* The Beginning of the Cold War / *Muller J. W.* (ed.). Op. cit. P. 64–65, 66–67.

См.: Documents. Vol. 22. P. 263–266.

В первоначальной редакции последними словами были: «в высокой степени невероятным событием».

См.: Ржешевский О. А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 98–123; *Dobbs M.* The Outcasts: What Did Churchill Tell Guy Burgess after Munich // *Finest Hour*. № 146. P. 17; *Reynolds D.* From World War to Cold War. P. 251; *Colville J.* The Fringes of Power. P. 563; Documents. Vol. 21. P. 1390; Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. С. 528; Уткин А. И. Указ. соч. С. 40.

Gilbert M. Op. cit. P. 140–141.

См.: *Wheeler-Bennett J.* (ed.). *Action this Day*. P. 110; *Манчестер У., Рейд П.* Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. С. 487; *Documents*. Vol. 22. P. 133, 513; *Gilbert M.* Op. cit. P. 229, 249, 792, 467; *Churchill R. S.* (ed.). Op. cit. P. 79–80; *Hansard*. Series 5. Vol. 446. Col. 561; Vol. 408. Col. 1284; *Черчилль У. С.* Мускулы мира. С. 503; *Langworth R. M.* (ed.). Op. cit. P. 462.

К выборам 1950 года этот документ опубликован под названием «Вот эта дорога».

Addison P. Churchill the Unexpected Hero. P. 219.

См.: *Langworth R. M.* (ed.). Op. cit. P. 321; *Halle K.* The Irrepressible Churchill. P. 227, 237; *Черчилль У. С.* (ред.). Указ. соч. С. 583; Hansard. Series 5. Vol. 444. Col. 205.

См.: *Halle K.* Op. cit. P. 225; *Черчилль У. С.* (ред.). Указ. соч. С. 594, 583–584, 573, 593, 570–571, 586–587; *Churchill R. S.* (ed.). Op. cit. P. 212, 344; *Hansard*. Series 5. Vol. 216. Col. 836; Vol. 434. Col. 1349; Vol. 441. Col. 1971; Vol. 458. Col. 228; Vol. 444. Col. 213; *Churchill R. S.* (ed.). *In the Balance*. P. 114.

Генри Джон Тампл 3-й виконт Пальмерстон — премьер в 1855–1858 и 1859–1865 годах, Уильям Гладстон — премьер в 1868–1874, 1880–1885, 1886 и 1892–1894 годах, Бенджамин Дизраэли 1-й граф Биконсфилд — премьер в 1868 и 1874–1880 годах.

Soames M. Clementine Churchill. P. 468.

Цит. по: *Halle K.* Op. cit. P. 230.

1 фунт стерлингов равен 20 шиллингам; до 1971 года 1 шиллинг равнялся 12 пенсам, а 1 фунт — 240 пенсам.

См.: Documents. Vol. 22. P. 354–355, 465–466, 487–489; *Reynolds D.* In Command of History. P. 56, 59.

Цит. по.: *Halle K.* Op. cit. P. 231.

См.: Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 1. С. 7; Т. 3. С. 5; Т. 4. С. 5; Addison P. Op. cit. P. 226.

Цит. по: *Gilbert M.* Op. cit. P. 331.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 1. С. 8, 5, 7, 18, 310, 151, 150; *Churchill* W. S. The Second World War. Vol. I. P. 33, 339; Hansard. Series 5. Vol. 299. Col. 1062; Vol. 364. Col. 1132; Vol. 408. Col. 1276.

Цит. по: *Reynolds D.* Op. cit. P. 213.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 397. Col. 680, 687–688; Vol. 408. Col. 1277; Vol. 403. Col. 477; Vol. 402. Col. 1474; *Thompson W. H.* I was Churchill's Shadow. P. 146.

Свыше тысячи страниц американского издания и почти 940 — британского.

Documents. Vol. 22. P. 1842.

Цит. по: *Reynolds D.* Op. cit. P. 289.

Reynolds D. Op. cit. P. 424.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 5. С. 365; *Churchill W. S. Op. cit. Vol. V. P. 229–231, 540–541; Reynolds D. Op. cit. P. 396.*

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 4. С. 254; Documents. Vol. 19. P. 1423, 2267.

В оригинале у Киплинга: «If you can meet with Triumph and Disaster / And treat those two impostors just the same» («Если ты, встречаясь с триумфом и несчастьем, способен одинаково к ним относиться, понимая, что они оба лживы»).

См.: *Reynolds D.* Op. cit. P. 436–437, 475–476, 440; Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 6. С. 115; *Churchill W. S.* Op. cit. Vol. VI. P. 124.

455

В скобках указан год присуждения премии.

Первоначально Нобель написал *idealirad*, скорее всего имея в виду *idealiserad* (идеализированный), но затем последний слог — *rad* был исправлен на — *sk* и получилось «идеальный». В большинстве русскоязычных переводов завещания принято говорить об «идеалистической» направленности премируемых произведений.

См.: *Soames M.* Winston and Clementine. P. 575; *Ramsden J.* Op. cit. P. 129; *Browne A. M.* Op. cit. P. 133; *Coote C. R.* (ed.). Op. cit. P. 66, 67, 405.

См.: *Churchill W. S. Memoirs of the Second World War*. P. 995, 1000, 1001.

См.: *Churchill W. S. The Second World War. Vol. III. P. 638*; *Черчилль У. С. Мускулы мира. С. 391*; *Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 1. С. 57–58, 19.*

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 1. С. 10, 15, 72, 19, 37, 58, 153, 154, 87; Т. 3. С. 88, 87; Т. 4. С. 35; *Churchill W. S. Op. cit. Vol. I. P. 69; Documents. Vol. 22. P. 876.*

См.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 315; *Rose J.* Op. cit. P. 154; *Черчилль У. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 7; Т. 4. С. 5; Т. 5. С. 5; Т. 6. С. 5.

См.: *Colville J.* Op. cit. P. 640; *Dilks D.* The Queen and Mr. Churchill // *Finest Hour*. № 135. P. 51; *Hansard*. Series 5. Vol. 495. Col. 959–962.

Кавалер орденов «За заслуги» (*Order of Merit*), «Почета» (*Companions of Honour*), член парламента (*Member of Parliament*), тайный советник (*Privy Councillor*) и кавалер ордена Подвязки (*Knight of the Garter*).

Необычайно красивая (*фр.*).

См.: *Graebner W.* My Dear Mr. Churchill. P. 101; *Moran C.* Op. cit. P. 108, 326, 112, 87; *Hart-Davis D.* (ed.). King's Counsellor. P. 340; *Browne A. M.* Op. cit. P. 174.

Цит. по: *Джонсон П. Черчилль*. С. 169.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 520. Col. 30; Vol. 537. Col. 1893–1899;
Churchill R. S. (ed.). *Stemming the Tide*. P. 135.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 446. Col. 561; Vol. 520. Col. 29; Vol. 493. Col. 79; *Churchill R. S.* (ed.). *In the Balance*. P. 206; Documents. Vol. 22. P. 2149.

Documents. Vol. 22. Vol. 23. P. 14.

Documents. Vol. 23. P. 14; Vol. 22. P. 598, 613; *Reynolds D.* From World War to Cold War. P. 263.

Colville J. Op. cit. P. 650.

См.: Documents. Vol. 23. P. 713; *Ferrell R. H.* (ed.). The Eisenhower Diaries. NY.: W. W. Norton and Company, 1981. P. 222–223.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 805, 827; *Churchill W. S.* Memoirs of the Second World War. P. 1007; *Moran C.* Op. cit. P. 112; *Farmelo G.* Churchill's Bomb. P. 401.

См.: *Moran C.* Op. cit. P. 150, 149, 116, 228, 146; *Colville J.* Op. cit. P. 672; Черчилль У. С. Мировой кризис. Ч. III. Кн. 1. С. 246.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 515. Col. 897.

См.: *Moran C.* Op. cit. P. 117, 118, 120–121; *Colville J.* Op. cit. P. 668–669; *Soames M.* Clementine Churchill. P. 473–475; *Gilbert M.* Op. cit. P. 848–850; *Macmillan H.* The Tides of Fortune. P. 514.

Цит. по: *Moran C.* Op. cit. P. 157.

См.: *Colville J.* Op. cit. P. 682, 683, 686; *Moran C.* Op. cit. P. 228; *Gilbert M.* Op. cit. P. 923, 1250–1251; *Уткин А. И.* Подъем и падение Запада. С. 238; *Browne A. M.* Op. cit. P. 157.

См.: *Colville J.* Op. cit. P. 671; *Coote C. R.* (ed.). Op. cit. P. 66–67.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 1006–1007; *Colville J.* Op. cit. P. 673, 697–698.

См.: *Wheeler-Bennett J.* (ed.) Op. cit. P. 119, 72; *Colville J.* Op. cit. P. 637; *Gilbert M.* Op. cit. P. 718; *Moran C.* Op. cit. P. 238, 270, 247.

См.: *Halle K.* Op. cit. P. 245; *Butler R. A.* Art of the Possible. L.: Hamish Hamilton, 1971. P. 173; *Shuckburgh E.* Descent to Suez: Diaries, 1951–1956. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1986. P. 145; *Colville J.* Op. cit. P. 705.

Исключение составили лишь 26 из 625 парламентариев, пожелавшие показать непреклонностью глубину своих противоречий с премьер-министром.

См.: *Moran C.* Op. cit. P. 620; *Soames M.* Op. cit. P. 488, 551; *Ramsden J.* Op. cit. P. 90; Черчилль У. С. (ред.). Указ. соч. С. 624; *Browne A. M.* Op. cit. P. 171; *Gilbert M.* Op. cit. P. 1253, 1076; Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. С. 418; *Gilbert M.* Op. cit. P. 1076.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 537. Col. 1893–1905.

См.: *Moran C.* Op. cit. P. 365, 85; *Gilbert M.* Op. cit. P. 327, 1125; *Browne A. M.* Op. cit. P. 182.

См.: *Moran C.* Op. cit. P. 373; *Soames M.* Op. cit. P. 495; *Gilbert M.* Op. cit. P. 1126, 1128; *Colville J.* Op. cit. P. 708; *Browne A. M.* Op. cit. P. 213.

См.: *Moran C.* Op. cit. P. 405; *Churchill W. S.* Op. cit. P. 1015–1016.

См.: *Moran C.* Op. cit. P. 235, 340, 376, 406, 415.

Ashley M. Churchill as Historian. P. 8, 15.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 310. Col. 2482; Vol. 333. Col. 98; Vol. 362. Col. 52; Vol. 339. Col. 367; *Churchill R. S.* (ed.). *Stemming the Tide*. P. 217; *Churchill R. S.* (ed.). *The Sinews of Peace*. P. 92; Черчилль У. С. История англоязычных народов. Т. 1. С. 289, 31.

См.: Documents. Vol. 13. P. 1404; *Green J. R.* A Short History of the English People. N. Y.: Harper and Brothers, 1878. P. 39; *Clarke P.* Mr Churchill's Profession. P. 216, 217.

Documents. Vol. 13. P. 1316.

Documents. Vol. 22. P. 179–180.

См.: *Moran C.* Op. cit. P. 173; Documents. Vol. 23. P. 1208; *Gilbert M.* Op. cit. P. 891.

См.: *Moran C.* Op. cit. P. 386, 379.

См.: *Browne A. M.* Op. cit. P. 192; *Ashley M.* Op. cit. P. 212–213; *Gilbert M.* Op. cit. P. 1212; *Moran C.* Op. cit. P. 395.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 1. С. 21; *Lukacs J.* Churchill: Visionary. Statesman. Historian. P. 102; *Weidhorn M.* Sword and Pen. P. 207.

См.: Черчилль У. С. Указ соч. Т. 4. С. 278, 237, 27; Т. 1. С. 527, 58, 82; Т. 3. С. 144; *Churchill W. S. A History of the English — Speaking Peoples. Vol. I. P. 44.*

Король должен подчиняться не людям, а Богу и закону (*лат.*).

См.: Documents. Vol. 13. P. 1445; *Gilbert M.* Op. cit. Vol. V. P. 1032; *Черчилль У. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 29, 285, 282, 203, 302–305, 29–30, 281–282; Т. 4. С. 17; *Johnson B.* The Churchill Factor. P. 309.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 4. С. 310; Т. 1. С. 28, 169–170; Hansard. Series 5. Vol. 376. Col. 1688.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 1. С. 38, 240; *Graebner W.* Op. cit. P. 87; *Moran C.* Op. cit. P. 44, 263, 318.

См.: *Churchill R. S.* (ed.). *Stemming the Tide*. P. 332; *Hansard*. Series 5. Vol. 385. Col. 2109; Vol. 393. Col. 404; *Churchill R. S.* (ed.). *In the Balance*. P. 47; *Churchill W. S.* *The Second World War*. Vol. VI. P. 643; *Langworth R. M.* (ed.). *Op. cit.* P. 490.

См.: *Moran C. Churchill at War*. P. 224; Hansard. Series 5. Vol. 502. Col. 2037; *Moran C. Churchill. The Struggle for Survival*. P. 280.

См.: Черчилль У. С. Указ. соч. Т. 1. С. 39, 41, 42–43, 363, 383.

См.: *Gilbert M.* Op. cit. Vol. VIII. P. 466; Hansard. Series 5. Vol. 537. Col. 1893; *Colville J.* Op. cit. P. 682.

Цит. по: *Gilbert M.* Op. cit. P. 816.

509

25 069 голосов против 9261 в 1955 году и 24 815 против 10 018 в 1959-м.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 614. Col. 871; Vol. 640. Col. 179W; Vol. 650. Col. 609; *Soames M.* Winston and Clementine. P. 621; *Gilbert M.* Op. cit. P. 1250.

См.: Черчилль У. С. Мировой кризис. С. 604; *Churchill W. S. Onwards to Victory*. P. 55, 56.

См.: *Kersaudy F.* Churchill and De Gaulle. P. 428; *Ramsden J.* Op. cit. P. 3, 80, 142, 84, 86, 93–94, 346, 348–350, 357.

См.: Documents. Vol. 22. P. 665; Vol. 23. P. 811, 2358; *Soames M.* Op. cit. P. 625; *Soames M.* Clementine Churchill. P. 524.

См.: *Moran C.* Op. cit. P. 269; *Soames M.* Op. cit. P. 521; *Churchill S. S.* A Thread in the Tapestry. P. 19.

Documents. Vol. 23. P. 2342.

См.: Hansard. Series 5. Vol. 699. Col. 1248; *Soames M.* Op. cit. P. 534–535; *Browne A. M.* Op. cit. P. 325.

См.: Documents. Vol. 23. P. 1549; *Gilbert M.* Op. cit. P. 308; *McGowan N.* My Years with Churchill. P. 96; *Halle K.* Op. cit. P. 293; *Langworth R. M.* (ed.). Op. cit. P. 509, 20.

Цит. по.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 1359.

Colville J. Churchill's England: He had No Use For Second Best // *Finest Hour*. № 41. P. 7.

Browne A. M. Op. cit. P. 325.

Например, во время похорон Веллингтона и Гладстона королева не присутствовала при отпевании, а в случае с Гладстоном статус государственных похорон был определен парламентом и навязан августейшей особе.

У. Шекспир. Юлий Цезарь. Акт III. Сцена 1. Перевод М. А. Зенкевича.

См.: Черчилль У. С. Саврола. С. 127, 231; *Churchill S. S.* Op. cit. P. 17;
Browne A. M. Op. cit. P. 302–303.